

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова

**МАРТЯНОВСКИЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ
(2010-2011)**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

ВЫПУСК VII

минусинск 2012

ББК 63,3 (253)
УДК 930-9

Мартьяновские краеведческие чтения (2010-2011 гг.). Вып. VII. Сборник докладов и сообщений. г. Абакан. ООО «Кооператив «Журналист». 2012. – 400 с.

Ответственный за выпуск – Н.А. Голованенко

Редакционный совет – Л.Н. Ермолаева, В.Г. Чернышева, Т.А. Ключников.

Вёрстка, технический редактор – О.В. Войда, программист музея им. Н.М.Мартьянова.

Данный сборник является 7 выпуском докладов и сообщений, которые были представлены учёными, исследователями, краеведами, преподавателями, сотрудниками музеев и работниками библиотек на XIX и XX Мартьяновских чтениях в 2010 и 2011 гг. В сборник вошло 115 сообщений и докладов, посвящённых различным темам: истории Сибири, краеведению, музейному делу, археологии и образованию.

662608, г. Минусинск, ул. Ленина,60, тел./факс:8 (39132) 2-22-97,
e-mail: martianov-muzey@mail.ru

© Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.
Мартьянова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ I. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

В.В. Булгакова, Е.А. Москвина. Совместный проект «Библиотека и музей. Хранители духовного наследия»: опыт реализации.....	8
Т.Е. Верещагина. Тридцатилетний путь Туранского музея им. Сафьяновых. Проблемы и достижения.....	9
Т.В. Воеводин. Музейная инсталляция «Время и календари».....	14
М.О. Дыртык-оол. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва в специальном проекте «Тос эртине» (Девять драгоценностей), посвящённому Году Туризма.....	16
Л.Н. Ермолаева, О.И. Боярченко. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова и его собрание.....	19
В.М. Мельникова. История Сибири в литературе XIX в. Описание коллекции книг из фондов музея-заповедника «Шушенское».....	21
И.А. Янгулова. Труд во имя Победы – тема указателя «Война далёкая и близкая».....	26
Н.Я. Артамонова. Власть и музейное дело в Восточной Сибири в 1920-1930-е гг.....	29
Л.К. Базыр. Культурное развитие Тувинской Народной Республики в экспозиции Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. К 90-летию Тувинской Народной Республики: 1921-1944.....	34
Г.М. Белошапкина. Роль школьного краеведческого музея в патриотическом воспитании школьников.....	38
Н.А. Голованенко. История одного портрета.....	40
Л.Н. Ермолаева, Е.Ю. Сидорина, В.Г. Чернышёва. Минусинский музей и Русское Географическое общество.....	42
Н.В. Кононова. Межкультурная коммуникация и проблемы перевода. Из опыта работы музея-заповедника «Шушенское» с иностранными туристами.....	47
В.М. Мельникова. Енисейская губерния в печатных изданиях сибирского края нач. XX в. Описание коллекции книг из фондов Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское».....	51
Т.А. Мерикина. Коллекции Новосыдинского школьного музея.....	55
К.Ш. Монгуш. Из опыта собирательской работы.....	57
Ш.Х. Монгуш. Виды и значения орнаментов на когээржиках (по материалам коллекции когээржиков из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва).....	60
И.И. Негодина. Продукция Гусевского стекольного завода в собрании Минусинского музея.....	63
В.С. Пилипенко. Герои произведений Ф.М. Достоевского на сценах уличного и музейного театров	66
О.В. Прозорович. Некоторые аспекты построения постоянной историко-краеведческой экспозиции «Северск. 60 лет истории» в Музее г. Северска.....	68
Т.И. Рябчевская. Единомышленники, создатели и хранители первых музеев Енисейской губернии.....	71
Е.Д. Трухан. Особенности проведения экскурсий в образно-сюжетной экспозиции на примере Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.....	74
В.Г. Чернышёва. О коллекции Минусинского музея предметов шаманского культа и подготовке каталога «Шаманизм и этнореальность».....	79
Л.И. Порошина. Экспедиции Минусинского музея в Республику Тыва и пополнение коллекции, отражающей традиционный быт и культуры тувинцев.....	82

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ СИБИРИ

Н.А. Баранцева. Основные этапы демографической модернизации Красноярского края в XX в.....	87
Т.А. Кискидосова. Город Минусинск во втор. пол. XIX – нач. XX в.	92
С.В. Леончик. Енисейская губерния и Урянхайский край во время гражданской войны в описании Фердинанда Антония Оссендовского.....	95
А.И. Погребняк. Винокуренная промышленность Енисейской губернии в XIX – нач. XX вв.	98
А.И. Погребняк, С.В. Богданов. История торговли Сибирского региона: вопросы источниковедения.....	102
У.В. Светачева. Материнство и материнская власть в традиционной русской семье.....	106

В.В. Филиппов. Формирование авиационных полков для фронта на территории Красноярского края в 1941-1942 гг.	108
А.П. Шекшеев. Государственные налоговые кампании и крестьянский протест в Хакасии (1927-1929 гг.).....	112
Н.А. Баранцева. К вопросу об этнодемографическом и этнокультурном развитии татар юга средней Сибири в кон. XIX – XX вв.	119
В.А. Бурнаков. Образ волка в традиционных представлениях хакасов	124
Т.А. Кискидосова. Кинематограф в повседневной жизни горожан Енисейской губернии в нач. XX в.	126
Е.В. Леонтьев. О наборе рекрутов на юге Красноярского уезда по сведениям ревизских сказок 1816 г.	129
Е.В. Леонтьев. Село Минусинское по материалам исповедных росписей и ревизских сказок 1812 г.	130
Е.В. Леонтьев. Старожилы и переселенцы Минусинского уезда (округа) во втор. пол. XIX– нач. XX в.: география расселения.	138
Г.В. Малашин. Особенности освоения в современном информационном контексте темы «История Православной Церкви в Красноярском крае в период Великой Отечественной войны»	146
С.В. Махина. Развитие и распространение пчеловодства в Красноярском крае. Экологические проблемы развития	152
С.В. Махина, В.А. Перезовова. Вопросы качества современных пищевых продуктов и культуры питания жителей Красноярского края	156
А.В. Мохова. Реформа высшей медицинской школы в 1930-х гг. и её влияние на здравоохранение Хакасии	159
Е.Н. Муковозчикова, П.О. Маерков. Влияние антропогенной нагрузки на экологию подземных и поверхностных вод окрестностей с. Орешное Манского района	162
Р.В. Оплаканская. Инославные подданные Российской империи на службе в Отдельном Сибирском корпусе во второй четверти XIX в. (На примере выходцев из Королевства Польского и западных губерний Российской империи)	163
А.И. Погребняк. Развитие предпринимательства в Сибири в кон. XX в.	168
Е. Потылицын. Деятельность архиепископа Димитрия (Вологодского) как управляющего Минусинской и Усинской епархий	172
М.В. Романченко, В.С.Титова. Послевоенный голод 1946-1947 гг. в сибирской деревне на примере Курагинского района	179
Н.Н. Скоробогатова. Условья жизни польских политических ссыльных в сёлах и провинциальных городах Южной Сибири. (Минусинский округ)	185
Д.Ю. Хоменко. Степень христианизации хакасов в конце XIX в. (по сообщениям приходских священников)	189
В.П. Чебодаева. Мобилизация женщин Хакасии в начальный период Великой Отечественной войны	191

РАЗДЕЛ III. АРХЕОЛОГИЯ

Е.Ю. Аланд. Опыт музеефикации археологических объектов в Республике Хакасия	193
А.В. Герман. Петроглифы тагарской культуры, найденные при раскопках могильников Усть-Сос 8,9	195
Е.Г. Жужгина. Из истории Бейской археологической экспедиции	197
А.Л. Заика. Шалаболинская писаница: вопросы музеефикации	201
Э.В. Угдыжекков. Раковины каури как древняя валюта Старого Света	205
Д.В. Шрам. Уникальность Окуневского погребального обряда в сравнении его с погребальными обрядами предшествующих и последующих эпох	207

РАЗДЕЛ IV. КРАЕВЕДЕНИЕ

Л.Н. Баяндин. Угольные месторождения Алтайского района. (История Изыхских копей)	210
Т.М. Берняйткая. Выпускники 1941 года Краснотуранской средней школы	214

Т.Е. Верещагина. Школа в Уюке – история создания. (Посвящается 100-летию школы и 100-летию со дня рождения М.В. Янчевецкого)	216
Т.В. Волкова. Состояние домов инвалидов в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны	220
А.А. Горячева. Из истории празднования Октябрьской революции в Красноярске в 1923 г.	223
И.Н. Дмитриенко. Из истории с. Николо-Петровка	224
А.В. Зарубенко. Из истории минусинского клуба «Морское братство»	225
А.Е. Калюга. Золотоносная Артёмовка	228
А.Е. Калюга. Об истории развития коневодства на территории Курагинского района (1920-50 гг.)	231
Г.Г. Канкеева. Поэтическое творчество минусинцев-фронтовиков	234
Г.Г. Канкеева. Десять лет проекту «Человек года»	239
А.В. Мохова. Подготовка национальных медицинских кадров Хакасии в 30-х гг. XX в.	242
В.С. Пилипенко. Верхне-Островская площадка – как историко-краеведческий объект спецпереселенцев Сталинска	247
А.А. Шадрин. Откровения открытых душ	250
Л.Н. Баяндин. История образования с. Кирово Алтайского (Минусинского) района	253
Т.М. Берняцкая. Страницы истории Абаканской МТС	258
А. Болотников. Минусинск на популярных ресурсах интернета или интернет в Минусинске	261
Т.Е. Верещагина. Туранский храм Св. Иннокентия и его первый священник В. Юневич (К 100-летию первого православного храма в Туве)	264
А.Е. Калюга. Школа труда и жизни (Об истории Артемовской ФЗО № 4)	267
В.К. Лушников. Изменение повседневной жизни населения Хакасской автономной области и южных районов Красноярского края, вызванные началом Великой Отечественной войны	273
В.А. Наумов. Народное образование в Боготольской волости 100 лет назад	276
Ю.К. Троякова. Союз писателей Хакасии в 1950-1960-е гг.: опыт формирования и деятельности	279
В.В. Филиппов. Подарки фронту или «Судьба именной эскадрильи»	283

РАЗДЕЛ V. ОБРАЗОВАНИЕ

Е.Н. Ващенко. Психологический портрет молодежи XX-XXI вв.: на примере студентов Минусинского сельскохозяйственного колледжа	287
И.Г. Кудрявцева, Н.Г. Устинова. Сибирской земли голоса... ..	288
Н.Н. Гельд. Организация научно-исследовательской деятельности в краеведении	291
Н.П. Леонтьева. Партнёрство музея и кабинета истории Минусинского сельскохозяйственного колледжа по созданию информационных краеведческих проектов	292
Л.М. Медведева. Школьное краеведение как одна из форм воспитания патриотизма	294
Е.В. Ткачёва. Минусинский сельскохозяйственный колледж: рубежи и современность	298
С.В. Чипура. Современное состояние детского эколого-краеведческого туризма в г. Красноярске. Приоритетные направления и перспективы	300

РАЗДЕЛ VI. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

А.В. Броднева. Владимир Игнатьевич Соколовский (1808-1839). К 180-летию «Красноярской литературной беседы»	302
Г.Д. Гусева. Из истории семьи Ситник	306
В.В. Ермилова. Черкасов и Минусинск	309
М.В. Злобин. Иван Петрович Чучалин – один из представителей рода Чучалиных (с. Тигрицкое, Минусинский район)	311
Ю.К. Махно. Т.М. Бондарев и Минусинский музей. О взаимоотношениях крестьянина-самородка с минусинской интеллигенцией	314
В.Ф. Сёмочкина, М. Белова. «Идёт в шинели молодость моя...» Об Евдокии Гавриловне Крючковой (Бурдыко)	319
Е.Ю. Сидорина. А.В. Амфитеатров и Минусинск	321
Н.Н. Скоробогатова. Страницы биографии первого учителя с. Шушенского Д.В. Пржигодского	324
Н.С. Малкова, А.Н. Тимофеев. Гудков Павел Козьмич и Тимофеев Яков Фёдорович	327
А.Н. Тимофеев. Гудков Павел Павлович	329

Л.П. Чащина. «Учитель... Перед именем твоим...»	331
А.П. Шекшеев. Василий Григорьевич Яковенко. Неизвестные страницы жизни сибирского партизана	333
Н.И. Андрияшева. Тропую Мартьянова	341
А.Я. Березовский. Путешествие П.С. Палласа по территории современного Ширинского района Республики Хакасия	342
А.С. Вдовин, С.В. Кузьминых. В.А. Городцов в Минусинске (1924 г.)	345
Т.С. Комарова. Переписка Н.М. Ядринцева с детьми	350
Е.И. Кочкина. К биографии Вениамина Степановича Боровца – исследователя гражданской войны в Сибири	354
Л.А. Кривченко. Из истории жизни эмигрантской поэтессы Лариссы Николаевны Андерсен	357
Е.П. Мамышева. Г.П. Бытозов (1902-1938 гг.)	360
Ю.К. Махно. Письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому: текст и комментарии	363
Е.Ю. Сидорина. Вклад Г.П. Сафьянова в изучение Приенисейского края (по периодическим печатным изданиям научной библиотеки Минусинского музея)	370
Е.Ю. Сидорина. Джордж Кеннан и его книги в собрании научной библиотеки Минусинского музея	373
К.И. Султанбаева. Сотрудничество сибирских просветителей Н.Ф. Катанова и Н.М. Мартьянова	376
В.И. Терентьева. Портрет на фоне эпохи. К 140-летию со дня рождения Анатолия Ванеева (1872-1899)	381
В.И. Терентьева. Памяти художника Анатолия Ивановича Чехлова	384
А.Н. Тимофеев. Календарь Мартьянова (реконструкция биографии)	386
Л.П. Чащина. Федот Самков – строитель первого каменного здания с. Минусинского	389
Аббревиатуры, встречающиеся в тексте	392
СПИСОК АВТОРОВ.....	394

ОТ РЕДАКЦИИ

Седьмой сборник докладов и сообщений Мартъяновских краеведческих чтений вышел в свет в знаменательный год для Минусинского музея им. Н.М.Мартъянова - в 135-летний юбилей со дня основания. Символичным является и то, что его издание частично осуществлено на средства, полученные в рамках Премии Всероссийского историко-литературного конкурса «Александр Невский», которой был удостоен Минусинский музей в 2012 г. за проект «Дни памяти основателя музея Николая Михайловича Мартъянова».

В настоящее издание вошли работы учёных, музейных работников, краеведов и педагогов Сибири и Дальнего Востока, в т. ч. д.и.н., профессора ХГУ им. Н.Ф. Катанова Н.Я. Артамоновой, д.и.н. С.В. Леончика (г. Абакан), к.и.н. В.А. Бурнакова (г. Новосибирск), Т.А. Кискидосовой (г. Абакан), А.П. Шекшеева (г. Абакан), А.С. Вдовина (Красноярск), А.Л. Заики (г. Красноярск) и др.

В сборнике также опубликовано последнее сообщение известного журналиста, ветерана Великой Отечественной войны, Заслуженного работника культуры РСФСР (1975 г.), более 20 лет возглавлявшего Минусинский клуб «Краевед» Шадрин Афанасия Артемьевича (1918-2012 гг.). Значительная часть материалов освещает различные аспекты музейной деятельности: историю, вопросы построения экспозиций, внедрения новых методов и форм работы экскурсоводов с посетителями, даётся характеристика различных музейных собраний и коллекций. Впервые уделяется внимание проблеме межкультурной коммуникации и перевода слов с ярко выраженной национальной спецификой.

Разделы «История Сибири» и «Краеведение» охватывают достаточно большой период времени - от нач. XIX в. до сегодняшнего дня. Исследователи находят неизвестные или малоизвестные страницы Великой Отечественной войны, истории заселения Минусинского края, гражданской войны и установления советской власти, истории кинематографии и торговли, развития пчеловодства в Сибири. В одном из этих разделов представлены исследования в области этнографии.

Всё чаще краеведы, учёные обращаются к истории Русской Православной Церкви на территории Красноярского края и Тувы. В данном сборнике опубликовано несколько работ, посвящённой этой теме. Судьба человека в контексте истории региона рассматривается в настоящем издании многими авторами сообщений. Впервые краеведом А.Н. Тимофеевым (г. Красноярск) представлена реконструкция биографии Мартъянова Н.Н., сына основателя Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартъянова с неизвестными ранее биографическими фактами, петролога, основателя школы микроанализа Гудкова П.П. В работе А.П. Шекшеева прослежена судьба сибирского партизана, наркома земледелия В.Г. Яковенко. В сборнике читатель найдёт интересные факты из жизни многих известных и малоизвестных людей, имеющих отношение к истории Сибири.

РАЗДЕЛ I. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

В.В. Булгакова, Е.А. Москвина,
г. Кемерово

Совместный проект «Библиотека и музей. Хранители духовного наследия»: опыт реализации

Уже около двух лет Централизованная библиотечная система г. Кемерово и музей-заповедник «Томская Писаница» реализуют совместный проект «Библиотека и музей. Хранители духовного наследия». Данный проект направлен на создание единого культурного пространства и расширение информационных возможностей и услуг двух учреждений культуры. За период работы с 2008 по 2010 гг. была сформирована эффективная модель долгосрочного сотрудничества и накоплен богатый опыт по организации совместных выставок и различных культурных мероприятий.

В рамках данного проекта проходят следующие мероприятия: совместные выставки, на которых проводятся экскурсии, мастер-классы, круглые столы, творческие встречи. За время совместного сотрудничества в пяти библиотеках города прошли следующие выставки разной тематической направленности: «Образы, знаки, символы», «Это было недавно, это было давно», «Распространение православия в Сибири», «Предметы мира иного», «Чёрное золото Кузбасса», «Чудный Божий свет», «Богатства недр земли Кузнецкой», «Самоцветы земли Кузнецкой», «Новый год встречаем – подарки получаем». На выставках экспонируются предметы из фондов музея-заповедника, реплики, книги из фондов библиотек, а так же представлен развёрнутый текстовый и иллюстративный материал.

Экскурсии проводят как сотрудники музея, так и библиотекари, а на выставках, посвящённых православию, мероприятие проводил сотрудник Кемеровской и Новокузнецкой епархии. Кроме экскурсий в стенах библиотек прошли мастер-классы по изготовлению домашних оберегов, заседание круглого стола «Опыт партнёрства библиотеки и музея», где сотрудниками музеев и библиотек области обсуждались возможности и перспективы дальнейшего сотрудничества различных учреждений культуры. Были организованы презентации книг сотрудников музея-заповедника и творческие встречи, на которых гости и постоянные пользователи библиотек узнавали о специфике работы музейных сотрудников, археологов и этнографов.

Посетители выставок – это организованные группы учащихся школ и вузов г. Кемерово, а так же постоянные пользователи библиотек, которые заходят не только для того, что бы взять литературу, но и воспользоваться другими услугами библиотек (ксерокопирование, набор текста и пр.).

За время реализации совместного проекта сложились тесные и творческие партнёрские отношения с тремя библиотеками города. Сотрудники этих библиотек активно включаются в процесс создания совместных выставок, работают с фондовым материалом музея.

При подготовке каждой выставки учитываются особенности предоставляемых площадей (как правило, читальные залы), наличие витрин, которых в библиотеках ограниченное количество. Поэтому предпочтение отдаётся предметам из научно-вспомогательного, обменного фонда, репликам, иллюстрациям, плоскостным материалам (размещение на стеллажах и стенах), крупногабаритным предметам.

Совместное сотрудничество даёт возможность музею не только представить предметы, находящиеся в его запасниках (на выставках уже экспонировалось более 350 предметов ОФ, 20

НВФ, и 260 предметов вспомогательного материала), но и стать ближе к жителям города (сам музей-заповедник находится в 30 км от города). Выставки выполняют и роль рекламы «Томской Писаницы» (у многих читателей библиотек возникает желание посетить музей-заповедник).

Наряду с музейными предметами экспонируется тематическая литература из фондов библиотек. Это позволяет посетителю самостоятельно изучить тот или иной вопрос, возникший в ходе знакомства с музейными экспонатами.

Библиотеки осваивают нестандартные формы работы с пользователями, привлекают в свои стены новую аудиторию. Выставки и другие мероприятия проходят бесплатно.

Критерием для оценки реализации проекта «Библиотека и музей. Хранители духовного наследия. Модель культурного взаимодействия» является количество посетителей выставок (ок. 1000 чел. на каждой), мероприятий (минимум 2-3), а также мнения, высказанные в книге отзывов (многие из них содержат слова благодарности за возможность узнать, увидеть новое), освещение совместной деятельности в СМИ: газеты, телевидение, радио, интернет (не только в городских средствах массовой информации, но и в областных, на Министерских сайтах).

При создании данного проекта (автор Булгакова В.В.) были поставлены задачи, которые возможно решать в ходе его реализации: формирование эффективной модели культурного и образовательного взаимодействия библиотеки и музея, повышение общеобразовательного уровня, визуальной грамотности посетителей на библиотечном и музейном материалах. А так же обратить внимание жителей г. Кемерово на проблемы сохранения и бережного отношения к памятникам культурно-исторического прошлого. В музейном предмете и книге заложена генетическая память, информация о внутреннем мире наших предков и современников. Хранить и развивать это – наша общая задача.

2010

Т.Е. Верещагина,
г. Туран

Тридцатилетний путь Туранского музея им. Сафьяновых.

Проблемы и достижения

Туранский музей имени Сафьяновых, открытый 23 февраля 1981 г., вначале замышлялся как историко-революционный, в центре экспозиционного и экскурсионного пространства было событие, произошедшее в марте 1922 г., когда в Туране, в доме, где теперь находится музей, состоялось совещание по созданию Тувинской народно-революционной партии.

Со временем, это событие отошло на второй план. Спустя время, вновь возникает интерес к закрытой тогда ещё теме создания Тувинской Народной Республики, и его вдохновителю, «отцу» тувинской государственности И.Г. Сафьянову, а вместе с ним и к другим Сафьяновым, оставившим свой след в истории Тувы. Это касается известных в Урянхайском крае братьев Георгия Павловича и Андрея Павловича Сафьяновых, Анны Михайловны Сафьяновой, возглавившей самый первый в Туве врачебный пункт, Павла Георгиевича Сафьянова – горного инженера и строителя школы в пос. Уюк, сестёр Лидии Андреевны и Анны Андреевны Сафьяновых – первых учительниц Уюкской и Сушинской школ.

Этот интерес был поддержан директором Национального музея Татьяной Иргитовой Соднам. Были отпущены деньги на командировку в Москву и Подмоскowie, где жили многие из потомков семьи Сафьяновых.

В результате командировки был собран богатейший материал по истории семьи, привезены фотографии, документы, старинные вещи, принадлежавшие тем или иным представителям

семейства Сафьяновых. В туранском филиале появилась небольшая экспозиция, посвящённая вкладу Сафьяновых в историю Тувы.

Со сменой руководства национального музея Республики Тыва возникла проблема. Новый директор заявила о том (а это была сер. 80-х гг.) что Сафьяновы враги народа, а Иннокентий Георгиевич – самый большой враг, потому выставку следует немедленно убрать, а тому, кто её сделал и демонстрирует, в музее делать нечего, а потому посоветовала немедленно подать заявление об увольнении по собственному желанию.

Но сдаваться просто так – не в моих правилах. Я осталась в музее и продолжала работать.

После изучения семейного архива И.Г. Сафьянова, хранившегося в ТИГИ и в Национальном музее, протоколы Великого Хурала, организованного И.Г. Сафьяновым в 1921 г., где была провозглашена независимая республика Танну-Тува Улус, роль Иннокентия Георгиевича в этом событии для меня стала ясной и понятной. Необходимо было, чтобы это стало также ясно и понятно другим людям. Надо было пропагандировать изученное всеми доступными средствами – через сообщения на музейных форумах, через средства массовой информации, экскурсии в музее, вечера и лекции.

Это дало свои результаты. 4 апреля 2002 г. нашему музею решением районного Хурала было присвоено имя Сафьянова, имя Иннокентия Георгиевича Сафьянова занесли в государственную книгу «Лучшие люди Тувы XX-го века».

Об этом газета «Центр Азии» от 17 августа 2001 г. писала: *«Так надолго было практически вычеркнуто из истории имя Иннокентия Сафьянова, общественного, политического деятеля с видением государственного масштаба, благодаря усилиям которого в 1921 г. Тува сделала выбор между Монголией, Китаем и Россией. Ещё в сер. 80-х гг. Татьяна Верецагина получила большой нагоняй от своего руководства за то, что оформила выставку о Сафьяновых. Но выставку она не убрала, говорить и писать о роде русских купцов-промышленников не перестала.*

В 2001 г. имя Иннокентия Сафьянова уже официально было возвращено в историю Тувы – о нём в своём докладе на торжественном собрании 14 августа упомянул президент Р.Т. Шериг-оол Ооржак, отметив, что он по праву занесён в государственную книгу «Лучшие люди Тувы XX-го века».

Сейчас о Сафьяновых пишут рефераты и дипломы, научные статьи и диссертации, их именем называют улицы и учебные заведения.

Большим событием в этом процессе стала Межрегиональная научно-практическая конференция «Традиции русского купечества Сибири», организованная Тувинским Национальным музеем и его филиалом Туранским музеем им. Сафьяновых, посвящённая 135-летию со дня рождения И.Г. Сафьянова, 160-летию Т.П. Сафьянова, 125-летию А.М. Сафьяновой, проходившая в Кызыле 17 сентября 2010 г .

Можно с гордостью констатировать – всё это заслуга и успех музея им. Сафьяновых в Туране.

Есть ещё один важный аспект этого процесса – консолидация до того разрозненных между собой современных потомков рода Сафьяновых. Это тоже весьма отрадный момент и гордость нашего музея.

Другой большой и важный этап в жизни туранского музея связан с именем писателя – историка Василия Яна, с работой в комиссии по литературному наследию писателя.

Вместе с пропагандой творческого наследия, отдавалось много сил и энергии на попытку создать в пос. Уюк музей им. Яна в здании старой школы, где семья Янчевецких жила и работала в течение 1920-1921 гг.

На этом пути, где возникало тысячи проблем и препятствий разного рода, вместе с сыном писателя, Михаилом Васильевичем Янчевецким, удалось сделать довольно много: убедить общественность в необходимости создания такого музея, сделать проектно-сметную документацию,

найти деньги на ремонт школы, собрать экспонаты для будущего музея, найти людей, которые общались с писателем и его семьёй, написать о них цикл статей, под названием «Они окружали Яна» и начать ремонт старой школы.

Но кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. было временем не строительства и созидания, а временем разрухи, безнаказанного воровства, и идея создания музея Яна, которая уже начала воплощаться в жизнь, потерпела фиаско.

Тем не менее, эта работа в течение почти десяти лет, не пропала даром, имя Василия Яна также было внесено в государственную книгу «Лучшие люди Тувы XX века» вместе с так называемой «Золотой грамотой». Вот что писал по этому поводу сын писателя, Михаил Васильевич Янчевецкий, в своем письме от 13 августа 2001 г: *«Дорогая Татьяна Евгеньевна! С чувством большого волнения получил, и прочитал, присланную Вами необыкновенную Грамоту «Лучшие люди Тувы», отметившую пребывание в Вашей республики В. Яна, моего отца, в роковые дни начала XX-го века, какие остались в моей, детской тогда, памяти, как нечто удивительное и незабываемое.*

Я знаю, что Вы сделали более всех других Ваших коллег для того, чтобы свершилась эта Грамота, какую мы будем беречь в своём семейном архиве.

Я выражаю Вам искреннюю благодарность и от нашей Комиссии, и от себя лично, желая Вам успешной деятельности и процветания Вашему Краеведческому Музею!»

Интересной и значимой вехой в истории музея было участие в пяти Международных Красноярских Биеннале, начиная с самой первой в 1995 г., затем в 1997, 1999, 2001, и наконец, последний раз в 2005 г.

Не имея средств и достаточных штатных единиц, музей решил проблему участия. На первых двух Биеннале представил на конкурс видеофильмов две своих работы, выполненных совместно с местной видеостудией, под названием «Рубиновая свадьба» и «Песни провинциального музея». Призового места мы не получили, но интересом зрителей наши видеофильмы пользовались. Один из членов Экспертного совета первой Биеннале, главный художник г. Красноярска признался в том, что посмотрел нашу «Рубиновую свадьбу» пять раз и написал на оборотной стороне Диплома такую фразу: *«Спасибо Вам за вашу искреннюю любовь к тем людям, рядом с которыми вы живёте. Спасибо Вам за Ваше Всё».*

На третью Биеннале наш музей привёз выставку «Сибирь через призму родословной семьи Сафьяновых».

Выставку заметили и оценили представители новосибирского Фонда Сороса и пригласили участвовать в конкурсе музейных проектов «Сибирские культурные инициативы». На этот конкурс поступила 151 заявка из всех концов Сибири, наш музей оказался в числе 20-ти призёров этого конкурса. Полученный грант (второй, первый был получен в 1998 г. за победу в музейном конкурсе с проектом «Видеомузей на колёсах») был использован на приобретение компьютерной техники, которой мы пользуемся и по сей день. С приобретением техники появилась возможность писать не только статьи, но и книги.

На Биеннале-2001 Туранский музей представил два проекта, первый – выставка-театрализованное представление под названием «Выборы», а второй – выставка-открытка «Письмена». Главный редактор газеты «Центр Азии» так писала о нашем участии в этом форуме: *«На равных правах с известными музеями России и мира в грандиозном фестивале музеев участвовал и маленький деревянный, расположенный в самом обычном деревенском доме, Туранский музей. Его директор Татьяна Верещагина в очередной раз показала: нет провинциальных музеев, нет маленькой истории, если ими занимаются большие, увлечённые своим делом, люди».*

На шестой Биеннале Туранский музей им. Сафьяновых представил мини-экспозицию под названием «Крест» в конкурсной программе «Северный завоз». Она получила много хороших отзывов посетителей Биеннале. Приведу запись в книге отзывов, сделанную известным фотогра-

фом Александром Сориным, выставка которого, посвящённая Туве, демонстрировалась в одном из залов Красноярского музейного комплекса: *«Нет худа без добра, может быть за счёт того, что экспозиция Туранского музея столь строга, и не может похвастаться разнообразием экспонатов, она производит впечатление сильное и драматическое».*

На последнюю (для нашего музея) Биеннале-2005 мы поехали благодаря американским коллегам из Вашингтонского музея естественной истории, которые презентовали сто долларов, и этого хватило оплатить часть расходов.

Большое место в музее отводится информационно-издательской деятельности. Много материалов в виде статей, очерков, интервью публиковались в газетах «Тувинская Правда», «Центр Азии», «Аргументы и факты на Енисее», «Знаки времени», были публикации в «Парламентской газете».

Эти публикации отмечены званием «Человек года» в номинации наука (история) (1999), дипломом «Агальматолитовое перо» (2000), Почётной Грамотой Комитета лесного хозяйства Республики Тыва за серию статей по охране, защите и воспроизводству лесов в республике Тыва (2000), Сертификатом Хранителя за вклад в сохранение уникальной природы Республики Тыва, знаком Федеральной службы лесного хозяйства России «За сбережение и приумножение лесных богатств России» (1998).

Серия статей по истории лесного хозяйства Тувы, опубликованных в газете «Тувинская правда» в 2006 г. была представлена на Всероссийский конкурс и получила второе место среди 400 авторов за «лучшее освещение в прессе деятельности по сохранению историко-культурного и природного наследия народов Российской Федерации».

Один из читателей газеты «Центр Азии», Михаил Васильевич Янчевецкий, пишет в письме от 24.06.2002 г.: *«...В последнем номере «Центра Азии» с большим удовольствием и одобрением прочёл Вашу статью о курганах и вообще истории Тывы. Из маленьких кирпичиков складывается целое здание, так и ваши статьи и наблюдения помогают понимать ИСТОРИЮ»*

Впоследствии часть статей легла в основу книг, изданных музеем в разные годы. Это «Эккендей» (2004, г. Абакан), «Туран» (2005), «Дело государственной важности» (2008), «И это всё музей» в 2-х книгах (2010). Все книги, как показало время, оказались очень нужными, и востребованными.

Одна беда – небольшой тираж. Здесь проблема одна – финансы. С ней мы справляемся в меру возможностей нашего основного спонсора Евгения Васильевича Стёпочкина, одного из правнуков Г.П. Сафьянова.

Несколько слов надо сказать об экскурсионно-массовой работе Туранского музея. В силу ограниченности численности коллектива, и небольшого помещения музея, мы не можем проводить массовых праздников, гуляний и т.д. В своё время, совместно с Домом Культуры проводили интересные и популярные тогда вечера «От всей души». Всегда находился коллектив, отмечающий круглую дату создания своей организации. Я брала на себя работу с архивом, встречи с ветеранами труда, переписку с теми, кто сыграл выдающуюся роль в работе данного предприятия, писала сценарий и вела эти вечера.

Работа была трудоёмкой и длительной по времени, но мы никогда и ни с кого не брали денег. Самой высокой платой была благодарность людей.

Что касается экспозиции музея, то в течение всех лет своего существования, мы старались дополнять её новыми материалами, иногда переосмысливали и делали что-то совсем новое, и музей всегда был интересен посетителям самых разных уровней знания.

Об этом говорят записи в музейной книге отзывов: *«Мы, выпускники 10 класса школы № 2, посетили музей. Мы не в первый раз приходим сюда и видим, как с каждым годом наш музей становится лучше и лучше. Вот и сегодня, мы ещё больше дополнили запас наших знаний». А*

ученица четвёртого класса по имени Юля оставила вот такую трогательную запись: *«Мне в музее очень нравится. Здесь так интересно. С каждым годом я всё больше и больше узнаю о Туве. Я уже много раз была здесь, ну и что? Мне очень-очень интересно. Я читала сказание о Туве, а в музее узнала ещё больше. Здесь всегда узнаёшь, всё что надо».*

В 1980-е гг. музей посещали не только учащиеся туранских школ, нередкими гостями были ребята из школ района, а также группы школьников из Кызыла и сельских школ других районов Республики Тыва. В книге отзывов есть записи учителей и учащихся из Кара-Хаака, Ээрбека, Сут-Холя, с. Булун-Терек Улуг-Хемского района и пр.

В Туране не было ни одного коллектива организации или предприятия, которые хотя бы раз не посетили музей. Это и РПУ бытового обслуживания, и госпромхоз, ЛЗУ и РСУ, совхоз «Красный пахарь», Сельхозтехника, кинотеатр «Мир» – нет сейчас этих организаций, нет и сотрудников, которые вновь пришли бы на экскурсию в музей. Всё кануло в прошлое.

Музей был и остаётся интересен людям, приехавшим издалека, из крупных культурных центров, которым есть с чем сравнить: *«Трудно выразить в полной мере благодарность Татьяне Евгеньевне Верещагиной за её исключительно интересный, волнующий рассказ о сложной судьбе народной власти в Туве. Деятельность таких людей очень важна для сохранения неразрывной связи между прошлым и настоящим. Именно их трудами история остаётся живой канвой для нас, ныне живущих»* – Борис Богорин, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений Академии Наук СССР. Апрель 1982 г.

«Мне как этнографу-тувиноведу, очень приятно было познакомиться с экспозицией Туранского музея, представленного уникальными экспонатами по культуре и быту русского и тувинского народов, прошлому и настоящему Пий-Хемского района. Видна глубокая и вдумчивая работа Т.Е. Верещагиной. Ей и коллективу музея желаем успехов и благодарны за помощь в нашей работе». Эту запись в 1987 г. сделала Вера Петровна Дьяконова, сотрудница института Этнографии АН СССР, кандидат исторических наук.

А вот слова, сказанные 15 сентября 2010 г. москвичом, окончившим в своё время философский факультет МГУ, бывшим военным лётчиком, ныне Заместителем председателя ЦИК России, Леонидом Григорьевичем Ивлевым: *«Я много ездил, много повидал. При возможности, куда бы я ни приехал, посещаю музеи и театр. И скажу Вам без всякой лести, самое большое впечатление на меня произвели два музея – это музей Велемира Хлебникова в Астрахани и ваш, Туранский музей».*

В книге отзывов Леонид Григорьевич написал: *«Личное обаяние и профессионализм Татьяны Евгеньевны покорили, как и богатство экспонатов музея».*

Много хороших отзывов от иностранных посетителей, в частности от коллег-музейщиков из американского штата Северная Каролина, из музея г. Люксембурга, от туристов из Чехии и Словении.

В заключение, чтоб не думалось, что всё у нас так уж хорошо и гладко, приведу строчки местного, туранского поэта и писателя, члена Союза писателей Тувы, народного учителя республики Тыва, Юрия Некрасова:

*Вам умные люди умно и серо
Талдычат: «Чтоб были здоровы,
Татьяна Евгеньевна, бросьте перо
А лучше купите корову.
Корова для жизни даёт молоко,
А строчки – пустяк изначала.
Когда воспаряется дух высоко
Коровы нам всё-таки мало.*

*Вас били ведь,
Били не раз и не два
За книги, за всё без изъяна,
Да так, что порою дышалось едва
Не правда ли, друг наш Татьяна?
Я слушаю ропот и молча молчу.
Ведь творчество боль и отрада.
Когда за работой нам всё по плечу,
А большего нам и не надо.*

Эти стихи тоже помещены в книгу отзывов музея им. Сафьяновых, которому нынче исполняется 30 лет со времени начала его создания, а на следующий, 2011 год, 23 февраля будет 30 лет со времени его открытия. 4 июня 2011 г. 30 лет, как пришла в него работать, сначала на полставки, а затем, с 16 сентября, на полную ставку, и работаю по сей день я, Верещагина Татьяна Евгеньевна.

2010

Литература:

1. Архив Туранского музея им. Сафьяновых.
2. Верещагина Т.Е. Туран. – 2005 г.
3. Верещагина. Т.Е. И это все музей... – 2010 г.

Т.В. Воеводин,
г. Кемерово

Музейная инсталляция «Время и календари»

В 1992 г. в музее-заповеднике «Томская Писаница» создана экспозиция «Мифология, эпос и календари народов Сибири», где были представлены сибирские календари, наряду с макетами культовых мест и святилищ, характерных для нашего региона в разное время. Концепция экспозиции – показ верований сибирских народов, частности календарная система Сибири, так как различные календарные циклы строились на основе природных верований.

Со временем возникла идея, создать отдельный комплекс, рассматривающий календарные системы народов мира. Предпосылкой подтолкнувшей к созданию экспозиции послужило то, что современному человеку трудно представить, что из себя представляет время земное и неземное, космическое, что время имеет несколько аспектов, среди которых как самое основное можно отметить: время и космос, время и земля, время и природа, время и человек, время и история, культура и события. Музейный комплекс «Время и календари», демонстрирующий единство: космос-природа-время-человек-календарь, был открыт в августе 2000 г., на рубеже двух тысячелетий, в том виде, в котором он находится сейчас. Комплекс представлен календарными системами разных времён и народов, размещённых на фоне стены времени, показывающей основные события человеческой истории.

При создании экспозиции учитывались следующие разделы:

- Древнейшие календари, солнечные и лунные.
- Календари древних цивилизаций.
- Календари греко-римского мира.
- Календари славян.
- Календари коренных народов Сибири.

- Стена времени, в которой представлены достижения, открытия, события, деятели, начиная с начала истории человечества.
- Отдельно показаны древнейшие приборы измерения и учёта времени: солнечные и песочные часы.
- Космическое и земное время, пояса времени и система смены дня и ночи.

В таком виде экспозиция просуществовала вплоть до настоящего времени. Произошли с ней значительные изменения в результате воздействия на него двух факторов: природно-климатический и человеческий. Первый оказал влияние на предметы, расположенные под открытым небом, обветшавшие и утратившие свой вид. Второй фактор – часть предметов была утрачена безвозвратно, либо заменена на аналогичные. Однако, существует и немаловажный третий фактор – это время, то есть современные технологии, распространённые сегодня, привело к устареванию значительной части стендов и информативного материала в них. Большинство информации в текстах было либо изменено, либо полностью опровергнуто. Например, магическая звезда, связывающая дни недели с планетами, её значение и т.д.

Интерес к этой экспозиции не пропал у посетителей в настоящее время. Люди по-прежнему уделяют ей внимание и не редко просят экскурсовода о проведении экскурсии дополнительно.

На рубеже 2009 и 2010 гг. возникла идея в реорганизации музейной инсталляции «Время и календари». Толчком послужило желание одной из крупнейших кемеровских фирм сотрудничать с музеем-заповедником «Томская Писаница». В обмен, на представленные выставки в стенах этой фирмы, было выделено целевое финансирование на этот комплекс. Акцент сделан на рассмотрение календарных систем и времени с помощью объёмных предметов, окружающих современного человека. Например, зодиакальные созвездия, песочные часы (объёмные, большие и рассчитанные не на пять минут, а на восьмичасовой рабочий день), большой и объёмный часовой механизм, который позволяет посмотреть работу часов изнутри. Центральным предметом этой экспозиции будет «Стела времени», воплотившая в себе созданные человечеством часовые пояса. Ещё таким немаловажным объектом станет «Стена времени», где будет размещена информация об изобретениях, созданных от самого истока возникновения человечества до настоящего времени и оказавших огромное влияние на нашу жизнь. Сотрудниками отдела будет проведена попытка удаления от упоминания людей, так как для каждого человека исходя из его профессии, увлечений и хобби, могут существовать люди наиболее важные для него одного. Такой факт был зафиксирован неоднократно при проведении экскурсии.

Структура реорганизованной экспозиции предполагает разделение на пять секторов:

- Общая информация о времени, его исчислении (стела)
- Возникновение календаря и времени
- Календари древнейших цивилизаций мира
- Славянские календари
- Календари народов Сибири.

Такое построение позволит рассматривать историю возникновения календарной системы с самого основания и до отдельно взятой народности, проживающей на территории Сибири. Это позволит поэтапно создать полную картину в мышлении экскурсантов. Расположение предметов позволит экскурсоводу наиболее удобно излагать материал, при этом постоянно приводя в движение определённые макеты, создавая динамику и позволяя отходить от простого изложения материала. Позволит находиться на ней нескольким группам без особого ущерба для последовательного изложения материала.

4 ноября 2010 г. был открыт первый новый объект показа – стела. На ней представлена информация о том, что такое часовые пояса, откуда они возникли. Перевод времени на летнее и зимнее время, история возникновения и люди, впервые предложившие эту идею. Размещена информа-

ция об универсальном координированном времени, утверждённом во всем мире и благодаря, которой, при попадании в тот или иной регион, мы переводим стрелки часов как надо, а не так как хочется.

Работа по реэкспозиции музейного объекта «Время и календари» только началась. Надеемся, что в будущем на ней благодаря объёмным макетам и предметам, расположенным там и научно обоснованным сотрудниками научно-экспозиционного отдела, экспозиция войдёт в список основных экспозиций при составлении экскурсионного маршрута экскурсоводом.

2010

М.О. Дыртык-оол,
г. Кызыл, Тува

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва в специальном проекте «Тос эртине» (Девять драгоценностей), посвящённому Году Туризма

2010 год для Республики Тыва является значимым годом. С января этого года при поддержке Правительства республики стартовали специальные проекты, такие как «Моя Победа», посвящённый 65-летию Великой Отечественной войны, и «Тос эртине» (Девять драгоценностей Тувы, в рамках объявленного в 2010 г. Года Туризма).

Республика Тува (Тыва) является красивейшим и живописным краем, где развитие туризма явилось бы одним из экономических приоритетов республики.

Главной целью проекта «Девять драгоценностей Тувы» является поиск малоизвестных достопримечательностей, создание первичной инфраструктуры внутреннего туризма, выявление местных достопримечательностей, знакомство с ними не только жителями, но и, прежде всего гостями республики.

Заявки на участие проекта «Тос эртине Тувы» принимались от каждого человека, независимо от его места жительства, гражданства, национальности, а также профессии. В конкурсе имели право принять участие работы, освещаемые как раскрученные бренды Тувы – центр Азии, Пор-Бажын, Устуу-Хурээ, памятник уйгурского периода каменный Чингисхан (народное название) в Барун-Хемчикской степи, так и совсем малоизвестные, но не менее интересные объекты. На конкурс поступило 238 заявок от предприятий, организаций, отдельных энтузиастов, школьников, пенсионеров и т.д. Наибольшую активность проявили кожуунные центры занятости. Часть достопримечательностей в заявках повторялась. Часто упоминались р. Енисей, обелиск Центр Азии, оз. Дус-Холь, шаманизм, хоомей (национальное тувинское горловое пение). Заявленных объектов в итоге оказалось 219, из которых эксперты отобрали 100. Среди научных кураторов проекта «Тос эртине» выступают известные учёные: доктор исторических наук, шамановед, народный писатель Тувы Монгуш Борахович Кенин-Лопсан, первый археолог Тувы, этнограф, Заслуженный деятель науки Тувинской АССР Монгуш Хургул-оолович Маннай-оол и т.д.

Самые лучшие тридцать работ по итогам Года Туризма войдут в каталог «Девять драгоценностей» и будут обозначены на карте Тувы в качестве туристических маршрутов.

Как одна из основных достопримечательностей Республики Тыва и г. Кызыла, Национальный музей им. Алдан-Маадыр был заявлен в качестве номинанта проекта «Тос эртине». Авторами заявки явились сотрудники музея М.О. Дыртык-оол и М.Д. Монгуш. Как и другие конкурсанты, они обосновывали важность данного объекта как о месте хранителя древней истории и культуры тувинского народа в современном мире.

Уникальная природа, животный мир и историко-культурное наследие региона сосредоточено и представлено в большом и красивом здании Национального музея им. Алдан-Маадыр РТ,

спроектированном в виде юрты. Замысел такого проекта принадлежит московскому архитектору Марку Петровичу Бубнову. Гости столицы и кызылчан из далёких и близких странствий г. Кызыл встречает панорамой, в которой особо выделяется, возвышаясь над окружающим городским ландшафтом, золотистый купол здания музея. Он притягивает взгляды, придавая особенный облик городу.

Расположенный в самом центре столицы на перекрёстке улиц Кочетова, Титова, Ленина и Чехова музей является одним из старейших культурных учреждений Тувы, основанный 13 мая 1929 г. решением Политбюро Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии. Строительство нового здания музея было начато в 1993 г. Через год строительство было приостановлено и возобновлено в 2000 г.

Архитектурный ансамбль музея включает в себя современное здание, символизирующее юрту с традиционным обращением дверей к восходу солнца, с золотым куполом в форме пагоды, каскадный фонтан у парадной лестницы и скульптуру «Укротитель» с южной стороны. Официальное открытие Национального музея состоялось 31 января 2008 г. Музей, не успев до конца переехать, разместил в залах временные выставки.

Внутренний интерьер музея не менее интересен по сравнению его внешним монументальным видом, украшенным гигантской эмблемой музея – золотым оленем из скифского кургана Аржаан-2.

В холле посетителей музея встречают древние каменные изваяния, веками стоявшие в тувинских степях. На втором этаже размещены экспозиции, где показаны все природные богатства тувинского края, представлена материальная культура тувинцев. И, конечно же, знаменитая коллекция из всемирно известных курганов Аржаан и Аржаан-2. На третьем этаже расположены экспозиции, посвящённые истории и культуры Тувы, участию ТНР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., буддизму, западно-европейской и русской живописи (картины, подаренные музеем в 1930 г. Государственным Эрмитажем и государственным Русским музеем). В одном из залов располагается выставка, посвящённая жизни и творчеству художницы Нади Рушевой.

Западной части первого этажа размещаются административные помещения. В здании имеются конференц-зал, научная библиотека и зал временных выставок. Во внутреннем цокольном пространстве размещены реставрационная и столярная мастерские и служебные помещения, а также фондохранилище, где экспонаты являются частью уникальных фондовых коллекций, которые входят в состав музейного собрания.

Фонды музея – это основа музейной жизни, «сердце» данного культурного учреждения. Это – документальные и письменные источники, фотонегативы, графика, живопись, этнография, археология, нумизматика, др. Среди них бесценная фотоколлекция Владимира Петровича Ермолаева, первого директора музея.

За период существования музея происходили важные и незабываемые исторические и культурные события: открытие первой экспозиции, различные вернисажи и Международные научные конференции, посещение музея известными людьми мира и страны, и, наконец, открытие в 2008 г. новой выставки под названием «Сокровища Долины царей Тувы. Царский курган Аржаан-2». Эта экспозиция входит в состав обширнейшей археологической коллекции музея. Здесь экспонируются неповторимые предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Они являются сокровищами тувинского музея. В экспозиции представлены кинжалы и наконечники стрел из железа, инкрустированные золотом. Всё оружие, обнаруженное в погребении Аржаан-2 сделано из железа, которое в VII в. до н.э. начало входить в обиход и потому ценилось древними кочевниками выше, чем золото. В центре зала в двух витринах-стаканах на крутящихся подиумах расположены царские символы – гривна царя и пектораль царицы (шейные украшения). Лицевая сторона гривны, украшенная изображением идущих друг за другом зверей, выполнена в виде

прямоугольного в сечении бруска, на передней и верхней грани которого напаяны фигурки стоящих хищников семейства кошачьих. Археологи считают, что эта единственная вещь, которую умерший царь носил при жизни.

К археологической коллекции относятся и каменные изваяния, расположенные в цокольном этаже музея, они составляют экспозицию стелария «Древняя история Тувы на каменных изваяниях». Автором этой выставки является главный специалист отдела истории Ч.А-С. Монгуш здесь представлены памятники скифского периода, датируемого IX-III вв. до н.э. среди них имеются оленные камни, которые обнаружены в центральных, южных и западных районах республики. Также здесь размещены памятники древнетюркского, древнеуйгурского и древнекыргызского периодов – это и изображения людей, в основном знатных покойников, убитых врагов или особо отличившихся героев, целые городища и крепости, такие как Пор-Бажын, и руническая письменность, которая была утрачена в XIII в.

Самая значительная коллекция музея – это этнографические материалы кон. XIX в. и пер. пол. XX в. к ним относятся: домашняя утварь из дерева и металла, различные изделия из кожи, одежда и др. Многие предметы, украшенные традиционными узорами и орнаментами, выполненные в традиционной технике, являются единственными экземплярами. У многих предметов есть своя история.

Исключительный интерес вызывает культовые коллекции шаманских и буддийских ритуальных атрибутов. Так, буддийская коллекция состоит из предметов, конфискованных у буддийских монастырей в Туве в 1930-х гг., когда они были разрушены в результате антирелигиозной политики тогдашнего руководства Тувинской Народной Республики. Богата и содержательна коллекция собраний рукописей и ксилографов на тибетском и старомонгольском языках, имеющая научное значение для тибетологов, монголоведов и тувиноведов.

Коллекция православных предметов из Тувинского музея представлена: иконами с изображением святых, плащаницей, одеждой священников, церковными книгами и другими культовыми атрибутами. Данное собрание экспонируется на выставке «Русский ковчег в Туве».

Уникальна и коллекция естественнонаучного характера, выполненная известным таксидермистом Дальнего Востока, Сибири и Тувы И.М. Путинцевым. Знарок природы и животного мира, он подарил музею чучела редких животных и птиц (дзерен, дрофа, беркут, архары, снежный барс и др.), которые в настоящее время стали весьма редкими в Туве и даже находятся на грани исчезновения.

Большую ценность представляет музейное собрание скульптур малой пластики из камня (агальматолит и серпентинит) и из дерева. В этом отношении бесценными являются работы основоположников тувинского камнерезного искусства: М. Черзи, Х. Тойбу-Хаа, Р. Аракчаа, Х. Хуна, Б. Байянды и др.

Это только малая часть бесценных музейных коллекций, о которых можно рассказывать бесконечно. Но лучше любого рассказа, увидеть их своими глазами. Через музейные экспозиции гости республики и её столицы имеют возможность очень подробно ознакомиться с Тувой – «страной голубых рек».

2010

Примечания:

¹ Хертек А. Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва //www.museumrt.ru

² Дыртык-оол А.О. Сокровища Долины царей // Журнал «Музей» X» 3, 2009. Стр. 76-80

³ Экскурсионный текст выставки «Древняя история Тувы на каменных изваяниях» / Сост. Монгуш Ч.А-С. Фонды Национального музея Республики Тыва // Сост. Ховалыг Р.Б.

⁴ Монгуш Л.К. Иван Матвеевич Путинцев. К 80-летию со дня рождения // Летопись Тувы 2010. - Кызыл, 2009. С. 48-50.

Л.Н. Ермолаева, О.И. Боярченко,
г. Минусинск

Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова и его собрание

Минусинский музей основан в 1877 г. провизором, учёным-ботаником Н.М. Мартьяновым (1844-1904), с первых лет существования занял ведущее место в культурной и общественной жизни Енисейской губернии и Сибири.

Первыми дарителями коллекций стали Н.М. Мартьянов (минералы, гербарии, книги), учитель Т.А. Сайлотов (книги, картины). К 1902 г., к 25-летию существования музея, музейный фонд насчитывал более 56 тыс. предметов.

Собрание Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова на 1 января 2009 г. составило 137 461 предмет основного фонда, 42 222 ед. – научно-вспомогательного фонда, 3 485 ед. – научный архив. Фонд научной библиотеки составляет 123 439 ед. различных изданий.

Музейный фонд Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова – богатейшие коллекции музейных предметов-памятников материальной и духовной культуры по истории развития края с древнейших времён и до наших дней.

Естественно-исторические коллекции, 44 543 ед. хр. основного фонда. Они включают зоологические, ботанические материалы, а также предметы палеонтологии, антропологии, геологии.

Зоологический отдел представлен чучелами, тушками, шкурками, влажными препаратами, раковинами моллюсков – коллекция раковин Г.Н. Потанина.

Орнитологическая коллекция насчитывает 1 165 экземпляров. Птицы относятся к 20 отрядам и представляют собой 301 вид. Коллекция является ценным материалом для исследования фауны всей южной части огромного Красноярского края. Среди специалистов, принимавших участие в формировании коллекции, были видные орнитологи: Михаил Ефимович Киборт, Фёдор Карлович Лоренц, Николай Алексеевич Раевский – доктор естественных наук Пражского университета.

Ботаническая коллекция насчитывает более 25 000 гербарных листов, в т. ч. гербарий собранный Н.М. Мартьяновым более 1000 листов, который имеет большое научное и историческое значение.

В составе энтомологической коллекции собрание бабочек (более 1000 ед.), подаренных музею П.П. Семёновым-Тян-Шанским.

Коллекция по геологии (9 604 ед. ОФ) включает известковые породы, пещерные образования, минеральные и рудные породы, органические соединения и др. Первые образцы были собраны самим Н.М. Мартьяновым.

Палеонтологические артефакты представлены останками плейстоценовых животных: мамонта, бизона, носорога, барана и др.

Антропологическая коллекция насчитывает свыше 600 черепов. Основные поступления до 1917 г., из раскопок А.В. Адрианова на юге края.

Фонд историко-бытовых предметов (этнографический) насчитывает 14 839 ед. основного фонда (ОФ), это предметы культуры и быта народов Южной Сибири и Азии и др.

Этнографическая коллекция начала формироваться с первых дней основания музея. Самой ценной является хакасская коллекция (кон. XIX в.), которая на Всемирной выставке в Париже (1900 г.) получила серебряную медаль.

Тувинская коллекция (бол. 400 ед.) сформирована в кон. XIX – нач. XX вв. при участии ссыльных Д.А. Клеменца и Ф.Я. Кона.

Коллекция по Японии и Китаю (более 800 ед.) сформирована в кон. XIX в. при участии Д.А.

Клеменца, М.А. Куна, В.П. Рогатых, Н.А. Чарушина из Кяхты, П.Г. Седова и др. Дмитрий Михайлович Мельников – сибиряк, служивший в русской чайной фактории в Фу-Чжоу, подарил музею около 600 китайских предметов, в т. ч. уникальные акварели на рисовой бумаге.

Археологическая коллекция насчитывает более 33 000 ед. хр. ОФ. В её состав входят бронзовые, железные, костяные предметы, изделия из камня, керамические сосуды, а также изваяния, стелы и плиты с рисунками и руническими надписями. Музей хранит самое уникальное собрание древнейшей бронзы (около 30 тыс.ед.). В формировании этой коллекции приняли участие многие видные исследователи юга края: Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов (работавший в Минусинской котловине в 1883-1904 гг.), Ф.Я. Кон, И.Т. Савенков, С.В. Киселёв, В.П. Левашова, Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев. З.А. Абрамова и С.Н. Астахов передали свои материалы по палеолиту из раскопок и сборов на юге Красноярского края.

Особый научный интерес представляют: уникальная коллекция каменных изваяний эпохи ранней бронзы по средневековье (пер. пол. II тыс. до н.э. – XII в.) долины Южного Енисея (ок. 50 ед.), клады бронзовых и железных предметов – известный «Тюхтятский клад» (поступил в музей в 1902 г.), клад предметов IX-X вв., клад бронзовых предметов, найденных у д. Детлово.

Нумизматические коллекции, около 10 000 ед.хр. В составе собрания монеты России и иностранных государств, советские ордена, медали, знаки и значки, бумажные денежные знаки России и иностранных государств.

Особую научную ценность имеет собрание средневековых монет Китая и сопредельных государств, насчитывающее свыше 300 монет. Оно сложилось в основном из случайных находок на территории юга Красноярского края. В собрании имеется неплохая подборка польских монет XVI – XX вв., которая сформировалась благодаря пожертвованиям Археологической комиссии в кон. XIX в. и дарам частных лиц. Наиболее ценную часть собрания монет других иностранных государств составляют серебряные монеты XIX в., подаренные музею в 1906 г. красноярским золотопромышленником Н.П. Кузнецовым. Более 2 400 предметов нумизматики содержат в своём составе драгоценные металлы.

Художественные коллекции насчитывается 2 457 ед. хр. В собрании имеются иконы (более 30 ед.), написанные на дереве, холсте, иконы, литьё кон. XVIII – XIX вв. Уникальными являются – портрет Иннокентия Иркутского, икона «Поругание Христа» Мартына Хозяинова и др.

В художественной коллекции музея имеется портрет принцессы Дагмары (Марии Фёдоровны) 1885 г. худ. В. Коноваловой, картина худ. Н.Ф. Добровольского «Байкал в лунную ночь» 1893 г. и др.

Особое место в коллекции занимают работы известных художников Т.В. Ряннеля, А.Г. Поздеева, А.П. Лекаренко, А.А. Довнара, Б.Я. Рязова, В.Ф. Капелько, С.В. Бондина и др.

Документальный фонд и научный архив, более 30 тыс. ед. хр. – документы, печатные издания, карты регионов Сибири и России и др. Хронологически коллекция охватывает XIX – нач. XXI вв.

Наиболее ценные документы по истории Минусинского театра (документы, рукописные и печатные афиши), Добровольного пожарного общества, народного образования и местного публичного музея, политической ссылке кон. XIX – нач. XX вв., событиям 1917-1920-х гг., отражающим революционную эпоху и гражданскую войну. В музее сформирован архив по политическим репрессиям 1930-1950 гг., имеется собрание фронтовых писем 1941-1945 гг. Интерес представляет архив педагога и шахматиста, этнографа и археолога Ивана Тимофеевича Савенкова.

Богатая коллекция документов (фото, дневники, листовки, газеты, схемы) имеется по истории изысканий и строительства железной дорог «Абакан-Тайшет», Саяно-Шушенской ГЭС и предприятий Саянского территориально-промышленного комплекса.

Документальный фонд и научный архив музея являются богатейшей источниковой базой по истории Минусинского округа (уезда) и юга Красноярского края.

Коллекция негативов и фотографий составляет более 31 тыс.ед. по истории нашего края с момента появления фотопечати и до наших дней. Особую ценность представляют фотографии и негативы на стекле по этнографии хакасского и тувинского народов, по шаманизму и буддизму, датированные кон. XIX – нач. XX вв., выполненные Н.В. Фёдоровым, Ф.Я. Коном, П.Е. Островских, Е.А. Яковлевым, А.В. Харчевниковым, А. Левингтоном, В.Л. Гончаровым. Ряд снимков выполнен во время научных экспедиций по Южной Сибири и Урянхайскому краю.

Уникальное собрание негативов на стекле кон. XIX – нач. XX вв. минусинского фотографа Н.В. Фёдорова (более 2000 ед.) отражает историю жизни Минусинска и Минусинского уезда в различных ракурсах: культура, быт, религия, этнография коренных народов и переселенцев, пейзажи, зарождающаяся промышленность, торговля, архитектура. Фотопортреты индивидуальные, групповые, хроникальные фотографии являются историческими документами. Они представляют большую ценность, особенно комплексы по истории г. Минусинска (дома, улицы, церкви). Негативы и фотографии прошлых времён используются при создании исторических альбомов и книг по культуре сибирских народов.

Фонд научной библиотеки музея. В собрании научной библиотеки музея находятся издания по истории Сибири и России – географии, этнографии, археологии, естествознанию, справочная литература и др.

Наиболее ценная часть библиотечного фонда – периодические издания XIX в. – нач. XX в., особенно сибирские газеты и журналы: «Амур», «Восточное обозрение», «Звезда Алтая», «Знамя революции», «Сибирская деревня», «Сибирь», Енисейские губернские ведомости» (с 1857 г.), «Енисей», «Красноярский рабочий» (с 1905 г.) и другие. А также газеты и журналы, выходившие в Минусинске – «Почта и телеграф» (первая газета, вышло несколько номеров в 1906 г.), «Минусинский край», «Минусинский листок», «Южная Сибирь», «Власть труда» (с 1922 г.), «Сибирский архив» (1913-1915 гг.) и другие.

Есть редкие, раритетные издания XVIII – XIX вв., в т.ч. шахматная библиотека И.Т. Савенкова и др. В собрании есть книги с автографами, штампами и печатями.

С материалами музейного фонда и научной библиотеки работают сотрудники музеев, архивов, исследователи, студенты, краеведы Сибири, России, Германии, Франции, Японии и др.

2009

В.М. Мельникова,
пос. Шушенское

История Сибири в литературе XIX в.

Описание коллекции книг из фондов музея-заповедника «Шушенское»

Собрание печатных изданий, вошедших в основной фонд музея, содержит редкие и особо ценные книги. Серьезного внимания заслуживают книги, раскрывающие известные и малоизвестные факты из истории Сибири, изданные в XIX в.

Интерес к истории Сибири возник очень скоро после появления русских за Уралом. Однако, до сер. XIX в. Сибирь изучалась, в основном, учёными путешественниками и участниками экспедиций. «О Сибири писали на разных языках, менее всего на русском».¹ А.Н. Копыловым отмечено: «Экспедиционное обследование Сибири и известия учёных путешественников о достопримечательностях сибирской истории пробудили в русском передовом обществе интерес к истории сибирской окраины и открыли эру первичного ознакомления читателей России с историей и па-

мятниками Сибири».² К кон. XVIII – нач. XIX вв. всё большее количество исследовательских работ принадлежит перу подданных России. Их труды печатаются российскими типографиями и издательскими организациями, в т. ч. и сибирскими, удовлетворяя государственный и общественный интерес к Сибири. Тематика публикаций разнообразна. Это история похода Ермака, материалы экспедиций, путевые заметки, колонизация и переселенческое движение, промышленное освоение, культурное развитие, образ жизни и общественный быт, организация государственного управления.

Ко втор. пол. XIX в. были реализованы все основные мероприятия Сибирской реформы 1822 г., завершился определённый этап развития системы центрального управления. Эта система всё чаще подвергалась критике и в Центре, и в крае. Проблема статуса Сибири, организации управления ею обсуждается представителями прогрессивной общественности. Не остаются в стороне и государственные чиновники. Примером тому служит книга «Сибирские окраины», которая принадлежит перу чиновника канцелярии Комитета министров С.М. Прутченко. Ему было поручено подготовить к публикации документы I и II Сибирских комитетов. В связи с этим он подробно изучил архив I Сибирского комитета, а также некоторые документы, касающиеся II Сибирского комитета. «Несмотря на заказной характер своей работы, С.М. Прутченко выходит далеко за рамки поставленной задачи и оставляет глубокое по содержанию и богатое по привлечённому фактическому материалу исследование, поднимавшее ряд проблем управления Сибирью».³ Основное внимание автор сосредоточил на административной реформе 1822 г., предлагая читателям свой анализ «Учреждения для управления Сибирскими губерниями». Работа С.М. Прутченко под названием «Сибирские окраины: историко-правовые очерки» в двух томах была опубликована в 1899 г. в Санкт-Петербурге. По мнению Ременева А.В., «Сибирские окраины» стали одним из первых опытов историко-правового исследования административной политики самодержавия в Сибири.⁴

Экземпляр книги «Сибирские окраины», вошедший в коллекцию основного фонда музея, имеет автограф автора. На титульном листе чёрными чернилами написано: «Многоуважаемому Николаю Адриановичу Соллогуб на добрую память от автора». Форзац второго тома имеет надпись «Соллогуб. 1900».

Следует отметить, что на труд С. Прутченко «Сибирские окраины» часто ссылаются историки XIX и XX вв. Это говорит о том, что книга широко известна и не утратила своего значения до сих пор. Однако о самом авторе сведений, к сожалению, почти нет. Поэтому кто такой Н.А. Соллогуб сказать сложно. В источниках найдена фамилия Сологуб с инициалами Н.А. (1875 г.р.), по образованию правоведа, по чину офицера. Можно предположить, что это и есть тот самый Соллогуб, которому была в 1900 г. подарена книга, но утверждать нельзя. Развёрнутой биографии Соллогуба также найти не удалось.

Когда Сибирь сделалась местом, куда направилось усиленное переселенческое движение, остро встал вопрос об урегулировании местного землевладения, «в высшей степени запутанного и неопределённого как в отношении прав на земли владельцев их, так и в отношении разграничения смежных владений. Разрешение этого вопроса стало настоятельно необходимым, так как беспорядочность землевладения весьма вредно отражалась и на экономической жизни области и на всех отраслях её управления».⁵ В Забайкалье начало этому важному правительственному мероприятию было положено 18-го декабря 1896 г., когда в С.-Петербурге было учреждено Соевещание о поземельном устройстве населения Забайкальской области. Соевещание образовалось под председательством управляющего делами комитета Сибирской железной дороги, статс-секретаря, действительного тайного советника А.Н. Куломзина. В первом заседании «Соевещание постановило – для выяснения современного положения землевладения и землепользования в Забайкальской области произвести в течение 1897 г. исследование под руководством командирова-

мой для этой цели особой Комиссии, во главе с Председателем Совещания, подавшим наилучшие результаты программам подобного же исследования Иркутской и Енисейской губернии».⁶

В результате исследования Забайкальская область была изучена почти в полном своём составе. Весь этот материал вместе с данными, добытыми при изучении архивных документов, был обработан и издан в конце октября 1898 г., в виде 16-ти выпусков под названием «Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы».

«Исследованный край ... оказался весьма интересным как по своим естественным условиям, так в особенности по хозяйственному быту своего населения».⁷ С целью облегчить пользование и сделать «Материалы» общедоступными чиновником VIII класса при Канцелярии Комитета Министров Н.И. Разумовым была проведена работа «по извлечению всего существенного из всех 16-ти выпусков «Материалов». В 1899 г. в Санкт-Петербурге вышла книга под названием «Забайкалье: свод материалов высочайше учреждённой комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под представительством статс-секретаря Куломзина. Составитель Н.И. Разумов». Издание 1899 г. и вошло в коллекцию музея.

К кон. XIX в. книга внедряется в повседневную жизнь общества, становясь неотъемлемой частью культурной среды. Писатели и издатели всё чаще обращаются к массовому читателю. В этот период возрастает количество книг, написанных и напечатанных для народного чтения. Вниманию читателя предлагались, в т. ч. и книги по истории Сибири.

Изучив многочисленный исторический материал, поэт и этнограф Д.Н. Садовников в 1873 г. написал популярные рассказы, в которых проследил историю заселения Сибири выходцами из России. Рассказы эти впервые были напечатаны в журнале «Грамотей» под общим заглавием: «Подвиги простых русских людей (Покорение Сибири)». В начале I главы автор заметит: «Впереди мы будем вести речь о тех людях, которые в несколько лет прошли от Уральских гор до далёкой оконечности Сибири, терпя всевозможные лишения: и голод, и холод, и непогоду. Люди эти совершали великую путину..., покоряли дорогой разные племена, прибавляли к нашей земле новые края и населяли их».⁸ В заключение книги Дмитрий Николаевич напишет: «Наши рассказы, которые можно назвать историческими, потому что в них описывались правдивые события из истории жизни целого народа, были также и жизнеописательными. Мы старались в них, насколько можно, ближе познакомиться с теми землепроходцами, которые, благодаря силе своего характера, твёрдо направленной воле сделали больше всех, вели вперед других. Припомните Ермака, Дежнёва, Пояркова, Хабарова. Они были образчиками того сорта людей, который мог выйти в то время из русского народа... Наши землепроходцы не встретили сильного отпора. Бессилие и полное невежество уступили дорогу силе и знанию».⁹ В 1874 г. эти статьи вышли и отдельным изданием в Москве под заглавием «Наши землепроходцы. Рассказы о заселении Сибири. 1581 – 1812» и были сочувственно встречены отзывами в журналах «Народная школа» (1876 г. № 3) и «Дело».

В коллекции музея имеется экземпляр ежемесячного журнала «Читальня народной школы» за 1892 г., в нём напечатан очерк Д.Н. Садовникова под названием «Подвиги русских в Сибири», очерк рассказывает о покорении Сибири Ермаком.¹⁰

Форзац журнала имеет вклеенный шрифтовой экслибрис с надписью «Ученическая библиотека начальной школы при Красноярской Учительской семинарии». Такая семинария была открыта в Красноярске в 1873 г. Среднее специальное учебное заведение занималось подготовкой учителей начальной школы. В семинарию принимались юноши и девушки в возрасте 16-18 лет, имеющие образование не ниже 2-х классов училища. При семинарии имелась начальная школа для прохождения практики. Имелась и неплохая библиотека. Об этом говорят дошедшие до нас издания из её фондов. На всех этих книгах приклеен шрифтовой экслибрис, говорящий о при-

надлежности издания библиотеке семинарии. С такими пометками книги хранятся в библиотеках г. Красноярска,¹¹ один экземпляр попал и в нашу коллекцию.

Для народного чтения изданы и «Рассказы о Восточной Сибири», то есть о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском, с рисунками и картой Сибири. Напечатана книга была в 1896 г. в Москве в типографии И.Д. Сытина. На титульном листе указано – «Составитель Ф. Девель». Об авторе известно, что по окончании курса на юридическом факультете Петербургского университета он был судебным следователем. Совмещал юридическую деятельность с писательством. Печатался в «Вятской Газете» и других изданиях.¹²

Изучение Сибири становится заметным явлением в духовной жизни местной интеллигенции. Ощущается постоянно растущее стремление обмениваться взглядами и мнениями, сообщить о собранной информации, обратить внимание местных и центральных властей на неотложные вопросы и нужды сибиряков. В связи с этим, в Сибири, печатные издания становятся всё более востребованными. В этот период остро встаёт вопрос о развитии сибирского книгопечатания, формирование которого происходило медленно и трудно. Лишь ко втор. пол. XIX в. книгопечатание в Сибири достигло значительного подъёма. Тогда наблюдалась консолидация всех интеллектуальных сил сибирского общества в деле формирования местной книги. Её активно поддерживает прогрессивный читатель, заинтересованный не только в изучении, но и в освоении природных богатств края. «В этот период в Сибири сложился характерный тип учёного – просветителя, универсала, берущегося за решение самых разных вопросов местной жизни. Немногочисленные представители творческой интеллигенции, которые исподволь формировали книгоиздательскую культуру края, являлись одновременно и авторами научных работ, и инициаторами их практического использования, и проводниками знаний в народные массы».¹³ Отсюда, отмечает В.Н. Волкова, «комплексность исследовательского труда и нерасчленённость издательских форм».¹⁴

Характерные для XIX в. «Памятные книжки» вбирают в себя элементы производственного, научного, справочного, популярного издания. Неизбалованный обилием источников информации, оторванный бездорожьем и километрами от целого света, житель Сибири нуждался во всякого рода путеводителях, справочниках, дающих сведения о предприятиях, кустарных промыслах, ярмарках, учебных заведениях, библиотеках, лечебных источниках, церквях и монастырях края, о расписании работы почт, средств сообщения и многом другом.

«Памятные книжки» в наиболее полном виде включали в себя четыре крупных раздела: адрес-календарь (перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом), административный справочник (сведения об административном делении губернии, о почтовых и телеграфных учреждениях, путях и маршрутах сообщения в пределах губернии, о промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях и библиотеках, книжных лавках и типографиях, о периодических изданиях, выписываемых и издаваемых в губернии, списки населённых мест, списки крупных землевладельцев губернии и т. д.), статистический обзор (статистические таблицы населения, землевладения, сельского хозяйства, данные по статистике судебной, медицинской, фабрично-заводской, народного образования, пожаров, доходов и недоимок и т. д.) и научно-краеведческий сборник (источниковедческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы). Все перечисленные разделы придают Памятным книжкам исключительную ценность и значение комплексных первоисточников для исторических (в т. ч. генеалогических и биографических), географических, демографических, этнографических, краеведческих исследований.

Особая ценность «Памятных книжек» заключается в том, что они позволяют во всех подробностях воссоздать картину повседневной жизни губернии, отдельного населённого пункта или

местности на её территории; получить «из первых рук» сведения о составе и занятиях жителей, состоянии природы, экономики, культуры, быта; наблюдать за изменениями, происходящими в губернии или области год за годом на протяжении более чем 60 лет (с сер. XIX в. до 1917 г. включительно).

«Памятные книжки» составляют важную часть книжного фонда Сибири и представляют большой интерес для истории сибирского книгоиздания.

Издаваемые сравнительно небольшими тиражами и распространяемые преимущественно в пределах своей губернии, «Памятные книжки» становились библиографической редкостью почти с самого момента своего выхода в свет.¹⁵

В коллекции музея имеется экземпляр «Памятной книжки Енисейской губернии на 1890 г. с Адрес-календарём», которая была составлена под редакцией Действительного члена-секретаря Статистического Комитета Г.А. Хотунцева и издана Енисейским губернским статистическим комитетом в 1889 г.

В книге, в т. ч., мы найдём «Ведомость о землепользовании по Енисейской губернии за 1888 г.», «Ведомость о посевах и урожаях в Енисейской губернии за 1884-1887 гг.», «Ведомость о движении торговли на ярмарках Енисейской губернии за 1888 г.». Найдём информацию об основании г. Красноярска и первых 27 годах его существования, о возникновении Красноярского городского музея и библиотеки, Енисейского и Минусинского музея, историю возникновения Красноярской городской лечебницы, краткую историю учреждения общества врачей Енисейской губернии, прочтаем о солнечном затмении и т. д.

В книжной продукции XIX в. достаточно представлена и литература иностранных путешественников и участников экспедиций. Примером тому является коллекционный экземпляр книги Дж. Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири: Приключения среди коряков и других племён Камчатки и северной Азии».

В 1865, 1866, 1867 гг. американскими капиталистами была предпринята попытка провести телеграфную линию в Европу через Аляску, Берингов пролив и Сибирь. Проекту этому не суждено было сбыться, однако в связи с этим в Британской Колумбии, на Аляске, в Сибири были проведены исследовательские работы. Сделанные открытия были значительны для науки. Территория, по которой предполагалось провести телеграфную линию, была мало известна общественности. «Образованные люди редко посещали её кочующих обитателей. Только немногие предприимчивые промышленники и охотники проникали в эти пустыни».¹⁶ Среди участников этой экспедиции был и американский журналист, писатель и путешественник Джордж Кеннан. «... Я решился... описать моё двухлетнее пребывание в северо-восточной Сибири. Описание это не имеет притязаний на полноту научных сведений, и вообще ни на какие специальные исследования. Цель её единственно представить по возможности ясную картину обитателей, местностей, нравов и обычаев этой почти неизвестной страницы...».¹⁷

Впервые «Кочевая жизнь в Сибири» была опубликована в Нью-Йорке в 1870 г., и «сразу же привлекла внимание публики живыми и точными описаниями, мягким юмором».¹⁸ У этого произведения оказалась счастливая читательская судьба. Книга выдержала у себя на родине свыше 20-ти изданий и неоднократно переводилась на иностранные языки, в т. ч. трижды на русский. У нас она издавалась трижды – в 1871, 1872 и 1896 гг., не считая публикаций в журналах и сборниках.

Все вышеназванные книги вызывают интерес не только своим содержанием, но и издательским оформлением, языковым стилем, способом подачи материала. Интерес вызывают авторы и их издатели, обстоятельства, при которых эти книги появились на свет, последующая их судьба. Проследив историю самой книги, мы получаем ценнейший дополнительный материал, приближающий нас к исторической действительности прошлого.

Литература:

1. Бердников Л.П. Кланяясь залам библиотечным: Краткий очерк истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838-1916).- Красноярск: Книжное издательство, 1995.- с. 95.
2. Любимов Л.С. История сибирской печати: Учебное пособие.- Иркутск, 1982.- с. 18
3. Прутченко С. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. В 2 т. Т. 1 - СПб.: Типография Суворина, 1899.- 405 с.,
4. Сибирская советская энциклопедия в 4-х т. Т.2.- Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931.- с. 772.
5. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с адрес-календарём /Сост. Г.А. Хотунцев.- Енисейский губернский статистический Комитет, 1889 .- 410 с.

Примечания:

- ¹ «Забайкалье: свод материалов высочайше учреждённой комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под представительством статсъ – секретаря Куломзина / Сост. Н.И. Разумова. - СПб: Издание канцелярии кабинета Министров, 1899.- 380 с., ил., карта.
- ² Вопросы истории Сибири досоветского периода: (Бахрушинские чтения, 1969) / АН СССР Сибирское отделение. Институт истории, филологии и философии. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973.- с. 46.
- ³ Власть в Сибири XVI – нач. XX в.- 2-е изд., переаб. и доп. /Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнёв. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005.- с. 228.
- ⁴ Там же, с. 228
- ⁵ Енисейская энциклопедический словарь / Под Н.И. Дроздова.- Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998.- с. 650.
- ⁶ «Забайкалье: свод материалов высочайше учреждённой комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под представительством статсъ – секретаря Куломзина / Сост. Н.И. Разумова. - СПб: Издание канцелярии кабинета Министров, 1899.- 380 с., ил., карта.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Садовников Д.Н. Подвиги русских в Сибири: Очерк.- СПб., 1892.- 26 с.- «Читальня народной школы».
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Садовников Д.Н. Подвиги русских в Сибири: Очерк.- СПб., 1892.- 26 с.- «Читальня народной школы».
- ¹¹ Енисейская энциклопедический словарь / Под Н.И. Дроздова.- Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998.- с. 650.
- ¹² Рассказы о Восточной Сибири, то есть о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском. № 233. С рисунками и картой Сибири / Сост. Ф. Деваль.- М.: Типография И.Д. Сытина.- 127 с.
- ¹³ Волкова В.Н. Сибирская книга: век XIX – XX век // Сибирские огни.- 1989.- № 10.- с. 151 – 154.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Историческая энциклопедия Сибири в 3 т. Т. 1. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2010.- 677 с.
- ¹⁶ Меламед Е.И. Джорж Кеннан против царизма.- М.Книга, 1981 .- с. (Судьбы книг).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.

И.А. Янгулова,
г. Абакан

Труд во имя Победы — тема указателя «Война далёкая и близкая»

65-летие Победы в Великой Отечественной войне – важная дата в истории России, всех народов нашей страны. Жители Хакасии героически сражались на фронтах, подвиг их ярок и незабываем. Ратный подвиг наших земляков подкреплён и подвигом трудовым. В экстремальных условиях, испытывая тяготы и лишения, трудились женщины, старики, дети.

Трудовой героизм жителей Хакасии описан в книгах, периодических изданиях (очерки, воспоминания). Но самые первые публикации появились на страницах газет. Это были материалы по горячим следам, как сводки с фронта, они сообщали о трудовом ритме Хакасской автономной области.

К 65-летию Великой Победы и в год 80-летия со дня образования газеты «Хакасия» Нацио-

нальной библиотекой им. Н.Г. Доможакова подготовлен и выпущен рекомендательный указатель «Война далёкая и близкая». Необходимость в таком библиографическом издании существовала, т.к. в библиотеке есть только один рекомендательный указатель «Хакасия в годы Великой Отечественной войны», составленный в 1990 г. А информационно-библиографические материалы «Абакан. 1941-1945», изданные в Абаканской ЦБС, посвящены трудовому подвигу жителей г. Абакана.

Отличительной особенностью указателя является то, что в него включены сведения только о материалах газеты «Советская Хакасия» за 1941-1945 гг. Географические же рамки расширены, практически все материалы посвящены жителям районов и городов Хакасской автономной области.

Газета всегда являлась первоисточником информации (особенно в военные годы), и читатель может посмотреть на события того времени глазами современников, почувствовать атмосферу времени, времени тяжёлого и материально, и морально. По нашим наблюдениям, обращение к газетным публикациям военного времени имеют единичный характер. К ним обращаются чаще всего исследователи, краеведы, педагоги. Для других групп читателей библиотеки этот источник информации неизвестен. А ведь там можно найти интереснейший материал, который в сочетании с современными воспоминаниями очевидцев событий, архивными документами, художественными произведениями позволит расширить исторические познания о войне. Именно поэтому было принято решение о создании библиографического указателя по газетным материалам военных лет.

Круг библиографирования ограничен темой – трудовой героизм. Отбор материала проводился с учётом значимости происходящих событий.

Материалы газеты «Советская Хакасия» составляют разделы данного указателя: Промышленное производство; Лесное хозяйство; Сельское хозяйство; Строительство Абаканского канала; Фонд обороны; Помощь освобождённым районам; Наука и образование; Культура; Помощь семьям фронтовиков.

«Перестроить работу на военный лад», «Все мы куём победу», «Победа над врагом куётся в тылу», «В военное время жить и работать по-военному» – под такими лозунгами печатались материалы о работе на промышленных предприятиях. Регулярно в «Советской Хакасии» появлялись материалы о шахтах, сахарном заводе, деревообделочном комбинате, предприятиях золотой промышленности. Главными героями этих публикаций были передовики и новаторы производства, стахановцы.

Уголь, добываемый на территории области, необходим был для бесперебойной работы военных заводов Сибири, потому трест «Хакасуголь» – в центре внимания. Читателей газеты знакомили с работой коллективов Черногорского рудника, Изыхских копей. Желание помочь фронту двигало молодыми людьми, которые приходили учиться в школу ФЗО г. Черногорска. Колхозники стали осваивать новую профессию, понимая, что «Больше угля – ближе победа!». Много материалов посвящено трудовому пути мастера угля, умелому руководителю и воспитателю молодых рабочих-навалоотбойщиков г. Черногорска Владимиру Манакову.

Важную роль для военной экономики играла также золотопромышленная отрасль. О работе треста «Хакасзолото», о новаторстве, изобретательстве, социалистическом соревновании среди золотодобытчиков писалось неоднократно.

Лес был нужен разрушенной стране, фронту. Тысячи кубометров древесины отправлялись в западные области для восстановления разрушенных сёл и городов. Нуждались в нём и шахты, и рудники. В разделе «Лесное хозяйство» данного указателя представлены материалы о заготовке леса, месячниках лесозаготовок, способах повышения производительности труда, о рабочих лесозаготовительных участках, работающих под девизом «Лес – фронту!», «В лесу работать по-военному».

Корреспонденты газеты «Советская Хакасия» уделяли внимание и другим предприятиям местной промышленности. Рассказывали об их достижениях, о людях, обеспечивающих бесперебойную работу предприятий в сложнейших условиях. Поднимались также и проблемы. В первый год войны особенно много инициаторами откорма животных и птиц для фронта. Заготовкой пушнины заняты охотники-профессионалы и любители, ведутся работы по селекции пшеницы, шире развивается садоводство и огородничество, пчеловодство. По словам Фёклы Владимировны Чертыковой, зав. овцеводческой фермой, чем «лучше будут работать колхозники – тем быстрее Красная Армия разгромит врага».

Дыхание войны дошло до отдалённых районов области, поэтому трудовой энтузиазм работников всех отраслей народного хозяйства и отражали корреспонденты газеты. Тяготы и лишения военного времени испытывали и жители Хакасии. Далёкая война стала близкой.

Много сил и времени у наших земляков ушло на строительство Абаканского ирригационного канала, который был объявлен народной стройкой. Дать воду Уйбатской степи – заказ фронта. За 1940-1942 гг. построено 176 км каналов для полива 15 тыс. га земель, создано более 100 гидротехнических сооружений в Усть-Абаканском районе. Это дало возможность орошать большую часть Абаканской степи. В рубрике «На строительстве Абаканского канала» рассказывали о самоотверженном труде представителей колхозов и школьников. Энтузиазм народа, его изобретательность были направлены на ускорение строительства.

В течение всего военного лихолетья шла материальная помощь из Хакасии в Фонд обороны. «Советская Хакасия» тщательно освещала эту тему.

Рубрика «На вооружение Красной Армии» регулярно появлялась в газете. Желая поддержать армию, жители области проводили сбор средств на строительство танков, самолётов, сбор тёплых вещей, продуктов питания. Население участвовало в денежно-вещевых лотереях, государственных займах. С чувством патриотического долга жители Хакасии оказывали помощь жителям освобождённого Ленинграда, Калининской области. Отправлялись тысячи посылок от жителей Хакасской автономной области, колхозы посылали зерно, картофель, семена.

В разделах указателя «Культура», «Наука и образование» представлены материалы о культурной жизни, которая продолжалась, несмотря на трудное время. Работали кинотеатры, ставились театральные постановки (как на театральной сцене, так и на полевых станах, в деревенских клубах). Освещалась также работа клубов и изб-читален, книжного издательства.

В области работало 115 изб-читален, перед которыми ставилась задача стать центрами воспитательной, просветительной и агитационно-массовой работы. В избе-читальне можно было найти свежую газету, послушать беседу о международном положении, на научно-просветительную тему, по агротехнике. На избы-читальни возлагалась обязанность организатора социалистического соревнования колхозов и звеньев на полях во время сельскохозяйственных кампаний. Они являлись также популяризаторами опыта передовиков полеводства и животноводства, организаторами агротехнических зоотехнических кружков. Избачи проводили громкие читки, выезжали с передвижками на полевые станы и фермы.

Жители области участвовали в смотрах художественной самодеятельности (районных, городских, областных, краевых, всесоюзных). Учреждения культуры, в которых работа поставлена не должным образом, подвергаются критике на страницах газеты.

Поднимался вопрос сохранения археологических памятников. Освещалась работа детских садов, школ, учебных заведений. В годы войны образован Хакасский научно-исследовательский институт языка и литературы, сотрудники которого занимаются научными исследованиями, топонимикой и диалектами хакасского языка, составляются хакасские словари.

Забота о семьях фронтовиков – ещё одна тема корреспондентских заметок. Помогали отдельные граждане, коллективы предприятий и учреждений. В городах и районах создавались

дополнительные фонды для оказания единовременной помощи семьям военнослужащих, заготавливались и подвозились дрова, производился ремонт квартир. Жители Хакасии заботились и о детях-сиротах, детях фронтовиков, инвалидах Великой Отечественной войны.

Выше перечисленные темы чаще всего встречались в «Советской Хакасии», поэтому они и стали разделами указателя.

Внутри разделов материал расположен в алфавите авторов и заглавий, имеется система вспомогательных указателей: авторов, заглавий, географических названий. Аннотации носят рекомендательный характер. Указатель включает 300 библиографических записей. Источниками отбора материала является справочно-библиографический аппарат и фонд Национальной библиотеки им. Н.Г. Доможакова – сплошной просмотр газеты «Хакасия».

Указатель «Война далёкая и близкая» адресован студентам-историкам, учащимся, преподавателям, библиотечным работникам, ветеранам трудового фронта, краеведам. Он поможет более глубокому изучению этой страницы истории нашей республики.

2010

Н.Я. Артамонова,
г. Абакан

Власть и музейное дело в Восточной Сибири в 1920-1930-е гг.

Музейное дело имеет длительную историю, но особый интерес вызывают 1920-1930-е гг. XX в., когда определялась дальнейшая судьба всех музеев страны. С одной стороны – это период интенсивного развития музейного дела, краеведческого движения, с другой – происходит изменение социальных функций практически всех общественных институтов, в т. ч. и музеев по сравнению с дореволюционным временем. Развитие музейного дела в советский период имеет свои особенности, одной из которых является сильное влияние государства на всех этапах музейного строительства. Музейное дело – это область культурной деятельности, «обеспечивающей выполнение музеем своих социальных функций и являющейся объектом культурной политики государства».¹

В октябрьские дни 1917 г., последующей гражданской войны пострадали многие культурные и художественные ценности России. Что-то было утеряно, многие ценности уничтожены, либо вывезены за границу. В первые месяцы своего существования советская власть предприняла ряд мер, имевших большое значение для развития музейного дела нашей страны. Так, в 1918 г. были изданы важнейшие декреты, в т. ч. «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев при Наркомате просвещения», «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и др. Тогда же рассматривался вопрос об управлении сетью музеев.

В дореволюционной России положение музеев не предусматривало наличие некоего органа для руководства музейным делом, да и законодательной базы об охране памятников истории и культуры, по сути, не было, за исключением каких-либо особых случаев. Музеи в основном находились в ведении какой-либо общественной организации, будь то географическое, русское историческое, археологическое, антропологическое и другие общества, либо принадлежали различным ведомствам, органам самоуправления, земствам и даже частным лицам. Именно во второй половине XIX в. музей приобрёл определённые социальные функции. О необходимости создания органа, который бы ведал музеями, говорилось ещё в 1912 г. на так называемом Предварительном съезде по устройству первого Всероссийского съезда деятелей музеев. В период Февральской революции эта идея не была забыта, но, по существу, работа по созданию централизованных ор-

ганов управления музеями началась только после октябрьской революции 1917 г. При Народном комиссариате просвещения в мае 1918 г. был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Параллельно с ним существовало музейное подразделение в научном отделе, ведавшее естественно-научными и техническими музеями. В обязанности Отдела входила разработка программы жизнедеятельности музеев, строительство и управление музейной сетью, создание и контроль над исполнением музейного законодательства, а также организация выставок и проведение экскурсий, формирование и учёт государственного музейного фонда, реставрация памятников и многие другие функции.

Местные органы управления музейным делом формировались тогда же при отделах народного образования (ОНО) местных Советов, которые действовали под руководством Наркомпроса, иначе – подотделы по делам музеев и охране памятников. На Первой Всероссийской конференции по делам музеев, проходившей в Петрограде в 1919 г., стоял вопрос о разработке перспективной Программы развития музейного дела в новых исторических условиях и, естественно, принципов государственной музейной политики. На конференции прозвучал тезис, поддержанный профессионалами музейного дела о необходимости преодоления хаоса в музейном деле и создании единого общегосударственного центра по руководству музеями. Вся дальнейшая деятельность музеев осуществлялась именно в этом русле. Хотя, следует сказать, что и тогда, и в последующие годы единой позиции о степени и формах централизации музейного дела не сложилось. Поскольку на конференции присутствовали в основном представители крупных музеев Москвы и Петрограда, и основные положения прозвучали из так называемой московской декларации, то, по существу, остались в стороне провинциальные музеи. Кстати сказать, впервые в научный оборот материалы конференции были введены в конце 1970-х гг. Анной Борисовной Закс,² видным отечественным музееведом, ученицей краеведа, исследователя Москвы Николая Александровича Гейнике.

В июне 1919 г. Отдел по делам музеев и охране памятников разделился на девять подотделов, в числе которых был подотдел по провинциальным музеям и охране памятников. С ноября 1920 г. после создания при Народном комиссариате просвещения Главного политико-просветительного комитета Республики (иначе Главполитпросвета), начался жёсткий контроль со стороны Главполитпросвета за работой музейного отдела. Дело в том, что Главполитпросвет объединял и направлял всю политико-просветительную и агитационно-пропагандистскую работу в стране. При местных отделах народного образования учреждаются областные, губернские и уездные органы Главполитпросвета – облполитпросветы, губполитпросветы и уездполитпросветы, которые осуществляли всю политико-просветительную работу по инструкциям, разработанным Главполитпросветом. В июне 1930 г. Главполитпросвет был реорганизован в сектор массовой работы Наркомпроса. За время своего существования Отдел по делам музеев и охране памятников претерпел изменения в связи с переменами в структуре Наркомпроса. В феврале 1921 г. при Наркомпросе был создан Академический центр, куда вошёл и Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Главмузей) с отделами: учета и охраны, музейным, реставрационным и др.³

23 мая 1921 г. Наркомпрос издал также положение о губернских музейных органах. По этому положению при губернских отделах народного образования создавались губкомитеты по делам музеев – губмузеи. В их ведение переходили местные музеи. Соответственно и финансирование таких музеев переходило в местные бюджеты. За Наркомпросом оставалось общее руководство музейной деятельностью. Таким образом, в условиях новой экономической политики при проведении централизации музейной сети всей страны, государственная политика была направлена не только на создание чёткой музейной структуры, условий для всеобщего контроля за деятельностью музеев, но и стремилась добиться этого как можно меньшими финансовыми затратами.

Главмузей функционировал недолгое время. В январе 1922 г. было создано Главное управле-

ние научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука), которое включало в себя также отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины.⁴ Музейный отдел Главнауки стал, единственным органом, курирующим все музеи, подведомственные Наркомпросу. В 1923 г. музеи бывших губернских учёных архивных комиссий и статистических комитетов, а также отдельные музеи, имевшие краеведческую направленность, получили значение общегосударственных и поступили в распоряжение Главнауки Наркомпроса. Ряд музеев находился под управлением отраслевых наркоматов и других органов управления, поскольку Наркомпрос не имел физических возможностей и материальных средств освоить все национализированные ценности и обеспечить сохранение и надлежащий уход за ними. Согласно списку 1925 г., в сеть музеев государственного значения вошли губернские, областные и республиканские музеи, а также уездные музеи, обладавшие особо ценными коллекциями, например, Енисейский, Минусинский. В первые годы советской власти, с одной стороны, произошли прогрессивные изменения в организации музейного дела России, но вместе с тем, с началом государственного руководства музейным делом, закладывались основы дальнейшей политизации музейного дела и превращения музеев в идеологическое средство.

1920-1930-е гг. были очень трудными для музеев Сибири. Музейные здания обветшали и нуждались в ремонте, не было топлива, многие музеи не финансировались. Очень низкой была заработная плата музейных работников. Так, Ачинский окружной музей Причулымского края во время гражданской войны перебрасывался из одного помещения в другое, поскольку здание было необходимо для военных нужд. Судя по архивным источникам, остатки бывшего публичного музея существовали в роли педагогического музея ачинских школ до октября 1925 г.⁵ Здания Ачинского, Приенисейского, Минусинского, Иркутского областного музеев, по существу, были непригодными для нормальной работы. Требовался ремонт. Температура в некоторых зданиях музеев держалась ниже нуля.

Усиление роли идеологических факторов по всем направлениям культуры проявилось в повышенном внимании к памятникам революционных событий (циркуляр Президиума ВЦИК «О выявлении и охране памятников революционных движений», 1927), которое повлекло за собой снос древних сооружений. К 1930 г. из ранее зарегистрированных 10 тыс. недвижимых памятников искусства и старины под охраной оставалось около 1,2 тысячи, а к 1935 – только около 600.⁶ Непростое положение, в котором оказалось музейное дело в 1920-е гг., все же не прервало развитие музееведческой мысли. Вопросы о музеях обсуждались постоянно на музейных и краеведческих конференциях, на страницах музееведческих изданий, создавались специальные подразделения в структуре органов государственной власти и научных учреждений и т.д. Анализ научной литературы показывает, что во втор. пол. XIX – нач. XX вв. в развитии музеев были актуальны такие направления, как совершенствование учётной работы, формы представления предметов в интересах публики, наконец, количественный рост музеев. И это в целом способствовало демократизации музеев, то есть, с одной стороны, была заметна определяющая роль учёных, в первую очередь, разночинной интеллигенции, купечества – в создании и деятельности в столичных и провинциальных музеях. С другой – наблюдалось зарождение музеев нового типа (публичных или общественных), главная задача которых состояла в просвещении народных масс и распространении научных знаний. В послереволюционные же годы эта функция музея дополнилась мыслью о том, что музей в первую очередь должен стать идеологическим, научно-просветительным учреждением. Одной из приоритетных задач музея должно быть изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны. В то же время в 20-30-е гг. XX в. обращалось серьёзное внимание на создание источниковой базы науки, развитие краеведческого движения и организацию самостоятельных исследований; разработку и внедрение новых подходов в теории музейного строительства в целом и в создании музейных экспозиций, в частности.

Материальное положение местных музеев было тяжёлым. Притом, сами местные органы власти отмечали, что перевод музеев с государственного бюджета на местный приблизит музеи к местным организациям, оживит их работу и вообще перевод на местный бюджет не ухудшил, якобы, по сравнению с прошлым, материальное положение музеев. Но местные власти признавали, что всё же, ассигнования на музеи далеко не соответствуют установленной Главнаукой зарплате и не обеспечивают нормальной научно-исследовательской работы музеев.

В одном из писем заведующего Минусинским музеем А.В. Харчевникова в Краевой отдел народного образования можно найти сведения о несложившихся отношениях с горсоветом и райисполкомом, у которых отношение к музею было «прескверное» и над музеем навис ряд бед. Александр Васильевич убедительно просит перевести музей с Шушенским отделением на краевой бюджет. «Без краевого бюджета положение смерти подобно будет. Горсовет нас заест».⁷ В январе 1930 г. Общество изучения Сибири направило Сибкрайисполкому письмо, в котором выразило солидарность с Крайоно о материальной поддержке Минусинского музея.⁸ Сами местные музеи принимали некоторые усилия, чтобы облегчить своё материально-бытовое положение. Делали благотворительные концерты (Минусинский музей), хотя сами благотворители, в частности, заведующий Кожанчиков с женой получали небольшую зарплату. Попытка улучшить материальное положение музеев за счёт платы с экскурсий, ситуацию не меняло. В целом экскурсии в музеях были бесплатными, плата взималась лишь с одиночных посетителей по воскресным и праздничным дням в размере 5 коп. с членов профсоюза и 15 – с не членов, как это было в Приенисейском музее. Лекции также были бесплатными.⁹ Сибкрайоно контролировал музейное дело в Сибирском крае и даже посвящал этому отдельные вопросы в повестке своих заседаний. Так, например, в 1928 г. коллегия Сибкрайоно предлагала Окроно принять меры в будущем году по усилению ассигнований музеям в части расходов на зарплату, научно-исследовательскую деятельность и оборудование, введя затраты на оборудование в качестве постоянной бюджетной статьи. Предлагалось обратить особое внимание на тяжёлое материальное положение Барнаульского, Улалинского и Канского музеев.¹⁰

Местные музеи в начальный период Советской власти не имели утверждённого положения о музее или Устава. Так, в отчёте государственного музея Приенисейского края (г. Красноярск) за 1925-1926 гг. отмечается, что «его деятельность направляется теми задачами, какие музей ставит себе, как краеведное исследовательское и научно-просветительское учреждение».¹¹ Подобная ситуация была в Иркутском областном музее. В названном выше заседании коллегии Сибкрайоно 30 марта 1928 г. был рассмотрен вопрос о недостаточном укомплектовании музеев квалифицированными работниками в музеях Барнаула, Бийска, Красноярска, Омска, Минусинска, и Сибкрайоно предложил музейно-краеведческой инспектуре принять меры к пополнению музеев кадрами.¹² А проблема с кадрами на самом деле стояла очень остро. В Ачинском музее с 1925 по 1930 гг. включительно было два работника: зав. музеем А.В. Блуменау, научный сотрудник П.Е. Чернявский и уборщица.¹³ Управление ими осуществлялось губернскими комитетами по делам музеев и охраны памятников при отделах народного образования. Отмечалась и слабая обеспеченность научным составом. В то же время ввести кого-либо в штат было нереально за отсутствием средств и такие ценные работники, которые сотрудничали с местными музеями, в частности, с Приенисейским музеем, как Н.К. Ауэрбах, В.И. Громов, Г.П. Сосновский были вынуждены оставить работу в музее в 1925-1926 гг.¹⁴

На вышеназванном заседании коллегии Сибкрайоно от 30 марта 1928 г. было обращено внимание на «чрезвычайно острый жилищный кризис музеев и непригодность занимаемых музеями зданий к музейным целям», предлагалось Окроно принять «решительные меры» к ликвидации этого кризиса, «путём предоставления новых зданий (Ачинск), расширения суще-

ствующих (Омск, Новосибирск), ремонта зданий (Томск, Минусинск, Енисейск), восстановления (Красноярск)».¹⁵

Управление музеями во втор. пол. 1920-х гг. подверглось изменениям, связанным с обострением внутривластной борьбы, тенденциями к командно-административной системе руководства. Музеи превратились в политико-просветительные учреждения, выполнявшие, в первую очередь, задачи идеологического, агитационно-пропагандистского характера. Сибкрайон отмечал, что некоторые музеи Сибири, в т. ч. минусинский, барнаульский, до сих пор ещё не отказались от старых традиционных методов работы и не привлекли внимание широких общественных кругов и не развили краеведческой работы среди широких масс трудящихся. В то же время отмечалось, что музеи Сибирского края проделали большую работу в части научно-исследовательской деятельности и «популяризации краеведных достижений за годы революции».¹⁶ Коллегия Сибкрайон считала целесообразным распространение опыта работы музеев при помощи выставок (Омск, Красноярск, Иркутск) и привлечения учащейся и рабочей молодёжи, а также работников просвещения, объединяемых в группы «Друзей музея» (Новосибирск, Красноярск, Томск) на все музеи Сибири.¹⁷

И ещё на один недостаток обратила внимание коллегия Сибкрайон: «принимая во внимание недостаточность увязки работы музеев с практическими запросами района», необходимо инспектуре крайон, окроно и музеям принять меры к тому, чтобы в дальнейшем работа музеев строилась на основе учёта хозяйственных и культурных потребностей района с привлечением к активному участию в музейной работе хозяйственных, культурных и общественных организаций».¹⁸

В силу своей роли в культурной жизни края местные музеи испытали одними из первых идейно-политическое давление со стороны власти. В первые годы советской власти реорганизация их жизнедеятельности осуществлялась довольно часто, что, по меньшей мере, приводило краеведческие музеи к содержательному однообразию и практически лишало их индивидуальности. Первые попытки унификации были заложены в «Положении о губернском музее», разработанном Наркомпросом ещё в 1925 г. Организационная структура музея стала шаблонной и включала естественно-исторический, культурно-исторический, социально-экономический и революционный отделы (если в регионе не было историко-революционного музея). Даже название у всех музеев было стандартным. Оно включало в себя указание на географическое местоположение музея и обязательное слово «краеведческий». В дальнейшем данное «Положение» 1925 г. легло в основу последующих типовых положений о краеведческом музее. В соответствии с этим Положением с октября 1925 г. Ачинский музей стал называться Ачинским музеем краеведения, а с начала 1927 г., в результате определения районов деятельности музеев Сибирского края на музейной конференции (декабрь 1926 г., Новосибирск), стал называться музеем Причудымского края с января 1927 г.¹⁹

Как свидетельствуют источники, в связи с постоянной реорганизацией музейной сети на местах во втор. пол. 1920-х гг. произошло механическое объединение разных музеев, имевшихся в одном регионе – в краеведческие. Термин «местные музеи» употреблялся до сер. 1930-х гг. К 1930 г. все республиканские, краевые и областные центры имели свои краеведческие музеи. Руководство краеведческими музеями, переданными на местный бюджет, возлагалось на политико-просветительские отделы местных исполнительных комитетов. В кон. 20-х – нач. 30-х гг. XX в. становится модным иметь музей едва ли не в каждом районе. Так, в 1927-28 гг. были созданы музеи в Боготоле, Ужуре, но просуществовали они чуть более года. Затем были закрыты за неимением помещений, часть экспонатов Ужурского музея была передана в Ачинский.²⁰

С сер. 1920-х гг. в связи с общими тенденциями политизации и идеологизации общественной жизни музей стал рассматриваться как «проводник политического просвещения», а на рубеже

1920-30-х гг., когда утверждается термин «политико-просветительная работа», это направление становится главенствующим в музейной деятельности. Но самые обыденные проблемы (например, отсутствие нормального помещения, дефицит кадров и плохое финансирование), зачастую сводили на «нет» выполнение основного назначения музеев – широкой популяризации краеведческих знаний среди масс. Все эти тенденции получили окончательное закрепление в решениях первого Всероссийского музейного съезда в 1930 г. Направление его работы было определено в письме наркома образования РСФСР А. Бубнова, который призывал преодолеть «реакционное рутинерство», отойти от «музеев-кунсткамер», поставить их на службу социалистическому строительству. Первый Всероссийский музейный съезд определил дальнейшее развитие музейного дела в России на долгие годы.

2011

Примечания:

¹ Сундиева А. О базовых понятиях музейной науки // Музей. -2009. -№5. –С.7.

² Ананьев В.Г. Проект создания церковного музея на первой Всероссийской конференции по делам музеев 1919 г.: к истории взаимоотношений музея и церкви. (Электронный ресурс) religio.rags.ru/journal/2011/2011...126...ananbev.pdf (Дата использования 23.07.2012); Сундаева А.А. История одной декларации. (Электронный ресурс) museolog.rsu.ru/pdf/istoriya_odnoi... (Дата использования 23.07.2012)

³ Горелова С.А. Первая Всероссийская реставрационная конференция 1921 года // Электронный ресурс art-con.ru/node/1193 – Дата использования 24.07.2012

⁴ Там же.

⁵ Государственное казённое учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области» (ГКУ НО ГАНО). Ф. 217, оп.1, ед.хр.13, л.4об.

⁶ См. Дьячков А.Н. Охрана памятников // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Том 2. – С.202.

⁷ ГКУ НО ГАНО. Ф. 217, оп. 1, ед.хр.179, л.2об.

⁸ Там же. Л.19

⁹ Там же. Ед.хр.14, л.63.

¹⁰ Краевое государственное казённое учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф.137, оп.1, д.24, л.76 об.

¹¹ ГКУ НО ГАНО . Ф.217, оп. 1, ед.хр.14, л.1.

¹² КГКУ «ГАКК». Ф.137, оп.1, д.24, л.76 об.

¹³ ГКУ НО ГАНО. Ф.217, оп. 1, ед.хр.14, л.6.

¹⁴ ГКУ НО ГАНО. Ф.217, оп. 1, ед.хр.14, л.2.

¹⁵ КГКУ «ГАКК». Ф.137, оп.1, д.24, л.76 об.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГКУ НО ГАНО. Ф.217, оп. 1, ед.хр.13, л. 4 об.

²⁰ ГКУ НО ГАНО. ф.217, оп. 1, ед.хр.13, л. 7 об.

Л.К. Базыр,
г. Кызыл, Тыва

Культурное развитие Тувинской Народной Республики в экспозиции Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

К 90-летию Тувинской Народной Республики: 1921-1944

Один из древнейших тюркоязычных этносов Центральной Азии – это тувинцы, народ с многовековой историей, своеобразной материальной и духовной культурой. Историю и культуру древних жителей Тувы хранит Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Музей основан в 1929 г. Долгое время он не имел постоянного помещения, только в 1945 г. ему предоставили обширное здание по улице Ленина дом № 7, а в 2008 г. переехали в новое здание по улице Титова дом № 30.

В настоящее время в музее работают 17 экспозиционных залов и стеларий «История Тувы в каменных изваяниях». Экспозиции наглядно и достоверно отражают богатство и красоту природы, развитие культуры, экономики Республики Тыва.

В 2009 г. в музее была оформлена выставка на тему «Культурное развитие Тувинской Народной Республики», которая знакомила посетителей с первыми изданиями газет и книг на русском, тувинском, монгольском языках и с известными людьми, которые сыграли большую роль в развитии культуры Тувы.

В 1924 г. в Кызыле открылась первая типография, которая выпускала газету «Красный пахарь» на русском языке, позднее ставшая газетой «Тувинская правда». С 1925 г. издавалась газета на монгольском языке, выходившая раз в месяц тиражом 500 экземпляров.

До 1930 г., до создания тувинской национальной письменности, в Туве существовала старомонгольская письменность. Ею владели только богатые люди и ламы в храмах. Чтобы знать монгольскую письменность, нужно знать и монгольский язык, который тувинскому народу оставался чуждым. Монгольская письменность пишется сверху вниз (вертикальное письмо) и состоит из 29 букв: 7 гласных, 22 согласных. В настоящее время в Центральном Государственном архиве Республики Тыва и фондах Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва хранятся документы на старомонгольской письменности. Старописьменным монгольским языком владело 1,5% тувинского населения. Абсолютное большинство тувинцев не знали монгольского языка, издавна говорили только на своём родном тувинском языке. Поэтому тувинскому народу нужна была своя письменность на основе тувинского языка.

С 1921 г., после образования Тувинской Народной Республики, молодому государству нужна была своя письменность. Перед государством встал вопрос о создании национальной письменности. Предлагались кириллица, латинский, монгольский алфавиты, но они не были приняты.

История создания тувинской письменности не будет полной без истории проекта алфавита тувинских лам Лопсан-Чимит и Севээн.

Лопсан-Чимит родился в 1888 г. Получил начальное буддийское образование. Потом его отправили в Монголию и Тибет. В общей сложности он учился 18 лет, после чего служил в Верхне-Чаданском храме ламой. В 1929 г. Правительство Тувинской Народной Республики поручило Монгуш Лопсан-Чимиту создать национальную письменность. Он создал свой алфавит на основе латиницы. В течение года он проделал огромную работу, изучал письменность некоторых азиатских стран и их звуковой строй. У проекта была объяснительная записка. В данное время нам стали известны 4 главы на старомонгольской письменности.

В 1-ой главе «Общие свойства букв» Лопсан-Чимит даёт характеристику деления букв согласного древнеиндийской и тибетской традиционным лингвистическим школам.

Во 2-ой главе «Возникновение письменности в странах Азии и Европы» он подробно рассматривает историю письменности таких стран как Индия, Тибет, Монголия, Маньчжурия и стран Европы. Наибольшее внимания заслуживает история монгольского языка.

В 3-ей главе «Какую графику и произношение какой страны использовали для алфавита тувинского языка» автор даёт подробное объяснение произношению букв, а также примеры.

Утверждения некоторых учёных о том, что была попытка создания тувинской письменности на основе старомонгольской письменности во всяком случае не находит никакого подтверждения. Так, М. Лопсан-Чимит в 4-ой главе «О невозможности использования русской, монгольской, тибетской графики» пишет, что пришлось бы ещё добавлять 40 букв и ставить различные знаки в монгольское письмо, а это привело бы к значительному изменению орфографии.

Записка была переведена на русский язык и отправлена учёному Поппе в Санкт-Петербург для изучения. Лопсан-Чимита приглашали в Санкт-Петербург со своим проектом, но он отказался. Отправил письмо, что не может ехать в такую дальнюю дорогу. Алфавит был положительно оценён АН СССР и утверждён Малым Хуралом ТНР.

В 1931-1932 гг. М. Лопсан-Чимит был репрессирован «за контрреволюционную деятельность», на самом же деле за неподходящую властям биографию. 26 октября 1940 г. «учёный лама» был

незаконно арестован. В 1941 г. с 7-мью своими товарищами-ламами он был расстрелян. В 1965 г. из-за отсутствия состава преступления все они были реабилитированы.

В начале июня 1930 г. в Туву прибыла научная экспедиция под руководством проректора Коммунистического Университета Трудящихся Востока (КУТВ) Д. Покровского. Они привезли с собой готовый проект письменности и тираж букваря для взрослых 4 тыс. экземпляров.

Для подготовки учительских кадров создавались курсы, молодёжь направлялась на учёбу в СССР. В Кызыле были подготовлены 200 человек, которые затем были отправлены в хошуны в качестве учителей школ и кружков.

Население республики встретило появление тувинской национальной письменности с большим энтузиазмом. Было создано общество «Долой неграмотность». С созданием тувинской письменности начали издаваться газеты, книги, брошюры на тувинском языке. В это время увидело свет свыше 340 изданий, книг и брошюр, печатавшихся различными тиражами. Культурная обстановка ТНР зависела от реформ советского государства. Были характерны массовый интерес к театру с плакатностью, карикатурой, лозунгами, повсеместное проведение поэтических конкурсов, открытие многочисленных издательств, образование литературных кружков.

В составлении и распространении тувинской письменности огромную роль сыграл А.А. Пальмбах. Он окончил Витебскую мужскую гимназию, затем Московский археологический институт. В 1925 г. работал в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока (КУТВ). Там встретился с тувинскими студентами Седип-оолом и Тока. В 1930 г. стал первым учителем тувинской письменности. Участвовал в издании учебников тувинского языка, переводил на русский язык тувинские произведения, в т. ч. «Слово арата» С. Тока, «Рассказы Самбукая» – произведения коллективных авторов. Более 35 лет посвятил тувинскому языкознанию, тувинской литературе, подготовке национальных кадров.

Большую роль в становлении тувинской литературы сыграли переводы произведений великих русских писателей А.С. Пушкина, М. Горького.

У тувинского народа очень богатое устное народное творчество, которое является основой тувинской литературы. В 1926 г. впервые на страницах газет Тувы появляется стихотворение Донгак Барыкаан «Восьмое марта». «Бабушкой» тувинской литературы назвал её известный тувинский писатель М.Б. Кенин-Лопсан. Она знала много сказок, песен и пословиц тувинского народа.

Кыргыз Тадаевич Аракчаа – переводчик с монгольского языка. Начальное образование получил в Эрзинском буддийском храме. К.Т. Аракчаа написал о роли Лопсан-Чимита в создании тувинской письменности в статье «Тыва бижикке киирген улуну» (Доля, внесённая в тувинскую письменность), опубликованной в газете «Шын» от 19 апреля 1989 г. После этой статьи появляются и другие, написанные учёными Тувы. К сожалению, у авторов до сих пор нет общего мнения об истории создания тувинской письменности, о роли основных авторов создания тувинского алфавита, в т. ч. автора тувинского варианта. К.Д. Аракчаа перевёл на тувинский язык произведения монгольских авторов «Арыг суглуг Тамир» («Прозрачный Тамир»), «Шил-Даш корунчук» («Хрустальное зеркало»).

Салчак Сотпаевич Лопсан вошёл в историю тувинской культуры и науки как один из видных деятелей, сыгравший большую роль в переводе тувинской письменности с латинизированного алфавита на кириллицу, в создании первых русско-тувинских словарей и учебных пособий по тувинскому языку.

Тувинская письменность на основе латинского алфавита просуществовала 10 лет, в 1941 г. переведена на кириллицу. На самом деле русский алфавит не чужд для тувинского народа. В кон. XIX в. великими учёными В.В. Радловым и Н.В. Катановым использовалась русская письменность при написании тувинских слов. Они собирали в Туве у тувинских сказителей жанры

устного народного творчества. Алфавит содержит в себе 36 знаков – взяты все буквы русского алфавита и добавлены к ним 3 знака: «⇒», «\», «ё», поэтому стало 39 букв.

В культурном развитии Тувы сыграли большую роль советские учёные.

В.В. Радлов (1837 – 1919), первый собиратель и издатель тувинского фольклора, он же впервые в истории науки дешифровал орхоно-енисейские надписи.

Н.Ф. Катанов (1862-1922), профессор, автор труда «Опыт исследования урянхайского (тувинского) языка», вышедшего в Казани в 1903 г. Катанов является участником создания первого тувинского алфавита.

С сер. XX в. появляются талантливые тувинские учёные и писатели Тувы, один из самых известных – Ш.Ч. Сат.

Шулуу Чыргал-оолович Сат – доктор филологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР, Заслуженный учитель школы Тувинской АССР. Родился 15 сентября 1926 г. Со студенческих лет обнаружил большие способности к языкознанию: писал курсовые и дипломную работы под руководством выдающегося фонетика, монголоведа и тюрколога В.М. Наделяева. За успехи в учёбе в университете получал Сталинскую стипендию. Работал над «Русско-тувинским словарём» (1955) и написал в качестве приложения к словарю грамматический очерк. Это было второе после знаменитого труда Н.Ф. Катанова системное описание строя тувинского языка. Он автор свыше 100 научных публикаций, редактор и рецензент огромного числа научных и научно-методических работ, учебников для вуза и школ республики.

У истоков тувинской литературы стоят такие писатели, как С.К. Тока, С.А. Сарыг-оол, В.Ш. Кок-оол, С.Б. Пюрбю, Л.Б. Чадамба и др.

Салчак Калбакхорекевич Тока – видный политический деятель, Народный писатель Тувинской АССР. Он родился 15 декабря 1901 г. Более сорока лет в 20 столетии развитие тувинского общества тесно связано с именем С.К. Тока. Его яркая личность и многогранная деятельность оставили глубокий след в истории и памяти многонационального народа Тувы. В 1925 г. Салчак Тока в числе первых из десяти тувинцев был направлен в Москву в Коммунистический Университет Трудящихся Востока, (КУТВ), который закончил в 1929 г. В ноябре 1929 г., на VIII съезде, Тока избирается членом Политбюро и вторым секретарём ЦК партии, одновременно он является министром культуры ТНР. 28 октября 1933 г. он избирается генеральным секретарём ЦК ТНРП.

Велика заслуга С. Тока в создании в нач. 1930-х гг. национальной письменности, положившей начало широкому развёртыванию всеобуча, зарождению печати, книгоизданию, литературы, появлению театра и очагов культуры. С.К. Тока – Герой Социалистического Труда, награждён 7-ю орденами Ленина.

Заветной мечтой С. Тока была присоединение Тувы к СССР. 11 октября 1944 г. Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР как Автономная область. Сразу после вхождения началась работа по включению в политическую, экономическую и социальную систему СССР. В 1961 г. Тувинская Автономная область становится Тувинской АССР.

Салчак Тока был не только политическим и партийным лидером, но и известным писателем, драматургом. Его литературное наследие насчитывает пять томов прозы, пьес и литературно-публицистических произведений. С. Тока – Народный писатель Тувинской АССР, лауреат государственных премий СССР. Самым значимым произведением С. Тока является его автобиографическая трилогия «Слово арата», переведённая на многие языки народов СССР и зарубежных стран.

Во время руководства С. Тока в Туве закончились репрессии. К сожалению, в условиях «демократической эйфории» начала 1990-х гг. в газетах писали о нём много горьких слов, даже хотели снести бюст, установленный ему в центре г. Кызыла. Умер С. Тока 11 мая 1973 г.

С.А. Сарыг-оол – писатель, поэт, собиратель тувинского фольклора. Широкое признание у читателей получила «Повесть о светлом мальчике». В соавторстве с писателем Сагаан-оолом на-

писал сценарий для художественного фильма «Люди голубых рек». Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы Народов, «Знак Почёта» и медалями. Заслуженный деятель литературы и искусства Тувинской АССР, народный писатель Тувинской АССР.

В.Ш. Кок-оол – артист и драматург. Он сыграл более сорока ролей в театре и кино. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями. Заслуженный артист РСФСР, народный артист Тувинской АССР. Был членом Всероссийского театрального общества, членом Союза писателей. Умер 20 февраля 1980 г.

Тувинский театр – один из центров новой культуры, который возник в первые годы народной власти. Он открылся 25 марта 1936 г. как театр-студия при Кызыльском учебном комбинате, а в 1940 г. реорганизовался в Государственный музыкально-драматический театр-студию.

В настоящее время Тувинский Музыкально-драматический театр носит имя В.Ш. Кок-оола. В развитии тувинского театра, музыкального и хореографического искусства сыграли большую роль хормейстер С. Булатов, композитор А.Н. Аксёнов, дирижёры Р.Г. Миронович и Л.И. Израйлевич, балетмейстер А.В. Шатин, режиссер И.Я. Исполнев и другие. В Тувинском Музыкально-драматическом театре выросли такие известные артисты, как Кара-кыс и Максим Мунзуки, Виктор Кок-оол, Хургулек Конгар, А. Лаптан и многие другие, удостоенные впоследствии почётных званий народных и заслуженных артистов РСФСР и Тувинской АССР.

Сегодня в Республике Тыва активно строятся новые школы, и увеличивается число учащихся. Обучение ведётся на русском и тувинском языках. Молодёжь получает высшее и средне-специальное образование. Местные газеты и журналы издаются на русском и тувинском языках. Государственными языками являются и русский, и тувинский языки. Республика Тыва теперь имеет научно разработанную письменность и развитый литературный тувинский язык.

2011

Литература:

1. Бичелдей К.А. 80 лет тувинской письменности: становление, развитие и перспективы./Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию тувинской письменности 1 – 4 июня 2010 г. 1 часть/. – Кызыл, 2010.
2. Донгак У.А. Особенности литературного творчества 1920-х – нач. 1940-х годов в Туве: Времени первых литературных произведений./ Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию тувинской письменности 1 – 4 июля 2010 г. 2 часть/. – Кызыл, 2010 г.
3. Летопись Тувы – 2009. Историко-краеведческий альманах.
4. Писатели Тувы. Библиографический справочник. Издание 2-ое, дополненное. – Кызыл, 1982.
5. Дыртык-оол М.О. Экскурсионный текст «Культурное развитие Тувинской Народной Республики» (3 этаж, 2 зал.). – Кызыл, 2009.
6. Из истории перевода тувинской письменности на русский алфавит и создания учебников тувинского языка. /Материалы, посвящённые к 100-летию со дня рождения С.С. Лопсана/. – Рукописный архив НМ РТ.
7. Самдан А. Проект письменности М. Лопсан-Чимит. – Журнал «Башкы» 5,6. – Кызыл, 1999.

Г.М. Белошапкина,
г. Минусинск

Роль школьного краеведческого музея в патриотическом воспитании школьников

Большую роль в решении педагогических задач по изучению родного края играет Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. В связи с этим школьный музей также способствует формированию у учащихся гражданско-патриотических качеств, чувства любви к малой Родине, уважения к опыту предыдущих поколений.

Школьный музей – база для углубленного изучения истории города, школы. Он даёт возможность изучать прошлое не только через созерцательное восприятие, но и активно участвовать в историко-краеведческой работе, взаимодействовать с музейной средой г. Минусинска.

Музейная среда формирует практические навыки поисково-исследовательской деятельности, развивает инициативу, общественную активность школьников, предоставляет большие возможности для организации самостоятельной и творческой работы учащихся.

В современной школе учатся дети с новым миропониманием, поэтому сегодня очень важно прибегать к методам и средствам, имеющим наибольшее воздействие на подрастающее поколение, одним из которых является школьный музей.

В МОБУ «Гимназия № 1» работает школьный краеведческий музей «Искра». Музей имеет паспорт и включён в реестр школьных музеев.

Музей начал свою работу благодаря инициативе школьного и педагогического коллектива. Стал тем местом, где были воплощены замыслы, цели учителей и ребят. В музее создана стендовая экспозиция об учителях-ветеранах гимназии, ведётся активная работа по сбору материала об истории школы и микрорайона. На базе музея организовано сотрудничество с Домом ветеранов № 2, тружениками тыла и труда. Организация школьного музея стала одной из лучших форм общественно-полезной работы, объединяющая учителей, родителей, учащихся и людей старшего поколения.

Составление тематического плана, является условием целенаправленного поиска материалов. Особое внимание уделяется истории нашей школы, ветеранам тыла и труда, участникам Великой Отечественной войны. Определились основные направления поиска: «Как это начиналось», «Отрывая лист календаря», «Мудрости вечный родник» и другие. Сбор материалов ведётся через систему заданий, разработкой которых занимается совет музея, учителя истории, литературы, краеведения. Учащиеся школы записывают воспоминания ветеранов войны и тыла, живущих в нашем микрорайоне, собирают материал об учителях-ветеранах, работавших и работающих в нашей гимназии, ведётся сбор материалов о современном периоде гимназии.

Музейными экспонатами стали книги «Минусинцы в Великая Отечественная...» (части 1,2), фотографии школы № 10, грамоты и дипломы, творческие и исследовательские работы учителей и учащихся.

Одной из форм изучения местного края, его истории и современного состояния является историко-краеведческая экскурсия, которая даёт возможность учащимся знакомиться с подлинными памятниками истории, краеведческими объектами в их естественных условиях.

В практике работы школьного музея используются экскурсии по экспозициям и выставкам краеведческого музея им. Мартянова, посещение памятных мест города.

Экскурсионный маршрут с посещением памятных мест составлен так, чтобы взглянуть на знакомое место по-новому, понять его исторический смысл. Возможно, не все знают, где стоял первый дом в Минусинске, когда был открыт первый кинотеатр, что архитектурные строения в нашем городе это образец самобытного художественного стиля. Материал, полученный на такой экскурсии, способствует повышению интереса к истории города, истории как науки, развивает чувства любви к своему Отечеству.

Разрабатывая тематику экскурсий, учащиеся изучают специальную краеведческую литературу, анализируют фотодокументы, архивные материалы. В результате разработаны следующие тематические экскурсии: «История школы», «Здесь прожито и понято немало», «Для Вас всегда открыта в школе дверь», «Этих дней не смолкнет слава», «Мудрости вечный родник». В перспективе планируется проведение экскурсий на английском языке, для поддержания лингвистического профиля гимназии.

На сайте гимназии есть раздел «Музей Искра», где размещён материал о музее который посто-

янно пополняется. В практике учителей музейные уроки, посвящённые краеведческим темам.

Внеклассная работа, проводимая в школьном музее, направлена на историко-краеведческое воспитание. Встречи учащихся с ветеранами войны, традиционные праздники ко дню Победы, викторины, участие в Мартъяновских чтениях – всё это развивает интерес и углубляет знания учащихся в области истории родного края.

Работа педагогов, а самое главное учащихся несёт фундаментальную закладку в духовно-нравственном становлении подростков. Ведь именно патриотизм, желание служить Отечеству, стараться быть не только успешным человеком, но и приносить пользу стране, является основой всей воспитательной работы в любом образовательном учреждении.

2011

Литература:

1. Ашурков В.Н. Историческое краеведение. М. Просвещение 1982.
2. Гостев А. Воспитание историей. Народное образование №6, 1998.
3. Столяров Б.А. Музейная педагогика, история, теория, практика. Высшая школа 2004. Столяров Б.А.
4. Рубин А.А., Юрченко З.В. Внеурочная работа по общественным предметам. преподавание истории в школе №5 1991.

Н.А. Голованенко,
г. Минусинск

История одного портрета

Одним из актуальнейших вопросов для музеев, особенно, для музеев, которые находятся в значительной удалённости от центральных регионов России с их специалистами в области искусствоведения, знатоков изобразительного искусства, остаётся вопрос атрибуции тех или иных экспонатов.

В старейших музеях предметы поступали на протяжении многих лет, зачастую при невыясненных обстоятельствах, от неизвестных людей, не имеющие достаточного описания. Зачастую их атрибутируют очень кратко или вообще отсутствует описание.

В Минусинском музее, как и в любом другом, немало таких предметов. Среди них «Портрет неизвестной».

Впервые он был представлен Мартъяновским музеем на выставке портретов из собрания музея в 1980 г. Далеко не единичный случай, когда при отсутствии точной информации и очевидного сходства персонажей картины, полотно получает описание как Портреты неизвестных. Впоследствии, в связи с тем, что картина датирована автором – некой В. Коноваловой 1885 г., её поместили в экспозицию Музея декабристов в Минусинске, открытого в 1997 г.

Установить личность, изображённую на картине, помог случай. По инициативе потомков Дома Романовых и по соглашению правительств России и Дании прах императрицы Марии Фёдоровны был перенесён в Россию и 28 сентября 2006 г. перезахоронен в фамильную усыпальницу Романовых. Перенос останков состоялся в 140-ю годовщину прибытия принцессы Дагмары в Россию в качестве невесты будущего государя.

История Дагмары. Принцесса Дагмара родилась в 1847 г. в Копенгагене в семье будущего короля Кристиана IX. Среди её братьев и сестёр были будущий король Дании Фредерик VIII, будущий король Греции Георг I, а также будущая королева Англии Александра.

В 1866 г. принцесса Дагмара вышла замуж за наследника российского Императорского престола Александра Александровича, который с 1881 г. до своей смерти в 1894 г. пра-

*«Портрет неизвестной»
(принцесса Дагмара)
Худ. В. Коновалова, 1885 г.
МКМ ВФ. 1983.*

вил страной под именем Императора Александра III. В связи со своим замужеством принцесса Дагмара приняла православие и взяла себе имя Мария Фёдоровна. У неё родились шестеро детей, в т. ч. будущий император Николай II (правил с 1894 г. до отречения в 1917 г.).

Императрица Мария Фёдоровна на протяжении всей своей жизни активно занималась благотворительной деятельностью и внесла значительный вклад в совершенствование системы образования в России. В годы Первой мировой войны Мария Фёдоровна вела большую работу на посту главы Российского общества Красного Креста.

Императрица Мария Фёдоровна провела в России более 50 лет, пережила революцию, стоившую жизни двум её сыновьям и пяти внукам. Революционные события февраля 1917 г. застали её в Киеве, откуда она затем переехала в Крым. В 1919 г. она покинула Россию на борту английского дредноута «Мальборо».

После непродолжительного пребывания у своей сестры, вдовствующей королевы Англии Александры, Мария Фёдоровна вернулась в Данию. Начиная с 1920 г. она проводила зиму в королевском дворце Амалиенборг в Копенгагене, а остальную часть года в небольшом загородном замке Видёре под г. Клампенборг к северу от Копенгагена.

Принцесса Дагмара, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, скончалась в Видёре 13 октября 1928 г. Отпевание состоялось в соборе св. благоверного князя Александра Невского в Копенгагене. Мария Фёдоровна была похоронена в Роскильдском соборе. В связи с усилением интереса к фигуре Дагмары накануне перезахоронения к её усыпальнице в Роскильдском соборе был открыт доступ.

Вот именно с этого события и началась История одного портрета Мартьяновского музея. Директором Минусинского музея Л.Н. Ермолаевой в связи с просмотром репортажей, касающихся перезахоронения праха императрицы, в ходе которых довольно много демонстрировали различные изображения – фотографии и портреты, было отмечено некоторое сходство того самого «Портрета неизвестной», который вот уже много лет носил такое имя. При сравнении и изучении изображения сотрудниками музея было найдено несколько схожих изображений принцессы Дагмары. Интересным оказался тот факт, что наш портрет имел автора. Им являлась некая В. Коновалова. Художница указала под подписью дату написания картины – «1885 г.», а также указала город – «Минусинск».

В ходе просмотра представленных изображений принцессы Дагмары в Интернет сообщениях и репортажах, сотрудники Мартьяновского музея обнаружили один из портретов, который бесспорно являлся оригиналом нашего «Портрета неизвестной» в исполнении художницы В. Коноваловой. Данный портрет был представлен в Аничковом дворце.

Мы сразу же связались с Аничковым дворцом, в котором, в связи с перезахоронением праха Марии Фёдоровны проходила фотовыставка, подготовленная датской стороной, а именно – Датской королевской библиотекой, отделом фотографий и открыток, по заказу Агентства по культуре и искусству Дании. Аничков дворец смог сообщить лишь то, что портрет, который был нами выявлен как оригинал – шёл на выставке как парный к портрету Александра III. Автор портрета, с которого Коновалова написала свою картину, до сих пор неизвестен: портрет атрибутирован как «Неизвестный художник Портрет великой княгини Марии Фёдоровны. 1880 г.».

Нами был сделан вывод – портрет принцессы Дагмары создавался явно по фотографии. Об этом свидетельствовало точное сходство деталей – количество нитей жемчуга, бутонов в бутоньерке, украшение локонов – однако полностью не соответствовала цветовая гамма. Если на оригинальном портрете Дагмара в бело-розовом платье, то у Коноваловой выбран голубой цвет. Это позволило сделать заключение – картина писалась с чёрно-белой фотографии – копии оригинала художественного портрета Принцессы неизвестного автора. Отсюда – точное сходство деталей, и полное расхождение в цветовой гамме.

Это неудивительно: известно, что образы августейших особ были популярны, многие стремились приобрести изображение императоров и членов императорских семей. Не стоит забывать, что в 60-е гг. XIX в. увлечение фотографией повлияло на характер живописных портретов этого периода. Художники реалистично стремились передать образ героев своих полотен, словно фотографы. Позднее по России распространяются литографии, гравюры и фотопортреты царственных особ.

Нужно отметить, что в процессе поиска оригинала портрета Марии Фёдоровны, с которого Коновалова писала свою картину было выявлено множество похожих изображений. Таковым стала картина Виктора Алексеевича Боброва «Портрет цесаревны Марии Фёдоровны 1882», написанный уже позднее на 2 года. Бобров добавил в обрамление портрета элементы растительности – колосья. Не случайна корона вверху картины Боброва – с 1881 г. Дагмара становится цесаревной Российской. В то время как оригинал портрета, написанный неизвестным автором в 1880 г., выполнен ещё в период, когда Мария Фёдоровна являлась княгиней.

Различным художникам принадлежат портреты Марии Фёдоровны – это работы Ивана Крамского, Владимира Егоровича Маковского, Николая Шильдера, Николая Андреевича Кошелева, Тейхеля и Беккера. Известнейший датский придворный живописец Туксен писал портреты торжественные, посвящённые церемонии коронации или изображению царственных особ в праздничном облачении.

Сотрудникам же Мартьяновского музея предстоит выяснить – кто была эта таинственная художница – В. Коновалова, кисти которой принадлежит портрет принцессы Дагмары 1885 г. Пока нам стало известно лишь то, что в июле 1882 г. в Минусинск прибыл новый исправник – некий Коновалов – может быть отец или муж художницы. Поиск продолжается...

В заключении, хочется посоветовать музейщикам как можно чаще пользоваться возможностью приглашения специалистов в данной области к атрибуции предметов из запасников, т.к., кто знает, какие ещё тайны и сюрпризы нас ждут.

2011

Л.Н. Ермолаева, Е.Ю. Сидорина, В.Г. Чернышёва,
г. Минусинск

Минусинский музей и Русское Географическое общество

28 сентября 2011 г. в Минусинском музее состоялось торжественное открытие Минусинского отделения Русского географического общества. Это открытие символично, оно происходило в год 160-летия Восточно-Сибирского отдела ИРГО и 110-летия Красноярского подотдела ВСО ИРГО.

Императорское Русское Географическое общество (ИРГО) учреждено 6 августа 1845 г. Его открытие связано с изучением отдалённых окраин России, а также с путешествием А.Ф. Миддендорфа на Таймырский полуостров и в Приамурский край (в нач. 1840-х гг.). Инициатором ИРГО являлся адмирал Ф.П. Литке. Поддержку в организации оказывали: адмирал барон Ф.П. Врангель, П.И. Рикорд, И. Ф. Крузенштерн, граф Ф.Ф. Берг, К.И. Арсеньев, М.П. Вронченко, П.И.

Кеппен, В.И. Даль, А.И. Левшин, граф М.Н. Муравьев, князь В.Ф. Одоевский, граф В.А. Перовский, П.Я. Чихачев.

В начале 50-х гг. XIX в. в Обществе появились первые региональные отделы, которые занимались изучением своих регионов – Кавказский (Тифлис) и Восточно-Сибирский (Иркутск, 1851 г.). Затем открываются Оренбургский и Северо-Западный (Вильно), Юго-Западный (Киев), Западно-Сибирский (Омск), Приамурский (Хабаровск), Туркестанский (Ташкент).

28 января 1901 г. в Красноярске был открыт подотдел Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Н.М. Мартьянов был одним из организаторов Красноярского подотдела ИРГО¹

Открытый в 1877 г. в Минусинске местный публичный музей стал базой для научного исследования южной Сибири. Основатель музея Николай Михайлович Мартьянов, приехавший в Минусинск из Казани в марте 1874 г., был членом Общества естествоиспытателей при Казанском университете и членом Петербургского Ботанического сада, позднее он был избран членом 16 российских и зарубежным научных обществ. Мартьянов был одним из активнейших членов ИРГО, его Восточно-Сибирского отдела и Красноярского подотдела. В 1902 г. 25-летнему юбилею Минусинского музея было посвящено заседание Красноярского подотдела ВСО ИРГО.

Сам Мартьянов совершал многократные экспедиции, экскурсии и поездки по Минусинскому округу с целью сбора различных коллекций и сведений. Результатом его экспедиционной деятельности стал труд «Флора южного Енисея», изданный в 1923 г.

В Минусинском округе побывали учёные экспедиции ИРГО, которые использовали коллекции Минусинского музея и книги его библиотеки:

1881 г. – географическая А.В. Адрианова по поручению ИРГО;

1883 г. – географическая А.В. Адрианова по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО;

1884 г. – географическая А.В. Адрианова по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО;

1885 г. – археологическая И.Т. Савенкова по поручению Восточно-Сибирского отдела ИРГО;

1900 г. – этнографическая по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО.

С 1877 г. по 1902 г. Музей высылал различные материалы:

– в Императорское Русское географическое Общество: гербарий, рукописи Попова и Каратанова, старинную карту Европейской России;

– в Восточно-Сибирский отдел ИРГО: предметы из свайных построек Каринтии, коллекции европейских грибов барона Тюмена, череп антилопы, коллекций горных пород, гербарий, этнографические предметы, карты, книги, фотографические снимки с археологических и этнографических предметов;

– в Читинское отделение ИРГО – книги.

– в 1887 г. в Парижское географическое общество были представлены Описание Минусинского музея и атлас (Д. Клеменца).

Из местных жителей членами ИРГО – Восточно-Сибирского отдела были И.Г. Гусев, Г.П. Сафьянов.

Гусев Иван Гаврилович (1840-1892) – купец, промышленник, городской голова, председатель комитета музея в 1877-1881 гг., принимал деятельное участие при основании музея по 1894 г.² В 1891 г. передал музею коллекцию по сахароварению, образцы утфеля 1, 2 и 3 кристаллизации белого, жёлтого и бурого сахарных песков.³ И.Г. Гусев передал продукцию Знаменского стекольного завода более 1500 единиц, а также образцы сырья, орудия производства.

Сафьянов Георгий Павлович (1848-1913) – купец, золотопромышленник, исследователь Южной Сибири, участник освоения Урянхайского края, городской голова (1887-1891). Автор статей о Туве, основал русское поселение в Урянхайском крае (Туран). Принимал личное участие в научных экспедициях в Туву, Монголию и по Минусинскому округу. Г.П. Сафьянов был членом комитета музея многие годы, и его председателем. Г.П. Сафьянов, будучи городским головой (1887-

1891 г.), решал вопрос о постройке здания для музея, внёс 332 руб. на его строительство.⁴

*«Принимал горячее участие в делах музея с самого основания. Кроме личного труда жертвовал деньги, книги, древности, собирал минералы, растения в пограничной Монголии, коллекции по этнографии сойот, доставил массу сведений для книги Яковлева по этнографии».*⁵

В период 1875-1913 гг. Г.П. Сафьянов значительно пополнил коллекции музея по этнографии тувинского народа. После его смерти в музее открыта экспозиция, посвящённая Г.П. Сафьянову.

С Минусинским музеем сотрудничали учёные, члены ИРГО: А.Ф. Баталин, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, И.А. Лопатин, Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц, П.А. Кропоткин, Г.Н. Потанин, Н.Ф. Катанов, И.М. Сибиряков, Н. Гондатти, П.Е. Островских, П.Н. Крылов, А.В. Адрианов, И.Д. Черский и др. При их участии формировались коллекции музея. Некоторые лично побывали в Минусинске и в музее.

Одним из первых учёных, откликнувшихся на призыв оказывать поддержку музею, был П.П. Семёнов-Тян-Шанский, вице-президент ИРГО, член Государственного совета. Его первый вклад был сделан в 1882 г., он посылает в музей ценную коллекцию бабочек и жуков, собранную им и научно обработанную. По его инициативе экспонаты Минусинского музея были выставлены на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

С 1900 г. по ходатайству П.П. Семёнова-Тян-Шанского Минусинский музей стал получать государственное пособие в размере 1500 руб. ежегодно. Антрополог К. Горощенко 3 февраля 1900 г. писал Мартьянову: *«От всей души поздравляю Вас с ежегодной субсидией Музею Вашему; Эта субсидия что-то сказочное и фантастическое, хотя она как нельзя кстати, и сказочной кажется потому, что разумные требования редко исполняются жизнью. Теперь Ваш музей... может называться маленьким университетом, каким его считали ещё раньше!»*⁶

Адрианов Александр Васильевич (1854-1920) – археолог, этнограф, путешественник, публицист, издатель «Сибирской газеты» (г. Томск). Участвовал в экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию и Урянхайский край.

*«С 1881 г. принимал участие во всех предприятиях музея. Доставил многочисленные коллекции по археологии, этнографии и естественной истории Сибири – и состоял членом Комитета музея с 1893 г.»*⁷

Производил раскопки на Тагарском острове в 1883 г., сотрудничал с музеем, публиковал материалы о Минусинске и музее. Передавал в музей археологические предметы, определял этнографические коллекции, фотографии и др. В 1894 г. произвёл раскопки в Минусинском округе по поручению и средства Императорской Археологической комиссии.⁸ Совершил с Мартьяновым экскурсии на левый берег Енисея у заимки Колягиной, крайний восточный пункт выхода угленосных Изысхских песчаников.⁹

В 1903-1905 гг. работал в Красноярском музее и являлся правителем дел Красноярского подотдела Восточно-Сибирского РГО.

Катанов Николай Фёдорович (1862-1922) – тюрколог, этнограф, археолог, историк, профессор Казанского университета, действительный член Императорского РГО. Совершил несколько экспедиций в Сибирь, Минусинский округ, Туркестан.

*«Почти с основания музея доставлял сведения и материалы, коллекции китайских монет, присылал свои сочинения, редактировал Тюрские слова в сочинении Яковлева, изданном музеем, и жертвовал ценные книги».*¹⁰ При его участии издан труд Ф. Кона *«Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет»* - *«согласившемуся просмотреть очерк 25-летия Минусинского музея в рукописи и принявшему на себя неприятные хлопоты по его напечатанию».*¹¹

Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914) – учёный, публицист, археолог, этнограф, политический ссыльный. Создатель и первый заведующий Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III. Являлся правителем дел Восточно-Сибирского отдела Импе-

раторского Русского Географического общества. С 1883-1889 гг. *«живя в Минусинске, принимал самое горячее участие во всех предприятиях музея, а впоследствии выслал книги, коллекции, давал советы. В архиве музея хранится много писем, заметок, рукописей..., которые относятся к музею и Минусинскому округу»*.¹²

Исследовал природу Минусинского, Ачинского, Красноярского округов. Совершил ряд путешествий в Саяны и Туву, участвовал в археологической экспедиции (1891); организовал Якутскую экспедицию (1894). Совершил несколько поездок в Монголию. Автор книги «Древности Минусинского музея».

Крылов Порфирий Никитич (1850-1931) – уроженец с. Сагайского, учёный ботаник, профессор Томского университета, путешественник. Путешествовал по Урянхайскому краю и северной Монголии (1885), в 1901-1915 гг. – по Томской губернии, Нарымскому краю, горному Алтаю. Сотрудничал с Минусинским музеем – «Определял растения, доставил гербарий, выслал свои сочинения».¹³ Написал около 60 научных работ, в т.ч. «Путевые заметки об Урянхайской земле» (СПБ, 1903), «Флора Алтая» и др. В 1927 г. приступил к печатанию 18-томного труда «Флора Западной Сибири». Высылал библиотеке музея свои сочинения.¹⁴ Определил высшие растения, посланные музеем в 1890 г.¹⁵

Лопатин Иннокентий Александрович. Геолог. В 1889 г. пожертвовал археологические предметы: бронзовую бляшку с руническими письменами, железную саблю с арабскими буквами.¹⁶ В 1891 г. доставил древности.¹⁷

Островских Пётр Евгеньевич, учёный этнограф. С музеем начал сотрудничать, будучи студентом. В 1889-1903 гг. передал музею коллекцию мхов и лишайников из окрестностей Красноярска,¹⁸ доставил отпечатки растений яруса Урса с горы Изых,¹⁹ передал коллекцию фотографических снимков в антропологический отдел музея,²⁰ принял участие в определении насекомых.²¹ Передал (вместе с братом К.Е.) насекомых и их гнёзда из разных мест Минусинского округа,²² предметы тувинского народа и «передал предметы из Туруханского края – мелкие принадлежности оленьей упряжки, ловушка для лисиц, лекарственная трава «фомичуха».²³

Потанин Григорий Николаевич (1835-1920) – учёный, естествоиспытатель, путешественник, писатель, журналист. В 1886 г. был удостоен Константиновской медалью ИРГО и избран почётным членом Русского Географического общества, с 1887 по 1890 гг. – правитель дел Восточно-Сибирского отдела ИРГО. За 5 путешествий по Монголии, Китаю и Внутреннему Тибету собрал разнообразные этнографические материалы, открыл столицу Монгольского государства Каракорум.

«Известный путешественник. Много содействовал популяризации и успеху Минусинского музея своим авторитетным словом, он ходатайствовал за музей пред учёными обществами и авторами, давал советы, писал статьи и собирал коллекции для музея во время своих путешествий вокруг Азии».²⁴

В 1884 г. Потанин направляет часть коллекции раковин в Минусинский музей из Китая,²⁵ в 1894 г. – пожертвовал коллекцию морских раковин из 57 видов в 133 экземплярах, и 118 образцов китайской бумаги и конвертов для писем.²⁶ Передавал книги для библиотеки музея. Через Г.Н. Потанина Минусинский музей получил от художника И.И. Шишкина 2 альбома работ художника в 1885 г.

Савенков Иван Тимофеевич (1846-1914) – педагог, актёр, шахматист, просветитель, археолог. Проводил археологические исследования в окрестностях Красноярска, в Минусинском округе. На основании раскопок Савенков первый в мировой науке установил наличие в бассейне Енисея мест обитания человека в палеолитическую эпоху.

3 января 1885 г. – сделал доклад своих археологических исследованиях в Енисейской губернии на заседании ВСО ИРГО.²⁷

«... Много помогал музею словом и делом, неоднократно исследовал Минусинский округ, обрабатывал коллекции Музея по каменному веку, доставлял горные породы, окаменелости, древности, много книг».²⁸ Руководил Минусинским музеем в 1908-1911 гг. В научной библиотеке хранится шахматная литература И.Т. Савенкова.

Сибиряков Иннокентий Михайлович (1859-1901) – сибирский золотопромышленник, благотворитель и меценат. В 1889 г. был избран членом Восточно-Сибирского отдела ИРГО, а ещё через два года членом-соревнователем Императорского Русского географического общества. Унаследовав огромный капитал, направил его на благотворительные цели в области науки и просветительской деятельности: финансировал издания, научные экспедиции, в т. ч. Г.Н. Потанина, Д.А. Клеменца.

«Почётный член музея..., принимал участие в делах музея с 1884 г. Музей обязан И.М. собственным зданием, многими коллекциями и пособиями, а библиотека дорогими и многочисленными книгами, альбомами и картинами Добровольского...».²⁹ Неоднократно жертвовал средства Минусинскому музею на строительство здания, приобретал книги и экспонаты и пр. Был избран Почётным членом Комитета музея.

В 1889 г. «сделал крупные пожертвования в библиотеку вновь вышедшими произведениями русской литературы. Фотографические альбомы «Мастерская Александровской центральной тюрьмы» и «Коллекция русского узорного шитья» изд. К. Долматова».³⁰

В 1893 г. дарит музею масляную картину Н.Ф. Добровольского «Байкал ночью» в богатой золочёной раме и печатную машинку. «...это пожертвование И.М. Сибирякова, быть может, послужит основанием столь желательного художественного отдела музея...»³¹

Черский Иван Дементьевич (наст. фамилия Ян Доминик) – (1845-1892) – естествоиспытатель, исследователь Восточной Сибири. Летом 1885 г. совершил путешествие по Сибирскому тракту от Иркутска до Красноярска, затем от Минусинска до Ачинска, составил геологическую карту вдоль Сибирского почтового тракта. Являлся членом Императорского РГО.

Ядринцев Николай Михайлович (1842-1894) – журналист, публицист, учёный, общественный деятель. Инициатор создания Западно-Сибирского отдела ИРГО. В 1882 г. основал газету «Восточное обозрение» и до 1894 г. являлся её редактором. Совершил ряд экспедиций в Минусинский округ, на Алтай, Байкал, Орхон, в Монголию, где им были открыты развалины столицы государства чингизидов Каракорума (1889). Всю сознательную жизнь посвятил комплексному изучению Сибири. В 1891 г. выслал в библиотеку музея свои сочинения.³²

В музее хранятся уникальные материалы:

- переписка с ИРГО, его отделами и учёными;
- неопубликованные материалы экспедиций музея, в т. ч. Мартьянова – «Формационные списки растений горных массивов» (38 л.), «Формационные списки растений флоры лесов и тайги Минусинского округа» (38 л.), «Алфавитный список растений флоры Южного Енисея» 1886 г. (242 л.), «Ботанические очерки» 1886 г. (42 л.), «Описание грибов Минусинского края» (114 л.) и др.;
- собрание фотографий и негативов на стекле по этнографии хакасского и тувинского народов, по шаманизму и буддизму, выполнены во время научных экспедиций по Южной Сибири и Урянхайскому краю Е.А. Яковлевым, Ф.Я. Коном, П.Е. Островских, Н.В. Фёдоровым.

В научной библиотеке музея имеется более 150 изданий Русского географического общества и его отделений:

- Записки ИРГО с 1857 по 1916 гг.;
- Записки ВСО ИРГО с 1856 по 1896 гг.
- Записки Зап. СО ИРГО с 1879 по 1927 гг.

– Записки Красноярского, Читинского, Приамурского, Владивостокского, Семипалатинского отделов РГО за 1892 по 1930 гг.

– Известия ИРГО 1868-1914 гг.

– Известия Госуд. ГО – 1931-1976 гг.

– Известия Сиб. И Вост. Сиб отдела ИРГО 1873-1928 гг.

– Известия Красноярского, Кавказского, Туркестанского, Оренбургского, Якутского отделов ИРГО за 1902-1928 гг.

– Отчёты ИРГО и его отделов за 1849-1929 гг.

– Научные отчёты, труды членов ИРГО: Крылова, Лопатина, Островских, Потанина, Кропоткина, Латкина, Черского, Ядринцева и других исследователей Южной Сибири.

На главном здании музея после реставрации (2010 г.) были установлены памятные доски с фамилиями тех учёных, которые внесли значительный вклад в изучение Минусинского края и развитие Минусинского музея, среди них члены ИРГО: Адрианов, Катанов, Клеменц, Кон, Крылов, Савенков, Сафьянов, Сибиряков, Черский, Ядринцев.

2011

Примечания:

¹ Восточное обозрение, 1901, № 42, с. 3.

² Ф.Я. Кон, с. 228

³ Отчёт по музею за 1891 г., с. 7

⁴ Отчёт за 1913 г., л. 2

⁵ Ф.Я. Кон, с. 245

⁶ АМКМ. О.1, д.87, л.10-11.

⁷ Ф.Я. Кон, с. 221

⁸ Отчёт по музею за 1894 г., с. 7.

⁹ Там же, с. 11

¹⁰ Ф.Я. Кон, с.232

¹¹ Там же, с.1)

¹² Там же, с.232

¹³ Там же, с.234

¹⁴ Отчёт по музею и библиотеке за 1891 г., с.18

¹⁵ Там же, с.13.

¹⁶ Отчёт по музею за 1889 г.

¹⁷ Отчёт по музею за 1891 г., с.6

¹⁸ Отчёт по музею за 1889 г.

¹⁹ Отчёт по музею за 1894 г., с. 7

²⁰ Отчёт по музею за 1895 г., с. 6

²¹ Отчёт по музею за 1890 г.

²² Там же, с. 11)

²³ Отчёт по музею за 1903 г., с. 17

²⁴ Ф.Я. Кон, с.243

²⁵ Восточное обозрение. 1884, № 32, с.5

²⁶ Отчёт по музею за 1894 г., с. 8-9.

²⁷ Восточное обозрение, 1885, № 1, с.4.

²⁸ Ф.Я. Кон, с.244

²⁹ Там же, с. 246)

³⁰ Отчёт по музею за 1889 г., с.18-19.

³¹ Отчёт по музею за 1893 г., с. 8.

³² Отчёт по музею и библиотеке за 1891 г., с.18.

Н.В. Кононова,
пос. Шушенское

Межкультурная коммуникация и проблемы перевода.

Из опыта работы музея-заповедника «Шушенское» с иностранными туристами

С каждым годом растёт число иностранных туристов, посещающих музей-заповедник «Шушенское». Среди стран дальнего зарубежья на первом месте по посещаемости – туристы из Гер-

мании, на втором – из США, на третьем – из Китая. Для иностранных посетителей в музее имеется услуга гида-переводчика (английский и немецкий языки). Как показывает статистика, 60% иностранных туристов пользуются этой услугой.

Посещая музей, иностранцы сталкиваются с проблемой восприятия русской культуры, материальной и духовной сферы жизни сибирских крестьян XIX в. Причиной этого являются межкультурные барьеры. Они обусловлены тем, что в разных языках в силу ряда особых исторических, географических и этнографических условий некоторые области жизни представлены разными понятиями, сочетаниями слов, в каждом языке есть своя языковая норма и традиции. У представителей разных культур по-разному идёт дешифровка полученных сообщений, что приводит к непониманию, трудности или невозможности общения.

Коммуникацию между носителями разных культур называют межкультурной. Её успех напрямую зависит от межкультурной компетенции переводчика, которая в свою очередь складывается из фоновой компетенции и умения практического общения.

Фоновыми называют общекультурологические и культурно-специфические знания, характерные лишь для определённой нации или национальности и отражённые в языке данной национальной общности. К ним относят так же кругозор, знание истории и фактов реальной действительности, словарный запас, который включает знание той или иной сферы деятельности.

Умение практического общения зависит от профессиональной компетенции переводчика. Она заключается не только в хороших знаниях лексики, грамматики и стилистики языка, но и в умении адекватно выбрать способ и приём перевода.

Одной из наиболее традиционных проблем перевода является поиск способов передачи слов, специфичных для русской культуры, средствами иностранного языка. Эти слова с ярко выраженной национальной спецификой называют реалиями, и именно они являются серьезным препятствием для межкультурной коммуникации.

Рассмотрим способы перевода на немецкий язык слов-реалий, используемых в описании жизни и быта сибирских крестьян XIX в. В первую очередь при переводе нужно искать лексические соответствия. Мы называем их эквивалентами. Эти слова или словосочетания имеют полное соответствие в другом языке, это термины, зафиксированные в словаре и имеющие однозначный перевод.

В описании жизни сибирских крестьян XIX в. мы используем определённое количество слов, которые имеют эквиваленты в немецком языке. Это названия сельскохозяйственных культур, домашних животных, кухонной утвари, крестьянских ремёсел и промыслов, орудий труда. Например, русские слова соха, плуг, грабли, вилы, лопата, серп, борона, конная молотилка, веялка эквивалентны немецким *der Hackenpflug*, *der Pflug*, *der Gabel*, *der Spaten*, *die Sichel*, *die Egge*, *die Schwinde*, *die Dreschmaschine*. Этими сельскохозяйственными орудиями труда пользовались как в русских, так и в немецких деревнях.

Названия некоторых крестьянских ремёсел и промыслов можно встретить в немецких фамилиях: *Weber* (ткач), *Schmidt* (кузнец), *Schneider* (портной), *Schuhmacher* (сапожник), *Fischer* (рыбак) и т.д. Немецкие туристы не всегда могут знать значение некоторых слов-эквивалентов, т. к. не все обладают достаточными фоновыми знаниями внутри родной культуры. Каждый конкретный случай нужно рассматривать отдельно, учитывая возраст человека, его место жительства (город или деревня), социальное положение, профессию.

Присутствие в языке социокультурного компонента, который у разных народов разный, обусловило наличие безэквивалентной лексики. Эти слова-реалии, будучи носителями национального исторического колорита, могут не иметь соответствий. В описании жизни и быта сибирских крестьян встречается много слов, характерных только для русской культуры, мало или вовсе не известных немецкой: уезд, волость, полата, блины, самовар, баня, лапти, валенки, горница, понёва, бродни, красный угол, горенка, рубель, пельмени, частушки и т. д. Для перевода этих ре-

лий часто прибегают к буквальному переводу с помощью транскрипции и калькирования.

Переводческая транскрипция – это воссоздание с помощью фонем немецкого языка звучания русского слова. Так, например, русские слова *der Samowar*, *der Balalaika*, *die Taiga*, *die Wodka*, *die Banja* понятны без комментария.

Калькирование используют при переводе сложных слов и словосочетаний. В этом случае составные части сложного слова или словосочетания русского языка переводятся соответствующими элементами немецкого языка. В экскурсии на немецком языке мы используем большое количество слов и словосочетаний, представляющих собой кальки. Например: *das Bauerhaus* (крестьянский дом), *der russische Offen* (русская печь), *der schwarze Eingang* (чёрный вход), *die rote Ecke* (красный угол) и т.д.

Буквальный перевод национально-специфических элементов русского языка иногда возможен или даже необходим для того, чтобы отразить его формальные особенности. Но, как правило, такой перевод неадекватен, непонятен носителям немецкой национальной культуры. В результате буквального перевода может нарушиться норма языка перевода или исказиться значение переводимого слова. Если не удаётся найти слово-эквивалент, то подбирается слово-аналог, которое вызывает сходную ассоциацию у немецкоязычного посетителя. Этот способ перевода называют аналоговый или ассоциативный.

Именно такой способ уместен при переводе названий единиц административно-территориального деления в России XIX в.: губерния, волость, уезд. В Германии низшие единицы административного деления – это *der Bezirk* и *der Kreis*, более крупные – *das Gebiet*, *das Land*, *die Region*. Поэтому при переводе русских названий целесообразно использовать эти термины.

Русские праздники Масленица и Троица, понятны немецкой публике, так как есть аналогичные праздники в немецкой культуре. На неделю русской Масленицы, в канун Великого поста (*die Fastnacht*), в Германии выпадает неделя карнавала, поэтому Масленица в нашем смысле – это немецкая *die Fastnachtwoche*. День Святой Троицы, являясь христианским религиозным праздником, имеет своё название в немецком языке – *das Pfingsten*, что означает Пятидесятница.

Русскую баню чаще всего переводят транскрипцией *die Banja*, в случае непонимания можно воспользоваться аналогом *die Sauna*, который тоже означает баню, но финскую. Мы передали значение слова и функциональное назначение объекта, хотя национальный колорит утрачен. В случае со словом полати, наоборот, можно найти похожее по внешнему признаку слово в немецком языке – *der Hängeboden*, но в этом случае, как показывает практика, для немца не понятно функциональное назначение предмета, так как к слову *der Hängeboden* ближе значение получердак, антресоли. Поэтому здесь уместнее использовать транскрипцию вместе с описанием.

Когда ни один из словесных приёмов подбора соответствия не удовлетворяет ситуации и не существует никакой другой возможности передачи языковой единицы вследствие отсутствия эквивалентов и аналогов в немецком языке, переводчики прибегают к описанию или комментарию. Описательный способ перевода заключается в передаче значения иностранного слова при помощи более-менее распространённого объяснения. Этот способ, как правило, употребляется параллельно с транскрипцией.

Рассмотрим особенности перевода названий традиционных блюд русской кухни. Перевод транскрипцией слова пельмени – *die Pelmeni* может быть не понятен, поэтому его можно описать – *mit Fleisch gefüllten Teigtaschen* (наполненные фаршем кармашки из теста). Так же обстоит дело со щами, борщом и ухой. В немецком языке это просто *die Kohlsuppe* (суп с капустой) и *die Fischsuppe* (суп с рыбой). Русский блин в описании на немецкий язык звучит как *der Pfannkuchen* (пирог на сковороде). Традиционная русская обувь также не имеет эквивалентов и аналогов в немецком языке. Например, лапти – это *die Bastschuhe* (обувь из лыка), валенки – *die Filzschuhe* (обувь из войлока). А специфическое название обуви сибирских крестьян – чирки, бродни, бахи-

лы можно перевести только абстрактным описанием – die Lederschuhe (обувь из кожи).

Данные примеры показывают, что при переводе мы можем передать значение слов-реалий, но национально-культурный колорит, заложенный в звуковую оболочку слов, не всегда возможно перевести.

Отдельно стоит рассмотреть перевод фразеологических единиц. Фразеологизмы – это устойчивые словосочетания или целые предложения, как правило, обладающие либо полностью, либо частично переносным значением («крылатые выражения», пословицы, поговорки). Являясь достоянием народа, они выступают в качестве зеркала его жизни, что определяет их национально-культурную специфику. Оптимальное решение для перевода – поиск аналогичной фразеологической единицы в немецком языке. Но использовать аналоги в речи нужно очень аккуратно, ведь даже между сходными по смыслу фразеологизмами в двух разных языках существуют национально-культурные различия. Совпадая по смыслу, они могут иметь разную стилистическую окраску, разную образную основу, разную эмотивную функцию. Например, русская поговорка «Первый блин комом» в немецком языке имеет аналог «Aller Anfang ist schwer» (вначале всегда трудно), что только частично передаёт смысл русской поговорки. У русской пословицы «Не всё коту масленица, будет и великий пост» есть аналог «Alle Tage ist kein Sonntag», дословно все дни не бывает воскресенье. А выражение «бить баклуши» вообще не имеет в немецком языке аналогов, можно только передать его значение – faulenzен (бездельничать).

Таким образом, результат межкультурной коммуникации зависит от межкультурной компетенции переводчика, которая требует как общекультурных, так и специальных знаний языка, за счёт которых он может адекватно выбрать способ перевода слов-реалий с ярко выраженной национальной спецификой, тем самым правильно интерпретировать значения слов, специфичных для родной культуры. Успешно общаться с иностранными туристами возможно и во время экскурсии на русском языке под перевод, но при этом необходимо учитывать особенности восприятия иностранными туристами русской культуры и проблемы перевода.

2011

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. 1966.
2. Ветина Л.П. Теория межкультурной коммуникации и значение слова. // Иностранные языки в школе. №5 – 2000. с. 72-76.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1980.
4. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М., 1973.
5. Мунен Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт. – М., 1978.
6. Петрова О.В. Межкультурная коммуникация в переводе. – М., 1998.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода. М., 1974.
8. Рымашевская Э.Л. Современный немецко-русский и русско-немецкий словарь. М., 1999.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
10. Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1958.
11. Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь. М., 1992.
12. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/03.php.

В.М. Мельникова,
пос. Шушенское

Енисейская губерния в печатных изданиях сибирского края нач. XX в.

Описание коллекции книг из фондов Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»

Коллекция печатных изданий музея на заявленную тему незначительна по количеству, но значима по содержанию. Собрание это – не только исторический источник нач. XX в., но и яркая, и образная иллюстрация развития книгоиздательского и печатного дела в Сибири.

В нач. XX в. книга в Сибири глубоко внедряется в повседневную жизнь общества, становясь неотъемлемой частью культурной среды. В этот период значительно возросло количество типографий и выпускаемых ими изданий.

Тематика печатавшихся книг и брошюр зависела от развития тех или иных отраслей хозяйства. Бурный рост промышленности, транспортное строительство, появление новых торгующих предприятий определяли преобладание выпуска литературы специальной. Стала устойчивой традиция печатания книг по сельскому хозяйству, справочных изданий. Нашла отражение в издательской практике политическая и культурная жизнь региона. В этот период активно печатаются и произведения художественной литературы. Определённое место занимала научная книга.

«Малочисленность и разобщённость интеллигенции, удалённость от крупных научных центров тормозили становление местной науки. Она делалась самоотверженными усилиями немногих энтузиастов».¹ Научной деятельностью в крае занимались одиночки из числа статистиков, геологов, учителей, врачей, агрономов. Она сводилась, главным образом, к геологическому, географическому, этнографическому, краеведческому и статистическому изучению Енисейской губернии и сосредотачивалась в таких учреждениях и обществах, как Губернский статистический комитет, Общество врачей Енисейской губернии, местное отделение Московского общества сельского хозяйства. Открывшийся, 28 января 1901 г. в г. Красноярске подотдел Восточносибирского отдела Русского географического общества (ВСО РГО), объединил вокруг себя энтузиастов – исследователей, краеведов.²

Известно, что в исследовании Сибири огромную роль сыграли музеи, и многие научные издания, посвящённые Енисейской губернии, были написаны политическими ссыльными, среди которых было немало людей, получивших хорошее образование. Участвуя в исследованиях Сибири, ссыльные нередко проникались интересами края и тем самым увеличивали число местной интеллигенции. После революции 1905 г. некоторые из них стали легально сотрудничать в газетах, работать в библиотеках. Одним из таких ссыльных был Вадим Александрович Ватин, сын дворянина, образование получал в университетах Петербурга и Цюриха. С 1910-1917 гг. отбывал ссылку в Минусинском уезде, сначала в с. Быстрая, затем в Минусинске. Занимаясь археологией, устроился на должность помощника заведующего городской общественной библиотекой, деятельность которой осуществлялась при Мартьяновском музее.³

В.А. Ватин является автором книг о Минусинском крае – «Минусинский край в XVIII в.» (1913), «Село Минусинское» (1914), «Город Минусинск». В нескольких очерках, составляющих книгу «Минусинский край», он проследил историю освоения названной территории русскими колонистами. В своей работе В. Ватин использовал совершенно неизвестные на тот момент и, по сути, уникальные документы. Например, чудом сохранившийся в Минусинском музее архив Саянского острога. По архивным документам и сведениям, которые собрали путешественники XVIII в., учёные П. Паллас и И. Гмелин, В. Ватин как бы повторяет маршруты их экспедиций и детально комментирует сообщаемую ими информацию. Эти путешественники видели Минусин-

ский край в разное время, что позволило рассмотреть его развитие в динамике. Автору удалось продемонстрировать общую картину последовательного возникновения населённых пунктов (сел Шушенское, Минусинское, Абаканского острога и др.), рассказать о деятельности местных промышленников и купцов, пушном деле, особенностях ведения сельского хозяйства в местных условиях. Интересны данные по исторической географии, о сёлах и деревнях, часть из которых успели давно исчезнуть. Речь также идёт о заводах и горнорудных месторождениях Минусинского округа, административной и технической стороне горного дела. В. Ватин сообщает сведения по этнографии коренных народов, об их хозяйственном быте, говорит об изменении традиционного образа жизни под влиянием русских соседей. В настоящей книге, ставшей основополагающим трудом в историографии Минусинского края, исследователь ввёл в оборот множество важных источников по истории данного региона.

Напечатаны книги В.А. Ватина были в г. Минусинске в типографии А.Ф. Метёлкина. Приобрести их можно было здесь же в книжном магазине, который работал при типографии. Располагались типография и магазин в двухэтажном каменном здании, выстроенном А.Ф. Метёлкиным в 1910 г.⁴ Названные книги являются частью коллекции музея.

Ввод в эксплуатацию Транссибирской железной магистрали и столыпинская аграрная реформа увеличили поток переселенцев в Сибирь. В связи с чем коренной реконструкции подверглась организация переселенческого дела. В Сибири и на Дальнем Востоке было создано 8 переселенческих районов (по количеству губерний), в т. ч. Енисейское районное переселенческое управление в Красноярске. Возглавлялось оно заведующим, который подчинялся губернатору. Управление собирало сведения о желающих переехать на постоянное место жительства, указывало адреса, рассылало инструкции. Выпускало рекламные листки, брошюры, обзоры, которые знакомили с уровнем жизни крестьян в Енисейской губернии.⁵

Примером такого издания в коллекции музея является выпущенный отделом текущей статистики «Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1914 год». Материалом для «Обзора» послужили сообщения волостных и сельских правлений, добровольных корреспондентов, записи опросных книжек, анкета об урожае хлебов и трав и т.д.

Общее руководство, постановку и организацию работы над «Обзором...» осуществил заведующий статистическим отделом при Енисейском переселенческом районе Н.И. Дубенецкий. Напечатан сборник в Енисейской губернской типографии в 1915 г.

Данное издание вышло в двух частях – часть первая «Таблицы», часть вторая – тексты. В коллекции основного фонда, к сожалению, имеется только часть 1 «Таблицы».

Примером справочного издания в коллекции музея является «Спутник по городу Красноярску». Популярное изложение истории города и его состояния на 1911 г. Здесь имеются сведения о первых воеводах и губернаторах, об известных исследователях, посетивших Красноярск. Рассказывается об истории создания храмов, музеев, библиотек, об издании газет и журналов. Много места в справочнике отведено описанию живописных окрестностей города. В «Спутник...» мы найдём портреты знаменитых красноярцев: А.П. Степанова, П.И. Кузнецова, П.С. Смирнова, Матвеевых, Щёголевых, иллюстрации архитектурных ансамблей. Познакомившись с историей города и его окрестностями, читатель здесь же узнает, где можно было сделать модную причёску, заказать или купить необходимый товар, адреса мастерских, магазинов, предприятий, гостиниц, гости города без труда определялись с ночлегом и т.д. Рекламе в справочнике отведено значительное место, благодаря чему современный читатель погружается в атмосферу повседневной жизни красноярцев сто лет тому назад. Рекламные объявления представляют эпоху весьма красноречиво. Например, несколько контор описывают свои адреса в духе «Большая улица, рядом с почтой», а их телефонные номера состоят из двух-трёх цифр.⁶

Вышел «Спутник по городу Красноярску» в 1911 г. в «Новой типографии». Издателем его

является В.И. Щипанов, известный красноярский издатель, журналист, редактор. Под его руководством в губернском центре выходили газеты «Вести» и «Красноярские отголоски».

Местная пресса, испытавшая творческий подъём после революции 1905 г, играет всё более заметную роль в жизни региона. Объявленная в Манифесте 17 октября 1905 г. свобода слова даёт толчок к возникновению в губернии целого ряда различных по своей общественно-политической направленности изданий. Как правило, они являлись печатными органами местных партийных организаций. Всё более востребованы издания специализированного профиля, а газета становится прибыльным делом, и местная буржуазия начинает вкладывать свои капиталы в новую сферу предпринимательской деятельности. Появляются частные издания, зарождается журнальное дело.

Выходят в свет и издания официальные. К примеру, свой печатный орган имело Красноярское городское управление. С 1902 по 1915 гг. красноярцы через каждые три месяца регулярно знакомились с новыми номерами «Обзора хозяйства города Красноярска». Здесь печатались отчёты о городском бюджете, об очередных выборах в городскую Думу, освещались с максимальной полнотой вопросы, связанные с работой думских городских комиссий, об установках городской управой базарных цен на основные продукты питания, об отводе земель и т.д.

Печаталось издание каждый раз с разрешения губернатора и в продажу не поступало.

В 1914 г. пост городского головы занял С.И. Потылицын. С его точки зрения материалы «Обзора хозяйства города Красноярска» перестали отвечать требованиям времени. 15 февраля 1915 г. он поставил вопрос о реорганизации этого издания. Новый ежемесячный журнал получил название. «Вестник Красноярского городского общественного управления». Первый его номер увидел свет в конце февраля 1915 г. Редакционную коллегию возглавил сам голова.

«Вестник» ставил перед собой две задачи: как можно полнее освещать жизнь городского самоуправления, показывать «все теневые и положительные её стороны, точнее, быть зеркалом муниципальной жизни».⁷

Вторая – это публикация докладов думских городских комиссий. Ибо, прежде чем выносить их на обсуждение, Дума решила – их необходимо заранее напечатать в журнале, чтобы и гласных и всех горожан познакомить с выводами и предложениями комиссий. Это дельное решение лишало некоторых гласных возможности в будущем заявить, что у них не хватило времени на ознакомление с докладами комиссий.

Свою издательскую деятельность вели многие научные и общественные организации. Так, силами специалистов сельского хозяйства, кооперативов и журналистов было поставлено издание журнала «Справочник Восточно-Сибирского Общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии», первый номер, которого вышел 25 сентября 1912 г. В объявлении об издании говорилось: «Журнал ставит своей целью способствовать выяснению назревших сельскохозяйственных и экономических вопросов и давать практические советы по улучшению местного сельского хозяйства и сельской промышленности».⁸

Выходил Справочник в Красноярске в количестве 12 номеров в год, тиражом 1350 экземпляров. В виде приложения к Справочнику 2 раза в месяц выпускались бюллетени с ценами на сельскохозяйственные продукты. Печатался журнал в Енисейской губернской типографии. Подписная плата с доставкой и пересылкой на год составляла 1 руб. 50 к., на полгода – 75 коп., отдельный номер стоил 10 коп.

Однако, по мнению издателей, название журнала не соответствовало ни его содержанию, ни его значению в жизни края. Поэтому с ноября 1913 г. он был переименован в «Сибирскую деревню» и стал органом не только Восточно-Сибирского Общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии, но и Красноярского отдела Московского Общества сельского хозяйства.

Среди жителей губернии журнал пользовался авторитетом. К примеру, в Минусинском уезде

это издание выписывало 285 жителей, в Красноярском – 147, в Канском – 282, в Енисейском – 109, в Ачинском – 180, в г. Красноярске – 40. Кроме того, более 200 экземпляров отправлялись подписчикам Европейской России и крестьянам других Сибирских губерний. В 1915 г. издание выходило тиражом 1276 экземпляров и приносило прибыль 474 руб.

В разное время журнал редактировали А.И. Пальмин, А.П. Кузнецов, А.Ф. Тарасов, А.Р. Шнейдер. В фондах музея имеется подшивка, состоящая из 4-х номеров журнала «Справочник» за 1913 г. Девять номеров журнала «Сибирская деревня» за 1914 г., один номер за 1917 г.⁹

Красноярск был одним из «читающих» городов Сибири. В 1915 г. в губернском центре имелось 16 библиотек, 5 книжных складов и магазинов, 4 книжных киоска и лотка. Наиболее значительными были городская публичная библиотека и две бесплатные библиотеки Общества попечения о начальном образовании.

Известно, что городская публичная библиотека была открыта ещё в 1838 г. Основу её фонда составили пожертвования золотопромышленников, и, главным образом, одной из владелиц золотых приисков Л.А. Родственной. Вскоре после открытия библиотека была передана в распоряжение губернского статистического комитета, а в 1876 г. Красноярскому Общественному собранию.¹⁰

Общественные, или Благородные собрания, как их первоначально называли, возникли в России в перв. пол. XIX в. Цель появления таких собраний была прописана в уставе. Например, в уставе Красноярского Общественного собрания говорилось: оно утверждает «чтобы члены его, собираясь вместе, могли приятно и полезно проводить время в чтении дозволенных цензурою: газет, журналов и др. изданий; в разговорах, дозволенных играх и танцах». Согласно уставу Общественного собрания в его члены допускались люди всех званий и состояний, которые по своему поведению и образованию могли быть приняты в приличное общество. При вступлении семейные члены платили 15 руб., холостые – 10 руб. Старшины собрания должны были следить «за чистотой своих рядов», не допускать туда людей с запятнанной репутацией и непорядочного поведения. Членство в городском собрании было почётно и престижно, а отказ в приёме или исключение означали бойкот и воспринимались болезненно. Действовали собрания обычно осенью и зимой. Непременным атрибутом подобного заведения был буфет с набором горячительных напитков, горячих и холодных закусок. Но главным времяпровождением постоянных посетителей являлись карты, шахматы, бильярд, шашки, домино, танцы. Люди собирались разные по интересам, вкусам и образу жизни. В результате почти все вечера (с 8 вечера до часу ночи) проходили интересно и оживлённо. Горожанами устраивались концерты, танцы, маскарады.¹¹

Красноярское Общественное собрание образовалось в результате слияния Благородного и Мещанского собрания в 1875 г. Первое здание для него было построено по проекту Г.С. Батенкова, новое построено по проекту архитектора В.А. Соколовского в 1915 г. Находилось оно на углу Почтамтского переулка и Большой улицы. Современный адрес дома – ул. Перенсона, 20 (Мира 69).

В инфраструктуру собрания входила библиотека с читальными залами, где имелись свежие газеты и журналы, получаемые по подписке. Книги были доступны только лицам, имевшим право входа в Общественное собрание. Фонды её пополнялись в основном за счёт пожертвований, «в числе других доходов библиотека пользовалась 50 коп. с каждой разыгранной в собрании игры карт».¹²

В состав коллекции музея входит «Каталог библиотеки Красноярского Общественного собрания», изданный в 1914 г., напечатанный в типографии М.И. Абалкова. Знакомство с «Каталогом библиотеки Красноярского Общественного собрания», даёт нам возможность узнать не только о том, какие печатные издания входили в состав фонда библиотеки, но и о том какие книги, газеты и журналы формировали мировоззрение представителей высшего общества г. Красноярска в нач. XX в.

Таким образом, печатные издания, вышедшие на территории Енисейской губернии в нач. XX в., отражают не только историческую действительность, но и всё возрастающую динамику духовной и культурной жизни региона.

2011

Примечания:

- ¹ Евменова Л.Н. Культурное подвижничество в истории Красноярского края: Монография. - Красноярск: СФУ, 2008.- 220 с.
- ² Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 4. Кн. 1. /Администрация Красноярского края. Комитет по делам культуры и искусства администрации Красноярского края. Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. Красноярский государственный Педагогический университет.- Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1997.- С. 70.
- ³ Евменова Л.Н. Культурное подвижничество в истории Красноярского края: Монография. - Красноярск: СФУ, 2008.- 220 с.
- ⁴ Мир праху. Честь имени: Минусинский некрополь. Кн 1. /Авт.-сост. Т.А. Зыкова, Н.А. Калеменева, Е.А. Костина, В.В. Нагорных, О.И. Сафонова, В.Г. Чернышёва.- Минусинск: Информационно-издательское агентство «Надежда и мь», 2009.- С. 53.
- ⁵ Историческая энциклопедия Сибири в 4 т. Т. 2. К-Р / РАН. Сибирское отделение института истории. Ответ. Ред. В.И. Клименко – Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2010.- С. 83.
- ⁶ Григорьев А.А. 100 лет со времени выхода первого справочника «Спутник по городу Красноярску»//Край наш Красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2011 год /Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края.- Красноярск, 2010.- С. 198 -199.
- ⁷ Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822-1916). Факты, события, люди. /Администрация города Красноярска.- Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995.- С. 217.
- ⁸ Мешалкин П.Н. Одержимые: Сборник очерков о деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX - XX вв. /Центр по охране и использованию памятников истории и культуры.- Красноярск, 1998.- С. 90-91.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Красноярский библиофил /Сост. В.В. Чагин. - Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987.- С. 251-252.
- ¹¹ Историческая энциклопедия Сибири в 4 т. Т. 2. К-Р / РАН. Сибирское отделение института истории. Ответ. Ред. В.И. Клименко - Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2010.- С. 83.
- ¹² Бердников Л.П. Кланьясь залам библиотечным: Краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838-1916) /Комитет по делам культуры и искусства администрации Красноярского края. Администрация города Красноярска. Красноярская краевая научная библиотека им. В.И. Ленина. Красноярская городская библиотека им. А.М. Горького.- Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995.- С. 7-8.

Т.А. Мерикина,
с. Новая Сыда

Коллекции Новосыдинского школьного музея

Краснотуранский район богат уникальными археологическими памятниками большой исторической и культурной значимости. Он является частью степного коридора, протянувшегося от Северо-Восточного Китая до Франции. В течение тысячелетий по этому коридору перемещались древние народы. Одни цивилизации сменяли другие. Но почти каждый народ оставил о себе память в курганах-захоронениях и наскальных рисунках-петроглифах, в орудиях труда и оружии, в жилищах и остатках древней металлургии, в ювелирных и керамических изделиях. Эти памятники отражают процесс развития человеческого общества в нашем регионе.

Начало школьному музею положено весной 1970 г., когда восьмиклассники с учителем истории Ниной Степановной Павленко обнаружили в береговых осыпях рек Сыды и Енисея первые археологические находки.

Все материалы музея отражают различные периоды истории Краснотуранского района, села. Экспонаты собраны в результате поисковой работы школьников, переданы в дар музею жителями села.

Интересная находка была сделана на Устье – кусок железа и шлака, частично сохранившие форму для выплавки. Железная руда доставлялась издалека: или из Сыдинского железорудного месторождения в районе р. Сыды в Курагинском районе, или с берегов р. Ирбы, правого притока Тубы, где позже, в сер. XVIII в., кузнец Касевич из Абаканского острога начал добычу и плавку железа. Плавильные печи делали из камней, внутри обмазывали глиной. Печь заполняли рудой

вперемешку с камнями и древесным углём. Нагнетался воздух через воздуходувное отверстие. Получалась тестообразное железо. Большая его половина уходила в отходы. Оставшуюся крицу проковывали, чтобы удалить шлак и пористость.

В местечке Третий лог И.П. Садохин, монтёр местного радиоузла, обнаружил окаменевшие останки рыб. В глинистом сланце хорошо просматриваются голова рыбы, жаберные крышки, плавники, скелет. Длина рыбы около 30 см. Трудно представить ту огромную силу давления, которая в течение тысячелетий спрессовала и превратила глину в камень, заключивший в себе рыбу.

В мае 1987 г. выпускник школы Ленивкин Игорь недалеко от села в обрыве Дурного лога обнаружил находку – запрессованную в глину черепаху. Примечательно, что найдена она недалеко от места, где десятью годами раньше были обнаружены кости мамонта. Эта находка позволяет сделать выводы, что несколько тысячелетий назад в наших местах водились эти животные, а климат существенно отличался от нынешнего.

Несколько находок было сделано в урочище Измайлиха: кости мамонта, скелетные останки других животных – 12 костей, два зуба и часть верхней челюсти, плечевая кость шерстистого носорога, которым, как показали исследования, сделанные в лаборатории кафедры археологии Красноярского пединститута, более 30 тысяч лет.

На берегах р. Сыда издавна находили старинные предметы: почерневшие от времени горбатые бронзовые ножи с фигурками животных на рукоятках, ажурные литые пластины, наконечники стрел, топорыки-тёсла, цветные каменные бусины.

В кон. 1960-х гг., после образования Красноярского водохранилища, когда берега Енисея и впадающих в него рек начало интенсивно размывать, находки участились. Однажды чабан Иван Борисович Серёгин, проезжая по берегу залива, нашёл большой тяжёлый бронзовый котёл на массивной ножке-поддоне.

Он очистил его от ила, убедился, что котёл цел, и решил его приспособить в хозяйстве: варить картошку поросётам. Наверное, так и сгинула бы древняя вещь, как бесследно сгинули, были беспечно изломаны и безвозвратно потеряны нелюбопытными людьми сотни и тысячи подобных предметов, не узнай о находке директор школы Павленко Пётр Семёнович. Он-то и уговорил передать котёл в школу. Вскоре школьники вместе с учителем истории Павленко Ниной Степановной на месте находки котла обнаружили несметные археологические сокровища. Было найдено большое количество каменных, бронзовых, костяных и железных орудий, украшений, керамические сосуды. Для науки каждый такой предмет имеет большую историческую ценность. Школьниками были внимательно осмотрены овраги, ямы, обвалившиеся берега.

Предметов становилось всё больше. Сначала была в одном из классов организована выставка находок, потом выделили специальную комнату. Так возник школьный музей.

Коллекции музея – результат труда многих жителей нашего села. Они передавали в дар музею находки. Бронзовый клад был передан выпускниками школы Бобровым Владимиром и Слабодинским Валерием. В размытом берегу реки они нашли котёл, а в нём оказалось несколько десятков предметов, среди них – изящные поясные пластины с изображением драконов, сражающихся лошадей и быков. Это замечательные образцы искусства древних бронзолитейщиков. При дальнейшем обследовании того места было найдено ещё десять пластин. По классификации П.М. Грязнова эта находка относится к тесинскому периоду Тагарской культуры.

2011

К.Ш. Монгуш,
г. Кызыл, Тыва.

Из опыта собирательской работы

Фонды Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва каждый год пополняются новыми материалами, подлинными историческими, этнографическими, природоведческими экспонатами. На основе собранных материалов создаются постоянные экспозиции, а также тематические стационарные и передвижные выставки. Экспозиции, созданные строго на научной основе и оформленные на высоком художественном уровне, всегда пользуются большим интересом и привлекают посетителей.

В основных видах музейной деятельности велика роль учёных, краеведов, информаторов и простых людей, заинтересованных в развитии музейного дела в республике.

Сенсацией нач. XXI в. стала находка «скифского золота» на территории Пий-Хемского кожууна в так называемой Долине царей археологами: К. Чугуновым, немецкими учёными-археологами Г. Парцингером, А. Наглером. Материалы этих раскопок дополнили и значительно обогатили фонды нашего музея, повысив его мировое значение.

Основу богатейшего фондового собрания нашего музея составляют музейные предметы и коллекции, собранные музейными сотрудниками в советское время, в 1940-1980-е гг. Хотелось бы назвать имена музейных ветеранов, моих коллег, внесших значительный вклад в комплектование фондов Тувинского музея: Е.Ш. Байкара, М.Б. Кенин-Лопсан, Т.С. Нурзат, С.С. Баян-оол, А.Д. Дамдынчап, К.И. Черненко, Е.З. Осмоловская, Н.Б. Чаш и др.

У каждого был свой метод собирательской работы. Например, у ныне известного учёного-шамановеда, доктора исторических наук, ветерана музейного дела Тувы Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана в каждом кожууне были информаторы, от которых он получал сведения о редких предметах, имеющих музейное значение. Самые интересные и уникальные коллекции музея собраны М.Б. Кенин-Лопсаном. Достаточно привести только один пример. Через информаторов он узнал, что в пещере Кункуртука в восточной части Тувы спрятаны буддийские книги на тибетском языке. Они там оказались во времена политических репрессий в 1930-1940-х гг. М.Б. Кенин-Лопсан при участии местного населения нашёл эту пещеру и книги в ней, и на вертолёте (из-за труднодоступности района) доставил в музей 98 единиц (томов) Ганджура – буддийского канона.

Особенностью того времени было то, что собирательская работа по разным кожуунам республики всегда сопровождалась показом передвижных выставок. С местным населением проводились просветительные беседы о значении для истории, культуры и будущих поколений, исчезающих из современного быта предметов, документов периода ТНР (Тувинская Народная Республика), документов участников Великой Отечественной войны, заслуженных людей кожууна. Были случаи, когда после таких бесед, местные жители сами приносили старинные предметы, хранившиеся в сундуках. Так было в с. Чаа-Суур Овюрского района, когда известная певица К. Анайбан принесла тувинские замки, а заслуженная учительница Тувинской АССР Кенден Кызыл-Уруг из с. Торгалыг сдала монеты периода Тувинской Народной Республики, свои документы и награды, которые сейчас хранятся в фондах музея.

Предметы, отражающие материальную культуру тувинского народа, которые раньше использовали в быту (деревянная посуда, кожаные сосуды – когээржики, бляхи для украшения конской упряжи, орудия труда из природных материалов и др.) со временем почти были вытеснены из жизни. Они заменялись предметами быта из новых современных материалов (металл, пластмасса и др.).

Для тувинца-кочевника, основным занятием которого является выращивание домашнего скота, традиционные предметы быта остаются актуальными всегда из-за их простоты, лёгкости, удобства: это деревянные ведёрки, чашки, тарелки, ложки, кожаные мешки, сплетённые из конского волоса привязи для ягнят, телят, арканы и многие другие, проверенные веками кочевого образа жизни. И самое главное, материал для их изготовления всегда рядом. Летом его можно заготовить впрок, а в зимнее и осеннее время заняться изготовлением из него нужных предметов.

Более 40 лет трудовой деятельности в музее научили меня находить и распознавать даже в самом маленьком отдалённом уголке тувинской земли самое главное – то, что его украшает и отличает от других. И это всегда помогало мне в оформительской работе, которая является одной из важнейших при создании музейных уголков природы. Мы с художниками М.А. Даржаем (заслуженный художник РФ) и К.А. Донгаком по заявкам руководителей школьных музеев оформляли биологические кабинеты, школьные музеи, которые работают по специальной программе экологического воспитания и по традиционной культуре тувинского народа, разработанной к.б.н. Л.К. Аракчаа – профессором кафедры экологии Тувинского госуниверситета.

Годы, проработанные в музее (в одном отделе – природы), это годы общения с коллегами из российских музеев, учёными-биологами Центрального Ботанического сада Сибирского отделения АН России и нашими местными учёными – биологами, геологами, известными учителями-краеведами: Лопсан-Серен В.Д., Монгуш В.Б., Хомушку С.Х., Артына Ф.А., Салчак Г.Ш. и др. из Барыын-Хемчикского, Эрзинского, Овюрского, Монгун-Тайгинского и Улуг-Хемского кожуунов.

В результате совместной работы с учёными в фонды музея сданы коллекции гербариев растений по Туве, экспедиционные дневники и фотографии, негативы, материалы учёных Ботанического сада: К.А. Соболевской, А.В. Куминовой, И.М. Красноборова, Б.Б. Намзалова и др.

Большую помощь музею в сборе образцов полезных ископаемых из разных месторождений Тувы оказывал И.И. Корж, известный геолог Тувы, заведовавший геологическим музеем Тувинской геолого-разведывательной экспедиции. В своё время он передал музею большую коллекцию изделий из полудрагоценных камней: нефритовые кольца, серьги, браслеты, нефритовые и чароитовые вазы (чароит – очень редкий камень, добываемый из единственного месторождения по р. Чара в Забайкалье).

В 2009 г., в год 80-летия музея, уникальная коллекция образцов полезных ископаемых тувинских месторождений, собранная за многие годы деятельности Тувинской геолого-разведывательной экспедиции, была передана в фонды музея (ныне – ОАО «Геолого-разведывательная экспедиция Республики Тыва, во главе с генеральным директором Вошевым Валерием Алексеевичем).

Большинство предметов, имеющих музейное значение, поступали в фонды музея в дар, то есть безвозмездно. Это тоже говорит о собирательской работе музейных сотрудников, которые должны знать, куда и к кому нужно обратиться за новыми музейными материалами. Так, мы получили документы и награды Чаагай-оола Сереновича Монгуша – известного общественного и профсоюзного деятеля Тувы, первого министра труда и занятости населения РТ, документы и награды Эдер-оола Шаравиевича Ондара, Хомушку Алдын-оол Сайыновича, кавалера орденов Дружбы и Знак Почёта, ректора Кызылского педагогического института работающего 1960-е гг.

За свою долготлетнюю работу в музее мне пришлось работать под руководством нескольких директоров. На работу меня принимал Монгуш Лааевич Делег, очень справедливый, умелый руководитель, сумевший вывести музей в число лучших учреждений культуры республики.

Первым консультантом для нас, музейных сотрудников, был директор Николай Монзул-оолович Конгар. Он одним из первых специалистов сельского хозяйства Тувы, изучал историю развития сельского хозяйства и написал книгу «История развития сельского хозяйства Тувы».

В 1969 г., когда я только устроилась в музей, меня сразу же отправили со студентами в Тод-

жинский район в составе студенческой летней полевой экспедиции, где я работала вместе со своими же недавними преподавателями Кызылского госпединститута (КГПИ). Собранные во время таких совместных летних экспедиций материалы находили своё место и в экспозиции, и в фондах музея.

Мне посчастливилось поработать с такими известными биологами как А.И. Шретер – к.б.н., автор карты растений Тувы (вместе занимались в течение 2-х месяцев обработкой гербариев музея), Б.Б.-М. Намзаловым – д.б.н. (с которым ездила в Убсунурскую котловину и работала в Ботаническом саду СО РАН в г. Новосибирске в 1981 г.). Были совместные командировки и с местными учёными, докторами наук С.С. Курбатской, Ч.Т. Сагды, Э.Т. Конгар и др.

Разработать план по созданию будущей экспозиции – это коллективный труд, основанный на научных знаниях и фактах. Поэтому музейный сотрудник должен уметь работать совместно с учёными, которые оказывают консультационную и методическую помощь. Для отдела природы такими учёными являются В.И. Забелин, В.И. Кудрявцев, В.А. Попов, С.С. Курбатская, А.М. Лайдып, Л.К. Аракчаа, Ч.Н. Самбыла, Ч.К. Ойдуп, Т.Н. Прудникова и др.

Ещё один пример удачного опыта собирательской работы. Это было в сентябре 1978 г., когда мы, научные сотрудники музея были командированы директором Н.М. Конгаром по районам республики для сбора музейных предметов. Я поехала в с. Солчур Овюрского района, где живут мои родственники. Эта поездка оказалась очень удачной, я привезла тогда редкие и ценные этнографические предметы. В коллекционной описи № 252 за 1978 г. значатся 29 единиц предметов, среди которых: 2 старинные табакерки, «бурундук» – верёвка из шерсти для управления волом, «унгу» – старинный столярный инструмент для изготовления решётчатой стены юрты и др.

В 1960-1970-х гг. в музее работали представители первого поколения тувинской интеллигенции, получившей высшее образование в известных учебных заведениях СССР. Их детство, школьные годы проходили в традиционных условиях тувинского кочевого хозяйства, и поэтому они были настоящими знатоками тувинской домашней утвари, народных традиций и обычаев. Это были Е. Байкара, М. Кенин-Лопсан, Н. Таваа-Самбуу, К. Оргу, директора М. Делег и Н. Конгар.

Собиратель музейного фонда – это, прежде всего, краевед, человек влюблённый в своё дело, любящий и уважающий историю своего народа. Одной из главных особенностей истинного собирателя является умение общаться с простыми людьми, жителем села или хозяином юрты, на их языке, на их уровне. Местные жители предметы домашней утвари, орудия труда, даже документы и денежные знаки периода ТНР не выбрасывали, храня их годами и перевозя их с собой с одной стоянки на другую. Музейным сотрудникам удавалось убедить местных жителей сдать ставшие редкими предметы в фонды музея, тем самым сохранив их для будущих поколений.

Сбор материалов – вещественных источников, памятников материальной культуры, природных объектов – это один из важных разделов музейной работы, обеспечивающий источниковую базу, как для самой музейной деятельности, так и для профильных научных дисциплин. Музейные предметы – это документы своего времени, которые необходимо найти, сохранить и изучить. Благодаря музейной деятельности осуществляется связь поколений, сохраняется историческая память народа, передается информация в будущее.

Ш.Х. Монгуш,
г. Кызыл, Тыва

Виды и значения орнаментов на когээржиках

(по материалам коллекции когээржиков из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва)

Орнамент – одна из уникальных составляющих национального искусства тувинского народа, его неотъемлемая часть. В тувинском орнаменте отразилась любовь к окружающей природе, её красоте, уважение к традициям предков. Окружающий мир, его осмысление и является началом эстетического восприятия мира тувинцем-кочевником.

Тувинцы жили всю жизнь и росли среди красоты естественной природы, плавные линии которой нашли отражение в узорах орнамента сундуков – *антара*, войлочных напольных покрытиях юрты – *ширтеках*, деревянной и кожаной посуды и другой повседневной утвари.

Основное традиционное жилище тувинцев – юрта, имеющая самую естественную форму в природе – круга, является богатой кладовой узоров орнамента. Одним из интересных с точки зрения этнографии предметов быта тувинской юрты является кожаный сосуд – *когээржик*, который, пожалуй, и не назовешь иначе, как произведением искусства. Этот экзотический кожаный сосуд привлекает внимание своей замысловатой формой, красивой коричневой поверхностью, покрытой множеством узоров, и незаменимостью в быту скотовода-кочевника, служащим своеобразным термостатом, в котором поддерживается оптимальная температура для хранящейся в нём жидкости.

Этнографическая коллекция Национального музея Тувы является бесценным достоянием материальной и духовной культуры тувинцев, а когээржики – одна из самых уникальных её частей. Здесь хранится большое разнообразие этих кожаных сосудов, общее количество которых составляет около 45 ед. хр. Фонды музея и в особенности этнографическая коллекция пополнялись на протяжении всей его истории, благодаря деятельности ветеранов музея: М.Б. Кенин-Лопсана, Е.Ш. Байкара, К.Ш. Монгуш, Т.С. Нурзат, С.С. Баян-оол и др.

Тувинцы подразделяют когээржики на три группы по размеру: когээр, когээржик и хойлаарак.

Когээр – это сосуд большого размера. В коллекции музея, к сожалению, таких сосудов нет.

Когээржик – сосуд среднего размера, высотой от 20 до 50 см, емкостью до 2-х литров.

Хойлаарак – самый маленький сосуд, который носили за пазухой, от чего и произошло его название – хойлаар в переводе с тувинского означает «положить за пазуху». Высота хойлаарака – от 5 до 20 см, ёмкость примерно составляет 0,3-0,5 литров.

Эти сосуды кроме размеров отличаются и по внешнему виду. Известный учёный, заслуженный деятель науки РФ, профессор С.И. Вайнштейн отмечал, что когээр обычной формы и размеров имеет трапецевидную форму и внешне отличается от когээржиков лишь большим размером. Шили его из цельного куска бычьей шкуры и использовали для хранения кисломолочного напитка хойтпак, держали в подвешенном виде на специальных деревянных стойках у внутренней стенки юрты.¹

По сведениям информаторов, самыми простыми по внешнему виду являются когээржики, которые имели форму обычного мешка. Тувинцы шили их из кожи, снятой целиком с ноги козули. Этим видом сосудов в основном пользовались тувинцы-олeneводы. Об этом свидетельствуют многие учёные в своих исследовательских работах нач. XX в. В частности, Ф.Я. Кон, по утверждению Г.Е. Грумм-Гржимайло, писал, что кухонная утварь у тувинцев отличалась разнообразием, у состоятельных людей она выделялась богатством отделки из польского серебра.² «А непременно принадлежностью и бедного, и богатого хозяйства является ...широкая, из тиснённой

различными узорами толстой кожи, с узким горлом фляга или сосуд из кожи, снятой мешком с целой ноги телёнка».³

В фондах Национального музея хранится достаточное количество когээржиков. Автором некоторых из них является самобытный мастер, поклонник и практик тоджинской традиционной культуры С.М. Арандол. По его словам, оленеводы для хранения молока в пути применяли специальный сосуд когээржик, который изготавливали из кожи, снятой с задних ног лося. Когда этим сосудом не пользовались, его набивали иглами лиственницы или кедра, чтобы сохранить форму, и подвешивали к жердям чума.

Кочевники-скотоводы издавна были знакомы с технологией искусной обработки кожи. Когээржики изготавливали из кожи крупного рогатого скота. На их изготовление шла кожа только быка или яка. В своей работе С.И. Вайнштейн описывает процесс изготовления когээржиков. В течение нескольких дней кожу вымачивали в особой кисломолочной жидкости сарыг суг (оставшейся после перегонки кисломолочного напитка хойтпака), затем с неё счищали шерсть и мездру, и выкраивали две половины фляги. Когда кожа подсыхала, на каждой половине при помощи деревянной матрицы (хеп) и стержня выдавливали соответствующий узор. Затем обе половины сшивали с внутренней стороны (наизнанку) специальным швом (ыстыктап даараары) с кожаной прокладкой. Незашитой оставалось лишь его горловина. Сосуд выворачивали и зашивали горловину. Его туго набивали сеном или землей, иногда и навозом, и подвешивали над очагом для копчения.⁴ С.И. Вайнштейн утверждал, что в выделке кожи для когээржиков тувинцы достигли большого мастерства, он отмечал полную непроницаемость таких сосудов для жидкостей, их лёгкость и прочность.

С.И. Вайнштейн не обходит вниманием способы украшения когээржиков. Оригинальны и необычны они из-за богатства орнаментов. Их всегда украшали традиционными узорами. При этом широко использовался способ тиснения, а также часто окаймляли бордюром из линейного пояса, либо пунктира, зубчатой полоски или меандра, а в центре украшаемой плоскости располагался относительно крупный узор. Его мотивы достаточно разнообразны, чаще всего – это крестообразные фигуры с роговидными ответвлениями на концах, парноспиральные мотивы, крестообразные розетки из четырех ромбовидных спиралей.⁵ Эти узоры по-тувински назывались «аяк хээзи».

На кожаных сосудах тувинцы изображали силуэты голов животных, буддийских символов и др. Но самыми распространенными традиционными орнаментами на когээржиках, которые хранятся в музее, являются орнаменты «аяк хээзи», «кас демдек», «ийи балык», «кошкар мыйызы». По словам информатора – заведующего Кызыл-Мажалыкским филиалом НМРТ, исследователя орнаментации сундуков Б.С. Майны, на когээржиках сохранились и дошли до нас самые древние виды тувинских орнаментов. Благодаря этому сегодня мы имеем возможность видеть их красоту, созданную творчеством наших предков.

Названия орнаментов разнообразны. Некоторые элементы названы по сходству с явлениями природы. Так, кривые линии с завитками называются «пламевидными» (чалбыштап). Многолепестковая розетка имеет название «цветковая» (чечектеп). Другие орнаменты осмысляются по их сходству с предметами быта, животными и т.д.

Орнамент, называющийся «аяк хээзи», переводится как «узор пиалы», потому что ассоциируется с круглой формой тувинской пиалы. Некоторые исследователи при обозначении этого узора употребляют слово «розетка». Этот излюбленный орнамент тувинцев можно увидеть везде: на различных сосудах, на одежде и на предметах быта. Орнамент «аяк хээзи» имеет круглую форму с различными элементами узора внутри круга, поэтому обычно он является центральным крупным орнаментом на предмете. Один из простых вариантов этого узора С.И. Вайнштейн описывает так: «В центре фляги крупная розетка, крестообразно рассечённая на четыре сегмента, с

входящими друг в друга треугольными фигурами, линии которых образуют как бы костяк замкнутого узора».⁶

Орнамент «кас демдек» – «гусь» или знак буддийского символа «свастика» является почти аналогичным орнаменту «аяк хээзи», различие между ними только в том, что в основе этого орнамента обязательно присутствует крест прямого или косоугольного вида. Крест, лежащий в основе этого орнамента, использовался и в изображении тамги, с помощью которой тувинцы раньше ставили клеймо на верхней части крупа коня, которого готовили к скачкам. В период Тувинской Народной Республики (1921-1944 гг.) такой же знак носили на шапках солдаты Тувинской народно-революционной армии.⁷ Большинство когээржиков тувинского музея украшено именно этими двумя орнаментами.

Так как, орнамент подчиняется форме предмета, округлое тулово когээржика по своей форме очень подходит к нанесению именно этих видов орнаментов округлой формы.

Знак «кас демдек» представляющий собой крест с загнутыми концами, направленными по часовой стрелке или против, символизировал благоденствие, процветание. А иногда он же мог обозначать круговорот солнца, возрождение жизни и бесконечность. В философском плане этот знак символизирует прочность.

Орнамент «ийи балык» – «две рыбы» – присутствует только на трёх сосудах из музейной коллекции. В нём присутствует изображение двух рыб, образующих круг. Этот орнамент вместе с фоном занимает почти всю поверхность когээржиков, а все три сосуда, украшенные этим узором, имеют большую округлую форму тулова без приподнятых с двух сторон плечиков. Орнамент «ийи балык» вписан в центральную часть восьмилепесткового цветка. В каждый лепесток вписаны лепестки меньшего размера. В этой композиции именно её центральная часть с изображением 2-х рыб с точками глаз и завитками чешуи, сразу привлекает внимание. Композиция узора «ийи балык» и восьми лепестков вокруг него изображалась только на кожаных сосудах – когээржиках – из всей бытовой утвари тувинцев.

Узор «ийи балык» аналогичен древнекитайскому знаку «инь-янь», символизирующему мужское и женское начала, добро и зло. В нём присутствует изображение двух рыб, образующих круг, что давало смысл изобилия и удачи.

В Монголии считали, что рыба – это божество воды. Некоторые монгольские и тувинские шаманы имеют до сих пор обереги в виде рыбы. До недавнего времени в Монголии вообще не ловили и не ели рыбу. Открытые глаза рыб в знаке «инь-янь» означали, что это очень осторожные существа, и говорили о том, что нужно быть такими же осторожными как рыбы. Кроме этого, этот знак символизировал то, чтобы людей было так же много на земле, как и рыб.⁸ Философское значение 2-х рыб – гармония.

Орнамент «кошкар мыйызы», в переводе «бараньи рога», присутствует на больших и маленьких сосудах – хойлаараках, которых насчитывается в фонде тувинского музея всего 7 ед. Среди них имеются хойлаараки с осложнёнными элементами этого орнамента. Он расположен в центральной части сосуда в виде пары симметрично расположенных спиральных узоров (символизирующих рога), которые внизу соединяются линией, образующей как бы «стрелку», направленную вниз. Сверху этой «стрелки» параллельно ей изображена «стрелка» поменьше. Между спиральных узоров изображены четыре параллельные вертикальные линии, крайние из которых переходят в бордюры, плавно очерчивающий всю композицию. Вся эта центральная композиция ещё раз обрамлена двойным бордюром, заполненным перпендикулярными чёрточками. Именно этот вид роговидного узора, как и «ийи балык» замечен из других предметов тувинской посуды только на когээржиках.

Об этом орнаменте С.И. Вайнштейн пишет так: «Довольно часто на разных вещах я встречал своеобразный роговидный узор. Оказалось, что называется он кошкар мыйызы – «бараньи

рога». Этот узор был, несомненно, унаследован из искусства древних кочевников. Его изображение найдено на утвари племён скифского времени. Быть может, и они называли такой узор «рога барана».⁹

Орнамент «кошкар мыйызы» является символом благополучия, богатства, сытости, связанного со скотоводческим хозяйством. С давних пор кочевники-скотоводы поклонялись барану как сильному, красивому животному, как самцу, как символу начала жизни и т.д. Об этом свидетельствуют многочисленные наскальные рисунки с изображением горного барана – архара, найденные на территории Тувы. Здесь же можно отметить и сохранившийся до наших дней древний обряд освящения барана (ыдыктаар), который является главным хранителем и продолжателем рода отары.

Все тувинские кожаные фляги декорированы искусно, причём каждый узор на них имеет что-то своё, отличающее его даже от сходных орнаментов на других сосудах.

Сотрудникам музея удалось собрать десятки фляг из разных районов Тувы, украшенных только «своими», очень своеобразными узорами. Поэтому данная коллекция является одним из ценнейших материалов по изучению, как традиционного быта, так и орнаментального искусства тувинского народа, и служит делу сохранения народных традиций, способствуя дальнейшему развитию самобытной технологии тувинских мастеров по изготовлению предметов из кожи и рождению новых орнаментов.

2011

Примечания:

¹ Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. – М.: Наука, 1991, с. 98

² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. – Л., 1926, с. 41

³ Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М., 1974, с. 127.

⁴ Там же, с. 128.

⁵ Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. – М.: Наука, 1991, с. 99

⁶ Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М., 1974, с. 128.

⁷ Чап Ч.М., Болгум-оол А.Т. Тыва угулзалар, хээлэр. – Кызыл, 2008, с. 30.

⁸ Иргит Самбу. Тыва оюннар. – Кызыл, 1992, с. 59

⁹ Вайнштейн С.И. Загадочная Тува. – М., 2009, с. 309

И.И. Негодина,
г. Минусинск

Продукция Гусевского стекольного завода в собрании Минусинского музея

В Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова хранится большая коллекция, около 1500 предметов, изделий Знаменского стекольного завода, стекольного сырья (компоненты и составы) из 25 номеров и орудия производства (стеклодувные трубки). Стеклом этого завода застеклены окна первого корпуса Минусинского музея. Продукция стекольного завода была подарена музею Иваном Гавриловичем Гусевым. С постройкой специального здания для музея образцы изделий были представлены в экспозиции музея.

Стекольный завод был открыт 140 лет назад, в 1871 г., купцом первой гильдии Иваном Гавриловичем Гусевым в 22 км от Минусинска в с. Знаменка (ныне Минусинский район).

В разное время и в разных источниках он назывался по-разному: стекольный завод в с. Знаменка Минусинского округа, Знаменский стекольный завод И.Г. Гусева, Гусевский стекольный завод, Мариинский стекольный завод (по имени жены Гусева Марии Александровны), стекольный завод М.А. Гусевой (после смерти И.Г. Гусева). Завод выпускал продукцию с 1871 г. до нач. 1890-х гг.

Интересна личность владельца стекольного завода И.Г. Гусева. Это был образованный и не-

ординарный человек. «Новатор и экспериментатор по натуре» – называли его современники. Он пользовался авторитетом в городе и за его пределами. В 1875 г. И.Г. Гусев был избран первым городским головой. Находясь на этом посту, он поддержал предложение Н.М. Мартынова об устройстве в г. Минусинске музея и оказывал ему всяческую поддержку. В своём доме он предоставил 2 комнаты для размещения коллекций музея, покупал мебель и оборудование, передавал в музей минералы со своих приисков. И.Г. Гусев стал одним из основных жертвователей (80%) на постройку Градо-Минусинской Троицкой церкви (в 1950-х гг. церковь была разрушена). Кроме этого, он неоднократно передавал пожертвования для города, на открытие и содержание женской прогимназии, являлся председателем комитета Минусинского музея, председателем общества попечения о начальном образовании. В 1885 г. за заслуги перед городом купец 1 гильдии И.Г. Гусев получил от государства звание «Потомственный Почётный гражданин». Умер И.Г. Гусев в 58 лет, от паралича сердца. Похоронен в ограде Троицкой церкви 30 ноября 1892 г.

Всё что делал Гусев, было первым, новым, лучшим. Он владел несколькими золотыми приисками. Прибыль, полученную от приисков, вкладывал в новые предприятия. Кроме стекольного завода И.Г. Гусев в 1869 г. построил крупчаточную мельницу на р. Лугавка. На мельнице перерабатывалось до 50-60 тыс. пудов крупчатки. Одним из первых он стал производителем сахара в Сибири. В 1889 г. на р. Оя в д. Ивановка (ныне Ермаковский район) открыл свеклосахарный завод, который просуществовал 9 лет. Он выводил лучшие породы лошадей на своем конезаводе, организовал добычу и варку соли и соды, занимался винокурением.

Стекольный завод Гусева это – первая и единственная попытка открыть стекольное производство на юге Енисейской губернии. Завод выпускал разнообразную стекольную продукцию: оконное, аптечное и лабораторное стекло, винно-водочную тару, хозяйственное и бытовое стекло.

По численности самое большое собрание в коллекции стекла – хозяйственное и бытовое стекло, где представлены: банки, бутылки, керосиновые лампы, лампадки, подсвечники, абажуры, различная посуда и др. В собрание посуды – стаканы вазообразной и цилиндрической формы, рюмки и бокалы, тарелки, графины, кружки (есть с крышками), молочники, сливочники, кувшины, чайные блюдца, розетки для варенья, тазы. Самая большая коллекция (26 шт.) стеклянных ваз различного назначения, разных форм и цветов. Единичные экземпляры: сахарница, колпак для предохранения продуктов от пыли и насекомых, перечница, маслѐнка, миска с двумя ушками и крышкой, ступка.

На некоторых изделиях выгравированы буквы «ЗМАГ». Видимо, буквы М-А-Г это инициалы жены Гусева и расшифровываются как Мария Александровна Гусева, буква З – расшифровывается как «завод». Эти гравировки, предположительно, ставились на изделиях уже после смерти Гусева, т.к. завод перешѐл к его жене Марии Александровне.

Многие изделия, особенно столовое стекло, выполнены на высоком технологическом и художественном уровне. Посуда, хранящаяся в музее, изготовлена в основном, из цветного стекла: синего, голубого, фиолетового и розового оттенков. На многих изделиях имеется цветочный орнамент бело-сине-зелѐного цвета и золотой ободок. Есть изделия из прозрачного и матового стекла, а так же изделия из хрусталя.

Изделия стекольного завода представляют интерес ещё и тем, что изготавливались из местного сырья, привозимого из разных мест Минусинского округа, с Алтайского соляного завода, Западного Саяна. Исключение составляли красители. Сведений, о которых нет, но скорее всего они, приобретались в Гусь-Хрустальном, где И.Г. Гусев изучал опыт стекловарения.

Стеклообразная масса – шихта, состоит из сплава кварцевого песка, калия (щёлочь) или натрия (сода) и кальция. Качество стеклянной посуды зависит от состава стекла. Самым дешѐвым является кальциево-натриевое стекло. Для посуды улучшенного качества – кальциево-натриевое-

калиевое стекло. Все компоненты добывались, как говорилось ранее, на территории Минусинского округа.

Основным сырьём для Гусевского завода служили кварцевые песчаники, которые добывались на г. Стекольной, расположенной в 7-ми км от д. Ильинка на правом берегу р. Тубы. Песчаник г. Стекольной считается одним из лучших для получения высококачественного стекла. Кроме этого, на Гусевском заводе использовался песчаник, который добывали на г. Жерновой недалеко от с. Шалаболино (ныне Курагинский район), который на 92% состоял из зёрен кварца и тоже был пригоден для получения высококачественного стекла. Кварцевый песчаник на телегах доставляли в с. Знаменка на Гусевский стекольный завод.

Сода добывалась на оз. Алтай, левобережье Енисея (Алтайский район в Хакасии), а так же на оз. Талое в Хакасии. Шихта – заготовка для производства стекла готовилась на месте. В неё добавляли карбонатные породы (известняки, мраморы), широко распространённые в предгорьях Западного Саяна (д. Сизая, Кибик-Кордон).

Путём добавления в стеклянную массу различных окислов получалось цветное стекло. Для того, чтобы получить такие оттенки, необходимо было добавить в стеклянную массу оксид меди, для получения розового оттенка – селен, медь и золото окрашивают стекло в красный цвет.

Для изготовления хрустали в шихту добавляли оксид свинца, это делало его тяжелее и мягче чем простое стекло, оно легче поддавалось шлифовке и гравировке. Как уже говорилось ранее, красители, возможно, завозились из Гусь-Хрустального. Потребность в них была невелика – около 10-30 кг на весь объём продукции. Таким образом, в позапрошлом веке местное сырьё с успехом использовалось для производства высококачественного стекла.

Способ производства стекла на заводе был тигильным, т.е. варка стекла производилась в огнеупорных сосудах – тиглях, при температуре 1500 градусов по Цельсию. Тигли изготавливали из огнеупорных глин, которые добывались около деревни Очуры и д. Шунеры (Шушенский район), тигли получались непрочными, из-за перепада температур быстро выходили из строя, выдерживая 5-10 варок. Для изготовления качественных тиглей И.Г. Гусеву пришлось завозить глину из-под Красноярска, что удорожало производство стекла. Малая производительность тигильных печей, трудность обслуживания и большой расход топлива затрудняли процесс изготовления стекла. Большинство работ на заводе производились вручную. На заводе работало в разное время от 60 до 200 рабочих. По не вполне точным сведениям, И.Г. Гусев для консультаций приглашал в Минусинск мастеров из Гусь-Хрустального.

Продукция завода, особенно посуда, пользовались большим спросом у местного населения, особенно у зажиточных минусинцев и жителей округа, иногда продукцию изготавливали на заказ. Постоянными заказчиками были винокуренные заводы, для которых изготавливали бутылки и др. стеклянные ёмкости, аптеки и больницы, которых завод снабжал аптечным и лабораторным стеклом. Изделия завода продавались в городских магазинах, лавках, на ярмарках. При заводе в с. Знаменка тоже работал магазин.

После смерти И.Г. Гусева он перешёл в ведение его жены Марии Александровны. Но она не смогла справиться с производственными делами покойного мужа – сахарный завод, мельница, стекольный завод постепенно приходили в упадок. Новый владелец (Ржижевский) закрыл предприятие. Сыграло свою роль окончание строительства Транссибирской магистрали и развитие паромства по Енисею. Теперь стекло более высокого качества было дешевле завозить из центральных губерний России. Всё оборудование завода было продано на стекольный завод под Красноярском, туда же выехала и часть рабочих.

До настоящего времени не сохранилось ни одного строения завода. Но на месте заводских печей и отвалов местные жители села находят стеклянные обломки, куски шихты, оплавленное стекло. Посуду Гусевского завода можно встретить в семьях местных старожилов, в Хакасии, Туве.

Коллекция посуды часто экспонируется на различных выставках, последняя работала в музее декабристов – «Стеклянное чудо». Выставка посуды Гусевского завода позволила более полно раскрыть тему светского этикета, в т. ч. и столового, при проведении занятий и мероприятий образовательной программой «Светская культура» и воссоздать культурно-бытовую обстановку кон. XIX в.

2011

Литература:

1. Гуцин Е.Ф. Из истории стеклоделательного промысла в Минусинском уезде. – АМКМ. Ф.1. Оп.2. Д.76
2. Зяблицева С.Н. К истории стеклоделательного завода в с. Знаменка. – АМКМ. Ф.1. О.4. Д. 739.
3. Ковалёв В.А. Стекольное производство в крае: История, перспективы. –АМКМ.Ф.1. Оп.1. Д.1152
4. Мешалкин П.Н. Меценаты. – газ. «Минусинский край», № 4, 1994 г.
5. Плехов В.С. Дом Гусева. – газ. «Надежда», 17 апреля 1998 г.
6. Соколов Д.С. Как и из чего готовится стекло. СПб, книгоиздательство Н.С. Аскарханова, 1910 г.
7. Чернышёва В.Г. И.Г. Гусев – меценат, предприниматель и общественный деятель. – газ. «Минусинский край», февраль, 2003 г.

В.С. Пилипенко,
г. Новокузнецк

Герои произведений Ф.М.Достоевского на сценах уличного и музейного театров

Искусство есть такая же потребность для человека как есть и пить... В Санкт-Петербурге второй год подряд уже традиционно в начале июля под патронажем Правительства города и комитета по культуре проводится День Ф.М. Достоевского. Этот день достоевковеды напрасно будут вспоминать, чем он отличается от множества других, прожитых и пережитых писателем. Тем не менее, разгадка проста: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешительности, отправился в К-ну мосту».

Эта первая фраза романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», выводящая Родиона Раскольникова навстречу его знаменитой романной жизни, а сам роман – на вершину литературного Олимпа.

Казалось бы какой-то вымышленный день из жизни вымышленного же литературного героя. Но для настоящих ценителей и почитателей великого автора нет случайных дат и случайных действий, и они взяли и превратили день выхода Раскольникова в романное пространство в общегородской праздник, посвящённый Фёдору Михайловичу Достоевскому.

И такой праздник состоялся. В нём приняли участие многие музеи г. Санкт-Петербурга, его киноконцертные залы, библиотеки и т.д. Кульминацией праздника было уличное театральное действие в Кузнечном переулке у памятника писателю и у литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.

На глазах были преобразованы фасады домов в стиле XIX в. Уличное представление, созданное талантливыми актерами Молодёжного театра на Фонтанке, а в театральных кругах этот театр славится как «малая Таганка», предоставило возможность зрителям общаться с Раскольниковым, Мышкиным, Рогожиным, Катериной Ивановной, Сонечкой, мелким чиновником, Макаром Девушкиным и другими персонажами произведений Достоевского. Разыгрывались драмы, комедии человеческих поступков. У памятника Достоевскому работали «живые скульптуры». Конкретные сцены в реальном времени.

В июле 2011 г. уличные импровизации на Кузнечном переулке и Большой Московской улице актёров театра БИТКОМ были продемонстрированы уже языком танца. Уличный театр создаёт особую эмоционально-приподнятую атмосферу XIX в. и героев романов Достоевского.

По этому пути последовал Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского г. Новокузнецка, который проводит разнообразные культурно-просветительские и экскурсионные мероприятия. Научные сотрудники музея ищут всё новые формы работы.

Одним из таких новшеств явилась экскурсия с элементами театральных представлений, прошедшая в ночь в музее в ноябре 2010 г.: это и Мария Дмитриевна Исаева, читающая письмо, присланное Фёдором Михайловичем; и Достоевский, прохаживающийся по комнате в раздумьях; и монолог Катерины Ивановны Мармеладовой из «Преступления и наказания». Вот что писала местная пресса об этом городском событии: «И вот мы у ворот дома. Ночь, темно, морозно. Тихо входим во двор. На голубеющем в ночи снегу блики от света горящей керосиновой лампы, которую держит некто в белом саване. Но вот приведение направляется к нам! И будто сама душа Достоевского вдруг заговорила о жизни, о вечном... Входим в дом, где узнаём о сложной, драматичной и прекрасной истории жизни и любви этого великого человека». Несомненно, такая экскурсия привлекла большое число посетителей и ценителей таланта писателя. Поэтому решено было продолжить театральные действия.

Следующая ночь в музее, прошедшая в мае 2011 г., ознаменовалась театральными сценами из спектакля по произведению Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон», которые также тепло были приняты посетителями музея.

В рамках празднования 190-летия со дня рождения Достоевского в мемориальном музее Ф.М. Достоевского 11 и 12 ноября 2011 г. в юбилейные музейные ночи состоялась премьера музейного театра «Кузнецкие дни», написанная сотрудниками литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.

Драма повествует о 22-х днях, проведённых Достоевским в старом г. Кузнецке. Днях, переполненных эмоциями, чувствами любящих людей, взлётами и падениями «грозного чувства», закончившимися венчанием великого писателя с «женщиной души возвышенной» Марией Дмитриевной Исаевой в Одигидриевской церкви. Все эти драматические моменты биографии Ф.М. Достоевского происходили в мемориальном музее Ф.М. Достоевского, в атмосфере музейных экспонатов, актёрских костюмов XIX в. Зрители, мгновенно окунувшись в атмосферу той эпохи, следовали за героями спектакля из комнаты в комнату, принимая и переживая всю драму любви. Актёрам – сотрудникам музея – удалось сохранить историческую канву и передать всю глубину чувств и стремлений. Спектакль был тепло принят зрителями, стал театральным явлением в городе, имел большой положительный резонанс. Одновременно в литературном музее состоялась выставка фотоконкурса «Из XIX века в XXI век». На ней были представлены серии фотографий «Чаепитие», «Долгожданное письмо», где уже языком фотоискусства передавалась атмосфера XIX в.

Во все времена театральное искусство являлось будителем ума и чувств. А уличный и музейный театр – этот особый вид искусства, который своей камерностью и доступностью оставляет в зрителях большую эмоциональность и духовность.

2011

О.В. Прозорович,
г. Северск

Некоторые аспекты построения постоянной историко-краеведческой экспозиции «Северск. 60 лет истории» в Музее г. Северска

В кон. 1940-х гг. наша страна, победившая германский фашизм ценой невероятных усилий и затрат, взялась за создание качественно нового щита – ядерного. Одним из первых шагов к осуществлению этого плана стало начало строительства весной 1949 г. рядом с Томском, на крутом берегу Томи, Сибирского химического комбината. Долгое время затерянный в таёжной сибирской глуши рабочий посёлок при этом крупном промышленном предприятии, носивший поэтическое название Берёзки, был мало кому известен. С нескрываемым восторгом и гордостью за отечественную науку и производство центральные газеты Советского Союза писали о том, что «где-то в Сибири вступила в строй первая промышленная атомная станция небывалой мощности». О заводах – ни слова. А их, непосредственно вовлечённых в ядерный цикл, к кон. 1950-х гг. было уже несколько: два реакторных предприятия, завод разделения изотопов, сублиматный, радиохимический, химико-металлургический – и комбинат продолжал расширяться. Мир догадывался, что в Томске-7 (или другое название закрытого города, необозначенного тогда на карте, – «Почтовый ящик № 5») шла быстрая интеграция фундаментальной науки и крупной промышленности, но о самой продукции Сибирского химического комбината им. М.В. Ломоносова точного представления не было на протяжении почти всего XX в. Такая была необходима высокая степень секретности.

Будущий город планировался всего на 35 тыс. жителей. Современный Северск поражает чистотой и уютом, зелёным нарядом улиц, высокой организацией всего городского хозяйства. Это – крупнейший город среди закрытых административно-территориальных образований Российской Федерации. Вместе с жителями входящих в ЗАТО Северск посёлков Самусь и Орловка, деревень Кижирово, Чернильшиково и Семиозёрки численность населения составляет 114 тыс. человек.

К юбилею города в Музее г. Северска состоялось торжественное открытие двух постоянных историко-краеведческих экспозиций, посвящённых истории северской земли со времён палеолита до наших дней – «По реке времени» и «Северск. 60 лет истории». Первая посвящалась предыстории города и охватывала период от 16 тыс. лет тому назад до 1949 г.

Юбилейная историко-краеведческая экспозиция «Северск. 60 лет истории» была открыта 7 апреля 2010 г. Она посвящена наиболее ярким моментам истории и современности г. Северска с 1949 по 2010 гг.

Перед авторами экспозиции стояла сложная задача: создать у посетителя целостное представление об истории Северска и при этом учесть пожелания ветеранов города, максимально отразив подробности истории населённого пункта на протяжении 60 лет. Экспозиционная площадь, не так велика – один зал. Требовалось, по мере возможности, избежать перегруженности экспозиции.

Основные разделы экспозиции:

I. «Точка отсчёта. Первостроители». Этот раздел рассказывает о международной обстановке, на фоне которой был подписан Указ о создании города, о выборе места строительства, характере производства. Значительное внимание уделяется категориям первостроителей: заключённым, офицерам и рядовым военно-строительных частей, жителям деревень, вошедших в зону строительства, и специалистам, прибывшим в город в период с 1949 по 1955 гг. Отдельная страница посвящена комсомольскому призыву 1956 г. Наиболее интересными экспонатами этого раздела являются: стол 1950-х гг., по легенде принадлежавший генерал-лейтенанту Царевскому М.М.,

четвёртому руководителю строительства, палатка военных строителей, а также самодельные игральные карты и записки-посвящения заключённых, строивших Северск. На стендах представлены портреты руководителей Строительства 601 (Пономарёв А.С., Иванов Н.М., Любый И.С., Царевский М.М.), копии документов, виды строящегося города. Завершает раздел реконструкция интерьера квартиры северчанина-первостроителя (молодого специалиста) I пол.1950-х гг.

II. «Город Северск». Раздел охватывает наиболее значимые отрасли инфраструктуры Северска: образование, медицину, культуру, спорт. Особое внимание уделяется деятельности промышленных гигантов: управления «Химстрой» и Сибирского химического комбината. Отдельными блоками представлены материалы по истории партийных и советских структур города в 1955-1991 гг., о вкладе северчан в ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Среди экспонатов раздела из фондов Музея г. Северска, а также мемориальные вещи из музеев школ города, ПУ-10 и ПУ-32, северчан и бывших жителей Северска. Среди наиболее значимых экспонатов – медицинские инструменты и награды заслуженного врача РФ и основателя НИИ гастроэнтерологии Жерлова Г.К., личные вещи руководителей бывших советских и партийных органов Шеховцова А.Р., первого секретаря горкома КПСС Судобина Г.Н., Хандорина Г.П., Пронягина П.Г., орден Ленина, полученный управлением «Химстрой» в 1986 г., куклы и декорации северских театров, медали, кубки и спортивная экипировка северских олимпийцев Л. Егоровой, М. Алийчук, А. Голоцуцкова, на престольное Евангелие, подаренное Патриархом Московским Алексием II Северскому храму, иконы Владимирской Божьей Матери.

Аттрактивные комплексы раздела – реконструкции интерьеров: «новогодней» квартиры северчанина 1981 г. и школьного класса 1960-х – нач.1970-х гг. с фигурами девочки-октябрёнка и мальчика-пионера, а также вид Северска из космоса и макеты новых микрорайонов растущего «атомграда».

III. «Северск сегодня». Этот раздел отражает перемены, произошедшие в жизни города после 1991 г., изменения в экономике и властных структурах, содержит информацию о почётных гражданах Северска и северчанах – депутатах областной Думы Томской области.

Авторская группа вела работу над созданием экспозиции с ноября 2007 г. по апрель 2010 г. В неё входили семь научных сотрудников музея (Березовская С.В., Вехина Е.П., Кондрашёва Л.В., Назаренко Т.Ю., Новичихина Т.К., Прозорович О.В., Румянцева Е.И.). Автор художественного проекта Павский С.С., член Союза художников РФ.

На экспозиции представлено более 1500 фотографий и почти 700 документов и предметов. При таком изобилии экспонатов и материалов особые требования предъявлялись к структуре подачи.

Здесь необходимо упомянуть о принципах построения экспозиции на разделе «Спортивная жизнь города Северска». Материал располагается на восьми стендах (четыре двусторонних стенда расположены крестообразно). Четыре из них посвящены спортивным школам Северска – с информацией и фотоматериалами о видах спорта, ветеранах и тренерах каждой школы, ещё два – содержат материалы о спортивных сооружениях города, заслуженных работниках физической культуры, заслуженных тренерах, северских олимпийцах.

В городе действуют шесть спортивных школ, из которых четыре имеют статус школ олимпийского резерва. Работало два спортивных клуба: «Янтарь» (СХК) и «Юпитер» («Химстрой»), из них в настоящее время остался только «Янтарь». За 62 года существования города в нём были подготовлены пять олимпийских призёров и чемпионов, шесть заслуженных мастеров спорта, более тридцати мастеров спорта международного класса.

В двух оставшихся частях комплекса располагались личные вещи и награды северских гимнастов – олимпийцев Пекина 2008 г. – Маргариты Алийчук и Антона Голоцуцкова. Между стендами располагаются четыре витрины: награды спортивного клуба «Янтарь»; награды и личные

вещи легкоатлетов: заслуженного мастера спорта А. Ивлевой и многократной чемпионки среди ветеранов А. Шиман; награды А. Голоцуцкова, среди которых две бронзовые олимпийские медали, орден «Гордость нации», кубки; награды и олимпийские сувениры М. Алийчук.

В 2011 г. раздел о спорте Северска претерпел серьёзные изменения.

Для участия в III Музейном форуме Томской области – «Бренды земли Томской», был подготовлен выставочный проект на спортивную тему – «Путь к Олимпу» (автор проекта – Прозорович О.В., над проектом работали: Березовская С.В., Кондрашёва Л.В.).

Проект посвящён олимпийцам – воспитанникам северских спортивных учреждений, ведь Северск – кузница чемпионов, которыми гордится не только Томская область, но и вся страна: И. Утробин, Л. Егорова, Н. Баранова, М. Алийчук, А. Голоцуцков.

Проект создавался с расчётом на то, что впоследствии он войдет в стационарную экспозицию, что и было осуществлено.

Цель проекта – презентация чемпионов, призёров и участников Олимпийских игр, имена которых непосредственно связаны с нашим городом. Достигнутый успех – результат их упорного труда, начиная с раннего детства: многочисленные тренировки, отсутствие свободного времени, строгий режим и т.д. Задачи проекта:

- отразить путь спортсменов к Олимпу;
- представить людей, значительный вклад которых стал одним из необходимых условий достигнутых побед;
- создать положительный образ человека, идеал, к которому захотелось бы стремиться молодому поколению.

Под выставочный проект «Путь к Олимпу» в помещении экспозиционного зала Томского областного краеведческого музея была отведена площадь 9 кв.м.

Проект состоит из 3-х разделов, сформированных по тематическому принципу.

Раздел первый: «Через тернии к звездам». Здесь представлены детские фотографии спортсменов, фотоматериалы с тренировок, фото родителей и тренеров, расположенные на идущем вверх серпантине (модель, символизирующая путь к пьедесталу) (размер фото не менее А5; количество фото – 20-30). При работе с музейным художником пришлось пожертвовать идеей комплекса в виде серпантина (или разноуровневых витрин – от самой низкой к постепенно увеличивающимся по высоте) – пути к пьедесталу.

Вместо этого был создан комплекс из пяти витрин в форме олимпийских колец. Это, конечно, не способствовало воплощению первоначальной концепции о пути как трудоёмком и долгом подъёме к Олимпийским вершинам.

Раздел второй: «Личные вещи северских олимпийцев». Сюда вошла и спортивная экипировка будущих чемпионов, предоставленная СДЮСШОР гимнастики им. Р. Кузнецова, личные вещи Л. Егоровой (лыжи с автографом, комбинезон, налобная повязка) и награды олимпийцев М. Алийчук и А. Голоцуцкова.

Третий раздел: «Уголок юного спортсмена». Была создана интерактивная часть проекта с установкой спортивных снарядов: гимнастического козла, мостика, которыми могли воспользоваться юные посетители форума. Также гостям форума предоставлялась возможность покрутить обруч и поработать с гимнастическими лентами.

Основная стена по центру была оформлена символом Олимпийского движения – пятью кольцами, в центре которых расположены фотографии героев выставки (И. Утробин, Л. Егорова, Н. Баранова, М. Алийчук, А. Голоцуцков). Фото родителей, тренеров, фото с тренировок, соревнований и с Олимпийских игр – предполагавшиеся на серпантине – были размещены на фоне фотоколлажа из поликарбоната. Под потолком символично развешены три флага – Северска, Томской области и России, чьими брендами и являются победы северских олимпийцев.

Экспозиционеры с поставленной задачей справились. А сделать это, т.е. показать большое количество экспонатов, избежав перегруженности экспозиции, чувства «музейной усталости» у посетителей, позволили продуманная логическая структура подачи материала в разделе «Спортивная жизнь Северска» и художественное решение, примером которого может стать комплекс «Путь к Олимпу» (2011 г.), вошедший в состав экспозиции.

2011

Литература:

1. «История Северска: очерки». Северск, 2009 г.
2. Прозорович О.В. «История спортивных школ ЗАТО Северск в музейной экспозиции». – Труды Томского областного краеведческого музея, том XVI (сб. статей). Томск, «ТМЛ-Пресс», 2010 г.
3. «Янтарь» северского спорта (физическая культура и спорт на Сибирском химическом комбинате). Северск, 2007 г.

Т.И. Рябчевская,
г. Ачинск

Единомышленники, создатели и хранители первых музеев Енисейской губернии

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в стране открытием первых библиотек и музеев. Это было явлением новым, но благородным, так как создавались библиотеки и музеи «для учебных и образовательных целей преимущественно».

«Мысль об устройстве общественных музеев и библиотек уже давно зародилась и блуждала в умах граждан, принимающих близко к сердцу распространение народного образования и искренне желающих преуспевания своему родному городу. Блестящий опыт Минусинского музея дал возможность окрепнуть этой мысли и побудить некоторых граждан сделать, наконец, попытку к фактическому её выполнению».

Впервые над вопросом исследования природы Сибири и Минусинского края задумался Николай Михайлович Мартьянов (1844-1904 гг.). Выпускник Московского университета. Он в 1874 г. приехал в Минусинск для работы заведующим аптекой по приглашению здешнего доктора А.В. Малинина. Для «фактического выполнения мысли об устройстве общественного музея» Мартьянов предложил организовать общество естествознания из местных учителей и чиновников, члены которого занимались бы сбором коллекций для будущего музея. Сам Николай Михайлович всё своё свободное время посвящал изучению Минусинского края, и за два года этой деятельности был собран богатый естественноисторический материал. Благодаря энтузиазму Н.М. Мартьянова идея об организации в городе музея получила всеобщее признание минусинской интеллигенции. В 1877 г., когда Николай Михайлович внёс предложение о создании музея в городскую Думу, оно было единогласно одобрено, и музей открыл свои двери. Выделили под музей первоначально всего пять комнат: в первой располагался естественноисторический отдел производств и промыслов; вторая комната была занята администрацией музея; в третьей поместили исторический антропологический материал, а в четвёртой и пятой комнатах разместили библиотеку. Распорядителем музея назначили Н.М. Мартьянова, хранителем – местного учителя Т.Н. Сайлотова. Начало развития музейного дела в Сибири оказало настолько большое влияние, что уже в 1882 г. музеем заинтересовались различные учёные общества, учреждения, пресса и даже коллекционеры. Постепенно опыт Минусинского музея получил своё распространение в краеведении Красноярска, Тобольска, Томска, Нерчинска, Якутска, Хабаровска.

Девятнадцатилетним пареньком познакомился с первыми коллекциями Минусинского музея

Дмитрий Семёнович Каргаполов (1858-1923 гг.). Его тогда «очень поразили бронзовые топоры за стеклом, засушенные редкие растения, кости вымерших гигантских животных, старинные глобусы и стеклянная посуда с рыбами». К сожалению, о Дмитрие Семёновиче слишком мало архивных данных и каких-либо воспоминаний, в т. ч. и о его совместной работе с Николаем Михайловичем. Остаётся только предполагать, что Дмитрия Семёновича увиденное, безусловно, заинтересовало, и он задумался о важном культурном и просветительском значении музея. До основания им самим музея в Ачинске впереди было ещё несколько лет, но эту, теперь уже его идею, стал активно поддерживать и развивать Иван Тимофеевич Савенков, который в течение длительного времени являлся учителем, другом, советчиком и наставником Дмитрия Семёновича. Ивана Тимофеевича связывала также тесная дружба и с Минусинским музеем: сначала в составе Физической учёной университетской экспедиции, он работал вместе с Николаем Михайловичем Мартьяновым, а позднее, с 1907 г. по 1911 г., Иван Тимофеевич возглавлял Минусинский музей. Имея поддержку в лице И.Т. Савенкова, Дмитрий Семёнович Каргаполов просто не мог не опираться (при создании Ачинского музея) на богатейший материал, собранный Н.М. Мартьяновым. По примеру его Дмитрий Семёнович исследовал ботанические коллекции, им были организованы экспедиции учащихся по сбору находок одного из курганов близ Ачинска, а так же Айдашенской пещеры, известной ещё со времён палеолита. К сожалению, эти первые находки археологической коллекции почти не сохранились, но известно, что увлечение археологией проявилось позднее у Дмитрия Семёновича в научной работе по изучению стоянок, расположенных в окрестностях Канска, (на дюнах возле Долгого озера и по берегам Кана). Не осталось не одного подробно материала о мероприятиях, проводимых Дмитрием Семёновичем при организации Ачинского музея, но судя по отчёту «По Канскому музею за 1921 год» есть пояснение, как пополнялись археологические коллекции: «Начались сношения с уездом, откуда из разных мест стали поступать предметы бронзового века: топоры, кинжалы, ножи, удила и прочее». Вполне возможно, что подобная работа проводилась им и в Ачинске. Как и Николай Михайлович, Дмитрий Семёнович был талантливым исследователем, хорошим учителем и прекрасным организатором, поэтому его мечта о создании музея и осуществилась в 1887 г., когда по решению городской Думы под вновь созданную библиотеку и музей была отведена комната в здании городской управы. Возможно, возникнет вопрос: «Почему мечтая о музее, Дмитрий Семёнович основал библиотеку, а музей – при ней?». Ответ можно найти, только исследуя все жизненные условия, окружавшие Дмитрия Семёновича. При изучении этих обстоятельств выяснились следующие причины: становлению библиотеки и музея помогал Иван Михайлович Сибиряков, который пожертвовал тысячу рублей на их обустройство, но деньги И.М. Сибиряковым были выделены для организации, прежде всего, библиотеки, помещение отдано тоже под библиотеку, собирать книги для общественного пользования было легче, чем предметы, да и не было тогда необходимого научного материала, какой могла предоставить данная местность, и с которым мог бы ознакомиться любой желающий. Всё это вместе взятое и послужило поводом для открытия сначала библиотеки, а затем музея.

В период знакомства с Минусинским музеем Дмитрий Семёнович, наверное, видел, что дом Николая Михайловича Мартьянова напоминал «своеобразную кунсткамеру, куда приносили уникальные находки: камни, кости, дикий растительный материал, рукописи». Потому он сначала, собранные для музея вещи, расставлял и раскладывал, за неимением помещения, у себя дома, затем сортировал и изучал их, и только потом помещал в коллекцию музея. Здесь снова прослеживается взаимосвязь Дмитрия Семёновича с Николаем Михайловичем, т. к. Николай Михайлович не мог не поддерживать вновь созданный музей своим участием, советами, особенно книгами, в которых так нуждалась библиотека. Ссылный революционер Дмитрий Александрович Клеменц, побывав однажды в Ачинске в 1888 г., оставил такие воспоминания о музее и Дмитрие Семёновиче: «При своих ограниченных сведениях, при скромном положении смотрителя городского училища

он, при сочувствии общества, сумел сделать небольшой, но полезный музей. Две комнаты, в которых музей помещался, были заняты дельным материалом... Археологические и этнографические коллекции в зачатке ещё и, понятно, почему: и то, и другое надобно приобретать на деньги, а средства музея микроскопические». Можно считать, что это было первым признанием музея, но более точную оценку значения деятельности Каргаполова Д.А. Клеменц отметил подробно в своих «Неопубликованных записках»: «Ни досуга, ни богатой библиотеки, ни специального образования по естествознанию у него не было, но зато были и имеются в наличности другие, более дорогие качества: любовь к науке, трудолюбие и добрая воля. Каргаполов не упускает ни одного случая, где он может извлечь пользу для музея». Подтверждением тому, что Дмитрий Семёнович больше стремился создать музей, нежели библиотеку, может служить и то, что он постепенно совсем отошёл от дел по обустройству библиотеки и вплотную занялся только работой музея. Доказательством предположения о его стремлении создать музей служить может ещё и то, что и в с. Аскиз, куда он был направлен работать в 1889 г., и в Канске, куда его перевели в 1912 г. из Красноярска, Д.С. Каргаполов создавал только музеи.

Мало исследована ещё одна страница жизни Д.С. Каргаполова – его назначение на должность штатного смотрителя Енисейского уездного училища, а так же, в связи с преобразованием в 1899 г. училища в трёхклассное городское, работа в качестве учителя-инспектора. Здесь, в Енисейске, вдохновителем и организатором музея стал Александр Игнатьевич Кытманов (1858 – 1910 гг.). Ещё в 1882 г., сразу же по приезду в Енисейск, Александр Игнатьевич включился в работу по организации краеведческого музея. Знания, полученные им в Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета, а особенно собранные богатейшие коллекции и участие в этом деле Н.В. Скорнякова послужили началом основания в 1883 г. в Енисейске музея. Этот музей Дмитрий Семёнович увидел, когда ему было уже за сорок и у него уже имелся небольшой опыт по организации музея. Остаётся только сожалеть, что не осталось никаких документов, подтверждающих тесное сотрудничество Дмитрия Семёновича и Александра Игнатьевича, но можно предположить, что судьба была к ним благосклонна, и что в Енисейске они встречались для обсуждения каких-либо вопросов развития музейного дела, т. к. есть всё же некоторые свидетельства о том, что Д.С. Каргаполов занимался и изучением севера, и своего края, и вопросами развития истории, этнографии и культуры уезда, а эти же проблемы интересовали А.И. Кытманова. Сходным в жизни Д.С. Каргаполова и А.И. Кытманова оказалось и то, что одноклассники по рождению, единомышленники по призванию, они создавали музеи на основе своих коллекций, приобретали предметы на собственные средства, проводили исследования фауны и флоры местностей, где проживали, а так же и то, что оба они являлись видными общественными деятелями своего времени. Александр Игнатьевич, например, был активным организатором переписи населения по Енисейской губернии в 1877 г., а Дмитрий Семёнович входил в круг людей губернского статистического комитета, занимающегося сбором сведений по экономике, культуре, истории Енисейского уезда. В 1891 г. Каргаполов стал действительным членом этого комитета, который начал издавать «Памятные книжки Енисейской губернии», и материалами этих книг истории пользуются до сих пор.

Нельзя забывать, что Д.С. Каргаполов избирался почётным смотрителем Енисейского училища, и тема просвещения – это ещё одна точка возможного соприкосновения двух таких замечательных людей. Позже навыки их общения могли пригодиться Дмитрию Семёновичу и при изучении истории Минусинского края, куда он переехал в связи с новым назначением. Поскольку музеи в Сибири создавались людьми увлечёнными, по большей части, на свои деньги, Д.С. Каргаполов не мог не знать, что создание Енисейского музея всячески поддерживал Н.М. Мартьянов, и что очень велика была заинтересованность А.И. Кытманова в том, чтобы музей стал одним из центров изучения Сибири. Сейчас достоверно неизвестно, каким застал Енисейский музей Д.С.

Каргаполов, но не принять участия в его работе он просто не мог, так как и Александр Игнатьевич, и Дмитрий Семёнович, как и Николай Михайлович, были первыми исследователями своего родного края, и, как бы ни сложилась судьба каждого из них, но их детища – музеи – живут и здравствуют уже более века.

Заслуга Н.М. Мартьянова состоит в том, что он впервые организовал музей и положил начало развития музейного дела. Александр Игнатьевич Кытманов показал, что на основе деятельности музея началось становление музейного дела в Сибири. Д.С. Каргаполов впервые доказал необходимость распространения музеев и музейного дела. И, наверное, это просто замечательно, что так по жизни пересеклись годы, сроки, судьбы прекрасных людей, краеведов, просветителей, общественных деятелей, основателей музеев – Н.М. Мартьянова, А.И. Кытманова и Д.С. Каргаполова. И благодарные потомки никогда не забудут, что они являлись также самыми первыми организаторами культурно-образовательной и научно-просветительской жизни городов Минусинска, Енисейска и Ачинска.

2011

Литература:

1. Дёмина М.Н., Баташёв М.С., Вдовин А.С. «Каргаполов Д.С. – основатель Ачинского и Канского музеев» // Культурологическая история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: материалы XI в. // Региональной археолого-этнографической студенческой конференции – Омск. Издательство Ом ГПУ. 2002. стр. 20-22.
2. Игнатьева Т. Памяти А.И. Кытманова. Енисейская правда от 14.10. 1998 г.
3. Клеменц Д.А. «Неопубликованные записки».
4. Ковалёв В.А. Н.М. Мартьянов. ИТПП «Кварц».
5. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г. с адрес-календарём. Красноярск. Енисейская губернская типография. 1889 г. стр. 313-325
6. Усольцева Г. «По живому следу» (г. Канск).

Е.Д. Трухан,
г. Новокузнецк

Особенности проведения экскурсий в образно-сюжетной экспозиции на примере Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского

Появление в 80-90-х гг. XX в. музейно-образных и образно-сюжетных экспозиций актуализировало ряд музееведческих вопросов, среди которых проблема методов и форм работы экскурсоводов с посетителями в экспозициях художественного типа¹ была и остаётся одной из ключевых.

Не исключение в этом смысле и Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, где в 1996 г. была открыта постоянная образно-сюжетная экспозиция «Кузнецкая путеводительница», раскрывающая роль кузнецких событий в жизни и творчестве гения мировой литературы. Авторами экспозиционного проекта стали московские специалисты лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии МК РФ и РАН: сценарист, музеевед, кандидат исторических наук (ныне – доктор), ведущий научный сотрудник Т.П. Поляков и член Гильдии художественного проектирования Московского Союза художников, обладатель Золотой медали Академии художеств Л.В. Озерников.

Значительный вклад в формирование общего музейного облика, разработку отдельных экспозиционных элементов (функционально-декоративных комплексов) внесли новокузнецкие художники: Е.П. Башарина, И.Б. Бессонов, В.А. Ерофеев, Р.Ю. Кожевин, И.А. Сизова, П.Г. Тиманов.

В 2011 г. новокузнецкой образно-сюжетной экспозиции «Кузнецкая путеводительница» ис-

полнилось 15 лет. За это время музеем Достоевского был накоплен богатый опыт проведения экскурсий, который положил начало данному исследованию. В рамках статьи предпринята попытка сформулировать некоторые особенности проведения экскурсий в экспозиции образно-сюжетного типа. Хочется надеяться, что индивидуальные открытия и профессиональные находки новокузнецких специалистов будут полезны многим сотрудникам музеев независимо от того, с каким типом экспозиций они работают.

Ядром экспозиции «Кузнецкая путеводительница» стали выработанная сотрудниками музея научная концепция и скромный фонд материальных источников, сформированный с 1991 по 1996 гг. Дело в том, что к моменту создания экспозиции новокузнецкий музей Достоевского располагал единственным мемориальным экспонатом – «домом, где в 1857 г. жил писатель Достоевский». Остальные предметы коллекции представляли собой типологические вещи XIX в. Такая ситуация сохраняется и в настоящее время: новокузнецкий музей Достоевского испытывает «проблемы с количеством и качеством музейных предметов», но не «со сложностью и загадочностью обозначенной темы».² Поэтому для создания экспозиции был выбран образно-сюжетный метод, представляющий художественное направление в экспозиционном проектировании.

Экспозиция «Кузнецкая путеводительница» – это пять концептуально, сюжетно и пластически объединённых залов, формирующих художественно-мифологическую модель мира Достоевского. Это монолог-размышление писателя о будущей встрече с любимой женщиной после смерти, но не в реальном, а в мифологическом времени. По замыслу музейного сценариста Т.П. Полякова, ключом к образно-сюжетной экспозиции «Кузнецкая путеводительница» является один уникальный сюжет, который может существовать только в данном пространстве – дневниковая запись, сделанная Достоевским у гроба М.Д. Исаевой 16 апреля 1864 г.: «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?...». В процессе экскурсии посетителей ожидает погружение в видения и видения Достоевского и знакомство с чередой женских ликов, объединённых одним образом – Марии Дмитриевны Исаевой, первой жены писателя.

Задолго до открытия новой экспозиции перед сотрудниками музея остро встал вопрос: как проводить в ней экскурсии, ведь для достижения главной познавательной музейной цели использованы совершенно иные принципы организации времени и места, другие механизмы воздействия на посетителя? Было понятно, что классические экскурсионные методики полностью не удовлетворяют ни посетителя, ни экскурсовода, так как не смогут донести всей глубины и сложности музейного материала.

В ответ на насущный вопрос музейщиков Т.П. Поляков и Л.В. Озерников предложили создать виртуального экскурсовода. К моменту открытия новой экспозиции появился уникальный аудиоспектакль, действующие лица в котором – работники музея и актёры Новокузнецкого драматического театра. Спектакль-экскурсия – это аудиальное путешествие по главным тематическим разделам экспозиции: «Дорога», «Уездный Кузнецк», «Мордасовский салон», «Любовный треугольник», «Венчание». Каждый раздел аудиоспектакля – причудливая вязь музыкального оформления и разных по стилю, времени написания текстовых элементов: писем и записных книжек Достоевского, документов, воспоминаний современников, отрывков из литературных произведений, философских размышлений. Безусловно, появление оригинального аудиодейства в постоянной экспозиции открыло яркую и неожиданную страницу в экскурсионном обслуживании, но оно не отменило желание посетителей организовать живую, активную коммуникацию и, главное, до конца не решило вопрос: как всё-таки вести экскурсию в образно-сюжетной экспозиции?

Первоначально экскурсия по образно-сюжетной экспозиции представлялась сотрудникам только как «дешифровка» главных экспозиционных образов в трёх смысловых планах: событийном (биографические факты), философском (осмысление происходящего, религиозные основы воззрений Достоевского), творческом (кузнецкие темы и мотивы в произведениях Достоевского).

Следовательно, главной задачей экскурсовода оставалось донести до посетителя три смысловых пласта, которые «растворены» в экспозиционном сюжете и образах. Долгое время экскурсоводы, искренне пытаясь представить отдельные образы в трёх ипостасях, отмечали, что их экскурсия «распадается на куски», что совершенно не удаётся сохранить общее впечатление, т. е. целостность самого экспозиционного образа. Поэтому, идя по пути наименьшего сопротивления, каждый стал выбирать более близкий для него способ познания и подачи экспозиционного материала (определённый смысловой план), при этом два других, в лучшем случае, лишь изредка возникали в процессе экскурсии. Таким образом, поиск собственного «я» в образно-сюжетной экспозиции сводился к выбору одного из трёх смысловых пластов. Бесспорно, такая односторонность не соответствовала сложности темы, и, оставляя посетителя неудовлетворённым, нивелировала уникальность самой образно-сюжетной экспозиции.

Но со временем экскурсоводы уяснили, что в их путешествиях по образно-сюжетному пространству существует одно общее правило: все элементы экскурсии должны нанизываться на экспозиционный сюжет, обогащать и поддерживать его динамику. Ведь создание экскурсионного текста в образно-сюжетной экспозиции – это движение и развитие экспозиционного сюжета, а не описание каких-либо экспонатов или коллекций, не представление событий в хронологической последовательности. Именно сюжет не позволяет экскурсии рассыпаться на отдельные элементы, помогает полнее раскрыть образы, создаёт законченность художественно-мифологической картины мира Достоевского.

Вести экскурсии в образно-сюжетной экспозиции, как показывает опыт работы сотрудников новокузнецкого музея Достоевского, значительно труднее, чем в экспозициях традиционных типов, т. к. кроме передачи познавательной информации и положительных эмоций в обязанности экскурсовода входит продвижение экспозиционного сюжета до его логической развязки. Для этого требуются определённые навыки, но именно их выработка и приносит экскурсоводу особое удовлетворение, формирует банк новых экскурсоводческих открытий.

Благодаря появлению образно-сюжетной экспозиции в новокузнецком музее Достоевского были внедрены новые типы экскурсий. На первых этапах работы – виртуальная аудиоэкскурсия и комбинированная экскурсия, затем – экскурсия с элементами театрализации, экскурсия-исследование, экскурсия – «поток сознания», экскурсия «театр одного актёра». Выбор какого-либо типа экскурсии зависит от индивидуальности экскурсовода, его предпочтений и раскрывает разные способы познания художественного мира.

Но какой бы тип экскурсии не возникал в образно-сюжетной экспозиции, посетители и экскурсовод всегда попадают в ситуацию сопереживания, сотворчества, сопричастности событиям прошлого.

Образно-сюжетный метод диктует экскурсоводу характерные формы диалога с музейным посетителем и специальные приёмы, которые помогают постичь язык экспозиции художественного типа, удерживают и активизируют внимание, сохраняют напряжённость экспозиционного сюжета. Рассмотрим их применительно к трём основным частям экскурсии: введению, основной части, заключению.

Вводная часть экскурсии по образно-сюжетной экспозиции – важный этап подготовки посетителя к восприятию нового музейного пространства. На этом этапе экскурсоводу рекомендуется следующее.

Во-первых, предварить свой рассказ краткой справкой о существующих в музееведении способах демонстрации экспонатов и сделать акцент на том, что в экспозициях художественного типа господствуют другие законы: литературного жанра, ассоциативности (переключки, воспоминания, неожиданные сопоставления, лирические отступления), отсутствия хронологической последовательности, подчинения единому сюжету и др.

Во-вторых, экскурсовод должен донести до посетителей мысль об экспериментальности музейного пространства, которое предполагает и экспериментальные методы подачи материала.

В-третьих, следует настроить аудиторию на нетрадиционное восприятие экспозиционного текста: разбудить в ней творческое мышление, способность сопереживать, постигать экспозицию художественно, образно-символически, культурологически, а не рационально-логически. В связи с этим во введении как части экскурсии уместно использовать следующие приёмы: моделирование ситуаций парадокса и загадки, создание интриги («В России музеи с образно-сюжетной экспозицией – большая редкость, один из них вы посетите сегодня»); игра с экскурсантами («Достоевский провёл в Кузнецке всего 22 дня, совершил 3 поездки, но не написал здесь ни строки. Вот, собственно, и все биографические данные. Знатоки истории, удовлетворившие свой интерес, могут быть свободны»); риторический вопрос («Могут ли 22 дня быть длиной в жизнь?»); «культурологический ликбез» (уместно начинать экскурсию с визуального знакомства с мемориальным домом писателя и усадьбой, постепенно вводя культурологическую, образно-символическую информацию об устройстве дома и его частей, «превращая» обыденное деревянное строение в дом-храм, дом-тело, а экспозицию внутри него – в метафору внутреннего монолога писателя).

Отправной точкой для создания **основной части** экскурсии в образно-сюжетной экспозиции являются экспозиционный сценарий и сюжет. Переходя из зала в зал, каждый посетитель, в зависимости от уровня культуры и степени знакомства с жизнью и творчеством писателя, постигает своего Достоевского, а значит, творит свою художественно-мифологическую картину мира.

Продвижение экспозиционного сюжета – главное в проведении экскурсии по образно-сюжетной экспозиции. При этом экскурсовод должен оставить для посетителя свободу выбора в постижении представленного материала.

Работая над формированием художественной картины мира посетителей, следует активизировать процесс их познания, иногда даже разрушать стереотипы: «принято считать, что..., но на самом деле источники говорят иное», «до недавнего времени было известно, но в ... году достоевскоеды нашли новые документы...». События и факты рекомендуется представлять как столкновение разных точек зрения, разных голосов, трактовок. Это подступы к сложному полифоническому миру Достоевского.

Приёмы, которые используют в основной части экскурсии, многообразны. Например, «шоковая терапия» (первой фразой, произнесённой внутри экспозиции, может стать: «Всё начинается со смерти...»); создание особой атмосферы приобщения (экскурсовод берёт на себя роль проводника, который вслед за писателем вводит посетителей в круг посвящённых в процесс создания произведений); эффект припоминаний, постоянных возвращений к образам в предыдущих залах, поиск созвучий в литературе, жизни, культуре (экскурсоводом создаются наслоения смыслов, нанизываются временные пласты); развёртывание (толкование) определённого мотива, образа, какой-либо темы в рамках экспозиционного сюжета (например, «грозное чувство», тема Рождества, мотив таинственности происходящего и др.); воспроизведение какого-либо значимого яркого эпизода из жизни писателя в лицах (например, момент смерти писателя, открылось «Евангелие от Матфея» глава 3, ст. 14-15); стимулирование любопытства посетителей (в музее постепенно отворяются двери в закрытые залы, при посетителе открываются задрапированные тканью экспонаты); превращение экскурсии в поток сознания экскурсовода, части которого связаны друг с другом ассоциативно; выявление символической сущности вещей в бытовых предметах (кухня в доме – «кухня страстей человеческих»).

Для сохранения эмоциональной напряжённости сюжета можно создавать картины из жизни Достоевского «словесными мазками», используя номинативные нераспространённые предложения, простые нераспространённые двусоставные предложения, безличные глаголы. Напряжённость сюжета питают риторические фигуры, в т. ч. – троекратное повторение вопроса, паузы,

демонстрирующие размышление экскурсовода, а также игровой момент (умение правильно группировать факты и рассматриваемые экспонаты; манипулировать восприятием посетителей, выносить на первый план незначительные, на первый зрительский взгляд, детали; представить динамику, внезапность, непредсказуемость события, развязки сюжета).

Завершать экскурсию по образно-сюжетной экспозиции нужно в соответствии с законами художественного жанра. Следует логически закончить экспозиционный сюжет и ещё раз вернуться к темам и проблемам экспозиции. В части **«заключение»** рекомендуется использовать следующие приёмы: открытый финал (вопросы, которые были затронуты, остаются «вечными вопросами»); кольцевая композиция (возвращение к первой фразе, с которой началось путешествие по экспозиции); движение по спирали (потенциальная возможность повторения экскурсии, но уже на другом, более высоком уровне осознания материала).

Подводя итоги исследования, хочется отметить, что список характерных особенностей экскурсий, которые рождаются в образно-сюжетной экспозиции, остаётся открытым. Выявление и применение на практике тех или иных приёмов зависит от конкретного экскурсовода и формируемого им типа экскурсии.

2011

Литература:

1. Ащеулова Т.С. Памятка экскурсовода. – Новокузнецк, 1996.- Фонд МУК «Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского». – НВ-113.
2. Емельянов Б.В. Экскурсоведение. // [Электронный ресурс]. – 2011. – http://tourlib.net/books_tourism/ekskurs24.htm
3. Каулен М.Е. Экспозиция и экспозиционер: конспект лекций. – М.: АПРИКТ, 2001.- 64 с.
4. Каулен М.Е. Музей или не-музей? // Музей. – 2010. – № 8. – Стр. 4-11.
5. Куреньшев А.А. К вопросу о методах построения музейных экспозиций: продолжение дискуссии // Музей в современном мире: традиции и новаторство.- М.: ГИМ, 1999. - Стр. 165-180.
6. Методика и техника проведения экскурсий // [Электронный ресурс]. – 2011. – <http://sajaxat.mi.ru/Excurs/Virtual/3.htm>
7. Михайловская А.И. Музейная экспозиция. – М.: Советская Россия, 1964. – 518 с.
8. Монахова И. Долгий путь к музею Гоголя // Мир музея – 2008. – № 3. – Стр. 38-41.
9. Монахова И. «Вырасти выше духом» и создать полноценный музей Гоголя // Мир музея – 2009. – № 8. – Стр. 10-14.
10. Озерников Л.В. Макет экспозиции «Кузнецкая путеводительница» новокузнецкого мемориального дома Ф.М. Достоевского. – 1996. – Фонд МУК «Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского». – НВ-1053.
11. Озерников Л.В. Музей бессонницы // [Электронный ресурс]. – 2011. – <http://merkab.narod.ru/ozern.html>
12. Петрова М. Дом Гоголя. На грани мемориального и сценического // Мир музея – 2009. – № 4. – Стр. 28-31.
13. Подготовка и проведение экскурсий. Методические рекомендации. – Отв. за выпуск Б.В. Емельянов // [Электронный ресурс]. – 2011. – <http://www.skitalets.ru/books/metod/excursion/>
14. Поляков Т.П. «Кузнецкая путеводительница» («Кузнецк в жизни и творчестве Достоевского»): сценарий экспозиции литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского – 1996. – Фонд МУК «Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского». – Шкаф 8. – КП-2571, ПП-1526.
15. Поляков Т.П. История и мифология в музейной экспозиции (на примере сценарной концепции экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея) // Музееведение. На пути к музею XXI века: музейная экспозиция (сборник научных трудов). – М.: АПРИКТ, 1996. – Стр. 219-238.

16. Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). – М.: Российский институт культурологии. – 1996. – 254 с.
17. Поляков Т.П. Мифология музейного проектирования или «Как делать музей» - 2. – М.: АПРИКТ, 2003. – 456 с.
18. Поляков Т.П. Двадцать лет работы, или шесть уроков музея Маяковского// Музей. 2009. № 12. – Стр. 44-51.
19. Поляков Т.П. Музейная колея, или о методах и технологиях проектирования музейных экспозиций// Музей. –2010.– № 4 –Стр. 66-71.
20. Поляков Т.П. Музейная колея, или о методах и технологиях проектирования музейных экспозиций (окончание)//Музей. –2010. – № 5. – Стр. 40-46.
21. Розенблум Е.А. Время и пространство в музейной экспозиции// Музееведение. На пути к музею XXI века: музейная экспозиция (сборник научных трудов). – М.: Российский институт культурологии, 1996. – Стр. 177-194.
22. Экскурсионная деятельность // [Электронный ресурс].–2011.– http://www.admhmao.ru/tourism/inf_tur/ekskursii/exkurs_deit.htm
23. Юренева Т.Ю. Музееведение. – М.: Академический проект, 2004.– 560 с.

Примечания:

¹ См. классификацию методов построения музейных экспозиций и их типов в книгах Т.П. Полякова «Как делать музей?»: О методах проектирования музейной экспозиции» (М, 1996) и «Мифология музейного проектирования или «Как делать музей» - 2» (М, 2003).

² Поляков Т.П. История и мифология в музейной экспозиции (на примере сценарной концепции экспозиции Калининградского областного историко-художественного музея) // Музееведение. На пути к музею XXI века: музейная экспозиция (сборник научных трудов). – М.: АПРИКТ, 1996. – Стр. 219-238., с.4

В.Г. Чернышёва,
г. Минусинск

О коллекции Минусинского музея предметов шаманского культа и подготовке каталога «Шаманизм и этнореальность»

Коллекции Минусинского музея по шаманизму, шаманской атрибутике может позавидовать любое музейное учреждение. Она насчитывает более 250 предметов и отражает религиозные воззрения хакасов, тувинцев, остяков (хантов), тунгусов (эвенков) и алтайцев. За весь период существования её ни разу не публиковали полностью. В разные годы выходили в свет научные статьи, монографии об отдельных предметах, например, о шаманских бубнах. Но эта коллекция достойна того, чтобы её увидели полностью. Поэтому появилась идея нового издательского проекта «Шаманизм и этнореальность», направленного на популяризацию и актуализацию современных научных знаний о шаманской атрибутике и практиках на основе реальных предметов XIX в. Именно он был представлен на конкурс Благотворительного фонда В. Потанина «Первая публикация-2011» и попал в шорт-лист десяти лучших проектов.

В процессе начальной подготовки издания была собрана информация о самой коллекции. Основная её часть сформировалась в кон. XIX в. Так, в 1890 г. А.В. Адриановым были переданы Минусинскому музею предметы шаманского культа остяков (хантов) Нарымского края (Томской губернии), живущих в долине р. Васюган, тунгусов-эвенков и черневых татар. Тувинская и хакасская коллекция складывалась из разных поступлений. В первую очередь, это предметы, привезённые из экспедиций Н.М. Мартьяновым, Ф.Я. Коном (речь идёт о двух экспедициях в Урянхайский край в нач. XX в.), собранные в процессе подготовки к Всемирной выставки в Париже (1900 г.) по программе, предложенной П.П. Семёновым-Тян-Шанским, и пожертвованные Выставочным комитетом в 1902 г. Кроме того, в отчётах музея зафиксированы поступления от разных лиц, в

т.ч. от священника П. Силина – шаманские бубны (1892 г.) и от гимназиста Д.Д. Лаппо в 1902 г. поступило деревянное орудие, заменяющее у качинцев шаманский бубен.¹

Необходимо отметить, что хакасская и тувинская коллекции наиболее полны. В собрании имеются как костюмы шамана и его атрибуты, так и изображения различных идолов – ээрены и тэси. Некоторых из них предстоит ещё точно определить и классифицировать. Все они представляют большой интерес для исследователей.

Небольшую коллекцию составляют предметы шаманского культа тунгусов: нагрудник шамана, бубен, колотушка, идолы из железа. Особое внимание обращает на себя шаманский нагрудник (этническое название «хооми»), имеющий классические для этого народа атрибуты. Нагрудник трапециевидной формы, в нижней части заканчивается в форме наконечника стрелы. Изготовлен из выделанной кожи оленя. Украшен аппликацией. Во внутреннем поле аппликации наверху прикреплёно изображение в форме креста из белого металла. Ниже – изображение летящей птицы из белого металла, предположительно гагара (укан). По представлениям северных народов, в эту птицу шаман обращался в том случае, если летел в нижнем мире над рекой смерти. Там он нырял, подобно гагаре, в воду, останавливался на преградах, которые имелись на ней. Гагара являлась вещью птицей, знала все ходы в северном море и в тундрах.²

В нижнем ярусе прикреплены три зооморфных изображения: птицы из белого металла (манги). Посередине – двуглавая (сожэн), орёл. Орёл привешивался к передней части костюма. Считалось, что в эту птицу шаман превращался при посещении страны девяти шаманов – божеств, обитающих в верхнем мире. С правой и с левой стороны прикреплено зооморфное изображение птицы (гагара) – тэрга и – ангаки.³

Из общей коллекции шаманских культовых предметов можно выделить несколько собраний, в т.ч. коллекцию домашних (семейных) идолов хантов, которая, в своём роде, уникальна. Собрание Минусинского музея насчитывает 18 предметов, представленных, в основном, антропоморфным типом. Лишь два из них – зооморфные и являются общественными идолами. Это изображение духа Куль-юнга, по представлениям хантов, обитающего в воде и во власти которого находилась подача рыбы. Идолы ставились головой вниз по течению реки, когда устанавливали запоры во время ловы рыбы, а затем убирали запоры и переворачивали Куль-юнга головой против течения реки.⁴

Антропоморфные идолы изготовлены в одном стиле из целого куска дерева рельефной резбой (кроме трёх № 631,641 и 628) и довольно сложны в исполнении. Имеют ноги со ступнями и частично обозначены руки. Более искусно оформлены головы, заострённые вверху, с широким лицом, Т-образной линией бровей и носа. Можно предположить, что такая традиция изображения лунгов (духов) связана с особенностью религиозно-мифологической системы не только васяганских хантов, но и других представителей обских угров. Местные духи считаются у этих народов духами-предками, богатырями древних времён, отличающимися особым головным убором – шлемом и вооружением. Соответственно в их деревянных скульптурах присутствует символическое изображение шлема с наносником (островерхая голова с выступающей лобной частью и Т-образной линией бровей и носа).

Некоторые изображения идолов имеют также признаки пола (лобок, грудь, живот). Известно, что в этнографической скульптуре народов Сибири и Севера половые признаки изображались довольно редко. На пяти скульптурках сохранилась одежда.

Во время работы над каталогом большое затруднение вызвало определение домашних идолов. При передаче этой коллекции в музей А.В. Адриановым не было оставлено записей в отношении того, каких конкретно семейных духов изображают эти скульптуры. Хотя известно, что Александр Васильевич вёл дневниковые записи во время путешествия. Очень скудные сведения содержатся в архивных материалах музея по этнографии остяков и тунгусов Е. Яковлева. По имею-

щимся данным, мы можем только предположительно выделить среди изображений скульптуру доброго духа, защитника семьи и детей Ыл-юнга (лунга) № 629 или 645, «в чёрной одежде». По представлениям хантов, давшего людям огонь. А также духа Нёлтым-юнг, № 642 (ритуальная одежда утеряна), Таран-юнга № 647 – семейный дух, от которого зависело благополучие и удача в промысле. В «Этнографическом обзоре инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительном каталоге этнографического отдела Минусинского музея» Е. Яковлевым указаны ещё три идола Вас-юнг и пай-ими – сыновья, недостаточное описание которых не даёт возможности определить их в настоящее время.

Многим исследователям известно собрание шаманских бубнов Минусинского музея, насчитывающее в настоящее время 21 предмет. В коллекции представлены бубны: среднесибирского типа, эвенко-якутского подтипа; южно-сибирского типа, алтайского подтипа; южно-сибирского типа, шорского подтипа (сагайцы и качинцы); южно-сибирского типа, саяно-енисейского подтипа (тувинцы). Все они были описаны сотрудником Томского университета в 1985 г. Назаренко Р.Б. Публикации о некоторых из них делала как в XIX-нач. XX в. (Д.А. Клеменц и др.), так и в наши дни, например: Иванов С.В. «Некоторые аспекты изучения сибирских бубнов».

Коллекция хакасских и тувинских культовых предметов, как уже было сказано выше, не менее уникальна. Она насчитывает более 45 тёсей и 40 эрэней. Среди тувинских эрэней выделяются изображения, как духов-помощников шамана, так и обереги. В коллекции имеется небольшое собрание ритуальных ложек «девятитлазок» (14 ед.) с различным орнаментом. Не меньший интерес представляет комплекс предметов по алтайскому шаманизму. Его выделение из хакасской коллекции произошло совсем недавно, в процессе подготовки каталога.

Во время фотосъёмки коллекции бубнов фотографом из Санкт-Петербурга С. Шапиро, сотрудники музея на бубне алтайского шамана обнаружили этикетку с записью, сделанной в нач. XX в., где указывалось, что он передан начальником Алтайской духовной миссии епископом Бийским Иннокентием в 1912 г. вместе с колотушкой и костюмом шамана. В отчёте Минусинского музея нашли подтверждение о том, что, действительно, «в этнографический отдел пожертвован... полный костюм алтайского кама (шамана), состоящий из плаща, шапки, бубна и колотушки к нему».⁵

В картотеке найти предметы сразу не удалось. Идентифицировать их помог случай. Во вновь открывшейся экспозиции потребовалось заменить плащ шамана-качинца, который отправлялся на реставрацию, на другой. Среди имеющихся в наличии лишь один находился в хорошем состоянии. Атрибутика костюма сразу же вызвала сомнения у экспозиционера по поводу его этнической принадлежности. Он отличался от традиционного плаща хакасских шаманов и, несмотря на некоторое сходство с тувинским костюмом тоджинского шамана, к этому народу предмет тоже нельзя было с уверенностью отнести.

После тщательного изучения существующих монографий по атрибутике шаманского культа, фотографий алтайского шамана в полном ритуальном костюме, хранящихся в фондах Минусинского музея, было установлено, что это плащ шамана алтай-кижи – этническое название «маньяк». Его рукава украшены полосками меха рыси и традиционной алтайской вышивкой с геометрическим узором, состоящим из линий, перекрещивающихся под косым углом. Сзади на поясе из ткани, вышитом идентичным узором, бахрому из лент-жгутов, различные привески, символизирующие духов-помощников шамана. В центре – привеска с буддийским символом-оберегом «бесконечный узел счастья» и привеска с антропоморфным изображением, предположительно, жителя царства Эрлик-хана дасутпа, выполненного из чёрного и бордового материала. Под лопатками с каждой стороны подвешан маленький металлический лук с двумя стрелами, считавшихся оружием шамана.

В экспозиции также экспонировался головной убор шамана – «куш перюк» (шапка-птица),

которая была причислена к хакасской коллекции. Но отличалась от традиционных шапок хакасских шаманов. Тонкие полоски меха рыси, расположенные горизонтально, разделяли её на три яруса (глазничный, лобный и затылочный). Между ними та же, уже известная нам, традиционная алтайская вышивка. Лобная часть украшена двумя рядами раковин каури и по низу – бахромой из цветных бус с раковиной каури на концах. Верх шапки венчается перьями филина. Это описание полностью отвечало описанию традиционных шапок алтайских шаманов.

Задавшись целью собрать весь комплект ритуального костюма алтайского шамана, автор издательского проекта В.Г. Чернышёва, сделав сравнительный анализ имеющихся колотушек в коллекции музея и сопоставив с описанием колотушек алтайских шаманов, определила ту, что была передана в 1912 г.

Это маленькое событие прошло в музее тихо и незаметно. От этого оно отнюдь не стало менее значительным. По сути три предмета получили второе рождение, обрели «лицо». Многие годы они были отнесены к хакасской коллекции и являлись отдельными экспонатами. Теперь же из них сложился целый самобытный комплекс, каковыми и являлись изначально.

Несмотря на то, что проект не стал победителем в конкурсе «Первая публикация-2011», работа над ним продолжается. Она позволит систематизировать коллекцию, получить научное описание предметов, и их этническое название, произвести классификацию и расшифровать семантику многих из них.

2011

Примечание:

¹ Отчёт по Минусинскому местному музею и Минусинской городской общественной библиотеки за 1902 г. / Минусинск. 1903 г. С. 17.

² Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984 г., стр.147-148.

³ МКМ. О.1. Д. 663. С. 4об.

⁴ Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов /Из истории шаманства. Сборник. Томск. 1976; Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея/ Минусинск. 1900.

⁵ Отчёт по Минусинскому Мартыановскому музею и Минусинской городской общественной библиотеки за 1912 г. / Минусинск, 1913 г. С. 12.

Л.И. Порошина,
Минусинск

Экспедиции Минусинского музея в Республику Тыва и пополнение коллекции, отражающей традиционный быт и культуры тувинцев

В собрании Минусинского музея хранится большая коллекция, отражающие быт и традиции тувинцев (более 1000 ед.). Особое место в этом собрании занимает фотонегативный фонд, представляющий историю и природу Тувы XIX – XX вв. Основная часть – это негативы и фотографии, датированные кон. XIX – нач. XX вв. Их авторами являются Пётр Евгеньевич Островских, Николай Васильевич Фёдоров, Феликс Яковлевич Кон. В 1990-е г. фотографии музея В.Г. Попов и А.А. Мухин дополнили коллекцию своими снимками (80 ед.) о Туве, а в 2004 г. Л.И. Порошина и С.Г. Макаров – около 100 фотографий.

Пополнение этой коллекции продолжается и в настоящее время. За последние три года был сформирован большой электронный архив фотографий Л.И. Порошиной, отражающих современный быт тувинского народа, сохранение им исторических, культурных и духовных традиций.

В 2008 г. группа музейных сотрудников совершила поездку на традиционный праздник скотоводов Наадым, проходивший в сумоне Тээли (Бай-Тайгинский кожуун), где были представлены традиционные ремёсла, убранство юрт, национальная кухня, скачки, состязания кузнецов, мастериц по плетению верёвки из хвоста сарлыка, конкурс по изготовлению войлока. Частично

фотографии из этой экспедиции были опубликованы в издании Минусинского музея «Иллюстрированная этнография Тувы» (2009).

В конце июня 2011 г. ст. научным сотрудником Л.И. Порошиной была совершена поездка в Бай-Тайгинский район, расположенный в западной части Республики Тувы. Состоялась экспедиция благодаря приглашению главы администрации Бай-Тайгинского кожууна Михаила Сентябрьевича Монгуша. Главной её целью была фотосъёмка населённых пунктов, природы, животноводческих хозяйств и пр. для издания фотоальбома к 70-летию юбилею Бай-Тайгинского кожууна (района). В течение недели, с 23 по 30 июня, объехали семь населённых пунктов и шесть исторических и природных объектов, познакомились с известными мастерами народных промыслов, знаменитыми животноводами.

По дороге Минусинск-Абакан-Абаза-Тээли велась фотосъёмка: на перевалах Канжульский (в 35 км от Абазы), Сотый. Последний находится на границе Хакасии и Тувы, на высоте 2 206 м над уровнем моря. Фотосъёмку вели с вершины в разных направлениях.

После перевала «Сотый» природа резко поменялась. Буйная растительность степной зоны Хакасии и таёжной зоны Саян сменилась скудной растительностью и пустынными растениями горных массивов. На территории Тувы преобладают кустарники: караган разных видов, акация, кое-где лиственница. Дорога пересекает в нескольких местах реки: Ак-Суг, Ак-Ой, Хемчик, с перевала «Орлиный» открывается вид на долину р. Кара-Суг. Примерно через 100 км пересекли границу Бай-Тайги.

Бай-Тайгинский кожуун (район) образован в июне 1941 г. Территория – 7,9 тыс. кв. км., численность населения – 13,1 тыс. человек.

Кожуун расположен в западной части республики в высокогорном поясе, высшая точка г. Монгулек – 3 485 м и граничит на севере с Республикой Хакасия, на востоке с Барун-Хемчикским, на юге с Монгун-Тайгинским кожуунами, на западе с Республикой Алтай. В кожуун входит 7 сумонных администраций (поселений): Бай-Тал, Кара-Хол, Кызыл-Даг, Тээли, Шуй, Хемчик, Ээр-Хавак и 43 населённых пункта. Центр кожууна – с.Тээли находится на правом берегу р. Хемчик. Численность населения – 4,1 тыс. чел. Расстояние от кожуунного центра до Абакана (через Кызыл) – 778 км, до ближайшей железнодорожной станции Абаза – 282 км, до Кызыла – 342 км. Основное производственное направление – скотоводство. Промышленность отсутствует.

Во время экспедиции мы побывали во всех семи сумонах в сопровождении главы – Михаила Сентябрьевича Монгуша. Фотосъёмки проводили в разное время суток, приходилось выезжать рано утром и заканчивать съёмку поздней ночью.

Сумон Кызыл-Даг (Красная гора) расположен у самых гор, в 7 км от Тээли. Дорога каменистая, местами проходит по ручьям. Село окружают красные горки. Улицы широкие, дома в основном добротные, просторные, улицы чистые. Все строения, в т. ч. и заборы, побелены известью. В селе побывали у мастера-камнереза, ювелира Сергея Кочаа. Он показал свою мастерскую и ювелирные изделия из серебра, литьё из металла, фигурки из агальматолита, сувениры. Семья занимается выделкой шкур животных и изготовлением из них одежды, обуви. Во дворе оборудованы нехитрые приспособления, станки.

Своё село бай-тайгинцы считают особенным: из этого маленького села с населением 1100 человек вышли более 30 членов Союза художников Тувы и России: Хертек Тойбухаа, Когел Саая, Владимир Салчак, Сергей Кочаа. Половина села Кызыл-Даг – камнерезы. Кызыл-Дагская средняя школа является экспериментальной площадкой по возрождению традиционной культуры тувинцев и добилась неплохих результатов, в частности, продолжается преемственность поколений по камнерезному искусству, начатого в 1960-х гг. прошлого столетия в школьном кружке знаменитым камнерезом Хертек Тойбухаа. В с. Кызыл-Даг с 1998 г. работают филиалы профессиональных училищ № 3 и № 13 по подготовке изготовителей художественных изделий из камня

и обработчиков кожевенного сырья, со сроком обучения 2 года. В качестве наставников молодых выступают признанные народные мастера Владимир Салчак и Сергей Кочаа.

По словам Уртунай Сайлык Монгушевна, нашего информатора, люди старшего поколения связывают это явление с тем, что в нач. XIX в. эту местность посетил духовный просветитель Богда-Кегээн VIII (транскрипция информатора – *авт.*), который заявил о том, что именно здесь, в этих местах, точнее на горе Бай-Тайга, перед которой находится с. Кызыл-Даг, обитает Хозяин Всей Тувы. Именно с Его благословения рождаются талантливые и трудолюбивые люди по сей день. Не зря матушка-природа дала такое месторождение как Сарыг-Хая на территории Кызыл-Дага, откуда добывается поделочный камень агальматолит. Уртунай Сайлык Монгушевна думает, что кызыл-дагцы с рождения обречены стать звёздами в камнерезном искусстве.

В этот же день посетили народного мастера Когела Мижигетовича Саая (1931 г.р.). Он лауреат премии им. Репина РСФСР, член Союза художников СССР, был первым инициатором строительства хурээ в Кызыл-Даге.

В сумоне познакомились с Салчак Владимиром Шомбуевичем (1946 г.р.) – Заслуженным работником культуры Республики Тува. Он – мастер камнерез, мастер по изготовлению народных инструментов, знаменитый табунщик. Уже второй год возводит субурган из агальматолита. Владимиру Салчаку принадлежит заслуга в создании нового направления в камнерезном искусстве, новой технологии обработки камня – создание пустотелых скульптурных форм намного большего размера, чем традиционные скульптуры малой формы. Жена В. Салчак, заслуженная учительница, всю жизнь проработала в местной школе. Дочери: Хертек Рада – заведующая клубом в Кызыл-Даге, Тойбу-Хаа Чодура – врач-педиатр. У них пятеро внуков.

Рядом с Кызыл-Дагом находится уникальное местечко Кооп-Соок. Оно знаменито тем, что Ламы Кеский Ловун и Чаа Лама решили построить в этом месте буддийский храм. Со слов информатора, Чаа Лама был богатым человеком, и он первым начал его строительство. В 1857 г. из местечка Тура возил на волах брёвна, для перевозки нанимал китайцев. После завершения строительства все ламы провели Хурал. Решался вопрос – кто будет возглавлять Хурээ. Все прошли конкурсное испытание. В результате самым образованным оказался монгольский Лама, живший в сумоне Шуй, Бай-Тайгинского кожууна. Монах Кеский Ловун был избран заместителем Хурала, он следил за внутренним распорядком. В проведении Хуралов принимали участие монахи Дамбы и Норбу кумзат. В 1910 г. 8-й Богда Кегээн дал совет построить храм в другом месте. Поэтому храм перенесли. В нём служили более 60 монахов, было около 200 учеников-хуураков. Сохранились огромные камни, заложенные в фундамент храма, который сожгли в 1929 г. В этих краях была найдена могила древнего воина в доспехах. В настоящее время принято решение храм восстановить на прежнем месте. Построено временное здание хурээ, проводятся службы, народ собирается на праздники. Отсюда открывается красивая панорама на горный массив, у подножия гор виден сумон Кызыл-Даг.

На просторах этой красивой долины прогуливается большая стая больших серых журавлей особой до тридцати. Здесь на них охотиться не принято, и они никого не боятся, можно близко подъехать на машине.

На следующий день по дороге в сумон Бай-Тал заехали на стоянку животноводов, где познакомились с матерью-героиней Салчак Ошку-Саар Ляндуповной (1940 г.р.). Она с семьёй много лет проработала в сельском хозяйстве, награждена золотой звездой Матери-героини, медалью «За трудовые заслуги», почётными грамотами. У неё 55 внуков и внучек.

Сумон Бай-Тал. На его территории расположен лечебный аржаан Шивилиг, расположенный на высоте 1800 м над уровнем моря на склоне могучего хребта, один из самых популярных радоновых источников на западе Тувы. Название Шивилиг переводится как «Еловый». Здесь действительно находится большое разнообразие хвойных деревьев. Шивилиг находится на вершине

горы. Даже в разгар лета струи аржаанов, а их здесь великое множество, поражают ледяной свежестью. 10 июля 2010 г. Шивилиг официально открылся как туристическая база. Аржаан Шивилиг популярен не только среди жителей Тувы, но и за пределами республики. Каждое лето сюда приезжают туристы «из-за Саяна». В сезон бывает до 3000 машин.

Каждый прибывший первым делом проводит у священного дерева обряд «Сан салыры» - это традиционное выражение почтения хозяину целебного источника, духам местности, прошение для себя и близких здоровья и благополучия – по древним языческим законам. Под деревом стоит скульптура буддийской богини Белой Тары. Ей тоже надо выказать почтение.

В километре от аржаана, в местечке Эзим, расположены летние чабанские стоянки, а слева от них – природный сад камней, каждый из которых на что-то похож. На самом деле скальные выступы очень интересные, здесь тоже можно сделать немало открытий.

Сумон Шуй. Это место знаменито тем, что в долине занимаются выращиванием зерновых культур, построена система орошения. По сравнению с другими пустынно-каменистыми холмами и долинами эта местность смотрится как зелёный оазис. На лугах и озёрцах гнездится много диких птиц. Всё село утопает в зелени огромных тополей. На одной из улиц увидели группу людей, они явно куда-то собирались ехать на грузовике в кузове. Оказалось – это одна большая семья. Ждали шаманку, чтобы отправиться в тайгу на святое место для проведения ежегодной церемонии.

Сумон Кара-Холь. До сумона – около 40 км, но ехали несколько часов. Каменистая дорога проходит через три горных хребта, местами вдоль р. Алаш. Места очень живописные: высокие горы вокруг, на вершинах лежит снег, синее небо. Интересно было наблюдать за местными жителями. Временами проносились всадники на полном скаку, да ещё по три человека на лошади, дети, совсем маленькие. Люди настолько все гостеприимны, доброжелательны, стараются рассказать как можно больше о своём селе, людях, истории.

Глубокой ночью, когда было всё собрано и организовано, мы выехали на оз. Кара-Холь. В абсолютной темноте добрались до него. Поставили палатку при свете фар, но хозяева устроились спать под открытым небом, просто накрывшись одеялом из козьего меха – на улице лето! Подъём в семь часов, чай приготовленный на костре. Утро выдалось ясное, солнечное. И перед нами – вот оно озеро! Вода чистая, виден каждый камень на дне. Вдалеке видны снежные горы. Озеро Кара-Холь в длину достигает 12 км, в ширину – 2-2,5 км, расположено в 48 км от сумона Кара-Холь, на территории природного заказника «Кара-Хольский» кластерного участка Государственного природного биосферного заповедника «Убсунурская котловина» (площадь – 122451 га) на границе с республиками Алтай и Хакасия в отрогах Западного Саяна. В озере водится много рыбы, в основном, это хариус. Нам показали рыбалку. В окрестностях водятся маралы, северные олени, снежные барсы и т.д.

На лодке отправились посмотреть водопад. С воды вид открылся ещё величественнее – пенный след от лодки, тёмная вода, ярко синее небо с легкими облаками и снежные горы.

Водопад Кастыг-Холь получил название от горного озера, которое находится значительно выше Кара-Холя. Из него и вытекает речка, превращаясь между скал в бурный водопад. Пошли вверх по узкой тропке к водопаду. Его было слышно издалека. Вода с шумом падала с обрыва в два каскада. На берегу речки стоянка пастухов по виду очень старая.

Утром отправились в обратный путь. Нас уже ждали в хозяйстве, которое занимается разведением лошадей, сарлыков. Летняя стоянка находится в живописном месте на берегу р. Алаш, со всех сторон окружена горами со снежными вершинами.

В юрте нас встретили радушные хозяева. В семье 10 детей. Иргит Эректор Шалович (1931 г.р.) много лет проработал водителем, исколесил всю страну. Его жена, Сарый-маа Дамбий-ооловна, тоже всю жизнь работала в сельском хозяйстве. Награждена орденами Материнской славы I и II

степени, золотой звездой Матери-героини. Сейчас, уже в преклонном возрасте, занимаются разведением лошадей – у них табун около 700 голов. Помогают дети и многочисленные внуки.

Обратная дорога уже днём. Теперь можно было увидеть всю красоту этих мест. Часто останавливались для съёмки. Михаил Сентябрьевич старался показать все значимые места. Специально заезжали в место, где на поле стоят стройными рядами небольшие изваяния и на каждом из них свой рисунок, а на краю поля стоит стела в виде воина. Площадь поля, где расположены эти многочисленные изваяния, огромная, от горизонта до горизонта. В пустынных долинах растёт кустарник – караган. Тоже удивительное растение. Ствол как будто покрыт золотом, цветы жёлтого цвета как у акации, хороший медонос. Зимой в бескормицу животные едят кору, она сочная и питательная.

Последний день пребывания в Туве был посвящён съёмке всех учреждений, организаций, людей в сумонах Тээли, ЭЭр-Хавак, Хемчик. Экспедиция завершилась 1 июля. В результате архив фотографий музея пополнился 1900 снимками, где представлен разнообразный фотоматериал, рассказывающий о природных климатических зонах, ремёслах, промыслах, животноводстве, быте, национальной одежде. Материал экспедиции был обработан, подготовлено издание – фотоальбом «Бай-Тайга», который вышел в свет 12 августа 2011 г.

Последняя небольшая поездка была совершена в сентябре нынешнего года, когда в г. Кызыле проходило празднование юбилея Республики Тува, где также проводилась не только фотосъёмка, но и были приобретены предметы для этнографической коллекции: наосник, форма для национальной борьбы хуреш, традиционный мужской халат и головной убор, детский кандазын (жилет), пояс (куур), плётка и верёвка для привязывания телят из хвоста сарлыка, изготовленная победительницей кожуунного конкурса «Золотые руки мастера» Улуг-Хемского кожууна Светланой Сергеевной Семил-оол из сумона Арыг-Узун. Эти поступления были дополнены предметами буддийского культа, которые привезла из июньской экспедиции Л.И. Порошина (5 ед.).

Таким образом, за последние три года в результате нескольких экспедиций на территорию Республики Тывы фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова пополнились предметами и электронными фотографиями, ярко и эмоционально отражающие самобытность тувинского народа на фоне всеобщей урбанизации и стирания национальных граней.

2011

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ СИБИРИ

Н.А. Баранцева,
г. Абакан

Основные этапы демографической модернизации Красноярского края в XX в.

Современная историческая наука рассматривает проблему формирования населения России и смены типов его воспроизводства через призму концепции демографического перехода, сущность которого заключается в переходе от «извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости»¹. В целом же перемены в сфере матримониального, прокреативного и семейного поведения населения анализируются как проявления демографической и общей модернизации России, за исторически короткое время превратившейся из аграрной, крестьянской, малограмотной в промышленную, городскую и высокообразованную.²

Переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения осуществлялся в России с кон. XIX в. по 60-е гг. XX в. На территории юга Средней Сибири, расположенной в пределах Енисейской губ., проходили аналогичные демографические процессы. Однако, отдалённость территории от центральных районов России, особенности формирования этнических сообществ в условиях постоянных миграционных процессов определили региональную специфику их протекания и некоторое отставание во времени.

В выделении основных этапов эволюции воспроизводства населения Красноярского края в XX в. автор использовал ряд критериев периодизации демографического развития Сибири, выделенные Н.Я. Гущиным.³

1 этап – кон. XIX – нач. XX вв. (1897-1913 гг.) Это годы активного переселенческого движения на Восток. Памятные книжки Енисейской губ., материалы Первой всеобщей переписи населения дали сведения о численности и составе населения края. Показатели воспроизводства населения Енисейской губ. соответствовали типу развития традиционного общества. В последней трети XIX в. высокая рождаемость (50,7 чел. на 1000 жителей, измеряемая в промилле) сопровождалась высокой смертностью населения (39,4 ‰), давая небольшой естественный прирост среди сельских жителей 13,0‰, убыль 4,9 ‰ – среди горожан.⁴ Естественный прирост осуществлялся за счет Минусинского, Канского и Ачинского окр., в то время как Красноярский и Енисейский показали убыль.

В составе 540161 жителей Приенисейского края в 1896 г. насчитывалось 52,4% мужчин, 46,7% – женщин.⁵ Численный перевес мужского населения над женским объяснялся значительной долей ссыльнопоселенцев-мужчин (10,9%), удельный вес которых был максимальным в окр. Канском (19,1%) и Красноярском (16,9%), наименьшим – в Минусинском (3,1%).⁶

Количество браков в Енисейской губ. составило 8,6‰. Наибольшие показатели брачности отмечались в Минусинском окр. (16,3‰ – в городе, 10,5‰ – в сельской местности), что обеспечивало и больший прирост населения по сравнению с другими районами, наименьшие Красноярский (6,3‰) и Усинский пограничный окр. (4,1‰).⁷

Наблюдалась практически всеобщая брачность. В браке состояло 39,0% мужчин и 41,0% женщин. Вдовых насчитывалось соответственно 5,5 и 8,3%, разведённых – 0,1 и 0,07%.⁸ Наибольший удельный вес пришёлся на домохозяйства из 6-10 чел. (35,0%), 4-5 чел. (29,8%), 2-3 чел. (25,9%).

Таким образом, преобладали малые семьи, состоявшие из супружеской пары с детьми. Большие домохозяйства в составе 11 и более чел. составили только 3,0%.⁹

В условиях массовой крестьянской колонизации края наблюдалась положительная динамика народонаселения. В 1909 г. рождаемость населения увеличилась по сравнению с 1897 г. на 2,3‰, достигнув 56,8‰ (среди горожан – 49,6‰, сельских жителей – 56,9‰). Смертность снизилась на 8,8‰, естественный прирост населения губ. вырос на 11,1‰, составив по краю 16,9‰. Была преодолена негативная тенденция сокращения городских жителей.¹⁰

II этап пришёлся на годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны (1914-1922 гг.). В это время происходило снижение рождаемости, брачности, увеличение смертности. В то же время население Енисейской губ. увеличилось за счет беженцев и военнопленных. Гражданская война повлекла за собой значительное сокращение мужского населения, составившего 49,0% в противовес 51,0% женскому¹¹. Наиболее катастрофическими последствиями гражданской войны оказались для сельского населения Минусинского и Ачинского уездов.

III этап – 1923-1929 гг. характеризовался демографической компенсацией, отличаясь высокими показателями рождаемости. В городской местности региона в 1925-1927 гг. они составили в среднем 43,9‰, в сельской – 48,9‰. Это было ниже, чем в нач. XX в. и отражало, с одной стороны, наметившийся дисбаланс полов, а с другой – вовлечённость женщин в производство, сопровождавшееся регулированием рождаемости в связи с легализацией в 1920 г. абортов. Сократилась, но всё ещё оставалась высокой смертность – среди горожан – 26,9‰, сельчан – 25,4‰. Причины смертности горожан коренились в неразвитости жилищной и социально-бытовой инфраструктуры, недостаточном санитарно-медицинском обслуживании населения, плохом питании, высоком уровне заболеваний экзогенной природы (инфекции, эпидемии, паразитарные болезни и пр.).¹²

Тем не менее, естественный прирост городского населения вырос до 17,0‰, сельского до 25,4‰.¹³ Сохранявшиеся различия в естественном движении городского и сельского населения в целом были характерны для демографического перехода.

Брачное состояние населения в 1920-е гг. подверглось серьёзным испытаниям, ввиду сокращения религиозного влияния в семье, упрощения бракоразводного процесса, эмансипации женщин. Кроме того, новый Кодекс о браке, семье и опеке 1926 г. признавал юридическую силу за незарегистрированными (фактическими) браками.

Несмотря на это, уровень брачности населения Сибири был довольно высок. В 1926 г. на 1000 чел. населения было заключено 12,3 браков.¹⁴ Средний состав семьи в различных этнических группах составил 5,0-5,9 чел.¹⁵

IV этап – 1930-1939 гг. – определяющими факторами были процессы форсированной индустриализации, репрессий и пр. Их пагубные последствия отразились в переписи населения 1939 г.

В 1934 г. после «голодных» 1932-1933 гг. количество родившихся на 1000 жителей Красноярского края, образованного в 1934 г. в границах бывшей Енисейской губ., уменьшилось до 36,4 чел. (в городах – 24,0‰, сельской местности – 40,8‰). Коэффициент смертности, в отличие от Европейской России, существенно понизился – до 16,5‰ в городских поселениях, 21,0‰ – сельских, в целом до 19,9‰.¹⁶ Это было связано с «эпидемиологическим переходом», проявившимся в сокращении заболеваний экзогенной этиологии и возрастанием доли эндогенных факторов смертности вследствие естественного старения организма, а также сокращением младенческой смертности.

Естественный прирост в крае составил 16,5‰ (в городах и сёлах – до 7,5 и 19,8‰), оказавшись ниже достигнутых показателей втор. пол. 1920-х гг. Даже в малых городах с традиционно высокой рождаемостью Ачинск и Минусинск естественный прирост оказался минимальным – 3,5 и 8,8‰, сопоставимым с кон. XIX в.¹⁷ В пер. пол. 1935 г. в Минусинске он стал отрицательным (4,6‰) при коэффициентах рождаемости и смертности 23,0 и 27,6‰. Правда, в сельской мест-

ности Минусинского р-на рождаемость оказалась существенно выше (36,0‰), смертность ниже (16,6‰), а прирост составил 19,4‰.¹⁸

В целях поддержки многодетных семей постановлением ЦИК и Совнаркома СССР 1936 г. предусматривалась материальная помощь 2000 тыс. руб. семьям, имевшим шестерых детей при рождении седьмого. Вместе с тем эта мера не могла стимулировать рождения детей низкой очередности.

Политические катаклизмы 1930-х гг. замедлили процесс образования супружеских пар. В 1934 г. количество браков на 1000 чел. стабилизировалось на уровне 6,3‰.¹⁹ Разводимость была незначительной и составила 1,1‰.²⁰ Изначально осуществление демографического перехода в России, по сравнению с индустриально-развитыми странами, носило прерывный (интерактивный) характер и осложнялось рядом обстоятельств. К их числу относились факторы экзогенного характера (кровапролитные Первая и Вторая мировые и гражданская войны; социально-экономические и политические кризисы, усугублявшиеся голодом, массовыми репрессиями, насильственными переселениями и депортациями социальных групп и этносов, унёсшими миллионы жизней). Эти события имели серьезные последствия, ввергая страну и её регионы в демографические катастрофы, сопровождавшиеся значительным повышением смертности, неоправданно резким понижением рождаемости, ослаблением здоровья населения, в том числе в детских и молодых возрастах. Кроме того, естественный ход демографического перехода усугублялся глубокой деформацией возрастнополовой пирамиды: дисбаланса полов в пользу женщин и так называемых «демографических ям» в возрастной структуре населения.²¹

В предвоенном 1940 г. в Красноярском крае с коэффициентами родившихся и умерших 36,2 и 18,9‰ прирост жителей региона составил 17,3‰.²² Количество детей в семьях сократилось. Если в начале XX в. на одну женщину в России в среднем приходилось 7,5 рождений, то в 1936-1940 гг. 4,7.²³ Несмотря на это, в составе населения края доля детей и подростков в возрасте 1-17 лет была значительной и насчитывала 44,9%, лиц в трудоспособных возрастах 18-60 лет – 48,6%. Удельный вес жителей в старших возрастных группах свыше 60 лет оказалась крайне малой – 6,5%,²⁴ что свидетельствовало о том, что население региона продолжало оставаться молодым, а продолжительности жизни – невысокой.

В то же время в 1938-1939 гг., по официальным оценкам, возможно завышенным, ожидаемая продолжительность жизни составила в России 43 года (40 лет у мужчин и 46 у женщин), что означало 11 лет выигрыша за четыре десятилетия.²⁵

V этап – 1939-1945 гг. – годы Второй мировой войны и порождённая ею демографическая катастрофа.

VI этап – восстановительные процессы втор. пол. 1940-х гг. и 1950-е гг., когда происходило непосредственное преодоление порождённой войной демографической катастрофы: высокие показатели рождаемости приблизились к 2/3 довоенного периода (33,4‰), а смертность сократилась в значительно большей степени (12,3‰), определяя значительный естественный прирост, сопоставимый с 1929-1930 гг. 21,1‰.²⁶

Коэффициент суммарной рождаемости на одну женщину в РСФСР составил 2,89.²⁷ Достаточно высокие показатели были связаны со вступлением в репродуктивный возраст многочисленных поколений, родившихся в 1920-е гг., а также реализацией рождений, отложенных во время войны. Вместе с тем коэффициент рождаемости не достиг уровня 1930-х гг. Однако, за счёт сокращения по сравнению с предвоенным периодом смертности, насчитывавшей 12,3‰, прирост жителей превысил довоенные показатели и достиг 21,1‰.²⁸ Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала в половозрастной структуре населения Красноярского края значительную деформацию (47,7% насчитывало мужское население, 52,3% – женское).²⁹

VII этап – 1960-сер. 1980-х гг. – развитие населения на суженной основе. 1960-е гг. характе-

ризируются как «демографический провал», отличавшийся резким падением рождаемости (25,6‰) и смертности (6,8‰). Однако естественный прирост жителей региона оказался ниже на 2,3% уровня 1950 г. вследствие краткости компенсаторного периода рождаемости и составил 18,8‰. Количество браков на 1000 жителей было значительным –14,0‰, в то время как разводов было немного – 0,9‰.³⁰

Последующий период с учётом определённых колебаний сопровождался снижением абсолютно всех параметров естественного движения населения: рождаемости, приблизившейся к уровню простого воспроизводства; смертности, испытавшей некоторое повышение под воздействием постарения населения; естественного прироста, который, в отличие от центрально-европейских районов, оставался низким, но положительным. Преобладающей стала простая, нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары с детьми. Вследствие формирующихся репродуктивных установок на малодетную и среднететную семью количество детей в семье сократилось до 1-2 чел. Коэффициент суммарной рождаемости в РСФСР, приходившийся на одну женщину, сократился с 1960 по 1970 гг. с 2,56 до 2,0.³¹

Снизилось количество браков на 1000 жителей с 14,0 до 11,0‰. В то же время количество разводов возросло с 0,9 до 2,8‰.³² Это свидетельствовало о переходе региона к завершающей фазе демографического перехода, характеризовавшейся «современным» типом воспроизводства населения.

С 1975 по 1986 гг. в Красноярском крае был отмечен рост рождаемости с 17,6 до 19,3‰³³, связанный со вступлением в фертильный возраст многочисленного поколения женщин 20-29 лет 1950-х гг. рождения.

После непродолжительного периода снижения смертности 1960-х гг. в крае и в стране в целом, когда РСФСР по уровню продолжительности жизни (63,8 лет для мужчин, 72,4 – для женщин)³⁴ вышла на уровень развитых европейских стран и Японии, 1970-1980-е гг. были отмечены её ростом в регионе с 8,7‰ в 1975 г. до 9,1‰ в 1989 г., достигнув в 1984 г. 10,1‰. В 1986-1989 гг. в условиях антиалкогольной кампании смертность временно снизилась до 8,7‰.³⁵

Рост смертности населения был связан как с ухудшением социально-экономической ситуации в связи с последствиями «перестройки», так и демографическими факторами, в частности, постарением населения. В 1970, 1979, 1989 гг. удельный вес жителей старше трудоспособного возраста увеличился соответственно до 8,6%, 9,7% и 11,3%.³⁶ Сократилась роль экзогенных причин смертности – эпидемиологических, инфекционных и паразитарных заболеваний. В 1989 г. по основным классам причин смертности центральное место заняли болезни системы кровообращения, новообразования, несчастные случаи, отравления, травмы и пр.³⁷

Снизился такой демографический показатель как брачность населения: с 11,0‰ в 1970 г. до 9,7‰ в 1989 г., в то время как уровень разводов вырос с 2,8 до 4,4‰.³⁸

В целом, оценивая итоги развития народонаселения юга Средней Сибири в XX вв. следует констатировать наличие основных этапов демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства. Однако, его протекание, по сравнению с развитыми странами, имело прерывный характер и осложнялось рядом обстоятельств (кровапролитные Первая и Вторая мировые и гражданская войны; социально-экономические и политические кризисы, усугублявшиеся голодом, массовыми репрессиями, насильственными переселениями и депортациями социальных групп и этносов). Эти события имели серьёзные последствия, ввергая страну и её регионы в демографические катастрофы, сопровождавшиеся значительным повышением смертности, неоправданно резким понижением рождаемости, ослаблением здоровья населения, в том числе в детских и молодых возрастах. Кроме того, естественный ход демографического перехода усугублялся глубокой деформацией возрастнополовой пирамиды: дисбаланса полов в пользу женщин и так называемых «демографических ям» в возрастной структуре населения.³⁹

Снижение рождаемости в крае было связано как с социально-экономическими факторами: расширением применения женского труда в производстве, распадом семей или образованием неполных семей в связи с репрессивной политикой государства, изменением роли женщин в семье ввиду снижения родительской власти, главенства мужа в семье, так и демографическими факторами, в частности, изменением репродуктивных установок матерей с многодетной на среднететную семью.

Сокращение смертности жителей края было обусловлено проведением государственной политики, устремлённой на формирование системы здравоохранения и санитарно-гигиенических мероприятий, направленных на предотвращение эпидемий и борьбу со смертностью населения, в т.ч. женской и детской, развитие легкой и фармакологической промышленности, а также улучшение социальной инфраструктуры и уровня жизни общества.

2010

Примечания:

- ¹ Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. – С.9.
- ² Вишневецкий А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. – С.112.
- ³ Н.Я. Гушин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии / Н.Я. Гушин/ отв. ред. Л.И. Горюшкин. Новосибирск: СО РАН, 1995. – С. 14-16.
- ⁴ Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. – С.17-21.
- ⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т.1. СПб., 1905. – С. 259. Приложение. С. 4.
- ⁶ Подсчитано по: Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем... – С. 20-21.
- ⁷ Подсчитано по: Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем... – С.3-4, 12-
- ⁸ Подсчитано по: Общий свод... – С. 226-227.
- ⁹ Там же. С.24,32.
- ¹⁰ Подсчитано по: Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 год. Красноярск, б.г. – С.44-46.
- ¹¹ Подсчитано по: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года). Погубернские, поузездные и поволостные итоги. Т.1. Вып. 5. Б.г. Б.м.: Сиб. стат. упр. – С. 4, 9-11.
- ¹² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. – С.110-114.
- ¹³ Подсчитано по: Естественное движение населения в Сибкрае за 1925-1927 гг. Новосибирск, 1930. – С. 36-37.
- ¹⁴ Естественное движение населения в Сибкрае... – С.4,36-37.
- ¹⁵ Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. Р.-1299. О.1. Д.222. Л. 1-1 об.
- ¹⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.11. О.2. Д.55. Л. 6,7.
- ¹⁷ ГАО. Ф. 11. О.2. Д.55. Л. 6,7.
- ¹⁸ МУАГМ. Ф. 372. О.1. Д.106.Л.1.
- ¹⁹ Подсчитано по: ГАО. Ф.11. О.2. Д.55. Л.6,7.
- ²⁰ Естественное движение населения в Сибкрае... – С. 36-37.
- ²¹ Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т./ Т.3, кн.1: 1960-1979. М.: РОССПЭН, 2005. – С. 269-270, 274.
- ²² Народное хозяйство Красноярского края (Юбилейный статистический сборник). Красноярск, 1985. – С.7.
- ²³ Демографическая модернизация России...С.30,65.
- ²⁴ Подсчитано по: Электрон, версия бюлл. «Население и общество». № 411 - 412. 22 февраля - 7 марта 2010. <http://www.demoscope@demoscope.ru> 12.03.2010.
- ²⁵ Демографическая модернизация России... – С. 270-271.
- ²⁶ Народное хозяйство Красноярского края. С.7.
- ²⁷ Электрон, версия бюлл. «Население и общество». № 417 - 418. 5-8 апреля 2010. <http://www.demoscope@demoscope.ru> 19.04.2010.
- ²⁸ Народное хозяйство Красноярского края. С.7.
- ²⁹ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: ЦСУ при Совмине СССР, 1963. С.70-71.
- ³⁰ Народное хозяйство Красноярского края.– С.7
- ³¹ Электрон, версия бюлл. «Население и общество». № 417 - 418. 5-8 апреля 2010. <http://www.demoscope@demoscope.ru> 19.04.2010.
- ³² Народное хозяйство Красноярского края. С.7
- ³³ Народное хозяйство Красноярского края. С.7; Центральная база статистических данных Федеральной службы гос. статистики <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>. 25.03.2010; Численность, состав и движение населения в РСФСР. Госкомстат РСФСР, Респ. инф.-изд. центр, 1990. – С.93,95.
- ³⁴ Население России в XX веке. – С.278.
- ³⁵ Народное хозяйство Красноярского края. С.7; Центральная база статистических данных Федеральной службы гос. статистики <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>. 25.03.2010; Численность, состав и движение населения в РСФСР. – С 98-99.
- ³⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 39; Возрастной состав населения РСФСР. – С.305.
- ³⁷ Численность, состав и движение населения в РСФСР. С. 182,191,209,211.
- ³⁸ Численность, состав и движение населения в РСФСР. С. 278-279,281,266-267,272-273,275.
- ³⁹ Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т./ Т.3, кн.1: 1960-1979. М.: РОССПЭН, 2005. – С. 269-270,274.

Город Минусинск во втор. пол. XIX — нач. XX в.

В последние годы одной из активно разрабатываемых тем в исторической литературе является история малого города. Результатом плодотворной деятельности учёных и краеведов стали проводимые конференции, изданные сборники статей, энциклопедии, справочники, летописи по истории городов. В настоящее время история сибирского города также активно изучается исследователями¹. Среди малых городов восточносибирского региона интерес вызывает г. Минусинск.

В 1823 г. село Минусинское получило статус города. Однако это не изменило экономику данного населённого пункта. С развитием золотопромышленности и заселением Минусинского округа город претерпел существенные перемены. Минусинск превратился в административный и торговый центр большого и развитого сельскохозяйственного округа (уезда) не только с русским, но и коренным населением. В Минусинский округ входила значительная территория современной Хакасии, для большей части хакасов Минусинск как центр имел важное значение. Минусинский округ граничил с Урянхайским краем, через Минусинск осуществлялись внешнеторговые операции, соответственно он являлся крупным центром внешней торговли.

Город располагался в южной части Енисейской губернии недалеко от судоходной реки Енисей. В кон. XIX в. А.А. Кропоткин писал: «Минусинск – типичный сибирский городок, – sereneкий, невзрачный. Здесь всё серо: улицы, стены, крыши домов, заборы»²

Во втор. пол. XIX – нач. XX в. численность Минусинска заметно увеличилась, темпы роста были достаточно высокие. С 1859 по 1917 гг. количество горожан увеличилось в 4,4 раза. Следует учитывать, что основной рост численности жителей пришёлся на пореформенный период. С 1859 по 1880 гг. население в среднем увеличилось в 1,9 раза, с 1880 по 1897 гг. – в 1,9 раза, с 1897 по 1917 гг. – в 1,3 раза. До конца XIX в. рост численности населения Минусинска шёл более интенсивно.

Численность населения Минусинска во втор. пол. XIX – нач. XX в.³

Таблица 1

Год	Мужчины		Женщины		Всего
	Абс.	%	абс.	%	
1856	1167	53,6	1011	46,4	2178
1866	2232	53,2	1964	46,8	4196
1880	2775	55,5	2225	44,5	5000
1897	5078	49,6	5153	50,4	10231
1910	6788	48,2	7282	51,8	14070
1917	5669	44,3	7138	55,7	12807

В Енисейской губернии проведение Сибирской железной дороги оказало влияние на темпы роста численности населения в Красноярске, Ачинске и Канске. Эти города располагались на линии железнодорожной магистрали, соответственно в них происходил усиленный рост численности населения. В отличие от этих городов, в Минусинске, удалённом от железной дороги, темпы роста были медленнее. Город не пришёл в упадок, потому что в нач. XX в. являлся центром многонаселённого и развитого сельскохозяйственного южного района Енисейской губернии. В основном рост численности населения города пришёлся на период до строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Сословный состав населения Минусинска во вт. пол. XIX в. претерпел некоторые изменения (см. табл. 2). Наиболее высоким был удельный вес мещан, поэтому Минусинск по праву можно назвать мещанским городом. С 1863 по 1880 гг. доля мещан увеличилась с 41,6% до

74,6%. Удельный вес мещан заметно пополнялся за счёт гильдейской реформы 1863 г., когда была отменена третья гильдия. Вышедшие из состава гильдейского купечества существенно дополнили ряды мещан. С 1863 по 1897 гг. доля купцов и почётных граждан снизилась с 8 до 1,4%. Переселившиеся в город крестьяне также стремились пополнить ряды мещанского сословия. К 1897 г. мещане составляли 59,6% от всего населения. Это снижение было связано с увеличением доли крестьян (до 31,3%). Данная тенденция в кон. XIX в. была характерной для многих сибирских городов.

Сословный состав Минусинска во втор. пол. XIX в.⁴

Таблица 2

Сословия	1863 г.		1880 г.		1897 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дворяне	176	4,5	96	1,7	284	2,8
Духовные	25	0,6	32	0,6	58	0,6
Купцы и поч. граждане	307	8,0	246	4,4	145	1,4
Мещане	1785	46,1	4127	74,6	6102	59,6
Крестьяне	753	19,4	476	8,6	3202	31,3
Военные и казаки	215	5,6	300	5,4	55	0,5
Прочие	611	15,8	255	4,7	385	3,8
Итого	3872	100,0	5532	100,0	10231	100,0

В Первой всеобщей переписи населения 1897 г. представлена информация о составе населения по месту рождения. В Минусинске к кон. XIX в. местных уроженцев проживало 5751 чел., они составляли значительный удельный вес (56,2%). В то же время была заметной доля переселившихся крестьян (38,4%). Из них многие являлись выходцами из отдалённых от Минусинска мест. Как отмечал корреспондент «Справочного листка», в городе было много выходцев из Самарской, Вятской и Саратовской губерний⁵. Уроженцы других губерний распределялись следующим образом: Вятской губернии – 729 чел., Самарской – 456 чел., Саратовской – 191 чел., Псковской – 192 чел. и т.д. В городе проживало 19 иностранных подданных, удельный вес их был незначительным (0,2%).

Состав населения Минусинска в 1897 по месту рождения⁶

Таблица 3

Уроженцев	Человек	%
Местных	5751	56,2
Других уездов Енисейской губ.	533	5,2
Других губерний	3928	38,4
Других государств	19	0,2
Всего	10231	100,0

При изучении городского населения важное значение имеет исследование национально-конфессионального состава населения. Определение этнической принадлежности жителей исследуемого региона позволяет рассмотреть особенности быта и культуры, семейных отношений городского населения.

Изучение национального состава дореволюционной России осложнено тем, что до кон. XIX в. в Российской империи не проводился учёт населения по национальному признаку. Национально-конфессиональный состав городского населения Енисейской губернии не был однородным. В 1863 г. основная масса представителей православной конфессиональной группы была сконцентрирована в Минусинске (94,9%). В городе проживало всего 74 (1,9%) раскольника, 25 (0,6%) иудеев, 6 (0,2%) мусульман, 33 (0,2%) католика, 48 (1,2%) протестантов, 11 (0,3%) представителей других конфессиональных групп. До 1883 г. въезд евреев в Минусинск и Минусинский округ был ограничен из-за получившей распространение секты «субботников». В «Справочном листке» Енисейской губернии за 1890 г. отмечалось: «... но теперь жидки полюбили наш тёплый край и наполняют его быстро».⁷

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволяют на основании родного языка рассмотреть национальный состав городского населения исследуемого

региона. К кон. XIX в. представители русской, украинской и белорусской национальностей, объединённые в одну группу русского населения составляли 94,8% (9 694 чел.), евреи – 13 (0,1%), поляки – 0,9% (96 чел.), татары – 0,6% (63 чел.), прочие – 3,6% (365 чел.). К группе прочие относились представители различных национальностей: немцы, латыши, литовцы, эстонцы, мордва, армяне и т.д. Перепись учла представителей местных сибирских народов – «енисейских тюрков» или хакасов. Среди городских жителей их доля была незначительной. В Минусинске проживало – 114 хакасов, что составляло 1,1% от всего населения в городе.

К 1910 г. высокая доля группы русских оставалась в Минусинске (94,7%). Удельный вес других этнических групп продолжал оставаться незначительным. В городе насчитывалось 40 (0,3%) евреев, 100 (0,7%) поляков, 400 (2,8%) татар, 210 (1,5%) прочих национальностей.⁸

Основным занятием населением являлось сельское хозяйство. Условия развития данной отрасли в Минусинске были более благоприятные, чем в других приенисейских городах. В кон. XIX в. Он представлял собой и город, и село: мещанское население города занималось сельским хозяйством. В Минусинске наряду с хлебопашеством развитие получили такие отрасли сельского хозяйства, как скотоводство и огородничество. Мещанские и купеческие хозяйства имели по 10 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота и 30 голов мелкого скота. Минусинцы значительное внимание уделяли выращиванию табака, простой русской горчицы, арбузов и дынь. В городе получило распространение кустарное производство. Горожане выделывали кожи, шили шубы и тулупы, а также изготавливали валенки.⁹

В сер. XIX в. в Минусинске ремесло было слабо развито. В 1870-е гг. в городе насчитывалось около 70 ремесленников, из них основную массу составляли кузнецы. Местная промышленность была представлена предприятиями домашнего производства: маслобойные, канатные, кирпичные, гончарные, салотопенные и мыловаренные. На предприятиях работало свыше 40 человек. К кон. XIX в. среди ремесленников наибольшее распространение получили скорняки, кожевники, кирпичники, кузнецы и плотники. В это время в городе ощущалась нехватка маляров и резчиков. Также не было мастеров по изготовлению экипажей, обычно их заменяли колёсники из проживавших в деревнях поляков и литовцев. Всего к 1897 г. в городе насчитывалось 212 ремесленников. Минусинск по количеству ремесленников существенно уступал другим приенисейским городам, вероятно, что статистикой был указаны только мастера. В этот период в Ачинске насчитывалось 496 ремесленников, в Канске – 416. К 1901 г. количество ремесленников в Минусинске увеличилось до 342 человек.¹⁰

Поденная плата у мастеров различалась: печникам платили 1 руб., штукатурам – 1 руб. 30 коп., малярам – 1 руб.-1 руб. 20 коп., столярам – 90 коп., плотникам – 75 коп., конопатчикам – 60 коп., пильщикам – 70 коп., чернорабочим – 45-50 коп. Кузнецы, открывшие кузницы при въезде в город, представляли собой замкнутую корпорацию, в основном они занимались грубой и тяжёлой работой. В ремесленных мастерских были заняты мужчины, только в одной из часовых мастерских работала женщина. Многие жительницы Минусинска брали работу на дом, они шили белье и платья. Однако за такую работу мало платили, к тому же многие женщины умели рукодельничать. Одними из востребованных ремёсел были прядение и чулочное дело. Работницы-надомницы в основном занимались изготовлением половинок из тряпок и коровьей шерсти, что давало им возможность иметь сносный заработок.¹¹

В Минусинске получила развитие торговля. Минусинские купцы осуществляли торговлю как внутри губернии, так и за её пределами, выходя на внешнеторговые связи с Монголией. Из Минусинска торговцы вывозили в Красноярск и Енисейск хлеб, сало, шерсть, овчины, войлок. В Монголию в основном вывозили ситец, плис и некоторые галантерейные товары.

В 1875 г. было получено торговых свидетельств: купца первой гильдии – 3, второй гильдии – 104, мелочной торговли – 183, развозной торговли – 57, на мещанские промыслы – 17. Из всех

получивших купеческие гильдейские свидетельства реально торговало только 12 купцов.¹²

Согласно переписи 1897 г. в Минусинске были представлены все основные группы занятий. Горожане были заняты в таких сферах, как торговля, промышленность, сельское хозяйство, пути сообщения, частная служба и т.д. К основным занятиям населения можно отнести такие отрасли, как сельское хозяйство – 3136 чел. (30,7%), промышленность – 3218 чел. (31,5%), частная служба и поденщики – 1158 чел. (11,3%), торговля – 1995 чел. (10,7%). Следовательно, можно сделать вывод о многофункциональности Минусинска. Город являлся административным, промышленным и торговым центром.¹³

Таким образом, во втор. пол. XIX – нач. XX в. Минусинск был типичным провинциальным городом Сибири. В составе населения и экономике города проявлялись черты как городского, так и сельского населённого пункта. Наряду с сельским хозяйством важную роль в жизни горожан играли торговля, промыслы и ремесло.

2010

Примечания:

¹ Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье в XVII – XIX в. Проблемы социально-экономического развития городов Сибири. Новосибирск, - 1984; Скубневский В.А. Камень-на-Оби в кон. XIX – нач. XX в. // Алтайский сборник. Вып. 16. - Барнаул, 1995. С. 54-66; Он же. Змеиногорск во второй половине XIX в. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). – Барнаул, 1999. С. 211-221; Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая пол. XIX - нач. XX в.): посвящается 300-летию города. - Барнаул, 2009. 276 с; Гончаров Ю.М. Город Кольвань во второй половине XIX - начале XX в. // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография. Материалы VIII Всероссийского научного симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г. - Новосибирск, 2010. С. 85-93 и др.

² Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12. Ч. I, - СПб., - М., 1895. С. 42.

³ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 г. - СПб., 1865. С. 169-170; Экономическое состояние городских поселений Сибири. - СПб., 1882. - С. 232-233; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 73. Енисейская губерния. - СПб., 1904. - С. 1; Списки населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, составленные по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и по другим исследованиям 1916-1919 гг. - Красноярск, 1921. - С. 137; РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 28. Л. 4.

⁴ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 г. ... С. 169-170; Экономическое состояние городских поселений ... С. 232-233; Первая всеобщая перепись ... С. 1.

⁵ Справочный листок. 1890. 27 мая.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 73: Енисейская губерния. - СПб, 1904. С. 24-25

⁷ Справочный листок. 1890. № 21. 27 мая. С. 3.

⁸ Города России в 1910 г.-СПб., 1914. С. 1030.

⁹ Латкин Н.В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее. - СПб., 1892. С. 380.

¹⁰ ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 24. Л. 140.

¹¹ Справочный листок. 1890. 27 мая.

¹² Экономическое состояние ... С. 234.

¹³ Первая всеобщая перепись ... С. 112-114.

С.В. Леончик,
г. Абакан

Енисейская губерния и Урянхайский край во время гражданской войны в описании Фердинанда Антония Оссендовского

Страницы истории прошлого века, трагического для России и Сибири времени, нередко заставляют задуматься: «А нужно ли было вообще это кровопролитие?»

Кон. 1919 – нач. 1920 гг. в Сибири ознаменовались падением правительства адмирала Александра Колчака. Восточный фронт под командованием Михаила Фрунзе развернул активное наступление на столицу белой Сибири – г. Омск. 14 ноября красноармейцы вошли в Омск. Колчак и его правительство эвакуировались на восток. Белая армия лишилась главного стратегического узла, своей основной опорной базы.

Следующим главным направлением наступления Красной Армии стал треугольник: Новониколаевск-Томск-Тайга. Захват Новониколаевска 14 декабря 1919 г. позволил Красной Армии вплотную приблизиться к Томску и Кузбассу, где полыхало мощное рабочее и крестьян-

ское восстание. В Томске большевистский Военно-революционный комитет взял власть 17 декабря 1919 г. ещё до подхода регулярных частей Красной Армии.

В начале января 1920 г. завязались кровопролитные бои под Красноярском. Невозможность для белых занять Красноярск осложнялась яростным сопротивлением восставших красноярских рабочих и солдат гарнизона, а также военнопленных-венгров, перешедших на сторону красных. Войска Колчака так и не смогли войти в город, обогнув его с севера. 4 января 1920 г. А. Колчак отказался от звания Верховного правителя, передав власть атаману Г.М. Семёнову. Неудачи под Красноярском стали концом армии Колчака, в состав которой входили не только русские сторонники белого движения, но и Чехословацкий корпус, а также V дивизия польских стрелков.

Следует отметить, что в России 1917-1918 гг. находилось около 3 000 000 поляков. Из них 1 200 000 – поляки, граждане Российской империи, около 1 200 000 было беженцев. Их в принудительном порядке русская армия вывезла из Восточной Галиции. Остальные – пленные поляки, воевавшие в австрийской и немецкой армиях. В Сибири находилось от 300 до 500 тыс. поляков, больше половины составляли местные жители – ссыльные и их потомки, добровольные переселенцы.

Фердинанд Антоний Оссендовский (1876-1945) – польский писатель, легендарная личность. Его жизнь похожа на приключенческий роман. Родившись в семье врача под Витебском, гимназию заканчивает в Петербурге. В 1895 г. начинает изучать химию в Петербургском университете. Во время обучения он неоднократно выезжал в экспедиции в горы Алтая, на оз. Байкал, на Кавказ. Описания этих экспедиций издал на русском языке в 1897-1899 гг. Во время каникул в качестве судового писаря он проплыл по южным морям, написав повесть «Туча над Гангом». С 1899 г. продолжает своё обучение в Сорбонском университете в Париже, и в это время он также активно путешествует по Европе.

В 1901 г. Оссендовский начинает преподавательскую деятельность в Техническом институте в Томске. В период с 1901 по 1904 гг. писатель и учёный ведёт активную научно-исследовательскую деятельность, публикуется в российских научных журналах. В 1904 г. с началом русско-японской войны, Оссендовский получает задание по поиску полезных ископаемых в Манчжурии. В Харбине он организует Центральное техническое бюро и поисковую базу. Одновременно он также исполняет обязанности секретаря Владивостокского филиала Русского географического общества.

В Манчжурии Оссендовский становится революционером, его арестовывают и сажают в крепость. После освобождения он работает директором асфальтовой фабрики. В 1909 г. возвращается в Петербург, где издаёт несколько своих приключенческих повестей, активно печатается в российских журналах, а также исполняет обязанности директора Российского Союза золотопромышленников. В 1917 г. при помощи Ликвидационной комиссии Царства Польского вместе со своей русской женой Анной получает гражданство вновь возрождённого польского государства. Однако, в тяжёлое для России время, он возвращается в Сибирь, объясняя это в своих мемуарах как бегство от большевиков.

В 1918 г. Оссендовский преподаёт в политехническом институте и аграрной академии в Омске. Писатель также исполнял обязанности технического советника в армии генерала Александра Колчака. После поражения армии Оссендовский вместе с группой своих соратников уходит от «красных» довольно оригинальным и полным опасностей путём. Свои воспоминания об этом походе он описал в книге «Через страну людей, зверей и богов. (На конях через Центральную Азию) 10-13 тысяч». Воспоминания, изданные Оссендовским в Варшаве сразу после его возвращения в 1923 г., читаются как захватывающий дух приключенческий роман. Книга снабжена картой с указанием пути побега из «красной» Сибири.

Своё повествование автор начинает с Красноярска и далее описывает дорогу вверх по Енисею через территорию Хакасии и Тувы. Необходимость побега из Красноярска через Центральную

Азию Оссендовский объясняет тем, что его соратники умирали от тифа в красноярских тюрьмах, а на него уже была устроена засада. Описывая своё путешествие с товарищами с помощью провожатого сибиряка, автор представляет Хакасию как край курганов или *«единое историческое кладбище»*. Об абаканских татарах, т.е. хакасах Оссендовский пишет следующее: *«Богатые, гостеприимные и культурные. В настоящее время перед наплывом большевиков они выехали в Урянхай, Монголию и даже Тибет, а у оставшихся в жилах кипит глубокая ненависть по отношению к издевающимися над ними коммунистам»*. Хакасы радушно принимали беглецов, снабжали их на дорогу и всячески им помогали. Также гостеприимно их встречали казаки и сектанты. Опасаться беглецам стоило только в переселенческих сёлах и особенно в тех, где переселенцами были уроженцы Украины. Оссендовский так описывает этих крестьян: *«пьяные, ленивые, тупые и мстительные мужики, которых коренные сибиряки ненавидят и называют «ипана», что означает – отбросы.»* Именно в этих сёлах учреждались первые Советы.

Реку Енисей около Минусинска Оссендовский описывает как реку трупов. Особенно автор переживает о судьбе с. Каратузского. О нём он пишет: *«Это скорей город чем село. Здесь перед приходом большевиков существовали две гимназии. Каратуз – это столица енисейских казаков, город богатый и весёлый. В настоящее время изменился до неузнаваемости. Мужики из России и Украины вырезали казаков, разграбили все дома, которые теперь стоят погоревшие с выбитыми дверьми и окнами, со следами пуль в стенах и на крышах»*.

Путешествие продолжалось довольно благополучно благодаря помощи населения, враждебно настроенного по отношению к новой большевистской власти. Однако перед границей с Урянхаем (или Тувой) беглецам помог советский милиционер-пограничник, которому очень понравились штаны Оссендовского. На вопрос Оссендовского: *«А что, Вы не имеете запасных брюк?»* милиционер так ему ответил: *«Не, Советы не дают, говорят, сами без штанов ходим. А мои совсем износились, посмотрите»*. Действительно, штаны милиционера больше походили на сеть для больших рыб. После долгих уговоров милиционера Оссендовский и товарищи получили в обмен на штаны карабин со 100 патронами и 2 маузера с 80 патронами. Этот обмен очень был кстати. Ведь перед ними простирался неизвестный и полный неожиданностей край – Урянхай или Тува.

Пересечь горные перевалы Оссендовскому помог внук ссыльного повстанца 1830 г. Томаша Пржедецкого. Оссендовский, так описывает его – *«потомок графьев Пржедецких, которых памятью живёт и гордится, хотя уже и зовется Прижедецким»*.

Описания Тувы также изобилуют интересными подробностями. В Монголии Оссендовский встретился и свёл знакомство с бароном Романом Унгерном фон Штенбергом. Барон объявил, что именно отсюда, из Монголии, начнёт очистительное движение, которое избавит Россию и Европу от «красной чумы». Барон подчеркивал буддийский «колорит» своей дивизии: воины были одеты в жёлтые, как у ламаистов, одежды. Сам же носил особый военный мундир, придуманный им самим.

Знакомство Оссендовского с бароном обросло множеством слухов и легенд. Считается, что Оссендовский особым образом повлиял на философскую доктрину Бога войны. Когда новой большевистской власти стало известно о планах барона, было принято решение нанести упреждающий удар. Навстречу Азиатской дивизии со станции Мысовск (ныне г. Бабушкин на северном берегу Байкала) вышел 35-й кавалерийский полк. Сформирован он был в Иркутске и состоял в основном из новобранцев. Командовал полком бывший каменотёс из Варшавы 25-летний Константин Константинович Рокоссовский, который двадцать лет спустя станет маршалом Советского Союза и маршалом Народной Польши.

Преодолев горный хребет Хамар-Дабан, кавалерийский полк вышел к границе с Монголией. В первый же бой с дивизией барона Рокоссовский сам повёл кавалеристов в атаку – считал своим долгом показать личный пример молодым бойцам. Был ранен в ногу, но с коня не сошел, пока не

кончился бой. Освободительный поход барона Унгерна сорвался. 15 сентября Революционным трибуналом Сибири барон Унгерн фон Штернберг был приговорен к расстрелу. (А вот его мундир можно и в настоящее время увидеть в Минусинском региональном музее им. Н.М. Мартьянова).

Между тем Оссендовский, не поддавшись на уговоры барона Унгерна остаться при нём в качестве советника, через Монголию и Китай добрался до Владивостока, где небольшой период возглавлял Восточное отделение Русского географического общества. Затем писатель уехал в Японию, а потом и в США. В Польшу он вернулся в 1922 г. После публикации книги «Через страну людей, зверей и богов», имевшей феноменальный успех в Европе и Америке, на своей исторической родине Оссендовский позднее прославился как писатель, пишущий для молодёжи. И ему было о чём писать. В кон. 1920-х – нач.1930-х гг. он путешествовал по Европе, Южной Америке и Африке, однако часто в своих книгах и журналистских репортажах он вспоминал особо любимую его сердцу Сибирь.

Скончался Оссендовский в 1944 г. в оккупированной гитлеровцами Польше – в пригороде Варшавы – Подкове Лесной. Смерть наступила практически сразу после посещения с целью допроса писателя делегацией СС. Из неподтверждённых источников следует, что эсесовцы пытались выведать место нахождения завещания барона Унгерна, а также мест, где спрятаны сокровища награбленные бароном на территории Сибири, Монголии и Китая.

2010

Литература:

1. Lukawski. Polacy w rosyjskim ruchu rewolucyjnym 1894-1907. Warszawa 1984, С.54
2. Antoni Ferdynand Ossendowski „Przez kraj ludzi, zwierzat i Bogow (Konno przez Azje Centralna) 10-13 tysiace”, Warszawa 1925

А.И. Погребняк,
г. Минусинск,

Винокуренная промышленность Енисейской губернии в XIX — нач. XX вв.

Винокуренная промышленность возникла в Сибири во втор. пол. XVII в. Один из первых на территории Приенисейского края заводов – Каменский винокуренный – был построен в 1699 г. рядом с городом Енисейском. В перв. пол. XIX в. в производстве вина активно применялся труд каторжников и ссыльных. Из почти 600 работников на Каменском заводе в 1820-е гг. они составляли большую их часть. На заводе выкуривалось 56 тыс. вёдер в год.¹

До учреждения акцизной системы в 1863 г., поставка потребного количества вина для Енисейской губернии производилась из казённого Александровского винокуренного завода, построенного в нач. XIX в. в Иркутской провинции и названного в честь Александра I, и с частных заводов Пермской губернии.²

С введением акцизной системы, летом 1863 г. енисейский 1-й гильдии купец А.Д. Данилов обратился с ходатайством в Енисейскую казённую палату об отводе земли на юге губернии для постройки винокуренного завода. 20 августа 1863 г. такое разрешение ему было дано. В сентябре было проведено межевание, Данилову отвели 250 кв. десятин земли в Минусинском округе Шушенской волости в 7 верстах от с. Лугавского вверх по речке Лугавке и в 20 верстах от г. Минусинска. Завод Александровский начал работу в кон. 1863 – нач. 1864 гг. Он входил в 7-й питейно-акцизный округ, в составе которого были Ачинский и Минусинский округа. Здесь же действовали Сидоровский и Казанский винокуренные заводы. В 1864 г. в Енисейской губернии функционировало уже 4 винокуренных завода. За весь год на них было выкурено спирта на сумму 411 847 руб. 38 руб. 75 коп. На заводах работало 562 рабочих.³

Производство и торговля виноводочной продукцией сосредотачивались в руках богатого купечества. Их монополия давала возможность высоких прибылей. И.Н. Некрасов имел Ивановский винокуранный завод, 3 склада и 66 кабаков в Канском округе, а у В.Г. Полякова было 39 подобного рода заведений. Г.В. Юдин активно занимался производством вина и виноторговлей. Он в 1870-х гг. построил в 34 верстах от Балахты винокуранный завод, в Красноярске имел винные лавки, в Енисейске брал в аренду помещения для питейных заведений. Производством и торговлей вина занималась и купцы Даниловы, владевшие Дмитриевским (в 40 верстах от г. Канска) и Александровским винокуранными заводами и водочным (в Минусинском округе), а также пивоваренным заводом «Богемия» (в Красноярске). Один Александровский завод перерабатывал в год от 80 до 100 тыс. пудов ржи и ягоды. На нём выкуривалось от 80 до 100 тыс. вёдер спирта крепостью в 40 градусов, приготавлилось до 50 тыс. вёдер наливок, водок, ликёров. Даниловы имели 5 складов спирта и 58 питейных заведений.⁴

В 1869 г. А.Д. Данилов передаёт свой завод старшим сыновьям Осипу и Виктору. В 1870-е гг. братья имели несколько домов и торговых питейных лавок в Минусинске. Главный их дом располагался по Почтовому переулку на Ново-Базарной площади с лавкой и подвалом для склада.⁵ В дальнейшем братьям приходилось видоизменять и совершенствовать отдельные части завода, управляли которым они из Минусинска, Красноярска, а позднее – из Санкт-Петербурга. В 1882 г. в Минусинске числилось 3 питейных заведения Даниловых и 4 – в округе. В 1891 г. ими на новом месте было построено каменное здание завода. В 1897 г. появляется новый ректификационный аппарат Савая. Максимальная производительность завода достигла 200 000 вёдер спирта в 40°. Винокурение производилось сезонно с ноября по апрель. Летом проводился ремонт, осенью – закуп сырья.⁶

Вино-водочные изделия Даниловых получили высшие награды на международных выставках в Бельгии, Мадриде, на острове Корсика и в Тунисе. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже продукция завода получила высокую оценку.⁷

До бурного расцвета золотопромышленности в Енисейской губернии производилось только 70 тыс. вёдер вина.⁸ Золотой промысел очень повлиял на потребление алкоголя местным населением и на увеличение заводами объёмов выкурки. Ивановский и Дмитриевский заводы «обслуживали» южную часть горного округа, тогда как Ильинский винокуранный завод охватывал его с западной стороны. Александровский завод «обслуживал» золотоносные районы на юге губернии.⁹

В нач. 1870-х гг. россыпное золото в Енисейской губернии истощилось. Очевидной стала и бесприоритетность вкладывания денег в винокурную промышленность. Губерния из золотопромышленного вступила в винокуранный бум. В 1881 г. на её территории действовало 12 винокуранных заводов, производивших продукции на 1 771 707 руб. На долю этих заводов приходилось 63,5% общей стоимости промышленного производства в губернии.¹⁰

Винокуранные заводы представляли собой достаточно крупные и технически оснащённые предприятия, располагавшиеся в каменных зданиях. Больше половины сибирского выкурного спирта производилось в Иркутской и Енисейской губерниях. Это объяснялось тем, что сельское хозяйство Восточной Сибири носило более выраженный потребительский характер, поэтому здесь было выгодно перерабатывать зерно на месте. Главной зерновой культурой в восточных районах являлась рожь, переработка которой на спирт также представлялась наиболее рациональной.

Спирт являлся продуктом достаточно ценным и транспортабельным, выдерживал сибирские морозы, а летом не требовал для хранения холодильных установок. Всё это делало его продажу более выгодной, нежели продажу восточносибирского зерна. Распространение винокурения в восточных районах Сибири объяснялось повышенным потребительским спросом из-за наличия золотых приисков. По данным на 1905 г., на винокуранных заводах Енисейской губернии работало 624 чел., т.е. свыше 20% всех рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности.

Распределение винокуренных, водочных и пивоваренных заводов по округам Енисейской губернии в 1881¹¹

Заводы по округам	Количество фабрик и заводов	Сумма производства, руб.	Число рабочих
Красноярский:			
винокуренных	нет	–	–
водочных	4	83 000	19
пивоваренных	2	9 000	6
Енисейский:			
винокуренных	2	326 000	80
водочных	2	25 500	5
пивоваренных	1	3 600	2
Канский:			
винокуренных	2	429 736	84
водочных	1	30 712	6
пивоваренных	нет	–	–
Ачинский:			
винокуренных	4	376 926	89
водочных	3	60 458	10
пивоваренных	нет	–	–
Минусинский:			
винокуренных	4	638 305	127
водочных	3	75 100	5
пивоваренных	нет	–	–

В кон. XIX в. государство вновь наступает на частное предпринимательство. Министр финансов С.Ю. Витте «для увеличения поступлений в казну» выступил с инициативой введения винной монополии. Она была введена в 1895 г., сначала в 4 губерниях, а затем по всей России. Монополия была введена на оптовую и розничную торговлю крепкими спиртными напитками, при условии определённой регламентации и повышения акцизов. Контроль возлагался на Главное управление неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов. После введения винной монополии винокурение (хлебное) осталось лишь в южных губерниях России и Сибири. Продажа вина стала осуществляться через казённые лавки и склады.

Но всё же основное производство осталось в частных руках. В 1896 г. по Красноярску в виноторговле заявили о себе по 2-й гильдии купцы Г.В. Юдин, Л.О. Ярилова, Е.И. Королёв и В.Г. Поляков. Все они имели в городе винные склады. В Минусинском уезде – братья Даниловы, а также купчиха К.С. Колобова, владелица завода «Владимирский» в с. Уджей. В Новосёловской волости семья Яриловых владела заводом «Казанский». В Канске торговал И.И. Некрасов, сын И.Н. Некрасова.¹²

С проведением железной дороги наблюдается не только конкуренция, но и некоторое оживление в винокуренной промышленности за счёт экспорта в другие губернии. Особенно выигрышные позиции получили заводы, находящиеся недалеко от магистральной: Ивановский, Михайловский, Леонидовский и др. Спирт из Енисейской губернии оказался по себестоимости дешевле иркутского в два раза.¹³

Ко времени открытия питейной монополии, к 1904 г., в Енисейской губернии главное место в промышленности, по-прежнему, занимали винокуренные заводы, сумма производства которых достигала 1 031 277 руб., что составляло 41% в общем объёме производства губернии.¹⁴

К 1907 г. в Енисейской губернии осталось 8 винокуренных заводов, но сумма производства составила 4 000 134 руб., т.е. более 75% всего фабрично-заводского производства губернии. Государственная винная монополия разрушила купеческую, но производство вина продолжало развиваться. Причиной введения государственной монополии было не только пополнение казны, но и то, что увеличивавшееся потребление зерна в производстве вина приводило к дефициту

в хлебной торговле, спекуляции хлебом, от которой страдало, прежде всего, трудовое население страны.

В 1900 г. бюджет страны получил дохода от винокурения и виноторговли 85 млн. руб., что составило 11% от общего государственного дохода. А в 1913 г. полученный доход был 750 млн. руб., что уже составило 22,1% бюджета. Было бы правильным сказать, что Россия в то время имела «пьяный бюджет». Вклад Сибири в государственный бюджет был основательным. К нач. XX в. на территории Сибири было разведано и зарегистрировано свыше 2 тыс. приисков и золотых месторождений общей площадью более 200 тыс. гектаров.¹⁵ В 1905 г. в государственный бюджет от Енисейской губернии в виде налогов, сборов и др. поступило 7 272 205 руб. Из этой суммы 5 813 тыс. руб. приходилось на питейно-акцизные сборы и продажу казённого вина. Виноторговля всегда была большим источником доходов как для частных лиц, так и для государства.

Введя винную монополию в 1895 г., государство сосредоточило в своих руках почти всю виноторговлю, тем самым лишило многих предпринимателей огромной прибыли. Но в то же время большая часть винокуренной промышленности оставалась в частных руках, т.е. предприниматели производили продукцию, а государство её продавало. Государственный контроль распространялся не только на торговлю виноводочной продукцией, но и на её качество. Тем самым государство стремилось продавать только качественную продукцию.

Если учесть то, что широкие масштабы производства виноводочных изделий стали одной из причин распространения в России пьянства, то винная монополия государства позволяла регулировать объёмы продаж вина. С.Ю. Витте первым начал создавать общества трезвости, став, по сути, первым организатором антиалкогольной кампании в России. Поддерживалась эта кампания и П.А. Столыпиным, делавшим ставку в реформировании России на трезвого мужика. Однако все попытки государства как-то «отрезвить» общество привели только к новому всплеску производства виноводочной продукции.

Так во время питейной монополии завод Даниловых стал Александровским № 9. Этот винокуренный завод обслуживали 29 рабочих и он снабжал спиртом Минусинскую и Красноярскую монополии.¹⁶ В 1906 г. на завод было приобретено 3 испарника «Генуе», паровой котёл батарейной системы с площадью нагрева 1200 кв. футов. Владельцами завода оставались В.А. Данилов и Е.О. Данилов (проживающий в Париже), но теперь уже в дворянском звании. Заводом было выкурено 128 007 ведер, оборот составил 172 163 руб., а прибыль – 27 198 руб.¹⁷ Посёлок при заводе, именовавшийся Даниловским, в 1909-1911 гг. был переименован в Знаменский.

К 1921 г. завод находился уже в ведении Енгубсовнархоза. Он подчинялся Минусинскому винному складу и стал называться «Пролетарский № 18 винокуренный завод».¹⁸ Своё официальное наименование «Пролетарский» спиртзавод сохранял до начала 1990-х, что прослеживается по фондам статистики, хотя наряду с ним употреблялось и обиходное название «Знаменский спиртзавод» (по месту нахождения).¹⁹

2010

Примечания:

¹ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии (1594-1893 гг.). Красноярский краеведческий музей, о/ф 7886.229.

² Шеин И.В., Плотников Н.В. Винокурение в Приенисейском крае. К истории Канского ликёро-водочного завода (1863-1924) : Монография / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1999. – С. 29.

³ Чудновский С. Енисейская губерния к трёхсотлетию юбилею Сибири. – Томск : Сибирская газета, 1885. – С. 113.

⁴ Шеин И.В., Плотников Н.В. Указ. соч. – С. 30, 33.

⁵ Ныне это угол улиц Кравченко и Гоголя.

⁶ Давыдов В.А. Промышленные предприятия Енисейской губернии // Справочная книжка Енисейского губернского Совета народного хозяйства. – Красноярск : Гос. типография, 1923. – С. 217-218.

⁷ Мешалкин П.Н. Енисейская губерния на всемирных выставках / Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. – Красноярск, 1997. – С.10-11.

⁸ Чудновский С. Указ. соч. – С. 113.

⁹ Шеин И.В., Плотников Н.В. Указ. соч. – С. 33-34.

¹⁰ Чудновский С. Указ. соч. – С. 113.

¹¹ Шеин И.В., Плотников Н.В. Указ. соч. – С. 36.

¹² Сибирский торгово-промышленный календарь 1896 г. – Томск : Изд-во Ф.П. Романова, 1897. – 620 с.; Энциклопедия Красноярского края : Юг. – Красноярск : Изд-во «Буква С», 2008. – С. 94.

¹³ Шеин И.В., Плотников Н.В. Указ. соч. – С. 37.

¹⁴ Статистический обзор Енисейской губернии за 1904 год. – Красноярск : Типография Енисейского губернского управления, 1905. – С. 67.

¹⁵ Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900-1928. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 182.

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.156. Оп.1. Д.28. Л.3-4.

¹⁷ ГАКК. Ф.156. Оп.1. Д.28. Л.12-13.

¹⁸ Давыдов В.А. Промышленные предприятия Енисейской губернии // Справочная книжка Енисейского губернского Совета народного хозяйства. – Красноярск: Гос. типография, 1923. – С. 310-312.

¹⁹ Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (МУАГМ). Ф.350. О.1. Д.6. Л.1-185; Д.12. Л.1-95; Д.13. Л.2-36.

А.И. Погребняк, г. Минусинск,
С.В. Богданов, г. Губкин, Белгородская обл.

История торговли Сибирского региона: вопросы источниковедения

В настоящее время в нашей стране наблюдается всплеск торгово-предпринимательской деятельности, поэтому изучение опыта развития торговли Сибири в XIX-XX вв. представляется весьма актуальным. Необходимость и правомерность исследования её регионального аспекта обусловлена исключительным экономическим значением сибирского региона и спецификой его природно-климатических условий.

Научный подход к исследованию требует не «осовременивать» историю, а изучать и анализировать явления и процессы объективно и исторично. В связи с этим возникает необходимость при изучении музейных и архивных материалов по истории торговли Сибири использовать принципы объективности и историчности. И соблюдать эти принципы легче там, где названные материалы сохраняются в подлинниках, где нет искажения или подтасовки фактов. «Белые пятна» или «чёрные дыры» в музейных и архивных источниках также затрудняют осуществление принципа научности.

Такие «пятна и дыры» при исследовании опыта развития торговли Сибири в XIX-XX вв. встречаются неоднократно. Это связано со сменой идеологий: при социализме в негативном свете воспринималась частная торговля, купцы, «торгаши», что в какой-то мере отразилось и на восприятии работников государственной и кооперативной торговли, а при возрождённом капитализме отрицается всё социалистическое, в т. ч. советская торговля. Поэтому в архивах плохо сохранились материалы, связанные с дореволюционной торговлей и купечеством, а в современных музеях вовсе не представлена торговля советского периода.

Известно, что основным занятием большинства сибирских купцов являлась торговля пушной, хлебом, скотом, продуктами животноводства, различными мануфактурными товарами. Во втор. пол. XIX в. многие сибирские купцы переносят свою коммерческую деятельность в Европейскую Россию (Сабашниковы, Швецовы, Кандинские). Крупнейшими винными откупщиками были А. и С. Поповы, И. Куклин, К. Передовщиков, Е. Кузнецов, С. Сосулин. Многие купцы занимались подрядами (Шумиловы, И. Пуртов, И. Куклин, Поповы, Сибиряковы, Баснины, Коростелёвы, Тельных, Дудоровские и др.), с 1830-х гг. стали вкладывать деньги в золотопромышленность (В. Скарятин, Ф. Попов, Мясниковы, Филимоновы, Толкачёвы, Серебренниковы, Греховы, Щёголевы, Кузнецовы, Трапезниковы, Мыльниковы, Баснины, М. Сидоров и др.). Купеческий капитал играл определяющую роль в развитии таких отраслей обрабатывающей промышленности в Сибири, как мыловаренное, кожевенное, салотопенное, свечное, стекольное, фаянсовое, писчебумажное и канатно-прядельное производства.¹ В сер. XIX в. начинает развиваться пароводство, в т. ч. и на сибирских реках.

Казалось бы, огромный материал для музейной экспозиционной работы. В то же время, из экспозиционных данных краеведческого музея г. Енисейска, например, мы узнаем только, что «в 1876 г. в Енисейске было 166 торговых и промышленных заведений, в т.ч. 65 для торговли вином. Одних питейных заведений и харчевен насчитывалось 58. Главным кабацким деятелем был Гундобин. Ему и его жене принадлежало 17 кабаков. Остальными владели Скоп, Тонконогов, Хейсин, Лейдер и др. Главные мануфактурные магазины принадлежали Бородкину, Баландину, Фунтосову, Петрову, Елтышеву, Герасиму Гадалову, Дементьеву. Торговых лавок было 34, мелочных – 37 и 1 Варшавский магазин (владелец Матушевский)».²

Этот ограниченный источник информации дополняется некоторыми скудными упоминаниями о золотопромышленной деятельности енисейских купцов: «... в 1847 г. на 119 разработанных приисках Енисейского округа было добыто 90% всего золота в России. В 1853 г. на 107 приисках округа было занято 14 360 рабочих. Они работают по 18 часов, всегда голодные, оборванные и за тяжёлый каторжный труд даётся им 20 коп. серебра в сутки, но и из суммы вычитают ещё более ½ за сахар, табак».³ «Рыбoproмышленность и торговля мехами занимают в настоящее время второстепенное место. Большая часть капиталов уходит в тайгу».⁴ Причём последние данные взяты из опубликованных более века назад источников.

В экспозиционных же залах краеведческих музеев Ачинска, Дудинки, Канска, Минусинска, в Хакасском национальном музее им. Л.Р. Кызласова либо вовсе отсутствуют упоминания о торговой сфере и коммерческой деятельности, либо фрагментарно и скорее случайно встречаются в некоторых экспозиционных отделах. Так, например, в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова в археологическом отделе, в разделе, посвящённом Древнехакасскому (Кыргызскому) государству VII-XIII вв., представлены бусы и зеркала как предметы роскоши (и, возможно, торговли), китайские монеты.

С этим скудным фоном ярко контрастирует результат деятельности алтайских и шушенских музейщиков. В краеведческом музее г. Барнаула два экспозиционных зала посвящены истории торговли на Алтае. В них широко представлены образцы денежных знаков и монет разных эпох, рекламные листки и афиши торговых домов и фирм, всевозможные приспособления для взвешивания и измерения товаров, фотографии ярмарок, рынков, торжков, лавок и магазинов, восстановленные в натуральном виде прилавки и витрины с разнообразными образцами товаров: тканями, металлическими изделиями, напитками и проч. Неподдельный интерес посетителей вызывают средства и ухищрения, с помощью которых торговцы обвешивали, обмеривали и обманывали покупателей. Богатый сопроводительный материал показывает статистику роста торговых оборотов, увеличения продаж отдельных товаров и у посетителей музея вырисовывается яркая и образная картина на примере развития торговли роста не только потребления материальных благ, но и возвышения культурных и духовных потребностей сибиряков.

Особое уважение вызывает отношение к историко-культурному наследию шушенцев. Весьма положительно то, что в Историко-этнографическом музее-заповеднике «Шушенское» реконструированы в первозданном виде лавки и трактиры кон. XIX в. со всей, присущей тому времени, атрибутикой. Причём в одном из трактиров туристов потчуют сбитнями, настойкой кедровкой, капустой и огурцами из бочек, тюрей, окрошкой, блинами с различными старосибирскими начинками, оладьями с деревенской сметаной, чаями на травах и другими яствами по рецептам позапрошлого века.

Что касается архивов, то надо отдать должное специалистам архивного дела, этим скромным труженикам, сохраняющим документальное наследие предшествующих эпох, – несмотря на всевозможные идеологические кампании, они сумели сохранить кое-что ценное о коммерческой и других видах деятельности сибирских купцов. Например, в Красноярском краевом государственном архиве сохранились многие именные списки купечества и их семейств по городам Енисей-

ской губернии, в разделах статистики встречаются упоминания о торговых оборотах торговых домов, магазинов, ярмарок, а также немало документов, свидетельствующих о правовом регулировании государством развития российской и сибирской торговли.

Благодаря этому, в результате совместной деятельности работников названного архива и автора, в 2002 г. удалось издать учебное пособие о купечестве Енисейской губернии, в 2003 г. – сборник материалов и документов о государственно-правовом регулировании торговли Енисейской губернии, а в 2007 г. – коллективную монографию об истории коммерческого образования в Сибири.⁵

Одним из главных и быстрых источников первоначального накопления капитала многих видных российских предпринимателей (Прохоровы, Бахрушины, Поляковы, Кокаревы) в 1860-е явилось винокурение. Пётр Смирнов вообще сделал виноторговлю стержнем своей деятельности. В Сибири производство и торговля виноводочной продукцией сосредотачивалась в руках богатого купечества. Их монополия давала возможность высоких прибылей.

Немало интересных документов о винокуренной деятельности купечества Минусинского округа хранится в архиве г. Минусинска. По документам фонда минусинского казначейства на 1866 г., например, известно, что в Минусинском округе существовал Александровский винокуренный завод братьев Даниловых, Казанский завод Ярилова, Спасский купцов Попова, Сватикова и Путилова.⁶ В 1867 г. Спасский завод значился уже как собственность купца Баранова.⁷ В эти же годы значится завод и склад томского купца Хотимского.⁸ В документах 1870 г. впервые упоминается название завода Владимирский купца Хотимского.⁹ На 1877 г. владельцем Владимирского завода значится уже некто Пастухов.¹⁰ В документах Ф. 36 – Тесинское волостное правление – за 1882 г. владельцем Владимирского винокуренного завода № 22 близ д. Уджей значится купец П. Попов.¹¹ Завод располагался у с. Уджей Сагайской (ранее Тесинской) волости Минусинского уезда (ныне Каратузский район Красноярского края). Дату основания завода, по документам фонда установить не представляется возможным (или 1855 г., или 1879 г.). Основателями завода разные источники указывают различных людей – Владимирова (от которого могло пойти название завода) и Попова. С 1885 г. владельцем завода стал боровический (так в документах Ф. 50 – фонда Владимирского завода) купец 2-й гильдии Михаил Никитич Колобов, уроженец Новгородской губернии. В документах Ф. 16 он значится как колыванский мещанин.¹²

Много нового мы узнаём об истории Абаканского солеваренного завода А.М. Скочинского из фондов всё того же архива.¹³

Широкий размах приобрела купеческая благотворительность. Во многом благодаря купеческим пожертвованиям в Сибири развивались такие социальные сферы как здравоохранение, народное просвещение, благоустройство городов. Одним из самых широко распространённых видов купеческой благотворительности являлись пожертвования на Русскую Православную Церковь. К наиболее известным благотворителям относятся томичи М.А. Мыльников, С.Ф. Хромов, Ереневы, красноярцы М.К. Сидоров, Щёголевы, Гадаловы, иркутяне Баснины, Сибиряковы, Трапезниковы, Хаминовы, пожертвования которых на самые разнообразные нужды общества составляли сотни тысяч рублей.

В этой связи особо следует отметить благотворительную деятельность минусинского первогильдейца И.Г. Гусева. В 1877 г. он, являясь минусинским городским головой, первым поддержал идею Мартьянова об устройении в Минусинске публичного музея.¹⁴ Он же предоставил две комнаты в своём доме для музея, коллекция которого в первое время насчитывала не более 1 300 предметов. За свой счёт Гусев устроил временные столы и полки для размещения коллекции, вносил денежные средства на содержание музея, дарил коллекции минералов со своих приисков.¹⁵

В фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова хранится богатейший материал о купеческой предпринимательской, общественной и благотворительной

деятельности. Об этом свидетельствуют интереснейшие публикации исследователей в местных газетах, сборниках научных конференций и т.д.¹⁶

Все вышеназванные материалы дают в основном сухую статистическую и фактическую информацию о коммерции и купечестве. А вот социально-психологические характеристики, менталитет сибирского купечества можно восстановить и воспроизвести лишь по редким дневникам и воспоминаниям очевидцев и современников. К таким по-своему уникальным источникам относятся «Кытмановская летопись» и воспоминания красноярца Парфёнова.

В отличие от дореволюционного периода, документы и материалы советской эпохи, в том числе касающиеся организации, функционирования и результатов деятельности сферы торговли, сохранились в областных, краевых и республиканских архивах Сибири в гораздо более полном виде. Это же можно сказать и о центральных архивах, в т.ч. о Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и др.

«Той страны больше не будет, история её не написана, но она окончена. На её землях появилась совсем новая страна, с новыми законами, новыми богами, новой географией, адресами...»¹⁷ Фиксировать исчезающие ценности, пытаться писать историю ушедшей страны заставляет, как ни пафосно звучит, совесть. Если забыть, что было со страной, что творили с людьми – значит утратить совесть. Однако если вновь будет утрачен этот механизм – начнётся процесс самоуничтожения вида. Но вот чего не могут объяснить специалисты – почему веками вырабатываемый механизм перестаёт функционировать катастрофически быстро, за одно-два поколения? Напомнить о тех ценностях, за которые совесть может зацепиться, благодаря которым может задержаться, – по нынешним временам настоящей миссионерство. Поэтому труд работников архивов и музеев и, конечно, исследователей вполне можно приравнять к научному и культурному миссионерству.

2010

Примечания:

¹ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – пер. пол. XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. – Барнаул, 1999.

² Экспозиционный фонд Краеведческого музея г. Енисейска.

³ Судебный вестник. 1872. № 71.

⁴ Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. – СПб., 1888.

⁵ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. – Красноярск: Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т, 2002. – 432 с.; Государственно-правовое регулирование торговли Енисейской губернии : сб. материалов и документов XIX – нач. XX вв. / сост. А.И. Погребняк; отв. ред. Ю.Л. Александров; КГТЭИ. – Красноярск, 2003. – 192 с.; Очерки истории профессионального коммерческого образования в Сибири: Монография / Ю.Л. Александров (отв. ред.); Т.А. Катцина, Л.Е. Мариненко, О.Г. Алексеев и др.; Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. – Красноярск, 2007. – 186 с.

⁶ Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (МУАГМ). Ф.15. О.1. Д.322.

⁷ МУАГМ. Ф.15. О.1. Д.340.

⁸ Там же. Д. 435.

⁹ Там же. Д.481. Л.1.

¹⁰ Там же. Д.743. Л.71.

¹¹ Там же. Ф.36. О.1. Д.123. Л.1, 60, 75.

¹² Там же. Ф.16. О.1. Д.19. Л.112.

¹³ Там же. Ф.15. О.1. Д.1026. Л.22-28.

¹⁴ Минусинский краеведческий музей (МКМ). Ф.73. О.1. Д.2. Л.28.

¹⁵ Там же. Д.18. Л.19.

¹⁶ Плехов В. Дом Гусева // Окно: прилож. к газ. «Надежда» (Минусинск). 1998. 17 апр. С.3; Кискидосова Т.А. И.Г. Гусев – минусинский предприниматель и общественный деятель // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы: Тезисы докладов и сообщений науч.-практ. конф. / Красноярск. 26 марта 2002 г.; Ком-т по делам архивов администрации Краснояр. края. – Красноярск, 2002. – С.55-57; Нагорных В. По разуму в головы сажали // Мир праху. Честь имени: Минусинский некрополь: Кн. 1. – Минусинск: Информ.-изд. агентство «Надежда и мы», 2009. – С.22.

¹⁷ Шулаков С. Фиксация утраченного. Рецензия на книгу Д. Гранина «Причуды моей памяти». – М. : Центрполиграф, 2008. – 441 с. // Книжное обозрение. 2008. №51 (2217).С.7.

Материнство и материнская власть в традиционной русской семье

Семья – один из важнейших, основополагающих общественных институтов, а потому служит объектом исследования различных дисциплин: социологии, психологии, педагогики, истории и др. Практически каждый человек рождается в семье и получает там первые навыки и представления о жизни, ценностях. Учащение разводов, увеличение числа официально незарегистрированных браков, падение рождаемости, – все эти негативные явления вызывают разговоры о кризисе семейных отношений. Появляются предложения вернуться назад, к традиционным патриархальным устоям, во времена господства которых подобные проблемы не стояли. Но что представляла собой патриархальная семья и как складывались отношения между её членами? В своей статье мы хотели бы остановиться на вопросе материнства, материнской власти и материнской любви в традиционной русской семье, опираясь главным образом на пример малых жанров фольклора.

Традиционно считается, что женщина в русском обществе занимала приниженное положение. «Домострой» предписывал мужу поучать жену, а той, в свою очередь во всём ему повиноваться.¹ Н.И. Костомаров в своей книге «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа...» отмечает: «...женщина считалась существом ниже мужчины и в некоторых отношениях нечистым. ... Русская женщина была постоянно невольницей с детства до гроба».² В доказательство он приводит также русские пословицы, подчёркивающие зависимость женщин: «Не верь коню в поле, а жене на воле», «Кто кого любит, тот того лупит, коли муж не бьёт, значит, не любит». В сборнике «Русские пословицы и поговорки» под ред. В.П. Аникина нам встретились и другие, противоположные по смыслу высказывания: «Кто кого любит, тот того и голубит», «Кто кого любит, тот того и слушается».³ Вообще обратившись к пословицам, посвящённым взаимоотношениям мужа и жены, мы можем встретить противоречивую картину. Ряд пословиц высмеивает неудачную женитьбу и мотовство, праздность и неверность жён: «Муж по деревням, а жена в ожерелье», «Муж в тюрьме, а жена в сурьме», «Муж – за волками, а жена – за молодцами», «Муж по дрова, а жена со двора»,⁴ «Жена бранчива – мужу позор», «Жениться – легко ошибиться».⁵ Но не меньше пословиц, посвящённых восхвалению жён, говорящих о важности её роли в семье: «Муж пьёт – полдома горит, жена пьёт – весь дом горит», «Муж запьёт – полдома пропьёт, жена запьёт – весь дом пропьёт», «Муж задурит – половина двора горит, а жена задурит – и весь сгорит», «Муж возом не навезёт, что жена рукавом растрясёт», «Муж возом не навозит, что жена горшком наносит».⁶ Говорят пословицы и о единстве мужа и жены: «Муж и жена – одна сатана», «Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу», «Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух», «Муж без жены – что гусь без воды», «Муж без жены – что конь без узды». Народная молва уважительно именовала жену «душой» и «венцом»: «Муж – голова, жена – душа», «Муж жене – отец, жена мужу – венец».⁷ Современные исследования показывают, что хозяйка семьи, мать, пользовалась уважением и почётом. Мать играла не менее важную роль в воспитании детей, чем отец. Как и он, мать должна была «содержать, воспитывать и довольствоваться» своих детей, и также могла рассчитывать на внимание и заботу детей в старости.⁸

Образ матери в представлениях русского народа связывался с заботой и любовью. Мы встречаем множество пословиц, характеризующих материнскую любовь: «Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет», «Материнская ласка конца не знает», «Материнская молитва со дна моря вынимает», «Мать любит дитя, а кошка котя»,⁹ «Дитя плачет, а у матери сердце болит»,¹⁰ «Любая матка за дитяtko глаза выдерет».¹¹

Образ любящей матери отразился и в других фольклорных источниках: колыбельных, сказках, частушках.

*«Зеленеет, зеленеет
Во лужочках травонька.
Так никто не пожалеет,
Как родная мамонька».*¹²
*«Бай-бай, бай-бай!
Я Костюшеньку люблю,
Костю вицей не секу».*¹³

К образу матери также примешивалась такая черта, как строгость, вытекающая в т. ч. и из заботы о детях и стремлениях их обезопасить.

*«Канарейка – пташица,
Ругат меня мамишица
За вольную за волюшку
Да за дружка за Колюшку».*¹⁴
*«Чёрну курочку кормила,
Сыплю, сыплю – не клюёт.
Чернобрового любила, –
Мама воли не даёт».*¹⁵

В этих и других аналогичных частушках мать рисуется как строгая воспитательница, прежде всего ругающая дочь за дружбу с молодым человеком. Строгость по отношению к девушке в этом смысле была не случайна: речь шла не столько о ней, сколько о лице всей семьи, в случае нарушения определённых границ взаимоотношений между девушкой и молодым человеком, вся семья считалась опозоренной. И. Шангина отмечает такой момент: если после свадьбы выяснялась, что девушка была «нечестна», утратила девственность до свадьбы, то родителям надевали на шею хомут, отцу новобрачной подавали пиво в дырявом стакане, такому же унижению подвергалась и сваха,¹⁶ – то есть мы видим своеобразный ритуал, которому подвергалась вся семья.

А потому, неся ответственность за свою семью, и отец, и мать держали детей в строгости. Здесь смешиваются и любовь, и забота, и сухая обязанность блюсти честь семьи.

Следует отметить ещё один момент, а именно отношение к приёмным детям, детям мужа от первого брака. Практически во всех фольклорных источниках мы видим одну и ту же картину: отношение к родным детям было намного лучше, чем к приёмным. «Женился мужик на вдове. Была у него дочка, и у вдовы тоже, только возненавидела мачеха свою падчерицу, мужикову дочь, сживает её с бела света, житья не даёт, да и только»,¹⁷ «У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что не сделает, за все её гладят по головке. ... А падчерица как ни угождает – ничем не угодит...»,¹⁸ «...сколько бедная Аннушка ни работала, не могла угодить мачехе»¹⁹ – такие описания мы встречаем в сказках. Аналогичная информация встречается и в пословицах: «Мачеха пасынку надвое сказала: наг ходи, либо без рубашки»,²⁰ «Мать высоко замахивается, да не больно бьёт; мачеха низко замахивается, да больно бьёт».²¹

Примеры добрых отношений между мачехой и падчерицей нам не встречались, впрочем, говорить о том, что их не было вообще, мы не можем – всё зависело в каждом конкретном случае от характеров мачехи, падчерицы, отца, но мы можем констатировать, что в народной среде бытовало убеждение о негативном отношении к неродным детям.

Таким образом, можно говорить, что, несмотря на традиционное представление о приниженном положении женщин, мать и хозяйка пользовалась уважением в семье при условии соблюдения предъявляемых к ней требований. Мать в патриархальной семье не была равнодушна по отношению к своим детям. Заботливая, любящая, всепрощающая, и в то же время строгая, грозная

суровая, грозная, в некоторых моментах даже деспотичная – таким рисуется образ матери по фольклорным источникам. Также наблюдается двойственность в её отношении к родным детям и к неродным и невесткам.

2010

Примечания:

- ¹ Домострой: [интернет ресурс]. URL: nesusvet.narod.ru: (дата обращения: 13. 12. 2009).
- ² Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. М.: Экономика, 1993. С. 138 – 139.
- ³ Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. С. 149.
- ⁴ Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. С. 186 – 187.
- ⁵ Там же. С. 96 – 97.
- ⁶ Там же. С. 186 – 187.
- ⁷ Там же. С. 186 – 187.
- ⁸ Русские. М.: Наука, 1999. – С. 460.
- ⁹ Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. С. 186 – 187.
- ¹⁰ Там же. С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 169.
- ¹² Частушки. М.: Сов. Россия, 1990. С. 34.
- ¹³ Русский фольклор. М.: Худож. лит., 1985. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁵ Частушки. М.: Сов. Россия, 1990. С. 38.
- ¹⁶ Шангина И. И. Русские девушки. Спб.: Азбука – классика, 2007. С.315.
- ¹⁷ Русские народные сказки. Т. 1. М.: Сов. Россия, 1992. С. 249.
- ¹⁸ Там же. М.: Сов. Россия, 1992. С. 241.
- ¹⁹ Там же. С. 243.
- ²⁰ Русские пословицы и поговорки. М.: Худож. лит., 1988. С. 175.
- ²¹ Русский фольклор. М.: Худож. лит., 1985. С. 357.

В.В. Филиппов,
г. Красноярск

Формирование авиационных полков для фронта на территории Красноярского края в 1941-1942 гг.

Осень 1941 г. Первые, самые тяжёлые месяцы войны. Огромные потери советских войск. Враг рвался к Москве. 19 октября 1941 г. Сталин объявил город на осадном положении. В тылу собирали резервы, формировали полки, дошла очередь и до аэроклубов. В Красноярском крае до войны подготовка лётчиков велась в Красноярском, Канском и Черногорском аэроклубах. Когда запылал пожар войны, аэроклубовцы осаждали военкоматы с просьбами об отправке на фронт. Но их черёд настал только в конце осени 1941 г. Тогда же пригодились учебные самолёты У-2.

На фронте требовался такой самолёт, который был бы всегда под рукой у армейского и фронтового командования, не требовал бы много времени на подготовку к вылету, был бы способен оперативно выполнять задания наземного командования вплоть до выполнения срочных вылетов на бомбометание по переднему краю противника по устному распоряжению штабов наземных войск. Чрезвычайная маневренность и небольшая скорость У-2, неприхотливость в выборе места для взлёта и посадки, возможность полётов ночью на низких высотах сделала этот маленький самолёт настоящей грозой для войск противника. Где взять такие самолёты? В аэроклубах и в авиационных училищах.

По решению Государственного Комитета Обороны за № 851/СС от 1 ноября 1941 г. ЦС ОСОА-ВИАХИМа был обязан передать Главному Управлению ВВС Красной Армии к 15 ноября 1941 г. самолёты У-2 с экипажами (лётчик, техник).¹

Командующий ВВС Красной Армии приказал Командующему ВВС Сибирского Военного Округа к 15.11.1941 г. сформировать на базе аэроклубов ОСОАВИАХИМа, расположенных на территории ВВС Сибирского Военного Округа пять авиационных полков на самолётах У-2 (100 самолётов): «...Самолёты должны быть: подготовлены к эксплуатации в зимних условиях,

иметь самолёты и моторы с ресурсом не ниже 50%, укомплектованы ночным оборудованием, укомплектованы бомбардировочным и стрелковым вооружением. Самолёты отобрать из аэроклубов: Омского, Барнаульского, Бийского, Новосибирского, Анжерского, Сталинского, Ленинск-Кузнецкого, Томского, Прокопьевского, Беловского, Красноярского, Канского, Черногорского. Всего – 100 самолётов».²

Аналогичное распоряжение было направлено в адрес председателей советов ОСОАВИАХИМа краёв и областей Сибири Председателем Центрального Совета ОСОАВИАХИМа СССР капитаном 1 ранга Кобыльских 4 ноября 1941 г.: «...Кадры отберите из числа самых лучших по квалификации и преданных людей. На Вас возлагается персональная ответственность за сдачу самолётов и персональный подбор экипажей для Красной Армии. К выполнению возложенного на Вас задания отнеситесь с полной ответственностью как к мероприятию особой государственной важности».³

В связи с отсутствием на самолётах стрелкового и бомбового вооружения на заводах Новосибирской области были изготовлены по шесть бомбодержателей на каждый самолёт, сбрасыватели и шкворневые установки для пулемёта в задней кабине.

В результате проведённой мобилизационной работы на территории Красноярского края в ноябре-декабре 1941 г. было сформировано пять ночных бомбардировочных авиационных полков (НБАП):

- 669 НБАП на базе Канской ВАШСБ и Канского аэроклуба в г. Канск;
- 673 НБАП на базе эвакуированной в г. Красноярск Харьковской ВАШСБ;
- 675 НБАП и 678 НБАП на базе прибывшей на расформирование в г. Абакан 1-й Киевской ВАШППО;
- 679 НБАП на базе Красноярского и Черногорского аэроклубов в г. Черногорске.⁴

В связи с нехваткой командного, политического и инженерно-технического состава в штатах аэроклубов, было принято решение доукомплектовывать формируемые авиаполки личным составом запасных авиаполков и авиационных училищ, находящихся на территории СибВО, в том числе прибывших на расформирование.⁵

Полки были сформированы в кратчайшие сроки и убыли в состав действующей армии. Управление, штаб и штурманский состав на укомплектование 679-го полка поступил из резерва ВВС СибВО и эвакуированной в Красноярск Харьковской военной авиашколы стрелков-бомбардиров. Лётчики и авиамеханики – из личного состава Красноярского и Черногорского аэроклубов, младшие авиаспециалисты – из ШМАС. Поэтому в его составе оказалось много выходцев из края. К примеру, лётчики Анатолий Тимошенко, Григорий Цуканов, Леонид Кузнецов, Николай Статкевич, инженер Станислав Козик, техники Борис Зырянов, Николай Устинов, Григорий Щепетков, Алексей Алексеев и Александр Курбангалеев. Всего Красноярский аэроклуб передал в состав полка 11 лётчиков, 13 техников и 14 самолётов. Черногорский – 6 лётчиков, 7 техников и 6 самолётов. Лётный состав боевого опыта не имел, но бывшие инструкторы аэроклубов имели большой практический опыт лётной работы и налёт от 700 до 2300 часов.

24 февраля 1942 г. был получен приказ Командующего ВВС КА № ОП/0019 от 24.02.1942 г. о включении 679 транспортного авиаполка в состав ВВС Карельского фронта.

За период боевой работы 679-го бомбардировочного полка: уничтожено 2 моста, 6 железнодорожных эшелонов, 2 паровоза, 105 автомашин с личным составом и грузами, до 4-х батальонов пехоты на переднем крае; взорвано 29 складов ГСМ и боеприпасов, подавлено 22 артиллерийских батареи, 56 батарей и отдельных огневых точек зенитной артиллерии, разрушено 36 участков железнодорожного полотна. Прямых попаданий бомб: в штабы, строения, склады – 125; в окопы, траншеи, ДЗОТы – 140; в стоянки самолётов на аэродромах – 71. Сброшено бомб – 7 467 штук, листовок – 357 000 штук.⁶

С 22.12.1941 г. там же на Карельском фронте приступил к выполнению боевых задач 669 НБАП. Полком было совершено 143 боевых вылета на уничтожение живой силы и техники противника и 286 вылетов на связь. Уничтожено 25 автомашин, 4 орудия зенитной артиллерии, 2 прожектора, артиллерийская и минометная батареи. В мае 1942 г. полк был расформирован. Личный состав и самолёты Р-5 были направлены на пополнение 668 НБАП (этот полк был тоже сформирован в ноябре 1941 г. в СибВО в г. Новосибирске на базе Новосибирской ВАШП) в составе ВВС 32-й Армии Карельского фронта.⁷

673 НБАП 2.12.1941 г. был направлен на фронт в составе 18 самолётов Р-З и вошёл в состав ВВС 52-й Армии Волховского фронта. В тяжелейших боях на Волховском фронте в районе Новгород-Чудово с 15 января по 7 апреля 1942 г. за 219 ночных боевых вылетов полк потерял все 18 самолётов и 16 человек лётного состава, уничтожив 1 паровоз, 60 вагонов, 12 самолётов противника и 550 человек пехоты. После выведения в тыл для переформирования, окончания переучивания и получения 20-ти самолётов Ил-2 полк переименован в 673-й штурмовой авиаполк (ШАП).

Боевая характеристика на 673 штурмовой авиационный полк: *«673 ШАП, находясь на фронте в составе 206 штурмовой авиационной дивизии действовал с 8.08.42 по 22.08.42 г. на Сталинградском фронте в составе 8-й Воздушной Армии. За 7 боевых лётных дней 673 ШАП произвёл 69 успешных боевых вылетов. Общий налёт 64 часа 22 минуты. За этот период полк вёл боевые действия по колоннам и скоплениям мотомехчастей, автомашин и живой силы противника, разрушал переправы. Всего полком уничтожено и выведено из строя: до 77 танков, до 100 автомашин с грузом и пехотой противника. За этот период времени полк имеет 12 безвозвратных потерь от истребительной авиации противника, небоевых потерь нет.*

Из числа боевых потерь 9 человек не вернулось с боевого задания, 2 – получили тяжёлые ранения. Большие потери материальной части и лётного состава за столь малый промежуток времени объясняются следующими причинами:

- 1. Большая насыщенность и активность истребителей противника в районе действия полка.*
- 2. Слабая и неумелая организация оборонительного боя боевого порядка в воздухе.*

Согласно приказу 8-й ВА за № 00133 от 20.08.42 г. 673 ШАП отводится в тыл на укомплектование в г. Куйбышев в распоряжение командира 1-й запасной авиабригады.

Полк по прибытию на фронт с первого дня начал вести напряжённую боевую работу. Командование и штаб полка имеют достаточный опыт и умеют руководить боевой работой. В дальнейшем 673 ШАП целесообразно сохранить как боевую единицу.

Командир 206 ШАД полковник Срывкин. Начальник штаба 206 ШАД полковник Радзивил. 6 сентября 1942 г.»

За боевые отличия, стойкость и массовый героизм личного состава, проявленные в Курской битве и в сражениях на Правобережной Украине 5 февраля 1944 673-й АП преобразован в 142-й гвардейский ШАП (приказ НКО № 016 от 5.02.44 г.), 1 сентября 1944 г. полку присвоено почётное наименование «Сандомирский» (приказ ВГК № 0295 от 1.09.44 г.), 19 февраля 1945 г. полк за образцовое выполнение заданий командования при овладении городами Оппельн, Равич, Трахенберг и проявленные при этом доблесть и мужество награждён орденом Богдана Хмельницкого 2 степени, 28 мая 1945 г. за овладение г. Виттенберг – орденом Александра Невского.

142-й гвардейский Сандомирский орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского штурмовой авиационный полк войну закончил на территории Германии. Командир полка – Герой Советского Союза подполковник Матиков Александр Пантелеевич. Восемью лётчикам присвоено звание Героя Советского Союза, а капитан Драченко Иван Григорьевич стал Героем Советского Союза и Полным кавалером ордена Славы.⁸

678 НБАП – с апреля 1942 г. на самолёты полка были установлены подвесные кассеты для

перевозки грузов, и полк был передан в распоряжение Начальника Управления технического снабжения ВВС Красной Армии как транспортный. 29 июля 1942 г. полк был направлен на Сталинградский фронт в состав 8-й Воздушной Армии. На Сталинградском фронте полк выполнял задачи по перевозке запчастей, боеприпасов и других грузов воздушным армиям.

Боевой путь полка: Сталинград-Донбасс-Перекопский перешеек-Сиваш-освобождение Крыма и Севастополя – освобождение Западной Украины и Польши. Май 1945 г. – на территории Чехословакии. Полк вёл боевую работу на нескольких типах самолётов: ТБ-3, Ли-2, Як-6, Р-5, У-2. С апреля 1942 по декабрь 1945 г. полком совершён 8361 вылет на перевозку грузов.⁹

675 НБАП прибыл на Северо-Западный фронт в состав 4-й смешанной авиационной дивизии. Из-за слабой подготовки лётного состава полк оказался небоеспособен. Из 24-х самолётов осталось исправных 2, остальные были разбиты и повреждены при межаэродромных перелётах и в тренировочных полётах. 31.01.1942 г. полк был расформирован, личный состав передан на доукомплектование других боевых полков дивизии.¹⁰

Кроме того, в 1942 г. в г. Черногорске на базе Бирмской школы пилотов были сформированы ещё два полка ночных бомбардировщиков. Номера этим полкам не были присвоены, так как они направлялись на доукомплектование однотипных частей фронта. Как отдельные воинские части – «безномерной полк майора Хотимского» и «безномерной полк капитана Кузьмина» они существовали непродолжительное время от момента формирования в Черногорске до прибытия на фронт.

«УВВС СибВО № 2/00904 от 24.04.42 командиру 172 БАО г. Абакан.

На аэродроме Черногорки будет сформирован безномерной авиаполк, командир полка майор Хотимский. Приём, размещение и питание личного состава, прибывающего на укомплектование указанного полка возлагаются на Вас до прибытия в Черногорку командования и штаба полка. Начальник штаба ВВС СибВО генерал-майор авиации Теплинский.

Стр. 172. исх. № 001174 от 22.11.42 г. Бирмской ВАШП командиру ВВС СибВО.

Акт приема НБАП на У-2 капитана Кузьмина, сформированного при Бирмской ВАШП. Полк матчастью укомплектован полностью в количестве 21 самолёта

У-2 (минимальный самолёторесурс 90 часов, максимальный самолёторесурс 560 часов, минимальный мотороресурс 160 часов, максимальный мотороресурс 345 часов). Все самолёты вооружены плоскостными и турельными пулемётами ШКАС и каждый самолёт вооружён 4 плоскостными балками бомбодержателей ДР-У-2.

Вывод: полк сформирован и способен к выполнению боевого задания одиночными самолётами ночью. Начальник Бирмской ВАШП комбриг Богослов». (Полк сформирован из личного состава 6 ВАШППО, Бирмской ВАШП и 45 ЗАП. Командир полка капитан Кузьмин Фёдор Ануфриевич был командиром эскадрильи в 6 ВАШППО – прим. авт.)

Такова история формирования и боевых действий на фронте авиационных полков сформированных на территории Красноярского края в 1941 г.

Таким образом, в Красноярском крае было сформировано и отправлено на фронт: в 1941 г. – пять авиационных полков: 669-й НБАП, 673-й НБАП, 675-й НБАП, 678-й НБАП и 679-й НБАП; в 1942 г. – два безномерных полка ночных бомбардировщиков У-2 на пополнение частей фронта: полк майора Хотимского и полк капитана Кузьмина.

Кроме того, из Красноярского края убыл на фронт кадровый 30-й БАП, и из Ирана, (убывший ранее туда из Красноярска) кадровый 1-й СБАП.

Часть личного состава аэроклубов Красноярского края вошла при формировании полков в состав 682-го НБАП, сформированного в г. Ленинск-Кузнецкий.

Сформирование полноценных авиационных полков по полному штату в кратчайшие сроки (фактически менее месяца с момента получения приказа на формирование) стало возможным бла-

годаря наличию в Красноярском крае подготовленных резервов авиационных специалистов: пилотов, штурманов, техников и механиков. Три аэроклуба передали в ВВС Красной Армии практически полностью опытный, отлично подготовленный инструкторский и инженерно-технический состав вместе с самолётами и моторами. Закончившие обучение курсанты аэроклубов были направлены в военно-авиационные школы. Аэроклубы в Красноярском крае в связи с этим были расформированы в начале 1942 г. и возобновили свою работу только после окончания Великой Отечественной войны.

2010

Примечания:

¹ ЦАМО РФ, Ф.160. О.13234. Д.11. Л.160.

² Там же, л.164.

³ Там же, л.176.

⁴ Там же, л.186.

⁵ ЦАМО РФ, Ф.160. О.13234. Д.20. Л.1.

⁶ ЦАМО РФ, Ф.679 ТАП. О.523731. Д.1. Л.1.

⁷ ЦАМО РФ, Ф.668 ШАП. О.523728. Д.1. л.2.

⁸ ЦАМО РФ, Ф.142 ГШАП. О. 518992. Д.1. Л.1.

⁹ ЦАМО РФ, Ф.678 ОТАП. О.523730. Д.1. Л.1, 2.

¹⁰ ЦАМО РФ, Ф.4 САД. О.1. Д.12. Л.16.

А.П. Шекшеев,

г. Абакан

Государственные налоговые кампании и крестьянский протест в Хакасии (1927-1929 гг.)

Налоговые платежи – один из существенных факторов, оказывающих воздействие на развитие крестьянского хозяйства. При этом крестьяне традиционно выступали основным источником доходов государственного бюджета. Мобилизация денежных ресурсов в бюджетную сферу оставалась главной функцией налогообложения деревни и в условиях нэпа. Помимо этого налоги рассматривались Советской властью как средство, призванное ограничить развитие так называемых капиталистических элементов.

Вводя в 1923 г. единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), государство запретило местным управленческим органам учреждение каких-либо иных налогов. В то же время законодательство допускало добровольное самообложение крестьян, предназначенное для реализации их насущных, но не финансируемых государством нужд. Более обязательный характер имели взносы в фонды комитетов крестьянского общества взаимопомощи. Помимо этого в деревне осуществлялся сбор с лиц, лишённых избирательных прав. Налоговый характер имело и обязательное окладное страхование крестьянских и коллективных хозяйств.

Превратившаяся в стержневой механизм сталинской индустриализации налоговая политика государства втор. пол. 1920-х гг. неоднократно становилась объектом рассмотрения со стороны историков.¹ Однако фрагментарность её историографии, отмеченная учёными как недостаток в изучении этой темы, всё ещё сохраняется. По-прежнему слабо изученными остаются региональные аспекты проблемы и реакция крестьянства на налоговую политику режима. К тому же некоторые историки, оценивая итоги налоговой политики, приходят к противоположным выводам. Так, один из них утверждает, что усиление податного гнёта в сочетании с другими мерами властей ещё до официального объявления перехода к «раскрестьяниванию» привело к фактической ликвидации сибирского «кулачества», а налоги и сборы разорили деревню не столько, сколько сделала это форсированная коллективизация.² Не зная, вероятно, об этом тезисе и не особенно утруждая себя поисками доказательств, другой автор считает, что зажиточное крестьянство, не-

смотря на заготовительные кампании и налоговый пресс, к 1930 г. выросло количественно и сохранило свою экономическую позицию.³

Восполнить обозначенные пробелы и решить выделенные проблемы, осуществляя исследование на материалах конкретного региона, и является целью данного сообщения.

В сер. 1920-х гг. высокий уровень налогообложения деревни, завышенные цены на промтовары при крайне низких закупочных ценах на сельхозпродукты, преобладание административных методов воздействия на сельское население привели к обострению противоречий между большевистским режимом и крестьянством, к корректировке налоговой политики государства. Её либерализация оказалась кратковременной: II сессия ВЦИК 25 апреля 1926 г. санкционировала рост размеров ЕСХН, изменение его ставок в сторону прогрессивности и освобождение от налога 20 % бедноты.

Восприятие этих новшеств хакасским населением не было одинаковым. Удовлетворение освобождением от налога выражала, например, беднота на территории Усть-Бюрского и Усть-Есинского сельсоветов. Более того, члены последнего, собравшись 18 июля 1926 г. на своё заседание и проявляя сочувствие к землякам, по инициативе В. и С. Чудогашевых, П. Штыгашева решили уменьшить размеры «непомерного» налога, наложенного на «спекулянта» К. Похабова. Зажиточные, напротив, высказывали недовольство возросшими налогами, пытались облегчить свою участь. Так, «кулачество» с. Усть-Абаканского решилось на подачу заявления в адрес М.И. Калинина с просьбой о сложении налога. Недовольными его объёмами оставались и середняки, например, А. и Г. Топоевы, Т. Тодинов из улуса Топоев Чарковского района, П. Колмогоров, С. Карабашлыков (Чебаковский с/с), П. Райков (улус Райков Чарковского р-на), И. Саганаков (Верхняя Кандырла Аскизского р-на) и даже бедняк В. Шалгинов (улус Мохов) и др. Хлеб у моховских хакасов не уродился, но зажиточные, скрывшие ещё ранее подлежавшие налоговому обложению посевы, получили задание по объёму меньшее, чем бедняки. Возмущённые жители на собрании 26 сентября 1926 г. потребовали нового и справедливого расклада.⁴

Спротивлением встретили хакасы и обязательное окладное страхование хозяйств. На январской 1927 г. раздаче извещений о страховых сборах их отказались брать усть-есинские «кулаки» Топоевы, а председатель Усть-Таштыпского сельсовета Амзараков решил вообще не участвовать в этой кампании.⁵

Вынужденное продавать хлеб за бесценнок крестьянство, будучи недовольным ценовой политикой государства, медлило с уплатой налога. На 15 февраля 1927 г. он был собран лишь на 79%. В эту налоговую кампанию были составлены 300 описей имущества, но продажа его не проводилась, т.к. большинство виновных крестьян внесло свой долг. К судебной ответственности власти привлекли лишь 26 укрывателей дохода и трёх «злостных» неплательщиков. Выявленные соответствующими органами «кулацкие» хозяйства, составляющие якобы 5,2% всего крестьянства Хакасии, уплатили 26,8% от общей суммы налога. В то же время от уплаты ЕСХН по Хакасскому округу государством были освобождены 3946 бедняцких хозяйств, на которые приходилось 24 % всей суммы налога.⁶

По сравнению с предшествующим финансовым годом налоговое задание на 1927/28 г. сократилось на 10%. От взимания налога сразу же и накануне 10-й годовщины Октябрьской революции были освобождены 34-35% всех крестьянских хозяйств. Были сняты недоимки прошлых лет с бедноты, предоставлены льготы по ним середнякам. В Хакасии, несмотря на повышенное обложение состоятельных жителей деревни, даже они сначала считали этот налог легче прежнего. В трёх районах к ноябрю 1927 г. были зафиксированы 40 случаев досрочной сдачи населением ЕСХН. Случалось, что середняки и бедняки вносили налог полностью за год. К примеру, жители д. Солёноозёрной решили внести его к началу следующего года.⁷

Однако осложнение международного положения страны привело к паническим настроениям,

распространившимся среди крестьянства, и росту масштабов утайки налоговых объектов, в которой принимали участие все социально-имущественные группы сельских налогоплательщиков. С целью снижения уровня облагаемости крестьяне использовали сокрытие размеров хозяйствования. 20 сентября 1927 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) констатировало высокий уровень утайки крестьянами своих доходов во всех округах края. В результате уменьшился налоговый сбор. Если с октября по 15 декабря 1926 г. от жителей Хакасского округа в счет налогов поступило 170,3 тыс. руб., то за этот же период следующего года – только 82,2, т.е. налоговые поступления сократились на 52%.⁸ Неудачей закончились и попытки вовлечь денежные средства деревни в товарный оборот.

В отличие от прежних налоговых кампаний, когда в ответ на крестьянский саботаж осуществлялись агитация и выборочные проверки показаний налогоплательщиков, власти усилили вовлечение в налоговый учёт бедноты. Но главным методом борьбы с недоимщиками они сделали законодательно определённые репрессалии (штрафы, описи имущества с последующей его продажей с торгов, привлечение к уголовной ответственности), которые носили классовый характер. В начале 1928 г. в рамках усиления нажима на недоимщиков местные управленцы пошли на ускорение изъятия имущества в счёт погашения недоимок, затем добивались досрочной уплаты обязательных денежных платежей, что вызывало в среде налогоплательщиков недоумение и недовольство, а также порождало на местах должностные преступления. Так, Чарковский райисполком в марте 1928 г., не принимая побудительных мер к «злостным» неплательщикам, произвёл опись имущества бедняка Карачакова и организовал продажу с торгов его коровы.⁹ В том же году был выпущен крестьянский выигрышный заём, который также имел принудительный характер.

Хакасское население по-разному относилось к налоговой политике государства. Лояльное отношение к страхованию хозяйства в феврале 1928 г., например, выказал середняк из улуса Тугарень Е. Окунев, а шурышевский зажиточный хакас К. Доможаков положительно отозвался о ЕСХН в целом. В среде же бедноты (хакас Ложкин из с. Усть-Есь, жители улуса Большая Сея И. и П. Каракузовы), напротив, наблюдалось недовольство требованиями властей о досрочной сдаче, тяжестью ЕСХН и страховки, проводимыми описями имущества. Бедняки возмущались величиной взносов, которые они должны были вносить при их кооперировании, вовлечением в советскую работу женщин и существующим кое-где платным лечением. Отрицательное отношение к описям имущества выразили, например, житель улуса Ибреев П. Ивандаев и К. Анжиганов из улуса Адояков. По этому же поводу таштыпский середняк заявил: «Пусть давятся коммунисты нашими деньгами... они стремятся не улучшить наше хозяйство, а разорить его». «У нас налог теперь собирают так быстро, даже не дают одуматься: в случае неуплаты в одном конце деревни делают опись имущества, а в другом конце производят распродажу имущества, – рассказывал о прохождении налоговой кампании бывший аскизский священник И. Токмашев. – Предлагают в трёхдневный срок вносить ЕСХН и страховку, в противном случае произведут распродажу хозяйства».¹⁰

Начавшаяся политика «чрезвычайщины», всё более раскалывая крестьянство, вызывала его ответное сопротивление. Крестьяне сообщали неверные сведения о составе семей, записывали посевы на бедняков или части хозяйства на родственников. Случалось, что хакасское население активно защищало своих зажиточных сородичей, пользующихся ещё и авторитетом кормильцев. С целью уменьшения размеров «кулацких» платежей, например, 9 февраля 1928 г. на собрании в улусе Комызак выступал хакас С. Саргов. Взяв для хозяйства денежную ссуду, председатель моховской маслоартели А.Н. Тангызов раздал её «кулакам», которые этими деньгами заплатили налог и страховку.¹¹ Но обрушившиеся на деревню репрессии обеспечили сбор налога в установленные сроки.

Определяя задачу налоговой политики партии в свете решений XV съезда ВКП(б), апрельский (1928 г.) объединённый пленум ЦК и ЦКК партии рекомендовал партийно-советским органам на местах осуществлять переход к прогрессивно-подоходному обложению «кулачества» и освободить от налогов малоимущие слои деревенского населения. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. вызвал изменения в практике сбора налоговых и неналоговых средств. В деревню усиленно продвигался Первый заём индустриализации, который формально оставаясь добровольным, начал превращаться в разновидность денежного налога. Изменился порядок самообложения: будучи принятым на сходе, он становился обязательным к исполнению всеми жителями деревни, а неуплата его преследовалась по налоговому законодательству. Реформированию подвергся и ЕСХН. С 1928/29 окладного года он стал определяться по доходу, приходящемуся на крестьянское хозяйство в целом, что привело к росту платежей многочисленными хозяйствами, которые являлись более зажиточными. Возросла и «крутизна» прогрессии шкалы ставок. Наконец, в облагаемую базу хозяйств стали включаться все зафиксированные заработки крестьян.

Прямо противоположную политику государство проводило в отношении бедноты. С поднятием необлагаемого минимума власти получили возможность довести количество малоимущих дворов, подлежащих освобождению от уплаты ЕСХН, до 35% от общего числа крестьянских дворов. Существенно увеличились льготы, предоставляемые коллективным хозяйствам, для которых сохранялся «едоцкий» принцип обложения.

Более жёсткими стали обязательные сроки платежа, а его сумма значительно выросла. Большая часть прибавки была возложена на зажиточных крестьян. Реформируя ЕСХН, государство пыталось, стимулируя крестьян к реализации произведённой ими продукции, увеличить изъятие их денежных средств для наращивания темпов индустриализации. Налоговое задание на 1928/29 г. против предшествующего финансового года для Хакасского округа выросло на 25%.¹²

Усиление фискального нажима на состоятельные слои деревни вынуждало их применять ответные меры. Некоторые представители власти, уже показавшие свою зависимость от алкоголя, буквально спаивались «кулаками». К примеру, пропьянствовав с ними, затянул работу по обложению налогом секретарь Усть-Биджинского сельсовета. Начавшая проверять наличие посевов у зажиточных крестьян учётная комиссия Усть-Абаканского сельсовета, перепившись привезённой водкой, не смогла довести эту работу до конца.¹³

Одновременно «кулачество» перешло к сокращению посевов. Начавшийся с 1 июня 1928 г. учёт объектов обложения показал, что посевная площадь в среднем на «кулацкое» хозяйство уменьшилась с 7,2 до 5,1 десятины. Власти уличили в сокрытии объектов обложения по трём районам 24 и в июле по четырём – ещё 46 хозяйств. Утайкой занималось население всего округа независимо от его имущественного ценза. Так, в Чарковском районе из 19 хозяев, уличённых в этом, лишь трое были зажиточными, а 16 – середняками. Среди 7 жителей с. Аскиза, виновных в утайке, только четверо признавались «кулаками». В Таштыпском районе скрывали объекты в основном середняки, а в Боградском – даже бедняки. Занимавшиеся их выявлением у соседей активисты, как выяснилось, и сами укрывали свои посева. Только народный суд 2-го участка (Аскизский район) за июнь-июль 1928 г. осудил 61 укрывателя.¹⁴

Согласно разъяснениям, данным ранее агрономами о том, что культивируемые посева и скот не будут облагаться налогами, некоторые хакасы, державшие их, при учёте объектов эту часть своего хозяйства не выставляли и поэтому, попав в разряд укрывателей, штрафовались и затем с неприязнью относились к властям.¹⁵

Кое-где население из-за непосильных налогов пыталось дробить свои хозяйства. К примеру, в июле 1928 г. были зафиксированы три случая фиктивных разделов имущества. «Кулаки» И. Шоев и Х. Чертыков выделили имущество и скот родственникам, но продолжали жить одной семьёй.

В результате дробления количество хозяйств в 1928 г. против 1924 г. здесь увеличилось с 14,6 до 18,6 тыс. ед.¹⁶

Отвечая на укрывательство хлеба от обложения, местные власти перешли к штрафованию крестьян, нанёсшему серьёзный урон их хозяйствованию. Население Таштыпского, Чарковского и частично Чебаковского районов для того, чтобы изыскать денежные средства, необходимые для уплаты ЕСХН, было вынуждено за бесценок продавать хлеб спекулянтам и «кулакам». В д. Верхний и Нижний Илек, Матур Таштыпского района наблюдалось недовольство жителей и агитация против подписки на второй госзайм индустриализации. Отсутствие экономического интереса у крестьян обусловило медленные темпы сбора ЕСХН: на 23 октября 1928 г. население округа уплатило лишь 156, 2 тыс. руб., или 29% к заданию.¹⁷

Налоговые изъятия вызывали вспышки яростного сопротивления «кулачества». Проживающий на территории Аевского сельсовета «кулак» А.П. Шоев, являющийся, по мнению властей, «злостным неплательщиком» и укрывателем «бандита» Казанки (Н.Н. Саражаков – А.Ш.), назвал милиционера, предложившего ему внести налог, «продажной шкурой», и избил сельсоветчика. В улусе Косой Ложок Чебаковского района переселенец и бедняк Ф. Шахов «разоблачил» «кулака» М.П. Кочкина, «вошедшего» в дом хакаски Д. Идимечевой якобы с целью раздела своего имущества. После этого её лишили избирательных прав и обложили индивидуальным налогом. Он же в предвыборную кампанию выступил против кандидатуры Ф.М. Бутанаева, которого зажиточное население рекомендовало в сельсовет. Этого активиста, приглашённого Кочкиным на гулянку, «подкулачники» Ф. и В. Бутанаевы с батраком Г. Тимадеевым подвергли избиению. Случаи нападения населения на коммунистов были зафиксированы спецслужбами в улусе Тазмин и д. Верхняя Биджа.¹⁸

Количество индивидуально обложенных хозяйств против предшествующего года увеличилось с 278 до 478. Середняк и коммунист из с. Таштып Байкалов заплатил налог только под нажимом уполномоченного и с начислением пени. Сопrotивлявшееся и разорённое, но запугиваемое репрессиями население округа на 1 февраля 1929 г., уплатив в счёт ЕСХН 425,0 и страховки 188,8 тыс. руб., выполнило задание по ним соответственно на 93,4 и 88%.¹⁹

Коренное население противилось и другим денежным изъятиям. Так, объявленный к осени 1928 г. 2-й заём индустриализации был встречен протестами населения, например, с. Нижний Илек и Матур Таштыпского района. Причём, нижеимекские жители уменьшили подписку на заём под влиянием агитации председателя сельсовета – бедняка К. Резникова.²⁰ В январе 1929 г. хакасская беднота с. Большое Озеро Чебаковского района не только проявила пассивность (на созыв собрания откликнулись из 170 бедняков лишь 55 человек), но и высказалась против самообложения и целевых взносов.²¹ Но кое-где в результате деятельности активистов объём самообложения с обязательных 25 вырос до 35% к налоговому заданию. Между тем, данная кампания дала незначительные результаты. К февралю 1929 г. самообложение было осуществлено в 79 из 88 сельсоветов, однако от их населения, подписавшегося на сумму в 105,3, поступило лишь 2,5 тыс. руб. В ответ власти решили увеличить размеры самообложения, доведя их до 50% от объёмов ЕСХН.²²

Содержание реформирования системы ЕСХН на 1929/30 г., как отметил один из исследователей, определялось уже не экономическими, а политическими приоритетами. Затягивание фискальной петли должно было разорить хозяйства наиболее зажиточных жителей деревни, а налоговые послабления середнякам – облегчить возможность манипулировать их поведением. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 8 февраля 1929 г. было заявлено, что в наступающем окладном году наряду с освобождением от налога бедноты планируется заметное снижение уровня обложения середняцких хозяйств. Соответственно с законодательными актами зажиточные хозяйства стали делиться на «явно кулацкие» и «наиболее богатые» из них. Последняя категория

подлежала обложению в индивидуальном порядке. «Кулацкие» дворы обязывались внести всю сумму ЕСХН к 1 октября текущего года. Её неуплата должна была караться немедленной описью и продажей имущества. XVI конференция ВКП(б) (апрель 1929 г.), одоблив основные положения налоговой политики, вновь освободила от налога 35% всех крестьян, предоставила значительные льготы колхозникам и переложила 30-40% объёма ЕСХН на «кулаков», составляющих якобы 3-4% общего населения деревни.

Крестьянство Хакасии относилось к взиманию ЕСХН двояко. Некоторые крестьяне считали налог необременительным, а выплату его своим долгом перед государством. Другие в разговорах между собой называли его налоговую политику «походом Советской власти с целью удушения крестьян». К примеру, середняк-хакас из улуса Карагай Азараков высказывался: «Власть в настоящий момент очень обижает мужика. Только говорят, что хорошо жить, а в действительности этого мы не видим, только и стараются лишь бы с нас забрать. Все собирают и налог, и самообложение, и страховку, и штрафы, одним словом хоть беги. Сколько мы не стараемся, а власть об нас не заботится».

Более того, защищённые законом уполномоченные на местах при абсолютном нежелании населения устанавливали норму самообложения свыше 50% от налогового задания и допускали переобложение им бедноты и середняков. В селениях Богградского района уровень самообложения поднялся и составил около 100% от объёма ЕСХН. Крестьяне были настолько обозлены этой акцией, что даже краснокаменский бедняк Курыш заявил: «Воевали за Советскую власть, а она нас, бедняков, теперь давит. Придётся теперь с ней воевать».²³

Спасаясь от полуголодной жизни, хакасы вновь обратились к сокрытию объектов налогового обложения. В 1929 г. утайке посевов в Аскизском районе способствовала их разбросанность, позволившая, например, только на территории Бельтырского сельсовета «сократить» их площадь на 9%. «Кулаки» в Чебаковском районе утаивали овец, прибегая к помощи бедноты и середняков. В одном лишь Аёшинском обществе власти зафиксировали до 30 случаев такой антиналоговой деятельности. Имело место сочувственное отношение должностных лиц к своим зажиточным односельчанам, выражавшееся в преуменьшении определяемого им налогового задания. Власти обнаружили, что размеры его, например, были снижены Шульбаеву, «спекулянту» Панову (Кызылсукский сельсовет Аскизского района), шаману Тахтобину (Чиланский сельсовет Таштыпского района), «кулаку» Коробейникову (с. Большое Озеро Чебаковского района). «Какая теперь жизнь, не жизнь, а мучения, работаешь в хозяйстве, как проклятый, а не можешь им даже распорядиться» - жаловались друг другу хакасы.²⁴

Начавшаяся в сентябре 1929 г. подписка на 3-й заём индустриализации народного хозяйства в большинстве селений Хакасии протестов не вызвала. Жители п. Абаза и с. Арбаты даже вступили в социалистическое соревнование по распространению займа. Но с самого начала с враждебностью к нему относились казаки и «кулаки», а хакасская беднота, мотивируя своё поведение недостатком хлеба, денег и одежды, отказывалась от приобретения облигаций.

В такой обстановке уполномоченные по распространению займа начали запугивать крестьян, объявляя им, что в случае отказа от подписки их станут считать «врагами Советской власти», и допустили ряд «перегибов». Так, в селениях Аёшинского и Туимского сельсоветов Чебаковского района коммунист использовал метод вербовки подписчиков, их индивидуальной обработки путём категоричного предложения. Уполномоченные в некоторых селениях Богградского района инструктировали актив, когда на общих собраниях кричат о необходимости стопроцентного обложения. Один из них затем был снят с работы, изгнан из партии и отдан под суд. «Кулаков» обязывали приобретать заёмные облигации на сумму не менее 1000 руб.

К примеру, Сапоговский сельсовет (Чарковский район) предъявил к зажиточному М.Ф. Кыштымову, согласившемуся купить облигации на сумму в 800 руб., повышенные требования, для удо-

влетворения которых его сын был вынужден продать 100 овец и голову крупного рогатого скота.

Подобная практика вызывала недовольство середняков – основных участников этой кампании. «Отдавай последнюю корову и бери облигации», – с возмущением в присутствии 20 крестьян характеризовал действия уполномоченных середняк из д. Толчя Боградского района. На состоявшемся в с. Матур по вопросу о госзаёме собрании, участниками которого являлись 89 жителей, в т. ч. 55 русских, 34 хакаса, 52 середняка, зажиточных и 37 бедняков, середняки М. Титов, М. Шушеначев говорили, что крестьяне, не имея возможности из-за пустых прилавков в кооперации покупать необходимые им товары, пообносились и не могут без потерь для своего хозяйствования приобретать облигации. Против распространения займа тогда же выступили М. Новиков (д. Большие Копены Боградского района), А. Григорьев (д. Толчя), А. Байдараков (Кызылсуковский сельсовет Таштыпского района), Марьясов (улус Костино Чебаковского района), Изосимов (с. Малый Сюттик того же района), беднячка С. Топоева (Сирский сельсовет Аскизского района), М. Альчиков и др.

Несмотря на случаи сопротивления, к 20 сентября 1929 г. населением Хакасии в счёт 3-го госзаёма были выплачены 458,5 тыс. руб. Задание по его реализации оказалось выполненным на 89,5, а к 10 декабря того же года – на 110%. Менее успешно заём распространялся среди хакасов и русских крестьян.²⁵

Наряду с вненалоговыми платежами, задание по сбору ЕСХН в Хакасском округе под воздействием репрессий на 25 ноября 1929 г. было выполнено на 82, страхплатежей – на 60,5 и самообложения – на 60%.²⁶ С целью их полного выполнения властями в дальнейшем использовалось «пятикратное» обложение неплательщиков. В январе 1930 г. такая мера была применена к 113 хозяйствам, которые выполнили задание только 77,5%.²⁷

Таким образом, изъятие налоговых и неналоговых денежных средств у крестьянства Хакасии, усилившийся во втор. пол. 1920-х гг. в связи с необходимостью осуществления сталинской сверхиндустриализации и преодоления хлебных кризисов, обрело чрезвычайный характер. Оно было встречено всесословным и множественным сопротивлением крестьянства в форме агитации и отказа от участия в проводимых властью кампаниях, спаивания её представителей, утайки налоговых объектов, укрывательства произведённых продуктов, фиктивного раздела имущества и, наконец, избивания активистов. Ломая его и используя административно-репрессивные меры, власти на местах, как и повсюду в стране, обеспечили тотальную перекачку ресурсов из деревни в индустриальный сектор. Но полного «раскулачивания», как и разорения крестьянских хозяйств к 1930 г. в регионе не наблюдалось. При наличии автохтонного общества некоторые хакасы по-прежнему владели табунами лошадей и имели большое влияние на сородичей. Местное крестьянство заплатило за индустриализацию лишь частичным разорением и снижением уровня своей состоятельности.

2010

Примечания:

¹ Из многочисленных работ приведём лишь хронологически последние публикации, содержащие новейшие и наиболее взвешенные утверждения авторов, а также написанные на местных материалах: Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Кон. 1920-х – нач. 1950-х гг. – Новосибирск, 2004; он же. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924-1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-1920-е гг.). – Новосибирск, 2004. – С. 175-208; Бакшеев А.И. Налоговая политика в Приенисейском регионе (1926-1929 гг.) // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 75-летию Краснояр. края. Красноярск, 19-21 ноября 2009 г. – Т. 2. – Красноярск, 2009. – С. 17-21; Климин И.И. Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1928-1929 гг.). – СПб., 2010. – С. 137-166.

² Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. – С. 19.

³ Макаров А.А. Власть и общество в Сибири: 1927-1933 гг. - Абакан, 2010. - С. 97-98.

⁴ Отдел документов новейшей истории Национального архива Республики Хакасия (ОДНИ НАРХ). Ф. 1. О. 2. Д. Обзор политического состояния Хакасского округа за август, сентябрь 1926 г. Л. 44, 46, 78.

⁵ Там же. Д. 73. Л. 173.

⁶ Энциклопедия Республики Хакасия. - Т.1. - Абакан, 2007. - С. 406; Бакшеев А.И. Налоговая политика... - С. 18.

⁷ ОДНИ НАРХ. Ф.1. О. 3. Д. 66. Л.51, 67.

- ⁸ Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне... - С. 193; Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг.: Хронико-документальный сб. - Новосибирск, 2006. - С. 175.
- ⁹ Рукописный фонд ХАКНИИЯЛИ (РФ). Д. 376. Л. 43.
- ¹⁰ ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 3. Д. 66. Л. 88-89, 95.
- ¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р.- 47. О. 1. Д. 2123. Л.5; ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 3. Д. 66. Л. 126, 159.
- ¹² Энциклопедия Республики Хакасия. - Т.1. - С. 407.
- ¹³ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 16. О. 3с. Д. 5. Л. 152.
- ¹⁴ Там же. Л. 124-125; ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 4. Д. 69. Л. 16; РФ. Д. 327. Л. 12.
- ¹⁵ РФ. Д. 327. Л. 12.
- ¹⁶ НАРХ. Ф. 16. О. 3с. Д. 1. Л. 91; Д.5. Л. 124-125, 150; Санжиев Г.Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. - Новосибирск, 1980. - С. 152.
- ¹⁷ Энциклопедия Республики Хакасия. - Т.1. - С. 407.
- ¹⁸ НАРХ. Ф. 16. О. 3с. Д. 5. Л. 77; ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 4. Д. 50. Л. 62; РФ. Д. 327. Л. 12.
- ¹⁹ Энциклопедия Республики Хакасия. - Т.1. - С. 407; ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 4. Д. 9. Л. 1, 42; Д. 50. Л. 62; РФ. Д. 327. Л. 12.
- ²⁰ ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 4. Д. 50. Л.1.
- ²¹ НАРХ. Ф. 16. О. 3с. Д. 3. Л. 94.
- ²² ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 4. Д. 12. Л. 42, 47.
- ²³ Там же. О. 5. Д. 19. Л. 18.
- ²⁴ Там же. Д. 1. Л. 91, 150; Д. 19. Л.18.
- ²⁵ НАРХ. Ф. 16. О. 3с. Д. 1. Л. 179-180, 197; ОДНИ НАРХ. Ф. 1. О. 5. Д. 19. Л. 22, 24-25.
- ²⁶ Там же. Д. 19. Л.18.
- ²⁷ Макаров А.А. Власть и общество... - С. 96.

Н.А. Баранцева,
г. Абакан

К вопросу об этнодемографическом и этнокультурном развитии татар юга средней Сибири в кон. XIX — XX вв.

Население Приенисейского края (с 1822 г. – Енисейской губ., с 1934 г. – Красноярского края) формировалось на полиэтничной основе. На протяжении исследуемого периода – кон. XIX – кон. XX вв. – татары неизменно входили в пятёрку наиболее многочисленных этносов края. Рост татарского населения Енисейской губ. происходил преимущественно за счёт переселения поволжско-уральских татар. Первые поселения Шулдат и Серебряково возникли в сер. XIX в., со временем став большими сёлами в 250-300 дворов. До кон. XIX в. за Урал переселилось свыше 40 тыс. татар, которые по численности практически сравнялись с местными сибирскими татарами. Большинство татарских деревень было основано выходцами Казанской и Уфимской губ. в нач. XX в. В 1907-1910 гг. насчитывалось 5 мононациональных татарских селений, в 1911-1912 гг. – 47.¹

По данным за 1911 г. С. Патканова, представленным на основе разработки переписи 1897 г., татары составляли 4033 чел. (0,74% населения).² В Ачинском уезде татары концентрировались в Балахтинской, Подсосенской, Покровской, Ужурской вол. и Ачинско-Минусинском горном окр. Их доля в населении уезда в целом составляла 0,5%. В Красноярском уезде татары составляли 1,7% жителей г. Красноярска и 25,2% его пригорода Попов Луг, в Енисейском уезде – 5,4% горожан г. Енисейска, в Канском уезде – 5,0% населения Ирбейской, 2,9% Рождественской, 1,4% Устьянской волостей.³

Традиционными занятиями татар являлись пашенное земледелие и скотоводство. Выращивались пшеница, рожь, овёс, ячмень, горох, лён и конопля. Разводился крупный и мелкий рогатый скот, татарами-кряшенами – свиньи. В хозяйстве имелась домашняя птица – куры, гуси, утки. Традиционным для татар было пчеловодство. Важное значение имели различные промыслы и ремёсла: рогожно-кулеткацкое, бондарное, кожевенное, плотницкое, столярное. Вплоть до наших дней сохранились такие промыслы, как золотое шитьё, вышивка тамбуром, кожаная мозаика, резьба по камню и дереву, ювелирное дело (гравировка, чеканка, штамповка).

Исконными для татар были также торговля и торгово-предпринимательская деятельность.⁴

В 1920 г., по данным переписи, проводившейся в условиях гражданской войны, татарское население составило 35 320 чел.⁵ Резкое увеличение численности татар объяснялось ростом вольной крестьянской колонизации нач. XX в., а также увеличением потока «голодбеженцев» из Поволжья. Однако уже в марте 1921 г. переселенческий поток был приостановлен в связи с отсутствием освоенного земельного фонда. Немногие оставшиеся для заселения участки оказались в тайге или безводной степи. Часть переселенцев вернулась обратно, остальные прошли транзитом на восток.⁶

В составе населения Приенисейского края, насчитывавшего в 1926 г. 1,55 млн чел., татары составили 23,0 тыс. (1,48%). Основная их часть размещалась в Красноярском и Ачинском окр. (соответственно 39,7 и 31,7%), меньшая – в Канском и Минусинском окр. (15,0 и 12,3%).⁷

Большинство татар являлись жителями сельской местности, только 18,7% проживали в городах. В отличие от основной массы русского населения в возрастном-половом составе татар преобладали мужчины – 51,8% против 48,2%.⁸

О численном составе татарских семей можно судить по итогам переписи населения сельских обществ 25 волостей Красноярского уезда в 1920 г. В Больше-Муртинской вол., где татары проживали компактно среди иноэтничного населения (1878 из 2036 дворов), в среднем на одно домохозяйство приходилось 5,8 чел. В других волостях, где татарские сёла были разбросаны дисперсно среди селений иных этнических групп, численность домохозяйств насчитывала в Бобровской вол. – 6,0 чел. (из 1266 дворов 111 – татарских), Даурской – 5,6 чел. (214 из 1621), Казачинской – 5,5 чел. (86 из 1769).⁹ В Минусинском окр. в 1926-1930 гг., домохозяйства татар оказались менее людными, насчитывая в среднем 4,9 чел.¹⁰

На семейно-бытовые отношения татар повлияли национальные традиции и мусульманские религиозные установки. Вступление в брак считалось священной обязанностью татарина-мусульманина. Спутницу жизни брали, как правило, из другой деревни. Браки с другими народами были редки из-за религиозных запретов. Несмотря на предписания ислама, в отличие от других народов, ранние браки были нехарактерны для татар. Девушки выходили замуж в 19-22 года, юноши – в 25 лет. Не поощрялось и многоженство. До революции две жены в татарских деревнях были редким исключением. Характерными чертами татарских семей являлись устойчивость браков и низкий уровень разводов, уважение родителей, особое почитание дедушек и бабушек, тесные связи с родственниками и взаимопомощь.¹¹

Демографические последствия войн и хозяйственной разрухи сказались в подрыве стабильности семей, в росте числа сирот и беспризорников. В городах Енисейской губ. имелось, как правило, по одному детскому дому, большинство воспитанников которых оказались детьми татар – «голодбеженцев».¹²

Остро стояла проблема обучения народов Поволжья, среди которых доля грамотных едва достигала 20%. В 1910-х гг. статистические обзоры Енисейской губ. зафиксировали три низших общеобразовательных мусульманских училищ (мектебов) – в губернском центре г. Красноярске и уездных городах Ачинске и Енисейске, обучавшие детей как за счёт государственной поддержки, так и местного самоуправления.¹³ В 1921-1922 гг. в Енисейской губ. имелось 32 татарских школы, основная часть которых располагалась в Канском, Красноярском и Енисейском уездах.¹⁴ Татары жили довольно замкнуто, практически не владели русским языком и находились под сильным влиянием мусульманского духовенства, препятствовавшего открытию светских школ.

Так, в феврале 1921 г. в татарскую деревню Ново-Казанская Больше-Муртинской вол. Красноярского уезда от отдела народного образования прибыл учитель родного языка. Однако, мусульмане, считавшие его «ставленником ВКП(б)», присланным для «коммунизации детей», не хотели пускать детей в школу. На съезде мусульманского духовенства, проходившего в это же

время в деревне, высказывалась мысль о создании, прежде всего духовных школ и организаций с помощью добровольных пожертвований.¹⁵ Поэтому значительная часть татар детей в школу не отправляла, а с 14 лет посылала их в религиозные училища.

В 1924 г. в условиях перевода школ на волостное обеспечение количество татарских сельских школ сократилось до 10 (Колтошійская, Тайшетская, Алзамайская, Казанская Красноярского уезда, Восточенская Минусинского уезда), а также 3 городских в Ачинске, Красноярске и Минусинске.¹⁶ Доля грамотных среди татар, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., составила 26,4%, владевших родным языком 95,6%.¹⁷

Татары, в отличие от представителей других «восточных национальностей», проявляли заметную активность в культурно-просветительской сфере, составляя наказы от избирателей. В 1928 г. татарское сообщество г. Красноярска настаивало на включение в смету городского бюджета расходов на открытие клуба, детсада, яслей, школьных площадок для татарского населения, требовало преобразовать школу I ступени в семилетку. Оно предлагало расширить фонды литературы на татарском языке при центральной библиотеке города, увеличить количество мест «рабочим от станка» в средние и высшие учебные заведения.¹⁸

Закрытие в 1938 г. школ «западных» национальностей на основании того, что они якобы превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», не затронуло татарские, удмуртские, мордовские, чувашские и хакасские школы, преподавание в которых продолжало осуществляться на родных языках.¹⁹

В 1920-е гг. в отношении татарского населения, наряду с представителями других этнических сообществ, проводилась политика, направленная на то, чтобы «безболезненно приобщать национальные группы к активному советскому строительству» через беспартийные съезды, конференции, совещания, а также подбор авторитетных и лояльных советской власти представителей местного населения.²⁰ Негативные явления, возникавшие в процессе социалистического переустройства деревни, власти стремились нейтрализовать обещаниями поддерживать кооперативы, коммуны, сельхозартели и пр. ссудными кредитами, техникой, укреплением кадров, включая агрономов и ветеринарных работников. Организация сельскохозяйственных выставок должна была продемонстрировать преимущества новых форм хозяйствования над старыми.²¹ В проектах положений о национальных праздниках «Сабантуй» было рекомендовано проводить их «при организующей роли не кулачества, спекулянтов, купцов, мулл, а советской власти». В городских местностях организацию праздников приурочивали ко второй половине мая, в сельских – к концу посевной кампании в июле. Местом проведения праздника «Сабантуй» стал Красноярский ипподром, куда съезжались представители около 10 тыс. татар Больше-Муртинского, Казачинского, Енисейского районов.²²

В праздновании могли принять участие все «полноправные граждане (трудящиеся), независимо от пола, национальности», достигшие 15 лет. Лишались возможности участвовать в празднике и соревнованиях, получении призов, вознаграждений «злостно укрывающие свои хлебные излишки, не сдавшие их государству в целях спекуляции, барышники и т.д.». В ходе проведения национальных праздников организовывались выставки-конкурсы – на лучшего коня и корову, бегуна, отбор животных по «молочности», «красоте и крови», показ зерновых культур и сельскохозяйственных машин.²³

Во втор. пол. 1920-х гг. в национальной политике СССР особое внимание уделялось этнической консолидации народов Сибирского края, созданию национальных сельсоветов. Выделялось дополнительное финансирование хозяйственно-бытовых и культурных нужд этнических сообществ. В 1926 г. в составе пяти округов бывшей Енисейской губ. было 14 татарских национальных сельсоветов (Ачинский – 4, Красноярский – 8, Канский – 2).²⁴

В Ужурском районе Ачинском окр. в 1928 г. среди татар были созданы артель «Соха», которая

вскоре распалась, а также машинное товарищество Красноярское.²⁵ В д. Серебряково Ачинского окр. среди татар, где характер землепользования был преимущественно общинный, в 1929 г. было проведено землеустройство с разбивкой на групповые отруба и введением многопольного севооборота. На участке Красноозёрском Ужурского р-на были образованы выселок и товарищество по совместной обработке земли.²⁶

В период коллективизации плановое сельскохозяйственное переселение в Восточную Сибирь фактически прекратилось, осуществлялось спецпереселение «кулаков». С сер. 1930-х гг. осуществлялось доприселение в сибирские колхозы. В 1935 г. в целях снятия проблемы аграрного перенаселения в Центре в Восточно-Сибирский край было перемещено 3000 семей из Татарской АССР и пр. В числе переселенцев было 654 чел. татар.²⁷

Вместе с тем приоритетным направлением миграционной политики являлось промышленное переселение с целью рационального перемещения трудовых ресурсов на восток. Модернизация Приенисейского края в 1920-1930-е гг. была связана с освоением его энерго-сырьевых ресурсов, сопровождаясь концентрацией рабочей силы в городских поселениях.

Проведенная в 1939 г. Всесоюзная перепись населения показала, что в результате естественного и миграционного прироста население края выросло до 1,96 млн. чел. Увеличилась численность и доля татар – 31226 чел. татар (1,8%). Удельный вес городского населения среди них возрос до 34,9%.²⁸

С 1959 по 1989 гг. население Красноярского края достигло 3,6 млн. чел. Доля татар сократилась с 1,53 до 1,5% при росте с 39,9 тыс. до 54,2 тыс. чел. Значительно увеличилось число татар-горожан (рост с 60,9 до 73,2%).²⁹ Эти показатели оказались выше, чем в целом по краю (72,8%). Урбанизационные процессы и распространение городского образа жизни практически среди всех этнических общностей сказались на сокращении размеров семей. Если в 1959 г. среди татар, проживавших в Хакасии, среднее количество членов семьи составляло 3,9 чел., то в 1979 г. – 3,1 чел.³⁰

В 1989 г. татарское население оказалось «демографически старым», исчерпавшим потенциал естественного роста. На 5,2% детей среди татар приходилось 29,4% лиц старшей возрастной группы.³¹

Среди татарского населения преобладали однородные браки. В соответствии с традициями, «настоящим татарам» было запрещено жениться не на татарках. Как отмечалось в районной газете, парни дер. Казанка и Верхняя Казанка Большеулуйского р-на ездили в Пировский и Казачинский р-ны за невестами. Но в 1970-1980-е гг. начали распространяться межнациональные браки, которым родители воспрепятствовать не могли.³² Это предопределило модернизацию демографического поведения татар в отношении выбора брачного партнёра и количества детей в семье.

Особенностью складывания языковой ситуации среди татарского населения Приенисейского края являлось сохранение значительной частью населения хорошее владение и использование родного языка при формировании национально-русского двуязычия. Во многом это объяснялось проведением соответствующей государственной политики. В районах компактного расселения татар (Пировский, Казачинский, Бирилюсский, Боготольский, Даурский, Балахтинский, Большеулуйский, Дзержинский, Абанский, Тасеевский районы Красноярского края) в соответствии с приказом по крайону от 10 ноября 1951 г. национальные школы были переведены на учебные планы школ соответствующих республик. Планировалось обеспечение своевременного оформления заказов на учебники, художественную и методическую литературу для нерусских школ, повышение квалификации учителей 1-4 классов татарских школ на краевых курсах и учителей русского и родного языков 5-7 классов татарских школ на межобластных курсах.³³

С 1959 по 1989 гг. показатели использования родного языка у татар сократились с 83,6 до 66,1%. В то же время доля лиц, назвавших родным язык своей национальности, была выше,

хотя и снизилась за это время с 95,6 до 83,6%.³⁴ Татары, компактно проживавшие в сельской местности, лучше, чем в городских поселениях, владели родным языком. Например, в городских поселениях уровень владения родным языком составлял в 1959 г. 79,0% в городской местности, 89,3% – в сельской, в 1970 г. соответственно – 70,1 и 89,1%, в 1989 г. – 61,7 и 78,3%.³⁵

В заключение следует отметить, что в период с кон. XIX – кон. XX вв. татарское население Приенисейского края в целом увеличилось в 13,4 раза, благодаря естественному приросту, но главным образом за счёт миграций. В местах компактного проживания татар отмечался низкий уровень ассимиляции, сохранялись наиболее значимые этнические особенности культурной и материально-бытовой среды. Сферами хозяйственной деятельности татар традиционно оставались сельское хозяйство и домашние промыслы. Политика «коренизации» иноэтничного, в т. ч. татарского населения, в условиях унификации общественно-политической жизни страны обеспечивала стабильность полиэтничного сообщества края, устраняла дискриминацию нерусского населения, способствовала формированию национальных кадров в сфере культурно-просветительской и хозяйственной деятельности.

2011

Примечания:

¹ Этноатлас. Народы и народности, населяющие Красноярский край. Татары [Электронный ресурс]. URL: http://www.krskstate.ru/society/nations/etnoatlas/0/etno_id/12 (дата обращения 18.08. 2011).

² Подсчитано по: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев / С. Патканов. СПб., 1911. Т. 2. Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 1911. С. 322, 330-339.

³ Подсчитано по: Патканов С. Указ. соч. С. 326-327, 344-345, 350-351.

⁴ Этноатлас. Народы и народности.

⁵ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1992 гг. Сб. док. Ч. II. Красноярск, 2007. С. 47-48.

⁶ Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. П-49. О. 1. Д. 35. Л. 51, об.

⁷ АААКК. Ф. Р-1299. О. 1. Д. 222. Л. 1-16об.; Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 381. Л. 92об., 95, 96; Д. 280. Л. 153, 156.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Т. VI. М., 1928. С. 17-19, 39-40, 43-46, 52-54, 83-84.

⁹ АААКК. Ф. Р-1299. О. 1. Д. 222. Л. 1-16об.

¹⁰ Составлено и подсчитано: АГМ. Ф. 115. О. 1. Д. 381. Л. 92об., 95, 96; Д. 280. Л. 153, 156; Список населённых мест Сибирского края. Вып. 15. Минусинский округ. Новосибирск, 1926. С. 30-38.

¹¹ Этноатлас. Народы и народности. ...

¹² АААКК. Ф. П-1. О. 1. Д. 583. Л. 60 об., 61.

¹³ Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917-1922 гг.). Томск, 2009. С. 103, 106.

¹⁴ Корольков О. Л. Национальные школы народов Поволжья 20-х гг. XX в. Корольков // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 228.

¹⁵ АААКК. Ф. П-1. О. 1. Д. 89. Л. 19-21.

¹⁶ АААКК. Ф. П-1. О. 1. Д. 583. Л. 66-67; Д. 810. Л. 135 об., 206-209.

¹⁷ Подсчитано: Всесоюзная перепись населения 1926 года. ... С. 17-18, 38-39, 43-44, 52-53, 83-84.

¹⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. О. 2. Д. 3988. Л. 14.

¹⁹ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1992 гг. С. 194-201.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. О. 1. Д. 1390. Л. 11, 12, об.

²¹ ГАРФ. Ф. А-2306. О. 69. Д. 1761. Л. 1, 9 об.; ГАНО. Ф. П-2. О. 2. Ч. 1. Д. 2415. Л. 16 об., 57-58.

²² ГАНО. Ф. П-2. О. 2. Д. 3988. Л. 24, об., 25.

²³ ГАНО. Ф. П-2. О. 2. Д. 3988. Л. 24, об., 25.

²⁴ АГМ. Ф. 115. О. 1. Д. 280. Л. 187.

²⁵ ГАНО. Ф. П-2. О. 2. Ч. 1. Д. 2425. Л. 80.

²⁶ ГАНО. Ф. П-2. О. 2. Ч. 1. Д. 2415. Л. 3.

²⁷ Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Кон. 1920 - кон. 1930-х гг. Документальное научное издание / Ред. С.А Красильников. Новосибирск, 2007. С. 3, 241-243.

²⁸ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 60

²⁹ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 227-228.

³⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. VI. Ч. II. М., 1989. С. 180-181.

³¹ Славина Л. Н. Этносоциальное и этнодемографическое развитие населения Красноярского края в 1960-1980-е гг. // Этнос Сибири. История и современность (сборник тезисов науч. практ. конф., посвящ. 60-летию Красноярского края) ноябрь-декабрь 1994 г. Красноярск, 1994. С. 237-239.

³² Алексеевич Т. Народ белого счастья. Красноярский рабочий. 2003, 21 января. С. 1.

³³ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1992 гг. ... С. 217.

³⁴ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Красноярск, 1971. С. 251; Народное хозяйство Красноярского края. Красноярск, 1985. С. 6, 174; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. С. 227.

³⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. С. 228-229.

Образ волка в традиционных представлениях хакасов¹

В культурах многих народов мира образ волка занимал важнейшее место. Не стали исключением и хакасы. В традиционных верованиях этого народа волку (хак. *нүүр*) придавалось особое значение. Волк наряду с собакой был окружён особым ореолом почитания.² Исследователь ранних форм религии Д.Е. Хайтун совершенно справедливо называл его одним из «архаичных тотемов» хакасов.³ По генеалогическим мифам сёоки (роды) «*Чити нүүр*» – «*Семь волков*» и «*Хахлына*» – «*Хищники*» были известны своим волчьим «происхождением».⁴ Возможно, что реликты тотемистических представлений нашли отражение и в танцах хакасов, как и у многих народов в прошлом имевшие ритуальное значение.⁵ В них, наряду с другими животными, всегда фигурировал волк.⁶

На особую символическую связь образов этого зверя с человеком указывают бытующие среди хакасов пословицы и поговорки, например, «есть ли озеро, через которое не переплывал волк; есть ли человек, выросший без знакомых?!»⁷, «нет горы без волка, нет мужчины без хитрости», «Нет горы без волка, нет народа без закона», «Нет горы без волка, нет народа без злобных людей».⁸ Следы архаических представлений о «родственных» отношениях с волком обнаруживаются в распространённом среди хакасов и других народов обычае табуизации имени волка. Наличие подставных имён для волка объясняется известной общетюркской традицией, запрещавшей называть своим именем старших родственников⁹, а также широко известной охотничьей традицией, основанной на вере в то, что звери понимают человеческую речь.

В архаических представлениях хакасов *таг ээзи* – дух-хозяин горы (местности), с которым они связывают своё происхождение, мог показываться людям и в образе волка.¹⁰ Хакасы связывали с образом волка происхождение не только отдельных родов, но и некоторых локальных географических названий.¹¹

Несмотря на то, что образ этого хищника сакрализовывался, всё же запрета на его промысел не было. У хакасов волк был постоянным объектом охоты. Способы добычи этого зверя были различны. На них устраивали облавы, ловили при помощи капканов и ловушек, а также травили ядом.¹² Волчья шкура представляла большую ценность. Шкурой этого животного выплачивали ясак.¹³ Кроме того, из неё шилась одежда¹⁴. Хакасы наделяли волчью шкуру чудодейственными защитными свойствами.¹⁵ Вера в апотропейную силу шкуры этого зверя в прошлом способствовала распространению среди хакасов магической практики. Новорождённых мальчиков пропускали через растянутое ротовое отверстие волчьей шкуры. При этом им нередко давали соответствующие имена: «*Пүүр*» – «*Волк*», «*Адай*» – «*Собака*», «*Полчек*» – «*Волчонок*». Верили, что данный ритуал защищает младенцев от зловредного воздействия духов.¹⁶ Считалось, что в процессе обряда мальчик получал ещё и сакральную силу волка.

Верили в сверхъестественные свойства волчьих жил (*нүүр сирі*). При их помощи, якобы, можно было наказать воров. Считалось, что при медленном сжигании волчьих жил на огне у человека, посягнувшего на чужое имущество, произойдёт судорога и стянутся жилы на конечностях. Кроме того, волчьи талисманы применялись хакасами для избавления от некоторых заболеваний.¹⁷

Исследователь Р.С. Липец, анализируя образ волка в фольклоре тюркских и монгольских народов, совершенно верно отметила, что «отношение к волку у кочевников древности было амбивалентным, как и ко всему сакральному».¹⁸ Хищнические наклонности волка, с одной стороны, и его отвага, ум, быстрота и неутомимость, с другой стороны, повлияли и на символическое значение этого животного.¹⁹ У хакасов символизм волка также имел ярко выраженный двойственный характер. Волк являлся крупным беспощадным хищником с высокоразвитой рассудочной деятельностью.

Волка боялись, опасались его нападения, его почитали иногда из чувства страха за свою жизнь, за сохранность скота и т.д.²⁰ Хакасы были убеждены, что волк обладает «аан» – особой категорией зловредной души. Кроме того, считалось, что этот хищник был наделён сверхъестественной черной силой «харан». С её помощью он, якобы, погружал чабанов в глубокий сон и безжалостно уничтожал скот.²¹ Данный факт естественно вызывал негативные эмоции у людей и способствовал сложению проклятий – «хааргыс», обращённых к этим зверям.²²

Кровожадность и беспощадность волка семантически сближало его образ с идеей смерти и перехода в Нижний мир. При этом волчьи зубы (клыки), как древний символ хищника и его определяющий признак и вместе с тем, основное «орудие» убийства воспринимались в качестве важнейшего атрибута смерти. Так, например, в хакасском фольклоре представлен типичный персонифицированный образ смерти – старика с волчьими зубами.²³ Отождествление волка со смертью способствовало формированию идеи о том, что волк является представителем Нижнего мира. На данные суждения, по мнению В.Д. Кубарева и Д.В. Черемисина, повлиял ещё тот факт, что «поедание падали волком (собакой, шакалом) обусловило повсеместное представление об этих животных как хтонических существах».²⁴ В хакасском фольклоре серый или белёсый волк (*хуба пүүр*) – часто встречаемый образ обитателя мира мёртвых.²⁵ Порой этот хищник соотносится с самим хозяином подземного пространства или его сыном.²⁶

Хакасы верили, что шаманы в процессе камлания могли превращаться во многих животных, и очень часто – в волка.²⁷ Данные представления основывались на убеждённости в том, что волк являлся важнейшим *төсөм* – духом-помощником шамана.²⁸ Изображение волчьего духа часто встречалось в шаманской атрибутике – на бубнах и костюме.²⁹

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в мифо-ритуальной сфере хакасов образу волка уделялось важнейшее место. Он обладал амбивалентными характеристиками, во многом детерминированными зоологическими особенностями этого животного. Фигура волка наделялась сакральными чертами и воспринималась в качестве тотема, проводника души человека и её охранителя. Наряду с этим, образ этого зверя был неразрывно связан с Потусторонним миром. Он наделялся хтоническими признаками. Вместе с тем, хищническая природа волка, нередко приносящая значительный урон хозяйству, в сознании народа воспринималась негативно. Образ волка, как существа, имевшего непосредственное отношение к сакральным силам природы и человека, органично вошёл в ритуальную практику шаманизма.

2011

Примечания:

¹ Работа выполнена в рамках программы № IX.81.3.3. «Коренные народы Сибири и Арктики. Оценка человеческого потенциала: этнодемографический, этносоциальный и этнокультурный аспекты», а также ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

² Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. С.62.

³ Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у хакасов // Труды Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. – Сер., ист. наук. – Т. XXVII. – Вып. 1, 1959. С.124.

⁴ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2010. С.167–168; Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С.135.

⁵ Соколова З.П. Животные в религиях. – СПб.: Изд-во «Лань». С.47.

⁶ Щукин Н.С. Звериные промыслы в Восточной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел, 1847. – Ч. 18. С. 274
Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск: Изд-во «Горница», 1997. С.169.

⁷ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. С.189.

⁸ Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. С.288.

⁹ Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – Вып. 30. – М., 1958. С.142; Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. С.303.

¹⁰ Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С.16, 112–113.

¹¹ Унгвицкая М.А., Майнагашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1972. С. 178–179.

¹² Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог

- Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. IV. – Минусинск: [тип. В.И. Корнакова], 1900. С. 65; Кропоткин А.А. Саянский хребет и минусинский округ // Живописная Россия. Восточные окраины Сибири. Восточная Сибирь. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1895. – Т. 12. – Ч. 1. С.25.
- ¹³ Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев Материалы для изучения. – Вып. 2. Мелецкие инородцы. – Юрьев: [тип. К. Маггисена], 1890. С.12.
- ¹⁴ Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакасское изд-во, 1996. С.92.
- ¹⁵ Кёк хан. Героическое сказание, записанное от С.П. Кадышева на хакас. яз. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1974. С.7.
- ¹⁶ Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. С.63–64; Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом из Хонгорая. Хакассские мифы, легенды и предания. – Абакан: ООО «Кооператив “Журналист”», 2010. С.200.
- ¹⁷ Каратанов И.И. Черты внешнего быта качинских татар // Известие ИРГО (извлечение). – Т. XX. – Вып. 6. – СПб., 1884. С.22; Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. С.66.
- ¹⁸ Липец Р.С. «Лицо волка благословлено...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических преданиях) // Советская этнография, 1981. – № 1. С.120.
- ¹⁹ Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. С.93.
- ²⁰ Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – Вып. 30. – М., 1958. С.136.
- ²¹ Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. С.65.
- ²² Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. С.233–234.
- ²³ Унгвицкая М.А., Майнагашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1972. С.209.
- ²⁴ Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. С.113.
- ²⁵ Ікі ах ой хулун // Хан Мирген. Героические сказания, записанные от М.К. Доброва. На хакас. яз. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1968. С.141; Унгвицкая М.А., Майнагашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1972. С.200.
- ²⁶ Хан поэраха аттыг хан Мирген // Хан Мирген. Героические сказания, записанные от М.К. Доброва. На хакас. яз. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1968. С.20–21.
- ²⁷ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. С.282.
- ²⁸ Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. С.99.
- ²⁹ Клеменц Д.А. Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Восточно-Сибирское отделение Импер. рус. геогр. общ-ва по отд. этнографии. – Иркутск, 1890, т. 2, вып. 2. С.34; Потапов Л.П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ, Т. XXXVI. – Л., 1981. С.135.

Т.А. Кискидосова,
г. Абакан

Кинематограф в повседневной жизни горожан Енисейской губернии в нач. XX в.

В культурной жизни российских городов нач. XX в. кинематограф стал заметным явлением. Предполагалось, что просмотр фильмов отвлечёт широкие массы от пустого времяпровождения, пьянства, азартных игр. Первые киносеансы стали проводиться ещё в кон. XIX в., и стали пользоваться необычайной популярностью у публики. Премьера просмотра кинофильма в Енисейской губернии состоялась в Красноярске в 1897 г., организатором кинопоказа стал предприниматель Моржицкий. Публика с интересом посмотрела фильм «Некоторые сцены жизни». Однако в тот период времени зал был непригоден для киносеансов. Один из зрителей высказал своё мнение: «Но как неприятно видеть занимательную сценку, к тому же, из незнакомых мест и нравов, увлечься ею. И вдруг – хлоп: одно светлое пятно, дополняй дальше воображением. «Повтори, хоть опять то же! Голубчик! – вопит публика, получая в ответ вместо хлеба камень».¹ Неудачным оказался сеанс, привезённого кинематографа Домбровской в Красноярске. Качество показа картины вызвало бурю негодования не только публики на галёрке, но и присутствовавшей на показе полиции.²

В нач. XX в. в приенисейских городах, как и повсеместно по стране стали появляться электро-театры. Городской театр в Красноярске, вмещавший от 1,5 тыс. до 2 тыс. чел., с приходом кине-

матографа перестал приносить доходы. Электротеатры привлекали различные слои населения, однако основными любителями просмотра кинокартин являлись средние слои населения и городские низы. Кинематограф оказался более доходным предприятием с развлечением доступным всем, с его приходом были поколеблены устои театрального дела во многих городах. По названиям фильмов «Карманный страж», «Фантастическая лягушка», «Курортный флирт», «Самоубийство», «Охота на лисиц», «Парижанка в Венеции», «Добыча гипса во Франции» можно судить, что фильмы относились к разнообразным жанрам. На современный взгляд, большинство кинолент были примитивного характера, но у зрителей того времени они пользовались успехом. В кинотеатрах показывали картины только для взрослых «Три грации», «Гарем паши», «Качающаяся фея», детям запрещалось присутствовать на киносеансах данных картин.³ Чаще всего публике предлагалось посмотреть мелодрамы, триллеры или боевики.⁴ В городах появилась сеть кинематографов. В одном только Ачинске их было несколько: «Лири» М.В. Романовой, «Нирвана» и «Прогресс» Б.М. Долголевского и «Новый».⁵ В Канске популярностью пользовался электротеатр «Фурор» Яковлевой, вмещавший до 300 чел. Молодёжь предпочитала посещать «Иллюзион», обычно там показывали «гвозди сезона»: сильные драмы или пикантные вещи.⁶ Стоимость билета на киносеанс была от 12 до 50 коп. (цены на 1910 г.). В летнее время в городских садах устанавливали уличные кинематографы, привлекавшие большее количество зрителей, т.к. билеты стоили дешевле, чем в здании. На устройство кинотеатра выдавалось разрешение сроком на один год. Помещения устроенных кинотеатров подразделялись на малые (менее 100 чел.) и большие (более 100 чел.). По технике безопасности пожаров в помещениях должны быть обязательно отдельные входы и выходы непосредственно с улицы или со двора. К управлению киноаппаратом допускались лица не моложе 18 лет, их личность должна удостоверяться местной полицией. Освещение допускалось керосиновое или спиртовое, в случае если не было электричества.⁷ Владельцы кинематографов для завлечения публики использовали разнообразные приёмы. В фойе кинотеатра «Аквариум» в Красноярске стояло электрическое пианино, во время антракта филёр играл музыкальные композиции для публики.⁸

С возникшим потоком картин разного жанра и уровня возник вопрос о нравственной стороне их содержания. Местные власти стремились отслеживать репертуар кинематографа и театра. В 1913 г. на заседании Красноярской городской управы рассматривался вопрос о работе частных кинематографов. Гласные управы считали, что «частные кинематографы преследуют исключительно материальные выгоды, не брезгают никакими средствами для привлечения публики. Большая часть картин действует на нервы, вызывает низменные страсти и нередко циничного содержания. Более половины зрителей иллюзиона – дети и подростки, легко воспринимающие и хорошее, и дурное. Такие картины развращают неокрепшую детскую психику, в то время как владельцы кинематографов получают огромный доход при малых затратах».⁹ Член городской думы П.С. Троицкий по этому поводу привёл пример: «Часто юные преступники, совершив кражу или другое преступное деяние, отвечали, что видели в кинематографе и сделали так». Вероятно, что такие фильмы, как «Сашка – семинарист» и «Сонька – золотая ручка», содержавшие кодексы воровских приёмов, подростки воспринимали, как рекомендацию, им хотелось повторить «подвиги» героев фильмов. Городская управа предлагала городской думе обсудить вопрос об открытии в Красноярске городского кинематографа и при возможности закрыть частные. Предполагалось, что средства от кинематографа будут поступать в городскую казну. Предложенные в кинематографе картины научного, патриотического и воспитательного содержания способствовали бы нравственному подъёму среди жителей. Члены государственной думы также решали вопросы о посещении кинематографа учащимися и ограничении числа лиц, содержащих кинематографы. В итоге они решили, что город может оказывать влияние на кинематограф, но вряд ли сможет монополизировать сферу развлечения горожан. Также местные власти обратили внимание на ре-

пертуар театра. Театральные постановки были рассчитаны на вкус обывателя, когда серьёзная пьеса заменялась миниатюрой или игривым фарсом. Гласный городской думы В.М. Крутовский выразил собственное мнение по этому поводу: «Очень часто на афишах указывается: «Учащимся вход не разрешается». Понятно, что в театре ставятся пошлые вещи, допустимые только в кафе-шантанах для пьяной публики. Такие постановки приносят вред, а не пользу обществу». В итоге городская дума постановила ставить в театре постановки, учитывая, что на них будут присутствовать учащиеся.¹⁰ Интересно, как сама публика реагировала на просмотр кинокартин низкого уровня. Например, в Красноярске в саду общественного собрания на вечернем сеансе на экране фигурировали обнажённые женщины в самых «наициничнейших позах». При этом, как отмечал свидетель, зрители нисколько не смущались, они с удовольствием смаковали увиденное зрелище.¹¹

Меры местных властей оказали некоторое воздействие. В 1914 г. в городском театре с 7 по 8 апреля электротheater «Гигант» с 2 до 5 часов дня проводил специальные детские сеансы. Детям показывали картины с научно-популярной тематикой, путешествия, сказки и т.д. В следующие два дня театр представлял спектакли для детей. После спектаклей проводились танцевальные вечера.¹² В 1916 г. Совет Общества попечения о начальном образовании в Красноярске подготовил проект по организации в Красноярске в доме Просвещения культурно-просветительского или разумного кинематографа. Предполагалось, что «данное предприятие не будет носить коммерческий характер. Разумный кинематограф должен вести борьбу с уличным коммерческим кинематографом, который развращает широкие круги взрослых и детей, показывая кровавые драмы и дешёвый доморощенный юмор. В новом кинематографе аудитория получит высоко-эстетическое наслаждение, прекрасные образы художественной литературы, драматической игры, здоровый юмор, картины природы и жизни. Кинематограф будет служить целям преподавания истории, географии, литературы, естествознания и сопровождаться соответствующими лекциями. Обыватели получают здоровую пищу и разумное развлечение равно и сохраняют в кармане лишние полтинники».¹³

В Минусинске многие горожане говорили о развращающем действии кинематографа на учащихся. Житель Минусинска отвечал недовольным: «Куда пойти гимназистке или реалисту, если нет ни театра, ни концертов, ни специальных вечеров. Остаётся одно – идти гулять на Михайловскую улицу или «смотреть картинки». К тому же из-за ложного ригоризма почему-то девушкам запрещены танцы.¹⁴ В интересах подрастающего поколения в городах нередко запрещалось посещать киносеансы учащимся.

Таким образом, в системе развлечений повседневной жизни жителей приенисейских городов нач. XX в., кинематограф стал играть заметную роль. О необычайной популярности кинематографа в жизни обывателей свидетельствуют полные залы электротheaterов. Местная общественность делала попытки следить за моральным содержанием кинолент, предложенных публике. Итогом стали проводимые городскими властями меры по предотвращению показа публике картин безнравственного характера.

2011

Примечания:

¹ Енисей. 1897. 12 марта.

² Там же. 1898. 15 июля.

³ Красноярск. 1908. 15 октября.

⁴ Енисейские губернские ведомости. 1910. № 177.

⁵ Царёв В.И., Гринберг Ю.И. Ачинск. Градостроительная история. - Красноярск, 1992.

⁶ Сибирская мысль. 1911. 4 ноября.

⁷ Енисейские губернские ведомости. 1910. № 177.

⁸ Красноярский вестник. 1910. 31 января.

⁹ ГАКК. Ф.161. Оп.1. Д.159. Л.75.

¹⁰ Там же, Л.75об. Л.104.

¹¹ Паршукова Н.П. «Женская тема» в газетной периодике в начале XX в. // Женщины в Сибири в XIX-XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли. - Барнаул, 2008. С.171.

¹² Енисейская мысль. 1914. 4 апреля.

¹³ Сибирская школа. 1916. № 8. С.84.

¹⁴ Минусинский вестник. 1916. 29 октября.

Е.В. Леонтьев,

г. Минусинск

О наборе рекрутов на юге Красноярского уезда по сведениям ревизских сказок 1816 г.

Исторически Русское государство строилось за счёт привлечения им к выполнению своих функций мирских, общественных структур. Обычно это происходило в форме казённых повинностей, порядок несения которых предусматривал известную автономию, самостоятельность «мира» перед лицом не слишком многочисленной ещё бюрократии.¹ В имперский период одним из аспектов такого «сотрудничества» власти и общества являлась система комплектования армии и лежавшая в её основе мобилизация рекрутов. В литературе рекрутская повинность преимущественно рассматривалась с точки зрения регламентировавших её указов правительства (нормы, очерёдность, порядок наборов и т.д.) в общем контексте политики государства. Задачей настоящего исследования является анализ непосредственного влияния рекрутчины на демографию крестьянского общества. Мы попытались решить её на примере Минусинской волости Красноярского уезда по материалам ревизских сказок 1816 г. Информация этого источника охватывает период 1812 – 1815 гг., и даёт возможность представить исследуемый вопрос в чрезвычайных для России условиях войны с наполеоновской Францией.

Всего в изученных материалах содержатся записи о 62 крестьянах, ставших рекрутами в данный период. Указанное их количество составляет около 9% от числа учтённых ревизией душ мужского пола в возрасте от 15 до 39 лет.² За вычетом больных и увечных, мобилизация коснулась фактически каждого десятого пригодного к службе крестьянина. Для сравнения количество умерших крестьян того же возраста на территории волости в 1812-1815 гг. было в 2,5 раза меньше. Распределение относительного числа рекрутов по деревням (речь идет о приписном составе жителей) варьировало в пределах от 0 до 30 % к численности мужчин соответствующего возраста.³ Всего, согласно подсчётам, рекрутская повинность забрала до половины естественного прироста мужского населения волости.

Наборы рекрутов в данный период проходили ежегодно, но основной набор произошёл в 1814 г., когда в армию отправились сразу 28 человек. Для сравнения в 1795 г. Минусинской земской избе было приказано поставить трёх «новиков» с 1448 приписанных к ней ревизских душ.⁴ По ревизии 1816 г. в волости насчитывалось 1610 душ крестьян.⁵

Среди новобранцев преобладали молодые неженатые люди в возрасте от 20 до 24 лет (27 чел. – 43,55 %). Однако была значительной и доля лиц более зрелого возраста (16 чел. – от 25 до 29 лет, 6 – 30-34 и один старше 34 лет). Последние, как правило, имели уже собственные семьи. Поэтому количество женатых среди рекрутов достигало 37,70%.⁶

Ввиду участия общества в выборе кандидатов в рекруты,⁷ вероятность встать под ружьё для крестьянина нередко определялась его принадлежностью к тому или иному родственному коллективу. Подсчёты показывают, что представители 10-и наиболее крупных и влиятельных кланов волости (Серёткины, Солдатовы, Ермолаевы, Широковы, Полежаевы, Горевы, Гурковы, Вохмины, Зыряновы, Байкаловы) поставляли рекрутов из своей среды в полтора раза реже, чем другие их однообщественники (соответственно около 7 и 11% от числа р.д. 15 – 39 лет).⁸

Распределение рекрутов с точки зрения типологии домохозяйств, из которых они были взя-

ты по состоянию на момент ревизии 1816 г., показывает, что во дворах, населённых одной супружеской парой и (иногда) другими неженатыми родственниками (малый и расширенный тип), одного рекрута в среднем поставляли 11 – 12 хозяйств; среди многосемейных дворов – две и более супружеские пары, включая неполные, – аналогичный показатель равнялся пяти.¹⁰ Т.е. мобилизации в первую очередь подлежали мужчины из более крупных и обеспеченных рабочей силой домохозяйств. Особенно велика была вероятность попасть в набор в семьях, состоявших из нескольких взрослых братьев независимо от их состояния в браке. Четыре крестьянские семьи поставили в этот период по два рекрута.

Несмотря на огромное расстояние и отсутствие коммуникаций, отделявшие Сибирь от Европейской России, местное общество вынуждено было принять на себя известную часть бремени, связанного с военными событиями 1812-1815 гг. Полученные данные позволяют говорить о значительной (сверх обычного уровня) тягости рекрутских наборов здесь в этот период. И хотя размеры их, даже в относительном выражении, несравнимы с военными мобилизациями следующего XX в., рекрутчина несомненно отражалась на динамике податного населения.

Пример минусинских крестьян показывает, что непосредственная раскладка повинности в обществе осуществлялась под влиянием двух противоборствующих начал, семейно-кланового и общинного. В одном случае перед нами стремление защититься от участия в мобилизации представителей своего рода, в другом – желание разверстать тягло «по божецки» среди обитателей более людных дворов.

2011

Примечания:

¹ См. Александров В.А. Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

² Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 425.

³ Подсчитано по тем же данным.

⁴ Ватин В.А. Село Минусинское. Минусинск, 1914.

⁵ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 425.

⁶ Подсчитано по тем же данным.

⁷ Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII в. Барнаул, 1997. С. 100.

⁸ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 425.

⁹ По классификации П. Ласлета.

¹⁰ Подсчитано по населённым пунктам волости: сёла Минусинское, Шушенское, деревни Потрошилова, Кавказская, Лугавская, Казанцева, Каптырева.

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Село Минусинское по материалам исповедных росписей и ревизских сказок 1812 г.

В 1823 г. после проведения административной реформы М.М. Сперанского село Минусинское получило статус окружного города. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы податных ревизий и исповедных росписей прихода Минусинской Спасской церкви 1812–1834 гг. дают возможность детально описать динамику населения Минусинска в этот переходный период, увидеть происходившие в его составе изменения, определить непосредственные источники формирования.

Изучение демографии локальных крестьянских сообществ «достатистического» периода неизменно требует особого внимания к качеству используемой информации.¹ Требование это становится тем более актуальным, когда речь идёт об анализе микропопуляции, ограниченной размерами одного населённого пункта или церковной общины. В представлении разных источников демографические характеристики (численность, возрастные показатели, структура семьи и др.) таких совокупностей населения обычно расходятся, а каждая неучтённая погрешность, ввиду малой выборки, способна существенно отразиться на результатах обработки. Поэтому определение

параметров изучаемого объекта осуществляется здесь в основном путём реконструкции на базе различных по своему происхождению взаимопересекающихся сведений.²

Прибегнув к поголовному числению жителей, указанных в материалах ревизии и исповедной росписи 1812 г. мы постарались, рассмотреть персональный состав населения с. Минусинского нач. XIX в. Чтобы облегчить идентификацию жителей в аналогичных документах последующих лет, в формирующуюся базу данных включались только ревизские души мужского пола. Для проверки и уточнения полученных сведений использовались материалы ревизий и церковных росписей 1820, 1834 и 1850 гг., а также волостные списки домохозяйств села за 1805 – 1812 гг.

До сер. XIX в. в России ревизские сказки и исповедные росписи являлись главными источниками демографической информации. Создаваясь разными ведомствами, они охватывали неидентичные совокупности населения, в связи, с чем сообщаемые ими сведения различались и в целом по стране, и, тем более, по отдельным районам и населённым пунктам.³

Ревизские сказки представляли собой реестры семей налогоплательщиков, приписанных к тому или иному податному обществу. Места приписки и действительного жительства указанных в них людей часто не совпадали.⁴ Поэтому подлежащая обложению ревизская община села или города была отнюдь не тождественна (порой даже приблизительно) наличному составу жителей.

По этому поводу в донесении советника Главного Управления Восточной Сибири Стадлера от 14 апреля 1850 г. сказано: «В здешнем (Минусинском – прим. авт.) округе многие крестьяне живут с весьма давних пор не в тех деревнях, где причислены, но в других селениях, в которых имеют дома и полное крестьянское хозяйство... Во многих случаях переселялись в чужие деревни и заимки деды или отцы нынешних крестьян, которые, родившись уже в новых местах жительства, считают себя в них старожилами».⁵

Учитывая складывающуюся ситуацию, чины волостного правления (мещанские старосты в городах) фиксировали иногда в формулярах ревизских сказок действительные места проживания указанных в них семей. Эту информацию они сохраняли в виде кратких черновых примечаний, не предусмотренных формой документа, очевидно, в основном для собственного использования. По с. Минусинскому и г. Минусинску подобного рода записи содержатся в материалах ревизий 1816 и 1834 гг.

Исповедные ведомости, составлявшиеся главами церковных общин, регистрировали всё православное население прихода, независимо от места приписки и податного состояния. В нач. XIX в. приход Минусинской Спасской церкви включал в себя кроме самого села ещё шесть деревень: Потрошилову, Маломинусинскую, Усть-Лугазскую (Лугавскую), Каменку (Каменскую), Кривую и Майдашинскую.⁶ Последние две не учитывались в это время составителями ревизий, поскольку их жители регистрировались в обществе крестьян с. Минусинского. Главным недостатком церковного учёта являлось то, что священники не полностью отмечали в своих приходах изменения, связанные с миграцией. Т. е. они показывали, прежде всего, постоянный, сложившийся состав общины, пропуская людей временных, «шатающихся по разным местам» в поисках заработка. Кроме этого, в делах церкви чаще, чем в материалах ревизий, оказывались неучтёнными дети до семи лет, которые не должны были исповедоваться.⁷

Сравнение списков семей минусинских крестьян по материалам ревизии и исповедной росписи прихожан Спасской церкви за 1812 г.⁸ дало следующие результаты:

1. Были обнаружены всего 56 семей и 189 душ мужского пола, учтённых в обоих данных источниках. Ещё 12 чел. из состава этих семей были показаны отдельно в церковной росписи, и 9 чел. – в материалах ревизий. Среди первых были т.н. *примаки* – зятья с детьми, принятые в семьи родителей своих жён (Оловянниковы Герасим и Пётр, Черных Кузьма и Филипп, Обмароковы Ефим и Митрофан), подворники – посторонние люди, жившие во дворах крестьян (Горбатов Андрей, Белянин Елизар, Елисеев Афанасий, Сизых Тихон и Иван), и один пасынок – Широков

Фёдор. Пропущенными в росписи, но записанными в ревизских сказках, оказались шесть детей (пятерым из них на момент ревизии 1812 г. было до года включительно, и одному – шесть лет), 15-летний подросток – Иван Скобелин и двое крестьян зрелого возраста – Трифон и Марко Скобелины, один из которых являлся отцом, а другой дядей мальчика. В 1814 г. Иван и Марко Скобелины были взяты в рекруты, а Трифон записан ревизией 1816 г. в семье своего брата Ерофея.

2. Девять крестьянских семей – 26 р.д., встречающиеся в исповедной ведомости прихода, отсутствуют в составе ревизской общины. Факт проживания их в селе подтверждается церковной росписью жителей за 1820 г.⁹ В 1834 г. две таких семьи, – Земскова Петра Никитина и Рычкова Леонтия Фёдоровна появляются в ревизской сказке зачисленными в 1830 г. в мещане г. Минусинска из крестьян Курагинской волости.¹⁰ Ещё одна, – Бугаевых Леонтия и Василия Панфиловых фиксируется исповедной росписью среди крестьян города.¹¹ Остальные шесть, очевидно, выбыли к тому времени из Минусинска, поскольку информация о них далее отсутствует.

3. 52 крестьянские семьи (142 р.д.), учтённые составителями ревизии, не попали на страницы церковной росписи жителей села. Большинство этих людей – 42 семьи и 117 р.д., – как показала следующая перепись 1816 г., регистрировались здесь лишь для платежа подати, имея усадьбы в других населённых пунктах Минусинской и Курагинской волостей Красноярского уезда.¹² Часть из них селились неподалёку в деревнях, относившихся к приходу Минусинской Спасской церкви. Там церковная ведомость зафиксировала 23 из 24-х названных ревизией семей минусинских крестьян, подтверждая, таким образом, достоверность ревизских сведений. Однако 10 семей (34 р.д.) в самом селе были, вероятно, служителями прихода недоучтены. Три из них, Тропина Евдокима, Вакулина Аники и Петухова Егора пресеклись в последующие годы, ввиду смерти или взятия в рекруты мужчин. Остальные (Ульянова Василия, Чуева Афанасия, Чуева Петра, Ульянова Степана, Бугаева Архипа, Гусева Корнилы и Тихонова Василия) перешли к 1834 г. в мещане г. Минусинска. Среди них пять семей встречались в это время уже и в делах церковной общины.¹³

Две крестьянских семьи из поселенцев встречаются в рассматриваемых источниках под разными фамилиями. Главой одной из них являлся Зеленцов Ефим Иванов, показанный в ревизию как «причисленный из поселенцев в подушный оклад» Иванов Ефим. Другой была семья Степана Агафонова, отмеченного в исповедной росписи на подворье у Зеленцовых под фамилией Солунова. В литературе известны случаи, когда в результате ссылки бывшие помещичьи крестьяне утрачивали свои прежние фамильные прозвища и начинали именоваться на новом месте по отчествам: Ивановы, Петровы, Васильевы и т.д.¹⁴

**Данные о количестве крестьян села Минусинского из материалов податной ревизии
и исповедной росписи Минусинской Спасской церкви за 1812 г.**

Таблица 1

Количество семей и ревизских душ крестьян				
	Учтённых в исповедной росписи и материалах ревизии	Только в исповедной росписи	Только в ревизских сказках	
			Имевших жительство в селе*	В других населённых пунктах*
Семей	56	9	10	42
Ревизских душ	189	38	34	117

* согласно примечаниям в материалах ревизии 1816 г.

Сведённые в таблице итоги анализа показывают, что 14,56% минусинских крестьян жили в селе без приписки к здешнему обществу; среди тех же, кто, согласно ревизии фигурировал в его составе 34,41%, наоборот, не являлись жителями села. Аналогичная ситуация в этот период была характерна и для ряда других населённых пунктов Минусинской волости. Так, например, в

деревнях Потрошиловой и Маломинусинской в 1812 г. доля неприписанных крестьян достигала соответственно 30,08 и 53,85% от наличного числа, а процент отсутствующих по месту приписки – 21,85 и 44,44.

Всего население с. Минусинского включало 261 ревизскую душу крестьян мужского пола. Среди них нами были учтены все показанные в селе прихожане Минусинской церкви, а также пропущенные исповедной росписью члены ревизской общины, чьё жительство подтверждается в примечаниях к ревизской сказке 1816 г.

Сравнение персонального состава этих крестьян с составленным волостным правлением списком домохозяйств с. Минусинского, имевших посеы зерновых культур в 1810-1812 гг.,¹⁶ свидетельствует, что данный документ охватывает 78,93% полученной популяции жителей. При этом список не содержит семей, которые бы не встречались в её составе. Отсутствуют среди земледельцев в основном крестьяне, указанные в 1812 г. лишь в одном из рассмотренных нами источников, ревизской сказке или исповедной росписи. Так, среди неприписанных к селу домохозяев владельцами хлебных пашен показаны 21,62% р.д., в группе неучтённых церковной общиной – 16,67%, из числа зафиксированных ревизией и церковью – 89,50%.¹⁷

Кроме крестьян, жителями села в рассматриваемый период являлись также священнослужители, мещане Красноярского городского магистрата и ссыльные. О лицах духовного звания и находившихся в селе иногородних мещанах информацию в основном содержат исповедные росписи Спасской церкви. В ревизских сказках села сведений о них нет, поскольку первые принадлежали к неподатным слоям населения, а вторые регистрировались как плательщики подати администрацией г. Красноярска, где были формально приписаны.

О водворённых в Минусинском ссыльнопоселенцах свидетельствуют ведомости волостного правления за 1811–1812 гг. Всего в это время здесь находились на поселении восемь чел., четверо из которых, упомянутые уже Зеленцов Ефим и Солунов Степан, а также Фирсов Пётр и Осипов Пётр были записаны по последней ревизии в крестьяне; прочие же Никифоров Родион, Дублер Иоганн, Кондратьев Ефим и Орешников Осип не имели собственных дворовых хозяйств, а жили, работая по найму, у хозяев.¹⁸

Население села Минусинского. 1812 г.¹⁹

Таблица 2

	Священнослужители	Мещане	Крестьяне	Ссыльнопоселенцы
Количество р.д.	8	7	261	3

Общая численность жителей с. Минусинского составляла, таким образом, в 1812 г. 279 р.д.; 93,55% среди них были крестьянами. В 1804 и 1809 гг. волостное правление насчитывало в селе соответственно 315 и 320 душ.²⁰ Однако, эти цифры основываются на сведениях не о наличной, а о приписной согласно ревизии 1795 г. численности крестьян, и потому являются завышенными.

Данные о персональном составе рассматриваемой популяции позволяют реконструировать не только её размеры, но и внутреннюю структуру, источники формирования и роста в кон. XVIII – нач. XIX в. Для этого у нас есть возможность разделить население минусинских крестьян на однородные группы семей с точки зрения обстоятельств и времени появления в Минусинске. Источниками такой группировки являются материалы ревизии 1812 г. и приведённые В.А. Ватиным сведения из книги подушного сбора Минусинской земской избы за 1796 г.²¹

Среди крестьян с. Минусинского, записанных в подушных оклад, составители книги 1796 г. различали пять категорий жителей: крестьяне государственные, «экономические», «приписные», «приписные Усть-Уксунайской слободы» и «приписные ссыльные Ирбинского завода».²² Первую образовывали в основном переселенцы из Надпорожной Спасской слободы Красноярского уезда, «вселившиеся для хлебопашества» в деревню Минусинскую в сер. 1770-х гг. О размерах

этого переселения свидетельствует тот факт, что вскоре после него незначительная в период посещения П.С. Палласом в 1772 г.²³ деревушка стала являться центром вновь созданной церковной общины.

«Экономическими» во втор. пол. XVIII в. назывались бывшие владельческие крестьяне, принадлежавшие до 1764 г. монастырям. Накануне секуляризации церковных владений в Приенисейском крае было шесть монашеских обителей, три из которых – Красноярский Введенский, Лосиноборский Спасо-Преображенский и Кашиношиверский Спасский монастыри (все в Красноярском уезде) – в результате этой реформы закрылись.²⁴ Оказавшиеся в Минусинской волости крестьяне, вероятно, принадлежали одному из них.

Остальные категории жителей состояли из лиц, непосредственно участвовавших в обслуживании горных заводов на юге Сибири. Некоторые из них являлись старожилами села, само появление которого в кон. 1730-х гг. связывают с началом разработки рудных месторождений в регионе.²⁵ В 1771 г. после приостановки расположенного здесь Ирбинского завода приписанные к нему крестьяне перешли по решению Колывано-Воскресенской администрации на Алтай. Впоследствии часть из них смогли вернуться обратно, и попали в материалы ревизии 1795 г. как «приписные из Усть-Уксунайской слободы» (Уксунай – река на Алтае, где были поселены переведённые крестьяне – прим. авт.).²⁶

Во втор. пол. 1770-х гг. Ирбинский завод вновь возобновил свою работу, вызвав дополнительную переброску на юг поселщиков с Московского тракта.²⁷ К 1796 г. большинство вновь прибывших считались уже крестьянами, но некоторые продолжали ещё, видимо, учитываться как «ссылные завода».

При проведении ревизии 1812 г. приписные крестьяне села были отнесены к числу «государственных». Одновременно в составе минусинской общины выделились две новые категории домохозяев, – «приписанные из мещан» и «причисленные из поселенцев в подушный оклад». Первую составили жившие в самом селе и его окрестностях мещане Красноярского городского магистрата, перешедшие в 1802 г. в крестьянское сословие. Этому предшествовало распоряжение администрации Тобольской губернии о том, чтобы все числившиеся по мещанскому окладу граждане имели жительство непременно в городах. Нежелающие выезжать из деревень мещане были принуждены под угрозой высылки записываться в крестьяне. В Минусинской волости тогда, таким образом, перечислились 159 р.д.²⁸ Довести начатое предприятие до конца начальству, однако, не удалось. В 1805 г. Сенат уважил многочисленные просьбы красноярских мещан и указал оставить их «на настоящих жилищах, в том состоянии, в котором они находятся, разве бы сами некоторые из них в город переехать пожелали...».²⁹ В 1811 г., согласно В.А. Ватину, почти ¾ членов городской общины Красноярска продолжали по-прежнему жить в уезде.³⁰ Несколько мещанских семей оставались и в с. Минусинском.

Крестьянами, «причисленными из поселенцев» являлись недавние ссылные, обосновавшиеся в селе и его окрестностях в период между пятой и шестой ревизиями 1795 и 1812 гг.

В следующей таблице в составе рассматриваемой популяции показаны также и те, кто являлся жителем села без официального причисления к местной общине. Бывшие «приписные» и «приписные из Усть-Уксунайской слободы» подсчитаны вместе в графе «государственные заводские».

Социальная структура крестьян села Минусинского. 1812 г.³¹

Таблица 3.

Социальные группы крестьян	Наличный состав жителей		Ревизская община	
	Абс. число р.д.	%	Абс. число р.д.	%
Государственные	120	45,98	146	42,94
Государственные заводские	70	26,82	81	23,82

Приписные ссыльные Ирбинского завода	2	0,77	33	9,71
Экономические	11	4,21	13	3,82
Приписанные из мещан	16	6,13	62	18,24
Причисленные из поселенцев	4	1,53	5	1,47
Неприписанные к селу	38	14,56	–	–
Всего:	261	100,00	340	100,00

Подсчёты показывают, что к 1812 г. население с. Минусинского преимущественно составляли бывшие новосёлы, не заводские казённые крестьяне, начавшие распахивать окрестные земли в 70-90-е гг. прошлого века. Связанные с предыдущей историей села заводские крестьяне представляли не более 1/3 популяции, причём, старожилами в их числе можно уверенно считать только «кусунайских приписных», насчитывавших всего 50 душ.

Обращает на себя внимание то, что в разных группах домохозяев количество лиц, приписанных к ревизской общине села, но живших в других населённых пунктах уезда, было не одинаковым. Более всего в данном случае выделяются «приписные ссыльные Ирбинского завода» и недавние мещане, фигурировавшие среди минусинских крестьян, главным образом, только как плательщики подати. «Приписные ссыльные» имели жительство в основном в селениях, расположенных по Тубе, недалеко от завода или в самом заводском посёлке. «Причисленные из мещан» селились вблизи волостного центра – в деревнях Кривой, Маломинусинской и Усть-Лугазской, где их насчитывалось 41 р.д. Всего же, в этот период учтённые ревизией минусинские крестьяне являлись жителями 15-ти населённых пунктов, разбросанных от Верховий Тубы до южных предгорий Западного Саяна.

Расселение крестьян, приписанных к селу Минусинскому. 1812 г.³²

Таблица 4.

Минусинская волость		Курагинская волость	
Населённый пункт	Число ревизских душ	Населённый пункт	Число ревизских душ
Минусинское*	223	Ирбинский завод	8
Маломинусинская	27	Курагинское	6
Потрошилова	18	Берёзовская	5
Кривая	15	Кочергина	2
Майдаши	5	Неизв.	2
Лугавская	2		
Кавказская	1		
Жеблахты	11		
Каптырева	8	Всего:	23
Чихачёва	2		
Бейская	5		
Всего:	317		

* Выделены названия населённых мест, относившихся к приходу Минусинской Спасской церкви.

Население самого села тем временем увеличивалось более за счёт лиц, оседавших в нём без приписки, нежели благодаря официальному причислению новых домохозяйств. Судить о динамике этого процесса, впрочем, весьма затруднительно. На момент ревизии 1795 г. мы располагаем данными, касающимися только официально-податного (приписного) состава минусинской общины. При этом нет сведений о фактическом расселении составлявших её крестьян. Тем не менее, сравнение этих данных с материалами переписи 1812 г. даёт некоторые результаты. Оно свидетельствует, в частности, что на рубеже XVIII – XIX в. минусинская податная община, наоборот, росла, главным образом, (54,33% всего прироста) благодаря записи в неё новых членов. Приблизительно на 9/10 пополнение составляли выходцы из мещан и на 10% – взятые в подушный оклад поселенцы. Значение естественного прироста являлось в этом процессе менее существенным, хотя сама его величина, – ежегодно в среднем 2,13%, – была довольно высокой. Согласно под-

счётам А.Д. Колесникова, равную интенсивность естественного прироста в кон. XVIII в. демонстрировало население вновь осваиваемых лесостепных районов Западной Сибири.³³

Источники прироста – убыли крестьян села Минусинского в 1795 – 1812 гг.³⁴ *Таблица № 5.*

	Численность душ мужского пола по ревизиям		Пополнение – убыль в 1795-1812 гг. (число р.д.)		
	1795 г.	1812 г.	умерших	рекрутов	вновь рождённых
Государственные и Экономические	118	157	21	9	69
Заводские	62	81	11	6	36
Ирбинские приписные	33	33	7	4	11
Всего:	213	271	39	19	116

У государственных и бывших заводских крестьян количество вновь рождённых, внесённых в ревизию 1812 г., втрое превышало число тех, кто был исключён при её проведении из ревизских сказок ввиду смерти в предыдущий период. Рекрутская повинность забрала примерно 20% этой разницы. В худшем положении находились «ирбинские ссыльно-приписные». Они, как видно из таблицы, имели более высокий уровень смертности, чаще попадали в рекруты, и главное - оставляли меньше жизнеспособного потомства, поэтому величина их прироста была в несколько раз ниже, чем у остальных крестьян (0,71 и 2,39% в год).³⁵

В отличие от многих других населённых пунктов волости, с. Минусинское в нач. XIX в. имело весьма разнородное в фамильно-родственном отношении население. Всего в нём были представлены 53 фамильные группы, лидировали среди которых по численности Широковы (41 р.д.), Солдатовы (21 р.д.), Ульяновы (20 р.д.), Токаревы (19 р.д.), Чуевы (16 р.д.), Поповы (12 р.д.), Узунны (11 р.д.), Баховы (11 р.д.). В общем итоге на их долю приходилось 53,93% жителей села.³⁶

Род Широковых состоял из 11-и семей и 80-и душ обоего пола. Основателями рода являлись братья Степан и Герасим Евдокимовы. К моменту ревизии 1795 г. первый из них уже умер, второму было 77 лет. Согласно следующей ревизии 1812 г. потомками Герасима Широкова по мужской линии являлись пять сыновей, 13 внуков и семь правнуков. Трое из сыновей Герасима, Терентий, Гаврила и Лука принадлежали к среде наиболее зажиточных хозяев села. В 1805 г. у старшего из них Терентия насчитывалось 410 голов скота, у двух других соответственно 195 и 165 голов.³⁷ От Степана Евдокимова Широкова оставались в живых двое сыновей, пять внуков и восемь правнуков. Все приписанные к минусинской общине Широковы имели усадьбы в самом селе.

Следующий по численности род Солдатовых насчитывал пять семей и 41 чел. обоего пола. Прародителем их являлся Солдатов Ефтей Иванов 79-и лет, у которого в это время было четыре сына, 10 внуков и шесть правнуков. Сам Ефтей Иванов и его сыновья Иван большой, Яков и Сергей тоже принадлежали к зажиточным «верхам» минусинского общества и селились компактной группой непосредственно в селе.

Широковы, Солдатовы, Узунны, Баховы образовывали вместе ядро минусинских крестьян, выделенных нами в графе «государственные и экономические». Ульяновы представляли категорию заводских землепашцев. В основе их клана находились три брата Тимофей, Степан и Матвей Парфёновы, а также не связанные с ними прямым родством Василий Петров и Афанасий Иванов. Семья последнего селилась в «неревизской» деревне Майдаши, которая ещё при П. Паллаसे, имела и другое название – Ульянова.³⁸

Примечательна среди заводских крестьян группа «приписных из Усть-Уксунайской слободы», которую составляли потомки людей, вернувшиеся в село после перевода их к Томскому заводу на Алтай. Как старожилы они, вероятно, продолжали родословную линию первых *посельщиков* деревни Минусинской с момента её основания. В составе данной группы источники указывают фамилии Войновых (4 р.д.), Казаркиных (1 р.д.), Пойловых (6 р.д.), Поповых (12 р.д.), Просвир-

ниных (6 р.д.) и Чуевых (16 р.д.), – всего 15 семей.³⁹ Самой богатой из них являлась семья Провирнина Степана, в хозяйстве которого насчитывалось 270 голов скота и 10,5 дес. засеянной пашни. В целом же экономические показатели крестьян заводского ведомства были хуже, чем у крестьян государственных. По сведениям волостного правления среднее поголовье скота насчитывало у них в 1805 г. соответственно 55 и 89 голов, а количество посевов зерновых культур в 1810 г. – 4,96 и 5,95 дес.⁴⁰

Фамилию Токаревых носили в Минусинске представители разных сословий, мещане, священнослужители, перечисленные из мещан крестьяне. Некоторые из них находились в прямом родстве, как братья Михаил, Василий и Павел Ивановы Токаревы; Михаил и Василий служили при минусинском храме, один дьяконом, другой – пономарём, а Павел был перечислен в 1802 г. из мещанства в крестьянский оклад. Сын Михаила Пётр являлся священником и главой местной церковной общины.⁴¹ Из мещан происходили ещё две достаточно крупных минусинских фамилии, Гурковы (восемь семей и 30 р.д.) и Назаровы (четыре семьи и 13 р.д.). Но они в это время не являлись жителями села, имея *домообзаводство* в других населённых пунктах волости.

Непричисленные к минусинскому обществу жители, – Мальцевы, Рычковы, Земсковы, Обмароковы и др. встречались здесь в основном отдельными семьями. Иногда они занимали собственные усадьбы, иногда жили на подворье других крестьян в качестве подворников или примаков.

Таким образом, результаты проведённого анализа дают возможность достаточно подробно судить о социальной структуре и динамике формирования рассматриваемой микропопуляции на рубеже XVIII – XIX в. Полученная база данных послужит надёжной основой для последующего завершения начатого исследования.

2011

Примечания:

¹ Миненко Н.А. Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма// «Вопросы истории», 1984. № 7. С. 119.

² Носевич В.Л. Демографические показатели белорусского крестьянства во втор. пол. XVIII – пер. пол. XIX в.// <http://new.hist.asu.ru>

³ Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России. // <http://bmironov.spb.ru>

⁴ Эллерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера и проблема точности ревизской статистики// «История СССР», 1989. № 6. С. 33.

⁵ Ватин В.А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1916. С. 31.

⁶ В исповедных росписях Минусинского Спасского прихода 1820 – 1834 гг. она обычно встречается под названием Усть-Абаканская, а в ревизских сказках 1812 и 1816 гг. – Майдаши. У П.С. Палласа в 1772 г. д. Майдаши из трёх дворов в 10-и верстах от Минусинска именуется ещё и как Ульянова. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. С. 148.

⁷ Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет ...

⁸ Архив г. Минусинска. Ф. 12. О. Д. 1, Ф. 34. О. 1. Д. 369, 425.

⁹ Архив г. Минусинска. Ф. 17. О. 1. Д. 7. Л. 45 – 52.

¹⁰ Архив г. Минусинска. Ф. 15. О. 1. Д. 12. ЛЛ. 57 (об.) – 58, 58 (об.) – 59.

¹¹ Архив г. Минусинска. Ф. 17. О. 1. Д. 11. Л. 184 – 184 (об.)

¹² Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. Д. 425. ЛЛ. 166 (об.) – 201 (об.).

¹³ Правда, в 1820 г. Василий Тихонов и Ульянов Степан с домочадцами учитывались в приходе жителями д. Усть-Абаканской. В 1834 г. исповедная роспись отметила в том же селении младших сыновей Степана Ульянова, Никифора, Ивана и Михея, тогда как старшие – Прохор и Ларион были показаны жителями Минусинска и д. Каменской. Архив г. Минусинска. Ф. 17. О. 1. Д. 7. Л. 61; Д. 11. ЛЛ. 180 (об.), 183, 184.

¹⁴ Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX вв.): Историко-этнографические очерки. Омск, 2002. С. 79.

¹⁵ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска Ф. 12. О. 1. Д. 1 ЛЛ. 2 – 12 (об.), Ф. 34. О. 1. Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.), Д. 425. ЛЛ. 166 (об.) – 201 (об.).

¹⁶ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1 Д. 346. ЛЛ. 5 – 6, 16 – 17.

¹⁷ Подсчитано по тем же данным.

¹⁸ Там же. Д. 347. ЛЛ. 38, 51.

¹⁹ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска Ф. 12. О. 1. Д. 1 ЛЛ. 2 – 12 (об.), Ф. 34. О. 1. Д. 347. ЛЛ. 38, 51., Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.).

²⁰ Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 123. Л. 8 (об.), Д. 267. Л. 2 (об.).

²¹ Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. ЛЛ. 29 – 32.

²² Там же. С. 29.

²³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина первая. СПб., 1788. С. 555.

²⁴ Дулов А.В. Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVIII – нач. XX в.// www.bg-znanie.ru

²⁵ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 84.

- ²⁶ Ватин В.А. Село Минусинское... С. 18.
²⁷ Быконя Г.Ф. Заселение русскими ... С. 95.
²⁸ Ватин В.А. Село Минусинское... С. 145.
²⁹ Архив г. Минусинска. Ф.34. Оп. 1. Д. 70. Л. 25 – 25 (об.).
³⁰ Ватин В.А. Село Минусинское... С. 146.
³¹ Подсчитано по данным: Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. С. 29 – 32. Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1 Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.).
³² Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска Ф. 34. О. 1. Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.). Д. 425. ЛЛ. 166 (об.) - 201 (об.).
³³ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII - нач. XIX вв. Омск, 1973. С. 336.
³⁴ Подсчитано по данным: Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914. С. 29 – 32. Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1 Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.).
³⁵ Подсчитано по данным: Ватин В.А. Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914 г. С. 29 – 32. Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.).
³⁶ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 12. О. 1. Д. 1. ЛЛ. 2 - 12 (об.); Ф. 34. О. 1. Д. 369. ЛЛ. 7 – 16 (об.); Д. 425.
³⁷ Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 151. ЛЛ. 3 (об.) – 4 (об.).
³⁸ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства... С. 555.
³⁹ Ватин В.А. Село Минусинское ... С. 26 – 27.
⁴⁰ Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. О. 1. Д. 151 ЛЛ. 3 (об.) – 4 (об.); Д. 346. ЛЛ. 5 – 6.
⁴¹ Архив г. Минусинска. Ф. 17. О. 1. Д. 7. ЛЛ. 45, 52.; Ф. 34. О. 1. Д. 369. Л. 16.

Е.В. Леонтьев,
г. Минусинск

Старожилы и переселенцы Минусинского уезда (округа) во втор. пол. XIX — нач. XX в.: география расселения.

В начале XX в. своеобразие этнокультурного ландшафта большинства регионов Сибири в значительной мере определялось соотношением в составе некоренного населения двух основных компонентов, – старожилов и переселенцев. На повседневном уровне оно выражалось в виде множества расположенных на одной территории локальных сообществ (групп деревень, отдельных населённых пунктов или «краёв» внутри одного села), представлявших различные варианты той или иной этнической традиции. Отличаясь одеждой, говором, обрядностью и др. элементами культуры, переселенцы нередко образовывали пёструю мозаику деревенских миров, среди которых каждый, с одной стороны, стремился сохранить свою идентичность перед лицом *иноэтнического* окружения, а с другой, – участвовал в интенсивном культурном обмене, заимствовал навыки адаптации к незнакомым для себя условиям жизни в Сибири.

Формирование структуры таких сообществ является важным аспектом этнической истории регионов, изучение которой предполагает реконструкцию ареалов расселения новосёллов и потомственных сибиряков.¹ Мы попытались решить эту задачу на примере Минусинского округа (уезда) Енисейской губернии во втор. пол. XIX – нач. XX в.

Главным источником настоящего исследования послужили материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. Наряду с другой информацией, программа её проведения предусматривала сбор сведений о распределении хозяйств старожилов и переселенцев по населённым пунктам уезда, давая, таким образом, возможность составить подробную карту их расселения в этот период. Кроме этого, были использованы результаты последней податной ревизии 1859 г., а также опубликованные списки населённых мест Енисейской губернии за 1893, 1900 и 1910 гг.

Созданная на основе этих источников база данных населённых пунктов Минусинского округа (уезда) за 1859 – 1917 гг., позволила отразить на карте основные пространственно-временные контуры его заселения во втор. пол. XIX – нач. XX в., определить границы и пути формирования районов, различавшихся составом своего населения в этот период.

Как показал анализ, при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г., переписчики относили к числу старожилов лиц, проживших на территории края не менее 50-ти лет. Семьи, поселившиеся позднее этого срока, учитывались как переселенцы, новосёлы. Судить о численности

данных групп населения накануне революции мы можем лишь приблизительно по количеству их хозяйств.

Несмотря на различное происхождение, русские старожилы представляли собой, по мнению этнографов, достаточно однородную в культурном отношении группу людей, отличающуюся от пришедших в Сибирь позднее российских крестьян.² В течение XVIII в. русское население Приенисейского края составляли в основном потомки первопоселенцев – выходцы из служилого сословия, посадские, крестьяне, поселившиеся в бассейне Среднего Енисея ещё в прошлом столетии. Они раньше других начали осваивать земли на юге данной территории сразу после вхождения их в состав Российского государства, и продолжали мигрировать сюда из более северных районов до сер. XIX в. Особую и сравнительно малочисленную группу старожилов представляли потомки ссыльно-заводских крестьян, участвовавших в строительстве и работе Лугазского и Ирбинского заводов. В перв. пол. XIX в. население Минусинского округа пополнилось ссыльными из числа крепостных крестьян центральных губерний страны, а в 1850-е гг. в него вошли семьи «киселёвских» переселенцев из Северного Приуралья и Орловской губернии.

К нач. XX в. все эти категории жителей являлись старожилами данного региона. Во время проведения податной ревизии 1859 г. они насчитывали в своём составе 57521 чел.,³ спустя более полувека перепись 1917 г. показала в 30-ти волостях Минусинского уезда 20198 хозяйств старожилов,⁴ что позволяет условно (из расчёта в среднем шесть человек на одно хозяйство) оценивать их численность в 121188 чел., а темпы среднегодового прироста в 1859 – 1917 гг. считать равными 1,94%.

Численность некоренного населения Минусинского округа (уезда) в 1859 – 1917 гг.⁵ Таблица 1

	1859 г.	1893 г.	1897 г.	1910 г.	1917 г.
Количество жителей	57521	112110	143207	211562*	250460*

* Без населения Таштыпской, Усть-Абаканской, Усть-Фыркальской, Сейской и Аскизской волостей.

Общее количество некоренного населения округа (уезда) тем временем увеличивалось с интенсивностью 5,88% в год – в три раза быстрее. Особенно стремительный рост наблюдался в последнее десятилетие XIX – нач. XX в. В результате, соотношение старожилов и новосёллов в уезде равнялось накануне революции 48,39 и 51,61%,⁶ т.е. вновь прибывшие составляли большинство населения. Тем не менее, говорить о «поглощении» старожильской популяции мигрантами⁷, приведённые цифры оснований всё же не дают.

Распределение хозяйств старожилов и переселенцев Минусинского уезда по населённым пунктам с различной долей представителей данных групп населения. 1917 г.⁸ Таблица 2

	Число н.п., где жили старожилы		Количество хозяйств старожилов	
	Абсолют. показатель	% от общего числа	Абсолют. показатель	% от общего числа
Всего	254	61,95	20198	100,0
Нас. пункты, где старожилы составляли более 2/3 жителей	144	35,12	13409	66,39
- от 1/3 до 2/3 жителей	70	17,07	6181	30,60
- менее 1/3 жителей	40	9,76	608	3,01

	Число н.п., где жили переселенцы		Количество хозяйств переселенцев	
	Абсолют. показатель	% от общего числа	Абсолют. показатель	% от общего числа
Всего	388	94,63	21382	100,0
Нас. пункты, где переселенцы составляли более 2/3 жителей	196	47,80	12607	58,96
- от 1/3 до 2/3 жителей	70	17,07	5478	25,62
- менее 1/3 жителей	122	29,76	3297	15,42

После водворения крестьян из Европейской России, енисейские старожилы, как видно из таблицы, в основном сохранили численное превосходство в своих общинах. Почти 2/3 их жили в деревнях, где на долю новосёлов приходилось менее 1/3 домохозяйств. Всего таких деревень было 144 – 35,12% от общего числа населённых пунктов уезда; преимущественно или чисто «рассейскими» являлись 196 селений – 47,80%. Они объединяли 58,96% хозяйств новосёлов.⁹ Таким образом, несмотря на соседство, большинство старожилов и переселенцев уезда селились в это время обособлено друг от друга, составляли общества, доминирующее положение в которых имели, как правило, представители *своего же* окружения, местного или пришлого.

Полученные показатели свидетельствуют, что концентрация переселенцев и потомственных сибиряков в пределах изучаемой территории существенно варьировала, образуя локальные районы, различавшиеся удельным весом данных групп населения (см. приложение, карта-схема № 1). Всего можно выделить 11 таких районов, три из которых, – Амыло-Тубинский, Южно-Енисейский и Чулымо-Енисейский будут являться преимущественно старожильческими по составу жителей, два, – Ойский и Сыдо-Ербинский – смешанного расселения, и оставшиеся шесть (Притубинский, Абаканский, Кизыр-Казырский, Верхне-Кебежский, Ирбинский и Убей-Сисимский) – в основном переселенческими. В районах с преимущественно старожильческим населением доля переселенцев не превышала 23 – 25%; здесь было сосредоточено 55,79% хозяйств потомственных жителей уезда. В местах компактного водворения мигрантов старожилов либо не было вовсе (Абаканский район – 0,0%, Убей-Сисимский – 0,93%), либо они представляли там сравнительно небольшую часть жителей, – от 18 до 29%.

Распределение хозяйств старожилов и переселенцев Минусинского уезда по ландшафтным зонам. 1917г.¹⁰

Таблица 3

	Количество хозяйств					
	Старожилы		Переселенцы		Всего	
	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
Степь – лесостепь	13924	68,94	10827	50,64	24751	59,53
Подтаёжная зона	6274	31,06	10555	49,36	16829	40,47

С точки зрения ландшафтных условий, старожилы обычно занимали более удобные для ведения хозяйства лесостепные земли в долине Енисея и в нижнем течении его главных притоков. За пределами этого пространства под тайгой среди уроженцев рассматриваемого региона жили в основном т.н. «старосёлы» – сравнительно поздняя группа населения, чьи предки появились в округе (уезде) в 1850-е гг. Своим водворением они положили тогда начало колонизации русскими залесенных предгорий Саян в верховьях Сыды, по Амылу и Ое. Последующие поколения мигрантов до нач. XX в. тоже чаще всего селились в подтаёжной зоне. Благодаря чему, к 1917 г. здесь находились почти половина переселенческих хозяйств уезда, где они составляли 62,74% от общего числа.¹¹

**Распределение хозяйств старожилов и переселенцев по населённым пунктам
Минусинского уезда, возникшим в разное время до 1917 г.¹²**

Таблица 4

Населённые пункты, основанные до 1859 г.

Группы н.п.**	Количество н.п.	Количество хозяйств			
		Старожилов	Переселенцев	Прочих	Всего
1	93	11816	2961	111	14888
2	53	5557	4853	27	10437
3	5	261	735	-	996
Всего:	151	17634	8549	138	26321

Населённые пункты, основанные в 1860-1893 гг.

Группы н.п. **	Количество н.п.	Количество хозяйств			
		Старожилов	Переселенцев	Прочих	Всего
1	26	1409	304	-	1713
2	14	608	603	5	1216
3	25	233	2406	-	2639
Всего:	65	2250	3313	5	5568

Населённые пункты, основанные в 1894-1916 гг.

Группы н.п. **	Количество н.п.	Количество хозяйств			
		Старожилов	Переселенцев	Прочих	Всего
1	25	184	32	-	216
2	3	16	22	-	38
3	166	114	9466	13	9593
Всего:	194	314	9520	13	9847

** селения, где старожилов составляли: 1. – более 2/3 домохозяйств; 2. – от 1/3 до 2/3; 3. – менее 1/3.

Участие старожилов в колонизационном процессе иллюстрируют данные об изменении ареала их расселения на территории уезда во втор. пол. XIX – нач. XX в. В 1917 г. 88,02% местных крестьян-сибиряков состояли из жителей деревень, существовавших уже к моменту проведения ревизии 1859 г. Покинуть ранее обжитые места с того времени решились, таким образом, лишь 12,08% учтённых домохозяйств.¹³ Подавляющее большинство их осели в деревнях, возникших в 1860-1880-е гг., когда переселение из-за Урала ещё только набирало силу. В населённых пунктах более позднего периода хозяйства старожилов встречались крайне редко.

Разумеется, данные показатели не отражают полностью ни направление, ни масштабы внутренней миграции старожильского населения. Судить об этом позволяет сравнение среднегодового прироста числа старожилов по деревням Минусинского уезда, существовавших в 1859 – 1917 гг., и сведения о количестве старожильческих хозяйств в селениях, появившихся после 1859 г.¹⁴ Представленные на карте, результаты расчётов показывают районы выхода и водворения местных крестьян, переселявшихся в течение данного периода в пределах своего уезда (см. приложение, карта-схема № 2).

Первую группу районов составили населённые пункты, имевшие прирост числа старожилов ниже естественного, рассчитанного для всей старожильской популяции Минусинского уезда в то же время. Как правило, это были старые возникшие ещё в XVIII – нач. XIX в. деревни, расположенные по берегам Енисея и в низовьях его правых притоков. Сюда же относились и некоторые подтаёжные селения «старосёлов» (Отрок, Еленина, Зезенина, Екатериновка, Никольское) в верховьях Сыдинского бассейна.

Территории, где численность старожильского населения увеличивалась с большой интенсивностью, какую мог дать естественный прирост, лежали главным образом к востоку – юго-востоку от этого района. Это, прежде всего, южное междуречье Тубы и Енисея, левый берег Амыла, а также южные притоки Сыды и среднее течение р. Шушь (приток Тубы).

Всего в местах выселения старожилов миграция, по приблизительной оценке, поглотила до 2/3 их естественного прироста. От 50 до 60% переселившихся семей осели в *старых* основанных

до 1859 г. деревнях; 35-40% – завели хозяйство в селениях, возникших в пореформенное время; и лишь 4-6% перешли во вновь основанные после 1893 г. посёлки.¹⁵ Из трёх сложившихся к 1917 г. в уезде старожильческих районов только один, Амыло-Тубинский, имел в предыдущие десятилетия положительный баланс миграции старожилов. В двух других, Чулымо-Енисейском и Южно-Енисейском, отмечалось обратное соотношение; преимущественно сибирская структура населения там сохранялась лишь ввиду слабого водворения выходцев из-за Урала.

В новых деревнях старожилы старались по возможности селиться среди представителей своего же окружения. 59,88 % их жили на заимках и выселках, где на долю потомственных сибиряков – родственников, односельчан, приходилось более 2/3 домохозяйств. Остальные тоже являлись в большинстве случаев основателями заимок, заселённых, однако, в последующем времени мигрантами. В качестве примера здесь могут быть названы деревни Таскина, Никулина, Сониная, Казанско-Богородская, Сергиево-Мигнинская, Солдатова, Очуры и др. В посёлках переселенцев, образованных в 1894-1916 гг., завели хозяйство лишь 114 семей старожилов – 0,56% от общего числа.¹⁶

Вновь прибывшие в Минусинский уезд крестьяне населяли преимущественно (60,02% от численности хозяйств) деревни, возникшие во втор. пол. XIX – нач. XX вв. Более 70% их приходилось на долю наиболее молодых селений, основанных после 1893 г. Процент переселенческих хозяйств в этих селениях достигал 96,60.¹⁷ Располагаясь компактными «гнездами», они составляли основу поселенческой структуры новых районов. Четыре таких района, – Убей-Сисимский, Абаканский, Притубинский и большая часть Кизыр-Казырского практически сплошь состояли из этих посёлков; в двух других они соседствовали с деревнями, возникшими в пореформенное время и, изредка, селениями более раннего периода. Боле всего данное соседство было характерно для Ирбинского района, сравнительно рано начавшего привлекать крестьян из расположенных вблизи старожильческих деревень.

На землях, начавших заселяться в 1859-1893 гг., переселенцы в основном образовывали общества отдельно от сибиряков. Среди деревень пореформенного времени преимущественно «пришлыми» (более 2/3 жителей – переселенцы) являлись Петропавловка, Козина, Ново-Березовка, Тобольская, Можарка, Тюхтаты, Мензот, Курская, Малая Ирба, Быстрая и др. В них располагались 72,62% переселенческих хозяйств, учтённых переписью в населённых пунктах, возникших с 1859 по 1893 г. В аналогичных по составу жителей посёлках последующего периода данный показатель равнялся 99,43%.¹⁸

На долю старожильческих селений Минусинского уезда, основанных до 1859 г., приходилось 39,98% хозяйств мигрантов. В 53-х из них (всего 151) удельный вес таких хозяйств варьировал в интервале от 33 до 66%, ещё в пяти, – Городке, Метиховой, Галактионовой, Старо-Свиньиной и Кочульке – превышал данный уровень. Основная масса (91,40%) приселившихся к старожилам крестьян образовывала смешанные с ними общества, не имея здесь, как правило, численного большинства. Нередко новосёлы устраивались в деревнях, терявших в предыдущий период часть своих жителей в результате внутриуездных переселений; например, на Сыде в низовьях Тубы, устье Ои. В деревнях с относительно низким приростом старожильского населения в 1859 – 1916 гг. доля новых хозяйств составляла накануне революции 34,91%, там же, где баланс миграции старожилов был положительным – 31,41%.¹⁹

В литературе известны случаи, когда прибытие новосёлов способствовало выселению старожилов из своих деревень.²⁰ На примере рассматриваемой территории данное наблюдение не подтверждается в качестве тенденции. В Минусинском уезде к 1917 г. насчитывалось 91 селение, где в предыдущий период преобладало движение крестьян в другие более обеспеченные землёй районы. В 54-х таких селениях старожилы продолжали, тем не менее, составлять более 2/3 местных домохозяев. Т.е. водворение переселенцев там было весьма ограниченным. Прирост старо-

жильческого населения в этих деревнях в 1859-1916 гг. равнялся 0,64% в год, тогда как в других 37-и селениях, принявших значительное число новосёллов (более 1/3 хозяйств в 1917 г.), он был 0,67%.²¹ Таким образом, никакой явной связи между прибытием мигрантов и выселением старожилов не наблюдается.

Проведённое исследование показало, что в нач. XX в. в результате массового переселения крестьян из Европейской России на территории Минусинского уезда образовалась сложная структура компактно расположенных групп населения, различавшихся с точки зрения особенностей своей культуры и источников формирования. Складывание этой структуры происходило в условиях продолжавшегося расселения старожилов, наложившего на неё свой отпечаток. Важным является то, что, несмотря на смешение пришлого и старожильского элементов, большая часть переселенцев и потомственных сибиряков была сосредоточена в обществах, состоявших преимущественно из представителей своего окружения. Т.е. водворение переселенцев в уезде, с одной стороны, не исключало возможности дальнейшего существования старожилов как этнографической группы. С другой, – формировались локальные очаги традиций, вновь привнесённых выходцами из-за Урала. Таких очагов было множество, но судить об этом более детально позволяют результаты будущих исследований.

В динамике колониационного процесса участие переселенцев из европейских губерний являлось здесь в данный период решающим. Почти $\frac{3}{4}$ (191 из 259) населённых пунктов Минусинского уезда, появившихся с 1859 по 1916 г., являлись преимущественно переселенческими по составу жителей.²²

2011

Примечания:

¹ См. Храмов А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в кон. XIX – нач. XX вв.: переселенческие аспекты//

² См. Курилов В.Н. Русский субэтнос Западной Сибири в сер. XIX в.: расселение и топонимия. Новосибирск, 2002.

³ Подсчитано по данным: Енисейская губерния. Список населённых мест 1859 г. СПб., 1864.

⁴ Без жителей Аскизской, Усть-Абаканской, Усть-Фыркальской, Сейской и Таштыпской волостей, населённых преимущественно хакасами. Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916 – 1919 гг. Красноярск, 1921.

⁵ Подсчитано по данным: Енисейская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1864., Статистика Российской империи. Т. 29. Волости и населённые места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., 1895. Первая Всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Енисейская губерния. Красноярск, 1904. Списки населённых мест Енисейской губернии. Красноярск, 1911. Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916 – 1919 гг. Красноярск, 1921.

⁶ Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916 – 1919 гг. Красноярск, 1921.

⁷ Верник А.А. Традиционная культура русских старожилов Хакаско-Минусинского края (втор. пол. XIX - нач. XX в.). Красноярск, 2005. С. 35

⁸ Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края по данным сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и другим исследованиям 1916 – 1919 гг. Красноярск, 1921.

⁹ Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края...

¹⁰ Подсчитано по тем же данным

¹¹ Подсчитано по тем же данным.

¹² Подсчитано по тем же данным.

¹³ Подсчитано по данным: Енисейская губерния. Список населённых мест..., Списки населённых мест Енисейской губернии и Урянхайского края...

¹⁴ Подсчитано по тем же данным.

¹⁵ Подсчитано по тем же данным.

¹⁶ Подсчитано по данным: Списки населённых мест Енисейской губернии...

¹⁷ Подсчитано по тем же данным.

¹⁸ Подсчитано по тем же данным.

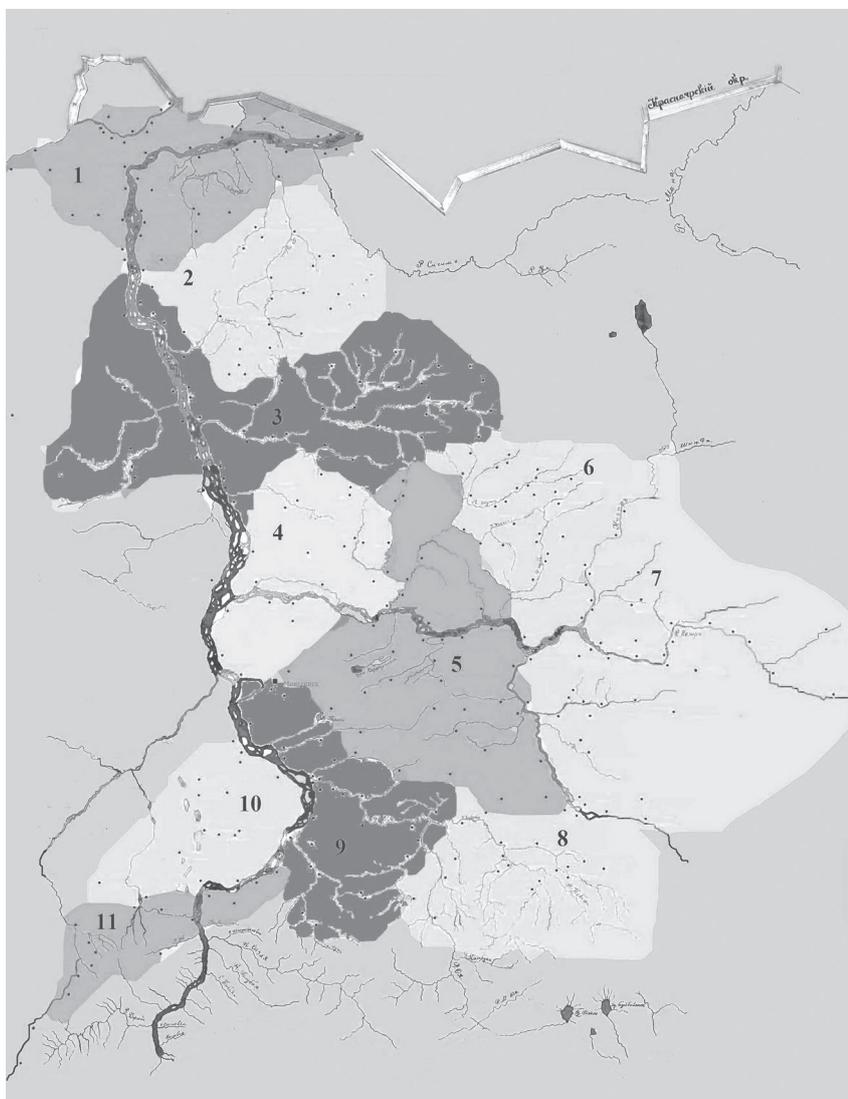
¹⁹ Подсчитано по тем же данным.

²⁰ Марусин С. Переселенческое движение на Алтай// «Северный вестник», 1891. № 7. С. 42.

²¹ Подсчитано по тем же данным.

²² Подсчитано по тем же данным.

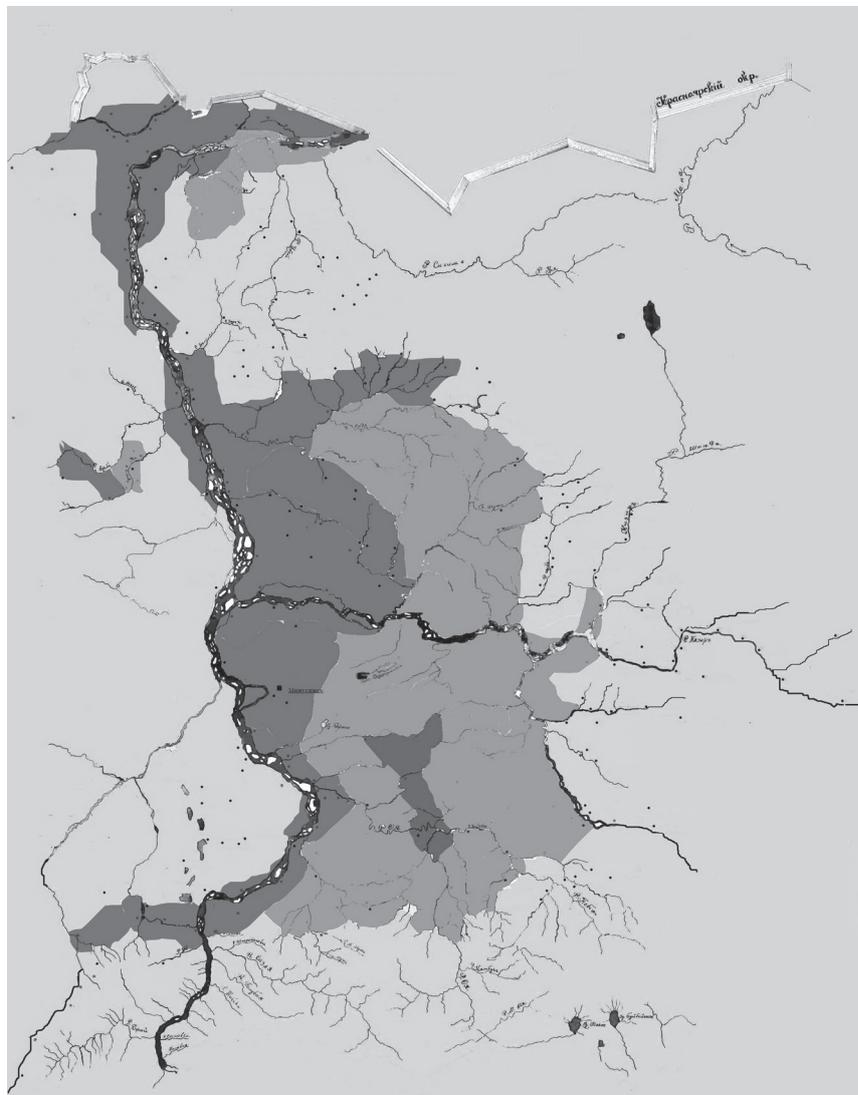
Карта-схема 1.
Места компактного расселения старожилов и переселенцев
на территории Минусинского уезда по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Районы расселения:

1. Чулымо-Енисейский старожильский
2. Убей-Сисимский переселенческий
3. Сыдо-Ербинский смешанный
4. Притубинский переселенческий
5. Амыло-Тубинский старожильский
6. Ирбинский переселенческий
7. Кизыр-Казырский переселенческий
8. Верхне-Кебежский переселенческий
9. Ойский смешанный
10. Абаканский переселенческий
11. Южно-Енисейский старожильский

Карта-схема 2.
Расселение старожилов Минусинского уезда (округа) в 1859 – 1917 гг.

■ – районы, старожильческое население которых сокращалось в результате миграции.

■ – районы, имевшие положительный баланс миграции старожилов.

Особенности освоения в современном информационном контексте темы «История Православной Церкви в Красноярском крае в период Великой Отечественной войны»

История Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны достаточно широко и обстоятельно освещена в монографиях и публикациях двух предшествующих десятилетий.¹ Однако исторические судьбы отдельных епархий в 40-е гг. XX в. только в последние годы становятся предметом внимания исследователей. В основном тема представлена обзорно, в т. ч. – в краеведческих публикациях, исследован преимущественно военный период в епархиях центральной и западной России, в частности – на временно оккупированных врагом территориях (Псковская православная духовная миссия).²

Период 1941-1945 гг. в жизни Красноярской епархии также мало изучен (равно как и большая часть всего XX столетия). В имеющихся публикациях представлены, как правило, достаточно локальные и частные вопросы церковной истории региона. Немногочисленные диссертационные исследования связаны с послереволюционными или с более близкими к нашим дням годами. Большинство публикаций ограничивается описанием или перечислением отдельных фактов и сведений без осмысления их в контексте даже уже обозначенных в исторической науке точек зрения на исследуемый период. К сожалению, подчас материалы изобилуют ошибками или неточностями, что сказывается и на не подкреплённых подчас ни аргументацией, ни пониманием специфики церковной жизни выводах авторов.

Детальный историографический анализ и обзор всех публикаций по обозначенной теме не входят в задачи сообщения, однако необходимо отметить следующее. К особенностям религиозной жизни Красноярского края в 1941-1945 гг. современные исследователи впервые обратились в публикациях, посвящённых архиепископу Луке (профессору В.Ф. Войно-Ясенецкому). Обращение носило, следовательно, опосредованный характер. Оно было связано с тем, что прославленный иерарх с начала войны вплоть до начала 1944 г. был ведущим хирургом красноярских эвакогоспиталей. Ещё в «доперестроечный» период краткий экскурс в церковную жизнь Красноярья военных лет осуществил (за рубежом) создатель первого исследования о святителе Луке Марк Поповский.³ Продолжившие изучение этой темы российские авторы⁴ не выходили, как правило, за рамки двух-трёх, напрямую связанных с жизнью и деятельностью архиепископа Луки, «красноярских» тем: предвоенная ссылка епископа Луки в Большую Мурту, работа хирургом-консультантом в эвакогоспиталях Красноярска, служение в Никольской часовне г. Красноярска, общение хирурга с коллегами, ранеными, медицинскими властями. Большая часть приводимых сведений и фактов касательно собственно церковной жизни Красноярского края восходит к упомянутому труду М. Поповского. Добавим, что, собственно, первым, кто осветил ряд моментов церковной жизни региона в годы войны, был сам святитель Лука, в его «Автобиографии», надиктованной ещё в 1958 г., но опубликованной только в наши дни.⁵

Положительным можно считать введение в научный оборот ряда устных воспоминаний очевидцев и некоторых письменных источников, имевшее место в первых публикациях о епископе-хирурге. В частности, были опубликованы нескольких писем еп. Луки красноярского периода⁶ и, во фрагментарном виде, несколько дневниковых записей 1943 г. бывшего красноярского священника Н. Климовского.⁷ Автору сообщения представилась в своё время возможность работать с полным рукописным оригиналом дневника Климовского и впервые использовать его уже непосредственно в ходе исследования церковной жизни региона в годы войны.

С началом перестройки тема церковной истории Красноярья военных лет стала затрагиваться ещё по двум, также локальным основаниям: репрессии тридцатых годов и, в известной мере, последующие судьбы репрессированных, в числе которых было немало и священнослужителей, изучаются краеведами, представителями общественного объединения «Мемориал»;⁸ патриотическая тема сборов красноярскими церковнослужителями в 1943-1945 гг. денежных средств в Фонд обороны страны. Не так давно в сборнике материалов, подготовленном Архивным агентством Красноярского края к 65-летию Победы, опубликованы (в сокращении) три документа по этой тематике.⁹ Отдельные факты, связанные с жизнью епархии в годы войны, разрозненные детали биографий конкретных священников время от времени упоминаются в публикациях, посвященных истории отдельных приходов и храмов епархии и т.д.

Первая попытка более обстоятельно обратиться непосредственно к теме «РПЦ на территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны», с опорой на выявленные авторами источники, была сделана на региональной научной конференции 2003 г.¹⁰ в сообщении сотрудника Государственного архива Красноярского края Т.И. Мирошниковой, в котором был впервые обнародован ряд фактов из жизни священника Н.В. Попова, стоявшего у истоков восстановления церковной жизни г. Красноярска в 1943-1945 гг. В указанном сообщении был отчасти прослежен его дальнейший жизненный путь и даны ссылки на два архивных источника. Автору настоящей публикации довелось продолжить и углубить начатую этим сообщением работу. В отдельных публикациях и, затем, в научно-публицистической монографии по истории Свято-Троицкого собора г. Красноярска «Судьба Церкви – в судьбе храма»¹¹ впервые были представлены и проанализированы неизвестные ранее факты из истории церковной жизни на Енисее 1840-2008 гг. В первых трёх главах раздела «Время собирать камни» названной книги автором были по возможности реконструированы события военной и послевоенной церковной жизни региона, восстановлены имена большинства священнослужителей, возрождавших храмы Красноярья после 1941 гг., даны подробные биографические справки о них. Были установлены и новые факты из жизни и церковного служения упоминавшегося выше протоиерея Николая Попова, принявшего незадолго до смерти постриг с именем Иннокентий. В научный оборот введены выявленные или детально исследованные авторами архивные источники.¹² Раскрытие темы будет продолжено в готовящейся сейчас к печати монографии по истории Красноярской епархии 1861-2011 гг.¹³ Несмотря на то, что военные действия непосредственно на территории Красноярского края не велись, и он являлся глубоким тылом, обозначенная тема представляется многоаспектной. При этом представляются перспективными дальнейшие исследования следующих выделяемых нами этапов этого периода в церковной жизни Красноярского края.

1. Состояние религиозной жизни в крае накануне 1941 г. На первый взгляд, религиозный потенциал региона ко времени начала войны был невелик и проблемен в плане возможной его реализации. 1941 г. предшествовал период интенсивных, планомерных репрессий против Церкви. Общеизвестно, что на территории края к лету 1941 г. не осталось ни одного действующего храма. Последние предвоенные формальные решения крайисполкома о закрытии церквей датированы 1939 и 1940 гг.¹⁴ (К концу 1930-х гг. были закрыты все храмы в 25 областях и краях Российской Федерации).¹⁵ Легально продолжающих богослужебную деятельность священнослужителей к началу войны на территории края не было. К 1941 г. на свободе осталось мизерное количество священнослужителей. Это были пастыри в преклонном возрасте, преимущественно – уже отбывшие свой срок и избежавшие дальнейших репрессий.¹⁶ В районах края пребывали в заключении, лагерях и в ссылке пастыри и монашествующие из других областей и краёв СССР (по некоторым данным – до нескольких сотен человек). После спада репрессий 1937-1938 гг. поток атеистической пропаганды стал несколько менее интенсивным. Но легальная религиозная жизнь в регионе прекратилась. Церковь как общественный институт окончательно стала некоей фигурой умол-

чания: «В 1938 г. советская власть завершила 20-летний период гонений, в результате которых процесс разрушения был доведён до состояния необратимости».¹⁷ Сугубо публичная структура вытеснялась в частную, «домашнюю» жизнь индивидуума. Начавшаяся война содействовала переосмыслению государством и обществом их отношения к РПЦ.

2. Июнь-ноябрь 1941 г. Эти месяцы предвляли и обуславливали ход последующих событий в жизни страны: и успехов в военных действиях, и перемен в религиозной жизни. Удовлетворение просьбы ссыльного свт. Луки о привлечении его к работе в военном госпитале и переброска его уже в июле в Красноярск,¹⁸ (с осени 1941 г. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий официально числится во всех штатных расписаниях эвакогоспиталя 1515 в должности начальника отделения корпуса № 2),¹⁹ предвляли начало нового этапа в религиозной ситуации региона. «Фактор Войно-Ясенецкого» на протяжении нескольких военных лет влиял на развитие религиозной жизни края. Нужно отметить уже на этом этапе начало его борьбы за право быть в глазах окружающих не только выдающимся хирургом, но и православным иерархом. Многократно рассказывалось о подтверждающих эту борьбу фактах.²⁰ Характерно также зафиксированное современниками изменение реакции начальства (медицинского и партийного) на эти действия.²¹

Выделяемый нами период, по существу, усилил тенденции к катакомбному пока, тайному исповеданию веры. Легализация Церкви была необходима государству. С конца 1941 г. устанавливаются регулярные деловые контакты властных структур и Московской Патриархии. Отдельные источники отмечают происходящую в кон. 1941 – нач. 1942 гг. определённую модификацию репрессивной политики государства (что не могло не коснуться непосредственно Красноярского края как места ссылок и лагерей). В кон. 1941 – нач. 1942 гг. храмы в Красноярске были ещё закрыты, однако ссыльный архиерей постепенно становится центром притяжения всех православных сил региона.

3. Изменения в церковной жизни края в декабре 1941-1942 гг. Первые явные перемены в положении Церкви в стране и в крае обозначились в декабре 1941 – весной 1942 г.²² 25 декабря 1941 г. Патриаршим местоблюстителем Митрополитом Сергием (Страгородским) была совершена в эвакуации в Ульяновске первая из череды следовавших затем архиерейских хиротоний, с назначением новых преосвященных на вдовствовавшие повсеместно кафедры. Одним из публичных свидетельств назревающих перемен стали открытое празднование Пасхи 1942 г. и отмена в пасхальную ночь комендантского часа в Москве.²³ Признаки изменения церковно-государственных отношений обозначились и в Красноярске. Показательно, что с весны 1942 г. меняется отношение представителей власти к профессору В.Ф. Войно-Ясенецкому (формально ещё пребывающему в ссылке) в отношении его быта.²⁴ Вскоре начинается и его участие в научных медицинских конференциях за пределами края.²⁵

Однако и сам архиерей, и сплотившиеся вокруг него верующие ждут иных, непосредственно связанных с реанимацией церковной жизни изменений. Перемены эти происходят в течение всего 1942 г. В своих автобиографических заметках святитель рассказывает: «Священный Синод при Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии приравнял моё лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвёл меня в сан архиепископа».²⁶ Авторы публикаций о свт. Луке безосновательно совмещают это событие с возрождением архиерейской кафедры в Красноярске. Однако опубликованные письма из переписки Войно-Ясенецкого и музейного работника Н.П. Пунина позволяют утверждать, что возведение произошло не позднее 20 июня 1942 г. Этой датой помечено письмо к Лузину, подписанное с указанием на новый сан: «Архиепископ Лука».²⁷ Ещё одно содержащееся в этой переписке свидетельство включения в 1942 г. Красноярской епархии (фактически представляемой тогда личностью владыки Луки) в возрождаемую общецерковную жизнь России – начавшаяся в кон. 1941 г. и длившаяся потом вплоть до знаменитого Собора архиереев сентября 1943 г. оживлённая «большая переписка» свт. Луки с Па-

триаршим местоблюстителем Митрополитом Сергием «по вопросам религиозно-философским, церковно-политическим и тактическим».

Переписка владыки Луки с Н.П. Луниным и с сыном Михаилом, а также изученные нами «Дневники» заштатного красноярского священника Н. Климовского позволяют утверждать, что 1942 г. стал годом консолидации церковных сил края. Временем начала подготовки к восстановлению церковной жизни в крае стала вторая половина 1942 г. В 1942 году начались и переговоры архиерея с властями о долгожданном открытии хотя бы одного храма (в центральной части России храмы начали вновь открываться ещё с конца 1941 г.). 4 января 1942 г. епископ пишет об этом сыну Михаилу: «Давно обещали открыть у нас одну церковь, но всё ещё тянут, и я опять останусь без богослужения в великий праздник Рождества Христова».²⁸

4. Воссоздание Красноярской епархии и возрождение церковной жизни в декабре 1942-1943 гг. Свообразным эпиграфом к этому этапу можно назвать строки из письма святителя к сыну, которые впервые привёл Марк Поповский: «В Красноярске, в «кругах» говорили обо мне: «Пусть служит, это политически необходимо». Как уже отмечалось нами в книге «Судьба Церкви – в судьбе храма», теперь известна (благодаря труду А. Галкина, издавшего указы и постановления Патриаршего местоблюстителя военных лет) точная дата восстановления красноярской кафедры, ставшая и первой датой в новой странице истории епархии: 27 декабря 1942 г.²⁹ А 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей объявил о начале сбора Церковью средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского, что станет ещё одним основанием для дальнейшего пересмотра церковно-государственных отношений. Патриотическая деятельность приходов края в годы войны — отдельная, выходящая за рамки данного сообщения тема, поскольку, как отмечалось выше, уже получила некоторое освещение в научных и краеведческих публикациях.³⁰

Известно, что первым вновь открытым на красноярской земле храмом стала маленькая Никольская кладбищенская часовня в Николаевке – в рабочем районе города, фактически – пригороде, расположенном в нескольких километрах от центра на высокой горе. Датой её открытия иногда называют начало марта,³¹ зачастую – 5 марта 1943 г., по датировке письма Владыки сыну Михаилу, в котором об этом событии сообщается. Изученные нами дневниковые материалы, хранящиеся у потомков красноярского священника Н.А. Климовского, позволяют сделать вывод, что открылась часовня, всё же, раньше, в феврале 1943 г. Первое после перерыва длиной в пять с лишним лет в Красноярске православное богослужение вновь было совершено – в Родительскую (мясопустную) субботу 27 февраля 1943 г. Запись от 1 марта 1943 г.: «Вчера был в Николаевке. Часовня на кладбище открыта для богослужения, 28.11³² была совершена первая литургия в родительскую субботу. Вчера предполагалась тоже литургия, но арх. Лука, за неимением арх[иерейского] облачения, вина – кагора и просфор с печатями, служить не стал, а была отслужена обедница и молебен о даровании победы над врагом». Дневник Н.А. Климовского позволяет сделать вывод, что уже на Пасху 1943 г., 25 апреля, к радости прихожан Владыка возглавил праздничное богослужение. Усилия владыки Луки по восстановлению духовной жизни епархии, предпринятые им в 1943 г., дадут свои ощутимые плоды уже после его отъезда из Красноярска в январе 1944 г. в связи с переводом на Тамбовскую кафедру.

Кульминацией этого этапа стали события сентября 1943 г. Участвовавший в Архиерейском соборе 1943 г. красноярский архиерей по возвращении из Москвы передал местному духовенству подробности известной встречи Сталина с иерархами РПЦ 4 сентября 1943 г. и последующего (8 сентября) избрания Собором Патриарха. Важнейшим фактором, определяющим дальнейшее развитие отношений Церкви и государства в регионе, стало создание осенью 1943 г. Совета по делам русской православной церкви при Совете Народных комиссаров СССР.

5. Открытие храмов в Красноярской епархии и воссоздание церковной жизни и церковного управления в 1944-1945 гг. К началу 1944 г. в крае был всего лишь один санкционированный

Советом к открытию ещё в 1943 г. приход, но в органы власти уже начали поступать и рассматриваться ходатайства о регистрации общин от верующих других городов и сёл края. Первоначально церковную жизнь Приенисейского региона курируют после отъезда владыки Луки тогдашние священники Никольского храма – протоиерей Пётр Ушаков и иерей Николай Попов. (Иерей Николай Попов служил в Никольском храме-часовне с 25 апреля 1943 г.; протоиерей Пётр Ушаков был «15 декабря 1943 г. архиепископом Лукой назначен настоятелем Николаевской кладбищенской церкви г. Красноярск».³³ 16 мая 1945 г. датировано извещение о регистрации Н. Попова настоятелем Никольской церкви).³⁴ Временное управление Красноярской епархией (формально – ещё самостоятельной) по решению Синода принимает на себя архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцев). Уже сразу после начала «церковной оттепели» не только граждане, но и даже порой должностные лица своими действиями демонстрировали уважение к Церкви как к авторитетной для них структуре, к некой неформальной, но значимой для народа власти. Ещё одна тенденция религиозной жизни края, которая отмечалась в докладах уполномоченных (судя по изученным нами делам – на протяжении всего послевоенного периода, вплоть до празднования 1000-летия Крещения Руси). Вопреки попыткам уверить руководство страны и самих себя в том, что религия – удел пенсионеров и малообразованной, чуть ли не люмпенизированной части общества, постоянно, начиная с 1944 г., уполномоченными, партийными и советскими функционерами в их докладах делаются оговорки: «обращает на себя внимание ... то обстоятельство, что в числе ходатайствующих об открытии церкви имеются лица в возрасте 21-24, 26 и до 35 лет. ...имеют место случаи активного участия в церковной деятельности инвалидов Отечественной войны».³⁵ Сообщая председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Георгию Карпову о фактах нелегальной религиозной деятельности и о случаях противодействия своей работе со стороны «органов» (аресты уполномоченных от групп верующих, перлюстрация и изъятие писем с заявлениями об открытии церквей, разнообразные методы принуждения против заявителей и верующих), уполномоченный по краю М. Лаксенко резонно замечал: «При наличии в определённых районах края с сильно развитой нелегальной религиозной деятельностью, вызывается необходимостью и диктуется целесообразностью легализовать эту деятельность через открытие церквей. ...Однако некоторые работники местных советских органов не уяснили и не хотят понять изменившегося отношения правительства к церковным организациям...».³⁶

В 1944-1946 гг. открытие церквей в Красноярске и районах края шло усиленными, пожалуй, что и – почти «большевистскими», по сравнению с последующими годами, темпами. Несмотря на многочисленные случаи отказов в открытии храмов (как правило, в связи с отсутствием необходимых храмовых зданий, снесённых или переоборудованных перед войной), ходатайства верующих довольно оперативно рассматривались местными органами власти, исполкомом Крайсовета и Советом по делам РПЦ в Москве. Через два с половиной месяца после отъезда из Красноярска святителя Луки, в начале января назначенного, в связи с передислокацией эвакогоспиталей на запад и по личному ходатайству архиепископа к Патриарху, на Тамбовскую кафедру, 20 марта 1944 г., Председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР т. Карпову направляется отношение председателя исполкома Красноярского крайсовета В. Колушинского по поводу возможной передачи верующим здания Покровской церкви.³⁷ Официальный договор с горисполкомом о принятии общиной здания Покровской церкви был подписан (символическая дата!) 8 мая 1945 г.³⁸ Закончилась самая кровопролитная война в истории человечества. За несколько часов до её окончания был подписан договор о передаче верующим сохранившейся в центре Красноярска старинной церкви. Храма, которому со временем предстояло стать Кафедральным собором будущей, возрождённой в 1990 г. решением Поместного Собора епархии.

Тексты документов приводятся и цитируются с сохранением некоторых орфографических и грамматических особенностей подлинника.

Примечания:

- ¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве; Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. — М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999; Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002; Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война». 24 марта 2005 г. - М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. - С.25-35; и др. публикации.
- ² См., напр.: Обозный К.П. История Псковской православной миссии 1941-1944 гг. - М.: Издательство Крутицкого подворья: Общ-во любителей церковной истории, 2008.
- ³ Поповский М. Жизнь и житие Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. - Париж: УМКА-PPRESS, 1979. В настоящей публикации использовано издание: То же. - СПб.: Сагис : Держава, 2007.
- ⁴ См., в частн.: Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный : Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). - М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009; Марущак Василий, протодиакон. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). - М.: Даниловский благовестник, 2006; Исповеднический подвиг святого целителя Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) и его деяния в памяти красноярцев // Антоний, архиепископ Красноярский и Енисейский. Доклады на международных конференциях. - Красноярск, 2006. - С.23-24.
- ⁵ Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф., архиепископ). «Я полюбил страдание...»: Автобиография / запись Е.П. Лейкфельд. - М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1998.
- ⁶ Пузин Н.П. Несколько штрихов к биографии профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки. (По неопубликованным письмам и воспоминаниям) // Вестник Русского христианского движения. 1994. № 3 (170).
- ⁷ Аржаных О.П. Из воспоминаний красноярцев о святителе Луке // Православное слово Сибири. - 2002. № 2—3. - С. 26-27.
- ⁸ См., напр., содержательную публикацию: Волкова М.Г. Поруганная вера (о репрессиях против священнослужителей) // [Электрон, ресурс]. Путь: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/08.html>.
- ⁹ Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сборник документов / Правительство Красноярского края: Архивное агентство Красноярского края. - Красноярск, 2010. - Сс.331-332.
- ¹⁰ Мирошникова Т.И. Один из многих (о судьбе священника Н.В. Попова) / Т.И. Мирошникова // Люди и судьбы. XX век: тезисы докл. и сообщ. научн. конференции. Красноярск, 30 октября 2003 г. / Ком. по делам архивов адм. Краснояр. края: Красноярск. культурно-историческ. музейн. комплекс. - Красноярск: [б. и.], 2003. - С. 139-142.
- ¹¹ Малашин Г.В. Судьба Церкви - в судьбе храма. - Красноярск: ИД «Восточная Сибирь», 2008.
- ¹² Там же. С. 74-99.
- ¹³ См.: Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия: 1861 – 2011 гг. Красноярск, Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. – Прим. ред.
- ¹⁴ ГАКК. Ф. Р1386. Оп. 1. Д. 707. Л.л. 2,138.
- ¹⁵ Фабрика Ю.А. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945) [Электрон, ресурс]. Путь: <http://www.librero.ru/artikle/megapolis/patriot.html>.
- ¹⁶ Напр., в 1941 г. ещё был жив и жил у дочери-безбожницы в Красноярске бывший туруханский священник, о котором много заботился свт. Лука, о. Мартин Римша. Об этом см.: Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф., архиепископ). «Я полюбил страдание...»: Автобиография. [Комментарии. Дополнения / Б/у автора]. [Электрон, ресурс]. Путь: <http://www.orthomed.ru/pms.php?id=librari. Article.00310>
- ¹⁷ Игумен Дамаскин (Орловский). Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период. Цит. по: [Электрон, ресурс]. Путь: <http://www.ezh.sedmitza.ru/index.html?did=513>
- ¹⁸ «В конце июля прилетел на самолёте в Большую Мурту главный хирург Красноярского края и просил меня лететь вместе с ним в Красноярск, где я был назначен главным хирургом эвакогоспиталя 1515», - свидетельствует сам свт. Лука. - Лука, Войно-Ясенецкий. Указ. соч. - С.84.
- ¹⁹ ГАКК. Ф. Р1384. О.2. Д. 78. Л.18.; Д.79. Л.132.
- ²⁰ Катунин Ю.А., Захаров М.Ф. В.Ф. Войно-Ясенецкий - человек-легенда. // [Электрон, ресурс]. Путь:<http://www.crimea.edu/internet/Education/culture/01/part4/kunin.htm>
- ²¹ «Поистине стремительная эволюция от persona odiosa к persona grata!» – писал об этом сам В.Ф. Войно-Ясенецкий. Цит по: [Электрон, ресурс]. Путь: <http://www.orthomed.ru/pms.php?id=librari. Article.0031>
- ²² См., напр.: Цыпин Владислав, протоиерей. Указ. соч. – С.25-35.
- ²³ 5 апреля 1942 г. было объявлено в приказе военного коменданта Москвы о разрешении беспрепятственного движения по городу всю пасхальную ночь «согласно традиции», а 9 апреля в Москве впервые за многие годы состоялся Крестный ход со свечами. Об этом см., напр.: Поповский М.А. Указ. соч. – С.377.; Чмутов В.П. Празднование Пасхи в 1942 г. [Электрон, ресурс]. Путь: http://www.Otrok-ua.ru/sections/art/show/prazdnovanie_paskhi_v_1942_godu.html; Фабрика Ю.А. Указ. соч.
- ²⁴ См., напр.: Глуценков В.А. Святитель Лука – взгляд в будущее. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2007. -С. 170-172.
- ²⁵ Весной 1942 г. отношение властей к Владыке Луке улучшилось. Хирургу-консультанту стали выдавать обед, завтрак и ужин с общей кухни, стали заботиться об улучшении условий его работы. На межобластном совещании главных хирургов архиепископу Луке «устроили настоящий триумф, – как писал он Михаилу. – Мнение обо мне в правящих кругах самое лучшее и доверие полное. Слава Богу!» – Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный... – С.320.
- ²⁶ Лука (Войно-Ясенецкий В.Ф., архиепископ). «Я полюбил страдание...»: Автобиография. – М.: Изд-во им. Святителя Игнатия Ставропольского, 2001. – С.85.
- ²⁷ Пузин Н.П. Несколько писем В.Ф. Войно-Ясенецкого (Л.Н. Толстому, Н.П. Пузину). // Слово. 1991, № 3. – С.48.
- ²⁸ Цит. по: Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный... – С.317.

²⁹ Галкин А.К. Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 г. // «Вестник Церковной истории». Москва, 2008 г. №2(10). – С.90.

³⁰ Приведём только несколько цифр из отчёта красноярского благочинного иерея Николая Попова за последний военный, 1945 год. «Сведения о сборах пожертвований от церквей Красноярского Края в фонд обеспечения семей бойцов Красной Армии погибших на фронте в Отечественную войну за 1945 г. 1. Покровская церковь — 250 105 р. 2. Никольская –16 500 р. 3. Абаканская - 2 000 р. 4. Спасская Минусинская – 1 444 р. 5. Параскеивская, с. Шилинское Сухобузимского р-на – 350 р. 6. Комская церковь – 300 р. 7. Чебаковская церковь, с. Чебаки – 300 р. Итого – 270 999 р.)». – ГАКК. Ф. Р2384. О.1. Д.74. Л.26.

³¹ Марущак Василий, протодиакон. Указ. соч. – С.62

³² Описка. Следовало: 27. II (именно на это число в 1943 г. приходилась Вселенская родительская суббота. Год был не високосным).

³³ ГАКК. Ф. Р2384. О.1. Д.75. Л.24 об.

³⁴ Там же. Л.28.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л.10 об.

³⁷ Там же. Л.19.

³⁸ Там же. Л.Л.59-60.

С.В. Махина,
г. Минусинск

Развитие и распространение пчеловодства в Красноярском крае.

Экологические проблемы развития

Пчеловодство Красноярского края ведёт своё летосчисление с 1835 г. Пчёлы завозились из Бийского и Кузнецкого округов, Томской губернии. К сер. XIX в. пчёлами стали обзаводиться во многих районах Енисейской губернии.

В 1865 г. 25 пчелосемей было завезено с Алтая на территорию Хакасии (ныне Таштыпский район). В Минусинском округе Енисейской губернии пчеловодство зародилось в 60-х гг. XIX в., к 1888 г. в округе насчитывалось 12 000 пчелосемей. Примерно такое же число пчелосемей к этому времени было и в Ачинском округе.

Одним из зачинателей пчеловодства был Кальнинг – житель д. Верхний Суэтук (ныне Каратузский район), имевший в 1892 г. 40 пчелосемей в рамочных ульях системы Берлепша. В 1902 г. в Енисейской губернии появляется рамочный улей системы Левицкого.

Вместе с усилением переселенческого движения в Сибирь рос и завоз пчёл из центральных губерний России. В с. Тасеево отдельными переселенцами были завезены пчёлы из Смоленской губернии. Одновременно с разведением пчелосемей увеличивалось число пасек с рамочными ульями. Богатейшая медоносная растительность при благоприятных метеорологических условиях обильно выделяла нектар, что явилось причиной организации крупных пасек с расположением на одной точке иногда до 500 пчелосемей, являвшихся собственностью зажиточных крестьян и купцов.

Характерной особенностью развития пчеловодства в прошлом являлось то, что оно находилось в абсолютной зависимости от стихийных сил природы.

В хорошие по медосбору годы пчеловодство развивалось, в плохие – целые пасеки гибли от голода. Особенно большой была гибель пчёл в зимовнике. В 1913 г. по всей Енисейской губернии погибло около 50% пчелосемей. Большой процент гибели приходился на таёжные пасеки. Вплоть до коллективизации сельского хозяйства, несмотря на известный рост рамочных ульев (60% рамочных ульев на момент коллективизации), пчеловоды не могли оградить себя от тяжёлых последствий, вызываемых в отдельные годы неблагоприятными метеорологическими условиями для медосбора.

Сейчас Красноярский край занимает огромную территорию, на которой неизбежно наличие разнообразия природных и климатических зон, по-разному влияющих на пчеловодство и вызывающих разнообразие приёмов пчеловодства. Если мы посмотрим на карту Красноярского края, то с запада вплоть до Енисея простирается Западно – Сибирская низменность она представ-

лена заболоченной тайгой (часть Бирилюсского, Пировского и Енисейского районов). В средней части края таёжная зона имеет более повышенный уровень над морем, обладает разнообразием ландшафта. Лесостепь и степь как бы отдельными островами вкраплены в тайгу. Ачинская, Красноярская, Канская, Восточно-Минусинская лесостепи межуют со степной и таёжной зонами. Так, например: Восточно-Минусинская лесостепь граничит с Приабаканской и Боградской степью (Хакасия). В середине Канской лесостепи расположен степной район (Рыбинский р-н и часть Канского); Чулымско-Енисейская лесостепь граничит с так называемой Батеневской степью (часть Ужурского, Шарыповского и Ширинского районов). Красноярский край находится на стыке двух климатических провинций; со стороны Западно-Сибирской низменности поступает воздух, насыщенный парами в Атлантическом океане и несущий осадки, с Северного Ледовитого океана и с востока со стороны Сибирского антициклона поступает холодный воздух. Все эти явления вызывают ветры, бури и являются причиной неустойчивой погоды. Осадки уменьшаются с запада на восток и по направлению с севера на юг. В летнее время осадков выпадает больше, чем в зимнее, при этом по отдельным годам выпадает осадков крайне неравномерно.

Восточно-Минусинская лесостепь имеет более мягкий и тёплый климат, в основном совпадающий с климатом южной части предгорья. Издавна здесь развивается садоводство, достаточно значительные площади, занятые посевами гречихи, люцерны, донника. Там, где лесостепь граничит с предгорьем (включая районы Хакасии – Бейский, Аскизский и Таштыпский), создаются особенно благоприятные условия для развития пчеловодства, так как пчёлам становится доступной не только полевая, но и таёжная медофлора и, как правило, безвзяточных годов в этих местах не бывает.

Характерно, что Восточно-Минусинская лесостепь и в прошлом была районом развитого пчеловодства. Изучение материалов по развитию пчеловодства в Минусинском районе и по югу Красноярского края показало, что в 1888 г. на стыке таёжной и лесостепной зон приходилось на одну пасеку 58 ульев, в лесостепной – 29 и в степной – 10.

К сер. XIX в. в Минусинском округе существенно увеличилась торговля сельскохозяйственной продукцией. Одним из выгодных занятий являлась скупка и перепродажа хлеба (наибольшее количество хлеба вывозилось из Минусинского округа), скототорговля, торговля вином. На протяжении значительно долгого времени в России, и в т. ч. в Енисейской губернии пчеловодство играет весьма скромную роль. Экономическая статистика почти не ведётся. Само занятие пчеловодством относят не к отраслям сельского хозяйства, а скорее к народным промыслам. Между тем к концу втор. пол. XIX в. в Енисейской губернии, в т. ч. и в Минусинском округе, между мелкими отраслями сельского хозяйства пчеловодство стало занимать первостепенное место по своей выгодности. Едва ли в то время можно найти другое сельскохозяйственное занятие, которое можно было начать с вложения небольших средств. Основанием больших пасек являлось нередко, случайно найденный или случайно залетевший рой, от которого потом разводили десятки пчелосемей.

Размер доходов был различен и менялся согласно погодным условиям весенне-летнего сезона. И всё же прибыль была значительна по отношению к затраченному капиталу. Известный в то время пропагандист пчеловодства в России Бутлеров А.М. приводит такие нехитрые экономические расчёты: «...положим за улей (усовершенствованный) с пчёлами очень высокую цену – 10 рублей и допустим, что круглым счётом получается в год только 10 фунтов мёда с улья. Тогда, считая мёд по весьма умеренной цене – 15 копеек за фунт, будем иметь 1 рубль 50 копеек валового дохода (т. е. 50%) с улья от одного мёда. Но кроме мёда получается ещё и воск...» Таким образом, для крестьянской семьи валовый доход являлся почти чистым доходом. Продукция пчеловодства, как и другая продукция сельского хозяйства, сбывалась на ярмарках и базарах. В рассматриваемый период в Енисейской губернии, в т. ч. и Минусинском округе ярмарочная торговля позволяла

преодолеть экономическую изоляцию отдельных населённых пунктов, удовлетворяла потребности населения в сбыте собственной продукции и приобретении необходимых товаров.

В нач. XX в. на базаре отмечалось изобилие и цены были очень низкими. «Крестьяне везли мясо, свежую рыбу: хариус, ленок, таймень, масло сливочное, растительное и пихтовое, картофель, зерно, паровой деготь и др., привозили и изделия кустарного промысла: деревянную посуду, бочки, кадки, лагуны, туески, корзины, а также мёд, орехи и кедровые шишки».

В настоящее время сравнительно высокая цена на мёд в Красноярском крае и Минусинском районе, способствует развитию не только пчеловодства, но и ввозу мёда. Ввоз способствует снижению цены на мёд, что хорошо для покупателей и плохо для пчеловодов.

Есть утверждение, что ввоз 1 тонны мёда приводит к сокращению на 20 пчелосемей в стране, куда ввозят мёд. Это утверждение трудно доказать и трудно опровергнуть, статистических данных никто не ведёт.

Не случайно в некоторых странах мира импорт мёда запрещён. Однако очевидно добиться подобного в России нереально, потому что за последние десятилетия на область пчеловодства обращается недостаточно внимания. Хотим мы того или не хотим, а должны конкурировать с привозным мёдом. В данной ситуации на первый план выходит качество привозимого мёда. Поскольку ввозят его предприниматели, для которых разница между закупочной и продажной ценой – смысл бизнеса.

Чтобы уверенно занять свою нишу на Красноярском рынке мёда они должны предлагать более дешёвый мёд и не всегда качественный. Следовательно, коммерсанту покупать надо очень и очень дёшево. И такой мёд предлагают. Оптовая цена на мёд в бочках и флягах – около евро за 1 кг. Столь дешёвый мёд уже давно присутствует на рынке мёда в России, в т. ч. и в Красноярском регионе. В мае 2011 г. в Красноярский край привезли более 20 т некачественного китайского мёда. Инспекторы ветнадзора краевого Управления Россельхознадзора задержали партию мёда, поступившего к нам в край поездом из Приморского края с нарушением ветеринарно-санитарных требований. На упаковках с пчелиным мёдом не было ни одного слова по-русски! Поэтому выяснить происхождение, срок годности и качество продукта оказалось невозможно. Также из-за отсутствия маркировки на русском языке, не удалось идентифицировать указанный груз с ветеринарным сопроводительным документом. Всю партию (20,3 т) сладкого товара изъяли из оборота, но это только один пример выявленного фальсификата. Сколько фальсифицированного мёда продано, никто не считал. Самое печальное то, что практически везде и всегда его продают под видом Алтайского, Башкирского, Дальневосточного и других популярных сортов мёда. Покупатели имеют право знать, что они покупают. Знатоки утверждают, что сорта мёда таёжных, подтаёжных и северных районов по физико-химическим показателям значительно лучше. Они не такие броские по запаху, у них нежнее вкус, но они качественнее и полезнее. Кроме того, для каждого человека особенно полезны продукты питания, выращенные рядом с местом его жительства.

В связи с Мировыми процессами глобализации, вступлением всё большего числа государств (в т. ч. постсоветских) в ВТО – границы государств – становятся всё меньшим препятствием для ввоза очень дешёвого мёда из других стран.

Китай, например, – страна, где не было пчелы медоносной (там издавна жила более примитивная средняя индийская пчела), с завозом европейских пчёл постепенно превратился на мировом рынке в крупнейшего поставщика необычайно дешёвого мёда, часто оптовая цена его бывает ниже 1 евро за 1 кг. Этот мёд хлынул на мировой рынок, снижая цены и разоряя пасеки во многих странах. Оказалось, что качество этого мёда настолько низкое, что многие страны признали недопустимым его употребление в пищу. Некачественный, фальсифицированный мёд может быть выявлен и в Красноярском регионе. Одновременно медовые предприниматели придумывают технологии позволяющие «совершенствовать» такой мёд. Вот цитата из исследований

российских учёных: «Пока же, китайский мёд такого качества годен только для промпереработки, а допускать его в розничную продажу нельзя, даже при соответствии всем параметрам отечественного ГОСТа, что говорит о несовершенстве последнего». Поэтому необходимо тщательно контролировать качество мёда, в т. ч. проверять на наличие антибиотиков и на состав цветочной пыльцы в меду. Неплохо было бы и на местах розничной продажи устраивать такие проверки. Если в сибирском, алтайском, башкирском меду окажется пыльца апельсина и банана, то тут есть о чём задуматься. Пчёлы, собирая нектар, сгущают его до влажности 18-20% и после этого запечатывают каждую ячейку с мёдом. Печатка это как знак качества. Такой мёд может храниться, буквально годами. Наши пчеловоды обычно откачивают зрелый мёд в перерывах между двумя взятками. Например, после отцветания малины и перед зацветанием разнотравья. В южных странах частота взятки постоянная – без таких перерывов. Причём обильная и у пчеловодов часто просто не хватает сотов. Положение ещё более усугубляется высокой влажностью воздуха, когда пчёлы просто не могут даже усиленной вентиляцией снизить влажность нектара. В таких условиях пчеловоды-коммерсанты откачивают фактически жидкий нектар и чтобы не допустить его неизбежного брожения, добавляют в бочки с нектаром хлорамфеникол. Этот антибиотик очень эффективно подавляет брожение. По мере накопления такого нектара его поставляют на перерабатывающее предприятие, где без труда снижают влажность до 18%. Есть сведения, что уже используется и синтетическая диастаза.

Рынок продукции пчеловодства в регионе находится на стадии становления, и эффективность его работы в значительной степени будет зависеть от государственной поддержки. Пчеловодство в регионе обладает огромным потенциалом, только необходима господдержка и гарантированный сбыт продукции под определённые договоры и программы. Рынку пчеловодства в Минусинском районе, в районах Красноярского края и в соседних областях, присущи определённые особенности. Во-первых, зависимость производства продукции (особенно маток и семей в пакетах) от погодных условий, что ограничивает контроль товаропроизводителя за её количеством и качеством. Во-вторых, наличие гарантированного спроса на пчеловодную продукцию, т. к. она удовлетворяет самые насущные потребности населения. В-третьих, повышающийся спрос не только на мёд, но и на композиции (мёд с добавлением цветочной пыльцы, мёд с маточным молочком, мёд с прополисом и т.д.) требует создания современных предприятий для их переработки. Продажа товара через крупные продовольственные сети Красноярского региона предъявляет более высокие требования к его качеству, внешнему виду и другим характеристикам, нежели продажа на обычном рынке. Поэтому продавцы продуктов пчеловодства вынуждены тратить всё больше средств на проведение анализов мёда, рекламу его как полезного, натурального и экологически чистого продукта и его продвижение к потребителю. Связанные с этим расходы неизбежно ведут к удорожанию мёда и, как следствие, к понижению его конкурентоспособности по сравнению с другими «подсластителями»: джемами, вареньем и т.д.

Наш медовый рынок имеет все признаки рынка «непрозрачного» и «неорганизованного». Отсутствуют маркетинговые исследования, которые могли бы прояснить ситуацию. По имеющимся оценкам, пчеловоды Красноярского края, в основном пчеловоды частных пасек, продают перекупщикам около 50% мёда. Профессиональный же сектор, который теоретически мог бы составить конкуренцию посредникам, в Красноярском крае практически отсутствует. Ярким подтверждением равнодушного отношения к интересам отрасли, где работает более 5 тыс. пчеловодов, является программа развития агропромышленного комплекса Красноярского края на 2009-2017 гг. В ней не найти упоминания об этой отрасли. Про интересы пчеловодов просто забыли, не знают о состоянии дел в отрасли и перспективами её развития не интересуются. Отсюда незнание рынка мёда и продуктов пчеловодства в регионе, его сегодняшнее состояние. Самое главное в том, что пчеловодство не рассматривается как серьёзная отрасль сельского хозяйства

края. По сути дела в регионах края ничего не сделали для перевода рынка мёда с любительского и мелкотоварного. Если мы хотим потреблять на душу населения своего, местного мёда 3-4 кг в год и ещё продавать его в другие регионы, то необходимо создавать коммерческий сектор пчеловодства. В России, в т. ч. и в Красноярском крае, пасеки представлены 20-30 пчелосемьями. На немногих из них более 100 семей. Нет даже статистики по этим хозяйствам Красноярского края и Минусинского района. В таких условиях занятие пчеловодством носит любительский характер. Пчеловоду на этом уровне, по сути, не нужны отлаженная система сервисных услуг, внедрение новых технологий и оборудования, т. к. выручка от реализации продукции является дополнительным источником для бюджета семьи, а не определяющим.

2011

Литература:

1. ГОСТ 19792-01. Мёд натуральный. Технические условия.– Взамен ГОСТ 19792-87; Введ. 01.07.2003. – М.: Издательство стандартов, 2003. – 22 с.
2. ГОСТ Р 51074-03. Пищевые продукты. Информация для потребителя. Общие требования. – Взамен ГОСТ Р 51074-97; Введ. 01.01.05. – М.: Издательство стандартов, 2003. – 18 с.
3. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы. СанПин 2.3.2.1078-01. – Москва: ФГУП «ИнтерСЭН», 2002. – 168 с.
4. Александров Ю.Л. Исследование рынка потребительских товаров: Методические основы, практика, использование/Ю. Л. Александров – М.: Красноярск гос. ун-т, 2000.-320 с.
5. Арсен А.В. Как получить мёд: справочник для производителей /А. В. Арсен – Минск: Беларусь, 2002. – 345 с.
6. Бутлеров А. Пчела, её жизнь и главные правила толкового пчеловодства./А. Бутлеров – Санкт Петербург: Общественная польза, 1883. – 65 с.
7. Пакратова В.В. Маркетинг: учеб. пособие./В. В. Пакратова – М.: ПРИОР, 2003. – 420 с.
8. Табаков Н. Пчеловодство края /Электронный ресурс/Н. Табаков. - Режим доступа: beelife/ORG.
9. Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: «Буква С», 2008.- 592 с.

С.В. Махина, В.А. Перезовова,
г. Минусинск

Вопросы качества современных пищевых продуктов и культуры питания жителей Красноярского края

Правильное питание – важнейшая составляющая здорового образа жизни. В настоящее время в нашем регионе остро стоит вопрос о том, как воплотить в практику рекомендации учёных по достижению высокого качества продуктов питания. Рационализация и оптимизация питания населения Красноярского края затрагивает не только сферу медицины. Она затрагивает все сферы жизни: влияет на экономику, на развитие сельского хозяйства, агропромышленный комплекс, в т. ч. и на переработку продуктов, а в целом на улучшение благосостояния общества. Проблемы питания, включающие вопросы нарушения структуры питания различных групп взрослого населения и обеспечение безопасности продуктов, всегда остаются в центре внимания.

Одно из основных направлений государственной политики в области здорового питания – создание технологий производства качественно новых пищевых продуктов с направленным изменением химического состава, в т. ч. лечебно-профилактического назначения, а также ликвидация существующего дефицита витаминов. Макро- и микроэлементов (железа, кальция, йода и т.д.). Одна из основных задач, ликвидация витаминной и минеральной недостаточности в продуктах,

при этом необходимо охватить широкие слои населения, ориентация производителей на продукты повседневного массового спроса, к которым относятся мясные, молочные, хлебобулочные и кондитерские изделия.

Многолетние наблюдения показывают, что население Красноярского края потребляет меньше, чем в других регионах РФ, таких продуктов, как молоко и молочные продукты, яйца, сахар, растительное масло, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды. Потребление населением края мяса и мясопродуктов, рыбы, хлеба и хлебопродуктов находится на уровне, среднем по РФ.

Существует проблема канцерогенных рисков, и они напрямую связаны с неблагоприятными экологическими условиями проживания. Росгидромет определил перечень из 90 городов с наиболее неблагоприятной экологической обстановкой, связанной с выбросом в атмосферу более 1 тыс. тонн загрязняющих веществ, отходящих от промышленных предприятий. Из этого перечня выделяют 12 самых грязных городов России по уровню выбросов загрязняющих веществ промышленными предприятиями (более 100 тыс. тонн) в атмосферу. Среди них Норильск (один из самых грязных городов мира), Новокузнецк, Череповец, Липецк. Наиболее высоки канцерогенные риски при потреблении основных продуктов питания, содержащих мышьяк, кадмий и свинец. При этом наибольшие индивидуальные риски обусловлены потреблением овощей, хлебобулочных изделий и молочных продуктов.

Анализ структуры питания населения края в настоящее время выявляет ряд негативных тенденций. Согласно обобщенным данным эпидемиологических исследований, выполненных ГНИЦПМ МЗ России, они характеризуются снижением поступления в организм полноценных белков, витаминов и минеральных веществ; разбалансированностью рациона питания за счёт избытка потребления животных жиров и простых углеводов и недостатка потребления растительных масел, сложных углеводов и пищевых волокон.

Ещё одна немаловажная причина, приводящая к разбалансированному питанию: наша пищевая промышленность в погоне за количеством насыщает рынок очень узким ассортиментом пищевых продуктов, который не обеспечивает необходимую структуру питания населения; преобладает выпуск продукции, не отвечающих современным требованиям по показателям пищевой ценности.

Рынок Красноярского края заполнен продуктами зарубежного производства, которые зачастую имеют низкое качество и содержат большое количество консервантов и небезвредных для здоровья химических примесей.

Кардинальное решение проблемы здорового питания жителей края возможно только путём осуществления правительственных мер, подкреплённых конкретными практическими действиями.

Это: производство экологически чистых продуктов питания; разработка технологий получения, переработка и хранения продуктов, обеспечивающих уменьшение содержания и образования в них вредных для организма веществ; разработка технологий получения нерафинированных продуктов (круп, масел, сахара), обладающих более высокой пищевой ценностью; витаминизация продуктов (хлеба, молочных продуктов, круп, масел и др.); расширение ассортимента и количества лечебно-профилактических продуктов, уже выпускаемых промышленностью (хлебо-булочных изделий, обогащённых отрубями, молочной сывороткой, соевой мукой, бета-каротином; молочно-кислых продуктов, обогащённых естественной бифидо- и лактофлорой; растительных масел, изготовленных без применения синтетических антиокислителей, с использованием натуральных добавок: горчичного порошка, соевой муки, хрена, моркови, красного перца, кориандра и др.); выпуск широкого ассортимента пищевых продуктов заданного качества: низкокалорийных со сниженным содержанием животного жира и сахара, обогащённых белками, минеральными веществами, пищевыми волокнами. Эффективность именно такого пути укрепления здоровья и профилактики большой группы заболеваний убедительно доказана на опыте многих стран мира.

Сложившаяся в нашей стране неблагоприятная экономическая ситуация не позволяет рассчитывать на скорое осуществление даже части из названных мероприятий. Поэтому человеку остаётся самому позаботиться о своём здоровье. А сделать это можно даже при нынешнем положении.

Большое значение для рационального питания имеет использование продуктов растительного происхождения, обладающих оптимальным белковым, жировым и витаминным составом. Среди них особое место занимают некоторые бобовые и зерновые культуры, в частности – соя, палевопёстрая фасоль, чечевица, молодые стручковая фасоль и горох, амарант. Они являются источниками полноценного растительного белка, богаты минеральными солями, фосфатидами, полиненасыщенными жирными кислотами (ПНЖК), витаминами.

В настоящее время получают распространение продукты из сои: соевая мука, молоко, соевые продукты типа Супро и Олимпик, соевый концентрат, соевый соус, соевое масло. Все эти продукты изготавливаются в нашей стране и должны быть доступны для потребления и жителей края. Палевопёстрая фасоль, как и соя, по количеству и составу белков приближается к мясу. Кроме того, в ней обнаружены вещества, близкие по свойствам агглютинидам – антителам, которые обуславливают невосприимчивость человека к ряду инфекционных заболеваний.

Ценной пищевой добавкой являются пшеничные зародыши и проросшее зерно, белки которых содержат все незаменимые аминокислоты. Кроме того, они богаты витаминами, минеральными и биологически активными веществами. Недаром за рубежом в последние годы большую популярность приобрела пицца, называемая спраутс – пророщенные зёрна, семена или орехи. Спраутс продаётся в магазинах, добавляется в самые разные блюда.

Во всем мире в качестве пищевых добавок используются водоросли, которые являются богатым источником микроэлементов, витаминов, содержат, помимо хлорофиллина, каротиноиды, целлюлозу, пектин и многое другое. В Японии широко распространена искусственно выращиваемая одноклеточная водоросль – хлорелла. Она входит в состав многих пищевых продуктов (кондитерские изделия, мороженое, хлеб, молоко).

На российском потребительском рынке и в аптечной сети имеются продукты и пищевые добавки из бурой морской водоросли – ламинарии. Это сухая морская капуста, салаты из морской капусты, пищевые добавки «Фиталон» и «Кламин», разработанные на основе концентрата липидной фракции бурой водоросли.

В последнее время появились целый ряд морепродуктов и пищевых добавок из них, обладающих лечебно-профилактическим действием: продукты НПП «Тринита» (пищевые масла – концентраты ПНЖК, пресервы рыбные, консервы диетические); ВНИРО («Миги-КЛП», получаемый из мидий); АО «Полиен» (полиен-жир рыбный, обогащённый ПНЖК ОМЕГА-3) и др.

К сожалению, вследствие несбалансированного питания у большинства жителей края имеются нарушения пищеварения на доклиническом или клиническом уровне. Этому способствует и широко наблюдаемый дисбактериоз как результат антибактериальной терапии. Для профилактики и лечения этих состояний могут быть использованы пищевые кисломолочные продукты, содержащие бифидо- и лактофлору («Бифидок» и «Наринэ» г. Санкт-Петербург), которых явно недостаточно на продовольственном рынке края.

Пищевое поведение влияет на функциональное поведение и состояние организма жителей края разных возрастных категорий, регулируя самочувствие, активность и настроение и работоспособность.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что одно из основных направлений региональной политики в области здорового питания и качества продуктов – создание технологий производства качественно новых пищевых продуктов с направленным изменением химического состава, в том числе лечебно-профилактического, а также ликвидация существующего дефицита

витаминов, макро и микроэлементов (железа, кальция, йода и т.д.), при этом нужна ориентация на продукты повседневного, массового спроса, к которым относят мясные, молочные, хлебобулочные и кондитерские изделия. При создании новых продуктов обязательным условием должна стать оценка пищевой безопасности сельскохозяйственной продукции и пищевых продуктов.

2011

Литература:

1. Василевский А.М. Риски для здоровья населения Красноярского края, обусловленные потреблением продуктов питания, загрязненных тяжелыми металлами / А.М. Василевский // Вопросы питания. - 2009. - №1. - С. 63-67.
2. Воронова Т.В. Исследования питания студентов / Т.В. Воронова // Пищевая промышленность. - 2007. - №8. - С. 68.
3. Диетология: проблемы и горизонты / Пищевая промышленность. - 2007. - №1. - С. 31-32.
4. Драчева Д.В. Технологии и продукты здорового питания / Д.В. Драчева // Пищевая промышленность. - 2008. - №12. - С. 88.
5. Кухаренко А.А. Качество современных пищевых продуктов и культура питания / А.А. Кухаренко, А.Н. Богатырев, В.М. Короткий // Пищевая промышленность. - 2008. - №9 - С. 64-66.
6. Спиричев В.Б. Научное обоснование применения витаминов в профилактических и лечебных целях / В.Б. Спиричев // Вопросы питания. - 2010. - №5. - С. 4-13.
7. Титов Е.И. Аналитические исследования структуры питания студентов / Е.И. Титов, Л.Ф. Митасева, И.В. Глазкова, М.А. Никитина // Пищевая промышленность. - 2007. - №1. - С. 30.
8. Улумбекова Г.Э. Здоровье населения в Российской Федерации: факторы риска и роль здорового питания / Г.Э. Улумбекова // Вопросы питания. - 2010. - №2. - С. 33-38.

А.В. Мохова,
г. Абакан

Реформа высшей медицинской школы в 1930-х гг. и её влияние на здравоохранение Хакасии

На протяжении XX в. отечественное здравоохранение претерпело многочисленные преобразования. Высшая медицинская школа, обеспечивающая медицину и здравоохранение научными и врачебными кадрами, также подвергалась реформированию. Это свидетельствует о том, что до сих пор не найдены универсальные и действенные способы и методы улучшения функционирования всей системы здравоохранения и отдельных её звеньев.

Анализ научной литературы показывает, что высшая медицинская школа России к нач. XX в. имела слаженную систему функционирования и соответствовала требованиям подготовки врачей своего времени. Врачебные кадры готовились на медицинских факультетах 17 университетов страны.¹ Ежегодные выпуски врачей не превышали 1 тыс. чел.²

После Октябрьской революции 1917 г. в условиях политического и экономического кризиса, культурного отставания от многих европейских стран остро стоял вопрос о подготовке квалифицированных кадров. Национальные районы России ввиду отсутствия медицинской помощи и обширного развития эпидемий особо нуждались в медицинских специалистах. Поэтому развитие высшего медицинского образования и подготовка специалистов стали одной из приоритетных задач молодого советского государства в сфере здравоохранения.

Выработанные правительством направления реформирования высшей школы легли в основу первых декретов советской власти в области высшего образования. В вузы принимались, в первую очередь, дети рабочих и крестьян, вводилось бесплатное обучение, не требовалось предо-

ставления документов о среднем образовании, был предусмотрен приём в высшие учебные заведения всех граждан обоёго пола, достигших 16 лет, без экзаменов.

Советской власти удалось сформировать систему высшего образования, основанную на принципах классовости, общедоступности и контроле со стороны государства. Однако новые правила приёма не давали трудящимся реальной возможности учиться в вузах в силу слабой образовательной базы, а в национальных районах – ещё и в силу плохого владения или незнания русского языка. Ввиду низкого образовательного уровня рабоче-крестьянского студенчества с 1919 г. было решено открыть рабочие факультеты (рабфаки) при университетах. С помощью рабфаков партийное руководство ускорило процесс изменения классового состава студенчества, началась так называемая «пролетаризация» высшей школы.

Начиная с 1930 г., вузы стали переходить в ведение соответствующих наркоматов и ведомств. Медицинские факультеты вузов, став самостоятельными институтами, перешли в подчинение Наркомздрава РСФСР. Это позволило медицинским вузам ориентироваться на нужды здравоохранения, с одной стороны, совместить науку с практикой, с другой, и, конечно, улучшить качество преподавания. В связи с острой эпидемиологической ситуацией, нехваткой санитарных врачей и эпидемиологов было принято решение усилить преподавание санитарно-гигиенических и профилактических дисциплин путём открытия дополнительных факультетов с сер. 1930-х гг. – санитарно-гигиенического и педиатрического.

Растущая потребность во врачебных кадрах вызвала необходимость дальнейшего расширения сети медицинских вузов. Если в 1930 г. в СССР было 40 вузов данного направления, то в 1940 г. – уже 72.³ Только за период с 1929 по 1935 гг. новые медицинские вузы появились в 24 городах страны.⁴ И всё же, несмотря на количественный рост числа медицинских вузов, вопрос о подготовке врачебных кадров оставался злободневным. Государство пошло на беспрецедентные меры для ликвидации дефицита врачей. В частности, в 1931 г. медицинские вузы перешли к сокращённым срокам обучения (4 и даже 3,5 года); были введены заочная и вечерняя формы обучения и бригадный метод. Приём абитуриентов осуществлялся два раза в год, обучение происходило в две смены.⁵ Так, на основе постановления СНК РСФСР «О подготовке медицинских кадров» от 22.08.1931 г. приём абитуриентов в медицинские вузы в 1932 г. составил 18 тыс. чел., в медицинские школы и техникумы – 40 тыс. чел., на рабфаки – 22 тыс. чел.⁶ Количественные установки, таким образом, вышли на первый план.

Ускоренное обучение наряду с введением новых дисциплин, чрезмерная перегрузка учебных планов вели к снижению успеваемости и качества подготовки обучающихся. Из года в год увеличивался отсев студентов. Поэтому в 1934 г. высшему медицинскому образованию были возвращены прежние сроки и формы обучения. В целях улучшения подготовки врачей были введены в действие единые учебные программы, 5-летний срок обучения на всех факультетах медицинских институтов со специализацией на V курсе, увеличились ассигнования на выплату стипендий, научно-исследовательскую работу и т.д. Серьёзным стимулом для улучшения профессиональной деятельности и научных исследований явилась материальная заинтересованность преподавательского состава в связи с повышением ему зарплаты и улучшением жилищных условий. Отмена ограничения на приём в вузы в связи с социальным происхождением с 1936 г. способствовала увеличению числа студентов в мединститутах.⁷

В национальных районах, особо нуждавшихся в квалифицированных медицинских специалистах из среды коренного населения, учитывалась специфика их подготовки. В связи с низким образовательным уровнем местной молодежи, её тяжелой адаптацией в незнакомых условиях при медицинских вузах были открыты подготовительные курсы, рабфаки, отделения на соответствующих языках. Да и сама политика «коренизации» требовала большего количества специалистов из среды коренного населения.

Ввиду отсутствия высших медицинских школ в Хакасии, органы власти, начиная с кон. 1920-х гг., заключали с центральными, в большей степени, сибирскими медицинскими вузами договоры на обучение абитуриентов. Например, в 1931 г. два хакаса обучались в Томском медицинском институте и 13 чел. – в медицинских техникумах страны. Широкое распространение получили методы контрактации студентов для работы в тех или иных регионах. Для прохождения практики студенты из Хакасии направлялись на родину, где, порой, выполняли и управленческие функции, и лечебную деятельность.

Эффективность работы медицинских учреждений Хакасии, как и страны в целом, зависела и от количества, и от качества подготовки медицинских специалистов. В этом национальном районе остро ощущалось отсутствие психиатрической, онкологической, неврологической помощи. Повышенный уровень инфекционной заболеваемости требовал немедленного открытия специализированных лечебных учреждений. Колоссальная нагрузка врачей, совмещение ими нескольких должностей тяготели процесс оказания квалифицированной медицинской помощи. Поэтому в течение 1930-х гг. при медицинских вузах стали открываться институты усовершенствования врачей.

Специализация врачебных кадров, усиление научно-медицинской деятельности помогли начать активную борьбу с болезнями. Применение новых форм и методов в лечении, наряду с санитарно-просветительной и профилактической деятельностью, привело к тому, что многие болезни в Хакасии к кон. 1930-х гг. были ликвидированы. Открытие противотуберкулезного, противотрахоматозного, венерологического диспансеров в Хакасии в сер. 1930-х гг. позволило начать выявление и регистрационный учёт больных, их эффективное лечение. Однако остаточный принцип финансирования здравоохранения, нерациональная расстановка врачебных кадров привели к тому, что до наших дней «дожили» такие социальные болезни, как сифилис, туберкулёз, малярия.

Конец 30-х гг. XX в. отмечен быстрыми темпами развития высшей медицинской школы. Усиление финансирования в сочетании с комплексом мер государственной поддержки позволили увеличить число обучающихся в медицинских вузах, усилить научно-исследовательскую работу. Постепенно увеличивалось количество студентов из коренного населения Хакасии. Всесоюзная перепись медико-санитарных учреждений и медицинских кадров 1930 г. позволила Наркомздраву СССР произвести учёт и распределение медиков в целях дальнейшего улучшения развития высшего медицинского образования.

Система здравоохранения Хакасии, страдавшая острой нехваткой врачебных кадров, особенно национальных, отсутствием специализированных лечебных учреждений, требовала большего количества врачей. Обеспечение целевых мест, открытие рабфаков и подготовительных курсов, финансовая поддержка государства способствовали привлечению местной молодёжи к учебному процессу. Однако слабая образовательная база абитуриентов приводила к ухудшению качества подготовки врачебных специалистов, что отражалось на работе всех звеньев здравоохранения Хакасии. Получившая в течение 1930-х гг. система усовершенствования врачей, прохождение ими специализации содействовали повышению квалификации медиков.

2011

Примечания:

¹ Ерегина Н.Т. Реформа высшей медицинской школы России на завершающем этапе Великой Отечественной войны / Н.Т. Ерегина // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Доклады и тезисы IV-ой Всероссийской конференции (с международным участием). – М., 2008. – С. 50.

² Там же.

³ Советское здравоохранение / под ред. Г.Е. Островерхова; авт. и сост. О.А. Александров, Ю.П. Лисицын. - М.: Медицина, 1972. – С. 199.

⁴ Чикин, С.Я. КПСС и охрана здоровья народа. Изд-е 2-е, доп-е / С.Я. Чикин. – М.: Политиздат, 1977. – С. 47

⁵ Медицинский работник. – 1930.– № 14.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. П-357. О. 1, Д. 136, Л. 10.

⁷ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. / пер. с итал. И.Б. Левина. – М.: Междунар. отношения, 1990. – С. 523.

Влияние антропогенной нагрузки на экологию подземных и поверхностных вод окрестностей с. Орешное Манского района

Красноярский край принято считать водообеспеченной территорией страны, однако, на наиболее освоенные в хозяйственном отношении центральные и южные районы приходится лишь одна пятая часть водных ресурсов региона. Ситуация осложняется ещё и тем, что в связи с интенсивной антропогенной нагрузкой значительные участки водных объектов края характеризуются высокой степенью загрязнённости.¹ Влияние антропогенного фактора на пещеры в сочетании с особенностями гидрогеологии исследуемой территории, привели к возникновению экологических проблем подземных и поверхностных вод. На территории Баджейского участка Манского района площадью 152 кв. км геологами и спелеологами открыто и изучено 19 пещер, которые активно посещаются туристами.

Основными источниками водоснабжения, наряду с использованием подземных вод, является вода, которую население берёт из рек Таёжный и Степной Баджей. В случае сильного её загрязнения по бактериологическим показателям возникает опасность распространения инфекционных заболеваний.

Первые упоминания о подземных водах этого участка встречаются в работах Р.А. Цыкина и Ж.Л. Цыкиной в связи с изучением конгломератового карста.² Но экологические проблемы и их зависимость от динамики карстовых вод не рассматривались, поскольку в то время пещеры ещё не являлись объектами массового туризма. По результатам исследования 1999 г. Б.Р. Мавлюдов в работе «Оценка уязвимости и задачи охраны пещер»³ указывает на то, что численность бактерий группы кишечной палочки в воде пещеры Большой Орешной в некоторых случаях превышает ПДК в миллионы раз.

На формирование подземных и поверхностных вод большое влияние оказывают рельеф, горные породы, наличие тектонических трещин, которые поглощают часть воды, история развития территории. Баджейский карстовый участок сложен конгломератами существенно карбонатного состава, что привело к развитию карстовых процессов. Это послужило причиной образования значительных запасов подземных вод. Породы представлены несортированными, в основном крупногалечниковыми конгломератами нарвской свиты позднего кембрия – ордовика. С юго-запада они ограничены крупными разломами, на северо-востоке они большей частью согласно сменяются более молодой толщей полимиктовых песчаников и гравелитов. По данным геологической документации на закарстованной территории устанавливается наличие мелких складок, серии разломов, сложной трещиноватости.⁴ Автором по методике Н.А. Гвоздецкого⁵ были построены диаграммы трещиноватости, что позволило сделать вывод о единой системе тектонических трещин и разломов, по которым взаимодействуют подземные и поверхностные воды.

Наблюдения показывают, что карстовые воды образуют вытянутые, изолированные потоки, о наличии которых, кроме непосредственных наблюдений в пещерах, можно судить по полыньям и наледям на реках в зимнее время. На р. Таёжный Баджей при исследовании русловых источников в феврале 2011 г. были задокументированы полыньи в 5 точках и 1 наледь на маршруте длиной всего 1,5 км. Размеры и формы незамёрзших участков рек Таёжный и Степной Баджей длиной от 1 до 300 м, несмотря на суровую зиму 2010-2011 г., позволяют сделать вывод об активном участии в питании рек подземных карстовых вод. В карстующемся массиве можно выделить две зоны циркуляции подземных вод: 1 – зона вертикальной нисходящей циркуляции с подзоной висячих потоков (зона аэрации); 2 – зона горизонтальной циркуляции, представленные подземными ручьями и озёрами, наблюдаемые автором до глубины 170 м.

Пещеры – это единственные места на нашей Земле, где открыт доступ к подземным водам. Подсчёт посещений пещеры Большая Орешная проводился по записям в журнале с указанием количества участников спелеогрупп (грот Тур). В среднем пещеру Большую Орешную в течение месяца посещало около 56 туристов. В связи с тем, что подземные лагеря всегда привязаны к источникам воды, то автором целенаправленно брались пробы в местах стоянок спелеологов. Пробы воды, взятые в озере подвешенного типа грота Грандиозный пещеры Орешная (проба 1) и в точке 1 в полынне р. Таёжный Баджей (проба 2) объёмом 0,5 л каждая показали, что массовое посещение пещеры туристическими группами создали условия для нарушения сложившегося биологического равновесия.

На базе лаборатории для учёта санитарно-показательных микроорганизмов (бактерии группы кишечной палочки) автором использовалась среда Эндо, учёт результатов проводился через 24 часа культивирования при температуре +37°C. Учитывались окрашенные в красный цвет колонии, состоящие из грам-отрицательных, оксидазоотрицательных палочек, высеванные на фильтры и мясо – пептонный агар в чашки Петри. Их количество в сотни раз превышало санитарные нормы, как в воде подземных источников, так и в воде реки Таёжный Баджей. Это свидетельствует об исключительно высоком уровне фекального загрязнения пещеры и как следствие – о непригодности многих источников воды для питья. Ещё одна группа выявленных в пещерах микроорганизмов представлена плесневыми грибами *Penicillium*, *Mucor* и др. Данные микроорганизмы в значительном количестве (104-105 клеток/г грунта) присутствуют в гротах с высоким уровнем антропогенного загрязнения.

Большая доля подземного питания рек приводит к бактериологическому загрязнению поверхностных вод в течение всего года. А если учесть, что в весеннее время гидросистема многих пещер (Ручейная, Близнецов) представляет собой единое целое, а многие из подземных полостей являются средне- и высокоэнергетическими, то при значительной доле подземного питания вода в реках Таёжный и Степной Баджей становится особенно загрязнённой по бактериологическим показателям. Использование такой воды населением может привести к вспышке инфекционных заболеваний.

2011

Примечания:

¹ Природные ресурсы Красноярского края: Аналитический обзор / Под ред. А.Н.Якимова – КНИИГиМС, 2001. С. 143.

² Цыкин Р.А. Особенности развития карста на юге Сибири / Р.А. Цыкин, Ж.Л. Цыкина – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1990 – с. 154; Цыкина Ж.Л. Баджейские конгломератовые пещеры / Ж.Л. Цыкина, Цыкин Р.А. – Пермь: Сб. «Пещеры», вып. 10 – 1971. – С. 99-112

³ Мавлюдов Б.Р. Оценка уязвимости и задачи охраны пещер. Проблемы изучения, экологии и охраны пещер / Б.Р. Мавлюдов, Е.В. Коврижных, В.М. Голод – Киев: Институт геологии АН УССР, 1987. - С. 9-10

⁴ Цыкина Ж.Л. Баджейские конгломератовые пещеры / Ж.Л. Цыкина, Цыкин Р.А. – Пермь: Сб. «Пещеры», вып. 10 – 1971. – С. 99-112.

⁵ Гвоздецкий Н.А. Проблемы изучения карста и практика / Н.А Гвоздецкий – М., 1972. - С.45.

Р.В. Оплаканская,
г. Абакан

Инославные подданные Российской империи на службе в Отдельном Сибирском корпусе во второй четверти XIX в.

(На примере выходцев из Королевства Польского и западных губерний
Российской империи).¹

Возрастающая конкуренция великих держав в азиатском регионе (активизация экспансии Британии в Китае, завершение присоединение Казахстана к России и перспектива продвижения в Среднюю Азию) заставляла правительственные круги России и представителей высшей админи-

страции Сибири всерьёз задумываться о безопасности края.² Тревоги правительственных кругов России и администрации Сибири дополнялись растущим беспокойством о внутренней безопасности края. Во втор. четв. XIX в. сложилась система политической ссылки в Сибирь. Концентрация на её территориях неблагонадёжных элементов могла дестабилизировать ситуацию в крае. Генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков высказывал опасения относительно благополучия региона уже потому, что там находился в ссылке Петрашевский.³ Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский писал в 1837 г.: «Я лично докладывал Государю, что простонародье можно сослать в Сибирь сколько угодно, но голов не нужно».⁴ В сложившейся ситуации в Сибири в XIX в. происходила милитаризация управления и возростала военно-политическая роль Отдельного Сибирского корпуса (ОСК), образованного в 1815 г.⁵

Но не менее значимую роль играл ОСК в повседневной жизни Сибири. Его военнослужащие являлись частью сибирского общества. Помимо профессиональных задач им предстояло решать бытовые проблемы, в связи с чем, они ежедневно вступали в разнообразные контакты с гражданским населением Сибири. Поэтому исследование военного сообщества в контексте социальной истории общества представляется нам актуальной темой.

Основу вооруженных сил Российской империи составляло православное население страны. Однако на военную службу привлекались инославные подданные России. Эта мера рассматривалась как способ их интеграции в российское общество. В правление Николая I начались рекрутские наборы в армию евреев.⁶ Привлекались к военной службе и выходцы из западных губерний России (вошли в состав после разделов Речи Посполитой). На западной «окраине» России были сильны антиправительственные настроения, которые периодически принимали форму массового протеста. После того, как польское восстание 1830-1831 гг. было подавлено, автономия Царства Польского в составе Российской империи была практически ликвидирована, а на её население распространилась рекрутская повинность.⁷ Военная служба стала применяться правительством и в качестве одной из репрессивных мер в отношении участников польского освободительного движения. В итоге в составе ОСК во втор. четв. XIX в. оказались выходцы из западных «национальных окраин» империи. Особый интерес правительство России проявляло к вопросу о привлечении на военную службу польской и полонизированной шляхты из западных губерний империи (до разделов, входивших в состав Речи Посполитой) и Царства Польского, которая демонстрировала наибольшую готовность к антироссийским действиям. Это нашло отражение в указе императора Николая I от 21.04.1852 г.: «*Постоянным предметом желаний НАШИХ было {чтобы} дворянство польскаго происхождения в Западных губерниях империи Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Киевской, соревновало Великороссийскому Дворянству... в благородных чувствах долга верноподданных, служить в рядах победоносных войск НАШИХ...*».⁸

В статье даётся характеристика социальной группы военнослужащих – выходцев из Царства Польского и западных губерний России в период правления императора Николая I, когда на военную службу стали активно привлекаться инославные подданные империи. Характеристика инославных военнослужащих в составе ОСК сделана на основе таких критериев, как социальное происхождение, возраст, образование и семейное положение.

Исследование проводилось на основе биографических данных 368 военнослужащих, почерпнутых из архивных материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), архивов Иркутской, Томской Омской областей, а также зарубежных архивов (Архив Древних актов в Варшаве, Национальный исторический архив Белоруссии в г. Гродно). Важным источником картотеки персоналий военнослужащих ОСК послужил Словарь биографий польских политических ссыльных первой половины XIX в. профессора В. Сливовской.⁹

По данным исследователя А.С. Нагаева, в начале 1830-х гг. численность поляков в ОСК со-

ставляла 2296 человек. Общая численность корпуса в 1832 г. составляла 27655 человек, т.е. доля выходцев из западных губерний и Польши составила 8,3%.¹⁰ В среде военнослужащих – выходцев из западных губерний и Королевства Польского доминировали политические ссыльные (см. таблицу).

Соотношение «политических» и «неполитических» военнослужащих – выходцев из Царства Польского и западных губерний России в составе ОСК

Всего	За политическую деятельность	Неполитические
368 человек	292 человека	76 человек
100%	79,3478%	20,65217%

Биографические данные позволили установить, за какие именно деяния были зачислены в состав ОСК выходцы с западных «национальных окраин». В начале 1830-х гг. ещё встречались участники наполеоновской кампании 1812 г. в России – 6 человек (1,63%). 6 человек были определены на военную службу за патриотическую деятельность в 1820-е гг. 24 человека из списка (6,52%) были зачислены на военную службу в ОСК за участие в деятельности нескольких тайных обществ на территории Польши и западных губерний на рубеже 1830-1840-х гг. Среди военнослужащих, определённых в ОСК в 1840-1850-е гг., оказались лица, которые бежали за границу для участия в восстаниях на сопредельных территориях Австрии и Пруссии («весна народов» 1848 г.), либо занимались пропагандой демократических и антироссийских взглядов – 53 человека (14,4%).

Самую большую группу военнослужащих составили участники польского восстания 1830-1831 гг. – 195 человек (52,98%). Наконец, в общий список военнослужащих попали лица, «преступления» которых не были указаны в документах, а лишь известно, что зачислены на военную службу в Сибири они были именно за политическую деятельность – 9 человек (2,45%).

Во втор. пол. 1830-х-1850-е гг. численность выходцев из Королевства Польского и западных губерний России в ОСК заметно сократилась – как рекрутов, так и лиц, определённых на военную службу в Сибирь в качестве меры наказания за патриотическую деятельность. Во-первых, Россия вела войну с горцами на Кавказе, и Отдельный Кавказский корпус нуждался в пополнении личного состава. Во-вторых, в 1832-1833 гг. сибирской администрации и военному командованию стали известны намерения ссыльных поляков поднять в Сибири восстание.¹¹ Зачисление на службу в ОСК поляков и лиц польского происхождения было рискованным делом.¹² Лица, поступившие на военную службу по доброй воле или отработывающие таким образом казённокоштное образование, составили 76 человек (20,65%). Информация о них была почерпнута преимущественно из метрических книг Томского римско-католического костёла.

Социальное происхождение военнослужащих. Установить данные о сословной принадлежности удалось только в отношении 153 человек, что составило 41,576% от общего списка. Из них: представители шляхты и землевладельцы – 92 человека (25%); крестьяне – 37 человек (10,05%); рабочие, ремесленники, прислуга – 5 человек (1,36%); мещане – 11 человек (2,99%); бывшие ксендзы – 5 человек (1,36%).

Заметная доля военнослужащих принадлежала к дворянскому сословию. В их числе оказались и весьма родовитые люди, такие, как князь Роман Сангушко. За участие в восстании он был лишён титула и определён на военную службу в Тобольск. Фактически службу разжалованный князь не отбывал, проживал в доме и свободно общался с соотечественниками и ссыльными декабристами. Местная администрация ему благоволила, поскольку в Сибири вообще не было родовой аристократии и к дворянам, пусть даже и ссыльным, сибиряки относились хорошо.¹³ Среди военнослужащих-католиков авторитет шляхты, особенно титулованной, был тем более велик. Материалы следственных комиссий, которые занимались расследованием в западных гу-

берниях после подавления восстания, показывают, что наибольшей активностью в повстанческих действиях отличались шляхта и католическое духовенство. Представители шляхты часто формировали повстанческие отряды или добровольно примыкали к ним. Для мелкопоместной и неимущей шляхты показательным было участие в деле организации таких отрядов аристократии – князей Сангушко, Чарторыского, графов Ворцеля, Тышкевича, Солтана и других. Взятый в плен под Лидой шляхтич Александр Рутковский на допросе показал, что «..охотой присоединился к мятежникам, но ещё большую возымел, когда увидел Графа Тышкевича, приехавшего в Рудню верхом, в синем мундире с эполетами при шпаге...».¹⁴

Большим авторитетом пользовалось и католическое духовенство, которое оказывало поддержку повстанцам. На допросе следственной комиссии в 1833 г. крестьянин картезианского монастыря Гродненской губ. Антон Толпицкий сообщал, что когда к ним в монастырь пришёл мятежный отряд шляхтича Пусловского, ксендзы Мрочковский и Каминский стали подговаривать крестьян присоединиться к отряду, «а старший ксёндз именем Генеуш дал по рублю серебром».¹⁵ Среди военнотружущих ОСК представители римско-католического духовенства (речь идёт о лицах, лишённых священного сана) составили малочисленную группу (чуть более 1%), но в неё попала весьма харизматичная фигура – Ян Хенрик Сероцинский. Бывший ксёндз Я. Сероцинский получил образование в семинарии при Виленском университете и, будучи рядовым ОСК, преподавал в казачьем училище в Омске.¹⁶ В Сибири ксендзы продолжали влиять на настроения военнотружущих-католиков. Всё тот же Я. Сероцинский оказался в числе активных участников заговора 1832-1833 гг., был приговорён к наказанию шпицрутенами и умер во время экзекуции.¹⁷

Возрастные группы военнотружущих. Работа с биографическими данными позволила установить примерный возраст только среди группы военнотружущих, зачисленных в ОСК по политическим мотивам – всего 132 человека, что составило 45,20% от группы в 292 человека. Это довольно высокая доля, которая позволяет выделить 132 человека в самостоятельную группу, классифицировать вошедшие в неё персоналии по возрастным подгруппам. Самый молодой военнотружущий из списка был зачислен в ОСК в возрасте 17 лет, а самым зрелым оказался мужчина в возрасте 56 лет. Распределение по возрастным группам показывает, что подавляющее большинство (87,36%) мужчин были определены на военную службу в ОСК в возрасте от 17 до 35 лет. При этом группу до 25 лет составляла больше половины военнотружущих (57,58%). Это не вызывает большого удивления, поскольку на военную службу отправляли молодых и здоровых мужчин, способных справляться с боевыми задачами. Однако выяснение возрастных характеристик военнотружущих представляется необходимым для объяснения других важных характеристик исследуемого социального сообщества, а именно семейного положения, образования, а также выяснения мотивации их деятельности.

Грамотность. Из общего списка в 368 человек удалось выяснить данные об образовании в отношении 63 человек. В эту группу вошли лица, которые либо получили образование, либо обучались в средних и высших учебных заведениях на момент зачисления на военную службу. От общего числа военнотружущих «образованные» составили 17,12%. Для сравнения сошлёмся на данные об уровне грамотности солдат в российской армии польского профессора Веслава Цабана – в рассматриваемый период навыками чтения и письма обладало от 5 до 9 % солдат.¹⁸

Из числа образованных военнотружущих поляков и лиц польского происхождения высшее образование имели или намеривались получить его до зачисления в ОСК 22 человека – 5,98%. При этом половина из них имели медицинское образование и служили лекарями (главным образом, так называемые «неполитические»). В университетах до зачисления в ОСК обучались 6 человек (в Дрездене, Берлине, в медико-хирургической академии в Вильно, в Московском университете). Среднее полное или неоконченное образование получили 41 человек (гимназия, лицей, военные школы). Даже с учётом того, что большинство военнотружущих из списка не смогли завершить

обучение до зачисления в ОСК, показатель в 17,12% представляется достаточно значительным для Сибири втор. четв. XIX в., где ещё не было ни одного высшего учебного заведения.

Семейное положение. Семейное положение военнослужащих является очень важной характеристикой. Женатые военнослужащие в большей степени были склонны к карьерному росту, и в меньшей степени – к авантюрным поступкам, а значит, отличались наибольшей социальной стабильностью. Всего состояли в браке (в т.ч. до зачисления на военную службу в Сибирь) 51 человек из 368 (13,86%). При этом военнослужащие, связанные узами брака, среди «неполитических» встречались заметно чаще – 29 человек из 76 (38,16%). Среди «политических» число семейных составило 22 человека из 292 (7,53%), при этом на родине оставили семьи единицы. Вступили в брак уже в Сибири с сибирячками 6 человек (2,05%).

Устроить свою личную жизнь в Сибири для польских военнослужащих представлялось непростой задачей. Для выходцев из Польши, особенно политических ссыльных, принадлежность к римско-католическому вероисповеданию являлась критерием этнополитической идентификации. Однако в Сибири, где доминировало православное население, вступить в брак с единоверкой было практически невозможно. Отношение к бракам с местными жительницами было отрицательным. Смешанная семья вела к ассимиляции, поскольку по законам Российской империи дети от браков, заключёнными между православным и инославными (католиками, лютеранами), должны были креститься в православной церкви. Категорическое неприятие смешанной семьи в Сибири отчасти объяснялось и «благородным происхождением» части польских ссыльных. Для шляхтича, сосланного в Сибирь за политическую деятельность, было практически невозможно найти себе достойную партию.

Подводя итог рассмотрению социально-культурных характеристик военнослужащих римско-католического вероисповедания, можно нарисовать обобщённый портрет. Группу военнослужащих – выходцев из Польши и западных губерний России представляли преимущественно лица, определённые на военную службу за патриотическую деятельность, направленную на восстановление независимости Речи Посполитой. Особенно это было характерно для начала 1830-х гг. Значительную долю составляли лица благородного происхождения, обладавшие как минимумом домашним образованием, в возрасте от 17 до 35 лет, несемейные. Массовый характер их зачисления в ОСК привёл к концентрации в отдельных воинских частях людей, всё ещё находившихся под эмоциональным воздействием событий недавнего прошлого: ареста, следствия, содержания в тюрьмах и крепостях, расставания с близкими. Наконец, на формирование сознания военнослужащих не могла не оказать влияние Конституция Царства Польского 1815 г., весьма либеральная по содержанию. Например, в неё входили следующие статьи: «Закон покровительствует всем гражданам без различия их сословия и звания» или «Каждый поляк имеет свободу передвижения и перемещения своего имущества...». Или «Всякая собственность без различия наименования и рода...объявляется священной и неприкосновенной. Никакая власть не может посягнуть на неё под каким бы то ни было предлогом».¹⁹

Конституция действовала на территории Польши 15 лет, и на её принципах выросло поколение поляков (Самым молодым на момент зачисления на военную службу в Сибирь было по 17-18 лет). Всё вместе это делало социальную группу военнослужащих – выходцев из Польши и западных губерний мотивированной к протестным и даже авантюрным действиям.

Как вписывалась эта социальная группа в сибирское общество, находила ли с местными жителями общий язык и оказывала ли влияние на настроения сибиряков? Во всяком случае, выходцы из Польши и западных губерний обнаруживали определённую близость во взглядах с декабристами и сибирскими областниками.

Примечания:

¹ Статья подготовлена при поддержке Стипендиального Фонда Музея Польской Истории (Польша). Договор № 15/2011

² Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика втор. пол. XIX – нач. XX вв. Омск, 1997. С. 21-22

³ Шашков С.С. Курьёзное дело // Дело об отделении Сибири от России. Томск, Изд-во ТГУ, 2002. С. 11

⁴ ГАРФ. Ф.109 (1 экспедиция). О. 12 (1837). Д. 40. Л. 31-31 об.

⁵ Ремнев А.В. Административно-территориальное устройство сибирского региона в XIX в. Теоретические проблемы // Вестник Омского университета. Специальный выпуск 3. – Омск, 1996. – С. 44-45; См. также: Ю.А.Фабрика. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфический комбинат», 2001. С.47

⁶ Петровский-Штерн И. Евреи в русской армии. 1827-1911 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 9, 85

⁷ Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polkiego w armii carskiej w latach 1831-1873. Warszawa, 2001. – S. 51-104.

⁸ Национальный исторический архив Белоруссии в г. Гродно. Ф. 586. Лидский уездный суд. О. 1. Д. 21. Л. 44.

⁹ Wiktoria Śliwowska. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998.

¹⁰ Нагаев А.С. Омское дело. 1832-1833. Красноярск, 1991. – С. 29

¹¹ Там же.

¹² Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polkiego w armii carskiej... S.113.

¹³ ГАРФ. Ф. 109 (1 экспедиция). О. Д. 448. Ч. 10 (1). Л. 1-10; Zeslancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX w... S.534.

¹⁴ Национальный исторический архив Белоруссии в г. Гродно. Ф. 4. О. 1. Д. 68. Л. 38-38 об.

¹⁵ Там же. Д. 178. Л. 92

¹⁶ Wiktoria Śliwowska. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku... S.548-549.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polkiego w armii carskiej... S. 33.

¹⁹ Конституционная Хартия Королевства Польского (1815 г.) // www.History.ru/content/view/1216/87.

А.И. Погребняк,
г. Минусинск

Развитие предпринимательства в Сибири в кон. XX в.

Для нашей страны реформы стали весьма своеобразным и противоречивым продолжением так называемой перестройки, которая началась в СССР во втор. пол. 1980-х гг. Именно в то время страна осознала необходимость радикальных изменений в жизненном укладе своих граждан.¹ Экономической и социальной базой для преобразований стал «теневой» сектор, который в условиях превращения государства в монопольного экономического субъекта, приобрёл солидные размеры в нач. 1980-х гг. Легальные «теневые» отношения играли существенную компенсирующую роль, являясь обратной стороной несовершенства государственного устройства.

Для того, чтобы создать приемлемые условия для цивилизованного рынка, была необходима особая экономическая политика, соизмерявшая реформы с традициями. Стратеги реформ должны были учитывать как социальные, так и ментальные особенности той почвы, на которую предстояло пересадить западный опыт цивилизационного рынка. На практике же монополизм производителей, крайняя малочисленность мелких и средних собственников, уничтожение старого среднего класса и отсутствие нового не позволили создать поле для «игры по одним правилам». Бизнес в России развивался по совершенно отличным от западного образца канонам и факторам. Непродуманная экономическая политика стимулировала чрезмерный рост торгово-финансового капитала при общем падении производства. В итоге период интенсивного реформирования страны затянулся. В 1990-е гг. экономический шок перешёл в прогрессирующий паралич. В России стал формироваться не цивилизованный, а «дикий» рынок.

Тем не менее, темпы роста новых хозяйственных структур, особенно в сфере малого бизнеса, следует признать уникальными. Особенно это относится к перв. пол. 1990-х гг. Число малых предприятий выросло с 240 тыс. в 1991 г. до 840 тыс. в 1997-1998 гг., а своего пика достигло в 1994-1995 гг. – 1 млн. Удельный вес лиц, занимавшихся индивидуально-трудовой деятельностью, увеличился с 1,7 млн. чел. в 1991 г. до 3,5 млн. чел. в 1998 г. В малом секторе экономики в 1990-е гг. производилось до 12% ВВП и 14% товаров и услуг России.²

В Сибири наблюдались аналогичные процессы. Число малых предприятий, удельный вес занятой на них рабочей силы, уровень заработной платы, объёмы производимой продукции, прибыли, налоговых отчислений имели ярко выраженную тенденцию к росту. Однако, как для России, так и для Сибири, позитивная направленность данных явлений характерна лишь для перв. пол. 1990-х гг. и не получила своего развития во втор. пол. десятилетия, ввиду ухудшения общей социально-экономической ситуации. Общее количество малых предприятий за десятилетие так и не достигло критической массы, которая бы позволила нашему обществу совершить качественный рывок в деле реформирования социально-экономической системы.

Предпринимательский класс, как России, так и Сибири имел прогрессивные половозрастные, образовательные, профессиональные характеристики своей структуры. Бизнес-класс страны состоял преимущественно из мужчин, семейных людей со значительным стажем работы, высоким уровнем образования, относительной религиозностью. Модальная группа предпринимателей находилась в возрасте 30-50 лет (по Сибири 40-50 лет). Прогрессивные характеристики бизнес-класса создавали объективно благоприятные предпосылки для развития и роста малого бизнеса в будущем. Они стали важнейшим показателем состояния российского общества и его перспектив. Это тем более важно, что реформы проводились в неустойчивой ситуации переходного периода, характеризовавшегося слабой структурированностью общества, отсутствием сформировавшихся социальных слоёв с осознанными групповыми интересами и общепризнанными правилами и стандартами поведения.³

Для российского предпринимательства было характерно совмещение функций владения и управления. С одной стороны попытки создания собственного предприятия стали каналом пополнения рядов руководителей. С другой – наёмные руководители, в силу накопленного опыта и знаний, охотнее других включались в процесс создания своего дела. Но со втор. пол. десятилетия доля лиц, совмещавших функции владения и управления резко снизилась. Этому способствовали три взаимосвязанные тенденции: повышение барьера входа на рынок для новых предприятий, сокращение возможностей конвертации высокой управленческой позиции в капитал для создания своего бизнеса, формирование на рынке труда устойчивого спроса на услуги управляющих чужой собственностью.⁴

Вместе с тем в течение 1990-х гг. имели место тенденции к старению предпринимательского слоя, снижению гендерных и образовательных барьеров вхождения в рынок. Из них лишь расширение удельного веса женщин в бизнесе носило позитивный характер, способствуя решению проблемы занятости, поддержанию и росту их социального статуса. Но сдерживающим фактором в завоевании женщинами высших руководящих постов в бизнесе продолжали оставаться особенности российской экономической жизни и деловой культуры.⁵

Положительным моментом можно назвать то, что удалось создать широкую и продуктивную работающую систему бизнес-образования. В Сибири, во-первых, данный вид образования получил широкое распространение. Во-вторых, большинство образовательных учреждений этого типа были сосредоточены на базе высших учебных заведений, а вторая значительная группа представляла учебно-деловые центры инфраструктуры поддержки малого бизнеса в территориях. В-третьих, сибирские преподаватели активно осваивали новые технологии обучения с целью повышения качества подготовки выпускников. Значительное место в их работе занимали и краткосрочные курсы повышения квалификации для руководителей фирм и ведущих специалистов предприятий, система второго высшего образования. Различные формы обучения – очное, заочное, дистанционное, – создавали широкий спектр возможностей для предпринимателей повышать свой уровень квалификации без отрыва от основного занятия.

Перечисленные выше факторы стимулировали рост политической активности предпринимательства, выразившийся в формировании своих общественно-политических организаций, участии

в политической борьбе, работе в общественных органах при местном самоуправлении. В этом смысле региональный бизнес Сибири имел достаточно благоприятные перспективы. Социально-экономический кризис подталкивал предпринимателей к активной общественно-политической деятельности, способствовал накоплению солидного багажа, как позитивного, так и негативного опыта, оформлению политических структур бизнеса, социально-политическому взрослению и росту. Пассивность демократически настроенного электората будет рано или поздно преодолена. К этому их подталкивает объективная реальность. И тогда именно в регионе Сибири предприниматели получают возможность в максимально благоприятной обстановке формировать социально-экономическую политику, как в своих собственных интересах, так и в интересах значительной части российского общества.

Специфика развития малого предпринимательства в нашем регионе содержала в себе как позитивные, так и негативные черты. Они затрагивали как факторы, формировавшие деловой климат в Западной Сибири, так и сам характер процессов развития малого предпринимательства. Если в стране нарастание негативных явлений явно обозначилось в 1995 г., то в нашем регионе этот процесс приобрёл резко очерченные формы только в 1996-1997 гг. В Сибири общество оказалось менее поляризованным по уровню доходов населения.

Одновременно удельный вес налоговых отчислений в бюджет, малых фирм в общем количестве хозяйственных субъектов, показатели среднесписочного состава предприятий, уступали общероссийским. В большинстве краёв и областей региона темпы уменьшения населения были выше, чем в стране. Наш край, Республика Алтай и Кемеровская область стали одними из самых неблагоприятных в России по темпам роста младенческой смертности и суициду, что говорило о резком ухудшении экономического положения населения в данных регионах. Система государственной поддержки функционировала менее эффективно, чем в России.

Таким образом, наблюдалась дифференциация, как в уровне развития малого бизнеса в отдельных территориях региона, так и в сравнении региональных и общероссийских показателей. Чёткая связь прослеживалась между динамикой изменения делового климата и результатами работы малых предприятий. Как в России, так и в Сибири негативные тенденции получили развитие во втор. пол. 1990-х гг., что ещё более усилило торгово-посредническую направленность в деятельности малых предприятий и закрепило негативные факторы в оформившейся отраслевой структуре бизнеса. Отличительной чертой региона явился инерционный характер социально-экономических процессов в сравнении с ситуацией по России.

Развитие предпринимательства в Сибири в кон. XX в. характеризовалось следующими основными тенденциями. До 1996 г. в этой сфере преобладали позитивные моменты. К их числу относился рост числа хозяйственных субъектов малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица; количества рабочих мест в секторе малой экономики; объёмов производства; прибыльности предпринимательской деятельности; абсолютных и относительных показателей налоговых отчислений; заработной платы занятых. Но период абсолютного роста всех показателей был непродолжительным.

Начиная с 1992 г. наблюдалось неуклонное сокращение темпов роста по всем направлениям работы малых фирм. Это вызвано ужесточением кредитно-денежной политики государства, характером проведённой приватизации, концентрацией капиталов. Сокращение показателей прироста совпало с переориентацией основных направлений работы большей части предпринимателей. Производственная сфера потеряла свою привлекательность, уступив лидирующие позиции торгово-посредническим операциям. С 1996 г. рост основных показателей прекратился, и началось их неуклонное сокращение, частично прерывавшееся в 1997 и 1999 гг. ввиду краткосрочного улучшения рыночной конъюнктуры. Эти процессы были вызваны продолжавшимся экономическим спадом, ужесточением налогового прессинга, негибкой политикой в сфере борьбы с инфля-

цией и достижением пика прибыльности в области торгово-посреднической деятельности.

Совпадая в целом с ходом развития бизнеса в России, предпринимательство Сибири имело ряд характерных особенностей. К ним относился инерционный характер развития этой сферы экономики, вызванный более поздним началом развития предпринимательства, ограниченностью финансовых ресурсов. Поэтому снижение абсолютных и относительных показателей здесь началось не в 1995 г., как в России, а в 1996 г. Значительным своеобразием отличалась ситуация в Кемеровской области, где особенности социально-политической обстановки обусловили рост кризисных явлений в бизнесе вплоть до 1997 г., а процесс роста начался здесь лишь в 1998 г. на фоне ослабления позиций предпринимательства, как в Сибири, так и в России.

Неоднозначность процесса и промежуточных результатов развития бизнеса объясняется тем, что они существовали в переходный период развития общества, в условиях борьбы и взаимодействия друг в друга различных социальных, экономических и политических тенденций.

В связи с этим, для Сибири важным элементом развития бизнеса может стать создание предприятий на площадях промышленных гигантов, которые находятся в кризисном состоянии. Более активно следует поощрять внешнеэкономическую деятельность фирм, их работу в наукоёмких сферах.

Предпринимательство к кон. XX в. стало неотъемлемой частью российской действительности. Фирмы и индивидуальные предприниматели заняли свою постоянную нишу в отечественной экономике. Но уровень и темпы развития предпринимательства в отдельных регионах имели существенные отличия. Бизнес в Сибири – часть формирования новой социально-экономической модели общества. Основные показатели финансово-хозяйственной деятельности малых предприятий и индивидуальных предпринимателей свидетельствовали об интенсивном развитии этого сектора экономики в перв. пол. 1990-х гг. и о существенном замедлении объёмов роста во второй половине. Последнее было связано, в частности, с дефолтом 1998 г., оказавшим влияние, прежде всего, на малый бизнес, который был наименее защищён от экономических потрясений. Большая часть предпринимателей обанкротилась и прекратила своё существование. Малый бизнес наиболее ярко проявил себя как структура социального демпфирования общества в кризисные периоды развития. Вместе с тем он не сумел раскрыть весь свой позитивный потенциал из-за непоследовательной политики государства, исторических особенностей развития страны, ментальности основных групп общества.

Таким образом, предпринимательство, как сфера экономики, и предприниматели, как класс, продолжают находиться в процессе формирования, который неоправданно затянулся. Однако проводимые исследования выявили наличие значительных скрытых резервов его роста и развития, возможности усиления воздействия на социально-экономические и политические процессы. Достаточно отметить, что благодаря стимулированию деловой активности граждан и конструктивному участию государственных институтов в деятельности частного сектора в 2011 г. только в Красноярском крае зарегистрировано почти 7 тыс. новых субъектов малого и среднего предпринимательства⁶

Бизнес в России и Сибири имеет будущее. Для этого необходимы лишь последовательные усилия всех заинтересованных в этом сторон.

2011

Примечания:

¹ Иванов В.Н. Реформы и будущее России // Социс. 1996. – № 3. С. 21.

² Блинов А. Малое предпринимательство и большая политика // ВЭ. 1996. – № 7. С. 39; Бунин И. Предприниматели и посткоммунистической России // МЭиМО. 1992. – № 5. С. 90-95; Виленский А. Этапы развития малого предпринимательства в России // ВЭ. 1996. – № 7. С. 30, 32, 35-36; Дряхлов Н.И., Давыденко В.А. Предпринимательство как объект и субъект управления: методологические подходы // Социс. 1996. №6. С. 120; Егизарян Г. Малый бизнес // Экономическая газета. 1992. – № 36. С. 17; Ксенофонтова Н.А., Устинов Г.А., Шуткин А.С. Эффективность использования государственных средств в малом предпринимательстве // Финансы. 1996. № – 6. С. 15; Малое предпринимательство в России / Анал. доклад Фонда поддержки и развития предпринимательств РФ : электрон. дан. М., 1998. – С. 2, 9-10.

Режим доступа : <http://www/moskou.ru>.

³ Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Бизнес-элита России : образ мировоззрения и типы поведения // Социс. 1995. – №1. С. 129.

⁴ Барсукова С.Ю. Предпринимательские «призывы»: от «старой гвардии» до «новобранцев» // Социс. 2000. – №3. С. 54-55.

⁵ Чирикова А. Женщина во главе фирмы // ВЭ. 2000.

⁶ Майоров В. Первые шаги – вместе // Красноярский рабочий. 2011. 1 дек. №215 (26430). – С.7.

Е. Потылицын,
г. Минусинск

Деятельность архиепископа Димитрия (Вологодского) как управляющего Минусинской и Усинской епархией

Некоторые результаты исследований над историко-биографическими материалами о новомученике (ещё не канонизированном Церковью) архиепископе Минусинском и Усинском Димитрии (Вологодском) позволили обозначить его роль в церковной жизни на территории Минусинской и Усинской епархий.

Видя угрозу, которую несёт с собой обновленчество для православных приходов юга Енисейской губернии, православные верующие обратились с просьбой стать их епископом к смиренному, но твёрдому в своём служении архимандриту Димитрию (Вологодскому), духовнику Минусинского женского Покровского монастыря. Многие его знали как твёрдого в вере и ревностного служителя.

В том, что верующие остановили свой взгляд на отце Димитрии, нет ничего странного: едва ли по всей Сибири нашлась тогда фигура более подходящая для открытого работорства с «живоцерковниками». Однако следующий шаг – принятие епископского омофора – почти наверняка вёл к аресту и ссылке. Будущий епископ Димитрий знал, что его никто не укорил бы, если бы перед лицом наступающих обновленцев он остался бы рядовым священником, втайне хранящим верность подлинной Церкви. Став епископом Минусинским, он открыто избрал путь мученичества.

После избрания более чем двадцатью православными общинами юга Енисейской губернии и республики Тува отец Димитрий едет в Москву на епископскую хиротонию.¹ «Патриарх Тихон дал своё благословение на епископство. Хиротонию во епископа Минусинского и Усинского была совершена 6/19 мая 1923 г. в городе Архангельске» – вспоминал об этом событии протоиерей Всеволод Барков, лично знавший Владыку.

Поскольку патриарх Тихон находился на тот момент в заключении в Донском монастыре, в полной изоляции от внешнего мира с 29 мая по 12/25 июня 1923 г., то Дмитрий Вологодский отправился в Архангельск. Это подтверждает сообщение епископа Алма-Атинского Тихона (Шарапова): «Будучи наречённым во епископа Минусинского Димитрий (Вологодский), вследствие нахождения в заключении Святейшего Патриарха Тихона, остался не хиротонисанным. В поисках епископов, могущих его хиротонисать, он прибыл в г. Архангельск, где в то время находились архиепископ Верецкий Иларион (Троицкий) и епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов). Эти два иерарха и рукоположили архимандрита Димитрия во епископа Минусинского, в ликвидированной позже церкви Архангельского женского монастыря».² Два епископа находились в Архангельске в ссылке, под арестом. И архиерейская хиротония архимандрита Димитрия проходила в Архангельске тайным, скрытым образом.

На начавшиеся гонения, массовые аресты епископов Церковь отвечала массовыми хиротониями, многие из которых были совершены тайно и двумя епископами. Такое негласное благословение было дано самим Патриархом с целью сохранения Церкви. В этом постановлении вскрывается тот факт, что в основе церковной структуры по-прежнему остаётся изначальный принцип: «где Епископ – там Церковь».

Можно считать хиротонию архимандрита Димитрия (Вологодского) во епископа Минусин-

ского и Усинского законной и благодатной, так как она была совершена по всем правилам, без нарушений. Епископ Димитрий по прибытии на кафедру должен был стать викарием Енисейской епархии, но в силу сложившихся обстоятельств, имел на территории своего викариатства власть самостоятельного архиерея.

Дело в том, что бывший Красноярский архиерей епископ Зосима (Сидоровский) в сентябре 1922 г. перешёл в обновленчество. В непростое время обновленческого раскола Енисейская епархия оказалась без правящего архиерея, а также и без своего первосвященника Патриарха Московского Тихона, который был арестован.

Вполне возможно, что в Московском Патриархате Русской Православной Церкви из территории Енисейской и Красноярской епархии была выделена новая самостоятельная Минусинская и Усинская епархия. Владыка Димитрий стал самостоятельным архиереем. Такое положение Преосвященный Димитрий занял на основании постановления «О самоуправлении Архиереями Епархий».³ В связи с установленными правилами Минусинское викариатство получило права самостоятельной епархии.

Более того, на запрос епископа Димитрия о том, в какое положение была поставлена Минусинская кафедра по отношению к Красноярской, епископ Красноярский Амфилохий (Скворцов) отвечает что, «покойный Патриарх благословил нас обоим считаться самостоятельными».⁴ Такое благословение Святейшего Патриарха Тихона придаёт канонический статус новообразованной Минусинской епархии, как самостоятельной.

Пока епископ Димитрий (Вологодский) был в пути до новообразованной кафедры, обновленцы времени не теряли. В 1923 г. три храма из четырёх в городе были переданы обновленцам. Уцелевший Спасский собор не вмещал и одной трети прихожан. 19 июня 1923 г. епископ Иннокентий Орфеев и Григорий Иванов, именовавший себя священником, захватили Спасский Собор. При этом они стремились выставить православных как «контрреволюционеров», распространяя клеветнические, позорящие слухи, не останавливаясь ни перед чем. Иннокентий Орфеев сообщал в уездный исполком, что «...храм нужен не для тихоновской морали, а для духовного отдыха, чтобы молиться, а не слушать проповеди о терпении Тит Титычей».⁵

2 октября 1923 г. православная Спасско-Соборная община приняла постановление об устранении священнослужителей обновленческой Церкви епископа Иннокентия Орфеева и священника Иванова и недопущении их в собор для совершения дальнейших служб. В постановлении говорилось: «просить служителей Орфеева и Иванова оставить храм и удалиться из него сейчас же». Подписались: члены уполномоченные Семеницкий, М.А. Ожегова, Бездняков, Спиринов, М.В. Кошелев. При содействии властей храмы ещё несколько раз захватывались обновленцами.⁶

«Живоцерковники» откровенно попустительствовали поруганию храмов. В алтарях была грязь, стали исчезать дорогие оклады с икон, пропал антиминс. Власти обвиняли в утрате имущества православных и в очередной раз отбирали храм.

Несмотря на революционную «окраску» и явное желание угодить властям, последние их просто использовали в борьбе с Церковью. Численность обновленцев не росла, по праздникам в Спасский Собор, который они удерживали за собой, приходило 15-20 человек. Им удалось привлечь часть священников и среди них известного в Минусинске протоиерея Дмитрия Дубровина, который, пробыв 5 дней в обновленческой Церкви, решительно порвал с ними.⁷

В г. Минусинск новопосвящённый епископ прибыл на пароходе 29 июля 1923 г. О состоявшейся хиротонии знали очень не многие. Представители обновленчества распространили слух о приезде епископа, но отнесли таковой к приезду старообрядческого. 19 ноября 1923 г. (н.ст.) в Минусинске, в Сретенской кладбищенской церкви Преосвященный епископ Минусинский и Усинский Димитрий (Вологодский), отныне представляющий законную церковную власть, отслужил свою первую архиерейскую Литургию.

«На этой службе принесли покаяние в том, что уклонились в обновленчество, минусинские священнослужители о. Дмитрий Дубровин и о. Николай Соловьёв. Затем трудами Владыки Дмитрия многие клирики и приходы новообразованной епархии обратились от обновленчества. До открытия Минусинской кафедры из 125 приходов Минусинского уезда и Усинского края 115 перешло в обновленчество. С назначением на кафедру епископа Дмитрия 95 приходов вернулось в Православие».⁸

Епископ Дмитрий явился, едва ли не единственным православным архиереем в Восточной Сибири. Он собрал под свой омофор духовенство и прихожан не только из Минусинска, Хакасии и Тувы, но и из Красноярска, Иркутска, Томска. Община при Сретенской церкви в разное время насчитывала от 150 до 1500 человек.

Верная Патриарху Тихону община верующих опиралась в Минусинске на большинство горожан, состоявшее из мещан, интеллигенции и купеческого сословия. Тихоновцы осуществляли службу во всех четырёх церквях города. Обновленческий епископ Иннокентий Орфеев, считая борьбу бессмысленной, посетив в августе 1924 г. губернский отдел Объединённого Государственного Политического Управления высказывался за снятие своего сана и закрытия в Минусинске кладбищенской Сретенской церкви. Тогда минусинские власти с целью дезорганизации церковной жизни расторгли с тихоновцами договоры и передали три церкви обновленцам. Однако, попытка передать Вознесенский храм была встречена сопротивлением верующих. Известно, что 12 сентября 1922 г. он был передан уездным исполкомом в бессрочное бесплатное пользование общине верующих. В 1924 г. из Вознесенской церкви было изъято: 28 фунтов 23 золотника, 1 дарохранильница, 1 потир, 1 дискос, 1 звезда, 2 тарелочки, 1 лжица, 2 креста, 2 ризы с икон.⁹ 1 ноября 1924 г. вокруг храма собралась толпа до 500 человек. 2 ноября 200 тихоновцев, подвезя для избияния обновленцев две телеги с камнями, ворвались в церковь. Женщины сбили с ног и изорвали рясу на Иннокентии Орфееве, но были вытеснены из церкви. 3 ноября сотрудники Объединённого Государственного Политического Управления изолировали инициаторов этой акции и затем подвергли их административным взысканиям. Уездный исполком, несмотря на то, что губисполком не утвердил конфискацию этой церкви, а губотдел приказал продолжать в ней богослужение, всё же расторг договор с тихоновцами об аренде помещения через суд.¹⁰

Может показаться, что роль епископа Дмитрия несколько преувеличена. В Центральном Архиве ФСБ хранится информационная сводка шестого отделения Секретного отдела Объединённого Государственного Политического Управления «О состоянии православных церковников» по губерниям Союза Советских Социалистических Республик за номером П-172, датированная около 1 января 1924 г., говорящая о положении тихоновских священников и обновленцев в Сибири. Из неё можно сделать вывод, что в Новониколаевской (Новосибирской) и Омской губерниях приверженцы Патриарха Тихона ведут не плохую борьбу с обновленческим движением, но в остальных губерниях положение тихоновцев плачевно. Это говорит только об одном. Епископ Минусинский и Усинский Дмитрий (Вологодский) представлял законную церковную власть не только на территории своей епархии, но и во всей Восточной Сибири.¹¹

Своими действиями Преосвященный Дмитрий мешал проповеди обновленчества и на него обращали своё внимание, не только государственные структуры, но и видные обновленческие деятели. Об этом свидетельствует письмо И.П. Королёва к «протопресвитеру» В.Д. Красницкому, датированное не ранее 21 августа 1924 г.: «Протопресвитеру о. В. Красницкому.

Многоуважаемый о. Владимир. Второе письмо Ваше от 8 августа № 83 получил. Благодарю. С архиепископом Дмитрием (Беликовым) наконец-то имею сообщение и связь. Как видите, он очень и очень осторожен, если не сказать более. Может быть, дело наладим. В крайнем случае, я побываю у него в Томске, только конечно Вам придётся всё-таки его подробнее информировать. Связь со своими уездными городами наладить трудно, т. к. уезды очень черносотенны и без пря-

мых указаний на то, что мне поручено организовать здесь административный центр, дело застопорится (добавьте к этому мою репутацию бывшего церковного революционера).

Дело особенно портится ещё следующими привходящими обстоятельствами: в северной части Енисейской губернии находится в ссылке епископ ЛУКА (ставленник, кажется Андрея Уфимского) откуда он не знаю, кажется, именуется Ташкентским. Этот ЛУКА в Енисейске действует иногда епископски: служит, рукополагает и тому подобное. Держится реакционно и непримиримо. Священников даже косвенно причастных к Живой Церкви ненавидит и называет еретиками. Строгость его тяжела даже и его последователям. Запрашивают меня как быть? Теперь он передвинут в Туруханск врачом (он бывший профессор-хирург) и может быть, там несколько успокоится. В Минусинске имеется епископ ДИМИТРИЙ (Вологодский), работавший сначала подпольно, теперь служит там, в одной из церквей - кладбищенской открыто. К нему примкнуло до 50 южных приходов. ДИМИТРИЙ стар, вял и бездеятелен. Весь во власти тёмного и кулачского элемента и беспрекословно ему повинует. Как администратор непригоден. При переходе к нему обновленческих священников применяет особый, весьма унижительный чиноприём раскаяния в присутствии молящихся, в храме, и даже как уверяют, требует публичной шестинедельной епитимии. Церкви конечно предварительно освящает. Такие действия гнусно действуют на народ и укрепляют в нём непримиримую ненависть ко всякому проявлению обновленчества в Церкви. Надо что-то сделать, чтобы устранить это. Тут явная демагогия и потакательство неизменным кулачским вкусам. С этим епископом мы пока связи официальной не держим... Уважающий Вас Ив. Королёв».¹²

Из письма становится известно, что епископ Димитрий (Вологодский) применял какой-то особый чин покаяния для обновленцев. Возможно, владыка Димитрий (Вологодский), как верный сподвижник Святейшего, применял у себя в епархии чин покаяния митрополита Сергия (Страгородского), который проводил сам Патриарх Тихон. «Митрополит Сергей (Страгородский) стоит на амвоне, лишённый моментом покаяния и архиерейской мантии и клобука, и паннагии, и креста... Кланяется низко Святейшему Тихону, восседавшему на кафедре, в сознании своего полного уничтожения и признанной вины просит он дрожащим от волнения, на этот раз негромким голосом своё покаяние. Он припадает до пола и в сопровождении патриарших иподиаконов и архидиаконов тихо сходит с солеи и приближается к вершителю его судьбы, к кроткому и всепрощающему Святейшему Тихону. Снова земной поклон. Постепенно вручается ему из рук Святейшего паннагия с крестом, белый клобук, мантия и посох. Патриарх Тихон в немногих словах тепло, со слезами, приветствует своего собрата во Христе взаимным лобзанием, и, прерванное чином покаяния чтение часов возобновляется».¹³

И.П. Королёв сообщает, что дело проповеди обновленческих идей особенно портится тем, что в Енисейске в ссылке находится епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Два епископа были хранителями и защитниками православия в одной Енисейской епархии. Из воспоминаний архиепископа Луки: «В один из праздничных дней я вошёл в гостиную, чтобы начать Литургию, и неожиданно увидел у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остоленел, увидев меня, и даже не поклонился. Придя в себя, он, отвечая на мой вопрос, сказал, что в Красноярске народ не хочет иметь общение с неверными священниками, и решил послать его в город Минусинск, вёрст за двести к югу от Красноярска, где жил православный епископ. Но не к нему поехал монах Христофор, ибо какая-то сила влекла его в Енисейск, ко мне».¹⁴ Это говорит о том, что деятельность новопоставленного епископа Димитрия нашла широкий резонанс среди верующих всего Красноярского края. Стойкость в Православной вере, ответственность за свою паству, умение найти выход из многих сложных ситуаций того времени, именно это привлекало верующих к Преосвященнейшему Димитрию.

За свою деятельность епископ Димитрий, как и епископ Лука (Войно-Ясенецкий), подвергся

гонениям. В 1924 г. за совершение богослужения в с. Тесь по просьбе верующих на Владыку Дмитрия, управлявшего Минусинской епархией, было заведено уголовное дело по 77, 90 и 219 статьям УК. Ему был запрещён выезд за пределы Минусинска и запрещено совершение богослужений.¹⁵

17 сентября 1925 г. обновленческий епископ Иннокентий Орфеев, узнав, что Вознесенский храм в Минусинске собираются передать православным, просил Минусинский исполком оставить храм за ними, обещая заменить бездеятельный совет. Пытаясь любым путём угодить властям, он писал: «... в условиях нашей работы приходится делать чрезвычайные напряжения для того, чтобы сохранить до поры – до времени основное ядро ценной идеи церковного обновления от стихийного засилья реакционного элемента. Передача нанесёт огромный удар обновленческому делу».

Несмотря на все усилия новоявленного епископа, обновленческую Церковь стали покидать даже те, кто на первых порах открыто поддерживал еретиков. Власти, увидев бесполезность обновленцев, перестали им помогать. К кон. 1920-х гг. обновленцы полностью утратили влияние.¹⁶

Верным сподвижником и помощником Владыки был иеромонах Амфилохий (Скворцов), в июне 1924 г. назначенный настоятелем минусинской Сретенской церкви. Он открыто выступил против обновленцев, обвиняя их в отступлении от Православия. Обновленцы пытались завладеть церковью и обратились за помощью в Объединённое Государственное Политическое Управление. Священник был арестован, но вскоре освобождён за отсутствием обвинительного материала. 8 марта 1925 г. святителем Тихоном, Патриархом Московским и всея России, во время Божественной Литургии в сослужении митрополита Петра (Полянского), рукоположил иеромонаха Амфилохия во епископа Красноярского. В апреле того же года епископ Амфилохий прибыл в Красноярск, где продолжил борьбу с обновленчеством.¹⁷ Обновленцы не оставляли надежд соблазнить двух епископов.

В 1925 г. они приглашали его и проживавшего одновременно с ним в Красноярске епископа Дмитрия, принять участие в обновленческом соборе, оба епископа ответили письмом, в котором объявили собор неканоничным и самочинным, и отказались от участия в переговорах, заявив, что «наше соединение с вами возможно только тогда, когда вы отречётесь от своих заблуждений и принесёте всенародное покаяние».¹⁸

5 октября 1927 г. временно управляющим Енисейской епархией становится епископ Никон (Дегтяренко), но 22 января 1928 г. он без видимого предлога покидает епархию. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей и временный при нём Патриарший Священный Синод определили: поручить временное управление Енисейской епархией Преосвященному Дмитрию начиная от 3 февраля 1928 г.¹⁹ Такое послушание Владыка нёс до 10 сентября 1928 г., когда на Енисейскую кафедру был назначен архиепископ Мелхиседек (Паевский), он стал главным управляющим, а Владыка Дмитрий – викарным архиереем.²⁰

В 1930-1931 гг. епископ Дмитрий совершил объезд православных общин Каратузского и Курагинского районов, который, как считали в ОГПУ, носил не только религиозный характер. 13 февраля 1930 г. личное имущество Владыки описывают, за недоимку в размере 1440 руб. 50 коп., а 18 июня 1930 г. лишают избирательных прав.²¹ 8 ноября 1930 г. снова пришли описывать имущество за недоимку в 88 руб. Казалось бы, нечего уже и брать, однако унесли всё что было.²²

В мае 1931 г. перед началом божественной Литургии в Покровской церкви г. Москвы от перерождения мышц сердца умер архиепископ Мелхиседек (Паевский), определением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Священного Синода временной управление вдовствующей Красноярской епархией 16 июня вновь поручено епископу Дмитрию.²³ Не даром временно управляющий Красноярской епархией епископ Сергей (Куминский) в своём рапор-

те называет Владыку «краевым архипастырем Красноярского края», и это вполне заслуженно.²⁴

Множество епархиальных дел и забот стало занимать Владыку. Теперь кроме Минусинской, он являлся управляющим и Красноярской епархией. Это говорит об его огромной роли в становлении и восстановлении церковной жизни в трудный период богоборчества на территории не только Минусинской, но и всей Красноярской епархии. Епископ Димитрий стал собирать вокруг себя верных священников, которые бы смогли противостоять натиску Советской власти и подрывающей деятельности обновленцев. В 1931 г. он восстанавливает Епархиальный Совет в составе протоиерея Тихона Зибаровского, священников Александра Суховского, Димитрия Дубровина, а позднее Валериана Шнырёва, Всеволода Баркова.

21 марта 1933 г. епископа Димитрия (Вологодского) вызывают на летнее заседание Временного Патриаршего Священного Синода.²⁵ Однако, Преосвященнейшему Димитрию не суждено было присутствовать на заседании Священного Синода. Почти месяц Владыка был под арестом.

В 26 февраля 1933 г. епископ Димитрий вместе с членами епархиального совета по необоснованному обвинению органами Объединённого Государственного Политического Управления был арестован. Основное обвинение, предъявленное епископу Димитрию, заключалось в том, что он и другие обвиняемые, проходившие по одному с ним делу (протоиерей Всеволод Барков, священник Александр Суховский, протоиерей Тихон Забаровский, священник Валериан Шнырёв), якобы по обоюдному сговору между собой в 1931 г. создали на территории Минусинского округа контрреволюционную повстанческую церковно-монархическую организацию. Она якобы ставила перед собой конечной целью свержение Советской власти; под их руководством созданы ряд контрреволюционных ячеек в Минусинском, Курдинском, Каратузском и Аскизском районах Красноярского края, которые, вербуя членов для контрреволюционной организации, вели борьбу против проводимых партией и правительством мероприятий в деревне, в особенности против колхозов.²⁶

10 июля 1933 г. Особая тройка Полномочного представительства при Объединённом Государственном Политическом Управлении по Западно-Сибирскому краю приговорила руководителей организации к различным срокам заключения в Байкало-Амурском исправительно-трудовом лагере. Епископ Димитрий (Вологодский) осуждён по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР на 5 лет, ввиду преклонного возраста ссылка заменена на 5 лет в с. Ново-Ильинка Нарымского края Томской области.²⁷ Ввиду тяжёлой болезни 5-7 июня 1934 г. был освобождён от наказания. 29 июня 1934 г. Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола митрополитом Сергием разрешён трёхмесячный отпуск по болезни.²⁸ Это время было выделено и на личную встречу с митрополитом Сергием, так как в пригласительном документе отмечается, что «Его Блаженство с любовью встретит извещение о намерении Вашем прибыть лично для доклада в Патриархию».²⁹

24 июля 1935 г. епископ Димитрий (Вологодский) был восстановлен правящим архиереем Минусинской епархии. 30 марта 1936 г. владыка возведён в сан архиепископа. Но, имея законную духовную власть, он не мог открыто совершать богослужения ввиду гонений и был вынужден тайно священнодействовать в домах верующих.

21 апреля 1937 г. начальник уголовного розыска Минусинского четвёртого отдела милиции мл. лейтенант Макушин, обвинив архиепископа в том, что он исправляет на квартирах верующих религиозные обряды, проводит антисоветские беседы и, получая за то подаяние, ведёт «паразитический образ жизни», завёл на него уголовное дело. 26 апреля 1937 г. последовал новый арест органами НКВД. На допросе он, отвергнув обвинение в осуществлении публичных молений и антисоветской пропаганды, показал, что, хотя он часто находился в полуголом состоянии, личная жизнь его не интересовала. Владыка заявил, что против Советской власти он не выступал, так как всякая власть от Бога, а при рассмотрении его прежнего дела в протоколы допросов были внесены такие записи, которые он не показывал. Из-за старости и слабого здоровья 7 мая

1937 г. архиепископ Димитрий был выпущен из тюрьмы под подписку о невыезде, а 2 июня дело его прекратили. Но 28 июля уполномоченный уголовного розыска Горбунов вновь привлёк его по этому же делу в качестве обвиняемого. В августе 1937 г. прокурор Минусинского района Кудрявцев вернул его дело в милицию для предъявления в контрреволюционной агитации (ст.58-10 УК РСФСР). 14 сентября 1937 г. владыка снова был арестован, а в ноябре его дело оказалось на расследовании в прокуратуре.³⁰

Окончательного решения по данному делу не принято. В справке, выданной органами госбезопасности, значилось, что владыка Димитрий был расстрелян на горе Лысухе за Минусинском. Но свидетельства людей говорят иное: старого архиерея в тюрьме замучили до смерти. Обвинения предъявляли стандартные: подтверди, что ты – член контрреволюционной церковно-монархической организации, сдай своих сотрудников. Не подтвердил. Видимо, предлагали, и служить с обновленцами – отказался. По рассказам минусинцев старца окунали в отхожее место, угрожали утопить, потом отмывали на холоде ледяной водой. 23 октября 1937 г. архиепископ Минусинский и Усинский Димитрий (Вологодский) мученически скончался в заключении в Минусинске.³¹ Перед кончиной Владыка просил привести к нему священника исповедоваться. Начальник тюрьмы отправил к нему уборщицу, которая отказала архипастырю: «Какой тебе ба-тюшка, тут тюрьма...».³²

Его могила – на старом городском кладбище, на его окраине, у ряда гаражей. Несмотря на то, что власти сделали всё, чтобы имя архипастыря было забыто, могила Владыки все годы была местом молитвенного паломничества минусинских верующих.

По данным судимостям архиепископ Димитрий реабилитирован 6 апреля 1993 г. и 15 ноября 1989 г. прокуратурой Красноярского края. Таким образом, архиепископ Димитрий был призван на архипастырское служение в сложное время, которое переживало наше государство и Русская Православная Церковь.

В Минусинске, как и во многих городах Сибири, возникли обновленческие епархии и массовые антирелигиозные безбожные организации. Архиепископ Димитрий был поставлен перед задачей сохранения вверенной ему паствы от обновленческого раскола и противостояния закрытию православных храмов, изъятия церковных ценностей, разрушению общинной жизни. Используя свой опыт церковного служения и образование, он решал эти проблемы, поставленные исторической действительностью.

Во время раскола «непоминающих», которые прервали Евхаристическое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), Владыке удалось сохранить церковный мир и не примкнуть к раскольникам. Деятельность архиепископа Димитрия по укреплению церковной жизни распространялась на всю Красноярскую епархию и была известна далеко за пределами вверенной ему территории.

Возведённый на архиерейское служение по благословию Святейшего Патриарха Тихона, владыка снискал высокий авторитет среди епископата Русской Православной Церкви, уважение священников и любовь мирян.

Среди верующих жителей г. Минусинска архиепископ Минусинский и Усинский Димитрий (Вологодский) почитается как ещё не прославленный новомученик и исповедник веры Христовой.

2011

Примечания:

¹ МГА. Ф. 25. О. 1. Д. 969. Л.1-49.

² Минусинское викариатство. <http://www.ortho-rus.ru>, 12.04.2009.

³ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. – М.: Сагис, 1994. – С.68-70.

⁴ Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. МКМ ОФ. 8440/86.

⁵ Бронников А. Обновленчество в Минусинске//Пятое Рождественские образовательные чтения. Красноярск: Епархиальный отдел по религиозному образованию и катехизации, 2004. – С.224-227.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 225-226.

- ⁸ Круглов С. Исповедник земли минусинской // Православный Минусинск. – 2005. – 3 ноября. С.2.
⁹ МГА. Ф. Р-369. О. 1. Д. 1. Л.85.
¹⁰ Мир праху. Честь имени. Минусинский некрополь. Общ. ред. Шунина Н. М. Кн. 1. Минусинск: Надежда и Мы. 2009. С. 28.
¹¹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922 – 1925 г. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – С.390-393.
¹² Следственное дело Патриарха Тихона. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – с.759-760.
¹³ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. – М.: Сатис, 1994. – С.87-88.
¹⁴ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Я полюбил страдание. Автобиография. – М.: Феникс, 1995. – С.45-46.
¹⁵ МГА. Ф. 25. О. 1. Д. 969. Л.13.
¹⁶ Бронников А. Обновленчество в Минусинске//Пятое Рождественские образовательные чтения. Красноярск: Епархиальный отдел по религиозному образованию и катехизации, 2004. – С.227.
¹⁷ Православная Энциклопедия: В 22 т. / Под ред. Патриарха Алексия II. М.: Православная Энциклопедия, 2000. Т. 2. – С.195-196.
¹⁸ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. – М.: Сатис, 1994. – С.537.
¹⁹ МКМ. ОФ. 8440/53.
²⁰ МКМ. ОФ. 8440/84.
²¹ МГА. Ф. 33. О. 3. Д. 111. Л.1.
²² МКМ. ОФ. 8440/73.
²³ МКМ. ОФ. 8440/78.
²⁴ МКМ. ОФ. 8440/65
²⁵ Журнал Московской Патриархии. 1933 г. № 14-15. – С.4.
²⁶ Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века. <http://www.pstbi.ru>, 12. 04. 2009.
²⁷ Федеральная Служба Безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю. Д. П – 15510. Л.32.
²⁸ МКМ. ОФ. 8440/85.
²⁹ МКМ. ОФ. 8440/83.
³⁰ Мир праху. Честь имени. Минусинский некрополь. Минусинск: Надежда и Мы, 2009. – С.98.
³¹ Круглов С. Исповедник земли минусинской // Православный Минусинск. – 2005. – 3 ноября. – С.2.
³² Круглов С. Проповедь понятная сердцу // Православный благовестник, 2003. – 6 сентября. – С.4.

М.В. Романченко, В.С.Титова,
пос. Курагино

Послевоенный голод 1946-1947 гг. в сибирской деревне на примере Курагинского района

Послевоенный голод был одним из самых «закрытых» эпизодов советской истории. Все данные о размерах бедствия были строго засекречены. «Последствия войны», «засуха» – вот тщательно дозированный набор сведений, который оставался неизменным даже в эпоху перестройки. Тема послевоенного голода мало изучена историками. В перестроечные годы появляются исследования по СССР в целом. Публикаций по России не было и только в нач. 1990-х гг. в журнале «Отечественная история» появляются статьи к.и.н. В.Ф. Зимы, посвященные теме голода в России. Затем вышла его монография «Голод в СССР в 1946-1947 гг.: происхождение и последствия» (М., ИИРАН, 1996 г.), где впервые на новом, ранее недоступном для исследователей материале секретных документов из фондов партийных и государственных архивов СССР, писем, воспоминаний очевидцев, показаны причины, масштаб и последствия послевоенного голода в СССР. Публикаций по этой проблеме в Красноярском крае нет, не говоря уже об отдельных районах или сёлах, то есть тема голода в нашем регионе не изучена.

В архивах Курагинского и Идринского районов практически отсутствуют документы за период с 1937 по 1957 гг. Не сохранилось подшивок районной газеты 1946-47 гг. В своих исследованиях мы опирались на протоколы заседаний Курагинского Райисполкома и воспоминания живых очевидцев событий – жителей села Алексеевка, деревень Новопокровка и Сидорово – Курагинского и деревень Тыгда и Черемушка – Идринского районов.

Великая Отечественная война привела к огромным людским потерям, небывалым разрушениям. Сибирская деревня, где не было ни бомбёжек, ни оккупантов, тоже была обескровлена. Победу встречали измождённые непосильным трудом женщины и подростки, которым с первых лет

войны пришлось работать не только на лошадях, но и на коровах. За годы войны поставка селу тракторов и плугов сократилась в 9 раз, а комбайнов в 50 раз. Количество автомашин в 1946 г. в сравнении с 1940 г. уменьшилось в 2 раза.¹

В Новопокровке работали в поле 2 трактора: СТЗ и ХТЗ, да 2 комбайна на тракторной тяге: «Коммунар» и «Сталинец». Не хватало лошадей, лучшие, фондовские, были отправлены на фронт. Наблюдался частый падеж от плохого корма или от его недостатка. Это стало причиной использования в упряжке коров до конца 1940-х гг., что подтверждается материалами заседания Исполкома Райсовета от апреля 1947 г.: «если председатель ...не привлечёт на полевые работы всё живое тягло колхоза и крупный рогатый скот колхозников, к нему будут приняты строгие меры взыскания...».²

В.Ф. Зима в своей статье пишет, что часть зерна шла на корм лошадям и коровам. Но, как вспоминает Василий Гаврилович Ганенко, 1923 г.р., демобилизовавшийся в марте 1947 г. и работавший зав. конефермой в колхозе «Степной пахарь» (Алексеевка): «...если лошадям перед посевной давали по горсти овса, то на коров никто внимания не обращал, коровы часто дохли от голода». «В Новопокровке, – подтверждает Глекова Антониды Захаровна, 1926 г.р., всю войну работавшая в колхозе «Знамя труда», – мы всей фермой коров спасали во время отёла. Коровы худые, слабые, сил растелиться не хватало, мы телёнка вытацим, а корова погибает. К весне кормить было нечем, мы с крыши гнилую солому снимали, а коровы кричат, солому из рук рвут, пока донесёшь, всю тужурку рогами порвут». По свидетельству Ганенко В.Г., кормов в деревнях не хватало, потому что из колхоза забирали всё, «даже полову, а потом колхоз отходы в «Заготзерне» (Пункт государственной заготовки зерна) покупал».

Оплаты за работу на трудодни не было, в тот период паёк составлял 500 гр. на работающего. Часто его выдавали овсяной мукой, из которой готовили затируху на всю семью. «Всю войну за пайку работали, за палочки, и после войны так же – от тёмного до тёмного работаешь, – вспоминает А.З. Глекова, – а получишь калач в 500 гр. и всё, корми этим семью целый день».

Причиной сложившейся ситуации стал разразившийся в 1946-1947 гг. в зерновых районах России, Украины, Молдавии голод. Из-за засухи в целом по стране собрали 4,6 ц с гектара, т.е. меньше, чем в 1944-1945 гг. В создавшейся обстановке правительство использовало засуху для применения жёстких методов продразвёрстки, заставив колхозы и совхозы сдать государству 52% урожая, т.е. больше, чем в годы войны.³

Государственные поставки зерна по всем категориям хозяйств составили в 1946 г. 17,5 млн. тонн, что было на 2,5 млн. т ниже уровня 1945 г. и в 2 раза меньше, чем в 1940 г.⁴ Собранного количества зерновых с учётом имевшихся запасов и резервов было достаточно для обеспечения всего населения страны. Но, решив максимально сохранить накопленное, правительство избрало иной путь.

Осенью того же года сняли с карточного снабжения 28 млн. рабочих и членов их семей, живших в сельской местности. Всего в кон. 1946 г., включая колхозников, не было обеспечено хлебом более 100 млн. человек. Практически миллионы людей не были защищены от голода, свирепствовавшего с ноября 1946 по август 1947 гг., в большинстве областей Чернозёмной полосы, Средней и Нижней Волги, Южного Урала, Западной Сибири, Украины, Белоруссии, Молдавии. Голод затронул Москву, Ленинград, Минск, Киев, Кишинёв, Свердловск, Новосибирск и другие крупнейшие административные центры.⁵ С мая 1947 г. было введено карточное снабжение в Курагинском районе и «утверждён контингент и нормы выдачи хлеба»: «...в системе потребкооперации 1 956 человек... учителям, врачам, специалистам сельского хозяйства, госснабжение, совпартактиву и другим 1 166 по 500 гр, рабочим МТС и демобилизованным 220 человек по 350 гр, прочих рабочих и служащих 370 человек по 200 гр, иждивенческих 190 человек по 100 гр».⁶ Размер пайка в колхозах тоже сократился: женщинам за работу стали выдавать только 300-350 гр, мужчинам

– механизаторам оставили норму пайка в 500 гр – (по воспоминаниям Ганенко Анны Петровны, 1926 г.р., работавшей в 1947 г. кладовщиком в колхозе «Степной пахарь»).

Для того чтобы выполнить государственный план по сбору зерна, в колхозах и совхозах изымали семенное и продовольственное зерно, включая предназначенное к выдаче по трудодням. Для обеспечения приёмки собранных в резерв 2,8 млн. т зерна срочно открыли дополнительно 3 тыс. глубинных пунктов. Так как в них не было условий для просушки и хранения, много хлеба сгнивало.⁷ Подобные случаи происходили и в пунктах «Заготзерно», Курагинского района, что подтверждается материалами Исполкома Райсовета: «...на пунктах Заготзерно... в складах снег, птичий помёт, нет систематического наблюдения за состоянием зерна...».⁸ О том, что такие явления были действительно массовыми, подтверждает своими воспоминаниями Василий Гаврилович Ганенко, который осенью возил зерно в шалаболинское «Заготзерно». В месте разгрузки лежало проросшее, гнилое зерно, а на берегу Тубы хлеб сбрасывали в реку, потому что баржа не пришла вовремя, хлеб некуда было ссыпать, и он стал «гореть».

Это происходило в то время, когда люди даже в сибирских деревнях страдали от голода, т. к. независимо от урожая, зерно из колхозов изымалось, планы госпоставок всё увеличивались, а колхозникам на заработанные трудодни выдавать было нечего. По приказу Генерального прокурора СССР от 21 июля 1947 г. № 191 «О надзоре за точным соблюдением законов об урожае и заготовках сельскохозяйственных продуктов 1947 г.» следователи выезжали в колхозы, где на месте контролировали соблюдение законности.⁹ Требования её соблюдения чаще распространялись на голодных тружеников. Как пишет В.Ф. Зима, *«испорченного хлеба, могло бы хватить, чтобы оплатить зерном отработанные трудодни голодавшим колхозникам России, Украины, Белоруссии, Молдавии. По неполным подсчётам, за 1946-1947 гг. в целом в СССР было загублено около одного миллиона тонн зерна»*.¹⁰

На 1 февраля 1947 г. в так называемом госрезерве было 10 млн. т хлеба, больше, чем в нач. 1946 г. На внутренние нужды, на содержание армии и чиновников, на пайки рабочих, учёных, сотрудников «карательных органов» было израсходовано около 5,7 млн. т зерна. Таким образом, государственные запасы могли остановить голод. К госрезервам следует прибавить зерно, вывезенное за пределы СССР в страны Восточной Европы – 1,7 млн. т в 1946 г. Если бы этот хлеб был распределён среди населения страны, прибавка к пайку составила бы всего 27 г на человека в день или 10 кг в год. Но «нормы» выдачи продовольствия на душу берлинского населения превышали те, что имели место на тот момент в России.¹¹

27 июня 1947 г. вышел указ «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущении его разбазаривания, хищения и порчи» и от 25 октября того же года «Об обеспечении сохранности государственного хлеба»,¹² которые вновь напомнили крестьянам о том, что произведённое ими зерно является собственностью государства, и распоряжаться им не имеют права ни колхозники, ни председатели. За утайку хлеба и выдачу его на трудодни до полного расчёта по госпоставкам, колхозное руководство привлекалось к уголовной ответственности, как за разбазаривание государственного имущества. Разбазариванием хлеба в колхозах считалась выдача зерна авансом в счёт трудодней или на общественное питание до полного расчёта с государством по обязательным поставкам. О таких случаях писали газеты: *«Всего в 1946-1947 гг. общее количество отданных под суд председателей колхозов составило 21 285 человек. Кроме председателей оказались за решёткой 14 569 человек сельсоветского и колхозного актива»*.¹³ Но после такого расчёта колхозные амбары были пусты. Крестьяне, помня о голоде 30-х гг., понимали, что их ждёт после заготовок 1946 г. Не получавшие хлеба на трудодни, люди вынуждены были красть его. Особенно тяжело переживали голод семьи с детьми. Матери при любой возможности старались принести детям по горсти зерна. *«Под Родькиной горой бабы деревянными цепями молотили розвесь проса (скошенное зерно, не связанное в снопы), – вспоминает А.З. Глекова, – Хрунова Анастасия За-*

харовна, Волошина Федосья Ильинична, Кучерова Наталья, Смирнова Анна, Семёнова Марья и др. женщины мешка по три намолотят за день и везут на склад, на круподёрку, а председатель – Попов Григорий Григорьевич, возле кладбища сидит – по дороге, проверяет их. Они под юбкой мешочки сделают и пронесут в них немного, потом дома высушат и в ступке толкачом истолкут, просеют и кашу сварят, молочком разведут и ребятишек накормят. Потом кто-то рассказал, что они мешки с зерном домой везут, наутро их всех в контору вызвали. Милиция приехала, хотели всех арестовать. Но всё обошлось – у каждой по 5-6 ребятишек в семье. Так бабы детей своих от голода спасали, но не всегда с рук сходило». Часто хлеб просто гнил на поле, его не на чем было вывозить: «В Малиннике, под Родькиной горой, около Дубинкина лога лежали вороха пшеницы по 300 – 400 ц, гнили, – вспоминает Анна Захаровна. – Его колхозным свиньям скармливали – под горой свинарник был на 500 голов. Картошку не успевали выкапывать, замерзала в поле, вот и кормили свиней этим хлебом. Но людям, даже подходить, к нему было запрещено. Остатки пшеницы, что в землю вобьётся, бабы сметали вместе с землёй. Потом моют-моют, чашку с мешка намоют, напарят и едят. Вся деревня туда ходила, а хлеба хотелось, 5 лет хлеба не видали».

Перезимовавшее на полях зерно, содержало токсические вещества. По всей стране начались массовые отравления, нередко приводившие к смертельному исходу, так как многим больным не оказывалась вовремя медицинская помощь. Причиной летальности в таких случаях записывали септическую ангину, поскольку пострадавшие жаловались на боли в горле, при этом горлом шла кровь. Под септической ангиной скрывали лейкопению – заболевание, связанное с отравлением кроветворной системы. Медицинским работникам нельзя было указывать реальный диагноз, т.е. лейкопению или дистрофию, так как факт голода в стране официально правительством не признавался.¹⁴ По стране заболевших и умерших насчитывались тысячи, были такие случаи и в Курагинском районе. Ганенко Галина Михайловна, 1935 г. р., в детстве проживавшая с братьями в д. Сидорово вспоминает, что «через их деревню в Поначѣвскую больницу везли на лошадях полуживых, измождённых людей, они лежали на подводах, изо рта у них шла кровь. Говорили, что они из Чердаков или из близлежащих деревень Викулово и Карташово, многие потом умерли. ... И так было не один раз. Говорили, что они умерли потому, что ели вытаявшее весной зерно, даже специально ходили по домам и предупреждали, что есть это зерно смертельно опасно, но люди ничего не могли с собой поделать, так хотелось есть».

Протоколы Исполкома Райсовета, хранящиеся в Курагинском архиве, подтверждают факты массового заболевания септической ангиной в районе: «В соответствии с решением Исполкома Крайсовета от 26 марта 1947 г. за № 271, в целях своевременного предупреждения заболеваний септической ангиной, Исполком Райсовета решил: 1. Обязать председателей сельсоветов немедленно развернуть среди населения широкую разъяснительную работу о смертельной опасности употребления в пищу перезимовавшего в поле под снегом зерна и продуктов его переработки, путём проведения массовых бесед, лекций, используя для этого печать и радио, привлекая к этой работе медработников, учителей, учащихся старших классов и сельский актив. 2. Обязать райздравотдел провести инструктаж о септической ангине с медицинскими работниками района не позднее 10 апреля 1947 г. ...».¹⁵ Галина Михайловна так же помнит случаи голодной смерти в Сидорово. Тарасова – Лисица Мария Степановна, 1930 г.р., проживавшая в те годы в Жербатихе (Курагинский район), рассказывала, что в деревне начался настоящий мор – люди, собиравшие вытаявшее из под снега просо, умирали семьями, пока не вмешались районные власти.

Самым эффективным мероприятием по предупреждению заболеваний септической ангиной в тот период считался обмен населению перезимовавшего в поле под снегом зерна на доброкачественное. В организованные пункты обмена в 1947 г. поступило от населения 9 287 т зерна, не убранного вовремя колхозами и совхозами и собранного зимой, весной руками голодных людей.

В Красноярском крае на обменных пунктах было принято 227 ц пшеницы, ржи, овса, впоследствии оно отправлялось на спиртозаводы на переработку.¹⁶ Этот факт подтверждается воспоминаниями А.З. Глековой: *«В Новопокровке «плохое» зерно вывозили в Минусинск на спиртозавод, а оттуда привозили «хорошее».*

Во время голода в деревнях Курагинского района были отмечены случаи трупоедства. По воспоминаниям А.З. Глековой: *«В колхозе часто погибали лошади, от недокорма или от болезней. Их сбрасывали в яму скотомогильника, а люди по ночам спускали туда ребятишек на верёвочках, те топориком нарубят мяса, потом на речке намоют, намоют, наварят и едят. Ели без соли. Никто не умер, видно Бог нас хранил».*

Голод сопровождался бытовыми трудностями, о которых вспоминает Антонина Захаровна: *«Керосина в лавке давали по 3 литра на год, спичек не было ни в 1947, ни в 1948 гг., чтобы печь растопить, друг к другу за угольком бегали. Виш заедали. Одежда из шерсти овечьей связана, мыла не было, стирали щёлоком и мылись им же».* Острый дефицит мыла был и в городе и в деревне, так как его производство в 1946 г. составляло всего лишь треть предвоенного 1940.¹⁷ Районные власти обязывали правления колхозов устраивать вошебойки, в которых пропаривали одежду, но работали они не везде. Были случаи заболевания сыпным тифом. Как следует из Протокола № 12 заседания Исполкома Райсовета от 19 апреля 1945 г., большая вспышка сыпняка наблюдалась в Молмясосовхозе, Поначёво, Сонино.¹⁸

Одной из причин являлось увеличение налогов. Сбор налогов считался настолько важным мероприятием, что к нему привлекался весь сельский актив. На заседаниях сельсовета 1-2 раза в месяц заслушивалась информация о выполнении плана по сбору налогов.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным налогам относились – сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), налог на холостяков и малосемейных граждан, который составлял 250 руб., (таким же был налог за молодую корову). Рыболовный и билетный (разрешавший ловлю рыбы) сборы, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. К местным налогам относились: налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств, вплоть до велосипедов, сбор с владельцев скота и налог со зрелищ, (кино и театральные постановки, принадлежащие государственным заведениям). Как самостоятельный платёж налогового характера продолжала действовать государственная пошлина.

Почти каждая семья в сельской местности платила самообложение, которое в отличие от налога являлось добровольным сбором. Полученные средства предназначались на проведение и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц и пр. Общая сумма получаемых по самообложению средств в 1948 г. в целом по Союзу составила 385 млн. руб.¹⁹ Но лишь незначительная часть этой суммы расходовалась по назначению.

Начавшаяся «холодная война» требовала больших затрат на вооружение, государство не видело другого пути для пополнения госбюджета, как постоянно повышать налоги. Например, сельскохозяйственный налог с 1947 по 1948 гг. вырос на 30%.²⁰

А.З. Глекова вспоминает: *«...давили нас налогами – как выжили только. Молоко сдай, масло, мясо, яйца, шерсть, овчины – сдай. Военный налог – заплати, на облигации – подпишись. Если нет масла или яиц – купи и сдай. У нас коровёночка маленькая была, худая, по 3 л. молока давала. Всё лето голодаем, корова отелится, не успеешь неделю телёнка попить – уже квитанцию приносят: сдать 500 литров молока. Мы молока, и не видели, всё лето носили его на сливотделение. И картошка тогда плохо родила – по 2 картошины испечём – вот и весь ужин. Чтобы налоги заплатить – везу в Абакан на базар барана, где поросёнка вырастим. Поросят кормили конским навозом, в очереди стояли за ним. С отрубями его перемешаем и кормим, а свиньи худые, жёлтые. Позже муку возили. Приедешь с базара, рассчитаешься, и не хватает за всё заплатить».*

Завышенный сельхозналог вынуждал жителей деревни за бесценок сбывать свою продукцию на рынке. Цены на продукты питания по сравнению с 1947 г. снизились в 3-4 раза.²¹ Чтобы заплатить денежный налог, крестьянин должен был продать на рынке почти всю произведённую в хозяйстве продукцию. Налог имел силу закона, всякое сопротивление уплате, нарушение сроков считалось государственным преступлением. Кто не мог сдать продукты в счёт налога, у того могли корову или поросёнка забрать. В сентябре 1948 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «Об усилении налоговой работы и организации поступления сельхозналога», которое давало право местным партийным комитетам применять чрезвычайные меры.²²

Вместе с сельским активом уполномоченные ходили по дворам колхозников. Требовали с них выполнения обязательств на поставку государству картофеля, зерна, мяса, яиц, шерсти, кож. Нередко забирали всё попавшееся на глаза, имели место случаи избиения тех, кто пытался защищать своё имущество. *«У нашей соседки, – вспоминает А.З Глекова, – Сенотовой Катерины Матвеевны, которая маленькую внучку растила, забрали корову за неуплату. Та следом бежала, плакала. Оттолкнули старуху – она и полетела, лет 76 ей, было. Осталась с ребёнком на руках и без молока».* Карсакова З. Ф вспоминает: *«У нас за неуплату налогов забрали двух овец. Осталась одна овца с ягнёнком».*

Если до указа колхозники с большим трудом, лишаясь своих последних продуктов и денег, рассчитывались с государством, то теперь, имея заведомо невыполнимые налоговые обязательства, сельчане стали сокращать и без того малочисленное поголовье скота в личном подсобном хозяйстве. Это привело к сокращению поступления натуральных и денежных средств в государственную казну. Но правительство, не находя другого выхода, продолжало политику увеличения налогов. Если сельхозналог в 1947 г. составлял 217 руб., то в 1948 г. он был уже 642 руб. По Закону о сельскохозяйственном налоге 1952 г. впервые к оплате привлекались доходы колхозников, получаемые от общественного хозяйства по трудодням в денежной и натуральной форме, чего не делалось даже в годы войны. В целом сумма сельхозналога с учётом всех повышений возросла в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в 1,5 – 2 раза.

В целом по стране разрушение деревни к кон. 1940-х – нач. 1950-х гг. стало катастрофическим. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника – 65%, льноволокна – 55%, картофеля – 77%, овощей – 69% от уровня 1940 г.²³ По плану намечалось иметь в 1951 г. в колхозах 34 млн. голов крупного рогатого скота, 18 млн. свиней, 88 млн. овец и коз, а имели, соответственно 28, 12, 68 млн. голов. Государственные закупки зерна, подсолнечника, картофеля, овощей на шестом году мирного времени уступали уровню довоенного 1940 г.²⁴

Таким образом, голод в России 1946-47 гг., был рукотворным, вызванным политикой правительства, свалившего проблемы послевоенного кризиса на плечи обнищавшего народа. Цель состояла в том, чтобы усмирить голодом народ, ждавший перемен к лучшему, и таким способом уйти от решения проблемы острого дефицита продовольствия в стране, списав все потери на засуху. Ценой узаконенного ограбления деревни, голодного и полуголодного существования всех трудящихся пополнялись госрезервы продовольствия, увеличивался его экспорт, вырученные средства направлялись в военно-промышленный комплекс для укрепления мощи социалистического лагеря. Всё это в полной мере относится и к сибирской деревне, точно так же пострадавшей от рукотворного голода. Цена чудовищной послевоенной экспроприации – множество человеческих жизней, как преждевременно оборванных, так и не родившихся.

2011

Примечания:

¹ Арутюнян Е.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. – С. 279.

² Архивный отдел администрации Курагинского района. О ходе весенне-полевых работ в колхозах района. Ф.1.О.1.Д.674.Л.105.

³ Советское крестьянство: краткий очерк истории (1907-1970) М., 1973. – С. 396.

⁴ Там же, с. 28.

- ⁵ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. – С. 202-204.
- ⁶ Архивный отдел администрации Курагинского района. Утверждение контингента и норм выдачи хлеба на май месяц 1947 г. Ф.1.О.1.Д.684.Л.165.
- ⁷ Отечественная история. 1993. № 1. – С. 35.
- ⁸ Архивный отдел администрации Курагинского района. О мерах сохранности зерна на пунктах заготзерно. Ф.1.О.1.Д.684.Л.27-28.
- ⁹ Отечественная история 1993. №5. – С. 49.
- ¹⁰ Там же. 1994. № 1. – С. 36.
- ¹¹ Там же. 1994. № 1. – С. 38.
- ¹² Там же. 1995. № 5. – С. 48.
- ¹³ Там же. 1994. № 1. – С. 38.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Архивный отдел администрации Курагинского района. О мероприятиях по предупреждению заболеваний септической ангиной. Ф.1.О.1.Д.684.Л.100-101.
- ¹⁶ Отечественная история. 1994. № 1. – С. 45.
- ¹⁷ Там же. 1994. № 1. – С. 39.
- ¹⁸ Архивный отдел администрации Курагинского района. О предупреждении распространения сыпного тифа. Ф.1.О.1.Д.674.Л.110
- ¹⁹ Отечественная история. 1995. № 5. – С. 117.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. – С. 116.
- ²³ Сельское хозяйство: Стат. сб. М., 1971. – С. 24-25.
- ²⁴ Там же. – С. 28.

Н.Н. Скоробогатова,
пос. Шушенское

Условия жизни польских политических ссыльных в сёлах и провинциальных городах Южной Сибири. (Минусинский округ)

Поляки в Сибири – тема, которая исследуется историками, политологами, социологами. И, несмотря на значительные достижения и многогранность работ, посвящённых различным аспектам данной проблемы, она неисчерпаема.

Широкий круг исследователей обратил пристальное внимание на вопросы социально-экономического, правового положения ссыльных в Сибири, на их вклад в развитие данного региона, с другой же стороны, почти неисследованными являются вопросы семейного положения данной категории ссыльно-поселенцев в Сибири.

Авторы воспоминаний редко касались этой темы. На это были свои причины. Как писала польская исследовательница Магдалена Мицинска в работе *Galicjanie – zesłańcy po powstaniu Styczniowym. Zesłanie w głąb Cesarstwa Rosyjskiego — Działalność księdza Ludwika Ruczki — Powroty* (Wydawnictwo DIG Warszawa, 2004), «... кодекс поведения польского zesłańca wykluczał jakiegokolwiek związki z Rosjankami, widząc w nich furtkę prowadzącą na ogół do szybkiej depolonizacji i porzucenia religii katolickiej, co w warunkach porozbiorowych traktowane było w kategoriach zdrady narodowej. Kronikarz polskich losów na Syberii, Agaton Giller, stawiał małżeństwo z Rosjanką w rzędzie najcięższych zbrodni, jakich mógł się dopuścić zesłaniec. „Stuła, która wiąże ręce Polaka z Moskiewską — pisał — przywiązuje go do narodu moskiewskiego i wyciąga mu z serca i krwi żywioły narodowe.

Jeśli małżeństwa mieszane nie będą środkiem politycznym, jeżeli je rząd pozbawi charakteru wy-naradawiającego, a wiarę i narodowość dzieci pozostawi woli rodziców, i opinia co do małżeństw mieszanych zmienić się musi. Tymczasem jednak odmawiamy szacunku publicznego tym rodakom, którzy się poženili z Moskiewkami»¹ – «... кодекс поведения польского ссыльного исключает какие либо связи с россиянками, т.к. это приводит к очень быстрой деполонизации и отказу от католической религии, что в условиях разделов Польши трактовалось как предательство по отношению к собственному народу. Хроникёр судебных польских ссыльных в Сибири – Агатон Гиллер, ставил

женитьбу на русской в ряд наиболее тяжких преступлений, которые мог совершить ссыльный.

Епитрахиль, которая связывает руки поляка и москальки, – писал Гиллер, – привязывает молодого человека к москалям, и, вынимает из его сердца и крови национальные силы. Если смешанные браки не будут политическим средством, если правительство перестанет проводить политику денационализации, а выбор веры и национальности детей оставит на волю родителей, тогда и взгляд на смешанные браки должен будет измениться. Но в настоящее время мы публично отказываемся уважать тех соотечественников, которые женились на москальках».

Поэтому у ссыльного, приговорённого к пожизненному поселению в Сибири, в чуждом ему окружении, вдали от родины оставалось два выхода из создавшейся ситуации, с точки зрения патриота: остаться в одиночестве (что стало уделом многих ссыльных), с другой стороны, этический кодекс ссыльного не исключал смешанного брака, тем более внебрачных связей с представительницами как русской, так и других национальностей, проживающих в Сибири.

В. Сливовская со ссылкой на С.В. Леончика, исследователя биографий ссыльных поляков в Минусинском округе приводит в своей работе следующие данные: «Korsak Hipolit, s. Joachima, właściciel maj. Kromlewszczyzna w pow. słuckim. Za prowadzenie potajemnej korespondencji z s. Adamem, uczestnikiem powst. listop., przebywającym pewien czas za kordonem, został skazany na osiedlenie z pozbawieniem praw stanu;

maj. skonfiskowano w 1833. „Starsi mieszkańcy Syberii twierdzą że Korsak pozostawił w Minusińsku rodzinę, której potomkowie mieszkają do dziś na Syberii. (Inf Sergiusza Leończyka z Abakanu). Dangel, Rok 1831, s. 135; Nowiński, Polacy na Syb. Wsch; Ruciński, Konarszczyk, s. 53. GAIO, zesp. 24, inw. 3, pudło 10, poszyt 225, k. 25-29; tamże, pudło 25, poszyt 23, k. 1 i n; tamże, pudło 30, poszyt 1, k. 1-6; Szuszenskij Muzej-zapowiednik, zesp. 2, inw. 1, vol. 1689, k 1-19 S. Leończyka)».² – «Корсак Гиполит, сын Иоахима, владелец имения в Кромлеве в повете Слупском. За тайную переписку с сыном Адамом, участником ноябрьского восстания 1831 г., находящимся в эмиграции, был сослан на поселение в Сибирь, с лишением всех прав состояния и конфискацией имения в 1833 г.

В Минской губернии у него осталась жена Мария, с которой он вёл переписку, в частности из с. Шушенского, куда был выслан 19.12.1836 г. В Минусинске же, как утверждают старожилы, «Корсак оставил семью, и его потомки до сих пор живут в Сибири (*Информация С. Леончика из Абакана*)».

Сосланным в Сибирь полякам разрешалось вступать в брак с последовавшими за ними из Польши невестами, а также местными сибирячками. Иногда жёны добровольно вместе с детьми отправлялись в ссылку с мужьями, несмотря на то, что они должны были разделить судьбу близкого им человека и нередко сами были ссыльно-поселенками. Т.к. распоряжением Третьего отделения от 27 ноября 1842 г. вводился порядок, согласно которому «гражданские губернаторы Западных губерний, немедленно извещали сибирские власти, в лице гражданских и генерал-губернаторов, о том, что ими дано разрешение на выезд какой-либо из жён политических преступников к мужу своему, сосланному в Сибирь как в Западную, так и в Восточную. Вместе с тем, прежде чем выехать в Сибирь, женщина обязана была дать подписку о том, что на основании существующих постановлений, по прибытии в Сибирь, отказывается от всех прав состояния, а возвратиться из Сибири может только после смерти мужа. Практически и смерть мужа не давала права вдове на выезд. Ей оставляли только земельный надел и часть пособия мужа».³ Дети, которые родились до ссылки мужа в дворянском его состоянии, не могли следовать с нею в Сибирь. При отказе от подписки жене не разрешалось даже временное свидание с мужем, и она возвращалась обратно.

Число молодых женщин, следовавших на каторгу или поселение в Сибирь за участие в национально-освободительном движении, было неизмеримо меньшим, чем количество мужчин, осуждённых по тем же статьям. Поэтому ссыльные поляки заключали браки с православными

сибирячками, с поляками–католичками ссыльными или дочерьми, сёстрами, вдовами ссыльных поляков, а также с представительницами других народов населяющих Сибирь, либо оставались холостыми.

В архиве историко-этнографического музея «Шушенское» имеются материалы, связанные с биографией польского дворянина, политического ссыльного С.Я. Наперковского. Сын Станислава Яковлевича Юлиан Станиславович вспоминал, что отец долгое время жил один, больше 20 лет, и женился на 44-м году жизни в с. Шушенском на 17-летней Валерии Оскаровне Вундерлих. Она тоже была дочерью ссыльного поляка, который жил и работал на Абаканском железодобывающем заводе. В связи с его женитьбой в 1881-1882 гг. возникла весьма обширная переписка между Шушенским волостным правлением и куратом (настоятелем) римско-католического костёла в Красноярске Лесневским. Венчался Станислав Яковлевич в Шушенском по католическому обряду в присутствии родителей невесты и свидетелей Антона Богушевского и Иосифа Гриневича.

24.01.1882 г. окружной исправник писал в Енисейскую экспедицию о ссыльных: «состоящий в Шушенской волости в с. Казанцево политический ссыльный дворянин Станислав Наперковский 7 сего января обратился ко мне с прошением о выдаче ему вида на проживание в с. Шушенском просил вместить в оный жену его Валерию Оскаровну и дочь Викторию 1 года. А как Наперковский у меня значится холостым, то я потребовал от Шушенского волостного правления сведения, когда и по чьёму разрешению он вступил в брак». На данный запрос Станислав Яковлевич вынужден был ответить следующее: «На предъявленное мне предписание господина Минусинского окружного исправника имею честь объяснить, что о разрешении у гражданского начальника на вступление в брак, ходатайства я не делал, потому что Всемилостивейшем Манифестом в сентябре 1880 г. мне были возвращены прежние права дворянства, я не состоял на государственной службе, поэтому считаю, что имею право «по существующему в католическом приходе порядку, не отменённому российским законодательством, обвенчаться, обратившись к своему местному приходскому священнику – курату».⁴

Ксёндз, венчавший новобрачных, основывался на показаниях поручителей по женихе и невесте, и на том, что лично сам знал Наперковского, его правоспособность на брак и на возвращение ему прав состояния, а так же на том, что он может посетить приход не более одного раза в год. А дети католиков должны появляться в семье, освящённой венчанием.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных также существовали ограничения, связанные с женитьбой ссыльно-поселенцев. «...в силу ст. 413 лицам женского пола, осуждённым за преступления к ссылке в Сибирь на поселение, и с лишением прав состояния дозволялось вступать в браки с одними только ссыльными так же лишёнными прав состояния».⁵

История сохранила довольно яркий пример применения данного законодательного акта. 5 апреля 1882 г. в Енисейское губернское правление поступило прошение административного ссыльного Михаила Даниловича и государственной преступницы Александры Эммануиловны Потылицыной с прошением о разрешении вступить в законный брак. Губернатор Педашенко ответил им следующим образом: «Прошу объявить административно-ссыльному Даниловичу и государственной преступнице Потылицыной, в ответ на поданные ими прошения от 5 апреля 1882 г., что ходатайства их, о дозволении им вступить в законный брак, не может быть разрешено, за силою 746 ст. XIV т. Устава о ссыльных, изданного в 1857 г., по которой Потылицина, как лишённая всех прав состояния и сосланная на поселение, не имеет права на вступление в брак с Даниловичем, высланным в Сибирь административным порядком не только без лишения, но и без ограничения прав состояния».⁶ Молодые люди, желающие вступить в брак, вынуждены были дать расписку о том, что они поставлены в известность, что брак им не дозволяется.

Александра Эммануиловна Потылицына, дочь обер-офицера из г. Херсона, православной веры, была выслана по решению Киевского военно-окружного суда, за попустительство и укры-

вательство тайного революционного общества, т.е. она не принадлежала к данному обществу, но зная о его существовании, не донесла об этом, и предупредила о приходе полиции, а также помогала сжигать бумаги. Судилась Киевским военно-окружным судом 30 апреля – 4 мая 1879 г. Была признана виновной и приговорена к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на заводах на 4 года. По конфирмации приговора киевским генерал-губернатором каторжные работы были заменены ссылкой на поселение в Сибирь в места не столь отдалённые. Наказание отбывала в с. Абаканском.⁷ Административно-ссыльный студент 5-го курса Военно-хирургической академии г. Москвы, М. Данилович⁸ был арестован 2 сентября 1878 г. в местечке Освсе (Витебской губернии) и осуждён по делу о пропаганде среди рабочих Варшавы (т.н. дело 137), прибыл в Сибирь в 1880 г. без лишения прав состояния и ограничений.

Сын Даниловичей Павел родился до брака 9 февраля 1883 г. и был зарегистрирован как незаконнорождённый сын политической преступницы, причисленной в с. Абаканском. Брак между его родителями был заключён только 10 июня 1885 г. в Усть-Абаканской Ново-Николаевской церкви, когда Александре Эммануиловне было предоставлено право причислиться к крестьянскому сословию. Видимо, она зарекомендовала себя примерным поведением и послушанием, а согласно манифесту в ознаменование коронации Александра III (1883 г.) это сокращало десятилетний срок, назначенный законом для причисления ссыльнопоселенцев в крестьяне. Следовательно, ей было позволено заключить брак на общих для лиц данного сословия основаниях.⁹ Но её муж обязан был дать подписку в силу статьи 413 выше указанного документа, что он не будет вывозить жену из Сибири и сам никуда не выселится из Сибири и не сообщит ей свои преимущества, если муж принадлежит к высшему сословию, т.к. супруга была лишена этих прав по суду.¹⁰

9 декабря 1893 г. ребёнок 10 лет, был усыновлён своими собственными родителями. Все перипетии судьбы привели к тому, что у Александры Эммануиловны началось душевное заболевание, и она вынуждена была лечиться в психиатрической больнице.

Только небольшая часть документов даёт право сделать вывод о том, что условия проживания ссыльных на местах поселения, особенно в сельской местности и провинциальных городах Сибири требует дальнейшего изучения.

2011

Примечания:

¹ A. Giller, *Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberii*, 1.1, Lipsk 1867, s. 32. Szerzej o dziewiętnastowiecznych opiniach na temat polsko-rosyjskich małżeństw na Syberii i o problemie małżeństw mieszanych w ogóle w oczach polskiej opinii publicznej XIX-XX w. zob. Jędrychowska, *Polscy zesłańcy na Syberii*, s. 108-125, a także M. Micińska, *Zdrada, córka Nocy. Pojęcie zdrady narodowej w świadomości Polaków w latach 1861-1914*, Warszawa 1998, s. 167-1 71. см. Более подробно взгляд польского общества XIX - XX вв. на проблему смешанных браков в работах Ендрыховской «Польские ссыльные в Сибири», с. 108-125, а также в книге М. Мичинской *Предательство – дочь ночи. Понятие национального предательства в понимании поляков в 1861-1914 гг.* Пер. Н. Скоробогатовой

² Сливовская В. Ссыльные поляки в Российской империи в пер. пол. XIX в. - Варшава: издательство Dig, 1988 – с. 285 пер. Н. Скоробогатовой

³ ЦГИА РФ. Ф. 109. III отд. 1 эксп., 1826. Д. 61. Ч. 3. Л. 1-2; Ч. 7. Л. 134; ГАИО. Ф. 24. О. 3. Д. 15. Л. 1-4; Д. 159. Л. 1-7.

⁴ ГАКК, Ф. 595, О. 63, Д. 1736, Л. 1, 2-2об, 44 об.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: о родах, степенях и последствиях наказаний. – СПб, 1885 (1826)(июль 28 (499); 1846 Март 25 (19869).- с.80

⁶ ГАКК, Ф. 595, О. 1, Д. 6008, Л. 13

⁷ Справки (А. Потылицина, В. Гамалей, Иванченко, Н. Матвиевич, Я. Мержанова, А. Петерсон, Н. Позен, Д. Соловьев). – Дело министерства юстиции, II угол. отд., № 7656 (1879). – Дела Департамента полиции: V, №№ 2151 (1882), 3330 (1882); III, № 1161 (1884).

⁸ Справки (М. Мондшейн, Ф. Пласковицкая, Свенцицкий). – Доклады 1878, III, 509—511; 1880, I, 64-135.

⁹ ГАКК, Ф. 141, О.1, Д. 1094, Л. 17-18.

¹⁰ 1846 март 25 (19869); 1856 июль 2 (3079); 1879 (ноябрь 21) (60210); 1882 апрель 27 (825)

Д.Ю. Хоменко,
г. Красноярск

Степень христианизации хакасов в конце XIX в. (по сообщениям приходских священников)

В кон. XIX в. абсолютное большинство коренных жителей юга Приенисейского края было обращено в православие, что подтверждается данными статистики. Если в сер. XIX в. официальных шаманистов в Минусинском округе насчитывалось 5537 человек,¹ то по первой переписи населения в 1897 г. их осталось 44 человека.² В Ачинском округе официальных язычников не числилось уже в сер. XIX в.³

Те редкие некрещёные «инородцы», которые встречались среди хакасов, были либо младенцами, которых ещё не успели окрестить, либо взрослыми людьми, не крестившимися не из-за своих убеждений, а из-за жизненных обстоятельств. Так, в приходе Николаевской Усть-Абаканской церкви в 1892 г. «взрослых некрещёных инородцев ...[было] всего около десятка; все они согласны креститься, и только какие-либо случайные причины заставляют год от года откладывать крещение: бедность, отсутствие священника, отдалённость храма».⁴ В отчёте Синявинской Богоявленской церкви Минусинского округа за 1895 г. имеются сведения об «инородке»-язычнице в возрасте 61 года, которая, выслушав увещания священника, приняла крещение.⁵

Хакасы в кон. XIX в. совершенно не противились переходу в православие, и если до какого-то момента не крестились, то исключительно по бытовым причинам. Однако юридический переход в православную веру отнюдь не означал для «инородцев» автоматическое приобщение к православной, русской культуре и забвение старых обычаев.⁶ На эту проблему Церковь обратила внимание в кон. XIX в.

С целью распространения православия был создан Енисейский Епархиальный комитет Православного миссионерского общества. Ряд приходов Минусинского и Ачинского округов были объявлены миссионерскими, и перед священниками были поставлены следующие задачи просветительского характера: «утверждение их [инородцев] в вере христианской, в приучении к христианской жизни»,⁷ а так же внушение «преданности Царю, покорности властям и чувства братской приязни к русским».⁸

В своих отчётах и рапортах священники-миссионеры указывали, насколько христианские традиции проникли в среду коренных жителей юга Приенисейского края. В целом отмечалось, что постепенно «инородцы» приобщаются к христианским ценностям и православной культуре, однако при этом не забывают и старых обычаев. В отчёте Епархиального комитета за 1882 г. указывалось, что вековые обычаи хакасов с трудов уступали место новым верованиям, «тем более, что они [хакасы] находятся на весьма низкой степени [развития] как умственного, так и культурного».⁹ В отчёте за 1884 г. отмечается синтез языческих и христианских верований и понятий, «чувствуя Св.Иконы, они не забывают в то же время и шаманов, признавая своими законными учителями пастырей церкви, не редко обращаются за советами по делам совести к шаманам».¹⁰

Практически повсеместно отмечалась крайне низкая посещаемость храмов. Священник Усть-Абаканской Никольской церкви в 1892 г. указывал: «Храм Божий инородцы посещают редко. Только в Крещение и в два Николины дня (6 декабря и 9 мая) церковь бывает полна молящихся».¹¹ Такая же картина наблюдалась и в Покровской Чебаковской церкви: «Храм Божий инородцы в обыкновенные Воскресные и праздничные дни посещают редко, впрочем, ни один праздник не обходится без того, чтобы не присутствовало человек 211 и более инородцев».¹²

Большинство авторов объясняет причину непосещения церкви хакасами дальностью ближай-

шого храма от местожительства, неимением транспорта. Неисполнение обрядов (крещение детей, посещение исповеди и причастия) объяснялось священниками не только и не столько бытовыми причинами, сколько непониманием коренными жителями смысла и сущности данных обрядов.

Однако некоторые православные обычаи «инородцы» перенимали с большой охотой. Практически все хакасы носили нательные кресты. В приходе Ново-Марьясовской церкви в 1893 г. нательные кресты носили «все положительно без исключения».¹³ В отчётах священников Усть-Абаканской Николаевской и Петровской Чебаковской церквей указывалось, что хакасы относились к своим нательным крестам как к украшениям, старались носить их на виду, поверх одежды, особенно в торжественных случаях.¹⁴ Их отношение к крестам скорее напоминало отношение к каким-либо шаманским, языческим атрибутам.

Вступление в брак у хакасов не всегда сопровождалось венчанием в церкви. Церковный брак воспринимался «инородцами» как законный, а потому труднорасторжимый. В отличие от браков, заключённых по степным обычаям, которые «не имеют у инородцев обязательной силы и могут в любое время расторгнуться по желанию».¹⁵ Среди хакасов считалось необходимым «пожить с женой не венчавшись, чтобы ближе познакомиться с нею, узнать её характер ... потом уже закрепить супружеский союз благословением церкви».¹⁶

Похоронные обряды хакасов отличались разнообразием. Например, в Бирилюском приходе Ачинского округа все умершие хоронились по православным обрядам, с отпеванием в церкви и занесением в метрические книги.¹⁷ В Ново-Марьясовском Троицком приходе напротив, «все инородцы, кроме живущих в селе, погребают умерших по своим степным обычаям, без участия причта. При посещении причтом улуса заявляют о смерти своих родных и просят их отпеть по обряду православной церкви».¹⁸ Священник видел причину погребений по языческим обычаям в «суеверии», однако учитывая, что прихожане всё-таки сообщали причту об умерших, можно предположить, что причина носила бытовой характер – дальность расположения церкви, отсутствие удобных путей сообщения.

В большинстве случаев имело место быть соединение православных и языческих обрядов. Так, в Покровском Чебаковском приходе во время похорон в одной комнате специально приглашённый гость рассказывал легенды и восхвалял усопшего, а в другой – читали Псалтырь.¹⁹

Одним из показателей изменений в духовном мире хакасов может служить уменьшение числа шаманов. Священники в отчётах отмечают, что всё меньше и меньше коренных жителей доверяли им, особенно молодёжь. В разных приходах отмечался разный уровень популярности шаманов. В некоторых их не было вообще, в других же они были весьма авторитетны. «В настоящее время шаманство в приходе ослабевает, инородцы в самых редких случаях прибегают к шаманам, ... новых [шаманов] не слышно» – отмечается в отчёте Покровской Чебаковской церкви за 1892 г.²⁰ В Ново-Марьясовском приходе за помощью шаманов обращались только старики и то «только в особо важных случаях, при сильных болезнях».²¹

Таким образом, к кон. XIX в. произошла формальная христианизация хакасов. Сосуществование традиционных языческих и православных обрядов указывает на постепенное закрепление христианства в системе верований хакасов.

Однако, не следует идеализировать окружавшее «инородцев» русское население. Русские также были формальными христианами и также не соблюдали многие церковные обряды, поэтому их влияние на христианизацию хакасов вряд ли можно назвать однозначно положительным.²²

2011

Примечания:

¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865-66 гг. – Красноярск: типография губернского правления, 1865. - С.187;

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т.73.Енисейская губерния – СПб., 1904. - С.50-51;

³ Костров Н. Кизильские татары. - Казань, 1852. - С.21;

⁴ Государственный архив Красноярского края. Ф.667. О.1. Д.44.Л.4;

⁵ Там же. Л.41 об.;

⁶ Гладышевский А.Н. К истории христианства в Хакасии. – Абакан: ООО «Фирма «Март», 2004. – С.11;

⁷ ГАКК. Ф.667. О.1. Д.22. Л.18;

⁸ Там же. Д.28. Л.20;

⁹ Там же. Д.22. Л.7 об.;

¹⁰ Там же. Л.20 об.;

¹¹ Там же. Д.44. Л.4.;

¹² Там же. Л.9.;

¹³ Там же. Л.35;

¹⁴ Там же. Л.5об., Л.10об.;

¹⁵ Отчёт о деятельности Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1899 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1900. – №6. – С.156;

¹⁶ Извлечения из отчёта о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1892 год. // ЕЕВ. – 1893. – №24. – С.366;

¹⁷ ГАКК. Ф.667. О.1. Д.44. Л.31об.;

¹⁸ Там же. Л.34;

¹⁹ Там же. Л.12об.;

²⁰ Там же. Л.11об.;

²¹ Там же. Л.35.

²² Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы: материалы для их изучения. – Красноярск, 1898. – С.46.

В.П. Чебодаева,

г. Абакан

Мобилизация женщин Хакасии в начальный период Великой Отечественной войны

В Великой Отечественной войне принимало участие большое количество гражданского населения страны, в т. ч. и женщины. Советский Союз во Второй мировой войне стал лидером по масштабам женского участия в войне. Первой европейской армией XX в., которая включала отдельные женские боевые подразделения, была Красная армия.

Отечественная историография предполагает, что общая численность женщин, которые участвовали в боевых действиях со стороны СССР, составляет 800 000 человек.¹

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР на основе статьи 49-ой Конституции СССР издал Указ «О мобилизации военнообязанных...» по 14 военным округам. Телеграмма о мобилизации пришла в Абакан 22 июня в 22 часа 15 минут.² На следующий день Указ о мобилизации опубликовали в экстренном выпуске газеты «Советская Хакасия».³

23-24 июня в Хакасской автономной области прошло около 700 митингов и собраний, участники которых выражали свою решимость с оружием в руках встать на защиту Родины.⁴

В газетах публиковались обращения людей с просьбами отправки их на фронт. В газете «Советская Хакасия» от 24 июня 1941 г. было опубликовано обращение Л. Спраговской, заведующей Облздравотделом, которая писала: *«Прошу Вас, пошлите меня на фронт. Я как медработник, могу быть полезной в бою и пойду на любой участок войны с величайшей ответственностью к выполняемому долгу перед Родиной»*.⁵ Студентки Абаканской фельдшерско-акушерской школы Павлова А.М., Кучеренко А.С., Лукьянова В.И., Филенко М.М., Покачалова В.И. и Черняева В.В. в газете «Советская Хакасия» опубликовали статью с желанием добровольно идти на фронт *«... Будем бороться смело и беспощадно до последней капли крови. Если потребуется, не пожалеем жизни за дело Ленина-Сталина, за любимую родину»*.⁶

В течение 23 июня в военкоматы области поступило 545 заявлений добровольцев с просьбой о зачислении в действующую армию, на 4-й день – 1 363 заявления, в т. ч. от женщин – 417.⁷

24 июля 1941 г. в газете «Советская Хакасия» публикуется обращение женщин Советского

Союза к женщинам СССР и женщинам мира, в котором призывают к терпению, труду и обороне страны.⁸

В начальный период войны СССР имело колоссальные потери, и в связи с этим всеобщая воинская обязанность распространилась на женщин. 23 марта 1942 г. ГКО СССР принял постановление о массовой мобилизации женщин в возрасте от 18 до 28 лет в ряды Вооруженных Сил. В соответствии с этим постановлением в апреле 200 девушек-медсестёр Хакасии были мобилизованы для пополнения формируемого 306-го отдельного медико-санитарного батальона 309-й стрелковой дивизии.⁹ В июле 1942 г. из Абакана на фронт была отправлена команда в составе 33 девушек-снайперов.¹⁰ По воспоминаниям Вяткиной А.Н. вместе с ней обучалась в 8-месячной снайперской школе при ЦК ВЛКСМ Юлия Папулова из Абакана.¹¹ От апреля и октября 1942 г. были приказы И.В. Сталина, по которым 120 000 женщин подлежали мобилизации и направлению в войска связи, ВВС и ПВО.¹² В целом область выполнила наряд ЦК ВЛКСМ, мобилизовав в ряды Вооружённых Сил 655 женщин.¹³

2011

Примечания:

¹ Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах / Ю.Н. Иванова. - М., 2002. С. 256.

² Филиал центрального государственного архива РХ (ФЦГАРХ). Ф.2. О.1. Д.829. Л. 12.

³ Советская Хакасия. – 1941. – 23 июня.

⁴ Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг./ П.И. Чебодаев. – Абакан: «Журналист», 2005. – С. 18.

⁵ Советская Хакасия. – 1941. – 24 июня.

⁶ Советская Хакасия. – 1941. – 25 июня.

⁷ Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг./ П.И. Чебодаев. – Абакан: «Журналист», 2005. – С. 19

⁸ Советская Хакасия». – 1941. – 24 июля.

⁹ Чебодаев П.И. Указ.соч.– С. 24.

¹⁰ Там же. – С. 24.

¹¹ Женщины на защите отечества: Воспоминания женщин-фронтовиков/сост. В.И. Фесенко. – М.: Акалис, 1995. – С. 205.

¹² Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т.13. (2-2). М., 1997. С. 212 – 215, 349 – 350.

¹³ Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг./ П.И. Чебодаев. – Абакан: «Журналист», 2005. – С. 24.

РАЗДЕЛ III. АРХЕОЛОГИЯ

Е.Ю. Аланд,
с. Таштып, Хакасия

Опыт музеефикации археологических объектов в Республике Хакасия

Под понятием «музеефикация» подразумевается направление музейной деятельности, направленное на преобразование историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности.

В целом по России наибольшее число среди музеефицированных объектов составляют памятники архитектуры. В последние десятилетия XX в. в сферу музеефикации включаются памятники археологии. Среди археологических музеев России известны – музей-заповедник «Танаис» в Ростовской области (основанный в 1961 г.), историко-культурный заповедник «Аркаим» в Челябинской области и первый в Сибири историко-культурный и природный заповедник «Томская писаница» (Кемерово).

Одной из главных достопримечательностей Республики Хакасия является её богатейшее историко-культурное наследие, основой которого являются памятники археологии. По их концентрации Республика Хакасия занимает одно из ведущих мест в Российской Федерации. По оценкам специалистов, насчитывается более 30 тысяч археологических комплексов, расположенных на относительно небольшой территории в степной и лесостепной зонах региона, на площади 20,9 тыс. кв. км. В Хакасии представлен практически весь спектр известных типов археологических объектов в широком хронологическом диапазоне: погребальные сооружения, поселения от палеолита до позднего средневековья, сырцовые постройки, горные крепости-све, петроглифы разных эпох, каменные изваяния и менгиры, святилища, горные выработки и плавильни меди и железа, оросительные каналы и другие хозяйственные сооружения.

Идея музеефикации археологических памятников в Хакасии витала в умах ещё в 80-е гг. XX-го столетия. Её активная реализация пришлась на нач. XXI в., когда была принята республиканская целевая программа «Популяризация объектов культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009-2013 гг.», с 2010 г. «Сохранение и популяризация историко-культурного наследия в Республике Хакасия» долгосрочной республиканской целевой программы «Культура Республики Хакасия (2010-2012 гг.)». Основной идеей программы стало создание в регионе сети музеев под открытым небом. Данная программа уникальна и не имеет аналогов в Российской Федерации.

В каждом районе были определены наиболее аттрактивные и значимые памятники, рекомендованные к музеефикации в качестве основных объектов показа, в общей сложности 35 памятников. Минимальное количество музеефицированных объектов после окончания реализации программы составит 15.

Одной из важнейших причин принятия данной программы являлось стремительное разрушение археологических памятников под воздействием антропогенного фактора. Примером может служить плачевное состояние Сулекской писаницы в Орджоникидзевском районе, этой «иллюстрированной энциклопедии» средневековой истории Хакасии, изуродованной современными посетительскими надписями. При паспортизации Малоарбатской писаницы (Таштыпский район)

в 2009 г. была зафиксирована утрата ряда петроглифов по сравнению с 1969 г. из-за отслаивания поверхностной корки камня. Есть также свидетельства местных жителей о случаях скалывания туристами фрагментов скалы с петроглифами.

Историко-культурное наследие обладает значимым культурно-просветительским потенциалом и является малозатратным, при грамотном использовании практически неисчерпаемым ресурсом для развития культурно-исторического туризма в Республике Хакасия. Однако до недавнего времени этот ресурс использовался незначительно, а развитие культурного туризма в регионе осуществлялось неорганизованно. По данным Государственного комитета по туризму Республики Хакасия доля культурно-познавательного туризма в общем объёме въездного туризма составляла всего 9%, в то время как по данным экспертов Всемирной туристской организации общемировой показатель равен 25%.

Причинами столь незначительного включения памятников археологии в сферу культурно-познавательного туризма являлось отсутствие инфраструктуры, низкая квалификация сотрудников турфирм, чаще всего не владеющих знаниями об археологических объектах, полное отсутствие эффективных рекламно-информационных и популяризаторских мероприятий.

Деятельность первых археологических музеев в республике – музея-заповедника «Казановка», Анхаковского музея «Улуг Хуртуях тас» и музея «Древние курганы Салбыкской земли», появившихся в результате общественной инициативы, показала: наиболее эффективно проблеме сохранения археологических памятников можно решать только в организационных рамках музеев-заповедников, что обеспечивает круглосуточную охрану, постоянный мониторинг состояния объектов и, при необходимости, проведение реставрационных работ.

В ходе реализации программы в 2009-2011 гг. было открыто 5 новых музеев под открытым небом, а уже существующим выделены субсидии на развитие. Обязательное условие участия в программе – наличие аналогичной долгосрочной муниципальной программы и софинансирование из районного бюджета. Осуществление совместной скоординированной деятельности между властями разных уровней является залогом обеспечения стабильной и эффективной работы в области сохранения и использования музеефицированных объектов. Кроме того, все муниципальные музеи под открытым небом, а также стационарные музеи, создающие новые музеи-заповедники в качестве своих филиалов, получили статус юридического лица, что позволило легализовать их деятельность.

Реализуемая в Хакасии программа музеефикации объектов археологического наследия состоит из трёх основных блоков-задач. Первый из них – развитие инфраструктуры культурного туризма – включает в себя паспортизацию памятников и проведение землеустроительных работ, строительство благоустроенных гостинично-юрточных комплексов, развитие материально-технической базы новых музеев и т.п. Параллельно осуществляются мероприятия, направленные на развитие информационной обеспеченности популяризации объектов культурного наследия. И, наконец, в рамках третьего блока будет проводиться разработка туристических маршрутов и экскурсионных программ, а также инвестиционных проектов, направленных на развитие музеев под открытым небом и вовлечение их в туристическую деятельность. Важным компонентом программы является организация подготовки квалифицированных специалистов и стимулирование научных исследований в области культурно-исторического туризма и музейного дела. Общий объём финансирования из республиканского бюджета за 5 лет реализации программы составит 34,1 млн. рублей.

Среди девяти музеев под открытым небом, действующих в Хакасии в настоящее время, есть как музеи «одного памятника» («Улуг Хуртуях тас», «Малоарбатская писаница»), так и насчитывающие в своём фонде несколько десятков и даже сотен разнообразных археологических, этнографических и природных памятников. На территории самого крупного музея – республи-

канского национального музея-заповедника «Казановка» – зафиксировано 67 археологических комплексов, или более 2 тысяч отдельных памятников: курганов, писаниц, остатков древних поселений и памятников горного дела, металлургии и земледелия, культовых объектов.

Музеи под открытым небом Хакасии вполне могут заменить иллюстрированный учебник по её древней истории, поскольку представляют все существующие в регионе типы археологических памятников от эпохи палеолита (стоянки древнего человека в «Ширинском археологическом парке») до XIX в. (тамбовидные знаки Малоарбатской писаницы). Памятники эпохи ранней бронзы составляют фондовую основу таких музеев, как «Улуг-Хуртуях тас» и музей «Усть-Сос» в Бейском районе. К тагарскому времени относятся «Салбык» и «Барсучий лог» в Усть-Абаканском районе, а также Большая и Малая Боярские писаницы (музей «Бояры. Древняя земля»).

Среди острых проблем, возникших в ходе создания музеев под открытым небом, следует отметить отсутствие специалистов в области культурного туризма и музейного дела; неудовлетворённость работающих сотрудников низкой оплатой труда и сложными условиями работы. Решить, хотя бы частично, первую из этих проблем призвано магистерское направление «Историко-культурный туризм», открытое в текущем году в Институте истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

В будущем усилия музеев под открытым небом должны быть направлены на расширение спектра музейных услуг, направлений и форм деятельности в соответствии с выявленными интересами и потребностями реальных и потенциальных посетителей.

Каждый год реализации программы предполагается увеличивать долю культурно-исторического туризма в общем объёме туризма на 1%, количество туристов, посетивших объекты культурного наследия, на 1 тыс. человек. Предполагается ежегодно проводить музеефикацию минимум 3 объектов культурного наследия, создавать 2 туристских продукта в виде экскурсионных программ и туров, публиковать 2 научно-популярных издания. К концу её реализации прогнозируется увеличение доли культурного туризма в общем объёме туризма до 14%, количества туристов, посетивших музеефицированные объекты, до 15 тыс. человек.

Количество посетителей шести музеев под открытым небом («Казановка», «Улуг-Хуртуях тас», «Усть-Сос», Полтаковский музей наскального искусства, «Древние курганы Салбыкской степи», «Малоарбатская писаница») за 2006 – 2010 гг. составило более 185 тысяч человек.

Музеефикация археологических объектов и формирование сети музеев под открытым небом способствует сохранению и цивилизованному использованию культурного наследия, созданию положительного имиджа Республики Хакасия в России и за рубежом, увеличивает количество туристов в регионе. Музеи, активно взаимодействующие в сфере культурно-исторического туризма, в состоянии вносить наряду с другими отраслями по оказанию услуг населению весомый вклад в культурную, социальную и экономическую жизнь Республики Хакасия.

2011

А.В. Герман,
г. Абакан

Петроглифы тагарской культуры, найденные при раскопках могильников Усть-Сос 8, 9

В современной археологии особая роль отводится изучению памятников наскального искусства. Подобного рода памятники встречаются в различных уголках нашей страны, в т. ч. и на территории Хакасии, представленное как писаницами, так и одиночными петроглифами.

На территории Республики Хакасии имеются петроглифы различных археологических культур, но среди всей этой группы выделяются петроглифы тагарской эпохи.

Характеризуя петроглифы тагарской культуры, следует отметить, что большинство известных памятников находятся вблизи водных артерий. Не менее ценную информацию несут изображения, нанесённые на каменных плитах оград тагарских курганов. Чаще всего изображения представлены образами оленей, козлов, птиц, фантастических животных, а так же рисунками людей. В связи с этим выделяют зооморфные изображения и антропоморфные. Петроглифы тагарского времени выполнены в скифо-сибирском стиле, с использованием различных техник и приёмов.

В августе 2011 г. в окрестностях улуса Усть-Сос Бейского района Республики Хакасия проводились археологические охранно-спасательные раскопки группы курганов, относящихся к периоду тагарской культуры. Полученный материал позволяет датировать погребения VI-V вв. до н. э.¹ Захоронение относится к подгорновскому этапу, для которого характерно сооружение каменных ящиков в могиле.² Особо интересным материалом, который удалось получить, явились несколько плит песчаника, которые служили боковыми стенками каменных ящиков для древних могил. На плитах были нанесены рисунки, по характеру исполнения, относящиеся к той же культуре что и погребение. Важно отметить то, что лицевые стороны плит, на которых находятся изображения, были направлены во внутреннюю сторону могилы.

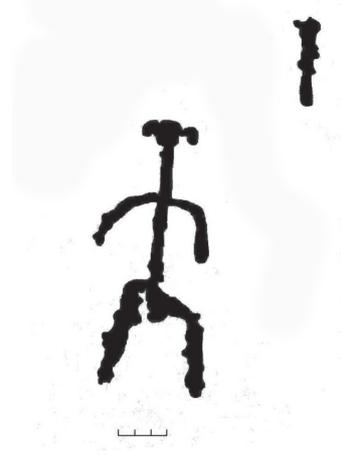
На плите, обнаруженной при раскопках могильника Усть-Сос-8 кургана 7, нанесено изображение человека, размер которого в длину составляет 22 см и в ширину 22 см. Плита с рисунком в каменном ящике могилы № 5 была расположена в южной части погребения таким образом, что изображение человека находилось в горизонтальном положении. Стиль, в котором было выполнено изображение довольно грубый, с использованием точечной техники.

Другая плита была найдена при раскопках соседнего кургана № 39 могильника Усть-Сос-9. На плите нанесено 7 изображений. Плита с петроглифами находилась в могиле № 1 и расположена в южной её части, рисунками направленными на погребённого. Большую часть изображений сложно интерпретировать, чётко прослеживается лишь один рисунок человека на вертикальной стенке каменной плиты.

По характеру исполнения его следует отнести к периоду тагарской культуры. Размеры изображения человека в длину составляют 17 см, в ширину 7 см. На голове антропоморфной фигуры хорошо читается изображение головного убора или причёски. Плита с изображениями, как и в соседнем кургане, была перевернута, но уже верхом вниз.

Вероятнее всего, плиты в каменных ящиках использовались вторично, так как на плите кургана № 7 могильника Усть-Сос-8 в правой её части имеется фрагмент изображения, которое сложно интерпретировать, в связи с тем, что край плиты был отколот, вероятнее всего, в момент сооружения могилы. Это даёт основание считать, что перед тем как плиту использовали в качестве строительного материала, она играла другую роль. Плиты с петроглифами во вторичном использовании встречались и ранее в тагарских курганах. Так, при раскопках тесинского склепа под горой Тепсей в могильнике Кизань I на плите кургана 14 была обнаружена плита во вторичном использовании, на которой были обнаружены изображения ряженных людей с изображением лошади. Данная сцена датирована подгорновским временем.³

Можно предположить, что каменные плиты с петроглифами в курганах № 7 могильника Усть-Сос-8 и кургана № 39 могильника Усть-Сос-9 появились не случайно, так как обе плиты были

*Изображение человека.
Могильник Усть-Сос 9.
Курган № 39. Могила № 1.
(перевернуто.)*

перевернуты и расположены изображениями внутрь могилы, вероятно, они выполняли особую функцию. Перевернутыми в период тагарской культуры изображались убитые или умершие.⁴ К тому же обе плиты являются южными частями стенок каменных ящиков могил, это говорит о том, что соблюдалась определённая традиция применения подобного рода плит с рисунками.

Так же при раскопках могильника Усть-Сос-8 кургана № 6 в северо-восточной части каменной ограды была обнаружена каменная плита с петроглифами. На вертикальной внешней стороне плиты, находящейся в системе архитектуры ограды кургана, прослеживаются три чётких изображения человеческих фигур, по характеру исполнения их следует датировать подгорновским этапом тагарской культуры. Изображения выполнены точечной техникой.

Подобного рода изображения на плитах оград тагарских курганов встречаются довольно часто. При раскопках могильника Белый Яр-1,⁵ кургана Барсучий Лог на оградах были обнаружены петроглифы датируемые периодом тагарской культуры.

В итоге проведённых охранно-спасательных археологических раскопок в окрестностях улуса Усть-Сос Бейского района был получен ценный материал, который позволяет изучить наскальное искусство тагарской эпохи. Найденные петроглифы датируются не ранее чем VI – V вв. до н. э. Петроглифы на плитах внутри могил довольно редкое явление, поэтому данная традиция мало изучена. В связи с этим следует продолжать изучение памятников подобного рода, так как полученная информация расширяет представление о погребальном обряде тагарского населения VI–V вв. до н. э. Плиты с петроглифами были переданы в экспозиционный фонд музея под открытым небом Усть-Сос.

2011

Примечания:

¹ Готлиб А.И. Отчёт о научно-исследовательской работе. «Работы по сохранению объектов археологического наследия «Курганная группа Усть-Сос-8» и «Курганная группа Усть-Сос-9» в Бейском районе Республики Хакасия в 2011 году».

² Готлиб А.И. Археология Хакасско-Минусинского края / Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И., Худяков Ю.С.; Под ред. Бутанаева В.Я. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 224 с.: ил., с. 131.

³ Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (Сюжеты и образы) / О.С. Советова. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с., с.20.

⁴ Поселянин А.И., Семашкевич В.Э. Рисунки на плитах оград тагарского могильника Белый Яр-1 // Актуальные проблемы подготовки специалиста в ВУЗе: Материалы III республиканских Катановских чтений. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1996. – 164 с., с.33.

⁵ Там же.

Е.Г. Жужгина,
г. Саяногорск

Из истории Бейской археологической экспедиции

Прошло 36 лет с тех пор, как на саяногорской земле начала свою работу Бейская археологическая экспедиция ИИ МК РАН г. Санкт-Петербурга в связи с предстоящим строительством Саянского алюминиевого завода и формированием будущей городской инфраструктуры. Все археологические исследования, давшие науке богатый материал о жизни наших предков, в основном, производились на средства этого промышленного гиганта цветной металлургии.

Бейская экспедиция не первой исследовала данную территорию. У неё уже были предшественники – Саяно-Тувинская экспедиция 1971-73 гг. и в частности, археологи Юрий Иванович Трифонов, начальник пятого отряда и затем присоединившаяся к раскопкам с начала 1973 г. начальник шестого отряда той же Саяно-Тувинской экспедиции Пшеницына Маргарита Николаевна. Они работали под руководством доктора исторических наук Сергея Никитовича Астахова.

Предполагалось выполнить огромный объём работ. Так с 1975 г. эстафету раскопок на данной территории принимает вновь создавшаяся Бейская археологическая экспедиция. Её руководите-

лем была назначена к.и.н. Пшеницына Маргарита Николаевна. Родилась она в г. Ленинграде, в 1937 г. в семье учёных-химиков, по происхождению – дворян. Окончив школу, поступила в Ленинградский университет на факультет археологии.

Студенткой 4-го курса впервые поехала в Сибирь в составе Красноярской экспедиции, под руководством Михаила Петровича Грязнова, д.и.н., который более четверти века руководил крупнейшими в Сибири новостроечными экспедициями. Его роль велика в подготовке научных кадров, в создании целой школы археологов, ныне успешно работающих в научных учреждениях России, ближнего и дальнего зарубежья. И сама Маргарита Николаевна считает в том, что она состоялась и как археолог, и как руководитель, именно его заслуга.

В 1959 г., окончив университет, она осталась работать в Красноярской экспедиции. Параллельно участвовала в раскопках в Таджикистане. С 1962 г. М.Н. зачислена в штат ЛОИА АН СССР. В 1975 г. – защитила кандидатскую диссертацию «Культура племён Среднего Енисея во II-I в.в. до н.э.». Первый оппонент диссертации д.и.н. Леонид Романович Кызласов отметил огромную роль Пшеницыной М.Н. в раскопках эталонных памятников.

После защиты диссертации Маргарита Николаевна возглавила Бейскую новостроечную экспедицию.

В результате первых 3-х лет работы (1975, 1978-79 гг.) экспедицией было зафиксировано 800 погребальных памятников от эпохи энеолита до позднего железного века, составлена карта-схема расположения их в проектируемой парково-спортивной зоне города и инженерных коммуникаций СаАЗа. Местность эта условно названа Летником.

В 1970-е гг. там было раскопано 12 афанасьевских оград и 42 могилы. Все материалы раскопок были переданы экспедицией в Кемеровский государственный университет, музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири» (Саяногорский краеведческий музей открылся только в 1999 г.). Власти города предпринимали попытку вернуть материалы раскопок 1975, 1978-79-х гг. в г. Саяногорск. Сохранилось письмо на имя ректора Кемеровского Государственного университета профессора Захарова Ю.А. от 14.08.1990 г., за подписью председателя горсовета А.В. Михайлюка. Но события 1990-х гг. в стране почти на 10 лет отодвинули открытие музея, и возврат коллекции оказался невозможным.

Через 11 лет, в 1990 г., Бейская экспедиция продолжила свои работы в парково-спортивной зоне г. Саяногорска. В могильнике Летник II ею были произведены раскопки 5-ти курганов. Эти памятники относились к эпохе раннего железа, к тагарской культуре (VII-I вв. до н.э.).

Кроме раскопок на территории парковой зоны с 1991 г. экспедиция произвела раскопки тагарских курганов на территории индивидуального строительства в местности Ай-Дай (в переводе – Лунная гора) у юго-западной границы г. Саяногорска. К югу от дороги, идущей из Саяногорска в д. Калы и Сабинку, было зафиксировано 39 курганов, в ряде случаев полностью уничтоженных многолетней распашкой. За три сезона было исследовано 11 курганов, в которых оказалось 20 могил с индивидуальными и коллективными погребениями.

В результате раскопок 16 тагарских курганов в могильнике Летник II и на Ай-Дае был получен материал для изучения социального состава тагарского общества IV-III вв. до н.э. – периода обособления знати.

В 1993 г. Бейской экспедицией в пункте, условно названном АД-IV, было найдено поселение площадью не менее 12 га. Оно, по всей вероятности, было одним из самых крупных в предгорной полосе. Фрагменты шлака давали основание предполагать, что помимо земледелия, животноводства, гончарного дела, жители занимались металлообработкой железа.

Многие археологи начинали свою работу в составе Бейской экспедиции. Это широко известный специалист по ранне-тагарской эпохе, ныне к.и.н., старший научный сотрудник ИИ МК РАН Николай Анатольевич Боковенко. Много лет он был начальником Средне-Енисейской экспе-

диции, которая вела раскопки, в основном в Аскизском районе Хакасии. Они предшествовали строительству дорог Минвозхоз, затем – Хакасавтодор. Тогда же принимали участие в работе экспедиции к.и.н. Владимир Алексеевич Завьялов и Любовь Борисовна Кирчо.

В 1970-е гг. в составе Бейской экспедиции был Николай Юрьевич Кузьмин, ныне живущий в Германии. Темой его научной диссертации стал гунно-сарматский период на территории Хакасии. Свой вклад в раскопки курганов афанасьевского культуры внёс Марк Лазаревич Подольский, археолог Александр Сергеевич Поляков, занимавшегося исследованиями памятников тюркского времени и предмонгольской эпохи.

В 1990-е гг. здесь трудились Ольга Леонидовна Пламеневская и Людмила Ивановна Рева. Они принимали активное участие в исследованиях тагарских могильников Летник-II и на Ай-Дае, а также таштыкского поселения на южном Ай-Дае.

Участвовал в раскопках на Ай-Дае Николай Николаевич Николаев – ныне к.и.н., сотрудник отдела археологии Государственного Эрмитажа. С 2005 г. в составе Бейской экспедиции работает к.и.н. Соколова Людмила Анатольевна. В 2007 г. работали два молодых специалиста Алтайского государственного университета (г. Барнаул) Елена Шепелева и Александр Гончаров. Каждый год экспедиции помогали студенты и школьники старших классов.

Всех сотрудников, с кем довелось трудиться бок о бок, М.Н. Пшеницына помнит по имени отчеству и также отдаёт дань благодарности студентам – практикантам Ленинградских и других вузов, художникам, без которых не проходила ни одна экспедиция: Андрей Борисович Геннадиев – представитель русского авангарда, ныне живущий в Финляндии, Анатолий Путилин – художник-авангардист, проживающий с 1980-х в эмиграции в Париже. Дмитрий Шагин – художник, музыкант, ныне руководитель известной группы «Митьки» в Санкт-Петербурге. Владимир Георгиевич Ефимов тоже внёс свой немалый вклад в археологию города.

Деятельность начальника экспедиции все эти годы не ограничивалась только раскопками. Она вела большую просветительскую работу, участвовала в проведении дней тюркской письменности и культуры. Выступала с лекциями и докладами перед учителями истории, участвовала в организации и проведении выставок по археологии в краеведческом музее. Давала интервью на местном телевидении и в газетах «Саянские ведомости» и «Среда». Рассказывала простым гражданам города и учащимся школ о значимости работы археолога, а главное, о сохранении исторического наследия, о недопустимости небрежного отношения к древним памятникам.

Выполняя свои непосредственные обязанности, никогда не забывала о накопленных материалах своих коллег. При первой встрече осенью 2000 г. Маргарита Николаевна передала материалы раскопок С.Н. Астахова 1980-1981 гг. с палеолитических стоянок Сизой Красноярского края и сборных пунктов М. Карак и Б. Карак – более 2-х тыс. экземпляров.

В 2002 г. в музей поступили первые материалы раскопок Бейской археологической экспедиции 1990-х гг. Передано было более 2600 экземпляров. Музей был молодой и ещё не было опыта хранения таких материалов и М.Н., не жалея своего времени, учила сотрудников фондового отдела и правильной упаковке и расшифровке надписей, выполненных археологами в полевых условиях. Вместе с музейным художником – оформителем Воеводиным А.Б. продумывала, как расположить материалы будущей экспозиции, открытие которой намечалось к дню города.

Весной этого же года житель нашего города Пырин Г.М. нашёл на своём дачном участке клад и передал его в музей. Клад был внимательно осмотрен, сфотографирован и отсканирован сотрудниками экспедиции, сделали научное описание предметов, определив, что предметы относятся, в основном, к гунно-сарматской эпохе. Клад принадлежал литейщику и содержал предметы быта данной территории и в т.ч. китайские.

В течение 12 лет сохраняется тесное сотрудничество с Бейской экспедицией. За эти годы в музей передано более 3-х тыс. ед. хр. с раскопок прилегающих территорий. Были годы счастливых

находок. В 2006 г. были обнаружены три предмета – блестящие образцы бронзолитейного производства. На обушке одного из чеканов – изображение горного козла, а на другом фантастического существа – грифона, который на прежних находках изображался только на рукоятках ножей. Предмет неизвестного назначения, изогнутой формы, с обеих сторон которого выкована голова лошади. Древний мастер словно вдохнул душу в него – до того натуралистично изображение. Нетипичными оказались такие находки, как золотая гривна и золотые серьги со вставками из поделочного камня. Они характерны для предметов из раскопок на Западном Алтае. Что говорит об активных торговых связях в III в. до н.э.

В этом же году с раскопок было привезено скульптурное изображение быка из гранита и фрагменты могильной ограды из могильника Н-Михайловка. Их установили у северной стены музея. Кроме того М.Н. Пшеницына написала письмо начальнику отдела инспекции по охране культурного наследия министерства культуры РХ В.П. Балахчину с просьбой разрешить установление охранной доски у фрагмента каменной ограды и составила предполагаемый вариант текста охранной доски. Эта идея продиктована заботой о сохранности уникального экспоната.

В этом же сезоне сотрудникам Бейской экспедиции, в частности Соколовой Людмиле Анатольевне совместно с учащимися старших классов, пришлось провести охранно-спасательные археологические раскопки кургана тагарской культуры VIII-VI в.в. до н.э. в с. Бея, Бейского района РХ. Эти работы осуществлялись по согласованию с отделом-инспекцией по охране культурного наследия Министерства Культуры РХ и в соответствии с Актом об обследовании поврежденных объектов археологии. В результате, раскопок музей пополнился интересными находками, среди них был проушный бронзовый топор в натуральную величину, женская костяная расчёска, необычной формы костяные наконечники стрел и предмет из кости, похожий на булаву.

В 2010 г. Бейская археологическая экспедиция в лице Пшеницыной Маргариты Николаевны занялась охранными мероприятиями, была произведена паспортизация курганов.

В связи с трудностями финансирования в 2011 г. экспедиция начала работу поздно. Курган был только вскрыт. По словам археологов, он очень сложен по своей конструкции. Работа предстояла долгая и кропотливая, до морозов – не успеть. Пришлось его закрыть и на время законсервировать. В музей был передан всего лишь один предмет – бронзовый топор-кельт. Таких экспонатов в нашей коллекции ещё не бывало. В 2012 г. раскопки продолжатся и принесут новые открытия.

Итоги научных исследований М.Н. Пшеницыной, руководителя Бейской археологической экспедиции опубликованы во многих работах. Среди них следует отметить коллективную монографию «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» под редакцией М.П. Грязнова, а также раздел «Тесинский этап» в одном из томов серии «Археология СССР» – «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматском времени».

Сотрудники музея единогласно решили ходатайствовать перед администрацией города о присвоении Маргарите Николаевне Пшеницыной, к.и.н., руководителю Бейской археологической экспедиции звания «Почётный гражданин города Саяногорска». Своим многолетним трудом она это заслужила.

2011

Литература:

1. Отчёт о раскопках тагарских курганов в могильнике Ай-Дай II в пригороде г. Саяногорска Бейского района РХ в 1995 г. – Пшеницына М.Н. – начальник экспедиции ИИМК РАН, 1996. С.45.
2. Массон В.М. и Пшеницына М.Н. Древности г. Саяногорска: С-П, 1994. – 23 с. С ил. и фото. ИИМК РАН; АОФ «Саянстрой».
3. Папка: Документы «Историко-краеведческий музей», 1990. – С 1-24;
4. Краткий отчёт об обследовании и разведочных раскопках на территории строительства Саянского алюминиевого завода и г. Саяногорска, проведённый Бейской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР

в 1975 г. Сметы с обоснованием на археологические работы на территории строительства проектируемых инженерных коммуникаций СаАЗа и г. Саяногорска – 23 с., схема.

5. Отчёт Бейской экспедиции М.Н. Пшеницыной и Л.И.Ревы. О раскопках больших тагарских курганов в могильнике Ай-Дай III и таштыкского поселения п. южный Ай-Дай г. Саяногорска в 1993 г. – 18 с.

6. Отчёт Бейской экспедиции. Пламеневская О.Л. О раскопках тагарских курганов могильника Летник II в парково-спортивной зоне г. Саяногорска в 1990 г. Начальник экспедиции – к.и.н. М.Н. Пшеницына, начальник. II отряда О.Л. Пламеневская.- Л., 1991 – 20 с.

7. Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова.- С.-П., ИИМК РАН, 1992 – 246 с. илл.

8. «Саянские ведомости», 27 октября 2005. - Мельникова Т.А. На стезе перемен, с.5-6;

9. «Саянские ведомости», 20 сентября 2007. – Мельникова Т.А. Земля – городов колыбель, с.8;

10. «Саянские ведомости», 2006 – Мельникова Т.А. Время пишет летопись.

А.Л. Заика,
г. Красноярск

Шалаболинская писаница: вопросы музеефикации

Древнее искусство, а наскальная живопись в особенности, одно из самых загадочных явлений в истории человечества. В Енисейском регионе на обширной территории от Эвенкии до Тувы встречаются многочисленные памятники древней наскальной живописи, разнообразные как по форме, так и по своему внутреннему содержанию: скульптурные изваяния Хакасско-Минусинской котловины и многофигурные панно речных утёсов Енисея, Ангары, Тубы, Маны, росписи свода пещер и изображения на могильных плитах, поминальных камнях и прибрежных валунах.

Наиболее уникальным и значимым объектом древнего наскального творчества на территории Красноярского края является Шалаболинская писаница. И это не случайно.

Во-первых, памятник поражает своей масштабностью. Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Тубы (правый приток р. Енисей) на высоком (до 200 м), крутом, береговом скальном массиве, сложенным девонскими песчаниками, который имеет протяжённость в северо-восточном направлении около 3 км. Береговые утёсы начинаются в 2,3 км к ЮВ от д. Ильинки и заканчиваются выше по течению р. Тубы в устье р. Шушь, что в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино Курагинского района.

Во-вторых, отличается насыщенностью и пространственно-высотными характеристиками петроглифов. К настоящему времени насчитывается порядка 500 плоскостей с рисунками, которые встречаются на всём протяжении скального массива на различных высотах от 1,5 м до 150 м от августовского уреза воды.

В-третьих, впечатляет высокое разнообразие древних технических приёмов исполнения изображений: минеральными красителями (охрой), чёрным красящим пигментом (битумная тушь), путём выбивки, шлифовки, полировки, гравировки и др. Нередки случаи комбинированного сочетания различных техник при выполнении рисунка.

В-четвёртых, Шалаболинские петроглифы, в отличие от других местонахождений охватывают широкий временной диапазон: от эпохи камня (6-8, возможно 9-12 тыс. лет назад) до этнографической и исторической современности (кон. XIX – перв. пол. XX вв.). На примере сюжетов наскального творчества ярко прослеживаются основные вехи местной, отечественной и мировой истории: послеледниковый период, неолитическая революция, волны индоарийской миграции, возникновение скотоводства и освоение металла, скифская культура, гуннская экспансия, великое перенаселение народов, возникновение письменности, образование раннефеодального Ха-

касского государства, монгольское нашествие, миссионерская деятельность православной церкви среди местных сибирских народов, политическая ссылка XIX – XX вв. и др.

В-пятых, а скорее – в первую очередь – поражает разнообразие сюжетов и живописность образов. Многофигурные панно с участием лосей, медведей, маралов, кабанов, диких быков и лошадей эпохи камня. Экзотичные личины фантастического облика и мифические чудовища эпохи ранней бронзы. Батальные сцены и скотоводческие сюжеты железного века. Резные рунические знаки и монгольские надписи эпохи средневековья. Тамбовидные родовые автографы тубинцев и православные кресты нового времени и др.

В-шестых, привлекает содержательный аспект древних композиций. Иллюстрации древних мифологем каменного века с участием зооморфных объектов поклонения. Сложные мировоззренческие модели мироустройства зоо-антропоморфного вида эпохи ранней бронзы. Абстрагированная символика космических циклов, культ колеса в петроглифах эпохи металла. Культ коня и приоритеты военной идеологии в композициях эпохи железа. Культ гор и родовых предков в эпоху средневековья. Идеи шаманизма сибирских народов и др.

Вышеобозначенные факты свидетельствуют о том, что Шалаболинские петроглифы являются не просто древней художественной галереей, а древним культовым комплексом. Своего рода храм под открытым небом – со своим алтарём и иконостасом в виде мифических сюжетов и древних объектов поклонения. Более того, учитывая факты нахождения на территории памятника человеческих захоронений в скальных нишах, можно говорить как о человеческих жертвоприношениях, так и своего рода архаичных формах церковного погоста. Прилегающая к писанице территория, на которой зафиксированы как погребальные, так и поселенческие комплексы подтверждают культовый статус памятника, имевшего популярность в течение длительного времени.

История исследования. Шалаболинские петроглифы в силу своей уникальности привлекали различных исследователей (начиная с сер. XIX в.), имеют богатую историю своего изучения. Первое упоминание о них принадлежит Минусинскому окружному начальнику, известному этнографу Н.А. Кострову, который и назвал данные петроглифы Шалаболинскими. Сообщения Н.А. Кострова впоследствии были опубликованы бывшим дворянским заседателем Красноярского уездного суда Г.И. Спасским (Спасский, 1857). В кон. XIX – нач. XX вв. наскальные рисунки изучались финской экспедицией под рук. И.Р. Аспелина, красноярскими исследователями А.В. Адриановым, Л.Ф. Титовым, И.Т. Савенковым, позже Э.Р. Рыгдылоном, Р.В. Николаевым, столичными археологами А.А. Формозовым, Я.А. Шером и др. В 1970-х гг. писаница изучалась экспедицией КемГУ под руководством Б.Н. Пяткина. В состав отряда входил профессиональный красноярский художник В.Ф. Капелько, которым был разработан оригинальный метод копирования наскальных изображений на микалентную бумагу. С 2001 г. Шалаболинские петроглифы исследуются археологическим отрядом Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева под рук. А.Л. Заики.

Современное состояние. Исследования последних лет показали, что петроглифы находятся в аварийном состоянии: под воздействием естественных эрозийных процессов плоскости растрескиваются и осыпаются (некоторые опубликованные рисунки уничтожены), нижние ярусы скалы с рисунками ежегодно разрушаются от паводковых вод, погребены под осыпями скальных пород или мощными напластованиями наносного грунта. Крайний, наиболее доступный юго-восточный участок писаницы сильно пострадал от котлованов и осыпей технического происхождения, появившихся с целью выемки природного камня для строительных работ. Более того, возросшая популярность объекта привлекает массу посетителей. В результате неконтролируемого туризма в большом количестве появляются современные надписи, причём на плоскостях с древними композициями, поверх рисунков. В итоге нарушается не только эстетика древнего

творчества – страдают сами рисунки, разрушаются их силуэты, контуры и детали изображений. Впоследствии даже специалисту не представляется возможным восстановить изначальную конфигурацию древних образов. Вследствие активного антропогенного воздействия на петроглифы применение современных методов абсолютного их датирования сводится к нулю.

Соответственно, требуются неотложные меры по сохранению и музеефикации масштабного памятника древнего наскального творчества – Шалаболинская писаница. В противном случае мы рискуем потерять для потомков уникальный объект древнего историко-культурного наследия.

Необходимые меры по музеефикации. Шалаболинская писаница декларативно была поставлена на охрану как археологический памятник республиканского значения в 1976 г. Фактически работы по паспортизации писаницы и постановке её на учёт, как памятника истории и культуры федерального значения, были произведены в 2001 г. В связи с новыми требованиями в 2010 г. на памятник, как «объект культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность» была составлена внушительная по объёму учётная карта. С целью музеефикации Шалаболинской писаницы теперь необходимо поэтапно выполнить на формальном и фактическом уровне следующую процедуру:

1. Выполнить мероприятия по выявлению, учёту и принятию на государственную охрану объекта культурного наследия – *достопримечательное место «Шалаболинская писаница».*

Шалаболинская писаница находится на живописном береговом утёсе, с вершины которого открывается прекрасный вид на широкую пойму р. Тубы с её многочисленными островами, протоками и степную долину левого берега с «царскими» курганами и скалами с древними рисунками (Георгиевская, Ильинская). С тыльной (северной) стороны к скальному массиву примыкает обширный лесной массив южной тайги (сосновый бор) с боровой дичью. Периодически на острова совершают переход группы косуль. Западный склон горы выходит на площадку пойменных лугов с кустарниковой растительностью, окаймленную крутыми каменистыми скатами коренного берега, для которого характерен сухой степной ландшафт.

Контрастность рельефа, мозаичное сочетание различных экосистем (сухая степь, луговая лесостепь, южная тайга) придают окружающей местности экзотичный колорит, который, видимо, не ускользнул от внимания наших предков, что объясняет высокую концентрацию древних объектов на сравнительно ограниченной территории.

2. Отнести данное достопримечательное место к *историко-культурным заповедникам регионального/федерального значения.*

Шалаболинская писаница и прилегающие к ней археологические объекты другого характера (могильники, стоянки) настоятельно требуют музеефикации с заповедным ограничением окружающей местности. Ориентировочно в состав музея-заповедника должны входить: собственно скальный массив с петроглифами и средневековыми захоронениями, прилегающая территория соснового бора, луговая площадка (поселенческий комплекс), окаймляющая её дуга скальных выходов (писаницы Ильинка -2-4), восточная оконечность о. Берёзовый напротив писаницы.

3. Организовать на основе созданного историко-культурного заповедника краевое учреждение культуры – *археолого-этнографический музей «Шалаболинская писаница».*

Заповедный статус территории и музейная сохранность объектов на её площади, квалифицированная экскурсионная деятельность и контролируемый туризм, регламентированная научно-исследовательская деятельность могут быть реально гарантированы при наличии соответствующего учреждения культуры с полагающимся штатом профессиональных работников. В роли такового должен выступить археолого-этнографический музей «Шалаболинская писаница».

Только при наличии музея, сотрудники которого обеспечат контроль над охраняемой территорией, может быть результативным *комплекс противоаварийных, консервационных и реставрационных работ* на Шалаболинских петроглифах.

Учитывая, что музей должен функционировать круглый год, ему необходимо отапливаемое просторное, удобное для работы помещение. Оптимальный вариант – каменное здание клуба с автономным отоплением в д. Ильинка, удобно расположенного на перекрёстке центральной улицы и единственной дороги в сторону писаницы (музея-заповедника).

Планировка здания позволяет:

- разместить на широкой площади (зрительный зал) напольное экспозиционное оборудование и настенные выставочные материалы, в частности, широкие панно с копиями наскальных рисунков Шалаболинской писаницы.

- широкий экран и кинобудка предполагают продуктивное транслирование кино-, видео-, слайдфильмов, использование мультимедийных технологий.

- сцена может использоваться для лекционного вещания, театрализованных действий реконструктивного характера, выступления творческих коллективов.

- подсобные помещения удобны для хранения экспонатов и оборудования; научных кабинетов; гостевого размещения посетителей (приёма гостей); удовлетворения бытовых нужд.

Прилегающая парковая зона в летний период может использоваться для экспозиционно-выставочной деятельности, проведения широких культурно-массовых мероприятий: этно-исторических праздников, фестивалей народного творчества, выступления фольклорных ансамблей и др.

В круг экскурсионной деятельности может включена территория д. Ильинка и с. Шалаболино, где консервативно сохранились архитектура построек XIX – нач. XX вв., этнографические материалы русских переселенцев, традиционные промыслы, народный сибирский фольклор.

Успешное решение вопросов об организации историко-культурного заповедника и археолого-этнографического музея «Шалаболинская писаница» позволит решить насущные задачи научного, образовательного, воспитательного, просветительского характера:

- пропаганда и популяризация историко-культурного наследия;
- развитие научно-познавательного интереса к древнему прошлому (прежде всего у школьников);

- повышение общеобразовательного исторического уровня у молодёжи;

- развитие научного и других видов туризма (как отечественного, так и международного) на территории края;

- воспитание уважительного отношения к истории родного края, развитие патриотизма, формирования гражданской ответственности у подрастающего поколения;

- изучение и сохранение древнего историко-культурного наследия.

Более того, активное вовлечение в работу музея местного населения (возрождение народных промыслов, рейнджерская деятельность, гостиничные и другие бытовые услуги, обеспечение продовольственными продуктами крестьянского хозяйства, прогулочные мероприятия на традиционных видах транспорта и многое другое) поможет решить актуальные задачи современности социального характера: возрождение российской «глубинки», сибирской деревни, занятости населения, возвращение молодёжи в село.

Создание музея-заповедника «Шалаболинская писаница», несомненно, поднимет престиж Приенисейской Сибири не только на отечественном, но и международном уровне, создаст определённые условия для решения ряда задач социального, экономического и культурного развития региона.

Э.В. Угдыжеков,

г. Абакан

Раковины каури как древняя валюта Старого Света

Находки раковин каури как вида археологических находок широко известны среди учёных в Китае, в Японии, в Центральной, Северной Азии, в Индокитае, в Индии.¹ Раковины каури знаковы и в сибирской археологии и этнографии. Ещё существовали пастовые и бронзовые подделки раковин *Cypraea moneta*.² В определении понятия «валюта», ограничимся пониманием данного термина «Словарём иностранных слов»³ и пониманием понятия «валютный рынок», «валютные курсы» Полом Самуэльсоном.⁴ Валютой является денежная единица страны. Валютным рынком является рынок, на котором продаётся и покупается валюта разных стран, что и определяет валютные курсы стран. Изобилие валюты страны ведёт к обесцениванию валюты страны, дефицит валюты страны ведёт к дороговизне валюты страны.

В древности понятия «валюта», «валютный рынок», «валютные курсы» имели не меньшее значение во взаимоотношениях между странами и народами, чем в наши дни, но понимание особенностей их функционирования у разных народов, у разных социальных групп в конкретное время находилось на совершенно разных уровнях. Даже в наше время разные народы, разные социальные группы, отдельные люди значительно различаются в понимании валюты, валютного рынка, валютных курсов, но это сложная часть окружающей общественной реальности, в которой есть выигрывающие и проигрывающие страны, народы, социальные группы, отдельные семьи и люди.

В археологии Южной Сибири зафиксированы данные С.В. Киселёва о находках раковин каури, начиная с карасукского времени. Позднее, в тагарское время широко распространились пастовые и бронзовые подделки, подражающие раковине *Cypraea moneta*.⁵ В могильнике Кудыргэ на Алтае в кургане № 6 обнаружены украшения в виде ряда просверленных в двух местах для нашивки раковин *Cypraea moneta*.⁶

Раковины каури имеются среди украшений «води» (южный берег Финского залива X – XIII вв.). В раннесредневековых памятниках южных берегов Финского залива выделено две группы находок украшений. Первую группу украшений учёные относят к типичным для новгородских словен, а вторую группу образуют украшения нехарактерные для восточнославянского мира, но имеющие аналогии среди финно-угорских древностей. Среди найденных украшений имеется височное кольцо с бусами и раковинами каури.⁷

Встречаются раковины каури в женских погребениях кочевников восточноевропейских степей в половецкое время (XI – XII вв.).⁸

Высокая стоимость бронзовых сосудов делала их надёжным капиталовложением в условиях, когда основной формой товарообмена является бартер. Раковины каури, в связках по десять штук, служили в качестве примитивной валюты, но их единственным источником было устье Хуанхэ, расположенное в 500 милях к востоку. При обмене использовались такие товары, как зерно и шёлк, но поскольку общины по большей части всё ещё были самодостаточными, между ними едва началась торговля.⁹ В VIII – VII вв. до н.э. из-за чрезмерной добычи раковин каури в устье Хуанхэ Китай пережил сильную инфляцию, т.е. обесценивание раковин каури.

Использование раковин каури известно и в южносибирской этнографии. В каталоге этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета есть данные об их использовании. В этнографии шорцев известно использование раковин каури в украшении воротников женских халатов, в украшении приплёток к женской накладной косе вместе с бусами. Известны раковины каури в связках с украшениями и бус. Эти костюмы и украшения

собраны в 1925-1927 гг.¹⁰ В этнографии хакасов без конкретного указания качинский, сагайский или бельтырский шаманский костюм есть информация об использовании раковин каури. Эти костюмы были взяты на хранение во втор. пол. XIX в.¹¹ Поиски этнографических данных об использовании раковин каури другими народами Южной Сибири и таёжной Сибири оказались безрезультатными, хотя утверждать, что в этнографии других сибирских народов нет примеров использования раковин каури ещё слишком рано.¹² Наличие раковин каури зафиксировано и у северных алтайцев.¹³

Улитки издавна имели большое значение в хозяйственной деятельности человека, главным образом в приморских странах. Особенно широко использовались именно переднежаберные. Пример приморских стран проник далеко вглубь материков.

Моллюски служили не только в качестве пищи, их раковины не только использовались как украшения или знаки отличия, но во многих областях они сделались важнейшим мерилем ценности и употреблялись в качестве денег. Большие кучи раковин, «кухонные остатки» первобытного населения многих приморских стран (в Дании, Бразилии, Франции, Англии, Португалии, Северной Америки, Японии, по берегам Чёрного моря), так же как и украшения, находимые в погребениях, указывают на широкое потребление переднежаберных наряду с ракушками ещё в глубокой древности.

Улитки играли большую роль в жизни народов древней Индии. В Передней Азии пурпурная улитка использовалась финикийцами для производства красящего вещества. Древние греки применяли морских улиток как лечебное средство. В качестве денег улитки служили на островах Океании, в Африке и в Америке. На островах Тихого океана известностью пользуются деньги из разных видов раковин. В Африке раньше служили в качестве денег маленькие улитки оливы (*Oliva pana*), которых собирали на одном из островов южнее устья Конго. Напротив, очень распространены и теперь так называемые деньги «каури» – раковины многих видов ципрей (*Surcea moneta*, *Surcea annulus* и др.), которые обитают у юго-восточных берегов Азии и служили сначала в Китае и в Японии средством оплаты и размена, а оттуда они были перенесены в Индокитай и Индостан, где они с начала нашей эры сделались единственной валютой и даже сейчас не совсем ещё вышли из употребления.

В Северной Америке, где раковины морского ушка, а также денталиумы широко применялись в качестве монет и украшений, заслуживают упоминания, как особая достопримечательность, вампумы – кожаные пояса, вышитые кусочками раковин улитки буссикон (*Bussycon*) и служившие символами и документами. Так, например, на одном вампуме был увековечен договор, относящийся к 1682 г., которым некий Лени-Ленапе передаёт Вильяму Пенну нынешнюю Пенсильванию. И сейчас раковины улиток употребляются в виде нательных украшений у народов Африки, Азии, Америки, Австралии; европейцы из них вырезают камеи, причём цветной гипостракум, темно-коричневый у *Cassis cameo*, жёлтый у *C. rufa*, розово-красный у *Strombus gigas*, очень эффектно выступает на белом фоне остракума. Наконец, раковины трохус идут в качестве сырья для пуговичного производства.¹⁴

К сожалению, вероятно, специально данные об археологических находках раковин каури на территории нашей страны не собирались. Хотя в отличие от изделий из камня, из бронзы, из железа данные находки локализуются значительно проще по месту происхождения, что может нести информацию о древней торговле на далёкие расстояния. Хотя вопрос о точной локализации мест природного существования раковин каури в прошлом требует уточнения и специального исследования.

Примечания:

- ¹ Жизнь животных в 6 томах. Т. 2. Беспозвоночные. Под редакцией действительного члена АН СССР Л.А. Зенкевича. – М.: Издательство «Просвещение», 1968. – С. 24 – 25
- ² Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА по археологии СССР № 9 / Отв. ред. А.В. Арциховский. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 77, 132, 155, 172; Угдыжеков Э.В. Случайные находки как исторический источник (Древние бронзовые изделия в коллекции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова) // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – Вып. 2. – С. 242.
- ³ Валюта // Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 95.
- ⁴ Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Л. Экономика: Пер. с англ.: 16-е изд.: - М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. – С. 600.
- ⁵ Киселёв С.В. Указ. соч. С. 132, 155.
- ⁶ Там же. С. 171. Таблица XXVIII. Рис. 16.
- ⁷ Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. тома д.и.н. В.В. Седов – М.: Наука, 1987. – С. 35.; Подписи к иллюстрациям части первой С. 240; С. 258. Таблица X. Украшения воды. Рис. 4.
- ⁸ Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. тома д.и.н. С.А. Плетнёва. – М.: Наука, 1981. – С. 165, рис. 51. к. – примерные границы лесостепи с лесом; С. 216.; Комплекс, характерный для женских погребений половецкого времени (кон. XI – XII в.); С. 261. Рис. 84. Комплекс, характерный для женских погребений половецкого времени (конца XI – XII в.). Рис. 25.
- ⁹ Крюгер Р. Китай. Полная история Поднебесной / Рейн Крюгер; пер. с англ. Д. Воронина, Ю. Гольдберга. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С. 22.
- ¹⁰ Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Часть I. Народы Сибири / Отв. ред. Н.А. Томилов – Томск: Издательство Томского университета, 1979. – С. 59-78.
- ¹¹ Указ. соч. – С. 149-150.
- ¹² Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири. XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970.
- ¹³ Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII – первая четверть XX в. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. – С. 60. Рис. 63; С. 82. Рис. 85. С. 117. Рис 126.
- ¹⁴ Жизнь животных. В 6 томах. Т. 2. Беспозвоночные. Под редакцией действительного члена АН СССР Л.А. Зенкевича. – М.: Издательство «Просвещение», 1968. – С. 24 – 25.

Д.В. Шрам,
г. Абакан

Уникальность Окуневского погребального обряда в сравнении его с погребальными обрядами предшествующих и последующих эпох

Самой распространённой категорией археологических памятников на территории Хакасско-Минусинской котловины являются погребальные комплексы. Именно они поставляют большую часть информации о культуре.

Окуневская культура – археологическая культура перв. пол. II тыс. до н. э. (эпоха бронзы) на территории Южной Сибири. Названа по местности Окунев улус на юге Хакасии, где в 1928 г. был впервые раскопан могильник этой культуры. Погребальные сооружения окуневской культуры это прямоугольные наземные оградки из вертикально врытых каменных плит. Внутри оградок находятся могилы, также выложенные каменными плитами; костяки лежат на спине с согнутыми в коленях ногами. Могильники чаще всего состоят из одного, реже из 4 курганов.

Особую группу представляют могилы, расположенные в афанасьевских оградах. Выделяется несколько вариантов: окуневские могилы впущены в заплывшие афанасьевские могилы, сооружены на месте разобранных участков афанасьевских оград, врезаны в край надмогильного холма афанасьевской могилы либо пристроены к ещё не развалившейся ограде; выкопаны внутри афанасьевской ограды, рядом с афанасьевскими могилами, не нарушая последних, расположены на месте афанасьевской могилы, не нарушая последних; расположены на месте афанасьевской могилы внутри её ограды.

Хакасская экспедиция МГУ в 1972-1973 гг. исследовала окуневские могильники, располагавшиеся на улицах станционных посёлков Усть-Бюрь и Ербинская на линии ж/д Ачинск – Абакан. Курган возле дома № 19: находится чётко выраженная квадратная ограда 9 x 9 м. В 6,5 м от неё

к северу (у дома № 21) располагается большая кольцевидная ограда (диаметром около 10 м), заполненная обломками скалы. В 19 м от неё к северу расположена вторая кольцевая ограда (диаметром около 14 м), также заполненная обломками скалы. Насыпи оград уплощенные, но заметно возвышаются над полотном дороги. Ещё одно кольцо – бугор (диаметром около 6 м) – лежит в полотне ул. Станционной у дома № 7, а у дома № 11 – округлый каменный курганчик (3 м в диаметре) с обнажившимся каменным ящиком без крышки. Рядом с ним, в полотне дороги, виден второй ящик. Оба ящика вытянуты с запада на восток.

Третий открытый ящик был замечен на ул. Заводской у дома № 3, пос. Усть-Бюрь, и состоял из трёх больших могил, вытянутых вдоль улицы с юга на север. Разобрали стенки ограды, которая состояла из аккуратно вырубленных и подобранных гранитных плит размерами 0,97x0,62x0,15 м; 0,63x0,48x0,18 м; 0,95x0,49x0,2 м; 1,07x0,7x0,25 м. Плиты были врыты на различную глубину (0,35; 0,3; 0,5; 0,41; 0,52; 0,55 м) от поверхности современной почвы. Все они стояли очень ровно потому, что имели контрфорсы из мелких обломков скалы. В посёлке на ст. Ербинской ограда № 5 находилась возле дома № 96 на ул. Степной. До раскопок это был сильно оплывший, округлый земляной курган (диаметром около 10 м и высотой около 0,7 м). В северной и западной полах насыпи были видны перпендикулярно расположенные отрезки стенок большой ограды, состоявшие из плит, врытых на ребро.¹

Красный Яр II. Могильник окуневской культуры. На поверхности земли признаков не имеет. Пять впускных могил обнаружены при раскопках афанасьевских, в оградах или вверху могил последних. Имели вид ям или каменных ящиков, закрытых сверху плитами.² Погребения в каменных ящиках не прослеживаются у культур, живших на территории Хакасско-Минусинской котловины в более раннюю эпоху.

Афанасьевские погребения. Это каменные круглые ограды, заполненные землёй. Стенки этих оград были сооружены из плиток, уложенных плашмя, и иногда обставлены кольцом из плиток, врытых в землю вертикально. В оградах находились одна, две, или редко три могильные ямы, стенки которых иногда обнесены бревенчатым срубом или каменными плитами в виде ящика. Сверху ямы были закрыты бревенчатым накатом, плитами и землей. В могилах находятся скелеты, лежащие скорченно на боку или вытянуто на спине с коленями, поднятыми вверх (головой на запад или юго-запад). Иногда это коллективные погребения до 5-7 человек. Кроме того, встречаются и остатки трупосожжений.³

В более позднее время также не наблюдается подобной традиции. Погребения андроновской культуры – ямы с каменными насыпями, иногда окружённые оградами из каменных плит. Есть захоронения и с деревянной облицовкой. Умершие похоронены в скорченном положении, кисти рук уложены перед лицом. В погребениях обнаружены кремнёвые наконечники стрел, бронзовые орудия и оружие, украшения, керамика. На территории бывшего СССР подобный погребальный обряд в более позднее время наблюдался только в кобанской культуре. В горных районах Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии – в конце бронзового века появляется кобанская культура, возникшая здесь при участии племён северокавказской культуры. Кобанскими племена называются по могильнику у аула Кобан. Изучены главным образом погребения. Они скорчены, лежат в могильных ямах, обложенных каменными плитами и перекрытыми такой же плитой.

Совершенно новый погребальный обряд является одним из элементов феномена окуневской культуры. Неолитических признаков захоронения в каменных ящиках так же не обнаружено. Подобная планировка курганов будет прослеживаться только в карасукскую эпоху, в которой наблюдается некоторая ременищенция окуневской.

Литература:

1. Авдусин Д.А., Археология СССР, М., 1977.
2. Вадецкая Э.Б. Археологический комплекс под горой Оглахты /Памятники истории и культуры Красноярского края. Выпуск 1. Красноярское книжное издательство, 1989.
3. Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. Издательство Московского университета. 1986.

Примечания:

- ¹ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. Издательство Московского университета. 1986.
- ² Вадецкая Э.Б. Археологический комплекс под горой Оглахты / Памятники истории и культуры Красноярского края. Выпуск 1. Красноярское книжное издательство, 1989 г. – С. 274
- ³ Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. Издательство Московского университета. 1986. – С. 24

РАЗДЕЛ IV. КРАЕВЕДЕНИЕ

Л.Н. Баяндин,
с. Белый Яр

Угольные месторождения Алтайского района. (История Изыхских копей)

В центре Минусинской котловины расположены богатейшие месторождения каменного угля. Первые сведения об их наличии появились в 1772 г., когда академик П.С. Паллас обследовал выходы угольных пластов в береговом обрыве на р. Абакан вблизи горы Изых.

Первая попытка использовать Изыхское месторождение каменного угля была сделана горным техником Екатеринбургского завода Холкиным Александром Васильевичем в 1860 г. Он обследовал выходы угля на поверхность у горы Изых и сделал об этом письменную заявку в Минусинский земский суд, ведавший в то время земельными угодьями в пределах округа. Одновременно Афанасий Ширяев – доверенный уральского заводчика Кольчугина, сделал заявку на добычу железной руды в горе Абаканская благодать. В 1861 г. А. Ширяев и красноярский купец Алексей Яковлев обратились с ходатайством - открыть железный рудник в верховьях Абакана, а под горой Изых начать разработку углей, там же построить железоделательный и чугунолитейный заводы. Руду А. Ширяев предполагал доставлять под Изых на плотах.

В 1875 г. владелец Абаканского железоделательного завода, петербургский чиновник горного ведомства Георгий Маркиянович Пермикин заложил в горе Изых две разведочные штольни с целью добычи угля для нужд своего завода. Попытка не увенчалась успехом, т.к. качество угля оказалось невысокого (уголь был взят близко от поверхности). Кроме того, перевозка вверх по реке на расстоянии 120 км была затруднена. И месторождение было заброшено.¹

Первое детальное исследование Изыхского месторождения было сделано 1889 г. ссыльным исследователем Дмитрием Клеменцом и геологом Богдановичем из Минусинска.

В 1891 г. газета «Восточное обозрение» писала «По реке Абакану, недалеко от устья его в горе Изых, найдены залежи каменного угля, которые, по отзывам знающих людей, богаты по напластованию и находятся при таких условиях, что уголь прямо из копий грузится на суда. Каменный уголь может пойти и на будущую железную дорогу и может служить для железного завода. Выгодное положение залежей не ускользнуло от взора спекулянтов, и они при одном слухе о проведении железной дороги уже явились сюда».²

Проявляли интерес к Изыхскому месторождению и представители иностранного капитала. В 1898 г. вокруг месторождения в горе Изых возникла конкуренция между русским капиталистом Мамонтовым и французским магнатом маркизом де Вассаль Монтвиель.³

1 июня 1899 г. на сходе инородцев Енисейской губернии, Минусинского уезда, Абаканской инородческой управы Шалошина второй половины рода (ныне земли Белоярского сельского совета) была выслушана заявка горного инженера Василия Арсентьевича Степанова, где он просил уступить ему местность у горы Изых в четырёх верстах от Таракановского улуса «Белого Яру» под разведку, а затем и добычу каменного угля. На сходе было решено: разрешить Степанову производить разведку и добычу угля с правом возведения построек и необходимых при работах сооружений.

В 1901 г. предприниматели Глеб Захарович Узунов и его компаньоны Пашенных и Попов при-

ступили к эксплуатации Изыхских угольных копей (по другим данным – в 1904 г.). Угледобыча составляла 200-300 тыс. пудов в год (3-5 тыс.т), а численность рабочих не превышала 30 человек.⁴

По заданию Томского горного управления К.И. Аргентов в 1904 г. исследовал гору Изых и окрестности. Было разведано 24 угольных пласта суммарной мощностью 20,5 м.⁵

В 1906 г. производитель горных работ Изыхских копей Степан Кузьмич Окулов исследовал район Чёрных гор, убедился в наличии богатых залежей угля. В 1907 г. была заложена первая шахта, поселение шахтёров получило название «Черногорские копи».⁶ В 1907 г. открыта угленосная площадь у д. Колягино (с 1944 г. она вошла в состав вновь образованного Алтайского района). В 1910 г. начали разрабатываться Калягинские копи, но их производительность была незначительной, а количество рабочих не превышало трёх десятков человек.⁷

На всех шахтах добыча велась примитивным способом. Основными орудиями были кайла, лом, лопата, санки-тачки. На Изыхских копиях первоначально разработка велась штольнями, затем мелкими шахтами диаметром несколько аршин (1 ар.=71см).⁸ Уголь долбили кайлой. Тусклый свет керосиновых ламп едва освещал фигуры забойщиков. Здесь же работали и подкидчики, они грузили уголь в тачки и по доскам доставляли его от забоя до ствола шахты. Наверх уголь поднимали в деревянных бадьях, вместимостью 18-20 пудов конными воротами на стальных канатах.⁹

Ещё тяжелее были условия работы на Калягинских копиях. Шахта была очень низкая, и забойщику приходилось долбить уголь полулёжа. Подкидчики работали на корточках, отгребали уголь, грузили его в санки, полусогнувшись тянули их в выработанное пространство. Шахтёры работали по 12 часов в день.¹⁰ Тяжёлым и изнурительным был их труд. Ни вентиляции, ни хорошего освещения, о технике безопасности не было и речи. Тогда говорили: «На шахтёрском нашем поле нет ни счастья, нет ни воли, там прорыты ямы-норы, в них работают шахтёры».¹¹

Черногорские, Изыхские и Калягинские копи заложили на территории Минусинского уезда основу новой отрасли – угольной промышленности. С началом первой мировой войны спрос на уголь увеличился. Минусинские углепромышленники достигли наибольшей в дореволюционное время добычи угля.¹² В 1914 г. на Изыхских, Калягинских и Черногорских копиях было добыто 25,9 тыс. т угля.¹³

Основная доля добычи приходилась на Черногорские копи, где работали 3 шахты, и не было больших проблем с реализацией угля. Для транспортировки угля в Красноярск владельцы имели 3 баржи и пароход. К Енисею уголь доставлял небольшой паровоз по узкоколейной дороге.

С Изыхских копей, в основном, уголь вывозился в г. Минусинск: летом на лодках, а зимой на лошадях по льду р. Абакан. С Калягинских копей уголь перевозили через Енисей на пароме или по льду. Весной и осенью во время ледохода и ледостава транспортное сообщение прерывалось.

В октябре 1917 г. в России произошла революция, и в декабре Минусинский совет принял решение о национализации Изыхских угольных копей. Комиссаром был назначен Василий Шкунов. По данным переписи 1917 г. на Изыхских копиях проживало 84 человека, на Калягинских копиях – 99 человек.¹⁴

25 сентября 1919 г. в Минусинске состоялся 8-й чрезвычайный уездный съезд Советов. На съезде была делегация с Калягинских угольных копей. В годы Гражданской войны угольная промышленность пришла в упадок и только в конце 1920 г. заработали Черногорские и Изыхские копи.¹⁵

В Докладной записке инженера Драго о Минусинском районе в правление Сибугля г. Томска от 16.07.1920 года содержится характеристика Минусинского угольного бассейна: «Изыхские копи расположены на правом берегу р. Абакан в 35 верстах от г. Минусинска и в 9 верстах от строящейся железной дороги. Для добычи угля пройдена штольня длиной 10 сажень (1 саж.=2,1м). Передачу угля через реку можно производить по висячей дороге; Калягинские копи – на левой стороне р. Енисей в 5 верстах и в 15 верстах от Минусинска. Там открыты два пласта, добыча угля ведётся

через вертикальную шахту глубиной 21 сажень. Необходимы глубокие разведочные работы».¹⁶

В связи с введением в СССР новой экономической политики (НЭП) мелкие предприятия стали сдаваться в аренду. 7 июня 1924 г. был заключён договор между управлением Минусинского каменноугольного района (Минрайуголь) и гражданином Самарской губернии Молчановым Алексеем Ивановичем о предоставлении права организовать артель с целью добычи угля на Изыхских коях. Договор действовал с 01.07.1924 г. по 01.01.1926 г. Ежемесячный минимум добычи угля – 20 тыс. пудов.

Такой же договор заключили между управлением Минрайуголь и гражданином Енисейской губернии Есаульской волости Паропенко Василием Викторовичем на право производить добычу угля на Калягинских коях в период с 01.08.1924 г. по 31.12.1925 г.

В ЦГАРХ имеются данные о штатах Минрайугля по состоянию на октябрь 1924 г.: Черногорские копи – 110 человек, Изыхские копи – 36, Калягинские копи – 37 чел.¹⁷

К концу 1925 г. угольная промышленность Хакасии была восстановлена,¹⁸ объём добычи угля достиг уровня 1913 г.¹⁹

Однако в 1926 г. ситуация на шахтах резко меняется. Управлением Хаксольугля, ведающим всеми шахтами в Хакасском округе, были направлены докладные: горному отделу Сибирского совнархоза, г. Новосибирск от 27.08.1926 г.; 23.09.1926 г. – в президиум Хакасского окружного исполкома, г. Абакан.

В них сказано, что вследствие концентрации работ по добыче каменного угля на Черногорских коях, соединённых в настоящее время с Ачинско-Минусинской железной дорогой, эксплуатация остальных копий, входящих в состав Хаксольугля (ХСУ), вследствие их отдалённости от железной дороги и кустарного оборудования становится невыгодным и даже убыточным.

Работа на них возможна только при крупных затратах на подготовку и оборудование. В силу чего управление ХСУ с 1 октября 1926 г. отказывается от аренды Изыхских, Калягинских и Красных (Бейский район) каменно-угольных копей.²⁰

Дальнейшая их эксплуатация не предполагалась, поэтому ХСУ ходатайствовало о передаче имеющихся при них свободных жилых построек на развитие Черногорских копей.

В конце 1926 г. Изыхские и Калягинские копи прекратили свою работу. Жители копей начали покидать свои посёлки. По данным переписи 1926 г. на Изыхских коях числятся всего 3 хозяйства и 15 жителей.

В 1932 г. в Хакасии работала экспедиция профессора М.К. Коровина, которая исследовала небольшие угольные месторождения: Аскизское, Бейское и Нарылковское, находящиеся на территории будущего Алтайского района вблизи улуса Нарылковкий 1-й (в 14 км от г. Абакан).

По воспоминаниям старожилов с. Белый Яр У.Г. Чебыновой (Нарылковой) и Г.Е. Чебынова, на этом месторождении ещё до революции находилась небольшая шахта, в которой добывали уголь жители ближайших улусов.

Во 2-й пятилетке (1933-37 гг.) около г. Абакан запланировано строительство металлургического завода. В газете «Советская Хакасия» появляются статьи о перспективах развития Изыхских и Калягинских копей, как базы коксующих углей Хакасии (данные горного инженера Слесарева – 1915 г. и профессора Коровина). В плане развития добычи угля в Хакасии предусматривалось провести закладку 2-х шахт на Изыхских коях в 1933 г., а в 1935 г. уже выдать по 100 тыс. т угля. Но планам этим не суждено было осуществиться.

В 1930 г. на Изыхских коях добычу угля ведёт Минусинский совхоз «Овцевод» (в 1958 г. переименованный в совхоз «Россия») для своих и коммерческих нужд самым хищническим способом (при мощности пласта в 5 м, толщина разработки всего 2,5 м). Президиум Хакасского облисполкома в апреле 1938 г. принял решение: «Разработку Изыхских каменно-угольных копей передать областному управлению местной промышленности, изъяв их у Минсовхоза». Но совхоз,

находящийся в тот период за пределами нашей области, не хотел отдавать Изыхскую шахту.

С октября 1938 г. шахта работает уже в составе Хакоблместпрома и показывает неплохие результаты. План 1-го квартала 1939 г. по угледобыче был выполнен на 120%, выдано 5400 т угля. 27 октября – выполнили годовой план. В декабре в газете напечатана интересная информация «В прошлом заброшенный врагами народа Изыхский рудник даёт теперь угля в 10 раз больше, чем раньше». В 1939 г. в посёлке построены школа, столовая, дом стахановцев, рабочий барак, шпалорезка; ведётся строительство 2-й шахты.

В 1940 г. работают уже 2 шахты. В посёлке построены ещё 3 жилых дома – 16 квартир, 39 индивидуальных домов, овощехранилище, клуб, детские ясли, контора, лесопилка, отделение связи, достраивается здание для электростанции и телефонная линия с Белым Яром и Абаканом.

В 1941 г. оборудована пристань для транспортировки угля по воде, построена погрузочная площадка, к которой с шахты № 1 проведена узкоколейная дорога. С июня 1941 г. уголь на небольших баржах начали транспортировать по реке. Развивается на копиях и подсобное хозяйство, в котором занято 450 человек.

Руководили работой Изыхских копей, грамотные, подготовленные специалисты. Так с апреля 1940 по декабрь 1942 гг. управляющим Изыхским шахтоуправлением был Пётр Степанович Петровичев, ранее работавший главным инженером Хакоблместпрома. Затем он работал управляющим трестом «Хакоблтоп», зам. председателя облисполкома.

С 1943 по 1954 гг. руководит работой Изыхских копей Андрей Михайлович Трунов, до этого работавший заведующим шахтой № 8 г. Черногорск, награждённый в 1941 г. знаком «Отличник соц. соревнования Наркомугля СССР». В 1952 г. он был награждён орденом Ленина.

План 1945 года по угледобыче был выполнен уже 11 июля. В 1946 г. приступили к разработке 3-й шахты на Изыхских копиях. В 1949 г. открылась новая шахта на Нарылковском месторождении (в н.в. 2-й участок разреза «Изыхский») недалеко от с. Белый Яр. Нарылковская шахта работала до 1954 г. и была закрыта как не рентабельная.

В начале 1950-х гг. в состав Изыхского шахтоуправления вошла Бейская шахта. Бейский райисполком 19.01.1953 г. принимает решение «об открытии и строительстве новой шахты Бейского участка Изыхского шахтоуправления». Эта шахта просуществовала до начала 60-х гг.

В шахтах стали применять качающиеся транспортёры для выдачи угля из лавы, по штрекам устанавливали металлические рельсы, возили по ним уголь в вагончиках до 0,5 т с боковым опрокидыванием.

С 1956 г. по 1960 г. шахтоуправление возглавил Иван Иванович Воловик, ранее работавший в нашем районе начальником нефтеразведки, затем в Красноярске председателем крайкома союза работников нефтяной промышленности. По отзывам ветеранов-горняков, Воловик И.И. был одним из самых сильных руководителей шахты. В годы его работы на копиях работали шахты № 5 и № 6, в которых горные работы производились на глубине 80 метров.

Были установлены 2 локомобиля Т-32, которые обеспечивали посёлок и шахты электроэнергией. Позднее в шахты спустили врубовые машины, а затем и электровоз для отвозки вагонеток по штрекам. Добыча угля возросла, но всё ещё не обеспечивала потребности потребителей.

С 1958 г. в Изыхском шахтоуправлении начали добывать уголь в небольшом карьере (ныне участок № 1 разреза «Изыхский»), где глубина была всего 20 м, длина 320 м и ширина 100 м.²¹

Сначала на участке работали дизельные экскаваторы Э-0,35 (ёмкость ковша 0,35 куб. м), вскрышу возили небольшие самосвалы. В 1960 г. открытым способом было добыто 22 тыс. т угля, в 1963 – 32 тыс. тонн. Но рост добычи угля сдерживался из-за отсутствия железной дороги.

В связи со строительством дороги Абакан-Тайшет, проходящей через район, появилась перспектива в развитии открытого способа добычи угля. В начале 1964 г. руководителем шахтоуправления был назначен Иван Григорьевич Строгий, который с 1935 г. работал на шахтах Черно-

горска и имел огромный опыт работы руководителя – от механика до зам. управляющего трестом «Хакасуголь». Под его руководством в октябре 1964 г. началось строительство малого Изыхского разреза (участок № 2).

В связи с изменившимся направлением угледобычи – более экономичным открытым способом – угольные шахты в пос. Изыхские копи в 1965 г. были закрыты.

2010

Примечания:

- ¹ Мохова Г.А. Социально-экономический очерк Хакасии в эпоху капитализма. Абакан, 1958 г.
- ² Разрез «Изыхский» – история, люди, достижения. Газета «Вестник шахтёра», 15.08.1997 г.
- ³ Владимиров Е. 100 лет назад. Из истории Изыхских копей. Газета «Шахтёр», 19.08. 1965 г.
- ⁴ История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. Ответ. редактор Л.Р. Кызласов. Москва, 1993 г.
- ⁵ Разрез «Изыхский» – история, люди, достижения. Газета «Вестник шахтёра», 15.08.1997 г.
- ⁶ Угдыжекова Л.Г. – Угленосные месторождения РХ, история их разработки. (1-е краеведческие чтения им. В.А. Баландиной).
- ⁷ История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. Ответ. редактор Л.Р. Кызласов. Москва, 1993 г.
- ⁸ Угдыжекова Л.Г. – Угленосные месторождения РХ, история их разработки. 1-е краеведческие чтения им В.А. Баландиной.
- ⁹ Разрез «Изыхский» – история, люди, достижения. Газета «Вестник шахтёра», 15.08.1997 г.
- ¹⁰ Борисова Е.Н. Воспоминания шахтёров Изыхских копей. Газета «Сельская правда» 26.07.1980 г.
- ¹¹ Строгий И.Г. Разрез «Изыхский» – ступени роста. Газета «Сельская правда», 21.01.1982 г.
- ¹² История Хакасии с древнейших времён до 1917 г. Ответ. редактор Л.Р. Кызласов. Москва, 1993 г.
- ¹³ Севастьяненко В.М. Борьба Хакасской парторганизации за развитие угольной промышленности в годы 1-й пятилетки».
- ¹⁴ Списки населённых пунктов Енисейской губернии. Данные переписи 1917 г.
- ¹⁵ Очерки истории Хакасии Советского периода.
- ¹⁶ ЦГАРХ. Ф.15, О.1. Д.1.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Севастьяненко В.М. Борьба Хакасской парторганизации за развитие угольной промышленности в годы 1-й пятилетки.
- ¹⁹ Разрез «Изыхский» – история, люди, достижения. Газета «Вестник шахтёра».15.08.1997 г.
- ²⁰ ЦГАРХ. Ф. Р-16. О.1. Д.7. С.39.
- ²¹ Строгий И.Г. Горняки на юбилейной вахте. Газета «Сельская правда».

Т.М. Берняцкая,
с. Краснотуранское

Выпускники 1941 года Краснотуранской средней школы

Выпускники военных лет – это особая страница в истории Краснотуранской средней школы. 21 июня 1941 г. школа выпустила своих питомцев в большую жизнь. В 10 «Б» было 22 ученика, они договорились со своим классным руководителем Мироном Кондратьевичем Гевель, что встреча состоится через пять лет.

Но первая встреча произошла в 1981 г., спустя 40 лет Из класса на фронт ушли 15 человек, поэтому встреча одноклассников так передвинулась во времени. В кабинете истории Краснотуранской средней школы вновь шёл урок истории, вёл его учитель Мирон Кондратьевич Гевель: *«Дорогие мои бывшие ученики, воспитанники. До 1940 г. мы с вами изучали историю наших отцов. Но с 1941 г. вы сами творили историю. За эти 40 лет вы много сделали и спасибо вам, что сохранили и пронесли в себе то, чему вас учили в школе. Вы – пример для подражания молодому поколению».*

Сразу после школы Галина Чанчикова с Машей Митюковой собирались ехать поступать в учительский институт, однако судьба привела их в военкомат. В числе двадцати девушек добровольцев они были направлены на курсы связистов и всю войну прослужили на Дальневосточном рубеже страны.

Из воспоминаний Сергеенко Петра Лукича: *«До призыва в армию, я полтора года работал учителем начальных классов. Мне и в голову не приходило, что стану кадровым офицером, отдам службе в армии 29 лет. Призван был в октябре сорок первого и направлен курсантом вто-*

рого Томского артиллерийского училища. После его окончания в июне 1942 г. был направлен в распоряжение командующего артиллерией Калининского фронта, где получил назначение командиром огневого взвода 919 артиллерийского полка 358 Витебско-Хинганской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Великая Отечественная война на Западе закончилась для меня взятием Кёнигсберга (Калининград), Пиллау (Балтийск), Финхаузен (Приморск) и блокадного разгрома Курляндской группировки в воинском звании старший лейтенант и должности старшего офицера батареи (он же командир огневого взвода). 8 августа 1945 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов выступил по радио с заявлением о том, что СССР находится в состоянии войны с Японией. Труднейший переход через Большой Хинган. Дорога сквозь пески. Затем были города Порт-Артур, Дайрен. На Дальнем Востоке прослужил девятнадцать лет....»

Устюгов Гоша – любимец класса, комсорг школы, так же как и другие обивал порог военкомата. Георгий Иванович Устюгов 1942 по 1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне. За боевые услуги был награждён орденом Отечественной войны II-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией». Ему было объявлено 14 благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. После войны с 1946-1950 гг. работал следователем прокуратуры Краснотуранского района; 1950-1954 гг. – прокурором Артёмовского района; 1954-1964 гг. – прокурором Минусинского района; 1964-1984 гг. – главным прокурором Ленинского района г. Красноярска. Его заслуги в мирное время были отмечены орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». Старшему советнику юстиции Устюгову Г.И. в 1978 г. было присвоено почётное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Умер Георгий Иванович 27.06.1997 г. и похоронен г. Красноярске.

Костик Василий Константинович, родился в 1923 г., в с. Сарушка Краснотуранского района, в многодетной крестьянской семье. В 1941 г. закончил 10 классов Краснотуранской средней школы и добровольно ушёл защищать Родину. Шестимесячную военную подготовку прошёл в Томском артиллерийском училище и был направлен на фронт. Награждён двумя орденами Великой Отечественной войны, двумя медалями «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги».

Сохранилось письмо В. Костика, написанное им в 1942 г.: *«Добрый час, братишка! Прошло полгода, как я о тебе ничего не слышу, возможно, и ты обо мне. Полгода в наши дни это очень много, ибо судьбу решают не годы, и даже не месяцы, а часы. Прошли месяцы самой напряжённой жизни за мои годы существования. А мне всего 19 лет! За эти месяцы ты знаешь о судьбе страны, Родины, Отчизны. Какова судьба Родины, такова моя судьба, ибо я в самом кипучем её потоке, в её узлах напряжения...»*

Крым. Решается его судьба... Он горит пламенем, окутан дымом, содрогается от разрыва авиабомб. В этой атмосфере, наполненной рёвом моторов и треском автоматов, оглушительным разрывом бомб и снарядов... там в рядах защитников – мои земляки-сибиряки. Я дрался до тех пор, пока были силы, пока вражеский снаряд не уложил меня. Я очнулся... Где я? Надо мной склонилась милая ласковая девушка в белом халате и взяла мою руку. «Где я?» – повторяю. Она улыбается и успокаивает: «Вася, ты в госпитале». Откуда, думаю, она меня знает, или это сон. Она поняла, что я очнулся, начала рассказывать обо всём, что я делал и говорил в бреду. Я лежал уже третьи сутки. С этого дня я подружился с милой девушкой. Это она вынесла меня из-под огня, она не отходила от меня несколько суток подряд. И сейчас, когда я мог с ней поговорить, часами просиживала у моей койки. И когда прошло два месяца, я вполне выздоровел, бросил костыли, пришло время расставаться с ней. Я пожал ей руку в последний раз, крепко заплакал. Как никогда в жизни. За боевые действия командующим армии была вынесена благодарность.

И вот снова в боевых рядах. Враг бросает всё на юг, он стремится прорваться через Ростов-

на-Дону на Кубань, на Кавказ. И я снова в этом потоке. Выйдя из госпиталя, я направился в часть и пришёл в окоп. «Вот ваша батарея, принимайте и командуйте». – «Есть!»... Шла свирепая артиллерийская дуэль. Противник обрушил миномётный и артиллерийский огонь на нашу батарею. Мы тогда стояли под г. Ейском. Враг бросал всё новые и новые силы, но мы его вынудили отступить... Август снова был для меня роковым, пуля застряла в руке, но я не оставив поля боя, продолжал сражаться. Несколько дней спустя, когда подбирал раненых на поле боя, в двух-трёх шагах от меня разорвалась вражеская мина и меня ранило. Пришлось опять оставить фронттовую полосу. И вот снова в госпитале. Конечно, не в том, что был раньше, а в другом, в Грузии, но такая же обстановка, такая же забота и уход, такие же внимательные сёстры и врачи. Поправился, отдохнул, набрался сил и 19 октября оставил госпиталь. Сегодня уже 1 ноября, я вырвался из госпиталя, чтобы к 7 ноября быть на фронте. Моё желание исполнилось.

Не раз был занесён над моей головой фашистский штык, но всегда выходил из трудной обстановки невредимым, благодаря дружбе и спаянности бойцов. Приходилось командовать подразделением из молодых и пожилых. Всё равно они были моими друзьями, а я для них сын и брат... Крепко обнимаю, с искренним приветом, пропитанный порохом, свинцом и омытый кровью. Твой любящий брат В. Костик». Василий Костик погиб, а каким бы замечательным учителем литературы мог стать этот серьёзный, влюблённый в жизнь паренёк.

Каждая судьба это отдельная страница в истории Краснотуранского района и страны, так как после войны из этого класса в родном районе жили всего лишь трое, остальных, кроме 6 погибших, судьба разбросала по стране.

На смену четверым своим учителям (Житков А.В., Шальнов И.Н., Ганжа А.Л., Супрунов Н.П.), погибшим на фронтах, из выпускников 1941 г. 8 продолжили учительское дело: А.Х. Грушевская, З.К. Мизеровская, Е.А. Субботина, Е.А. Бахарь-Кузубная, А.П. Панков, А.Н. Манулевич, Е.К. Фуга, Л.А. Потылицина.

Выпуск учащихся 1941 г. встретился ещё раз в 1991 г. Десять лет собирали бывшие выпускники средства для установки памятника учителям и ученикам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Памятный знак был установлен на территории средней школы.

2010

Литература:

1. Столбовская О. Школьный вальс и последний звонок с первым залпом военным совпали//Знамя Ильича.– 1991. – 4 июля.
2. Фуга В. Выпускники 41// Знамя Ильича.– 1991.
3. Цитрон А. Фронтвые строки//Знамя Ильича 1984. – 29 мая.
4. Альбом «Выпускники 41 года». (составленный учащимися военных лет школы с. Краснотуранск) Фонд Краснотуранского музея
5. Воспоминания Сергиенко П.Л., Мизеровской З.К., Бахарь Е.А., Чанчиковой Г.И.

Т.Е. Верещагина,
г. Туран

Школа в Уюке — история создания

(Посвящается 100-летию школы и 100-летию со дня рождения М.В. Янчевецкого)

В первом десятилетии двадцатого столетия в двух первых в Туве русских посёлках Туране и Уюке проживало достаточно много семей. Люди жили зажиточно, и многие хотели, чтобы их дети учились в школе. Ближайшая находилась в с. В-Усинское, но она была переполнена своими учащимися.

Одним из самых насущных вопросов этих двух посёлков, был вопрос строительства и открытия учебных заведений. В Туране школу начали строить в 1907 г. Через год, 9 ноября туранское сельское училище ведения Министерства народного образования, было освящено и начало работать.

Туранская школа не вместила всех желающих. Вместо сорока запланированных учащихся, училище стали посещать 57. Уюкцы решили сами строить школу, об этом было заявлено на сходе жителей посёлка Уюк 9 марта 1909 г. Было намечено открыть церковно-приходскую школу в надежде на материальную помощь от Енисейской епархии.

Создали строительную комиссию, председателем которой был избран Александр Христофорович Чакиров, начальник Усинского Пограничного округа, одним из членов этой комиссии был житель пос. Уюк Фёдор Балахонов, его имя несколько раз встречается в архивных документах, касающихся строительства школы.

Опираясь на решения схода жителей посёлка, Чакиров направил прошение в Енисейскую Епархию, а та, в свою очередь, в Епархиальный Училищный Совет при Святейшем Синоде с просьбой выделить единовременно 800 руб. на строительство школы и 450 руб. ежегодно на её содержание. В прошении было сказано, что люди здесь особенно нуждаются в развитии духовно-нравственных качеств, более всего подрастающее поколение, потому что они живут в приграничном районе, в местах малодоступных и малолюдных.

Ответ из Епархии был отрицательным, все деньги, которые были запланированы на содержание уже имеющихся церковно-приходских школ, были израсходованы. Такой же ответ Епархия дала и через год.

Жители обратились в другую инстанцию – в Красноярскую инспекцию Народных училищ Енисейской губернии. 14 декабря 1909 г. вновь был собран сход, где уюкцы постановили начать заготовку леса и его вывозку.

Надеясь собрать по подписным листам сумму около 200 руб., через Чакирова уюкцы запросили у инспектора Народных училищ сумму в 1400 руб. на постройку школы и дома для учителя, обещая, что к октябрю 1910 г. здание школы будет готовым.

Но, видимо, не получив ответа, уюкские жители вновь собрались на сход в феврале 1910 г., где было принято следующее решение: «Обыватели посёлка Уюк Ведения Усинского Пограничного Управления, были в общем собрании в числе 40 домов в присутствии Старшего Выборного посёлка Николая Юшкова. Приговором своим от 14 декабря мы единогласно приступили было к постройке школы Министерства Народного Просвещения на 40 учеников по избранному нами плану из альбома Новгородской губернии. На постройку потребуется 714 лесин на 714 руб., плах и тёсу на 125 руб., 3 200 кирпичей, извести, выюшек, гвоздей на 100 руб., Сруб обойдётся в 385 руб., штукатурка, покраска – 185 руб., печи – 115 руб., обстановка партами и всем необходимым – 552 рубля, итого 2 221 руб. Так как потребный лес уже доставили, то приступаем к пилке леса, плах и тёса, с апреля же приступим к срубам здания, и если денег на сруб здания не хватит, то натурой мы его срубим начерно и чёрные полы постелем, что же касается чистой работы и отделки, то на это потребуется 659 руб., а денег на это нет, вот почему мы единогласно и постановляем: сооруженное здание будет исключительно служить для надобностей народного образования, что оно будет страховаться и ремонтироваться на местные средства, строительство будет окончено к 1 октября 1910 г.

Покорнейше просим г. Усинского Пограничного Начальника, испросить нам пособие в 650 руб. на отделку здания и 352 руб. на обстановку партами, шкафами, стульями, столами, школьной доской, иконами и кроватью для учителя. Класс будет 88 кв. аршин, раздевальня – 45, квартира учащего из двух комнат в 66 кв. аршин, кухня – 36 кв. аршин»

По имеющейся в архиве справке, к лету 1910 г. было собрано по подписным листам от Вавилина – 20 руб., от священника Суховского из Усинска – 2 руб. 38 коп, от Медведева Фёдора 2

руб. 50 коп., от Дерягина – 3 руб., врач Высоцкий – 1 руб., от А.Ф. Сафьяновой – 30 руб.

Совет Народных Училищ выделил на строительство Уюкской школы 1000 руб. К 1 октября здание школы уже было готово, но к учебному году ещё не приступили. В письме от 10 октября 1910 г. Александр Христофорович Чакиров пишет директору Народных училищ: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что здание под школу на Уюке готово и задержка в открытии лишь из-за отсутствия учителя и учебных пособий. Докладываю, что в виду неприезда учителя до 1 октября, училище будет открыто лишь в январе 1911 г., так как пути сообщения в ноябре и начале декабря отсутствуют». Чуть раньше, письмом от 7 октября 1910 г. он пишет Старшему выборному пос. Уюк: «Весьма срочно. С получением сего, предлагаю нарядить пять телег в Усинское, хозяевам телег запастись соломой и верёвками. Из Усинского на телегах будут отправлены: 10 скамеек, шкаф, столы, табуреты, доска, счёты и др.»

5 ноября 1910 г. сторожем уюкской школы приговором сельского схода был назначен Варлам Николаевич Сумароков за жалование 7 руб. в месяц.

Через 10 дней на поселковом сходе был избран Почётный блюститель, это произошло после получения депеши из Усинского, где было сказано: «С получением сего предлагаю собрать поселковый сход и избрать Почётного Блюстителя для открываемого в пос. Уюк училища Министерства Народного Просвещения (МНП). Почётный Блюститель избирается сроком на три года и ежегодно должен вносить на благоустройство школы не менее 25 руб. Почётным Блюстителем, может быть и лицо, не проживающее в посёлке, например, Иннокентий Г. Сафьянов, Василий. Фёд. Сватиков, Павел Г. Сафьянов. Утверждает в сей почётной должности Иркутский генерал-губернатор. Должность эта почётная, а потому избрать нужно лицо, уважаемое всем обществом, любящее детей и способное принести пользу и детям, и школе». 15 ноября сельским сходом Почётным Блюстителем был избран И.Г. Сафьянов, но он от этой должности отказался.

Школа в Уюке была освящена лишь в январе 1911 г. Об этом свидетельствует текст телеграммы от штабс-капитана Чакирова, датированная 19 января 1911 г.: «Красноярск. Енисейскому Губернатору 10 января обыватели пос. Уюк собрались по случаю освящения здания вновь открываемого училища МНП в с. Уюк».

24 февраля вновь состоялся сход граждан пос. Уюк и там решался вопрос о строительстве Дома для учителя. Почётным блюстителем школы в пос. Уюк на сходе 17 марта 1911 г. был избран горный инженер Павел Георгиевич Сафьянов, который утверждён в этом звании Приказом Иркутским генерал-губернатором от 24 мая 1911 г.

Акт о приёмке здания училища был подписан 19 октября 1911 г. Старшим Выборным посёлка Иваном Евгеньевичем Кайгародовым, Почётным Блюстителем П.Г. Сафьяновым и учительницей Лидией Андреевной Сафьяновой. Школа была построена очень хорошо, без каких-либо погрешностей, классная комната большая – 88 кв. аршин, снабжена печью систо-«унтермаркер», двадцатью двойными партами, счётами, аспидной доской. Широкий коридор увенчивался большим венецианским окном, для учителя была подготовлена хорошая комната с кухней и туалетом, с печным отоплением той же системы «унтермаркер», привезён комод, шкафы для посуды и книг, зеркала, иконы, 6 венских стульев.

Об этом Усинский Пограничный начальник доносил Енисейскому губернатору и просил об отпуске ещё 450 руб. на устройство бани, навеса, колодца, гимнастики и военного городка. А лес и прочий материал Александр Христофорович лично в заботах о школе, как он пишет, постарается достать на месте.

Первой учительницей была Лидия Андреевна Сафьянова. В 1983-84 гг. мне довелось познакомиться с её учеником, Иваном Яковлевичем Шубиным, тогда ему было около 80 лет, и он с мальчишеским восторгом рассказывал о своей учительнице. Проработала Лидия Андреевна в Уюкском сельском училище не более пяти лет.

В Туранском музее имеется книга брачных обысков, из которой можно узнать, что 23 февраля 1915 г. учитель туранского училища Константин Михайлович Прокопьев обвенчался с учительницей уюкской школы Анной Васильевой Солдатовой.

В 1918 г. Солдатова была участницей Первого Усинско-Урянхайского учительского съезда, проходившего в Белоцарске, она была делегатом от Уюкской школы, работала ли она там в 1919 г. – неизвестно.

Известно, что поздней осенью 1920 г. в Уюке оказалась семья Янчевецких – Василий Григорьевич, в будущем советский писатель-историк, автор известной во всём мире трилогии «Нашествие монголов», лауреат Сталинской премии, которую он получил за своего «Чингис-Хана», его гражданская жена Мария Алексеевна Маслова и 9-летний сын Яна – Миша, в будущем секретарь Комиссии по литнаследию своего отца, Василия Яна.

Несмотря на то, что уже была поздняя осень, школа пустовала из-за отсутствия учителей, был только сторож – Данила Цедрик. Председатель сельсовета Ефим Колесников предложил Янчевецким занять в школе место учителя и учительскую квартиру при школе. Большую часть учительских обязанностей взяла на себя Мария Алексеевна, Василию Григорьевичу предложили ещё и место писаря, за что он чуть было не поплатился жизнью.

За год жизни в Уюке Янчевецкий написал несколько пьес на сельские темы жизни и для детей. Это были «Сваха из Моторского», «Сват из Каратуза», «Красноармейская звезда», «Илаяли», «Красная шапочка». Все пьесы были поставлены на школьной сцене, в которую превращался единственный класс школьного здания. Здесь впервые прозвучал литературный псевдоним В. Ян. Осенью 1921 г. Василий Ян был арестован из-за доноса одного жителя пос. Уюк, чудом избежал расправы и семья от греха подальше, выехала за Саяны.

О том, что в Уюке целый год жил знаменитый писатель, впервые узнала учительница литературы Уюкской средней школы Павлина Кирилловна Палилова, она же организовала первые музейные стенды, посвящённые жизни писателя в селе.

После её ухода на пенсию, музейное дело продолжил учитель истории Доржу Васильевич Мартый-оол, много сделавший для увековечивания памяти В. Яна в уюкской школе, которая с 2001 г. носит имя любимого писателя и одного из своих первых учителей.

Мне довелось познакомиться и подружиться с сыном Василия Яна, Михаилом Васильевичем Янчевецким в нач. 80-х гг., стать активным членом Комиссии по литнаследию В. Яна, участвовать во многих Яновских мероприятиях, проводимых как в Туве, так и в Москве, Ашхабаде, Минусинске.

Но самая главное – это наша совместная работа по созданию музея Дружбы Народов имени Яна в Уюке. Более десяти лет было отдано этому делу, и сделали немало – проектно-сметную документацию на реставрацию здания старой школы в Уюке, памятника культуры, сделанную талантливым московским архитектором Вилей Емельяновной Хаславской. Она изыскала средства для её реставрации, но, к сожалению, перестройка и развал 1990-х гг., не позволили довести дело до конца.

О том, как все это происходило, свидетельствует почти 20-летняя переписка с Михаилом Васильевичем Янчевецким, который является ровесником уюкской школы, и ему тоже в 2011 г. исполнилось бы сто лет.

Этому событию посвящается издание писем М.В. Янчевецкого в книге «И это всё музей...». Его письма – это живой срез нашей новейшей истории, особенно того, что происходило в 1990-е гг. в среде литераторов, событий в бывших союзных республиках, в Москве и в Туве. Живая реакция умудрённого жизнью человека с ясным и светлым умом, его наблюдения и ненавязчивые советы более молодым и менее умудрённым людям.

Михаил Васильевич родился 8 декабря 1911 г. в Петербурге. Его отец – Василий Григорье-

вич Янчевецкий (В. Ян – писатель), мать – Ольга Петровна Виноградова – певица, которую он почти не знал. Революция и гражданская война разбросала их по разным городам и странам и свела, и то лишь ненадолго, когда сыну было около шестидесяти, а матери за восемьдесят лет. Они встретились в Белграде, столице Югославии, где Ольга Петровна жила последние годы, зарабатывая на хлеб пением в ночных кафе и ресторанах.

Личная жизнь и судьба Михаила Васильевича, как и многих его современников, была весьма насыщенной как событиями мирового масштаба, так и делами творческой, незнающей отдыха, энергичной натуры. В его жизни были светлые, яркие полосы, но были и тёмные, мрачные, о которых он почти никогда не говорил.

В ранние годы детства вместе с отцом он много ездил – был в Турции, Румынии, потом странствия в вагонной теплушке по революционной России – Самара, Екатеринбург, Омск, Ачинск. Пешком через Кузнецкий Алатау в Урянхай, жизнь в Минусинске, и наконец, Москва, архитектурный институт.

И снова война – четыре года фронтовых дорог, которые внезапно сменились пятью годами Воркутлага. После освобождения – Воронеж, работа, связанная с техногенной архитектурой.

Как только было получено разрешение вернуться в Москву, всю силу своей сыновней любви вложил в созданную Комиссию по литнаследию писателя В. Яна, отца, с которым так много было связано в его жизни.

За тридцать лет работы Комиссии, благодаря энергии Михаила Васильевича организованы десятки конференций, «Яновских дней», посвящённых жизни и творчеству писателя, открыты мемориальные доски в самых разных концах Советского Союза, где когда-либо жил и работал Василий Ян.

С его «лёгкой» руки родилось особое сообщество людей, именовавшими себя «Яновцами», которые много сделали для того, чтобы появились улицы, школы, библиотеки с именем Яна, чтобы интерес к творчеству писателя не угасал, а рос с каждым днём.

Михаил Васильевич ушёл из жизни в августе 2004 г. в возрасте 92-х лет, до последних дней он работал, ещё надеялся отметить конференцией 130-летие со дня рождения отца и не дожил до этого буквально несколько месяцев.

2010

Литература:

1. ЦГА РТ Ф. 123, О. 2
2. Архив Туранского музея им. Сафьяновых.

Т.В. Волкова,
г. Красноярск

Состояние домов инвалидов в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны

Проблемы социальной политики в новейшей историографии получили освещение в работах Шалак А.В., Дёмина Е.В., Константинова М.В., Погребняка А.И.¹

Работа домов инвалидов на территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны изучена слабо. Все имевшиеся в крае дома делились на категории: инвалидные дома повышенного типа, предназначенные для персональных инвалидов труда и участников Великой Отечественной войны; инвалидные дома обычного типа и дома инвалидов для детей.

На основании Постановления Красноярского краевого Исполнительного комитета от 2 января 1940 г., в связи с перегрузкой инвалидных домов, в г. Красноярске на территории усадьбы быв-

шего совхоза «Первенец пятилетки», был открыт Инвалидный дом повышенного типа, предназначенный для персональных инвалидов, инвалидов труда с большим производственным стажем, на 50 койко-мест. Для нужд подсобного сельского хозяйства Инвалидному дому было выделено 200 га земли.²

По состоянию на 1 сентября 1941 г. в домах инвалидов проживало 1 276 человек, в 1943 г. – 1 380 человек, что говорит о росте пребывающих ежегодно. Численность инвалидных домов на территории края в годы войны составляла 18, из них: дома инвалидов Великой Отечественной войны – 11, из них повышенного типа один, дома для прочих инвалидов – 6, и дома инвалидов для детей – 1. В г. Красноярске располагалось два дома инвалидов Великой Отечественной войны.³

Общее материальное состояние домов было крайне неудовлетворительным. В первом полугодии 1941 г. домам инвалидов для изготовления постельного белья было выделено мануфактуры на 15 тыс. руб., но этого оказалось не достаточным. Инвалиды не имели даже двух полных смен белья, а верхняя одежда полностью отсутствовала, ввиду недостаточного финансирования в прошлые годы.⁴

В 1942 г. комиссия, в составе председателя райсобеса Кагановичского района г. Красноярска Злобниковой М.Я., депутата Гаспадарик Н.П., врача Кагановичского райздрави Климченко О.И., провела обследование Красноярского дома инвалидов. Была составлена обстоятельная записка, в которой отмечалось состояние дома инвалидов.

Для инвалидов в 4 корпусах имелось 5 жилых палат и 1 палата женская, 1 – не занятая. В палатах чисто и светло. Одно здание ремонтировалось, а второе было приостановлено в строительстве. Имелась баня, около которой были большие лужи, отсутствовал сток для воды и всюду был разбросан мусор. Единственная прачечная не справлялась с объёмом работы, поэтому нижнее бельё не гладились, не проводилась дезинфекция не стирающихся вещей, ввиду отсутствия дезкамеры.

Кухня и столовая находились в отдельном помещении. Посуда находилась в исправности, мылась в двух водах. Установлено дежурство инвалидов, под контролем старших по столовой, ими производилась выдача завтраков, обедов, ужинов и хлеба, а так же закладка продуктов. Помещение продуктового склада – чистое, имелись деревянные лари, в двух отдельных, хранилась мука и сахар, а остальные – пусты. Овощехранилище нуждалось в капитальном ремонте.

В подсобном хозяйстве имелись коровник, свинарник и конюшня, которые находились в удовлетворительном состоянии. Лошади находились только на зелёном подножном корму, насчитывалось 5 свиноматок и 1 боров, приплода не было. Общее моральное состояние инвалидов – удовлетворительное. Имеются жалобы на недостаточность и однообразное питание. В рационе отсутствуют жиры, редко имеется мясо, нет круп. В основном превалирует капуста и зелёные помидоры.⁵

Из-за недопоставок продовольственных фондов крайпотребсоюзом, дома инвалидов в крае неудовлетворительно снабжались продуктами, что отражалось на дневном рационе инвалидов. В 1941 г. стоимость дневного рациона инвалида составляла 3 руб. 37 коп., в 1942 г. – 4 руб. 44 коп., а фактически было 2 руб. 96 коп.⁶

Для улучшения рациона питания инвалидов при всех домах инвалидов были созданы подсобные хозяйства. На 1 января 1941 г. в домах инвалидов, насчитывалось 871 головы скота, то на 1 июля 1942 г., имелось уже 1169 голов. Прирост скота составил 34%, в т.ч. количество свиноматок увеличилось на 8,7%.

Посевная кампания проводилась с выполнением плана на 94,3%. Сенокосными угодьями дома инвалидов обеспечены на 72%. Однако состояние скотных дворов неудовлетворительное (отсутствовали тёплые помещения), не везде скот в полном объёме был обеспечен кормами, что приводило к падежу животных.⁷ Поэтому подсобные хозяйства не смогли в полном объёме вос-

полнить дефицит продовольственного снабжения из централизованных фондов, что негативно отражалось на рационе питания инвалидов.

Важным аспектом деятельности домов инвалидов был досуг их обитателей. В каждом доме инвалидов имелся массовик, и в помощь ему организована культурно-бытовая комиссия в 5-9 человек из числа инвалидов. С инвалидами проводились читка газет и журналов, беседы, доклады, вечера самодеятельности, просмотр кинокартин. Во всех домах имелись красные уголки, радиоустановки, библиотеки, игры, выписывались газеты и журналы, а в Рыбинском доме инвалидов имелся собственный клуб.

Однако, как показывала практика, в большинстве домов не существовало даже библиотек, а цифры с проведёнными беседами, лекциями и вечерами самодеятельности, весьма завышенные. Например, инвалид Муханов обратился в газету «Рыбинская Правда» с просьбой выслать старые газеты, журналы или книги, в связи с отсутствием библиотеки: «Потому образованных людей очень много, но они вынуждены скучать ... нет книг и бумаги для письма... а средств для покупки тоже нет.. А те у кого имеются сбережения, играют в лото на деньги, и это является единственным развлечением. А пожаловаться и просить не у кого. Кормят нас очень плохо, например, в 8 утра дают фруктовый чай или кофе без молока и сахара, и кусок хлеба грамм 100. На обед, дают лук, варёный картофель, кусочек мяса, квас и хлеб 150 гр. Очень часто задерживают с завтраком до самого обеда. На ужин, картофель мелкий в мундире, хлеб, а иногда варят щи или похлебку».⁸

Трудноразрешимой для инвалидов было состояние медицинского обслуживания. Во многих домах не было специального медицинского кабинета, а, следовательно, и врачей. Весь медицинский персонал сводился к следующему составу: средний медицинский персонал 1-2 чел., санитарки и нянечки 3-5, врачей, в некоторых районах края – 1, которые были приходящими. Таким образом, инвалиды не получали достойной медицинской помощи, способствовавшей улучшению не только физического, но и их морального состояния.

Положение домов инвалидов было весь исследуемый период крайне бедственным, т.к. сказывались трудности со снабжением, порождённые войной, а также слабая материальная база домов, возникших в межвоенный период. Характеризуя социальную политику страны в отношении домов инвалидов, мы можем констатировать, что партийно-советские органы уделяли их деятельности внимание, заботу, т.к. контингент значительно вырос, но из-за недостатка средств многие проблемы не получили своевременного и полного решения.

2010

Примечания:

¹ Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940-1954гг.). Иркутск, 2000; Дёмина Е.В., Константинов М.В. Материальное положение рабочих оборонной промышленности Красноярска в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: 60 лет Победы.- Красноярск, 2005 г.; Погребняк А.И. Проблемы снабжения и торговли в Сибири (1941-1945 гг.) // Сибиряки-красноярцы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Красноярск, 2000.

² ГАКК Ф. Р-1430, О.1, Д.254. Л.1.

³ ГАКК Ф. Р-1430, О.1, Д.492, Л.44.

⁴ ГАКК Ф. Р-1430, О.1, Д.304. Л.80.

⁵ ГАКК Ф. Р-1430, О.1, Д.492.

⁶ ГАКК Ф. Р-1430, О.1, Д.304., Л.59.

⁷ ГАКК Ф. Р-1430, О.1, Д.304, Л.59.

⁸ ГАКК Ф. Р-1430., О.1, Д.254, Л.20.

А.А. Горячева,
г. Красноярск

Из истории празднования Октябрьской революции в Красноярске в 1923 г.

Трансформация истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке, в его историческом времени, стала одной из ведущих тенденций современной историографии. Марксистское миропонимание считалось основным нормализующим учением в советском обществе. Советские идеологические структуры выбрали простой способ достижения цели – наполнения привычных форм выражения религиозного мировоззрения новым содержанием. В данной статье проанализирован процесс, в ходе которого советские праздники вытесняли религиозные.

Поскольку большая часть населения страны была безграмотна, то праздничные мероприятия, наряду с другими визуальными видами искусства (театром, кино, монументальным искусством, живописью) играли роль мощного агитационно-просветительского инструмента. Через шесть лет после установления Советской власти достаточно чётко определяются основные тенденции ведения пропагандистской и агитационной работы, а также характерные черты празднования данного события.¹

Подготовка к торжеству Великой Октябрьской революции, ключевому празднику нового режима, начиналась с заседания комиссии, где присутствовали представители: губернского комитета, исполнительного комитета, профсовета, комитета молодёжи и городской женотдел. Проведение Октябрьских празднеств разбивалось на две секции: организационно-административную и агитационную. В уездах создавались аналогичные комиссии.²

Енисейский губернский комитет просил прислать Петроградский технический институт десять экземпляров книги «Петроградские торжества по празднованию Годовщины Октябрьской революции» (издание представляет собой художественно исполненный альбом, содержащий восемь фотографических снимков петроградских торжеств по празднованию пятой годовщины Октябрьской революции).³

Большое внимание уделялось периодике. К седьмому ноября было намечено подготовить к выпуску журнал «Знамя коммунизма», «Крестьянскую газету»,⁴ «Красноярский рабочий», составить план юбилейных номеров, выпустить листовку и тезисы.

Украшение города воспроизводилось за счёт домовладельцев и учреждений. Для красноармейцев, инвалидов и детей предполагались угощения. Предприятиям так же рекомендовалось угощать рабочих. Необходимые средства предлагалось изыскивать на местах.

Шестого ноября работа прекращалась в двенадцать часов дня по гудку электростанции, и всем предписывалось организовать митинги, вечером устроить торжественные заседания в двух местах (в городском театре для рабочих, служащих и парторганизаций города).

В день праздника комиссия планировала в двенадцать часов устроить парад, вечером бесплатные концерты, спектакли и кино.⁵

В праздничные дни предполагалось улучшить питание и быт, не только детей из детских домов, приютов и больниц, но также и инвалидов. Предполагалось улучшить материальное положение заключённых и провести среди них агитационную работу. Горсвету предлагалось окончить фактическое освещение города, особенно Николаевской слободы.⁶

Массовость праздника характеризуется вовлечением в торжества детей. Детские праздники планировалось устраивать в трёх пунктах: а) клуб соработников, б) дом просвещения, в) клуб Карла Либкнехта.

Начало планировалось устроить с одиннадцати часов утра в день самого праздника.⁷ В школах читались доклады, посвящённые Октябрьской революции, стихотворения революционного характера и пение революционных песен. Проводились вольные гимнастические упражнения. В детских домах так же читались доклады. Одна девочка сделала доклад на тему «Детские приюты до Октябрьской революции и теперешние детские приюты». Дети исполняли дивертисмент из декламации и пения. Так же можно было увидеть живые картины в исполнении детей, изображающие смычку рабочих и крестьян. В завершении праздника детям раздавали подарки.⁸

Таким образом, если подвести итог, с самых первых лет существования Советской власти празднование годовщины Великой Октябрьской революции на губернском уровне предполагало включение имеющихся резервов и доступных методов агитационной деятельности: от издания и распространения печатной продукции до организации массовых шествий. Так же очевидно, что в указанный период приоритетной задачей в этой области было его внедрение в массовое сознание (объектами агитации были граждане от детского до пожилого возраста), формирование праздничной традиции, которая оставалась неизменной на протяжении десятилетий.

2010

Примечания:

¹ Куляшова М.А. Советская праздничная культура Южного Урала в 1917-1941 гг. – С.40.

² ГАКК. ФП-1. О.1. Д.575. Л.20.

³ ГАКК. ФП-1. О.1. Д.553. Л.19,21.

⁴ «Крестьянская газета» стала выходить лишь с 25 ноября 1923 г. – «Крестьянская газета» // Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 660.

⁵ ГАКК. ФП-1. О.1. Д.575. Л.20об.

⁶ Там же. Л.32.

⁷ Там же. Л.22.

⁸ Там же. Л.25.

И.Н. Дмитриенко,
г. Минусинск

Из истории с. Николо-Петровка

В энциклопедии «Красноярский край. Юг» (Красноярск изд-во «Буква «С», 2008 г.), есть сведения об основании с. Николо-Петровка: «В разгар столыпинской реформы (ориентировочно летом 1908 г.) на берегу р. Туба (против г. Тепсей) появилось новое поселение, основанное выходцами из Полтавской, Воронежской губернии, Тургайских степей. Среди первых поселенцев были Пётр Москалец, Иван Буценко, Иван Величко, братья Кризько, Сыченко, братья Никишovy, Вершковы и Аршины» (опечатка – правильно Аршины).

Более ста лет назад на р. Тубу переселился мой прапрадед Евсей Аршин с большой семьей. В семье было шестеро детей Алексей, Василий, Иван, Николай, Фёдор и Маланья. Землемеры Николай и Пётр нарезали прибывшим семьям земельные участки.

Помню очень хорошо своего прадеда Фёдора Евсеевича Аршина. Это был трудолюбивый, умелый, спокойный человек, очень привязанный к земле, любящий животных. В его мягких тёплых валенках ходила вся семья. Колодки для валенок он делал сам, был хорошим сапожником, делал кожаную обувь. В его белых валенках я бегала всё детство. Ребятишкам он катал именно белые валеночки. Протёрлись валенки, он подошьёт, а потом и выбросить не жалко. Всё само собой разумелось. Будут новые к следующей зиме.

В Сибирь Фёдор попал в детстве. Некоторые подробности переселения семьи Аршиных мне стали известны благодаря потомку Аршиных Алексею Михайловичу Малолетко. Встреча с ним состоялась в Томске в 2010 г. Он внук Маланьи Евсеевны Никишовой, урождённой Аршиной, родной сестры Фёдора Евсеевича Аршина.

А.М. Малолетко родился в 1929 г. в с. Николо-Петровка Минусинского района. Ныне профессор, работающий в Томском государственном университете и Алтайском государственном университете в г. Барнауле, почётный работник высшего образования РФ, почётный член Русского географического общества, действительный член международной академии наук экологии безопасности человека и природы, лауреат премии А. Демидова.

По сведениям А.М. Малолетко, Аршины пришли в Сибирь из Самарской губернии самоходом. Там, где их заставляла зима, они нанимались на работу к зажиточным и работали на них. Все они пришли в Николо-Петровку, обзавелись здесь семьями, жили дружно. Сейчас потомки Аршинных живут в Минусинске и в Минусинском районе.

А.М. Малолетко пишет: *«Я бесконечно благодарен Советской власти за то, что я, сын полуграмотных крестьян из забытой богом деревеньки, получил высшее образование, стал инженером, стал учёным. В той деревеньке была четырёхклассная школа... Я рано научился читать. В летние каникулы прочитывал все учебники (кроме математики), с интересом ждал 1 сентября...*

Началась коллективизация, и отец не захотел вступить в колхоз, наша семья переехала в Черногорские Копи (Черногорск). После 8 класса мать сказала, что денег нет, чтобы заплатить за обучение, (рано умер отец, началась война). Плата за обучение составляла 150 рублей, на этом моё образование могло закончиться. Я не верю в мистику, но до сих пор не могу поверить в реальность случая. Я шёл по широкой городской улице, бросил взгляд направо... увидел деньги. Свернуты два раза сотня и пятьдесят рублей. Ровно столько, сколько мне требовалось для полного счастья...»

Интересны его рассказы о географических названиях, связанных с Николо-Петровкой. Есть ещё неофициальное название села: Маяки. Многие связывают его с колхозом-миллионером, который существовал на территории Николо-Петровки в советское время. Но название Маяки гораздо более раннее. На горе близ села были выставлены казачьи охранные маяки, на их месте остались развалины сооружения из камня.

Ещё до нарезки участков и создания населённого пункта это место было жилым, уже существовали постройки. Люди здесь проживали до нач. XX в.

На берегу р. Туба рядом с селом замечательный хвойный бор – Потрошиловский. Название врежется в память. По словам А.М. Малолетко, место названо по имени человека Петра Шилова, здесь была его заимка. Название так переделали позже люди.

Ныне многое разрушено в селе: крупное сельхозпредприятие, дома. Домик моего прадеда полуразрушен, не жилой, но ещё цел. Дом, где родился А.М. Малолетко не сохранился. Но в селе есть школа, одноэтажная, небольшая, есть детский сад. Село живет...

2010

А.В. Зарубенко,
г. Минусинск

Из истории минусинского клуба «Морское братство»

В 1989 г. в Минусинск приехал красноярец Дмитриченко Василий Егорович, бывший моряк, старшина 2-й статьи Амурской военной флотилии. 1 декабря 1944 г. он был призван в ряды Вооружённых сил СССР. Его служба проходила на канонерской лодке «Башкирия», был комендором палубных орудий, демобилизовался в сентябре 1951 г.

По его личной инициативе в Минусинске был организован клуб «Морское братство». Его созданию предшествовали встречи бывших моряков. Сначала собирались в красном уголке Автороты № 3, по ул. Скворцовской, там было просторно, зал мог вместить всех желающих. Позднее

бывшие моряки стали собираться в парке культуры и отдыха. Организатором этих встреч стала директор парка – Рукосуева Людмила Кузьминична. На первых встречах в 1994 г. моряки решали, как проводить День Военно-морского флота, где и как отмечать победу над Японией. Этот вопрос поднимали тихоокеанцы, их было большинство. Они все заканчивали Вторую мировую на Дальнем Востоке. Решили не только собираться на дружеские встречи, а создать свой клуб моряков, председателем которого избрали Василия Егоровича Дмитриченко.

Первыми членами клуба были моряки-дальневосточники: Белоногов Александр Степанович, Сухарев Иван Матвеевич, Богданов Михаил Емельянович, Городничев Василий Семёнович, Голубцов Георгий Анисимович, Лебеденко Владимир Маркович, Завгородний Илья Семёнович, Исаев Иван Ефимович, Коробцов Иван Платонович, Логинов Николай Павлович и др.

Из года в год пополнялись ряды членов клуба, в него пришли матросы Северного, Балтийского флотов: Колыганов Николай Дмитриевич, Агашев Николай Андреевич, Наговицын Александр Прокопьевич, Толстик Борис Николаевич, Манько Иван Кузьмич, Чуйкин Николай Михайлович. Добавились тихоокеанцы: супруги Царёвы Александра и Сергей, Чмыхало Владимир Макарович, Макарова Мария Петровна, Шарыпова Валентина Алексеевна и др.

Этот клуб организован для людей, чья судьба была связана с морем, кто с гордостью носил или носит форму военных моряков. После смерти Дмитриченко В.Е. с конца октября 2000 г. клуб возглавлял Лебеденко Владимир Маркович, помощницей осталась Л.К. Рукосуева. Владимир Маркович служил в Амурской Военной флотилии, участвовал в боях за Харбин, демобилизовался в 1951 г. в звании старшина 1-й статьи, имеет награды: медаль «За победу над Японией», медаль «Жукова», медаль «300 лет Российскому флоту», Благодарственное письмо за подписью И.В. Сталина. Он до конца своих дней жил заботами клуба, его стараниями встречи всегда радовали и объединяли моряков-ветеранов.

На одной из зимних встреч 2005 г. моряки решили установить памятник морякам – участникам Великой Отечественной войны. 6 мая 2005 г. на территории городского парка в торжественной обстановке был открыт памятник, проектировщиком которого являлась Л.К. Рукосуева. Трудно передать те минуты, ту атмосферу, которые царили во время его открытия: зажжённые свечи, военный салют, минута молчания, возложение цветов и венков.

Одной из задач клуба является «Связь поколений», патриотическое воспитание детей на примерах живых участников Великой Отечественной войны. Ученики школы № 5 – частые гости на мероприятиях клуба моряков, ребята и девочки из клуба «Защитник». С их помощью заложена «Аллея Памяти», в посадке которой принимали участие ветераны-моряки, вдовы моряков, друзья клуба.

С 2006 г. клуб стал называться «Морское братство». На протяжении 11 лет с клубом поддерживают дружбу две женщины: Таисья Ивановна Дементьева и Татьяна Фёдоровна Дуля. В клуб их пригласил ещё В.Е. Дмитриченко. Они верны обществу и по сей день, участвуют во всех мероприятиях.

Самым дорогим материалом встреч с моряками являются их рассказы о флотской жизни в годы войны, эти воспоминания – живая история в лицах. Ежегодно в дни великих празднеств – День Победы и день Военно-Морского флота (ВМФ) собираются участники морских сражений в своём клубе, называя эти встречи, днём памяти, днём объединения россиян, днём доблести и геройства. Это праздники морской дружбы и стойкости тех, кто остался в живых и во имя жизни на земле, стоит на своих позициях патриотизма, любви к Родине, к родному краю и тех мест, где родился и живёт сейчас.

Клубу «Морское братство» исполнилось 15 лет. С 2009 г. его возглавляет Григорий Михайлович Смолин, ему исполнилось 85 лет. В далёком 1944 г. ушёл добровольцем на фронт, закончил курсы мотористов и служил на эсминце «Ретивый», а затем был зачислен в спецкоманду для по-

хода в Америку, в г. Колбей, за новыми кораблями. Имеет награды: медаль «За победу над Японией», медаль «За освобождение Кореи» и мн.др.

Среди членов клуба Чмыхало Владимир Макарович – ветеран Тихоокеанского флота, родом из с. Новотроицкое Минусинского района. Семнадцатилетним парнишкой был призван Минусинским горвоенкоматом, и вся служба прошла на Дальнем Востоке. Воевал в морском десанте, он участник боевых действий в Северной Корее, штурмовал г. Сейсин, на флоте отслужил долгих семь лет, до 1949 г. Гвардии матрос Чмыхало В.М гордится своими наградами: медалями «За освобождение Кореи», «30 лет Советской Армии и флота», «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» и многими другими наградами. Скромный, незаметный на вид, бывая на встречах в клубе моряков, он больше молчаливо слушает рассказы других.

Судьбы военных моряков схожи: многие воевали на Тихом с японцами, но только каждый выполнял определённую службу – связисты, механики и, даже кок. Семь с половиной лет отслужить с «чумичкой» в руке совсем не просто! С этой главной задачей успешно справился Городничев Василий Семёнович, сколько раз он пытался вырваться на выполнение боевых заданий, но командир стыдил, говоря, а кто же будет кормить боевых товарищей? Там он встретил земляка-минусинца Арефьева Александра Сергеевича, который служил на сторожевом катере. Вместе служили около года. Замечаний к коку не было, одни благодарности. Эта давняя встреча предопределила их дружбу на долгие-долгие годы после демобилизации.

Рулевым надводных кораблей отслужил Марьясов Николай Иванович, в г. Совгавань в Эпроне. Участвовал в освобождении острова Южный Сахалин.

Среди членов клуба есть боцман – Александр Тимофеевич Минаков, коренной сибиряк, участник войны с Японией, имеет награды.

Когда участники войны рассказывают о Великой Победе, то вспоминают трагические истории своей службы. Мария Петровна Макарова рассказала о гибели своих подруг-связисток, обстрелянных на трапе при высадке с корабля, восьмой должна была идти она, но раздался приказ: «Отставить!» И это спасло ей жизнь!

Об отважной матросской службе вспоминал Владимир Николаевич Мельников, о боях в порту «Юкка», что в Северной Корее. Он, матрос-тральщик, во время войны ставил минные заграждения для японских кораблей, сохраняя советские границы. За годы военной службы награждён медалью «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии и Флота», знаком «Фронтовик» и многими юбилейными медалями. Самое яркое воспоминание то, как, однажды, пришлось сопровождать артистов, которые приехали с концертом для моряков, среди них была Лидия Русланова – любимица флота.

Среди членов клуба часто можно встретить уважаемого Валентина Георгиевича Тока. Родился далеко от Сибири, в поезде, следовавшего по Ярославской области, метрики выписали в г. Минусинске, он и теперь минусинец. Жизнелюбивый, увлечённый человек! Написал замечательную книгу о флоте «Никто пути пройденного у нас не отберёт». При встрече сразу сказал, что человек он «маленький, подвигов не совершал». Его фраза «Моряки никогда не врут» стала крылатой и определяет его статус жизни.

Другой моряк-подводник, в этот день всегда в форме, с женой и сыном приветствует моряков. Это Никулин Юрий Афанасьевич.

Добрая традиция моряков – помнить друг о друге, встречаться с сослуживцами, отмечать день ВМФ сохраняется и по сей день.

На праздник ВМФ с военно-морским флагом Советского Союза, под полотнищем которого присягал на верность Родине, приходит Сазанов Владимир Александрович, матрос Тихоокеанского флота, призванный на военную службу в мае 1974 г. в команду 150 «ЗАС», служил три года на подводном корабле в составе БЧ-4. По его настоятельной инициативе с 1990 г. в нашем городе

опускают венки «Памяти» на воды минусинской протоки. Минусинские спасатели поддержали начинание и ежегодно предоставляют водный транспорт в этот день. С замиранием сердца горожане, стоя, всегда вспоминают тех, кого сегодня нет рядом с нами.

Встреча моряков всех пяти морей всегда проходит в городском парке культуры и отдыха в любую погоду. Она начинается с поднятия Андреевского флага, возложением цветов и венков к памятнику морякам – участникам Великой Отечественной войны. Воспоминания, поздравления, песни, пляски, этот задор передаётся всем присутствующим на празднике.

В клубе «Морское братство» встречаются моряки разных возрастов, рангов, наград, но всех их объединяет одно главное чувство – любовь к морю! На 25.07.2010 г. на учёте в Минусинском горвоенкомате состоит 761 моряк.

Минусинск расположен далеко от морских границ нашей Родины, но мы, минусинцы, с особым чувством гордости говорим: «Как хорошо, что есть это клуб». Ежегодно в члены клуба вступают молодые, только что, отслужившие моряки. Они достойно несут славу флота России. Среди них Алексей Лахтик, Алексей Геннадьевич Смирнов, Александр Борисович Фёдоров, Николай Николаевич Иконников и многие другие. Рассказы из давней морской жизни и настоящей морской службы переключаются вопросом: «А, ты, помнишь?»

Члены клуба «Морское братство» благодарны директору ООО «Минусинский МОРИС» Александру Васильевичу Дмитриченко за моральную и материальную поддержку клуба. Он – всей душой моряк, хотя служил в ракетных войсках. В знак памяти о Дмитриченко В.Е., основавшем этот клуб, А.В. Зарубенко написала гимн клуба «Морское братство», который впервые прозвучал в День 65-летия Победы! 5 декабря в 7-30 утра по местному времени в передаче «Слушай, солдат!», которую ведёт Александр Маршал на радио России, прозвучала песня нашего клуба «Морская гвардия», как музыкальный привет Дальневосточным морякам всех рангов.

На средства А.В. Дмитриченко издана книга «У границ земли Дальневосточной» и воспоминания матроса Г. Смолина «Жизнь маленького человека», а так же печатаются стихи и песни поэтессы А.В. Зарубенко.

За годы существования клуба оформлено несколько фотостендов, фотоальбомов, отражающих жизнь моряков на современном этапе.

2010

А.Е. Калюга,
пос. Курагино,

Золотоносная Артёмовка

В 2009 г. исполнилось 70 лет со дня преобразования посёлка Ольховка – районного центра Артёмовского района, образованного в 1935 г. в город Артёмовск. Этому событию предшествовала успешная работа основного промышленного предприятия – Артёмовского рудника, а также активные действия Артёмовского райисполкома.

В сентябре 1938 г. Артёмовский райисполком вышел с ходатайством к Красноярскому крайисполкому «О переименовании посёлка Ольховка в город «им. Артёма». К ходатайству была приложена утверждённая экономическая характеристика п. Ольховки, в которой указывалось на то, что Ольховка из захудалого посёлка превратилась в социалистический город, который стал одним из крупных культурных и золотопромышленных районов Красноярского края. Динамика роста населения Ольховки впечатляла. В 1923 г. в ней проживало 200 человек, в 1925 г. – 1250 человек, в 1938 г. – 19 980 человек.

В характеристике не было указано на то, что в 1930-х гг. количество населения значительно

увеличилось за счёт притока работающих и грамотных спецпоселенцев, раскулаченных и сосланных со всей страны, поскольку Артёмовский рудник являлся местом спецпоселения.

В п. Ольховке находился самый крупный рудник комбината «Минусазолото» – рудник им. Артёма, который являлся «градообразующим» предприятием посёлка. На его основном и вспомогательном производстве было занято около 11 тыс. человек.

В основное производство рудника входили: большой золотоизвлекательный завод (горный цех, фабрика по обработке руд), 2 иловых завода, 3 бегунных фабрики, 3 эффельных завода. К вспомогательным цехам относились: подвесная канатная дорога со 160 вагонетками в ходу, механический цех, лесозаготовительный и строительный цеха, конный парк в 1300 лошадей.

К концу 1930-х гг. намечалось строительство металлургического и лесопильного заводов, пиротиновой фабрики, которые бы позволили сократить потери драгоценного металла при транспортировке.

В Ольховке работали кирпичный завод, на котором изготавливали простейшим способом кирпич, завод фруктовых вод, хлебопекарни, колбасная, мельница, кондитерская, 3 сапожных и 2 швейных мастерских, 2 столярные и др.

Суровые условия проживания заставляли каждого мало-мальски способного работать. Инвалиды объединились в промартель «Инвалид», которая занималась портновским, сапожным, слесарным кузнечным и квасным промыслом.

Колхозов вблизи Ольховки не было. Ближайшая сельхозартель располагалась в 35 км. снабжение посёлка сельхозпродукцией осуществлял Ольховский молочно-консервный совхоз. В черте населённого пункта жители имели свои огороды, где производили посев овощебахчевых культур.

На начало 1938 г. в посёлке имелось 74 000 кв. м жилого фонда, 54 улицы, одна из которых была замощена (общей площадью 18 000 кв. м) и деревянных тротуаров протяжённостью 10 км.

Рудник им. Артёма и посёлок получал электроэнергию от электростанции, расположенной в 8 км от рудника, мощностью 25 000 кВт. Основным топливом являлись дрова. Уличное освещение, не включая производство, насчитывало 50 точек, количество абонентов – 3 630. Протяжённость уличной сети составляло 40 км.

Водоснабжение осуществлялось с помощью буровых колодцев. Работало 3 общественные бани. Для переброски грузов от железнодорожной станции Абакан до п. Ольховки имелся автопарк из 85 машин, общей грузоподъёмностью 230 т. Интенсивному грузовому движению способствовала проложенная через тайгу шоссейная дорога, которая позволяла даже в распутицу совершать регулярные рейсы.

Для пассажирского сообщения комбинат «Минусазолото» приобрёл автобус, курсирующий по маршруту Ольховка-Курагино. Для внутри посёлкового сообщения имелся автобус на 27 пассажиров, который курсировал между ближайшими населёнными пунктами.

В посёлке действовал райотдел связи, который ведал телеграфом, телефонной станцией и радиоузлом на 1 002 радиоточки. Кроме этого рудник имел свою телефонную станцию, мощностью 110 номеров, эфирную радиостанцию, осуществляющую связь с отдалёнными золотыми приисками (35 эфирных точек).

В посёлке была сеть образовательных учреждений, находившихся в ведении Главзолото. В 1938 г. работали 2 средние, 3 неполные средние и 5 начальных школ с общим количеством учащихся более 4-х тыс. человек. Все они располагались в типовых зданиях и в каждом были оборудованы пионерские комнаты, библиотеки, физкультурные залы и др. Из-за большого количества учащихся занятия велись в 2-3 смены. В 3-ю смену занимались школы взрослых, малограмотных и неграмотных.

Действовала школа взрослых с количеством учащихся 249 чел. и школа взрослых по ликвидации малограмотности и неграмотности с количеством учащихся на конец учебного года 1 514

чел. На ряде производственных курсов также занималось 1 125 чел. В посёлке имелся интернат на 95 человек и 3 детских сада на 104 места, детский дом с 66 воспитанниками и 4 яслей с 185 малышами.

По наличию и оборудованию культурно-просветительских учреждений п. Ольховка намного опережало с. Курагино. В посёлке работал Дом культуры на 600 мест с механизированной сценой и стационарной киноустановкой, физкультурным залом, бильярдной, комнатами для игр и кружковых занятий. При ДК постоянно занимался драматический коллектив. Было оборудовано семь красных уголков и шесть профсоюзных клубов на 1 200 мест, в которых работало более 30 кружков художественной самодеятельности. Дети и подростки занимались в Доме пионеров.

В районе было проведено два смотра художественной самодеятельности и кинофестиваль.

В посёлке имелась центральная библиотека с читальным залом. В ней числилось 12 715 томов книг. Ежемесячно библиотека обслуживала 1 628 человек. Кроме этого в посёлке было 9 школьных библиотек, в которых насчитывалось 13 214 книг.

В 1939 г. артёмовцы выписывали 5 727 экземпляров газет и журналов, в т. ч. газету «Артёмовский рабочий», которая издавалась в поселковой типографии с 1932 г. В газете писали о событиях в посёлке. Особенно интересна и познавательна была рубрика «День нашего города», где рассказывалось о событиях одного дня в учреждениях и организациях.

В посёлке действовали два стационарных кино, три кинопередвижки, в т. ч. одна – звуковая. За 8 месяцев 1939 г. дано было 58 киносеансов, которые посетили свыше 100 тыс. человек. Исключительным успехом пользовались у артёмовцев кинокартины «Человек с ружьём», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Щорс».

Развита была сеть учреждений здравоохранения, которая включала в себя: больницу на 118 коек, в т. ч. 23 родильных и 12 «заразных»; амбулаторию с 17-ю кабинетами (терапевт, хирург, кожный и др.), малярийную станцию; 2 фельдшерских пункта; 2 здравпункта; аптеку с годовым оборотом 90-100 тыс. руб., скорую помощь; поликлинику; санитарную часть; детскую консультацию. На здравоохранение было отпущено 2 млн. 700 тыс. руб.

Большое внимание уделялось праву граждан на отдых. В 1938 г. на курортах и в санаториях побывало 363 артёмовца, на что райком Союза золота и платины выделил 327 тыс. рублей.

Широкий размах получила среди молодёжи физическая культура. Не одна сотня человек имела «оборонные значки». Этому способствовало наличие прекрасно оборудованного стадиона с различными физкультурными площадками и парашютной вышкой. На стадионе круглый год проходили соревнования, зимой заливался каток. При стадионе работала хорошо оборудованная зимняя база, где можно было получить лыжи и коньки. В 1939 г. ряды физкультурников выросли до 1 264 человек, из них 287 женщин. В 1939 г. с большим успехом в Артёмовске была проведена третья Всесоюзная спартакиада ЦК Союза золота и платина.

Рост материального благосостояния характеризовался ростом торговли. В городе имелось 42 торговые точки. Торговля и общепит входили в систему комбината. 11 магазинов рабочего снабжения, 2 хлебных магазина и 8 хлебных ларьков, магазин культхозтоваров, 3 магазина золотоскупки давали годовой оборот в 1937 г. 20 млн. 166 тыс. руб. Общий товарооборот в 1938 г. составил 29 млн. 500 тыс. руб. Также имелись 4 столовых, 10 буфетов, 4 хлебопекарни с годовой производительностью 4 252 т готовой продукции.

В 1930-е гг. широкий размах получило стахановское движение. Свыше 2 000 стахановцев и 1000 ударников насчитывалось на предприятиях и приисках Артёмовского района. Свыше 120 стахановцев были выдвинуты на административную работу. Многие из них стали бригадиром, техниками, мастерами. Бывший стахановец А. Партизёнок стал заведовать старательским цехом. Бывший рабочий ЦЗ № 1 К. Петрушкин выдвинут директором рудника им. Артёма.

И. Сысолетин, ранее был рядовым забойщиком, а стал работать сменным техником.

Росту стахановцев способствовало и повышение их технического уровня. Свыше 1000 человек обучалось по комбинату «Минусазолото» в 1938 г. на курсах техминимума, на курсах соц. мастеров – 100 человек. В 1939 г. было отпущено на техобучение около 300 тыс. рублей.

С применением стахановских методов труда росла и заработная плата. Районная газета «Артёмовский рабочий» от 04.01.1940 г. писала: «Десятки стахановцев рудника зарабатывают ежемесячно 1 000-1 200 руб. Стахановец т. Анучин выполняет нормы на 175% и зарабатывает 1 300 руб. в месяц. Т. Гурков выполняет нормы на 200% и заработки его доходят до 1 700 руб.. Стахановцы тт. Наймушин и Музалёв зарабатывают от 1 000 до 2 000 руб.».

Повышающее благосостояние позволяло артёмовцам откладывать сбережения. Если в 1932 г. было только 732 вкладчика с вкладами в размере 62 000 руб., то в 1938 г. уже насчитывалось 2 716 вкладчиков с вкладом в 1 млн. 51 тыс.рублей.

Гордостью артёмовцев были знатные люди. Среди них: учительница Джебской школы Агафья Тимофеевна Овсянникова, депутат районного Совета, награждённая орденом Трудового Красного Знамени; учительница средней школы № 1 Анна Павловна Суркова, депутат городского Совета, награждённая орденом «Знак Почёта»; знатный забойщик рудника Захар Данилович Калуга, депутат краевого Совета, награждённый медалью «За трудовое отличие»; помощник начальника участка Михаил Алексеевич Родионов, награждённый медалью «За трудовое отличие»; проходчик рудника Д.М. Музалёв, награждённый медалью «За трудовое отличие».

Многие бывшие рабочие рудника были выдвинуты на руководящие посты. Бывший рабочий рудника Н.М. Снегирёв был избран третьим секретарем РК ВКП(б); бывший забойщик рудника В. Шкерманков выдвинут инструктором РК ВКП(б); техник ЦЗЗ № 1 В. Зубкова избрана секретарём РК ВЛКСМ.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.08.1939 г. рабочий посёлок Ольховка Артёмовского района был преобразован в город, с присвоением ему наименования Артёмовск.

2010

Примечания:

¹ Архивный отдел администрации Курагинского района. Ф. Р-167. О.1. Д.4.

² Краевая библиотека. Районная газета «Артёмовский рабочий» от 04.01.1940 № 2(754).

³ НБ ГАРФ. Каталог по истории административно-территориального деления СССР. Ведомости Верховного Совета СССР от 13.1.1939. № 35. М.139. – С.4

А.Е. Калуга,
пос. Курагино

Об истории развития коневодства на территории Курагинского района (1920-50 гг.)

В Курагинском районе в 1920-х гг. лошади были основным средством передвижения и тягловой силой. В то же время вёлся их строгий военно-конский учёт, поскольку они также являлись резервом для конных соединений Красной Армии молодой Советской Республики.

Период военно-конского учёта представляет собой интересный этап развития коневодства. Его начало было положено Декретом от 26.07.1918 г. «О введении военно-конской повинности», согласно которому должны были производиться поставки лошадей. Для этого уезды разделялись на военно-конские участки со сборными пунктами в каждом.

Согласно архивным данным, в пределах Минусинского округа современный Курагинский район был разделён на 4 военно-конских участка (№№ 19, 20, 21 и 22), на которых по учётно-конским ведомостям и книгам конского учёта учитывались лошади по 4-м группам и отдельной строкой – жеребят. Группы делились по видам лошадей. Первые 3 группы обозначали военные

профили: кавалерийские, артиллерийские, обозные и др. К четвёртой группе относились племенные, годные и негодные. На 15.04.1927 г. по данному учёту числилось в районе 32 960 лошадей. Из них в учреждениях и организациях было всего 144 головы (0,4%), остальные числились у 9 806 частных владельцев.¹

В 1919 г. Мобилизационным управлением Всеросглавштаба было разработано «Временное положение об учёте лошадей», которое устанавливало для каждой лошади паспортную систему.² На каждую лошадь от 2-х лет коневладелец обязан был оформить учётно-конскую книжку формы № 2. В архиве сохранилось несколько подобных книжек. На титульном листе её указывались дата выдачи, номер и название военно-конского участка, серия и номер, дата пересмотра лошади, указана подпись военного переписчика и ветеринарного врача, содержались сведения о лошади: пол, возраст, масть, приметы, а также категория и группа, к которой была отнесена лошадь. Если лошадь переходила от одного хозяина к другому, то такие отметки тоже заносились в данную книжку с обязательным указанием принятия на учёт по соответствующему военно-конскому участку. Учётно-конская книжка содержала перечень обязанностей коневладельцев, извлечённых из «Временного положения об учёте лошадей».

Впоследствии конский учёт был заменён переписью скота.

Доставка почты и передвижение населения района до появления автотранспорта также осуществлялась на лошадях. С этой целью во втор. пол. 1920-х гг. XX в. выделялись средства из районного бюджета для оборудования гоньбовых станков (станций) и закрепления частных или обобществлённых лошадей на ними. На этот вид оказания услуги населению и государству заключался договор с частным лицом либо с Крестьянским комитетом общественной взаимопомощи. Оговаривалась стоимость поездки и скорость езды (например: при хорошей дороге без багажа – 10 вёрст в час). Плата за проезд сдавалась в райисполком, который обязывался регулярно производить расчёт с работающими. Кроме того, с граждан собирался гоньбовый налог.³

Индивидуальное крестьянское хозяйство в деревнях могло развиваться только тогда, когда в нём появлялась лошадь. Чем больше было лошадей, тем зажиточнее была семья. Тех, кто не имел лошадей, так и называли «безлошадными». На 1927 г. в районе с общим количеством хозяйств 10 525 было 636 безлошадных.⁴ В колхозах и совхозах, в хозяйствах граждан лошади использовались на сельскохозяйственных работах. С этой целью к весне подготавливали конный инвентарь (косилки, плуги, бороны и др.).

На Артёмовском (Ольховском) руднике лошади (гужевой транспорт) использовались для завоза продовольственных и технических грузов, работы в шахте (вывоз руды по штольням). Для воспроизводства лошадей имелся конепитомник в с. Курское.⁵

Передвижение населения и работников организаций (райисполкома и его отделов, прокуратуры, больниц, школ и др.) до появления автотранспорта, также осуществлялась на лошадях, выделенных по разнарядке из колхозов района.

Гужевой транспорт колхозов и совхозов, личный хозяйств граждан, использовался для проведения дорожных работ. Все дороги в районе, которые были построены до поступления технического транспорта, использовали конную тягу. Ежегодно на заседании Курагинского райисполкома составлялся план дорожных работ, и утверждалась разнарядка по организациям о предоставлении гужа. В Курагинском райшосдоре также был конный двор, который передали коммунхозу в 1958 г.⁶

С лошадей заготавливали шерсть-линьку и шкуры, подстригали хвосты и гривы. Также проводили выбраковку хозяйственно-непригодных лошадей на мясо для продажи их заготовительным пунктам Мясотреста. На эти мероприятия доводился план, утверждённый решением райисполкома, контроль за которым осуществлял райсельхозотдел.⁷

В период Великой Отечественной войны автомобильный транспорт и часть «лошадиного парка» района была направлена на фронт. В военный и послевоенный период большое значение при-

давалось развитию коневодства и воспроизводству конского поголовья. В 1943 г. было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП/б/ от 12 мая «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах в районах, племенных лошадей и выводка конского молодняка». Во исполнение его на заседаниях Курагинского райисполкома рассматривались вопросы «О ходе случной компании сельскохозяйственных животных в колхозах района», «Об утверждении плана организации и развития животноводческих племенных ферм в колхозах района» и др.⁸

В целях правильной и рациональной ковки лошадей решением Курагинского райисполкома в 1946 г. при райветлечебнице была открыта показательно-лечебная кузница для ковки лошадей. Также уделялось большое внимание ветеринарному обслуживанию животных.⁹

Документы архива свидетельствуют, что в 1948 г. был подписан приказ Красноярского краевого управления сельского хозяйства от 16.11.1948 г. № 650/ПР «О широкой популяризации достижений передовых колхозов и лучших передовиков коневодства в деле выращивания племенного и пользовательного молодняка», на основании которого было принято постановление Курагинского райисполкома и бюро РК ВКП(б) от 18.12.1948 г. «О выводке конского молодняка в колхозах района в декабре 1948 г.». В ходе этого мероприятия предписывалось создать комиссию по проведению выводка молодняка с обобщением материалов по достижениям отдельных передовиков коневодства и методик их работы, и обеспечить их явку на районное совещание передовиков коневодства.

Курагинские коневоды достигали высоких результатов в данной отрасли за что неоднократно были награждены краевыми премиями и правительственными наградами: орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.¹⁰

В 1950 г. было принято решение Красноярского крайисполкома от 10 апреля № 410 «Об улучшении пород скота с использованием племенных пород». На основании этого в Курагинском районе было проведено породное районирование лошадей в колхозах. В результате основной породой лошадей в районе стал орловский рысак, получивший своё название по фамилии своего создателя графа А. Орлова-Чесменского.¹¹ Решением Курагинского райисполкома в 1948 г. была образована племенная коневодческая ферма в колхозе «Знамя труда».¹²

Количество лошадей в Курагинском районе. 1927-1950 гг.

№ п/п	Дата	Всего лошадей	Из них рабочих	Примечание
1	15.07.1927	32 960	-	Все организации и население
2	Июнь 1934	11 985	9 126	Все организации и население
3	01.01.1947	839	588	Государственные и кооперативные хозяйства
4	01.01.1950	1011	515	Государственные и кооперативные хозяйства

Перепад данных в 1934-1947-1950 гг. объясняется несколькими причинами, в т. ч. и тем, что в декабре 1935 г. из Курагинского района выделился Артёмовской район, а в 1957 г. опять присоединился, а также потерями в Великой Отечественной войне.

В 1950 г. в с. Курагино по решению Курагинского райисполкома от 24 октября предписывалось провести выставку выводка племенных лошадей, а после неё организовать испытание лошадей на резвость, срочную доставку груза и грузоподъёмность. Подобные мероприятия состоялись в 1952 и 1953 гг.¹³

В 2010 г. исполнилось 60 лет со времени проведения первых выставок племенных лошадей с элементами спортивных состязаний, которые по традиции проводятся до сих пор и носят название «конно-спортивные соревнования». Это подтверждает тот факт, что лошади – верные помощники человека и поныне ценятся им за свою преданность, надёжность и грациозность.

2010

Примечания:

¹ Архивный отдел администрации Курагинского района. Курагинский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет. Ф. Р-1. О.1. Д.227. Л.17.

² Там же. Ф.Р-45. О.1а. Д.26. Л.25.

³ Там же. Ф. Р-1. О.1. Д.68. Л.46.

⁴ Там же. Ф. Р-1. О.1. Д.227. Л.17.

⁵ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.713. Л.202-203.

⁶ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.797. Л.253.

⁷ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.755. ЛЛ.169,167-168. Д.771. ЛЛ.79-80.

⁸ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.712. ЛЛ.202, 214; Д.715. ЛЛ.114-115; Д.716. ЛЛ.74-75, 89.

⁹ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д. 679. Л.12.

¹⁰ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.713. ЛЛ.108, 177.

¹¹ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д. 726. Л.111.

¹² Там же. Ф.Р-1. О.1. Д. 712. ЛЛ.202-214.

¹³ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д. 728. ЛЛ.109-110.

Г.Г. Канкеева,
г. Минусинск

Поэтическое творчество минусинцев-фронтовиков

Стихи и песни известных советских поэтов и композиторов сражались вместе с бойцами Красной Армии, вдохновляли на новые подвиги. Не случайно без песен, ставших шедеврами, классикой, не обходится ни один фильм о Великой Отечественной войне, ни одна встреча с ветеранами. По-моему, ни в какой другой стране нет ничего подобного. Да и не может быть такого обилия глубоко патриотических и в то же время лирических стихов и песен, способных поднять полки в атаку. В этом – своеобразие души русского, советского человека.

В воспоминаниях фронтовиков от рядовых до маршалов большое место отводится огромному значению песен и стихов в те огневые 40-е. Это отчётливо прослеживается и в письмах бойцов с фронта. Нередко они рассказывают о концертах на передовой и о том, как поднимали настроенные песни, услышанные вживую. Удавалось, хотя и редко поймать хорошие песни по радио. Встречаются в письмах и сообщения о том, что солдаты во время передышек сами частенько пели, переделывая или дописывая известные песни или стихи. Скорее всего, делали потому, что, запомнив даже приблизительно мотив, не забывали слов, часто ими двигало желание сделать продолжение сюжета фронтовой песни, приблизить его к своей, конкретной, ситуации.

Сочинялись рифмованные строчки, что сейчас кажется это невероятным, – даже в самом пекле сражений. В грохоте орудий они слышали ритм, слова просились сами, часто даже не осознанно. Слагались строчки типа: «Строчи, мой пулемёт, на передовой наш взвод!» или «Строчи, мой пулемёт, за нами наш народ». И то, что солдаты новую самоходную артиллерийскую установку любовно называли Катюшей, тоже много значит. Встречались такие рифмованные строки: «Мы на нашей на «Катюше» всех врагов мигом порушим». «Вперёд, «Катюша», лупи не жалеи, бей врага смелей!» Конечно, это – не поэзия, а просто выплеск из души эмоций. Но то, что слова как будто сами собой слагались в рифмы, говорит о богатой душе советского солдата. Известно, что ритм всегда помогает в трудной работе, а войну кто-то образно назвал смертельной работой.

Талантливых и способных среди солдат и офицеров на удивление оказалось много, просто раньше краеведы не обращали внимания на эту сторону фронтовой жизни земляков. Главным было, и это вполне оправданно, подробное изучение боевого пути ветерана. К счастью, несколько лет назад всё же занялись изучением фронтовых писем, где и были обнаружены стихи солдат. Характерный тому пример – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова, которым в 2005 г. создана книга писем фронтовиков домой «Здравствуйте!...». Подобного издания в России пока не знаю.

Есть в книге письма разносторонне одарённого минусинца Казаринова Виктора Дмитриевича-

ча (1917-1944). Родился и вырос он в Минусинске. Работал помощником механика на пароходе «Иртыш» на Енисее в Красноярске. Поступил в Ленинградский кораблестроительный институт, но из-за введения платы за обучение вернулся в родной город. Трудился конструктором в судоремонтных мастерских. Увлекался фотографией, рисовал, играл на всех струнных инструментах, на пианино, сочинял стихи, владел немецким языком. Ушёл добровольцем на фронт. Был комсоргом дивизиона и редактором «Боевого листка». Погиб 3 октября 1944 г. в Литве. Сохранилось более 150 писем домой, в некоторых упоминает он о своём поэтическом творчестве.

Одно из стихотворений Виктор Дмитриевич в письме, датированном апрелем 1944 г., приводит полностью и сообщает, что это – песня, которую пели его однополчане в дивизии на мотив «Ленинградской застольной». Младший его брат минусинец Владимир утверждал, что авторство, бесспорно, принадлежит Виктору, и в подтверждение, на память пересказывал несколько стихиков, довольно интересных, в основном юмористических, которые тот посвятил своим родным задолго до войны. Других стихов военных лет Виктора Казаринова, к сожалению, не сохранилось. Поэтому процитирую песню полностью.

*Не столы настоящие
Украшали наш дом, -
На снарядные ящики
Мы газету кладём.*

*По сто грамм нам положено –
Фронтowej наш паёк.
Есть здесь банка порожняя –
Наливай-ка, дружок!*

*За страну Белорусскую
Выпьем этот бокал,
С той заморской закускою,
Что союзник прислал.
За землянку уютную,
Фонаря огонёк,*

*За машину попутную,
Если путь твой далёк.
За родного товарища,
С кем шагаешь сквозь дым,
С кем всегда укрываешься
Полушубком одним.
За далёкую ласточку,
Что тоскует и ждёт,
Чья весёлая карточка
С нами в битву идёт.
Выпьем весело сразу мы,
Не поморщась, до дна.
Тостов много уж сказано,
Жаль, что чарка одна.*

Иногда подобные «переделки» становились народными, авторство забывалось, тем более часто погибали те, кто сочинил, и те, кто знал об этом. А ещё и потому, по-моему, что не придавали солдаты особого значение вылившимся из души строчкам, которые частенько сочиняли прямо на ходу или во время коротких передышек. Когда смерть постоянно находилась рядом, им было не до того, чтобы беспокоиться о сохранности своих стихов. Даже фотографии родных и близких трудно было уберечь, чтобы не измять, а уж дневники, письма из дому, стихи, как правило, не всегда умещались в карманах гимнастёрки, в походных рюкзаках. Они терялись во время боёв, в них попадали пули...

Следует отметить, что письма Казаринова отличает поэтический слог. К примеру, «Вчера были в кино... кинотеатр наш: стены еловые, потолок – небо бездонное...». Или «Приеду домой и расскажу, как я лежал под миномётным обстрелом, как на меня сыпались комья земли, и обдавало ветром от свистящих мин, как трещали над головой разрывные пули...». «Вокруг в грязи немецкое барахло – рассыпаны патроны, словно семечки подсолнуха...» Известно, что у Виктора был фронтowej блокнот, куда он записывал стихи. Виктор погиб в блиндаже от прямого попадания вражеского снаряда, а блокнот был постоянно с ним...

Владимир Фёдорович Купреев памятный день 9 мая встретил в Австрии. Воевал сибиряк с 18 лет, с 1942 г. Его близкие и родные – из Минусинска и района, они сохранили письма солдата, в которых он иногда о себе писал рифмованными строчками:

*Не ругай меня, дорогая,
За нечастые письма мои,
По дорогам далёкого края
Очень медленно ходят они.*

А в этом бесхитростном стихотворении, под которым стоит дата: 12 сентября 1943 г., Владимир Купреев выразил свой глубокий патриотизм:

*Как живу я, узнаешь по сводкам
Если долго письмо не придёт,
Значит твёрдой гвардейской походкой
Мы шагаем вперёд и вперёд.
 Нам теперь и ночами не спится,
 Мы и ночью ведём с немцем бой.
 Нашей поступью Сталин гордится
 И гремит нам салют под Москвой.*

Поэтическими строчками объяснялся солдат и в любви своей жене:

*Мои чувства к тебе не угаснут,
И любовь не остынет моя...*

А дальше – всё те же высокие слова глубокой любви к Родине, вера в Победу:

*Пройдёт фронт, прогрехочут «катюши»,
И на западе кончится бой.
Закалятся в боях наши души.*

*...За гвардейские наши заслуги
Украшать будут грудь ордена.
С вами праздновать будем победу,
Ликовать будет наша страна.*

Эти строки датированы 20 декабря 1943 г. На первый взгляд, обращает внимание, несовершенство рифмы, повторы слова «будет». Но именно этим словом в данном случае, по-моему, автор подчёркивал свою огромную веру в победу.

Вполне возможно, как это бывало в армии в разные годы, удачные строчки стихов, услышанные или кем-то из однополчан сочинённые, бойцы заимствовали друг у друга, и авторство здесь условное. Но и отрицать, что поэзия жила в душе наших солдат, не смотря на смертные бои, нельзя.

Кокорин Афанасий Платонович (1914-2003) участвовал в боях за Москву, за Ленинград. Его стихи написаны уже в мирное время, память фронтовых лет не давала покоя солдату и мысли выливались в рифмованные сердцем строки. Вот четверостишие одно из них «Ленинград в блокаде»:

*...Всё свершилось, в самом деле –
Город с тыла взят в кольцо.
Холод, вьюги и метели –
Смерть глядит ему в лицо.*

А в 1984 г. фронтовик написал стихотворение «День Победы», в котором есть такие слова:

*Затем мы славим День Победы,
Что нелегко далась она.
Могилы мрамором одеты,
Блестят на солнце ордена...*

Сибиряка Афанасия Артемьевича Шадрина называют легендой советской журналистики. В 19 лет он сделал первые шаги на газетном поприще. Самые первые заметки появились в газе-

те «Советская Хакасия», что выходила в Абакане, куда в 1937 г. он устроился работать корреспондентом. Затем – трудился репортёром в «Красноярском рабочем»... Но война прервала его творческую деятельность на несколько лет.

Журналистская его судьба связана с разными городами и населёнными пунктами края и Хакасии. Одно время семья Шадриных жила в п. Шира. Афанасий Артемьевич на протяжении многих лет параллельно с журналистикой занимается краеведением. Он – автор нескольких книг: «История Большого Телека», «Шушенский эталон», «Путешествие к облачному камню» и другие. Итогом его многолетней журналистской деятельности стала книга «Ученик у жизни и у людей», вышедшая в конце 2008 г. До сих пор, на 92-м году жизни, бывший солдат находится в строю, активно участвует в общественной жизни города, продолжает сотрудничать с родным «Красноярским рабочим».

Как и многие, в юности писал стихи, но к поэтам себя никогда не относил, хотя близко был знаком со многими красноярскими и хакасскими писателями и поэтами. Чудом сохранились стихи военных лет. Сам журналист очень придирчив к тем опусам, но дорожит, конечно, каждой строчкой, где – память о войне, о пережитом. Всё его творчество тоже отличается патриотизмом и подтверждение тому «Солдатская честь», написанное сразу после начала войны, в 1941 г.

*Развезать над Родиной беды,
Как прадеды наши когда-то,
Украсить Россию Победой –
И честь, и призванье Солдата.*

По-своему интересно стихотворение Афанасия Артемьевича «Дома, дома!». В нём – радость возвращения домой, каждая строка и сам ритм проникнуты оптимизмом:

*...Разбили орды вражие.
Прошли тревог года.
Душа солдата жаждет
Труда. И лишь труда.
Войной и жизнью ученый
Я – весь твой! Выбирай!
Всё светлое и лучшее –
Тебе, мой край! (1945 г.)*

Откликнулся фронтовик Шадрин на гибель друга, воина, талантливого сибирского поэта Георгия Суворова стихотворением «Каких ребят мы потеряли!»:

*Строчка слов в письме треугольном,
Врезалась в мозг и берedit
Неизбывной, нестерпимой болью:
«У Нарвы Гоша убит». (1944 год.)*

Георгий Кузьмич Суворов (1919-1944) родом из Краснотуранска, два года жил и учился в с. Малая Минуса, часто бывал в Минусинске, Абакане. Призван на фронт из Красноярска, где учился в пединституте. Ему принадлежат слова, которые цитируют, забывая, кто их автор:

*В воспоминаниях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой доброй век мы прожили как люди – И для людей!..*

Ещё один отрывок из стихотворения «Тропа войны» Георгия Суворова, написанное нашим земляком в 1942 г., за два года до гибели, приведу: он ярко характеризует не только автора, но всех сибиряков.

*Я, исходил немало троп
Высокого и строгого Саяна,*

*Шёл по ущельям хмурым Абакана,
Был постоянным спутником ветров....
Я слово дал идти тропой сражений,
Платя ценою крови и лишений
За каждый шаг. Да. Я на всё готов!
И если мне среди голубизны
Хакасских дебрей вновь сверкнули тропы, –
Я не покину своего окопа,
Не сверну с крутой тропы войны.
И лишь достигнув в долгожданный миг
Её конца в седой ночи Европы,
Я вновь приду к моим таёжным тропам
И выберу труднейшую из них.*

Повезло стихам фронтовика Старыгина Александра Ксенофонтовича. Чудом осталась цела, хотя изрядно помята его фронтовая тетрадь. Воевал он в артиллерийском 274 гаубичном полку с 1943 г. и до конца войны. Участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии.

Почти 40 лет, с 1950 по 1990 гг., А.К. Старыгин работал в Южной геофизической экспедиции в Абакане и в Минусинске. Его стихи печатались в газете «Советская Хакасия» (14 апреля 1985 г.). В отдельных стихах сохранилась правка автора, вероятно, уже поздних лет. Не у всех есть названия, но это не важно. Многие похожи на репортажи, настолько динамичен слог. Вот четверостишие одного из них:

*Земля стонала, и во мгле
Трещала сталь, дрожали горы.
И в воздухе, и на земле
Ревели яростно моторы.
 И от разрывов едкий дым
 Вздымал аж до неба пылицу.
 Но наш окоп неуязвим,
 Он – нам и крепость, и жилище...*

Лаконичен язык другого стихотворения:

*Окопы, смятая пилотка,
Солдатский гнутый котелок,
И двухметровые обмотки,
И за плечами – вещмешок....*

Тоской по Родине, по дому и любовью к России проникнуто другое стихотворение:

*...Австрийские Альпы, хребты и леса...
О, как далеко ты, Россия!
Там девушка ждёт. И какая коса,
И глазки у ней голубые...*

Всю полноту чувств советских солдат отражает стихотворение «Последний день войны», написанное в 1945 г.:

*Такое даже не приснится,
Спокойны стали наши сны...
Но не забудут очевидцы
Тот день – последний день войны.
 Ещё гремела батарея,
 Огонь пока ещё крепчал,*

Но с каждым часом всё слабея,
Всё реже немец отвечал.
Но тогда, восьмого мая,
Никто поверить и не смел,
Что, горный воздух рассекая,
Последний выстрел прогремел.
...Свершилось то, о чём мечтали
Четыре года мы в бою.
Казалось, мёртвые бы встали,
Чтоб радость выразить свою...

Много стихов ветеран, написал уже в мирное время, посвятив и боевым друзьям, воспоминаниям. Но и в них тоже слышится гул сражений, боль за погибших солдат.

Конечно, многим фронтовикам не хватало времени на работу с поэтическими строчками. Да и писали они, как правило, для друзей и родных, не думая о том, что кто-то когда-то будет рассматривать или разбирать их творчество. Явно им не хватало и знаний родного русского языка, не был богат их словарный запас. И это понятно: большинство из героев успели до войны окончить не более 7-8, максимум 10-ти классов обычной школы.

Учитывать следует и то, что сочиняли они в экстремальных условиях и записывали стихи – тоже. Часто столом служили собственные колени или случайные предметы в землянках, камни или поваленные деревья в полях и лесах, даже остатки снарядов на опустевших полях сражений. Но эти стихи помогали им высказать наболевшее в душе, подняться над ситуацией, быть может, ещё раз убедить себя, однополчан, да и своих близких в тылу в скорой победе над врагом.

Все стихи объединяет главное – искренний патриотизм, рождённый в глубине души уверенностью в победе, оптимизмом. В них – дух того времени, отражение настроения целого поколения бойцов Красной Армии, жизнелюбию которого многим из нас можно поучиться.

В летописи Великой Отечественной войны поэзия составляет особую страницу, такую же ценную и не менее интересную, как и многочисленные страницы о героических сражениях Красной Армии, о действиях партизанских отрядов и многотрудной работы советских людей в тылу. Имена одних авторов всенародно любимых произведений широко известны, других – менее, а кто-то и вовсе забыт. Но их творчество достойно изучения, обобщения, чтобы полноправной главой войти в историю Великой Отечественной войны. И здесь широкий простор не только для научных сотрудников музеев и краеведов, но и лингвистов.

2010

**В публикации использованы материалы Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова.*

Г.Г. Канкеева,
г. Минусинск

Десять лет проекту «Человек года»

Десятый раз редакция газеты «Власть труда» проводит конкурс «Человек года». Внимание, интерес к этому конкурсу не ослабевает. Почему? Потому, что от многих других конкурсов он отличается: открытостью, участием всех желающих жителей города и района, даже иногородних земляков в предложении кандидатов, а потом поддержке их конкретными примерами, фактами из трудовой и общественной деятельности. И, конечно, – участием читательского жюри в определении победителей. Это конкурс – среди читателей и для читателей. Итоги подводятся в новогоднем номере газеты «ВТ».

За 9 лет звание «Человек года» и эксклюзивный диплом в разных номинациях получили около 50 человек. А звание «Коллектив года» – 15 коллективов. Кроме того, многим минусинцам, людям с активной жизненной позицией были вручены и специальные дипломы и призы.

Редакция газеты «ВТ» – первая и единственная в крае так серьезно, регулярно и на высоком уровне проводит конкурс «Человек года». Завершается этот самый массовый по количеству участников и призёров конкурс торжественным вечером чествования победителей – практически общегородским праздником.

С чего же всё начиналось? Почему эту тему вынесли на мартьяновские чтения? Потому, что чествование победителей конкурса фактически началось с... краеведческого музея. Если бы ни директор Л.Н. Ермолаева, не известно, как сложилась судьба конкурса. «Человек года» действительно объединил судьбы сотен, тысяч людей разных возрастов, профессий, социальных групп и т.д.

В 2001 г. в редакции провести этот конкурс поручили Г.Г. Канкеевой. Естественно, что победителем стал один человек, глава города Анатолий Иванович Кекин. Альтернативных предложений практически не было. Это вполне понятно: на фоне остальных людей его дела имели более яркий общественно-значимый резонанс. И по условиям конкурса предполагалось выбрать только одного человека.

В 2002 г. впервые победителем стала наша читательница, любимая многими, спортсменка Ольга Зайферт, чемпионка мира по самбо.

В ходе конкурса предлагались и другие достойные люди из разных сфер деятельности, но аргументов в их пользу тогда поступило недостаточно. Номинант по условиям опять был всего один! В таком виде у конкурса нет перспективы, и это беспокоило. В редакции все были заняты своими делами, другими конкурсами... И я вышла «в люди». Общась со многими авторитетными в Минусинске людьми, в первую очередь с Н.Э. Федотовой – директором педагогического колледжа, заслуженным учителем РФ, с Л.Н. Ермолаевой – заслуженным работником культуры РФ, сделала вывод: конкурс надо проводить по номинациям.

Общим решением в редакции утвердили первые номинации: «Человек года в экономике» (среди руководителей предприятий), «Человек года в социальной сфере» (образование, культура, медицина, спорт), «Человек года в общественной жизни» (работающий на общественных началах). В 2003 г. победителями конкурса стали несколько человек. В двух номинациях «Человек года в экономике» и «Человек года в общественной жизни» лидеры тогда не определились.

С каждым годом конкурс приобретал новые черты. Участие в нём принимало и принимает всё большее количество людей самых разных профессий возрастов: от школьников и пенсионеров до руководителей муниципальных и частных предприятий и фирм. Благодаря активному участию читателей, появлялись новые номинации, их число росло. В 2004 г. ввели номинацию: «Коллектив года». В 2005 г., в ходе конкурса, появились ещё две номинации: «Руководитель муниципального предприятия» и «Руководитель образовательного учреждения».

Неожиданно наш конкурс вышел за границы города и района, в редакцию приходили письма от жителей соседней Хакасии, из южных районов Красноярского края с предложением кандидатур минусинцев на это почётное звание. И свои предложения подкрепляли конкретными примерами.

Ноябрь-декабрь – самое ответственное, горячее время в ходе и завершении конкурса. Звонки, письма почтовые и электронные, а многие читатели считают, что нужно прийти лично убедительно рассказать о человеке или о коллективе. Взяв на себя трудную миссию, журналисты не ошиблись в мудрости и объективной оценке читателей, их стремлении увидеть в своём коллеге лучшие черты, отметить равнодушную гражданскую позицию. Столкнулись и с неоднозначным отношением отдельных людей, как к самому конкурсу, так и к претендентам. Таких звонков было мало. Но мы учитывали и негативные мнения о том или ином кандидате, проверяли.

При подведении окончательных итогов оргкомитет руководствовался не количеством поданных голосов, а убедительностью аргументов, фактов, раскрывающих многостороннюю личность человека.

Нам было очень и очень важно не ошибиться, ведь город маленький, так или иначе все друг друга знают. И чтобы авторитет газеты не пострадал, а наоборот укрепился. Большое значение имеет то, что в коллективе работают опытные журналисты, хорошо знающие менталитет и запросы своих читателей.

В ходе конкурса могли измениться некоторые критерии с согласия читателей. Есть случаи, когда в одной номинации, к примеру «Человек в экономике» – несколько лидеров. Одного из них выбрать просто невозможно, очень разные они по своим «рангам», занимаемым руководящим должностям, финансовым возможностям, когда оказывают помощь землякам, занимаются благотворительностью. В 2005 г. победителями стали в этой номинации 3 человека. Это О.З. Довыдова – единственная женщина-руководитель на селе, хозяйство которой работает стабильно. Это и О.В. Бабушкин, продукцию его пекарни «Колосок» хорошо знают в городе ещё и потому, что он постоянно помогает спортсменам, школьникам, пенсионерам. Часто не афишируя своё имя, посылает торты к празднику ветеранам войны или инвалидам. Это и генеральный директор ЗАО «Золотодобывающая компания «Золотая звезда» К.М. Цитлидзе – пример современного предпринимателя большого масштаба, умеющего свои личные интересы поставить в ряд с интересами простых людей. В 2005 г. он подарил горожанам прекрасный культурно-развлекательный центр «Сто карат», при этом зная, что затраченные средства окупятся не скоро. И что важно, работу здесь получили более 100 человек.

В номинации «Коллектив года» достойными почётного звания нередко бывают два или три победителя, потому, что сложно сравнить работу коллектива детского сада и производственного предприятия, как «Минусинский пищевой комбинат» или ТЭЦ.

В публикациях в ходе конкурса на страницах газеты называются практически все претенденты на звание «Человека года», и это уже являлось для многих из них своеобразным поощрением за труд. Мнение земляков для них очень важно, даже если они не выйдут в победители.

В итоговом материале, в новогоднем номере, редакция благодарит всех, кто принял участие в конкурсе, помог определить победителей и назвать тех, кто пока не вышел в лидеры, но чей труд, активная жизненная позиция заслуживает благодарности земляков.

С каждым годом конкурс становится престижнее. Журналистов откровенно радовало серьёзное отношение наших читателей к общественной награде, учреждённой редакцией «ВТ», которая по своей сути не даёт никаких привилегий, но зато значительно повышает статус ЧЕЛОВЕКА в глазах его коллег и всех земляков. Это ещё раз подтверждает высокий авторитет газеты. И это при том, что, кроме эксклюзивного Диплома редакции газеты «Власть труда», номинант ничего не получает! Мы гордимся, что наши Дипломы находятся на самом видном месте в рабочих кабинетах наших победителей.

Главное, в чём мы ещё раз убедились: важным для наших читателей является именно общественное признание. Они его ставят выше рангов и званий, даже наград. Ведь этот конкурс – не только признание заслуг земляков в сфере профессиональной, но и – общественной деятельности, которая выходит за рамки предприятия или организации, даже рамки города или района.

Мы поняли, что наши читатели так же очень ценят в земляках любовь к своей родине, умение проблемы жителей города и села при определённых ситуациях ставить выше личных, работать на перспективу.

По традиции чествование победителей, вручение им дипломов проходит в торжественной обстановке. Эта традиция тоже связана с музеем. Как автор-куратор конкурса и автор проекта, который получил дальнейшее развитие в творческом коллективе редакции, я понимала, что по-

бедителей необходимо чествовать. Уже во второй год пыталась организовать чествование тогда единственного победителя Оли Зайферт, но безуспешно. Никто не услышал.

В третий раз, когда победителей оказалось много, я снова обратилась с предложением в редакцию, в администрацию города... Благие дела и мысли всегда находят союзников и сподвижников. Людмила Николаевна Ермолаева со всей своей открытой душой предложила чествование провести в музее! Мы наметили дату – 13 января – День печати и старый Новый год. Сценарий составляла в основном я и вела эту церемонию тоже.

Первые два праздника награждения победителей и для своих читателей мы устраивали в свой профессиональный праздник 13 января в одном из залов Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Именно эти торжества часто вспоминают номинанты, победители. Было в них что-то такое, неповторимое, душевное.

Мероприятие, его значимость для авторитета газеты и в целом для администрации города заметили. В 2005 г. был устроен большой и яркий праздник в драматическом театре. Виновников торжества, лучших людей приглашали на сцену, их поздравляли редактор газеты Любовь Николаевна Зварич и известные в городе и районе люди, чей труд отмечен званиями, орденами, Герои Социалистического труда, депутаты городской Думы и Законодательного собрания края, а так же представители трудовых коллективов. С приветствием ко всем участникам праздника обращался глава города. Лучшие творческие коллективы дарили свои песенные и танцевальные номера.

Главное свидетельство того, что конкурс для наших читателей имеет такое большое значение – каждый раз переполненный зал театра не может вместить всех желающих разделить радость успеха. Резонанс в городе и районе, который получил праздник, ещё раз убедил в действенности проекта, который постоянно совершенствуется. Многие сравнивали его с торжеством по случаю юбилея города. Мы всей душой осознали, что в таких мероприятиях люди очень нуждаются. Члены разных политических партий сидели рядом и вместе радовались действию на сцене.

Три года подряд чествование победителей конкурса проводили в свой профессиональный праздник – День печати с самыми надёжными друзьями и помощниками – читателями. Запомнился праздник в 2007 г., это был юбилейный для редакции газеты год, и коллектив редакции тоже поздравляли на сцене театра.

Есть опыт проведения конкурса совместно с соседними районами. В силу ряда объективных и субъективных причин в нашем городе конкурс идёт более активно и массово, более открыто и всегда интересно. В каждом деле нужны инициаторы, подвижники и последовательность в проведении.

Новый конкурс «Человек года-2010» внесёт свои изменения, возможно, появятся новые номинации. Но главным и неизменным останется объективность в оценке кандидатур.

Редакция газеты «ВТ» – первая в крае так серьёзно, регулярно и на высоком уровне проводит конкурс «Человек года». Опытом мы делились с коллегами, но до сих пор являемся единственной газетой, которая не изменяет традиции, одобренной читателями. Наши читатели – наш главный ориентир в работе.

2010

А.В. Мохова,
г. Абакан

Подготовка национальных медицинских кадров Хакасии в 30-х гг. XX в.

Научное осмысление опыта формирования и развития советской интеллигенции, её профессиональной и общественной деятельности помогает в раскрытии важных граней общественно-

политических, социально-экономических и культурных процессов и их влияния на различные стороны жизни народа и способствует, таким образом, пониманию своеобразия современного общества. Составляющим звеном исследований является изучение национальной интеллигенции. При обращении к истории здравоохранения научный интерес вызывает национальная медицинская интеллигенция с её особенностями формирования и развития.

В Хакасии (с 20.10.1930 г. – автономная область), в нач. 1930-х гг. не обеспеченной медперсоналом высшей квалификации из числа коренного населения, работали в основном врачи, командированные Наркомздравом РСФСР. Врачебными кадрами Сибирь обеспечивали Омский, Томский, Иркутский, а также центральные медвузы.

В кон. 20-х-нач. 30-х гг. XX в. одной из главных задач государственных органов здравоохранения, наряду с развитием медицинской и лечебной сети, являлась подготовка высококвалифицированных медицинских кадров. Одним из решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. стала реорганизация системы высшего медицинского образования в целях улучшения подготовки врачебных специалистов. В соответствии с документом, начиная с 1930 г., медицинские факультеты университетов были преобразованы в самостоятельные медицинские институты и переданы в ведение Наркомздрава РСФСР. Согласно постановлению ЦИК СССР «О подготовке врачей» (1934), с сентября 1934 г. были введены в действие единые учебные программы, устанавливался 5-летний срок обучения на всех факультетах медицинских институтов со специализацией на V курсе, увеличились ассигнования на выплату стипендий, научно-исследовательскую работу и т.д.

Упорядочение процесса обучения было направлено, прежде всего, на повышение качества подготовки врачей. Резкий рост потребности во врачебных кадрах вызвал необходимость увеличения числа медвузов. С 1930 по 1934 гг. в стране было открыто 13 новых медвузов.¹ Передача данных учебных заведений в ведение Наркомздрава РСФСР показала правильность этого решения, т.к. это позволило приблизить подготовку врачей к нуждам здравоохранения, улучшить качество преподавания, эффективнее использовать лечебные учреждения в качестве базы для практических занятий, а преподавательский состав – для лечения пациентов. В целом с началом 1930-х гг. начались поиски оптимальных форм и методов подготовки врачей, различных преобразований в области высшего медицинского образования.

В 1930-х гг. в Хакасии по-прежнему оставался высоким уровень заболеваемости глазными, венерическими болезнями, туберкулёзом, малярией, оспой и др. Особенно страдало коренное население региона в силу своей бытовой неграмотности, низкого жизненного уровня, отсутствия иммунитета ко многим болезням, недоверия к медикам. Повсеместно применялась народная медицина. Для улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки и качественной работы медицинской сети Хакасии требовались национальные медицинские кадры как высшего, так и среднего, и низшего звена, знавшие культуру, быт, язык и нравы своего народа. Однако ситуация осложнялась нехваткой грамотной молодёжи из числа хакасов. В процессе формирования национальной интеллигенции Хакасии, в т.ч. и медицинской, большую роль сыграло постановление СНК СССР от 13.11.1929 г. «О мероприятиях по подготовке работников из среды народов нерусского языка в техникумы, на рабфаки, в вузы»,² в котором особое внимание обращалось на необходимость расширения мероприятий по подготовке работников из среды коренных народов путём организации различных курсов подготовки и переподготовки, открытия учебных заведений, привлечения специалистов из других регионов с использованием бюджетных средств. Формирование национальной медицинской интеллигенции осуществлялось в русле общегосударственных тенденций подготовки кадров. Однако в каждом национальном регионе, у каждого народа были свои специфические особенности, которые государственные и местные органы власти пытались учитывать. Чтобы обеспечить доступ национальной молодёжи для получения высшего медицин-

ского образования, органы власти и здравоохранения обратили внимание на организацию рабфактов и подготовительных курсов. Знаменательным событием в деле подготовки медиков среднего звена Хакасии стало открытие в 1934 г. фельдшерско-акушерской школы в областном центре.

С развитием в 30-х гг. XX в. угольной, золотодобывающей, деревообрабатывающей отраслей промышленности, а также в результате переселенческой политики увеличился приток населения в Хакасию из других районов СССР. За десятилетие (с 1930 по 1940 гг.) население региона увеличилось в 2,5 раза.³ Одним из показателей удельного прироста народонаселения Хакасии стало улучшение социально-бытовых условий и, как следствие, повышение уровня рождаемости. И все же определённую тревогу вызывали вспышки некоторых заболеваний социального характера. Для их ликвидации требовались планомерная и последовательная работа, соблюдение врачебных предписаний, а также открытие специализированных лечебных учреждений. Увеличивавшиеся из года в год ассигнования государства на нужды здравоохранения Хакасии позволили открыть в Абакане в 1935 г. кожно-венерологический диспансер и малярийную станцию, областной противотуберкулёзный диспансер – в июле 1934 г. Первый межрайонный противотрахоматозный диспансер был открыт в 1933 г. в с. Аскиз благодаря усилиям первого врача-хакаса Н.М. Одежкина, окончившего в 1931 г. Томский мединститут. Достоинством нового медицинского учреждения было то, что при нём действовали постоянные шестимесячные курсы подготовки трахоматозных медсестёр. Уже с 1935 г. борьба с трахомой развернулась во всех районах области: были открыты глазные кабинеты, стационары облегчённого типа, в сельских советах развёрнуты сестринские противотрахоматозные пункты. Таким образом, заболеваемость трахомой в Хакасии пошла на убыль, а к нач. 1960-х гг. была полностью ликвидирована.

С увеличением государственных субвенций на здравоохранение улучшилось оснащение медикаментами и инструментарием врачебных участков и лечебных учреждений, количество которых постепенно увеличивалось, вырос процент обращений за амбулаторной и стационарной помощью. Тем не менее, при расширении медицинской сети Хакасии в 1930-х гг. острым оставался кадровый вопрос. В условиях тотального дефицита медицинских кадров средней квалификации выход был только в привлечении местного населения на различные по продолжительности медицинские курсы. Так, в 1929 г. при помощи заведующего Усть-Абаканской окружной больницей П.Н. Мазаева удалось открыть при местной больнице курсы подготовки медсестёр, а также аналогичные курсы в Черногорских коях. С апреля 1930 г. начали функционировать 2-месячные курсы по повышению квалификации сестёр молочных кухонь. Для женщин-хакасок были открыты курсы ясельных работников в Новосибирске.

Медработники, прошедшие ускоренные подготовительные курсы различного уровня, имели всё ещё низкую квалификацию, что в значительной степени снижало качество медицинского обслуживания. Остро ощущался недостаток офтальмологической, психиатрической, венерологической, онкологической помощи. Зачастую врачи из-за нехватки кадров совмещали по несколько должностей. Кроме того, с открытием в Хакасии фельдшерско-акушерской школы потребовались преподаватели для проведения теоретических и практических занятий. Нередко занятия в данном заведении срывались из-за загруженности врачей в лечебных учреждениях.⁴ Ввиду отсутствия национальных медицинских кадров органы власти Хакасии заключали с центральными, в большей степени, сибирскими медвузами договоры на обучение абитуриентов. Для хакасской молодёжи государство выделяло целевые места. Например, в 1931 г. два хакаса обучались в Томском мединституте и 13 чел. – в медтехникумах страны. Из года в год увеличивалось количество обучающихся на подготовительных курсах. Важной особенностью данных курсов стало корректное и доброжелательное отношение со стороны преподавателей, учитывавших национальные особенности менталитета хакасов.

Связь сибирских медвузов с органами здравоохранения Хакасии укреплялась как по линии

обязательной учебной работы студентов и врачебной деятельности преподавателей в лечебных учреждениях, так и путём исследования санитарно-гигиенической обстановки региона, широкой санитарно-просветительной работы среди местного населения. Эта связь выражалась в работе передвижных медицинских отрядов и научных экспедиций по изучению и предотвращению развития заболеваний на территории Хакасии. Огромную помощь оказывали члены актива Сибирского отделения Российского общества Красного Креста и Красного Полумесяца, проводившие санитарно-просветительную и профилактическую работу вместе с местным медперсоналом. Особое внимание обращалось на охрану материнства и младенчества. К 1931 г. в области функционировало 8 женских и детских консультаций, 3 молочных кухни. На открытие как детских, так и специализированных лечебных учреждений, помимо выделенных государством дотаций, население на добровольных началах вносило денежные средства путём проведения туберкулезных трёхдневников, двухнедельников по охране материнства и младенчества, постановок спектаклей, концертов и др.⁵ Для большего вовлечения абитуриентов в ссузы медицинского профиля 08.09.1936 г. вышло в свет постановление СНК СССР «О подготовке средних медицинских, зубоврачебных и фармацевтических кадров», согласно которому предусматривалось довести охват стипендиями в 1937 г. обучающихся в фельдшерских и акушерских школах до 80%.⁶ От профессиональной подготовки во многом зависел не только объём деятельности учреждения здравоохранения, но и качество диагностики, лечебной и профилактической работы. В этом отношении роль среднего медперсонала была чрезвычайно важна. В 1930-х гг. в Хакасии из числа коренного населения работали медики средней квалификации: Е.А. Тахтобина, А.Е. Иптышева-Шушкевич, Е.Д. Дружинина (Тюльберова), Е. Табастаева и др. С повышением зарплаты среднего и младшего медперсонала с 01.04.1939 г. основной задачей органов здравоохранения стало использование благоприятной ситуации для закрепления кадров этих категорий работников на местах.

В январе 1935 г. на XVI Всероссийском съезде Советов наряду с вопросами о снижении роста инфекционных заболеваний, понижении детской и общей смертности, повышении жизненного уровня населения был затронут вопрос об улучшении медико-санитарной сети в национальных районах страны. Отмечалось отставание показателей здравоохранения этих районов от общего хозяйственного и культурного уровня советского государства, что являлось результатом слабой материально-технической базы медицинских учреждений, дефицитом медицинских кадров и недостаточным вниманием со стороны местных органов власти. В первую очередь, это касалось вопросов подготовки квалифицированных медицинских специалистов. Эффективность работы медицинских учреждений Хакасии, как и страны в целом, зависела и от количества, и от качества подготовки медиков. В эти годы пополнение медперсоналом шло в большей степени, как было указано выше, за счёт обучения на различных курсах. Но из-за скудности местного бюджета работа по закреплению медицинских кадров на местах была затруднена. В сер. 1930-х гг. Хакасия была укомплектована врачами лишь на 43%.⁷ Одним из показателей дефицита врачей в области были так называемые «невозвращенцы» – стипендиаты из числа местной молодёжи, не вернувшиеся после окончания мединститутов в Хакасию.⁸ Зарплата врачей региона была намного ниже, чем у работников промышленной сферы, да и та зачастую задерживалась на 2-3 мес. Это способствовало заметной текучести медработников. Важной причиной этого было отсутствие жилья. Поэтому улучшение материально-бытового положения медиков Хакасии являлось важным фактором удержания их на местах.

В 1930-х гг. ведущим звеном в системе здравоохранения страны стали здравпункты на предприятиях, проводившие большую работу по оздоровлению условий труда и быта. Повсеместно расширялась сеть санитарно-эпидемиологических станций, ставшие кордоном эпидемиологического благополучия страны. Эта система оправдала себя: в течение 1930-х гг. и во время Великой Отечественной войны в стране не было массовых эпидемий. Было положено начало планомерной

борьбе за ликвидацию некоторых инфекционных заболеваний. Так, в декабре 1939 г. на областном совещании работников здравоохранения Хакасии особо отмечалось о полной ликвидации натуральной оспы, значительном снижении инфекционных заболеваний, улучшении профилактической работы, улучшении оснащением медицинской аппаратурой, дезаппаратурой и т.п.

Следующим шагом государства в развитии здравоохранения и становлении медицинской интеллигенции стали мероприятия Наркомздрава СССР по разукрупнению и расширению сельской лечебной сети, результатом которых стало вышедшее в июне 1938 г. постановление «Об укреплении сельского врачебного участка», в соответствии с которым в сельские местности страны выехало 4,5 тыс. врачей.¹⁰ Организация доврачебных звеньев – фельдшерских, акушерских, фельдшерско-акушерских пунктов – стала одним из пунктов мероприятий для успешного развития сельской врачебной сети. Данные учреждения вошли в подчинение врачей – заведующих врачебными участками, которые, в свою очередь, подчинялись заведующим райздравами. Коллективы врачебных участков поддерживали связь со всеми партийными, советскими и хозяйственными органами в пределах своей территории.

В результате проведённых мероприятий значительно укрепилась материально-техническая база сельских врачебных участков, установились дополнительные материальные льготы для сельских врачей, порядок систематического повышения их квалификации. Медработники в сельской местности обеспечивались бесплатным жильём, бесплатными коммунальными услугами и транспортом. В Хакасии, являвшейся, по существу, аграрной областью, к концу 1930-х гг. количество больниц в сельской местности достигло 13 из 17 имевшихся в целом в области, вырос штат медперсонала – 82 врача, 243 чел. среднего звена и 309 чел. младшего персонала (1938 г.), что стало возможным благодаря выросшему бюджету здравоохранения региона с 428190 руб. в 1930 г. до 5930500 руб. в 1938 г.¹¹ Хотелось бы отметить, что в 1930-х гг. врачей из числа хакасов было немного – это Н.М. Одежкин, В.Г. Чистаева, А.И. Балахчина.

Таким образом, в 1930-х гг. процесс подготовки медицинских специалистов из числа коренного населения Хакасии осуществлялся в русле общегосударственных тенденций формирования кадров. Важным являлось то, что государственные и местные органы власти пытались учитывать национальные особенности, культуру и традиции обучающейся молодёжи. Формирование национальных медицинских кадров Хакасии осуществлялось через различные по продолжительности медицинские курсы, открытие рабфаков при медвузах, создание и развитие системы среднего профессионального и высшего медицинского образования.

2010

Примечания:

¹ Виноградов Н.А. Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930-1934) / Н.А. Виноградов. – М.: Медгиз, 1955. – С. 30.

² Государственное казённое учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»), ф. Р-16, оп. 1, д. 54, л. 73.

³ Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917-1990-е гг. / В.А. Кышпанакоев. - Абакан: Изд-во Хакасского госуниверситета, 1995. – С. 43.

⁴ Архив медицинского колледжа Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, книга приказов Абаканской фельдшерско-акушерской школы с 20.10.1936 по 29.12.1938 гг.

⁵ ГКУ РХ «Национальный архив», Ф. Р-19, О. 1, Д. 12, Л. 10.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Ф. Р-1384, О. 1, Д. 7, Л. 55.

⁷ ГКУ РХ «Национальный архив», Ф. Р-39, О. 1, Д. 270, Л. 72.

⁸ Отдел документов новейшей истории ГКУ РХ «Национальный архив» (ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив»), Ф. П-11, О. 1, Д. 45, Л.Л. 9, 10.

⁹ Там же, Л. 11.

¹⁰ Всеобщее право на здоровье и его реализация в различных странах мира / Под ред. Д.Д. Венедиктова. - М.: Медицина, 1981. – С. 64.

¹¹ ОДНИ ГКУ РХ «Национальный архив», Ф. П-2, О. 1, Д. 527, Л. 3.

В.С. Пилипенко,
г. Новокузнецк

Верхне-Островская площадка — как историко-краеведческий объект спецпереселенцев Сталинска

В 1930 г. сталинская репрессивная машина, словно гигантский каток по асфальту трижды прошла по крестьянству. Первый заход был связан с раскулачиванием 1929-1931 гг., второй — с так называемым «законом о колосках» от 7 августа 1932 г. и деятельностью политотделов МТС в 1933-1934 гг. и третий — с «Большим террором 1937 г.». ОГПУ 15 марта 1931 г. издаёт Меморандум «О проведении массовой высылки раскулаченных»¹: В целях полной очистки от кулаков с мая по сентябрь 1931 г. намечено провести массовую операцию по кулачеству с высылкой в отдалённые местности Союза со всех областей.

В справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о выселенном кулачестве в 1930-1931 годы» указывалось, что в это время было направлено на спецпоселение (Северный край, Западная и Восточная Сибирь, Урал, Дальневосточный край, Якутия, Казахстан и некоторые другие регионы) 391 026 семей общей численностью 1 803 392 человек.

До 1934 г. крестьяне, отправленные в «кулацкую» ссылку назывались спецпереселенцами, в 1934-1944 гг. — трудопоселенцами.

7 июля 1931 г. под грифом «Совершенно секретно» выходит Меморандум ОГПУ «О переселении на территорию Западно-Сибирского края раскулаченных из Европейской части страны», в котором в частности сказано: «7 июля 1931 г. зам. Председателя ОГПУ т. Ягода сообщает, что в течение июля и первой половине августа в Запсибкрай будет завезено 10 000 семей (10 000 кулаков). Вселяемые кулацкие семьи для хозяйственного использования и хозяйстройства должны быть переданы следующим хозорганизациям:

1) из Башкирии 5 000 семей, отправляемых с 18 июля по 3 августа, передать Востуглю;

а) Анжеро-Судженские копи — 2 000 семей;

б) Прокопьевские копи — 3 000 семей;

2) из Московской области — 5 000 семей (из них 2 800 семей вместе с трудоспособными главами мужчинами, 2 200 семей без глав, их главы — осуждённые кулаки — будут доставлены из Акмолинска), отправляемых с 20 июня по 1 августа, — всех передать Кузнецкстрой.

Зам Председателя ОГПУ Г.Ягода».²

Этот документ, указывает на принудительную высылку в наш город самых первых спецпереселенцев из Московской области. Потом уже привозили «раскулаченных» из Центральной России: Тамбовской, Калужской, Тульской и других областей.

Михаил Сергеевич Варфоломеев вспоминает: «Привезли нас в 1931 г. из Тульской области: отца, мать, моих 4 братьев, сестру и меня. Всего 8 человек. Мне было 4 года. А сослали нас за то, что у нас была 1 корова, 1 лошадь и небольшая кузница. Вот за кузницу и сослали. Жили в «плетнёвом»³ доме. Кроме нас в этом доме ещё жили 4 семьи. Отец работал в сельхозартели кузнецом. Я, после окончания ФЗУ,⁴ потому что в техникум, а тем более в институт не брали, т.к. я являлся сыном спецпереселенца, работал в Кузнецкой автобазе учеником электрика, а потом шофёром. У меня 40 лет шофёрского стажа».⁵

Владимир Силин вспоминает: «Привезли моих родителей и меня также как и многих спецпереселенцев на ДОЗ, выгрузили из вагонов, перевезли на пароме на Верхне-Островскую площадку и дали несколько дней, чтобы вырыть землянки».⁶ Первая улица, заселённая спецпереселенцами, была Косогорная. Она очень узкая, т.к. места для семей выделялось мало. Если пройти по этой улице до её конца, то, пройдя небольшую рощу, попадёшь на прекрасное место, откуда откры-

ваются панорама города. Первые жилища – землянки не сохранились, а вот последующие дома были саманные, затем из дранки, обмазанной глиной и сверху побеленные.

Так постепенно застраивалась Верхне-Островская. После 1936 г. при условии, что семья не имеет ни одного замечания в течение 5 лет, разрешили строить дома на 3 и даже 4 семьи под одной крышей («дома-вагончики»). В одном из таких домов родился Глава Центрального района Климашин. Позже появились самые отдалённые улицы – Малая Камчатка, Большая Камчатка.

За спецпереселенцами неусыпно следили работники комендатуры. На Верхне-Островской их было 3: внизу горы, наверху её и посередине. Здание одной из комендатур сохранилась до настоящего времени. Интересна судьба этого здания. В Бюро технической инвентаризации сохранилось заявление Пономарёва Николая Романовича, проживающего на Островской площадке, Томский проезд, дом 4, в котором он сообщает, что проживает в нём с января 1946 г., а до этого дом был бесхозный, но ему удалось установить через соседей, что «дом ставила комендатура и находилась в нём до 1945 г.»⁷ В акте Жилкомхоза от 10 декабря 1953 г. сказано: «Дом выстроен – собран в 1930 г., перевезён из деревни из старого б/употреблений стройматериала».⁸

Комендатурой была организована сеть информаторов. Со слов многих спецпереселенцев, в т. ч. М.С. Варфоломеева: «Ходили бригадмилецы. Если собирались 3 человека, то обязательно к ним подходил бригадмилец и выслушивал о чём говорят, а потом сообщал в комендатуру. Бригадмилецы мы не знали, но боялись собираться более 3 человек».⁹ Положение спецпереселенцев, особенно в первые годы ссылки, было крайне тяжёлым. Нарушавших режим содержания отправляли вниз по Томи в посёлки Осиновый плёс, Мутный, Белый Этап, Макариха, Воскресенский. За более серьёзные нарушения – на север Томской области (в Нарым), в Красноярский край (в Енисейск) или в Воркуту.

К 1938 г. количество посёлков спецпереселенцев возрастает до 11. В этих посёлках уже не было «раскулаченных» спецпереселенцев. Они были заселены другими репрессированными народами. Например, в Абагуре жили сосланные с Поволжья немцы. Живущие в посёлках спецпереселенцы работали на Кузнецком металлургическом комбинате, шахтах им. Орджоникидзе, Бунгурской, на Кирпичном заводе, а также строили жилые дома, дороги. Все они, согласно информационному письму ГУЛАГа ОГПУ от 13 июля 1931 г.,¹⁰ «в отношении норм довольствия приравнены к категориям вольнонаёмных рабочих предприятий, где работают». Чего нельзя было сказать о членах их семей. В том же информационном письме указывается: «В отношении членов семей таких спецпереселенцев установлен отпуск в день на едока: муки – 300 граммов, крупы – 30 граммов, рыбы – 75 граммов, сахара – 12 граммов».¹¹ Поэтому приходилось возделывать и обрабатывать огороды. Но и земли давали очень мало и в основном на неудобных местах.

Спецпереселенцы были ограничены в гражданских правах. При вступлении в брак с вольными гражданами «спецпереселенцы не снимают с себя гражданских ограничений, точно так же как и вольные граждане, не лишаются своих прав».¹² В связи с тем, что «организация ОСОАВИА-ХИМ содействует военизации спецпереселенческой молодёжи», предлагалось пресечь это «самым решительным образом».¹³

Молодых спецпереселенцев не призывали в армию. В войну им разрешили воевать только с 1942 г. Вячеслав Агеев вспоминает: «Один спецпереселенец добровольно сбежал на фронт. В 1945 г. вернулся с войны с Золотой звездой Героя Советского Союза».¹⁴ Комендант его хотел сослать на Север за «самовольный побег». Завязался между ними спор, перешедший в драку. И комендант застрелил Героя! Мы все потом ненавидели коменданта».¹⁵

Ограничения в правах продолжались в 1960-е гг. Вячеслав Агеев вспоминает: «Брата послали на Кубу помогать строить одно из предприятий в рамках дружеской помощи Советского Союза республике Куба. Ему поставили условие «Поедешь, если напишешь заявление, что ты откажешься от родителей как спецпереселенцев». Отец сказал: «Напиши, сынок, ты же в душе

всё равно будешь с нами, ты же не бросишь нас под старость лет». И он написал и ездил на Кубу работать».¹⁶

Дети на Верхне-Островской ходили в школу. Вспоминает Александра Павловна Жмурко: «Школу открыли 5 октября 1933 г., в ней училось 1200 учеников. Учились в три смены. Были замечательные учителя. Да и школа была № 3.¹⁷ Мы любили свою школу. В ней прошло наше взросление».¹⁸

На Верхне-Островской был и очаг культуры – клуб. Бывший актёр Новокузнецкого драматического театра Евгений Васильевич Селягин вспоминает: «Привезли нас из Подмоскovie за то, что отец имел небольшую харчевню недалеко от дороги и проезжающие могли остановиться и покушать, а мать отказалась идти в колхоз. Ходил в школу № 3. А вот любовь к искусству мне привил Александр Александрович Сафонов, учитель рисования. Он ставил самодеятельные спектакли на сцене клуба. Он был талантливый режиссёр! Строили клуб, что называется народной стройкой. Лес с ДОЗа носили. Каждый по плахе, по досточке. Первым директором клуба был Михаил Петрович Красильников. Был хороший зрительный зал, танцевальный. Баянист на танцах был Вася Зубарев. В 1930-1940-е гг. это был очаг культуры. К нам привозили спектакли в наш драматический театр. На Новый год ставили крутящуюся ёлку. Это было большое достижение по тем временам».¹⁹ «А пацаны играли в футбол на местном стадионе с командой из Кузнецка. Страсти кипели не шуточные» – вспоминает Вячеслав Агеев.²⁰ Репрессии 1930-х гг. останутся в памяти людей как самая трагическая страница советской истории.

В Новокузнецке сохранились места пребывания спецпереселенцев. Прежде всего, это – Верхне-Островская площадка – как историко-краеведческий объект той поры. Ещё живы участники тех событий, их родственники. Необходимо увековечить для потомков этот период истории. Собрать и издать сборник воспоминаний участников «раскулачивания». Работа в этом направлении уже началась. Создать Книгу Памяти спецпереселенцев Сталинска.

В доме бывшей комендатуры хотелось бы открыть мемориальный музей «Спецпереселенцы Сталинска», как филиал Новокузнецкого краеведческого музея.

2009

Примечания:

¹ ГАРФ. Ф.9479.О.1. Д.3.Л.2-3. // Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931-начало 1933 г. С.35-36.

² ГАРФ. Ф.9479.О.1. Д.3. Л.66 Заверенная копия // Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931-начало 1933 г. с.48.

³ «плетнёвый» дом – углы дома укреплялись брёвнами, а стены составлялись из длинных ивовых прутьев, промазывались на несколько слоёв глиной (а первые дома кизяком), затем наружные и внутренние стены белили. В городе сохранились 2 дома, построенные таким способом (ул. Кирова, 21а и пр. Пионерский, 31).

⁴ ФЗУ – фабрично заводское училище – давало начальное профессиональное образование.

⁵ Личный архив В.С. Пилипенко. Краеведение. Папка 3 «Советский период 1920-1950». Раздел «Спецпереселенцы». Л.67.

⁶ Там же. Л.70.

⁷ Там же. Л.86.

⁸ Там же. Л.87.

⁹ Там же. Л.69.

¹⁰ Об организации продовольственного снабжения спецпереселенцев / Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931-начало 1933 г. 1994. С.49.

¹¹ Там же. С.50.

¹² О порядке заключения браков спецпереселенцев с лицами, не лишёнными гражданских прав / Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931-начало 1933 г. 1994. С.60.

¹³ О ликвидации ячеек ОСОВИАХИМа и МОПР в спецпосёлках/ Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931-начало 1933 г. 1994. С.87.

¹⁴ Во время войны 1941-1945 гг. только 5 спецпереселенцев были удостоены звания Героя Советского Союза.

¹⁵ Личный архив В.С. Пилипенко. Краеведение. Папка 3. «Советский период 1920-1950». Раздел «Спецпереселенцы». Л.91.

¹⁶ Там же. Л.91-92.

¹⁷ 1 школа была в Садгороде, 2 школа была на Верхней Колонии.

¹⁸ Личный архив В.С. Пилипенко. Краеведение. Папка 3 «Советский период 1920-1950». Раздел «Спецпереселенцы». Л.90.

¹⁹ Там же. ЛЛ.98-99.

²⁰ Там же. Л.92.

Откровения открытых душ

В Минусинском музее экскурсанты могли обратить внимание на два приметных экспоната. Это муляж крупного золотого самородка «Баранья голова» и кандалы, которые в царские времена носили каторжники.

Самородок, найденный в наших краях в 1898 г., до сих пор является одним из самых крупных за всю историю золотодобычи России. Он весил 31 кг 570 гр и по форме напоминал баранью голову – отсюда и его название.

Кандалы – не новинка для южно-енисейских мест. При строительстве, а потом и при работе железодельного завода на р. Большая Ирба, который был закрыт через десять лет работы из-за перепроизводства железа для Восточной Сибири, основной рабочей силой были каторжники, иногда до тысячи душ в летний сезон. Эти кандалы – не ирбинские. Они были найдены в одной из штолен в верховьях р. Чибижек. Как и знаменитый золотой самородок, упомянутый выше. Все это происходило в окрестностях небольшого поселения Ольховка, где в 1911 г. было открыто и собственное крупное месторождение золота. Так появился Ольховский прииск, затем рудник, который в пору бурного развития и расцвета (конец 1930-х гг.) был переименован в город Артёмовск в честь известного революционера Ф.А. Сергеева с политической кличкой Артём. Артёмовск до сих пор является единственным городом на территории нынешнего Курагинского района.

Вплоть до Отечественной войны пос. Ольховка и новообразованный г. Артёмовск власти использовали для исправительных целей. Сюда ссылали неблагонадёжных и считавшихся классово-враждебными «элементов». Особенно пополнился он населением в тридцатый год прошлого века, когда в Ольховку, где требовались рабочие руки, семьями привозили раскулаченных сельчан.

Первое время жильё строили в основном сами «новосёлы». Иногда начинали с землянок. А потом окружавшая тайга в достатке поставляла древесину и для деревянных домов. Руководство разраставшегося золотого рудника также активно строило жильё в дополнение к производственным объектам и сооружениям соцкультбыта. Росло число школ, магазинов и прочих общественных служб. Люди не просто обживали ещё недавно глухие и дикие места. Мало у кого была надежда вырваться из этих мест, охраняемых комендатурой, с регулярными проверками на месте. Появлялись и «добровольцы» – ссыльные из дальних северных и иных мест. Они тайно бежали, прослышав, что здесь принимают на работу без паспортов и прочих свидетельств о личности. Приезжали в Артёмовск – по направлению или переводом – специалисты рудного дела, выпускники техникумов и вузов, в т. ч. столичных. Они привозили сюда грамотных, образованных жён – учителей, медицинских работников, библиотекарей.

Артёмовская жизнь не обошла стороной и моих родственников. Среди кулаков, высланных сюда из моего родного с. Большой Телек, что возле Идры, оказался и старший брат моего отца Пётр Нестерович Шадрин, раскулаченный уже будучи колхозником. Тайно пробрался в Ольховку сосланный на дальний север наш родственник и сосед молодой Иван Шадрин. Он участвовал в Великой Отечественной войне. Об этом мне поведал его сын Николай Шадрин, актёр Курского драматического театра и известный писатель.

Началось с того, что года полтора назад я узнал о серии книг «Письма об Артёмовске», изданной в Москве: каждая из книг имеет более 300 страниц текста и дополнена множеством фотографий. Вскоре посчастливилось встретиться в нашем музее с организатором, составителем и редактором этого издания Владимиром Ивановичем Шульгой. И получить из его рук четвертую книгу, выпущенную в свет в 2007 г., с дарственной надписью. А пятую книгу, издания 2009 г., он

обещал и вскоре выслал мне из Москвы. В Минусинске оказалось немало бывших артёмовцев, знакомых с этими книгами и даже их авторов

Наш разговор с В.И. Шульгой был довольно кратким, но весьма содержательным. Последовавшая затем переписка более чётко высветила значимость работы. Владимир Иванович является физиком-теоретиком, штатным сотрудником Научно-исследовательского института ядерной физики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктором физико-математических наук. В 2009 г. ему присвоено почётное звание «Заслуженный научный сотрудник Московского университета». Он работал во многих научных лабораториях мира (только в Дании был 15 раз и провёл там, в общей сложности, около трёх лет). Книги об Артёмовске считает увлечением, отдыхом от основной работы и, главное, данью горячей любви и благодарности своей малой родине, школе, одноклассникам, землякам всех возрастов.

В пяти книгах представлена огромная переписка Владимира Ивановича с земляками. Письма принадлежат нескольким десяткам людей различных поколений, профессий и образованности, живущих в самых разных городах и посёлках нашей страны и даже за рубежом. Поставленная издателем задача – общими усилиями создать книгу воспоминаний об Артёмовске – вылилась, по существу, в краткое изложение истории целого государства. Об этом хорошо написала Г.Г. Шорохова (п. Краснокаменск) после прочтения третьей книги «Писем»: *«Эта книга – комочек истории нашего государства. Хотя события в ней происходят на сравнительно небольшой территории, а некоторые лишь вскользь упомянуты, в моём понимании это и есть настоящий учебник истории – подлинник, который невозможно переписать, оспорить»*.

Поистине это откровения открытых душ, где народная оценка прошлого предстаёт как подлинное исследование с глубокими выводами самих очевидцев и участников событий. Главным является то, что советская эпоха стала крутым переломом, переходом глухой в основе и во многом невежественной массы сельчан к цивилизованному образу жизни, разбуженному интеллекту. Это чрезвычайно характерно для мест типа Артёмовска – в прежние времена, очага сосредоточения репрессированных и обиженных властями людей. В этой обстановке особенно остро осознавалась необходимость перевоспитания, неизбежность перемен. В массе своей эти люди не хотели вначале мириться с ущемлённым положением образцовых хозяев или мозговитых, убеждённых в своих воззрениях лиц. Но необходимость обязывала одних подчиняться требованиям и самокритичному анализу, других заставляла искренне или подспудно, но трезво принимать действительность, относиться к ней уже с новыми взглядами и утверждавшимися привычками.

Из письма бывшей жительницы Артёмовска Р.Г. Исламовой: *«Отец с жалостью рассказывал о женщинах, что работали откатчицами на горных выработках (кон. 1930-х гг. – А.Ш.). Если работы открытые, идёт дождь, они мокрые, юбки к ногам липнут, снуют, как муравьи, туда-сюда со своими вагонетками, если смотреть сверху на дно карьера. Работали эти сосланные мужчины и женщины с каким-то остервенением, план всегда перевыполняли, ревностно следили за показателями соцсоревнования, расстраивались, если оказывались пусть даже на втором месте»*.

В Чебаковской школе на р. Июс, расположенной в двухэтажном особняке бывшего золотопромышленника Иваницкого, который и купил перед первой мировой войной Ольховское месторождение рудного золота, в основном были учителя с дореволюционным стажем. Литературу и русский язык нам преподавал бывший директор гимназии, выпускник Александровского (Царскосельского) лицея. Под их руководством на школьной сцене мы ставили даже «Бориса Годунова», где мне довелось – первый и, наверное, последний раз в жизни – исполнять роль царя. Из 36 учеников нашего класса врачами, учителями и работниками значимых предприятий и учреждений стали не менее трёх десятков человек. Среди них есть и дети из спецпоселения ссыльных кулаков Тургуюл, что находится вблизи посёлка золотоискателей Шипилинска.

Но была и такая движущая сила к самосовершенствованию, которую принесли с собой сами

ссылные сельчане. В нашей науке лишь в последние годы советской власти начали отдавать должное значению сельской крестьянской общины. Исследователи Сибирского отделения Академии наук показали, что образцом подлинной народной демократии до советского периода, что могло бы быть важным подспорьем во все времена в социальном совершенствовании людей, была крестьянская община и, прежде всего, сибирского образца. Остатки её влияния в селе довелось захватить и мне при разборках любых споров в сборне, сохранения общинного запаса зерна на случай засух или других бед. Взаимопомощь в строительстве новых домов (обычно для молодожёнов) не раз наблюдали мы, ребяташки. А такое условие, как избрание глав общины, – это вообще был высший образец демократии. Старосты переизбирались лишь на один год и непременно из других семейных родов. Вот бы нынче такое, да до самых верхов, без наследия властных мест и навязывания народу правителей всевозможными хитроумными, антидемократическими методами. Коллективизм, а не индивидуальное своекорыстие формировала общественный дух людей крестьянская община. Не то, что ныне, когда всё более утверждается на практике принцип «человек человеку волк».

Остатки вековых привычек сельской общины помогали преодолевать трудности и артемовцам, особенно в отношениях сблизившихся соседей или сослуживцев. Здесь подрастающее поколение прошло хорошую школу, как в её прямом смысле, так и в социальной переоценке своей роли на земле. Здесь выросли и воспитались Герой Советского Союза Александр Семирацкий, погибший на территории Польши за три месяца до Победы, Герой Социалистического Труда Ирина Прокопьевна Гусенцова. Многие из молодого поколения, потомков репрессированных поселенцев, обрели своими делами всенародную славу. Среди названных героев в книгах «Письма об Артемовске» назову нашего земляка Евгения Ивановича Сиротинина, который принимал участие в создании и испытаниях первых образцов атомного оружия, автора монографии «Московский университет и советский атомный проект (издание МГУ). Артеовец Иван Петрович Чучалин был ректором знаменитого Политехнического института в Томске, первым директором НИИ ядерной физики в том же городе.

Этот список дополняется упоминанием в книгах десятков других имён, прославивших себя в делах самых нужных профессий для общества. Они наравне с другими активными строителями социалистического общества проявили недюжинные знания, способность и энтузиазм, и довольны своим жизненным уделом.

Семья А.П. Василягиной (Смоленск) жила в Минусинском районе, была раскулачена в 1929 г., сослана вначале на заимку, а затем в Ольховку, где испытала огромные трудности (первые недели жили даже не в землянке, а в небольшой пещере, вырытой прямо в трёхметровом снегу). Анна Павловна Василягина окончила Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, кандидат наук, она пишет: *«Я коммунист с 1942 г., с армии. Мне 83 года. Много путешествовала. В 1949 г. была на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Будапеште. Помню, на каждой венгерской станции (подчеркиваю: на каждой!) наш поезд встречали толпы людей. Даже старики становились на колени, крестились, протягивали к нам детей... В это сейчас трудно поверить, но ведь это было! Так венгры, и не только они, встречали представителей великой державы, избавившей мир от фашистской чумы. Думаю, представляете, с каким настроением каждый из нас выходил на спортивную площадку... Жаль, что уже не дождусь радости возврата советской жизни...».*

В одном из писем сын расстрелянного в 1930 г. отца защищает «коммунистический режим»... Да, если честно разобраться, каждому из ранее ущемлённых классовым противостоянием и испытанным насилием сопоставить с тем, что принесла советская действительность прежде всего крестьянину, то вывод окажется однозначным: при социализме шёл процесс духовного возвышения и роста материального благополучия не какой-то малости избранных, а имел общена-

родный характер. Не то, что мы видим сейчас, когда кучка толстосумов купается в роскоши и излишествах, а за целое двадцатилетие рыночных реформ большинство рядового народа так и не продвинулось к обещанному качеству жизни.

Да, были и при Советах трагические пережёлты, как и при всякой социальной перетряске и борьбе. Но если чего больше всего сейчас жалеют бывшие артёмовцы, разъехавшиеся по всей России, так это нынешнее захирение своего поселения после закрытия основного производства. Они считают и пытаются доказать, что была возможность не останавливать отлаженное и одновременно человечески возвышающее дело в Артёмовске и в соседнем посёлке Чибижек. Сколько других, ещё более значимых мест впустило пострадало при нынешней переделке, при строе и времени разрух и невыполненных легковесных обещаний!

Пройдут года, многое сотрётся из людской памяти или будет извращено, что активно делается уже сейчас. Но хочется думать, что в ворохе источников научных доказательств не потеряются правдивые народные высказывания, что приведены на страницах книг «Письма об Артёмовске».

2010

Л.Н. Баяндин,
с. Белый Яр

История образования с. Кирово Алтайского (Минусинского) района

В июле 2008 г. отмечался 100-летний юбилей с. Кирово. В газете «Сельская правда» (с. Белый Яр, Хакасия) с начала года появилась рубрика «К 100-летию села Кирово», под которой регулярно печатались исторические статьи и воспоминания жителей о своём селе.

Сотрудники районного краеведческого музея собирали материалы из газет и литературы к предстоящему юбилею села. Тогда меня поразило обилие вариантов первоначального названия местности, в которой поселились первые переселенцы: улус Женаев, заимка Женаева (Дженаево), хутор Женаев, деревня Женаево (Жинаево), село Джинаево (Дженаево) и другие. Всего один раз встретилось название «Заимка Чугунекова» в заголовке статьи известного краеведа Е. Владимиров. В ней он рассказывает об истории с. Кирово: «Заимка Чугунекова была известна и как улус Женаев, видимо по имени князя Женая, за которым в 1795 г. значилась яшашная недоимка в сумме 184 рубля 30 копеек. Об этом упоминается в книге В.А. Ватина «Село Минусинское» изданной в 1914 г.»¹ В ней указывается также бывший князец Женай Байнов.²

В Межевом деле № 59 за 1858 г. по отводу земель для Алтайского форпоста станицы Суэтукской, находящемся в архиве г. Минусинска, есть Геометрический специальный план дачи Алтайского форпоста. Там есть такие слова «...внутри окружной межи состояли два улуса инородцев Койбальской степной Думы».³ По – видимому, это были улусы Женаев и Шардайков.

Краевед Е. Владимиров в своей статье ссылается на данные первой Всероссийской демографической переписи населения 1897 г., хранящейся в Государственном Историческом архиве СССР в Ленинграде. «Во время переписи населения на заимке находились 2 избы, принадлежащие пастухам-хакасам Чугунековым. На заимке проживали четверо мужчин и пять женщин. Все они числились по ведомству Аскизской степной думы. Заимка Чугунекова примечательна тем, что её посещал В.И. Ленин во время своего подневольного проживания в Шушенском».⁴

Материалов переписи населения 1897 г. нет в архивах Абакана и Минусинска. В научной библиотеке нашли два документа с материалами переписи этого года, но там отсутствовали сведения по населённым пунктам. Когда это выступление было почти готово, мне неожиданно в подшивке районной газеты за 1993 г. встретила ещё одна статья Е. Владимиров «В.И. Ленин

о Койбальской степи», написанной через 20 лет после первой. В ней он уже пишет: «В.И. Ленин совершал прогулки по восточной части Койбальской степи, в районе деревни Джинаево». ⁵ То есть существование заимки Чугунекова остаётся под вопросом.

В архивном деле «Документы о выделении земли казакам д. Алтайской» сохранилась копия приговора схода казачьего общества от 14 мая 1907 г., в котором сказано: «Установить в надел крестьянам участок земли по смежности с землей инородцев заимки Женаевой». ⁶

В 1908 г. образовали переселенческий участок «Джанаевский», и появились первые переселенцы с Полтавской области: семьи Коляда, Крицкие, Голота, Кужим и другие.

В своих воспоминаниях, опубликованных в районной газете, потомки этих семей писали: «До Красноярска ехали в железнодорожных товарных вагонах. Дорога была тяжёлой и мучительной, особенно для детей. В вагонах очень тесно, днём душно и жарко, а ночью невыносимый холод. Немало детей осталось похороненными вдоль Сибирской магистрали. С Красноярска плыли по Енисею на пароходе «Святой Николай», а с Минусинска до места поселения ехали на тряских телегах». ⁷

М.Я. Кужим вспоминает: «Царское правительство обещало всем, кто переселяется в Сибирь, по 200 руб. для обустройства на месте. Но Шушенский волостной голова Захлыстин выдал нам только по 20 руб. ...Я навсегда запомнил картину нашего прибытия на то место, где сейчас стоит с. Кирово. Голая степь, круто обрывающийся к шумной, мутной воде Енисея скалистый берег и две одинокие юрты на нём. Из юрт вышли их хозяева: два хакаса в национальной одежде и женщины, окружённые группой грязных, оборванных ребятишек. Мы смотрели на них, и до нашего сознания доходило, что и здесь не легче живётся бедному крестьянину». ⁸

Сначала переселенцы строили шалаши, потом копали землянки без пола, стен, с коптилками. Поднимется зимой ветер и не видно крыш. Утром откапывались как из нор. Но все же для поселенцев было несколько легче, ибо они приобрели свой маленький участок плодородной земли. Его обрабатывали вручную лопатами, пахали на коровах, а иногда впрягались в соху всей семьёй. ⁹

В первый год приезжали переселенцы, в основном, с Украины и селились вдоль берега Енисея на нижней улице. Она получили название «хохлацкой». В последующие годы стали приезжать переселенцы из центральной России и обосновались на верхней улице. Её назвали «Крамаренщина», а само поселение – деревня Джинаево. ¹⁰ В просторечье осталось название Женаево или Жинаево.

В 1909 г. приехала большая группа переселенцев. К отведённому участку была прирезана дополнительная земля. В 1910 г. в деревне построили молитвенный дом с самодельным крестом, сделанным местным кузнецом Данилом Кула и деревню переименовали в с. Ново-Вознесенка, в честь праздника Господнего Вознесения. Позже в селе появились лавочки торговцев Шейко Филиппа и Тышто Федосея. Ссылный Вареник учил детей грамоте на дому, богомаз Тимофей Литус делал из дерева ангелов. ¹¹

Основной проблемой для переселенцев оставался вопрос обеспечения их постоянными земельными наделами. Землемером А. Березиным даётся характеристика земельного участка: «Переселенцам земля отведена в двух почти равных по величине участков, из них один прилегает к р. Енисей, на берегу коего и расположены постройки; состоит из земли хорошего качества и весь почти разработан, солонцеватых и каменистых мест мало. Другой участок почти весь состоит из каменистой и солонцеватой земли, почти неудобной под пашню, водой не обеспечен, потому для заселения удобен. Эти участки соединены между собой особым прогоном». ¹²

28 марта 1910 г. в Енисейское губернское управление была направлена докладная Шушенского волостного управления: «...о командировке (срочной) землемера для устранения спорного куска земли от Шушенского общества, чтобы предотвратить возможные столкновения, которые уже

были в прошлом году из-за островов». Ответ губернского землемера был направлен 22 апреля, он был бюрократически слишком коротким: «По спискам Минусинского уезда Ново-Вознесенский переселенческий участок не значитя». ¹³

В мае 1910 г. Енисейскому губернатору от крестьянина с. Шушенское Зацепина А.Е. было послано письмо, в котором говорится: «В 1907 г. на левом берегу Енисея по соседству с нашей гранью был запроектирован переселенческий участок, который в 1909 г. заселён переселенцами, в настоящее время жители Джанаевского засёлка. Они самовольно занимают наши земли». Он просит разобраться в этом вопросе, потому что Шушенским крестьянам земли были выделены раньше и на законном основании.

В справке, составленной Межевым отделением Енисейского Губернского Управления от 2 июля, говорится: «С мая с.г. джанаевскими засельщиками были возбуждены телеграфные ходатайства перед Переселенческим Управлением и пред Иркутским Генерал-Губернатором на предмет ограждения их земельного надела от правонарушений со стороны старожилов с. Шушенского. Запрошенный по этому поводу Зав. Минусинской поземельно-устроительной партией ответил, что джанаевскими засельщиками были захвачены шушенские пашни, захват предотвращён и начаты работы по окончательному отграничению участков». ¹⁴

Переселенцы создали сельское общество, и основные земельные вопросы решали на сходах. 31 августа 1911 г. состоялся сельский сход, на котором из 250 домохозяев присутствовали 170, или более 2/3 лиц, имеющих право голоса. В общественном приговоре сказано: «Приступили к обсуждению вопроса о том, как устранить большие недоразумения и споры, которые постоянно возникают среди нас крестьян вследствие плохого порядка пользования земельными участками в нашем наделе и при ежегодном переделе посевов вследствие разбросанности податных угодий». В постановляющей части участники схода единогласно просят разделить им земельные наделы. Приговор схода подписали нововознесенский сельский староста Яков Кужим и писарь Яровенко. ¹⁵

В июне 1912 г. 16 крестьян д. Ново-Вознесенка написали прошение Заведывающему землеустроительной комиссии Енисейской губернии, в котором просят об ускорении постановления о разделе земельного надела на 1913 г., если не представится возможность в 1912 г. Подписи крестьян засвидетельствовал староста Я. Кужим и, по-видимому, им же сделана приписка. В ней говорится, что «Если нет возможности ускорить раздел земельного пласта, то дайте порядок нам, так как большинство нашего бедного круга страдает и несёт большие обиды в виду того, что богатый круг захватил все земельные удобные места». ¹⁶

9 июля Зав. переселением и землеустройством даёт ответ Зав. Южно-Минусинским подрайоном: «Прошу вас сообщить крестьянам д. Ново-Вознесенской Леонтию Хоменко, Трофиму Казинец и другим, ходатайствующим об ускорении внутринадельного размежевания участка, на основании приговора Вознесенского общества от 31 августа 1911 г. за № 26, что размежевание участка Джанаевского может быть начато не раньше 1913 г.». В 1912 г. был составлен типовой опросный листок под названием «Данные по подготовке дела по внутринадельному размежеванию надела Ново-Вознесенского сельского общества (Джанаевского участка) Шушенской волости Минусинского уезда». В нём приведены некоторые данные:

Год образования участка – 1908, дополнительно прирезан в 1909 г. Участок образован членами Минусинской землеустроительной партии. Всего в надел вошло 8 864,1 десятин, из которых 8 749,8 десятин удобной и 114,3 – неудобной земли. Участок разделен на 874 долей, в т.ч. 59 свободных. Душевое обеспечение землей принято в 10 десятин. Число домохозяев, имеющих право на землю – 277.

Свыше 50-ти хозяйств захватили от 12 до 30 десятин удобной для разработки земли. Из 277 домохозяев – 200 имеют размер пахотной земли недостаточный для ведения хозяйства.

В документе содержится подробное описание обводнения наружной воды, колодцев: «Открытая вода есть только на границы первого отруба, во втором отрубе воды совершенно нет. Грунтовая вода добыта путём бурения и то лишь в конце второго отруба». Заключение землеустроителя – желательны в целях успокоения населения произвести межевые работы в скорейшее время.¹⁷

В августе 1913 г. на сходе, собранном сельским старостой Мироном Пономаренко, обсуждались текущие вопросы. В принятом постановлении сельского схода записано: «В общем пользовании оставить водоисточники – колодцы, которые будут вырыты в 1-м отрубе по дороге от заимки Сидоровой в Алтай, по дороге на Солёное озеро и по Алтайской дороге влево; во 2-м отрубе у столба около Медведки и в ложке по дороге в Берёзову яму.

Под церковную усадьбу отвести 3 десятины посреди деревни и под школьную усадьбу не менее десятины около нынешнего молитвенного дома».¹⁸

Второй опросный листок составлен в конце 1913 г. В нём указывалось, что ежегодно на почве захвата участков земли происходит до 20-и столкновений. В 1912 г. в суде рассматривалось всего 2 тяжёлых дела, в 1913 г. – три.

Из-за волокиты с разделом земли обстановка в деревне накалялась. В то же время шла постоянная переписка между крестьянами и чиновниками. В августе 1913 г. направляется письмо Заведующему Южно-Минусинским подрайоном от зав. переселением и землеустройством: «Препровождая при сём прошение уполномоченных крестьян Ново-Вознесенского общества Платона Крамаренко и др. для приобщения его к делу, о размежевании п.у. Джанаевского, прошу Вас объяснить просителям, что приступить в текущем году к размежеванию участка возможно будет лишь в том случае, если порученная Вам подготовка будет закончена и кроме того не иначе, как за счёт мирских средств».

17 ноября 1913 г. комиссия проверяет соблюдение правильности и законности при проведении сельских сходов по разделу земли, нарушений не обнаружено. О чём и был составлен акт проверки приговоров схода.

28 февраля 1914 г. Ново-Вознесенскому сельскому старосте направляется письмо с грифом «Весьма срочное» от Зав. переселением и землеустройством Енисейской губернии: «Прошу немедленно объявить сходу, что согласно распоряжению Главного Управления Землеустройства и Земледелия, внутринадельное межевание участка Джанаевский казёнными землемерами ни в нынешнем году, ни в последующие годы производиться не будет. И если Ново-Вознесенское общество желает, чтобы размежевание состоялось, то такое возможно либо за счёт ссуды от казны, либо за счёт мирских средств, если таковые у общества имеются. Для этого обществу необходимо постановить не менее чем 2/3 голосов новый приговор по прилагаемому образцу. Приговор этот должен быть представлен на утверждение Зав. Южно-Минусинским подрайоном не позднее 15 марта с.г.»

При этом сообщается, что цена работы по размежеванию участка Джанаевский устанавливается в размере не менее 75 коп. за десятину, почему и испрашиваемая ссуда или ассигнованные мирские средства должны быть исчислены в размере 75 коп. х 8 985 дес. = 6 738 руб.»¹⁹

После того как сельское общество оформило ссуду, ускорились подготовительные работы по разделу земельного надела. Была составлена выкипировка границ п.у. Джанаевского. Заключён договор о внутринадельном размежевании земель. Но во время межевых работ продолжали поступать письма от крестьян, недовольных размерами наделов. 3 октября 1914 г. в главную землеустроительную комиссию обратился И.С. Шаповал с жалобой, что ему выделили землю не на всех детей. В ответе Зав. Южно-Минусинским подрайоном сказано: «По закону дети переселенцев, родившиеся в Сибири, землёй не наделяются».

В июле 1915 г. Зав. Южно-Минусинским подрайоном направлена информация, в которой говорится: «Участок Джанаевский образован на 875 долей. Приговором, от 7 сентября 1914 г. за

№ 32, составленным в Вашем присутствии, утверждён список домохозяев, подлежащих надделению земель, с исчислением 814 душ, водворённых к тому времени на участке Джанаевском. Ёмкость названного участка никогда сокращению не подвергалась и решение об оставлении свободными 58 долей в качестве запаса было правильным, в виду возможной разницы в определении количества неудобных земель при новой съёмке, а также на межники и проезды».²⁰ 15 сентября 1915 г. Зав. технической частью направил извещение от Зав. переселением и землеустройством: «Сообщаю, что предъявление населению выполненного в натуре проекта размежевания участка Джанаевского назначается на 23 сентября, прошу Вас распорядиться о созыве на означенное число сельского схода».

В этот день на сходе Ново-Вознесенского сельского общества состоялось размежевание участка «Джанаевский». Наделы распределяли путём бросания жребия, т.е. все переселенцы находились в равных условиях. В списке получивших землю домохозяев всего 317 человек. Земельный надел у каждого из них состоял из 2-х участков находящихся в отрубках № 1 и № 2.²¹

По данным переписи 1917 г. в д. Ново-Вознесенка (п.у. Джанаевский) насчитывалось 293 переселенческих хозяйств и 1745 жителей.²² Весть об Октябрьской революции Ново-Вознесенские крестьяне встретили с большой радостью. На сходе был избран сельский Совет, в который вошли Кужим М.Я., Шаповалов И.С., Шкицкий Ф., Кошляк С. и др. Совет сразу же взялся за разрешение основных вопросов – он делил кулацкие земли, оказывал помощь беднякам в семенах и тягле.

Продержались Советы в с. Ново-Вознесенка недолго. Белогвардейцы и казачество захватили власть в свои руки, члены Совета были арестованы. Жители села, недовольные новым порядком, принимали активное участие в изгнании белогвардейцев. Многие были в армии Кравченко и Щетинкина, в партизанских отрядах. В 1920 г. Советская власть в селе была восстановлена окончательно. Жизнь пошла мирно, каждый стал заниматься своим делом, в основном хлебопашеством.²³

По данным переписи 1926 г. в д. Ново-Вознесенка (Джинаево) числилось 428 хозяйств и 2 166 жителей. В 1920-х гг. в селе построили новую школу, работали шесть кузниц, небольшая маслобойка, мельница.²⁴ Ещё до начала коллективизации в д. Ново-Вознесенка организовали комитет крестьянской взаимопомощи, который возглавил Иван Ильич Голота. Он активно включился в организацию сельхозартели, в числе первых вступил в колхоз и вскоре был избран его председателем. Комитет передал колхозу молотилку, зерноочистительную машину.²⁵

Неутомимый организатор коллективной жизни Кузьма Герасимчук в 1929 г. организовал ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли), а затем в 1930 г. сельхозартель, которой присвоили имя Ленина.²⁶

Василий Кондратьевич Коляда вместе с Василием Антоновичем Мирютовым организовали ещё один колхоз. Они обошли семьи, и в колхоз записалось 80 человек. Первым председателем колхоза им. Будённого стал В.А. Мирютов.²⁷ В 1931 г. в селе уже было три колхоза, которые носили имена Ленина, Будённого и Молотова.

В феврале 1935 г. Минусинский исполком райсовета принял решение «О переименовании с. Ново-Вознесенка в с. Кирово». В апреле это решение утвердил Красноярский крайисполком и село получило новое имя в честь С.М. Кирова.²⁸

В 1936 г. в соседнем селе организовалась Алтайская МТС, колхозы стали обслуживать тракторные бригады. Качество обработки полей и уборки заметно улучшилось. Построили кирпичную добротную школу, а старую приспособили под избу-читальню. В годы Великой Отечественной войны многие ушли на фронт. Их заменили женщины, подростки, которые работали под девизом «Всё для фронта, всё для победы».²⁹

В январе 1944 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял решение об образовании Алтайского района за счёт разукрупнения Аскизского, Бейского, Усть-Абаканского и Минусинского

районов. Из 11-ти сельсоветов, вошедших в состав нового района, пять были из Минусинского района, в их числе самый большой по численности населения – Кировский сельсовет. С этого времени с. Кирово стало Алтайского района Хакасии.

2011

Примечания:

- ¹ Владимиров Е. Заимка Чугунекова, газета «Сельская правда» - 26.10.1972 г.
- ² Ватин В.А. Село Минусинское. Изд. г. Минусинск, 1914 г.
- ³ Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. 54. О.2. Д.36.
- ⁴ Владимиров Е. Заимка Чугунекова, газета «Сельская правда» - 26.10.1972 г.
- ⁵ Владимиров Е. В.И. Ленин о Койбальской степи. Там же - 06.04.1993 г.
- ⁶ АГМ. Ф.71. О.1. Д.109.
- ⁷ Ганжа И. Селу Кирово – 80 лет. Газета «Сельская правда» - 12.08.1989 г.
- ⁸ Кужим М. Любите потомки. Там же – 12.08.1966 г.
- ⁹ Коляда В.К. По заветам Великого Ленина. Там же – 11.06.1967 г.
- ¹⁰ Ганжа И. Селу Кирово – 80 лет. Газета «Сельская правда» - 12.08.1989 г.
- ¹¹ Хагоев Г. Счастье. Там же – 21.04.1961 г.; Ганжа И. Селу Кирово – 80 лет. Газета «Сельская правда» - 12.08.1989 г.
- ¹² АГМ. Ф.54. О.1. Д.328.
- ¹³ Там же. Ф.54. О.1. Д.393.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Ф.54. О.1. Д.328.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Данные Всероссийской переписи 1917 г., НАРХ, г. Абакан.
- ²³ Дементьев В. Ветеран, Там же – 24.03.1967 г.
- ²⁴ Ганжа И. Селу Кирово – 80 лет. Газета «Сельская правда» - 12.08.1989 г.
- ²⁵ Голота И.И. Жизнь – борьба. Там же – 06.11.1977 г.
- ²⁶ Усов Ф. На берегу Енисея. Там же – 07.11.1957 г.
- ²⁷ Коляда В.К. По заветам Великого Ленина. Там же – 11.06.1967 г.; Мирютов В. Наша народная власть. Там же – 06.09.1977 г.
- ²⁸ АГМ. Ф.Р-275. О.1. Д.347.
- ²⁹ Коляда В.К. «По заветам Великого Ленина», там же – 11.06.1967 г.

Т.М. Бернятцкая,
с. Краснотуранск

Страницы истории Абаканской МТС

В 1929 г. Советом труда и обороны было принято постановление о повсеместном создании машино-тракторных станций (МТС). На территории Абаканского (Краснотуранского) района в ноябре 1931 г. появилась первая МТС. Это было большим событием в жизни района. В Абаканскую МТС пришли первые колонны тракторов. Уже весной 1932 г. план сева был выполнен на 100%. Рост посевных площадей по кусту колхозов МТС был увеличен на 37%. К ноябрю 1932 г. в Абаканской МТС сложился колхозный актив, укрепились кадры, увеличился машинный парк: тракторов – 27, тракторных плугов – 27, дисковых борон – 8, «Зиг-заг» – 6, сноповязалок – 10, сложных молотилок – 18, триеров – 4, клетонов – 6, автомобилей – 3, дорожных машин – 3.

За год МТС подготовила 130 трактористов, 10 полеводов, 37 машинистов на сноповязалки, 20 машинистов на сложные молотилки, 10 бригадиров-трактористов, 3 разъездных механиков, 6 шоферов, 14 весовщиков и 17 инструкторов по агротехнике. Построен гараж на 11 машин, механическая мастерская, проведён ремонт местных дорог. С целью улучшения питания рабочих и служащих МТС была организована молочная ферма.

В 1933 г. на территории района действовали три МТС: Абаканская, Беллыкская и Моисеевская. В духе социалистического соревнования среди МТС шло постоянное соперничество. Абаканская МТС была предприятием, которое с первых дней своего появления стремилась занять

главенствующее место, забота о людях занимала не последнее место. Лучшие работники премировались за отличную работу, о чём свидетельствует небольшая заметка в районной газете «Социалистический путь» за 1931 г.: «...За отличную работу на весеннем севе премированы: бригадир тракторного отряда № 3 Абаканской МТС Алексей Нефёдов – шерстяным костюмом, бригадир тракторного отряда № 6 Иван Бабич – шерстяным костюмом, помощник бригадира тов. Малышев – сапогами и пальто, тракторист Гавриил Федоренко – 60 руб., трактористы Яков Якушев, Сергей Чумак, Михаил Полинцев – по 30 руб.».

Рабочие и служащие Абаканской машинно-тракторной станции занимали активную жизненную позицию, живо откликались на многочисленные призывы. Ко Дню Красной Армии отчислили на оборону страны свой двухдневный заработок и призвали других последовать их примеру.

На призыв механизаторов Лозовской МТС Украины трактористы Абаканской МТС обязались использовать каждый трактор не менее 22 часов в сутки, вырастить на каждом гектаре: пшеницы – по 8 ц, овса – по 8 ц. Пшеницу посеять за 12 дней, весь сев провести за 25 дней.

Краснотуранцы участвовали в реализации государственных займов, «приветствуя Заём четвертого года пятилетки, работники Абаканской МТС, зная, что их трудовые средства пойдут на укрепление оборонной мощи страны, внесли по подписке половину своего оклада».

В 1933 г. в Абаканской МТС за зиму курсы трактористов окончили 106 человек. В 1934 г. Абаканская МТС обслуживала 12 колхозов: «Путь к социализму» (Б-Хабук), «Новый быт» (Белоярск), «Максим Горький» (Белоярск), «Красный сеятель» (Н-Свинина), «Заветы Ильича» (Ст. Свинина), «Спартак» (Н-Свинина), «Заря коммунизма» (Сыда), «Красный партизан» (Сыда), «Логовое» (Сыда), «Передовое» (Уза), «Им. Будённого» (Кортуз), «Им. 2-й пятилетки» (Кортуз).

В январе 1936 г. в районе началось стахановское движение за высокую производительность труда на основе передовой техники. В Абаканской МТС первыми стахановцами стали слесарь А.Н. Десницкий, выполняющий сменную норму на 141%, кузнец Д.И. Лаврентьев – на 149% и Кузьма Андреев – на 118%, токари А.Г. Торгашин – на 121, П.Ф. Анохин, молотобойцы С.Е. Агиненко – на 144% и Фёдор Голик – на 132%.

Делегатами на 10-й районный чрезвычайный съезд Советов в г. Красноярске были избраны трактористка Абаканской МТС Ксения Пеняева, комбайнёр Василий Нестеренко. Кандидатами в депутаты сельского Совета краснотуранцы выдвигали самых достойных. В краевой Совет был рекомендован Фёдор Петрович Нестеренко.

1 августа 1939 г. в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка – ВСХВ. В ней участвовали Абаканская МТС и 13 колхозов Краснотуранского района. Среди лучших работников сельского хозяйства Краснотуранского района были трактористы Абаканской МТС Клименков Константин Корнеевич, Чекан Иван Михайлович; комбайнеры Карпенко Пётр Петрович, Цура Григорий Николаевич, трактористка Богданова Прасковья Зиновьевна, бригадир Нестеренко Фёдор Петрович, старший агроном Данковцев Александр Зиновьевич и директор Лунин Михаил Алексеевич.

На конец мая 1941 г. Абаканская МТС провела сев за 14 календарных дней. 80% зерновых культур посеяно по парам и зяби, внедрён шахматный сев, внесены в почву удобрения, проведён ряд других агротехнических мероприятий.

Начало Великой Отечественной войны внесло свои коррективы в задачи и планы работы МТС. Коллектив проводил на фронт четырёх товарищей. Оставшиеся решили трудиться за них. В первый же день слесарь А.И. Башун перевыполнил норму в три раза, токарь Михаил Иванович Осипов – на 220%, слесарь Захар Антонович Бортницкий – на 250.

Второй военный год Абаканская МТС начала с того, что 11 февраля 1942 г. выполнила годового план ремонта тракторов. На восстановлении этой техники отличились Людвиковский, Елисеев, Уколов, Петров, Федоренко, Расташёнов, Торгашин, токари – Осипов и Ливановский, слесарь Бортницкий, а также молодые женщины и девушки. Лучшими трактористами в районе считались

Анна Зиновьевна Богданова, Фёкла Яковлевна Ковригина, Татьяна Ивановна Миронова, Меланья Фёдоровна Корниенко, Зинаида Гуркова, Анастасия Митрофановна Лахина, Екатерина Ивановна Чушнякова.

За 1947-48 гг. из 33 сводок о ходе работ с участием Абаканской МТС в 32 случаях МТС занимала первую строку сводки, в одном случае вторую строку сводки. Быть первой среди равных, так работала Абаканская машинно-тракторная станция. Бригада № 3, где бригадиром Богдашкин В.Т., выработала за период сева на каждый 15-сильный трактор более 400 га, выполнив годовой план на 88 процентов. Соревнующаяся с ним бригада Наразина К.М. сделала по 370 га на трактор, а бригада Дубинина В.П. – 375 гектаров. МТС выполнила договоры с колхозами по всем видам работ на 131%. В МТС не было такой тракторной бригады, которая не выполнила бы своего задания на весеннем севе, а из 154 трактористов выполнили и перевыполнили норму 148 человек.

В 1948 г. план тракторных работ выполнили на 112%. Сделали в среднем на каждый 15-сильный трактор в переводе на мягкую пахоту по 558 га при плане 495 га. Средняя выработка на комбайн составляет по 272 га. План натуроплаты выполнили на 106%. Себестоимость тракторных работ стала ниже плановой на 5 руб. 27 коп.

В соревновании среди тракторных бригад первенство завоевала бригада Наразина К.М., сделавшая на каждый 15-сильный трактор по 779 га мягкой пахоты и сэкономившая 55 ц горючего. Высокую выработку дали бригады Букина Г.И., Шахматова Н.П. и др. Отличных показателей на уборке добились комбайновые агрегаты Шамрай И.И., Клименко Ф.К., Торгашина М.Н.

В четвёртой пятилетке за получение богатых урожаев зерновых культур и высокопроизводительную работу в животноводстве Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот» трём работникам:

Лукьянову Алексею Ивановичу – старшему агроному Абаканской МТС, Краснотуранского района, получившему в обслуживаемых колхозах урожаи пшеницы 22,63 ц с га на площади 608,5 га.

Семёнову Петру Павловичу – депутату Красноярского краевого Совета, директору Абаканской МТС, Краснотуранского района, получившему в обслуживаемых районах колхозах урожай пшеницы 25,9 ц с га на площади 618,4 га;

Торгашину Михаилу Никитичу – старшему механику Абаканской МТС Краснотуранского района, получившему в обслуживаемых колхозах урожай пшеницы 22,63 ц с га на площади 608,5 га;

Соревнуясь за досрочное выполнение послевоенного пятилетнего плана, труженики района напряженно трудились на уборке урожая и сдаче хлеба государству. Среди передовиков бригады тракторных бригад Абаканской МТС были С.Т. Покатилов, В.Т. Богдашкин, К.М. Наразин.

По итогам работы 1947 г. многие были награждены орденами и медалями – орденом Трудового Красного Знамени – 3 человека; орденом Ленина – 1 человек; орденом Трудового Красного Знамени – 3 человека; медалью «За трудовую доблесть» – 1 человек; медалью «За трудовое отличие» – 4 человека; большой серебряной медалью ВСХВ 1957 г. – 2 человека.

В кон. 1950-х гг. МТС были преобразованы сначала в РТС (ремонтно-тракторные станции), а в дальнейшем в отделение «Сельхозтехника», которое существовало в Краснотуранском районе до 1990-х гг.

2011

Литература:

1. Степанов И.С. История Краснотуранского района. – Фонд Краснотуранского музея.
2. Газета «Вперед к социализму». 1932. 27 ноября.
3. Газета «Социалистический путь». 1946. 1 января.
4. Газета «Социалистический путь». 1948. 1 июля.
5. Сводки о ходе сельхозработ //Газета «Социалистический путь» 1947, 1948, 1951, 1952 гг.

А. Болотников,
с. Тесь, Минусинский р-он

Минусинск на популярных ресурсах интернета или интернет в Минусинске

Феномен Мартьяновских чтений говорит о том, что нам не чуждо стремление узнавать о любимом городе всё больше. Тем более в эпоху, когда на помощь традиционным формам информеров подключился интернет. Использовать его – это значит подписаться одновременно на сотни тысяч изданий на всех языках мира, слушать аудиодиски и смотреть видеоролики на невероятно разнообразные темы и сюжеты, знакомиться и общаться с людьми планеты, и при этом продвигать свою личность на его ресурсы, как самостоятельный бренд.

На каких же популярных интернет-ресурсах информация о г. Минусинске доступна пользователю? Прежде всего, письма без конвертов – электронная почта. Письмо идёт с невероятной скоростью и пребывает в пути от нескольких мгновений до 5-10 мин. Количество доставляемой информации измеряется не весом почтового конверта, но объёмом содержания. И это обеспечивает пользователю уникальный сервис, значительное сокращение расходов и времени. В письмо можно вложить файлы различного формата (фото, рисунки, слайды рукописей, скриншоты сайтов и т.п.). Насколько массово минусинцы пользуются этим ресурсом, определить не берусь – эта цифра изменяется каждую секунду.

Не меньшей популярностью на ресурсах интернета пользуются т.н. социальные сети: порталы для знакомства, общения, коммуникации, обмена информацией, рекламы. Порталов, сайтов, форумов, галерей, блогов минусинских вебмастеров нельзя уже пересчитать по пальцам.

Что касается блогов о городе и на сопряжённые темы, то можно сказать, что блогов много, но блогеры «растекаются мыслью по древу». Другими словами – блогосфера в Минусинске ожидает своего бума.

Среди первых сайтов – официальные. Например, «Официальный сайт муниципального образования город Минусинск», содержащий страницы и рубрики: О городе, Глава города, Администрация, Городской совет, Муниципальные финансы, Экономика, Муниципальные услуги, Муниципальное имущество, Социальная сфера, Кадровая политика, Отдел правовой работы, Безопасность территории, Анонсы городских мероприятий, Новости, Объявления, Выборы, Фотогалерея, Управляющие организации, Переселение граждан из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей Красноярского края, Народный бюджет, Работа с обращениями граждан Официальный портал Красноярского края, Отдел МВД РФ «Минусинский», Отдел здравоохранения, Отдел по реализации молодёжных программ, Общественная палата Минусинска (рейтинг 575 500, PR 3, ТИЦ 70).

Сайт «Администрация Минусинского района», содержащий страницы и рубрики: Главная, Минусинский район, Сельские поселения, Новости, Структура самоуправления, Муниципальная служба, Правовые основы, Муниципальный и финансовый контроль, Актуальная информация, Финансы, Экономика и бизнес, Социальная сфера, Защита от чрезвычайных ситуаций, Связь с общественностью, Архитектура, Ответы на вопросы, Полезные ссылки, Фотогалерея. Нормативные документы, Управление муниципальным имуществом, ЖКХ (рейтинг 690 000 PR 3, ТИЦ 10).

К официальным можно отнести немало других ресурсов, например, портал по поддержке малого и среднего предпринимательства Красноярского края, сайт «Правосудие» (Минусинский городской суд Красноярского края), сайт компании Kristelekom в Минусинске, сайт компании «ИКС-Минусинск», «Молодёжь Минусинска» (Минусинский молодёжный сайт),

учреждённый в 2010 г. Отделом по реализации молодёжных программ г. Минусинска и МБУ Молодёжный центр «Защитник».

Коммерческим можно назвать Бизнес-портал Минусинска – Minusin.ru, со страницами: Торговля, Услуги, Промышленность, Общество, Отдых и туризм и рубриками: Новости Минусинска, Новости бизнеса (25) (в скобках количество статей), Минусинск сегодня (117), Отдых и туризм (20), Транспорт (26), Образование и технологии (15), Политика и общество (30), Происшествия и безопасность (78). Спорт (49), Объявления в Минусинске. Это часть проекта «Интернет-Столица», в котором запущено более 360 порталов российских городов, а также стран СНГ и зарубежья.

Очевидно, порталы, сайты, форумы и блоги – в своих избранных нишах – Минусинск рассматривают как один из брендовых символов, т.е. привлекательную тему для размещения на ресурсе. Таковы, например порталы Википедия (со страницей Минусинск), SMB24.ru, сайты агентств недвижимости, например, «Дом на юге» (недвижимость юга Красноярского края), сайт ГЕО-кешинг «О музее» (ГЕО-туризм – Ваш открытый мир). Здесь страница «Минусинский музей им Н.М. Мартыанова», сайт информеров погоды в Минусинске, сайт карт «Соседи» (Минусинский район), сайт «Территория», избравший нишу краткого информирования общими сведениями по городам и районам Красноярского края, в т.ч. по г. Минусинск, сайт компании «Медведь-холдинг» в Минусинске, сайт компании «София-тур» в Минусинске, сайт «Народная энциклопедия «Мой Красноярск» со страницей «Минусинск, Музеи России (Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова)», сайт «По Сибири» со страницей «Минусинский район»...

Ресурсы социальных сетей используются минусинскими пользователями особенно охотно и полнокровно. Например, группа «Минусинские друзья» на портале «Одноклассники.ру», созданная Владимиром Бабинком 25.04.2008 г. собрала 6600 одноклассников. Автор сформулировал идею группы так: «Для тех, кто с Минусинска... И тех, кто любит хорошо и весело проводить время... а также для Золотой молодёжи нашего родного города!!!!!!» Здесь создано 126 тем и 65 альбомов. Темы пронизаны многочисленными идеями, неприятным контентом и комментариями.

Группа «Наш Минусинск» создана для общения между минусинскими детьми, выросшими вместе, а потом разлетевшимися по всему свету (создана 19.05.2008 г., объединяет 1 515 участников), открыла 42 темы, 21 альбом. Новостей опубликовано лишь 5, а ссылок нет вовсе.

Ещё для примера: «Минусинская средняя школа № 12», (автор Сергей Доценко, 203 участника создана 17.02.2009 г.) «Минусинск. Школа № 6» (автор Викуська Воробьёва, создана 27.08.2010 г.), «Мы из КПУ Минусинска» с подзаголовком «Для бывших студентов Культурно-просветительного училища и преподавателей». Создана для общения, воспоминаний 06.12.2008 г., без автора), «Памяти ЗТР по дзюдо В.П. Щедрухина – «Мы помним». В память о недавно покинувшем нас великом тренере, любимом друге и отце Владимире Павловиче Щедрухине! Группа создана 29.06.2010 г., 322 участника, администратор Машуля@Лендел-Щедрухина@). Группа «д. Малая Иня» (автор Екатерина Шубина, 14.12.2009 г., 48 участников).

Если в поисковике на портале «ВКонтакте» набрать поисковый запрос «Минусинск», то откроется более десятка регистраций. В их числе «Отдел по делам молодёжи. г. Минусинск», «ИКС Минусинск», «ККСО Минусинск» (Красноярский краевой студенческий отряд), «Сопrotивление Минусинск», с призывами на логотипе «Будь сильным! Борись! Побеждай!» и другие (с рекламной услугой – парикмахерская, наращивание ногтей).

Есть ещё следующие сервисы: в области православного вещания – сайт «Минусинское благочиние»; в области спорта – сайт спорткомплекса «Спорт-мастер» «Войди в мир спорта»; СМИ Минусинска и Минусинского района – представлены сайтами действующих газет «Власть труда», «Народная» (рекламно-информационная газета).

Из наиболее популярных сайтов, безусловно, можно называть ресурсы для знакомства. Это

сайты и минусинских Web-мастеров, но подавляющее число ресурсов – внешние, со страницами для минусинцев. Развивается коммуникационно-развлекательный портал «полуОфициальный форум г. Минусинска» с рейтингом 121 900 ТИЦ 10 PR 2. Объединяет 637 пользователей. Рубрики: Форум, Игры, Сервисы, Галерея, Пользователи, Файловый архив. Форум имеет подразделы. Флудильня: 3676 сообщений, 139 тем. Обсуждение новостей: 382 сообщений 10 тем. Фильмы: 687 сообщений, 4 темы. Спорт: 214 сообщений, 12 тем. Музыка, Компьютеры и софт, Про То и ЭТО, Видео, Автомобили, Объявления. На портале имеются свои статистики, например, «Лучшие сообщения недели». В разделе Статистика форума (на 22.11.2011 г.) 8320 сообщений, 445 тем от 627 Пользователей.

«Помидоринск.ру» – информационно-развлекательный канал г. Минусинска. Рейтинг около 470 000, ТИЦ 10, PR 0. В его меню страницы Новости, Форум, Галерея, Афиша, Объявления, Игры. Например, на Форуме могут обсуждаться, по предложению Web-мастера, такие темы: обсуждение культурной жизни, кино, праздники, концерты, гастроли, мероприятия, отзывы и комментарии. Мнения о местах отдыха, городах и странах, рассказы о поездках и путешествиях, вопросы к турфирмам и другие.

Сайты от минусинских Web-мастеров представлены нишами:

1. Предпринимательство и бизнес (недвижимость, услуги, продажи);
2. Информация и информационные услуги (административные сведения, СМИ, суд, образование);
3. Информационно-развлекательные сервисы (сайты, форумы, порталы, блоги, социальные сети, сайты знакомств. Качество сервисов – от очень слабых до продвинутых. Нет ресурсов безупречных по юзабилити.

Интернет-ниши на минусинских ресурсах представлены, на мой взгляд, достаточно полно. Низкокачественным могу назвать контентное наполнение имеющихся сервисов. Нет сайтов из ниш искусство, литература, краеведение, музыка, удовлетворяющих духовные запросы.

Например, пожилое население интересуется темами здоровья, пенсионного обеспечения, социальной поддержки, краеведения. Средний возраст ищет работу и приработок, объединяется в группы по интересам. Молодёжь ищет общение, развлечения, новые знакомства. Всё сообщество проводит в соц. сетях и на других ресурсах по много часов в сутки, отыскивая ответы на самые прагматичные вопросы (низкочастотные запросы). Например, «как устроить ребёнка в детсад», «где купить дешёвые вещи», «как открыть своё дело без вложений», и т.п. Очень слабо развиты сервисы on-line банкинга (управление банковскими счетами), платёжных систем (Яндекс-деньги, Вебмани, Robokassa и др.), местных объявлений. Практически нет обучения через систему вебинаров (on-line семинар).

Каталог некоторых, наиболее популярных сайтов с минусинской тематикой¹

Ресурс	Название или домен	Кол-во посетителей	Рейтинг	ТИЦ/PR
Сайт городской администрации	«Официальный сайт муниципального образования город Минусинск»		575 500	70/3
Сайт районной администрации	«Администрация Минусинского района»		690 000	10/3
Форум	«полуОфициальный форум г. Минусинска		121 900	10/2
Информационно-развлекательный ресурс Минусинска	Помидоринск.ру		470 000	10/0
Сайт общественно-политической газеты Газета «Власть труда»			414 360	20/2
Знакомства	Крутомер.ру	694 666		

Сайт знакомств	MyLove	1 734 777		
Сайт знакомства	Znakomstvo-2011.com		25 100	
Сайт знакомства	Kiss.su рейт анкет	анкет 5 472 574	202 240	
Сайт знакомства	Mylove.ru znakomstva/minusinsk.		1 500-16 00	2100/3
Садо Мазо знакомства	dating.bdsmlife.ru		123 312	

Примечания:

¹ ТИЦ – Тематический индекс цитирования - технология поисковой машины «Яндекс», заключающаяся в определении авторитетности интернет-ресурсов с учётом качественной характеристики - ссылок на них с других сайтов. Изменяется от единицы и выше.

PR - Связи с общественностью, практика управления потоком информации между организацией и общественностью. Изменяется от 1 до 10.

Рейтинг - Тематический рейтинг посещаемости сайтов с подробной статистикой.

Т.Е. Верещагина,
г. Туран, Тыва

Туранский храм Св. Иннокентия и его первый священник В. Юневич (К 100-летию первого православного храма в Тыве)

Освоение Урянхайского края русскими началось в перв. пол. XIX в. Более активным оно стало в его второй половине, когда здесь появились первые русские торговые фактории, заимки, а затем и целые посёлки.

Пионером этого освоения стал пос. Туранский, или просто Туран, находящийся на севере Урянхая, в его пограничной зоне. Годом его основания считается 1885 г. Вскоре выросли и другие русские поселения – Уюк, Сейба, Джакуль, Азют, Сушь, Тарлаг и др. Общее число русских переселенцев в первом десятилетии XX столетия достигает 5,5 тыс. человек.

В 1908 г. в Туране была построена и открыта первая в Урянхае школа для детей. Весной 1909 г. на общем сходе туранцы под руководством усинского пограничного начальника Александра Христофоровича Чакирова принимают решение строить православный храм, т. к. построенная в 1901 г. православная часовенка имела весьма жалкий вид и выглядела «беднее избы самого простого бедняка-туранца: и служба там проводилась разъездным священником крайне редко».

В декабре 1909 г. в Минусинск для сбора пожертвований на строительство храма отправились крестьяне Дмитрий Петеримов и Галактионов.

О необходимости создания в первом, самом большом русском посёлке, хотя б небольшого храма, пишет в своём рапорте Енисейскому генерал-губернатору Усинский пограничный начальник, где он также предлагает назначить в приграничный посёлок священника на постоянной основе.

И «глас, вопиющих в пустыне», был услышан – 20 мая 1910 г. Енисейской консисторией была выдана храмовая грамота за № 1886 на строительство церкви в Туране. Был заключён договор. От имени заказчика выступал Усинский пограничный начальник А. Чакиров, а подрядчиком – курский мещанин Семён Ширяев.

16 июня 1910 г. произошло торжественное освящение места закладки храма Господня, которому дали имя защитника сибирской земли – Святителя Иннокентия Иркутского.

К осени 1911 г. была готова основная часть храма, и 9 ноября его осветили. В качестве временного священнослужителя направили разъездного священника Иоанна Самуилова, но он вскоре покинул это беспокойное место.

Заниматься достройкой туранского храма и исполнением всех церковных обязанностей было суждено Владимиру Андреевичу Юневичу, отцу Владимиру, направленному в Туран Енисейской

консistorией приказом от 29 мая 1913 г. В Сибирь о. Владимир был направлен решением Синода от 31 января 1913 г., после того как закончил в Москве Пастырские курсы и был рукоположен Преосвященным о. Анастасием в Даниловом монастыре.

До учёбы в Москве, семья Юневичей жила в Белоруссии, в с. Григоровичи, где Владимир Андреевич служил псаломщиком в местной церкви и преподавал в школе. В это время у него уже была большая семья – супруга Елисавета Николаевна и пятеро детей – Николай, Иван, Борис, Зинаида и Наталья. Позднее, в Туране, родится ещё один сын – Александр.

Это ли не духовный подвиг, имея такую большую семью, найти в себе силы учиться, а потом, следуя велению Синода, отправиться в край, о котором мало кто знал, край, который только-только должен был войти в состав России, и возглавить самый отдалённый приход, где всё нужно было начинать с нуля. Это мог сделать только очень решительный и смелый человек.

Под стать была и супруга, решившаяся последовать за мужем в такую глухомань. В то время дорога от Минусинска в Урянхай только строилась, ездили выючной тропой или на плотах по Енисею. Это тоже был огромный риск, своего рода подвиг. В течение всех 14 лет, что семья прожила в Туране, Елисавета Николаевна была верной помощницей своему мужу во всех делах.

Отец Владимир, человек очень тонкий, глубоко любил и понимал церковное пение. Он хотел, чтобы каждая служба превращалась в праздник души, поэтому много времени уделял тому, чтобы научить прихожан петь в общем церковном хоре. Вначале ему помогал псаломщик Тимофей Дегодий, а затем, после отъезда его в армию, на помощь пришла Елисавета Николаевна, прекрасно руководившая хором, состоящим почти из сорока человек.

Старшие мальчики тоже помогали отцу. Их детскими почерками составлены экзаменационные вопросы для школьных испытаний, о. Владимир был законоучителем в туранской и уюкской школах. И, по всей видимости, преподавал ещё русскую грамматику, сохранились конспекты по этому предмету. В воскресные дни устраивал чтения для родителей своих учеников, где кроме нравственных проповедей, взрослым людям давали уроки истории и географии. Для этой цели о. Владимир привлекал местную интеллигенцию – учителей школы и фельдшера.

Через два года после приезда в Туран о. Владимир загорелся идеей открытия в русских посёлках Урянхайского края библиотек-читален. В Туране и Уюке были арендованы комнаты в деревенских домах, началось их обустройство. На это нужны были деньги. По всему краю разослали подписные листы, написали письма в Красноярск и Минусинск, а также в Москву и Санкт-Петербург.

На собранные деньги Юневич заказал в Одессу, из магазина Фесенко, портреты царствующих особ и наследника, писанные маслом, а также земледельческие таблицы – это должно было придать библиотекам соответствующий вид. В Минусинске, Томске и Петербурге выписали самые разные газеты и журналы, в т. ч. специальные издания для детей и женщин.

При туранской читальне был организован любительский театр, который возглавил, испросив разрешения у вышестоящего начальства, тоже о. Владимир.

В это же время он руководил достройкой храма, а в 1915 г. и его ремонтом – из-за небросовестности строителей и техников переселенческого управления стала расходиться стена в верхнем этаже колокольни и грозила своим падением. Юневичу срочно пришлось искать деньги, чтобы произвести сжим стены и не допустить катастрофы. Кроме того, ему было поручено строительство моста через р. Уюк по дороге на Баян-Кол и Оин-Шиву. Сама церковь в Туране тоже требовала забот, т. к. внутреннее её убранство было более, чем скудно. Юневичу потребовалось немало усилий, чтобы найти средства и заказать в лучших церковных мастерских всю необходимую утварь, и храм, действительно, стал храмом.

Самой главной заботой священника были его непосредственные обязанности – ведение службы в церкви и свершение всех треб и таинств с паствой, разбросанной на сотни вёрст огромного при-

хода, где не было никаких дорог и никакого транспорта, кроме лошади, рыбацкой лодки и плота.

В своих записках «Церковная жизнь в Урянхайском крае», которые печатались в неофициальном отделе «Енисейских Епархиальных ведомостей», о. Владимир с усмешкой отмечал, что живя в России, он себе и представить не мог священника, сидящего верхом на лошади. «Здесь же, в Урянхае, пришлось самому за полтора года проехать верхом полторы тысячи вёрст, и чувствовать себя в седле, как за столом в кабинете». Это только верхом он проехал полторы тысячи, в два раза больше на телеге, в лодке, на плоту, а то и просто пешком! «Условия разъездов здесь совершенно особые, крайне тяжёлые и местами опасные для жизни» – отмечает в записках Юневич.

Но тяжесть труда оплачивается уважением и любовью людей. Сохранилось Благодарственное письмо жителей пос. Уюк: *«Многоуважаемому отцу Владимиру. Сердечно Вас благодарим за Ваши сердечные чувства к нам, уюкским жителям. Приносим Вам Великую благодарность и просим Вас от Господа Бога нашего здоровья Вам на многие лета Вашей жизни за Ваши выписанные для нас газеты «Русское чтение», в которых мы видим и читаем о тяжёлом времени империалистической войны. Когда получим и читаем газеты, всегда вас вспоминаем и благодарим».*

У Юневича были большие планы – затевалось строительство настоящей библиотеки, в которой предусматривалась сцена для постановки театральных спектаклей.

Революция и гражданская война не позволили этим планам реализоваться, теперь очень много времени туранскому священнику приходилось тратить на отстаивание своих взглядов, своих позиций перед новой властью, перед молодёжью, комсомольцами, которые вели активную антирелигиозную работу, как в Туране, так и в посёлках Усинского – Урянхайского округа, Благочинным над церквями которого отец Владимир Юневич был назначен, вероятно, в 1923 г. Исполнял это назначение вплоть до 1927 г., до своей высылки из Тувы.

Его заставили покинуть Туву после двухмесячной отсидки в кызыльской тюрьме, куда о. Владимир попал после ожесточённого диспута с лидерами «Союза безбожников», где сказал о том, что христианство существует уже более 2 тыс. лет, и что бы ни делали его противники, оно будет жить вечно.

Умный, эрудированный священник, который не боялся вступать в полемику с представителями новой власти, был опасен, и от него постарались избавиться.

Последние десять лет его жизни были наполнены не просто трудными, доходящими до трагизма, жизненными обстоятельствами, но иногда и просто борьбой за выживание.

После двух лет священничества в Минусинской епархии, он был арестован и заключён сначала в минусинскую тюрьму, затем в лагеря Артёмовска и Кузнецкстроя.

В 1932 г. после освобождения, недолго пробыл в качестве протоиерея при Минусинском обновленческом соборе, а затем вновь существование без каких-либо прав – не было ни дома, ни работы, ни каких-либо гражданских прав.

Тем не менее, он усиленно работает над собой - изучает популярный в те годы язык эсперанто, пишет учебник, пытается заняться преподавательской деятельностью – но все двери для него закрыты наглухо. Поздней осенью 1937 г. наступает развязка – Юневича вновь арестовали.

В анкете по его делу написали, что он проживал в Минусинске без определённых занятий и обвинён в участии в повстанческой контрреволюционной организации.

Арестовали Владимира Андреевича 16 ноября, 8 декабря постановлением тройки УНКВД Красноярского края он был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. 12 декабря 1937 г. приговор был приведён в исполнение.

Такая же участь, несколько позднее, в 1938 г. постигла двух младших сыновей Юневича - Бориса и Александра, расстрелянных в Красноярске (один) и в Новосибирске (другой). Все трое были посмертно реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Свою не очень длинную жизнь, всего 58 лет, сам о. Владимир поделил на несколько периодов,

и самый главный из них – туранский. В «Краткой семейной хронике», которую он начал вести в 1928 г., и перед арестом отправил своему старшему сыну Николаю, в графе «главнейшие события жизни» указаны следующие:

1. 13 июня 1913 г. приехали в Туран.;
2. 11 декабря 1921 г. – взрыв в доме в Туране, во время которого вся семья уцелела.
3. 19 октября 1927 г. на плотах выехал из Тану-Тувинской республики.

Других событий не указано, значит, действительно, это самые главные события его жизни на 1928 г. В той же семейной хронике о. Владимир написал свою коротенькую биографию, чтобы помнили внуки и правнуки, «откуда они есть пошли». Вот самое начало: «Родился я, Владимир Андреевич Юневич, 5 февраля 1879 г. в местечке Перебродье Диспейского уезда Виленской губернии. Отец мой, Андрей Яковлевич Юневич и мать, Агафья Исидоровна, урождённая Пальчевская, были люди неграмотные, мещане. Зиму отец проводил дома, а летом уезжал на отхожие промыслы в Ригу, работал по сплаву леса на Балтийском побережье и на Северной Двине, осенью уезжал с сетями на рыбную ловлю за несколько десятков вёрст. Моё школьное образование закончилось Пастырскими курсами в 1912-1913 гг. в Москве. Тем, что я есть, я обязан только самому себе – саморазвитию».

После о. Владимира настоятелем туранского храма был назначен о. Андрей Чуликов, прослуживший здесь вплоть до 1961 г., когда решением местных властей храм был закрыт, а здание передано в ведение отдела народного образования.

После перестройки в здании бывшей церкви был открыт Дом пионеров, а затем его приспособили под одно из школьных помещений.

В 1995 г. в Туране был построен и освящён новый храм с тем же именем Св. Иннокентия, который успешно действует и по сегодняшний день.

2011

Литература:

1. ЦГАРТ. Ф.123,О.5.
2. Верещагина Т.Е. Туран. Абакан, 2005 г.
3. Архив Туранского музея
4. Енисейские Епархиальные ведомости. Красноярск, 1915 г.

А.Е. Калюга,
пос. Курагино

Школа труда и жизни

(Об истории Артемовской ФЗО № 4)

К концу 30-х гг. XX столетия СССР официально победил безработицу. Но возникла новая проблема – иссяк свободный резерв рабочей силы, который пополнял рабочие ряды. Без него дальнейшее развитие промышленности было невозможным. Поэтому перед государством встала новая задача – организация подготовки рабочих из состава молодёжи.

Государство признало данную проблему и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 02.10.1940 г. «О Государственных трудовых резервах СССР» обязало ежегодно подготавливать для промышленности от 800 до 1 млн. человек путём обучения городской и колхозной молодёжи производственным профессиям в ремесленных и железнодорожных училищах, школах фабрично-заводского обучения.

Исполнение Указа было возложено на Главное управление трудовых резервов, образованное

при Совете Народных Комиссаров СССР, которому подчинялись созданные областные, краевые и республиканские управления трудовых резервов. На тот момент в наркоматах и ведомствах уже действовали школы фабрично-заводского ученичества. В связи с принятием Указа их надлежало передать вновь образованному ведомству.

Действовавший при Артёмовском руднике системы «Минусазолото» горпромуч был передан в Главное управление трудовых резервов и был назван школой Фабрично-заводского обучения № 4 (ФЗО № 4).¹ Её задачей было подготовка рабочих кадров для комбината «Минусазолото», в систему которого входил Артёмовский рудник.

ФЗО оборудовали очень серьезно. Ему было передано двухэтажное деревянное здание Артёмовской школы № 1, учащихся которой расформировали по другим школам города.² С весны его начали готовить под новое учреждение. Для этого в коридорах поставили перегородки из плах, поделив здание пополам. В одной половине шли школьные экзамены, а в другой – шёл набор молодёжи. Для мастерских были выделены станки и оборудование, для школьных классов – парты, столы и другая мебель. В жилые комнаты были завезены железные кровати, тумбочки и стулья, в столовую – посуда, котлы и др.

На руководящие должности ФЗО были назначены лучшие инженерно-технические работники Артёмовского рудника. Приказом от 25.11.1940 г. № 13 директором школы был назначен И.М. Попов. Набор учащихся проводился посредством «призыва». Каждому призываемому вручалась повестка.

В Курагинском архиве на хранении находятся совместные постановления Курагинского и Артёмовского райисполкомов и райкомов ВКП(б) о призыве (мобилизации) молодёжи в школу ФЗО № 4. В постановлениях указывалось необходимое количество человек для призыва и их возраст, утверждались мобилизационная и медицинские комиссии (хирург, терапевт, окулист). Военкоматы тоже помогали призыву.

Председателей сельских и поселковых Советов, председателей колхозов и секретарей партийных организаций обязывали немедленно подобрать и выделить для отправки в ФЗО требуемое количество молодёжи, обеспечить её транспортом для поездки на районные призывные комиссии и продуктами питания. Начальники РОВД обязаны были организовать выдачу (без взимания платы) метрических выписей о рождении и паспортов.

Районные газеты «Артёмовский рабочий», «Тубинский колхозник» и радио должны были широко освещать ход призыва. Комсомольские и профсоюзные организации – обеспечить широкое участие своих членов в агитационно-разъяснительной работе.³

Обучение в ФЗО было бесплатным и учащиеся полностью находились на полном государственном обеспечении. Отбор в него был жёстким. Призванные учащиеся должны были иметь начальное образование, пройти строгий медицинский осмотр. Во внимание бралось и происхождение поступающих.

В Курагинском архиве сохранились личные листки по учёту кадров учащихся с прикрепленными к ним врачебными листками за 1940 г. В них наряду с данными поступающего необходимо было заполнить ряд граф, относящихся к родителям и родственникам. О родителях (отдельно отец и мать) надо было указать из какого они сословия, чем занимались до революции, каким владели имуществом, а также кто из родственников был лишён избирательных прав, кто из них или близких знакомых находится за границей и почему выехали.

Среди подростков было много желающих учиться в ФЗО. В архивном фонде ФЗО сохранилось заявление в Артёмовский райисполком от воспитанника детского дома Александра Сергеевича Перфурова со следующей просьбой: «Прошу разобрать моё заявление и принять меня в школу ФЗО. Я родился в 1925 г. в семье крестьянина-бедняка. Родных нет, воспитывать меня дальше некому. Имею образование 5 классов. Желаю учиться. Прошу не отказать в моей просьбе».

В первый год работы ФЗО в неё поступило 169 учащихся, которые были распределены по 7-ми группам (3 группы забойщиков и по одной – бурильщиков, обкатчиков, компрессорщиков, мотористов).⁵ Значительное количество учащихся ФЗО были членами ВЛКСМ. В школе была образована комсомольская организация. Комсоргом была избрана Мария Николаевна Есина. Под её руководством учащиеся ФЗО организовывали свой досуг: проводили мероприятия, соревнования и субботники. В школьной библиотеке было несколько сотен книг, в красном уголке – шахматы, шашки, домино, гармошка, балалайка. Выпускалась стенная газета «Школа кадров». По выходным дням организовывался коллективный выход в Дом культуры на киносеанс.

Для проведения военно-физкультурной и спортивной работы директором школы был утверждён Совет из 9 человек, в состав которого вошли преподаватели и учащиеся. Под их руководством при школе была оборудована спортивная площадка, на которой занимались футбольная, волейбольная и баскетбольная команды, также был установлен турник и брусья. Приобретены лыжи и винтовки-тозовки. Спортивные соревнования проходили на городском стадионе, который находился рядом с ФЗО.⁶

Учащиеся школы были активными участниками городских мероприятий: демонстраций, выставок и др. Их отличала от всех форма установленного образца. Обмундирование состояло из 1-го и 2-го комплектов, в состав которых входили верхнее и нижнее бельё и даже носовые платки.⁷

Вспоминает бывший учащийся ФЗО Василий Степанович Сопельцев, учившийся в период Великой Отечественной войны: *«При поступлении в ФЗО домашние вещи мы снимали, и они на период обучения хранились у кладовщика в кладовке. Взамен выдавалась форма. Она у нас была почему-то белая от нижнего белья до фуфаяк и очень пачкалась. Девчонки пытались её красить соком ягод. Из этого ничего не получалось. После войны учащиеся стали носить тёмную форму. Форму надо было носить по правилам: гимнастёрка, брюки и ботинки, но ни в коем случае ни сапоги. Гимнастёрка застёгивалась на все пуговицы. В общежитии у нас был гардероб, куда следовало сдавать верхнюю одежду. Кто этого не делал, того наказывали. Некоторым удавалось пронести верхнюю одежду в комнаты и спрятать под матрацы. В общежитии был порядок. Комендант общежития строго следил за ним. Основные и подсобные помещения мыли уборщицы, а в комнатах – сами учащиеся. Для меня – деревенского парня, ФЗО стала дверью во взрослую жизнь. В ней мы не только специальность получали, но и учились жизни в большом коллективе».*

Учащиеся ФЗО обязаны были беречь обмундирование. Запрещалось играть в форме в футбол, работать на производстве. При исключении из школы учащиеся должны были сдать форму и нижнее бельё.⁸

Во всех помещениях ФЗО было печное отопление. Учащиеся заготавливали дрова, сено для лошадей, воду, раскорчёвывали лес на пологих склонах горы Колокол, где сажали картофель и овощи.

В школе был очень строгий режим. Согласно приказа директора учащиеся должны были ходить строем в городскую баню, столовую и соблюдать в них установленную очерёдность. Установлен был строгий распорядок дня, за нарушение которого объявлялись выговоры, нередко отчисляли из школы. Неоднократно замеченных в нарушении дисциплины директор школы мог отдать под суд согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28.12.1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)». По приговору суда им могли вынести решение о заключении в трудовую колонию сроком до одного года. Нарушения дисциплины в ФЗО были разного характера – от нарушения распорядка и техники безопасности до появления в нетрезвом виде, сквернословия, драк и курения в комнате.

За нарушения налагались взыскания: предупреждение, выговор, строгий выговор, запрет на

выход в город на несколько дней, письмо родителям, а также исключение из школы и передача дела в суд. Не редкостью были самовольные уходы и побеги из школы, которые также наказывались. Так приказом директора школы от 09.01.1941 г. № 30 были исключены 17 самовольно сбежавших учащихся, приказом от 14.01.1941 г. № 33 за самовольный уход из школы, за отказ от работы и симуляцию были исключены 3 учащихся. Дела на них были переданы в судебные органы для привлечения к судебной ответственности, так как они рассматривались как дезертиры.⁹ Столь строгий порядок требовало не только законодательство, но и опасная работа на рудниках, где малейшее нарушение техники безопасности могло привести к трагедии. В дальнейшем для наведения порядка в школе из числа учащихся был избран товарищеский суд в составе 5 чел., который был утверждён приказом директора от 07.02.1941 № 50.¹⁰

Причины нарушений разные. Учащиеся были из числа сельского населения и деревень Артёмовского, Курагинского, Идринского, Краснотуранского, Бейского, Аскизского, Даурского и др. районов Красноярского края и Хакасии, а также городов Артёмовска и Минусинска. В отдалении от семьи некоторых из них тяготил строгий порядок, некоторые пускались в разнос, но основная часть учащихся терпеливо постигала трудовую науку, и после обучения без особого труда вливалась в рабочие коллективы.

По итогам первых двух месяцев работы ФЗО в приказе директора от 04.02.1941 г. № 47 было отмечено, что в школе выявлено 32 отличника учёбы, которые по-настоящему осваивают профессию. Им были вынесены благодарности. Определены группы, занявшие первые четыре места. Старостам этих групп направили благодарственные письма родителям.¹¹

Практику учащиеся школы проходили в рабочих бригадах подразделений Артёмовского рудника: шахте, флотофабрике, стройцехе и др. Наравне с рабочими им выдавалась спецодежда и инструмент. За 5 мес. учёбы в ФЗО первый набор учащихся произвёл работ на сумму около 14 000 руб. После 6 месяцев учёбы они в мае 1941 г. проходили квалификационные испытания. Приказом директора от 08.05.1941 г. № 88 был установлен график и порядок его проведения.

Итоги обучения учащихся оценивала квалификационная комиссия во главе с горным инженером Д.А. Поповым. Комиссией заполнялись экзаменационные ведомости, где указывались оценка за полученные знания, присваиваемая квалификация и разряд.¹² В дальнейшем при сдаче экзаменов оформлялись протоколы заседаний экзаменационной комиссии, которую возглавлял представитель Крайтрудрезервов.¹³

Сохранились Поимённые книги учащихся ФЗО № 4 за 1947-1961 гг., в которых содержатся сведения, о том, на какие предприятия после обучения направлялись выпускники. В основном это были рудники комбината «Минусазолото» (в последствии – «Хакасзолото»), треста «Енисейзолото» (Северо-Енисейский и Саралинский рудники, «Коммунар»), в Иркутскую область, Якутию, г. Красноярск. Самое большое количество выпускников направлялось на Артёмовский рудник, нуждавшийся в квалифицированных рабочих, так как стране нужна была его продукция. А также по причине того, что на основном производстве многие рабочие заболели силикозом и оформлялись на пенсии по инвалидности.

Второй призыв в ФЗО пришёлся на начало Великой Отечественной войны. Многие преподаватели были призваны на фронт. 23 июля 1941 г. были призваны в ряды РККА мастера П.С. Распопин, И.Д. Сысолетин и Н.Г. Сорокин, коменданты П.М. Зеленин, П.М. Чеботарёв и Д. Черезов, слесарь А.П. Карпов и др. Вместо мужчин мастерами были назначены женщины.¹⁴

Учащиеся ФЗО были освобождены от мобилизации на фронт. В школе им вменялась прохождение военной подготовки. На основании распоряжения начальника Главного управления Трудовых Резервов было введено девятичасовое производственное обучение.¹⁵

По причине нехватки парней в ФЗО стали принимать и девчонок. Расселяли их на втором этаже здания ФЗО, а на первом размещались ребята.

В рабочих бригадах учащиеся ФЗО работали наравне с взрослыми. В своей статье «Заменим ушедших на фронт» директор ФЗО И. Попов, опубликованной в газете «Артёмовский рабочий» от 17.08.1941 г. № 102 (1024) писал: «... Учащиеся все как один горят желанием в ближайшее время овладеть своими специальностями и заменить своих братьев и отцов, ушедших на фронт, и по-стахановски выполнять производственные нормы. Комсомолец, старосты группы забойщиков т. Подольский на собрании учащихся сказал: «Два моих старших брата ушли на фронт сражаться с германским фашизмом. Я беру на себя обязательство выполнять свое задание на 200%. Каждый поднятый мною сверх плана вагон руды будет новым ударом по германскому фашизму».

За 15 дней июля 1941 г. учащиеся ФЗО дали вскрыши 3 000 кубм и несколько сотен тонн руды, заработав при этом около 4 000 руб.

Из-за нехватки рабочих на предприятиях Артёмовского рудника в 1942 г. были дополнительно набраны группы на обучение по основным профессиям, а также группа плотников, в 1943 г. – 3 группы слесарей, группа химиков-обогащителей.

Кроме основной работы и учёбы учащиеся ФЗО помогали учреждениям и организациям города в заготовке дров, сена, расчищали от снега улицы, участвовали в посевных и уборочных кампаниях, ремонтировали дома и др.

За перевыполнение норм им в награду выдавались подарки: дополнительно 100 гр. хлеба, юбки или куртки. За отличную учёбу и хорошую производственную работу также объявлялась благодарность с занесением в личное дело.¹⁶

В училище строго следили за возникновением заболеваний. Чаще всего болели гриппом и ангиной, были случаи заболевания сыпным тифом. В целях предотвращения заболеваний администрация принимала меры: обязывала кипятить сырую воду, проветривать помещения по утрам, ставить прививки, проводились дезинфекции помещений и вещей, выдавались на каждую комнату по 1 паре чуней для выхода на улицу и др. Всех выявленных учащихся с температурой переводили в изолятор, где первую помощь оказывал фельдшер школы.

В приказах директора школы за период войны часто встречается наложение взысканий за порчу или кражу продуктов и вещей как среди учащихся, так и среди обслуживающего персонала. Чаще стали происходить нарушения установленного режима: посещение столовой учащимися в ночное время, сон на рабочем месте, драки между собой, неподчинение мастерам, невыполнение должностных обязанностей. Участились побегі учащихся из ФЗО. Особо злостных нарушителей исключали из школы, и дело передавали в следственные органы для привлечения к судебной ответственности. Но надо отметить, что некоторых восстанавливала прокуратура. Участились отчисления учащихся ввиду болезни по решению врачебной комиссии.

Таким образом, война давила психологически на каждого человека и некоторые с этим грузом не справлялись. По этому поводу директором был подписан приказ от 21.02.1942 г. № 30 следующего содержания «Обязываю всех мастеров и комендантов поднять коллектив учащихся на решительную и беспощадную борьбу с дезертирами, паникёрами и трусами, равняясь на героев-патриотов учащихся Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и ряда других городов, которые вместе со своими старшими товарищами мужественно и беспощадно защищают наши прекрасные города, богатства наших полей, жизнь детей и стариков и всего нашего великого народа».¹⁷

Выпускники после окончания ФЗО должны были в обязательном порядке работать на государственных предприятиях по направлению. Те, кто уклонялся от отработки, привлекались к судебной ответственности.

Как вспоминает Алексей Алексеевич Анисимов, обучившийся на плотника в 1948 г. в ФЗО: «Особого выбора будущей профессии у меня не было – либо в шахту, либо плотником. Я пошёл в плотники. После завершения учебы в ФЗО нас направили на лесозаготовки в Можарку. Прорабо-

тав там несколько месяцев, оказалось, что все заработанные деньги с нас высчитали за питание и обмундирование. Пришлось опять вернуться в Знаменку к матери. Со мной вернулось ещё два деревенских парня – Кайзеров и Осипов. Но наш уход расценили как побег и передали дело в суд. Суд состоялся в с. Курагино. Присудили нам 4 месяца принудительных работ на заготовке леса в Пионерске».

Дальнейшее развитие научно-технического прогресса в кон.1950-х гг. поставило новые задачи для системы образования. Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятым 24.12.1958 г. сессией Верховного Совета СССР было введено всеобщее восьмилетнее образование и реорганизация 10-летних в 11-летние средние политехнические школы с производственным обучением. Выпускники средней школы наряду с аттестатом зрелости получали и свидетельство о приобретённой специальности. Действовавшая до этого система «трудовых резервов», включающая ФЗО, была признана устаревшей. Профессионально-техническое образование было переведено на единую общеобразовательную базу посредством создания городских и сельских ПТУ со сроками обучения от 1 до 3-х лет.

Приказом от 10.11.1961 г. № 377 по Красноярскому краевому управлению профтехобразования Артёмовская ФЗО № 4 с 15 ноября 1961 г. была ликвидирована. Всё имущество и материальные ценности были переданы училищам механизации сельского хозяйства № 8 и № 9, а здание – Артёмовскому руднику. На сегодняшний день оно не сохранилось. Но Артёмовская ФЗО № 4 оставила о себе добрую память в своих выпускниках, для которых она оказалась школой труда и большой жизни.

Окончившие ФЗО № 4 составляли основной костяк рабочего коллектива Артёмовского рудника. Многие из них были участниками Великой Отечественной войны, окончив 7 или 8 классов школы рабочей молодёжи, многие заочно поступали в техникумы, а также в институты и становились дипломированными специалистами, опытными горняками и авторитетными работниками, внёсшими значительный вклад в развитие горнорудной промышленности Артёмовского и Курагинского районов.

2011

Примечания:

¹ Архивный отдел администрации Курагинского района. Ф.Р-167. О.1. Д.4. Л.80.

² Архивный отдел администрации Курагинского района. Ф.Р-2, О.1, Д.5, Л.65.

³ Там же. Ф.Р-1. О.1. Д.679. Л.182; Д.717. ЛЛ.128-129; Д.762. Л.81. Ф.Р-167. О.1. Д.73. Л.98-99.

⁴ Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.30; Д.1. Л.64.

⁵ Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.1. Л.26-31.

⁶ Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.1. Л.62.

⁷ Там же. Ф.Р-55. О.1. Д.9. Л.21, 25.

⁸ Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.1. Л.63.

⁹ Там же. Л.24.

¹⁰ Там же. Л.51.

¹¹ Там же. Л.46-48.

¹² Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.17-18. Л.1.

¹³ Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.31. Л.1.

¹⁴ Там же. Ф.Р-55. О.2. Д.1. Л.16.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л.83.

¹⁷ Там же. Л.82.

В.К. Лушников,

г. Абакан

Изменение повседневной жизни населения Хакасской автономной области и южных районов Красноярского края, вызванные началом Великой Отечественной войны

История Великой Отечественной войны остаётся одним из актуальных направлений в современной отечественной и зарубежной историографии. Вместе с тем многие вопросы до сих пор остаются слабо, либо совсем неизученными. Деятельность местных органов власти в годы Великой Отечественной войны раскрыта достаточно полно, хотя значительная часть исследований касалась обоснования руководящей роли Коммунистической партии в достижении победы. Расширение источниковой базы, методологический плюрализм в современный период позволили значительно обогатить тематику научных исследований по истории Великой Отечественной войны. Объектом исследования всё чаще становится региональная проблематика, как прифронтовых территорий, оккупированных врагом, так и Урала, и Сибири, где размещались эвакуированные предприятия и население.¹ Многие учёные обращаются к истории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.² В историографии истории Хакасии тема войны достаточно полно освещена в трудах С.П. Ултургашева, П.И. Чебодаева, а также частично Н.Я. Артамоновой, В.Н. Кышпанакова, В.А. Печерского, В.Н. Тугужековой и др.³ В то же время анализ научной литературы показал, что вне поля исследования остался вопрос радикальных изменений в повседневной жизни населения региона, произошедших в связи с началом Великой Отечественной войны.

Академик РАН Ю.А. Поляков так определил это направление науки: «История повседневности – сумма миллиардов судеб людей, живущих в далёком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями».⁴ В настоящей статье исследованы жилищно-бытовые условия жизни населения, изменения в семейном бюджете, вызванные началом войны, дана динамика цен на основные продукты питания. Но вначале краткая характеристика региона.

Хакасская автономная область до войны входила в состав Красноярского края. В неё был включён Шарыповский район, часть сельсоветов нынешнего Алтайского района относилась к Минусинскому району. Население составляло 287 тыс. человек – это вдвое меньше, чем нынешнее население Хакасии. Южные районы Красноярского края тоже были несколько изменены, существовали ещё Артёмовский и Усинский районы, Шушенский – организован в 1944 г. Население 307 тыс. человек или в полтора раза больше чем сейчас. К началу войны население региона проживало в основном в сельской местности. В южных районах Красноярского края был один город – Минусинск с населением 31 354 чел. и рабочий посёлок Артёмовск – 23 513. Это 17% от всего населения.⁵ В Хакасии процент урбанизации был значительно выше – 40,4%. Статус города в области имели только Абакан и Черногорск, в которых проживало менее половины от городского населения. Остальные – в рабочих посёлках. Их насчитывалось 10: Балыкса, Балахчин, Знаменитый, Золотогорск, Коммунар, Кизас, Орджоникидзевский, Приисковский, станция Сон и Лесозавод.⁶

Степень благоустройства жилья была невысока. Водопроводом пользовались только жители городов. В Черногорске к нему были подключены около 6% жилых домов обобществлённого фонда, в Абакане в половину меньше.⁷ По г. Минусинску цифры благоустройства сопоставимы с абаканскими.⁸ Областной центр Абакан, единственный из городов региона, имел канализацию.

Ею были оснащены жилые дома, принадлежавшие Наркомату цветной металлургии это 3% от обобществлённого жилого фонда.⁹ Практически все городские жители брали воду из колодцев, ключей, озёр, либо рек. Колодцы учитывались. В Абакане их насчитывалось 1029.¹⁰ Зимой власти готовили и своевременно расчищали ото льда проруби. В Минусинске на зиму 1942-43 г. на протоке р. Енисей было прорублено 36 прорубей, работники отдела коммунального хозяйства оборудовали их табличками.¹¹ Центральное отопление имелось практически в тех же домах, что были подключены к водопроводу. В городах были электрифицированы от 45 до 86% жилых домов обобществлённого фонда. В среднем на одного жителя городов и рабочих посёлков региона приходилось 5 кв.м жилплощади.

Жилищные условия во время войны не претерпели особых изменений, новых домов практически не строили, значительное число мобилизованных на фронт компенсировалось эвакуированными, возрастала лишь плата за коммунальные услуги. В т.ч. тариф на помывку бани и на электроэнергию. Резко возросла нагрузка на семейный бюджет жителей тыла. К началу войны подоходный налог исчислялся согласно Закону, принятому 4 апреля 1940 г. Рабочие и служащие платили от 3 до 6% от начислений, в зависимости от заработка. Оклад шофёра на тот момент составлял 250 руб. в месяц, инженеры, учителя, врачи – 300-450 руб., в зависимости от квалификации. К примеру, бухгалтер Минусинской электростанции получал 400 руб., подоходный налог – 10 руб., кочегары получали по 285 руб., налог – 5,50¹² руб., т. е. средний налог был в два с половиной раза ниже, чем сейчас. Но уже 3 июля налог возрастает. Для тех, кто получал от 300 до 500 руб. в месяц устанавливается пятидесятипроцентная надбавка к налогу, свыше 500 руб. в месяц – стопроцентная. Работники с доходами ниже 300 руб. в месяц, освобождались от надбавки. Зато для граждан, подлежащих призыву, но не мобилизованных или освобождённых от призыва, надбавка резко увеличивалась, при зарплате в 300 руб. – до 100% от налога, до пятисот – 150%, свыше пятисот – надбавка 200% к сумме налога. 21 ноября 1941 г. вводится налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Те, кто получал до 150 руб. в месяц, платили 5 руб. в месяц, а кто зарабатывал более 150 руб. – 5% от заработка. Налогообложению подлежали одинокие мужчины от 20 до 50 лет и женщины от 20 до 45 лет.¹³

Увеличилась неналоговая нагрузка: военные займы, взносы в фонд обороны, разовые сборы на строительство эскадрилий, танковых колонн, проводился сбор тёплых вещей для фронтовиков. Каждая семья раз в год должна была расстаться с одной, а то и двумя тёплыми вещами. Все взносы были добровольными, но метод их сбора скорее принудительным. Один факт, члена партии, передовика труда, Игната Железнова Черногорский ГК ВКП(б) исключили из партии и из состава горкома за отказ от подписки на займ в размере месячного заработка – 600 руб. Ссылаясь на тяжёлое бытовое положение (семья из 6 человек), Железнов просил подписать его на 400 руб. Услышав такие слова бригадира, пятеро беспартийных шахтёров вообще отказались подписываться на займ. После исключения из партии, что было по тем временам очень суровым наказанием, могущем повлечь и другие меры, вплоть до уголовного преследования, либо «разбронирования» и отправки на фронт, и после беседы с начальником шахты Игнат Железнов согласился подписаться на займ в 600 руб. Бюро Хакасского обкома партии своим решением от 12.05.42 г., протокол заседания бюро № 137, отменил решение Черногорского горкома и ограничился указанием Железнову на непартийное поведение во время подписки на займ.¹⁴ На взносы и отчисления, по нашим вычислениям, уходило полтора-два оклада в год или 10-12% вычетов из месячного заработка. Учитывая, что налоговая нагрузка возросла в два-три, а то и в 4 раза, суммарные вычеты составляли от 28 до 35% от заработка.

Летом 1941 г. ужесточилось трудовое законодательство. Вскоре после начала войны, вышел Указ Президиума Верховного Совета «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», разрешающий руководителям предприятий увеличивать рабочий день на срок от 1 до

3 часов. Оплата переработки осуществлялась в полуторном размере.¹⁵ Предоставление отпусков запрещалось, вместо отпуска – денежная компенсация. Отпуска давали только по болезни. Но самую высокую динамику продемонстрировали цены на продукты питания.

Цены на рынке не контролировались государством, и в отличие от госторговли они увеличились за годы войны в несколько раз. На 25 июля 1940 г. мука – 6 руб. 60 коп. за кг, курица – 25 руб., масло сливочное – 6 руб., говядина, свинина – 17-19 руб. за кг. Через год, 25 июля 1941 г. рыночные цены ещё не изменились, кроме масла сливочного, до 40 руб. за кг. В декабре 1941 г. мука стоила уже 7 руб. 50 коп., масло 55 руб., говядина-свинина 20-32 руб. за кг соответственно. Самый резкий рост происходит в следующие полгода, к маю 1942 г. базарные цены по основным позициям зафиксированы на таком уровне мука – 125 руб., говядина-свинина – 110-250 руб., и масло взлетело до фантастических 500 руб. за кг. Вдобавок резко выросли цены на молочные продукты. Молоко вместо 4 руб. за литр в 1940 г. стало стоить в 1943 г. уже 30 руб., творог вместо 7 руб. – 60 руб., сметана вместо 15-18 подскочила до 150 руб. за кг. В среднем, рыночные цены при одинаковых объёмах продаж выросли за три года от 4 до 12 раз, а масло более чем в 80 раз.¹⁶

Жилищно-бытовые условия населения региона в годы войны можно охарактеризовать как спартанские, меньше 5 м жилой площади на человека, практически отсутствовали такие блага цивилизации, как водопровод, центральное отопление, канализация. Примерно пятая часть всего жилфонда не имела даже электрического освещения. Дома, в основном, деревянные, одноэтажные даже в трёх городах региона. Отапливались дровами, уголь широкого распространения не нашёл, поэтому в связи с уходом на фронт большинства мужчин, возникли проблемы с заготовкой топлива и с отоплением жилья. И без того скудный гардероб горожан и сельчан во время войны практически не обновлялся, люди вынуждены были латать старую одежду, ремонтировать обувь. В магазинах одежды и обуви в свободной продаже не было. Рацион питания стал более скудным, продовольствие нормировалось, а рыночные цены выросли по отдельным позициям более чем в 10 раз. Несмотря на такие тяжёлые жилищно-бытовые условия, население региона вносило посильный и соразмерный другим территориям вклад в фонд обороны. Ради общей победы над фашизмом.

В частности, за годы войны в Хакасии было добыто 3 млн. т угля, цветных металлов на несколько миллионов рублей, заготовлено 1,2 млн. кубометров леса. Для фронта предприятия местной промышленности изготовили 7 тыс. саней и повозок, 36 тыс. полушубков, 63 тыс. пар валенок, 9 тыс. пар кожаной обуви. Государству было поставлено 235 тыс. т зерна, 20 тыс. т мяса, 50 тыс. т молока, 2 тыс. т шерсти. На фронт было отправлено 6708 лошадей. В фонд обороны собрано 115,5 млн. руб., 11 млн. облигациями, более 1 млн. пудов зерна из личных запасов. С учётом государственных военных займов и лотерей, денежная помощь превысила 200 млн. руб. Сельхозпредприятия Хакасии помогали освобождённым из-под оккупации районам страны. В частности, оказывали помощь колхозам Калининской, Ростовской и Ленинградской областей.¹⁷ На фронт отправляли подарки бойцам, в годы войны Хакасия приняла 16 военных госпиталей, врачи вернули в строй 10 тыс. бойцов, всего пролечились 15 тыс. человек.¹⁸ Не меньший вклад в обороноспособность страны внесли и южные районы Красноярского края.

2011

Примечания:

¹ Дружинина–Зайцева М.Г. Деятельность местных органов власти по организации повседневной жизни населения прифронтового Мурманска в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. - октябрь 1944 г.): автореф. дис. ... к.и.н. - Пенза: Изд-во Пензенского госпедуниверситета, 2007; Советский тыл в период Великой Отечественной войны в 3 кн., М.: Мысль, 1988,1989.; Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки в 4-х книгах / Под ред. В.А. Золотарёва. - М.: Наука, 1998-1999 т.4. - Народ и власть; Бессонова Т.С. Деятельность партийных, советских органов и общественных организаций Средне-Волжского района по формированию боевых резервов действующей армии в первый период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг.: На материалах Пензенской, Саратовской и Куйбышевской областей. дис. ... к.и.н. - СПб, 2004; Мещерякова А.В. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг: дис. ... к.и.н. - Пятигорск, 2004; Волкова Е.Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д.и.н. - СПб.: РИО Костромского ГТУ, 2008.

- ² Пахомова Н.В. Оборонная промышленность Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: на материалах Красноярского края и Иркутской области.: дис. ... к.и.н. - Красноярск, 2007; Шевченко В.Н. Создание оборонной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.- Красноярск: Изд-во СибГАУ, 2005; Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945-1953 гг. (на материалах Приангарья): авторефер. дис. ... к.и.н. - Иркутск: Изд-во БрГУ, 2009 г.; Агропромышленный комплекс Красноярского края (1920-1970-е гг.) Документы и материалы/ под ред. Гришаева В.В., Северьянова М.Д.- Красноярск: Изд-во КГУ, 1991;
- ³ Ултургашев С.П. Хакасская областная партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941-1945) // Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1987; Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.: монография.- Абакан: Изд-во ХГУ, 2005.; Артамонова Н.Я. Культура Хакасии в годы Великой Отечественной войны: особенности развития. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2010; Тугужекова В.Н. Вклад молодежи Хакасии в победу в Великой Отечественной войне //Хакасия в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг. Материалы научно-практической конференции 27 апреля 2000 г.- Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПК и ПРО «Роса», 2000; Кышпанаков В.А. Население Хакасии 1917-1990. Абакан: ХГУ, 1995; В.А. Печерский. Кадровые трудности в сельском хозяйстве Хакасии в начальный период Великой Отечественной войны // Интеллектуальные ресурсы ХТИ-Филиала КГТУ-Хакасия. Тезисы докладов 2-й региональной научно-практической конференции.- Абакан, 1999.
- ⁴ Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории.-2000. – № 3. – С.125.
- ⁵ Архив г. Минусинска (АГМ). Ф.372. О.1. Д.269. Л. 24.
- ⁶ Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф.169. О.1. Д.262. Л.1-2.
- ⁷ ГКУ РХ «НА». Ф.Р-169. О.1. Д.223. Л.1,3,5,8,9,11,13; Ф.169. О.1. Д.288. ЛЛ.1, 3, 5.
- ⁸ АГМ. Ф.368. О.1. Д.44. Л.9.
- ⁹ ГКУ РХ «НА». Ф.169. О.1. Д.288. Л.4.
- ¹⁰ ГКУ РХ «НА». Ф.Р-42. О.1. Д.16. Л.15.
- ¹¹ АГМ. Ф.368. О.1. Д.44. Л.28.
- ¹² Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогу с населения» от 3 июля 1941 г., приводится по Советская Хакассия .1941. - 5 июля.
- ¹³ Указ ПВС СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР», приводится по Советская Хакассия. 1941.-26 ноября.
- ¹⁴ Отдел документов новейшей истории Государственного казенного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» (ОДНИ ГКУ РХ НА). Ф.2. О.1. Д.863. Л.22.
- ¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 30; Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917-1959, М.: Советская энциклопедия, 1961. – С. 385.
- ¹⁶ АГМ. Ф. 372. О.1. Д. 250. Л.3; Там же. Д. 249. ЛЛ.56, 66; Там же. Д. 288. ЛЛ.1, 51.
- ¹⁷ Ултургашев С.П. Хакасская областная партийная организация в период Великой Отечественной войны (1941-1945) // Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1987. – С.162,165,171,175,179,180.
- ¹⁸ Чебодаев П.И. Военный вклад Хакасии в победу в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.: монография.- Абакан: Изд-во ХГУ, 2005.

В.А. Наумов,

г. Боготол

Народное образование в Боготольской волости 100 лет назад

В нашем обществе до сих пор бытует мнение, что в нач. XX в. население России было необразованным, некультурным и порой даже диким. Тем более о сибирском населении было особо предвзятое мнение. В настоящий момент почти не сохранилось документов о народном образовании Боготольской волости. Есть скудная информация в статье «Воспоминания учителя двухклассного училища Министерства народного просвещения Наумова А.А.»¹, которые были опубликованы в газете «Земля боготольская» и в книге боготольского краеведа А. Тепляшина «Откуда есть и пошла земля Боготольская»².

В ходе исследования удалось систематизировать собранные документы и выявить систему образования, сложившуюся на территории Боготольской волости, определить отличительные черты системы и их причины. Было выяснено, что перепись 1887 г.³ выявила 21% грамотного населения в Российской империи (под грамотностью считалось, как умение читать и писать, так и умение только читать). Самый высокий процент грамотных (70-80%) дали три Прибалтийские губернии. Более скромные результаты дали столичные губернии: Санкт-Петербургская – 55%, Московская – 40%. В остальных губерниях Европейской России оказалось менее 30% умеющих читать. По-

сле 1887 г. начинают выдавать денежные кредиты земствам на создание школ. Но этих средств было недостаточно, чтобы существенно повлиять на ситуацию в народном образовании.⁴

Финансирование системы образования шло в основном за счёт пожертвований и земств. В 1906 г. на рассмотрение был вынесен законопроект министра народного просвещения П. фон Кауфмана, согласно которому было резко увеличено государственное финансирование, а пункт 6 закона устанавливал бесплатное (но не всеобщее) начальное образование. Это сыграло очень большую роль в развитии системы образования в России. Однако раздел о всеобщем обязательном начальном образовании принят не был. Позже, в 1910 г., было установлено 4-летнее обучение для всех начальных школ.⁵

В XIX – нач. XX вв. грамотность, как и зажиточность, были весьма почитаемы и уважаемы сибирскими крестьянами. Однако, в отношении к государственному просвещению со стороны старожилов долгое время наблюдалось пассивно-негативное отношение к властям и их политике. Неоднократно встречались такие оценки: «...там (т. е. в школе) ребята более балуют и ничему полезному не научаются».⁶ «Научившиеся... читать и писать в виду нашем... все без изъятия не имеют уже усердствующей способности в упражнениях сельской работы, наиболее прикрепляются к снисканию лёгких упражнений, совсем не приносящих ни им самим, ни обществу пользы».⁷ Состоявшийся в 1863 г. учительский съезд школ Восточной Сибири вынес решение, в котором, в частности, говорилось: «Крестьянин опытом должен убедиться, что школа даёт ему детей, не только умеющих писать, читать и считать, но могущих ремеслом, трудом рук своих и знаниями практически приносит ему пользу и в старости кормить его».⁸

Крестьянские общества во втор. пол. XIX в. активно включаются в процесс развития просвещения, повсеместно принимаются решения сходов об открытии школ и содержании их за счёт «мира», о приобретении учебных пособий. Так, в 80-е гг. 67,5% всех учащихся Енисейской губернии составляли лица крестьянского сословия, 12,3% – казачьего, 4% – мещанского и т. д. Большая часть обучаемых учащихся имела возраст 8-11 лет. Особенностью Сибири по сравнению с Европейской Россией был более высокий уровень грамотности крестьянского населения. Немаловажную, если ни ведущую роль в этом играло обучение грамоте на дому. Так, в старообрядческих селениях отмечали в 80-е гг. XIX в., что почти все умеют читать и писать. На воспитание детей, на их образование обращается несравненно большее внимание, чем в среде православной.

Развитие рыночных, товаро-денежных отношений стало в Енисейской губернии основным двигателем образования в начале XX в.⁹ В целом весь сибирский край стал, по выражению современников, «наиболее обучаемой территорией России». Как видим из выше сказанного, в Сибири ситуация была ни сколько не хуже, а порой даже лучше за счёт частных школ и занятий на дому. Хотя в Сибири не было особого роста промышленности, но сибирский крестьянин всегда вёл своё хозяйство рачительно и прибыльно, иначе здесь не выжить. У старожилов были средства, чтобы платить за образование частным учителям.

На основании материалов сборников отчётов и документов под названием «Обзор Томской губернии за 1885 г.»¹¹ и «Обзор Томской губернии за 1895 г.»¹² были сделаны выводы, что за эти 10 лет в Сибири количество школ увеличилось почти в 2,5 раза. Так же увеличился рост учащихся почти в 3 раза. С 10803 учащихся обоего пола в 1886 г. до 26409 учащихся в 1895 г. Процентное соотношение мужчин и женщин осталось почти прежним: 75% мужского пола и 25% – женского. Прирост учебных заведений произошёл за счёт городских двухклассных училищ, сельских народных училищ и в особенности за счёт церковных приходских школ.

Из справочной книги по Томской Епархии за 1911 г. было выяснено, что в Боготольском приходе, который включал в себя д. Владимировка, Боготольский Завод и с. Боготол, насчитывалось 5 047 душ. Из них в приходе было 236 учащихся. Во Владимировке – 56 учащихся, в с. Боготоле – 115, в одноклассном женском училище – 57 учащихся, в Б. Заводе – 18 учащихся. По статистике

школьный возраст детей составлял 9% от общего числа населения. По нашим подсчётам общее число учащихся в приходе 236 человек, а детей в приходе 454 человека, что в процентном соотношении составило 52% от общего количества детей.¹³

На станции Боготол по данным Памятной книги Западно-Сибирского учебного округа¹⁴ за 1909 г. было 2 училища. Двуклассные училища Министерства Народного Просвещения, в котором было 76 мальчиков и 90 девочек и двухклассное училище Министерства Путей Сообщения, в котором было 186 мальчиков и 128 девочек. Население примерно составляло 6 000-7 000 человек. Следовательно, школьного возраста детей должно было быть примерно 580 человек, а учащихся – 480 человек. В процентном отношении это составило примерно 82% учащихся от всех детей школьного возраста. Таким образом, в Боготольской волости уровень образования был даже выше, чем в среднем по России.

Сибиряки всегда жили зажиточно. В своих воспоминаниях А.А. Наумов¹⁴ рассказывает, что у крестьян были и большие дома, и даже маленькие заводики. В с. Боготол было более 15 лавок и магазинов, 11 кабаков, постоянный двор и т.д.¹⁶ Это значит, что у людей имелись деньги и не малые, а, следовательно, они могли позволить нанять своим детям учителей, благо в Сибири хватало ссыльных с хорошим образованием. Половина детей, не посещающих школу, тоже получали образование. В Боготольской волости было несколько училищ и школ. В с. Боготол – двухклассное училище, а так же мужская и женская церковноприходские школы. В с. Большая-Косуль – училище, Малая-Косуль и Александровка – школы грамоты, Красная речка и селение Заводское – училища, Юрьево – церковноприходская школа, Вагино – церковноприходская школа, Коробейниково – церковноприходская школа. На станции Боготол – двухклассное училище Министерства Народного Просвещения и двухклассное училище Министерства Путей Сообщения.¹⁷ Как выглядели училища, мы можем судить по примеру двухклассного училища в с. Боготол. А.А. Наумов даёт описание сельского училища. «Окинув беглым взглядом почти новое, хорошо построенное здание, мы бойко поднялись на его многоступенчатое крыльцо и, пройдя широким школьным коридором, зашли в полуоткрытую дверь учительской».¹⁸ Александр Афанасьевич описывает здание, которое стоит до сих пор в с. Боготол. В нём расположена музыкальная школа. Здание и сейчас выглядит добротно и основательно. Вот что пишет Александр Афанасьевич об учёбе: «В те блаженные времена никто из народных учителей не имел ни малейшего понятия о планировании школьной работы, не обязывался составлять для себя поурочные планы. У нас были давно выработанные и твёрдо установленные учебные программы, принятые в школах стабильные учебники. Начинался учебный год 1 сентября и заканчивался 1 мая. С двумя двухнедельными каникулами на Пасху и Рождество и 3 днями на масленицу и нерабочими днями по воскресеньям двенадцатым праздникам и царским дням».

Учебные программы двухклассного училища были направлены на подготовку кадров для укомплектования низших профессионально-технических учебных заведений как-то: учительских семинарий и школ, низших с/х и технических училищ, лесных и фельдшерских школ. Программа 1, 2 и 3 годов обучения в двухклассном училище являлась обычной программой народного училища, в течение 4-го и 5-го годов в них изучались Закон Божий, русский язык (этимология и синтаксис), русская история, география, физика и математика, естествознание в объёме учебника для женских гимназий и прогимназий.

Некоторым взрослым и наиболее серьёзным учащимся, после окончания двухклассного училища не раз удавалось после самоподготовки выдерживать испытание на звание народного учителя и успешно работать в начальных классах. В гимназиях работали высокообразованные учителя, закончившие университеты. В основном это были выпускники историко-филологических факультетов.¹⁹

Как отмечает А.А. Наумов, учителя постоянно совершенствовали свои знания и навыки и

имели возможность сдать на более высокое звание. Что позволяло расти по служебной лестнице и получать более высокую зарплату.

Кстати о зарплате, жалование учителя гимназии могло составлять 4-6 тыс. руб. в год. Им платили за проведённые уроки, за должность классного наставника, добавки за Сибирскую службу, квартирные. Учителям в народных училищах жалование платили скромнее, оно составляло 600-650 руб. в год. В него входила плата за уроки, стол и квартирные.²⁰ По тем временам и ценам это были хорошие деньги. К примеру, пара ботинок стоила 3 руб., костюм мужской из сукна – 6 руб., за 12 руб. можно было снимать квартиру с полным питанием, кирпич стоил 1 коп. за штуку, часы карманные 6,5 руб. Так что народный учитель мог безбедно жить на свою среднемесячную зарплату в 50 руб., заниматься своим самообразованием и не думать, где заработать лишний рубль.²¹ Мы уж не говорим об учителях в гимназии, которые получали от 300 до 500 руб. в месяц. Кто из сегодняшних учителей сможет за свою месячную зарплату купить 30 тыс. кирпичей, которых хватит на строительство большого дома.

Таким образом, образованием занимались профессионалы высокого уровня, и что государство заботилось о поднятии престижа учительской профессии. Проведя исследование источников можно сказать, что за 10 лет в кон. XIX в. количество школ и учащихся в Сибири возросло в 2,5 раза.

2011

Примечания:

¹ Наумов А.А. Воспоминания учителя двухклассного училища МНП Наумова А.А. / Газета «Земля боготольская». 18 января 1995 г. Боготол. Городская типография 1995.

² Тепляшин А. Откуда есть пошла земля боготольская. Боготол. Городская типография, 1995.

³ Новомбергский Н.Я. По Сибири: Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Новомбергский. СПб., 1903.

⁴ История Сибири в пяти томах. «Наука», Ленинград. 1968.

⁵ Там же.

⁶ Памятная книжка Западной Сибири. 1897. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1897.

⁷ Новомбергский Н.Я. По Сибири: Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Новомбергский. СПб., 1903.

⁸ Шамахов, Ф. Ф. Школа Западной Сибири в кон XIX - нач. XX вв. / Ф. Ф. Шамахов; Том. гос. пед. ун-т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957. – С. 234

⁹ Там же.

¹⁰ Памятная книжка Западной Сибири. 1897. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1897.

¹¹ Памятная книжка Западной Сибири. 1909. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1909.

¹² Памятная книжка Западной Сибири. 1897. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1897; Памятная книжка Западной Сибири. 1909. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1909.

¹³ Список населённых мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. – С.45.

¹⁴ Памятная книжка Западной Сибири. 1909. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1909.

¹⁵ Наумов А.А. Воспоминания учителя двухклассного училища МНП Наумова А.А. / Газета «Земля боготольская». 18 января 1995 г. Боготол. Городская типография 1995.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Памятная книжка Западной Сибири. 1897. Омск: Типогр. Округ. Штаба, 1897.

¹⁸ Наумов А.А. Воспоминания учителя двухклассного училища МНП Наумова А.А. / Газета «Земля боготольская». 18 января 1995 г. Боготол. Городская типография, 1995.

¹⁹ Там же.

²⁰ Наумов А.А. Воспоминания учителя двухклассного училища МНП Наумова А.А. / Газета «Земля боготольская». 18 января 1995 г. Боготол. Городская типография, 1995; Тепляшин А. «Откуда есть пошла земля боготольская». Боготол. Городская типография, 1995.

²¹ Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в кон. XIX – нач. XX вв. / Ф. Шамахов Том. гос. пед. ун-т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957. – С.234.

Ю.К. Троякова,
г. Абакан

Союз писателей Хакасии в 1950-1960-е гг.: опыт формирования и деятельности

Становление профессиональной художественной культуры Хакасии относится к сложным послевоенным годам. Литература Хакасии, развивавшаяся в этот период на русском и

хакасском языках, была тесно связана с деятельностью рабочих и сельских корреспондентов, многие из которых и стали в дальнейшем профессиональными писателями.

В послевоенное время приток новых литературных сил стал настолько многочисленным, что появилась необходимость принять организационные меры, чтобы помочь молодым писателям. С этой целью 4 октября 1946 г. Секретариат правления Союза писателей СССР поддержал предложение ЦК ВЛКСМ по созыву Всесоюзного совещания молодых писателей, а 6 октября того же года был утверждён план проведения этого совещания.¹ Первое Всесоюзное совещание молодых писателей было проведено в 1947 г. Оно убедительно показало, что способные молодые писатели есть во многих республиках, краях и областях СССР. После первого совещания во всех союзных и автономных республиках были созданы комиссии по работе с молодыми авторами. При Союзе советских писателей её возглавил А.А. Фадеев. Во всех республиках и большинстве областей прошли республиканские и областные совещания молодых писателей. В них участвовали молодые литераторы из Хакасии.

Эта работа дала свои результаты. В литературу пришли бывшие фронтовики, участники Великой Отечественной – И. Котюшев, И. Костяков, В. Угдыжеков, М. Чебодаев, Н. Тинников, С. Чарков, Г. Топанова. Заметным событием в культурной жизни Хакасии 1940-х гг. стало издание первого номера «Хакасского альманаха», который являлся своеобразным итогом в становлении хакасской литературы.² Итогом развития послевоенной хакасской литературы стал также выход литературно-художественного сборника «Первые шаги» под ред. Н.Г. Доможакова и М.А. Унгвицкой (1947 г.). В нём были представлены 22 произведения 13 начинающих писателей: 17 – на хакасском языке, остальные на русском.³ Сборник был подвергнут довольно резкой критике на совместном пленарном заседании начинающих писателей, сказителей и представителей интеллигенции города. Однако, несмотря на недостатки, все выступавшие отмечали, что изданный сборник «безусловно, принесёт пользу».

Определяющей вехой в становлении хакасской литературы стали события 1948-49 гг. Хакасский обком ВКП(б) обратился с заявлением в Союз советских писателей об образовании в Хакасии отделения Союза.⁴ Разрешение было получено, и в 1949 г. образовалось Хакасское отделение Союза советских писателей (ССП). В феврале 1949 г. в члены Союза писателей СССР были приняты Н. Доможаков и И. Котюшев.⁵

Организация не имела традиций, опыта, навыков переводческой работы. В письме А.А. Фадееву, возглавлявшему в то время Союз, секретарь ОК ВКП(б) Т.Н. Немежиков сообщал, что писательская организация нуждается в серьёзной помощи со стороны Союза писателей. В связи с этим он просил «послать на длительное время опытного писателя».⁶ В командировку в Хакасию приехали известные писатели Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Красноярска. Значительную помощь молодой писательской организации оказывали члены Красноярского отделения СП И. Рождественский и А. Гуревич.

Большую роль сыграла деятельность комиссии по работе с молодыми писателями при Союзе Писателей СССР. В октябре 1950 г. она приняла участие в совещании молодых писателей области, где говорилось о необходимости идейно-художественного совершенствования творчества молодых писателей (Тинников Н., Угдыжеков В. и др.). В дальнейшем хакасские писатели неоднократно участвовали на крупных союзных совещаниях и конференциях, поддерживали творческие связи с писателями других республик.

В декабре 1954 г. состоялся II Всесоюзный съезд советских писателей, который подвёл итоги 20-летнего периода советской литературы после I-го съезда (в 1934 г.), отметил достижения и недостатки, наметил направления дальнейшего развития.⁷ Съезд был открыт 15 декабря в Большом Кремлевском дворце. На нём присутствовало 738 делегатов, представляющие все союзные и автономные республики, края и области.⁸

Подготовка к съезду вызвала всеобщее оживление деятельности всех литературных организаций, в т. ч. и на местах. По инициативе Красноярской писательской организации писатели встречались с населением, начинающими литераторами. В гг. Абакан и Минусинск отправились Игнатий Рождественский и А. Кердаду.⁹

Писатели национальных районов Южной Сибири являлись делегатами съездов ССП СССР. На II Всесоюзный съезд советских писателей были делегированы от Красноярского отделения ССП С.В. Сартаков, от тувинского отделения ССП – писатели О. Саган-оол, С. Сарыг-оол, от хакасского отделения ССП – М.Е. Кильчичаков.

Съезд заслушал и обсудил доклад А. Суркова «О состоянии и задачах советской литературы», содоклады К. Симонова, А. Корнейчука, С. Герасимова, Б. Полевого, П. Антокольского и др.

В январе 1955 г. в Хакасии прошло собрание писателей совместно с литактивом, посвящённое итогам II Всесоюзного съезда ССП и задачам литераторов области. Собрание пришло к выводу, что за последнее время несколько оживилась литературная жизнь в области. Об этом свидетельствовал выход в свет сборников стихов М. Адаева, Г. Сысолятина, коллективного сборника молодых поэтов «Степные зарницы». Больше внимания стало уделяться прозаическим произведениям.

В литературе и искусстве, отмечалось в постановлении собрания, основной задачей была и остаётся «забота об идейной направленности нашей литературы, о глубоком изучении и правдивом изображении писателями действительности на основе творческого овладения марксизма-ленинизма». Собрание рекомендовало бороться решительно с любыми отклонениями от принципов социалистического реализма, а для дальнейшего развития литературы области поддерживать соревнования различных, развивающихся на основе принципа социалистического реализма, творческих течений. В связи с этим, ответственному секретарю, отделения ССП М.Е. Кильчичакову было указано, что во время творческих обсуждений произведений местных авторов следует «создавать подлинно товарищескую обстановку, беспощадно бороться с какими-то ни было проявлениями групповщины, бюрократизма, казёнщины».¹⁰

В августе 1957 г. на одном из заседаний Бюро ЦК КПСС по РСФСР решило, в «целях объединения писательских сил РФ и создания необходимых условий для усиления творческой работы писателей в автономных республиках, краях и областях» создать СП РСФСР и провести учредительный съезд СП РСФСР во втором полугодии 1958 г.¹¹

I учредительный съезд писателей РСФСР состоялся в декабре 1958 г. Участие в нём делегатов от национальных районов было более представительным. В работе съезда принимали участие делегаты, избранные на 15 съездах писателей автономных республик и на 33 отчётно-выборных собраниях писателей в краях и областях РСФСР. Всего было избрано 410 делегатов.¹²

Готовясь к съезду писателей РСФСР, М.Е. Кильчичаков писал в местной прессе о достижениях писателей Хакасии, о том, что «освоение метода социалистического реализма в хакасской литературе происходило в исторически благоприятных условиях», поскольку перед ними был опыт многонациональной советской литературы, в первую очередь, русской советской литературы. «Вот почему наши литераторы – писал М.Е. Кильчичаков, – за относительно короткий срок достигли значительных творческих успехов».¹³

Хакасская автономная область отправила на съезд председателя отделения ССП М.Е. Кильчичакова. Центральное место в работе съезда занял вопрос о «периферийной литературе», о недостатках информации о деятельности провинциальных писателей.

I учредительный съезд писателей РСФСР прошёл в свете решений XXI съезда партии. ЦК КПСС выразил уверенность, что писатели РСФСР «будут и впредь активно бороться за идейную чистоту советской литературы, проявляя непримиримость ко всяким видам ревизионизма, ко всяким проискам буржуазной идеологии».¹⁴ В центре внимания СП РСФСР должны были

стать идейно-творческие вопросы, сплочение писательского коллектива на принципиальной основе служения партии и народу. Особое внимание СП РСФСР необходимо было обратить на рост новых писательских сил на местах, на воспитание и поддержку молодых талантливых литераторов.

Через год в Москве прошли дни декады искусства и литературы автономных республик и областей РСФСР.

Вопрос о создании СП РСФСР с целью консолидации и регламентации всех литературных сил народов СССР неоднократно обсуждался на бюро ЦК КПСС, тем более что писатели РСФСР представляли самый крупный коллектив литераторов в стране. В республиках было сосредоточено 40 краевых, областных и республиканских отделений СП СССР с общим составом 2200 человек, т. е. больше половины советских писателей.

Количество местных писательских организаций в стране с сер. 50-х гг. XX в. до II съезда писателей РСФСР в 1965 г. выросло с 48 до 67.¹⁵ В это время были основаны отделения Союза писателей РСФСР в крупнейших городах Сибири – Омске, Кемерово, Томске.

Итоги деятельности писательских организаций РСФСР подытожил II съезд, который состоялся в мае 1965 г. Членов СП на II съезде писателей РСФСР было 429. Они представляли 67 писательских организаций РФ. За 6 лет со дня I учредительного съезда в писательскую организацию вступило 849 новых членов. В краях, областях и автономных республиках – 467 человек. Если при организации СП литература РСФСР была представлена 43 национальными языками, то теперь – 56. Делегатами II съезда писателей РСФСР от Тувинского отделения СП были писатели Ю. Кюнзегеш и А. Калзан.¹⁶ Из ХАО – Н.Г. Доможаков и Г.Ф. Сысолятин, из Горного Алтая – В.О. Адаров и Э.М. Палкин. Анализ культурной и духовной жизни страны после II съезда писателей РСФСР позволяет сделать вывод, что деятельность художественной интеллигенции становится более насыщенной и разнообразной.

В национальных литературах многие поэты начали работать в прозе. Например, Лазарь Кокышев создал первый горно-алтайский роман «Арина», Н. Доможаков – «В далёком аале», Степан Сарыг-оол – повесть «Ангыр-оол».

Таким образом, изменения в политической и культурной жизни страны оказали влияние на развитие литературы в национальных районах Южной Сибири. Поворотным пунктом в истории художественной интеллигенции национальных районов стали XX, XXI и другие съезды КПСС. С целью консолидации и регламентации всех литературных сил народов республик, руководство страны создало СП РСФСР, которое явилось важным событием в жизни писателей РФ за последние годы. Это с одной стороны, контролировало и регулировало деятельность местных писательских организаций, с другой, оживило их работу, приблизило к ним руководство и творческую помощь со стороны правления Союза. Благодаря деятельности съездов и пленумов СП СССР и РСФСР в кон. 1950-1960-х гг. значительно усилилась и повысилась творческая активность молодой художественной интеллигенции национальных районов, повысилась их профессиональное мастерство.

2011

Примечания:

¹ Пустовалов С.И. Традиции работы с молодыми писателями после Великой Отечественной войны//Интеллигенция России: традиции и новации. – Иваново, 1997. – С. 399.

² Кошелева А.Л. Хакасская поэзия 1920 – 90-х гг.: типология и закономерности развития. Абакан, 2001. С. 24.

³ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 398. Д. 1. Л. 31.

⁴ Так же, Ф. 379. Д. 2. Л. 55.

⁵ Хакас чирі. 1999. 27 марта.

⁶ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 379. Д. 2. Л. 128.

⁷ Второй всесоюзный съезд советских писателей 15 – 26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. – М., 1956. – С. 607.

⁸ Там же. – С. 595.

⁹ ЦХИДНИКК, Ф. 1401. О. 1 Д. 5. Л. 38.

¹⁰ ГАРХ. Ф. Р-589. О. 1. Д. 5. Л. 56.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17, О. 16, Д. 21. Л. 4.

¹² РГАСПИ. Ф. 17, О. 16, Д. 49, Л. 164.

¹³ Кильчицаков М. Навстречу I съезду писателей РСФСР / М. Кильчицаков // Советская Хакасия. – 1958. – 4 декабря. – С. 4.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17, О. 16. Д. 49 Л. 108.

¹⁵ Чащина Л.Г. Русская литература Горного Алтая / Л.Г. Чащина. – Томск, 2003. – С. 84.

¹⁶ ЦГАРТ. Ф. 55. О. 1. Д. 1. Л. 141.

В.В. Филиппов,

г. Красноярск

Подарки фронту или «Судьба именной эскадрильи»

Осенью 1942 г. саратовский пасечник Ферапонт Петрович Головатый внёс в Фонд обороны 100 000 руб. личных сбережений и попросил на эти деньги построить боевой самолёт, вручить его лётчику-земляку Борису Ерёмину. Его просьба была выполнена, в газетах широко освещался его патриотический поступок, который вызвал многочисленные отклики у трудящихся тыла. На личные сбережения сотен патриотов многонациональной страны были построены сотни боевых самолётов, танков, именные корабли и другое вооружение для Красной Армии. Стало хорошей традицией подаренной боевой технике присваивать собственные наименования или на бортах писать от кого подарок.

Не остались в стороне и труженики тыла в Красноярском крае. В отчёте военного отдела Черногорского ГК ВКП(б) за 1943 г. есть упоминание о сборе денег в фонд обороны:

1. В фонд обороны страны собрано 55 970 руб. 95 коп.
2. На строительство эскадрильи «Боевые подруги» 7 985 руб.
3. На эскадрилью «Красный железнодорожник» 404 руб.
4. На танковую колонну «КИМ» 230 руб.
5. На эскадрилью «Истребители» 13 102 руб.
6. На эскадрилью «Хакасский комсомол» 4 319 руб.
7. На эскадрилью «25 годовщина ВЛКСМ» 177 188 руб. 78 коп.¹

В газете «Красноярский Рабочий» № 13 (7363) от 16 января 1943 г. было помещено следующее обращение: «Москва, Кремль, И.В. Сталину. Железнодорожники Красноярской дороги, стремясь оказать всемерную помощь Красной Армии в её героическом наступлении против немецко-фашистских оккупантов, внесли из своих трудовых сбережений 2 144 770 руб. на постройку танковой колонны «Красноярский железнодорожник».

Мы заверяем Вас родной товарищ Сталин, что железнодорожники Красноярской дороги сделают всё, чтобы выполнить свой священный долг перед Родиной, они ничего не пожалеют для своей родной героической Красной Армии и своей самоотверженной работой в тылу обеспечат скоростное продвижение поездов для фронта и промышленности.

Начальник Красноярской железной дороги Л. Соболев, начальник политотдела дороги И. Мошук, председатель дорпрофсожа Н. Малеев».

Из воспоминаний К.С. Чанчиковой (Шумковой):

«Я работала в это время в Советском РК ВЛКСМ (ныне Березовский район). Секретарь райкома комсомола Ксения Ивановна Кузнецова спросила меня:

– Газеты читаешь?

– Читаю.

– Что вычитала?

– Пишут, что многие оказывают помощь фронту. Вот Головатый внёс большую сумму на самолёт.

– А кто бы у нас мог?

– Давайте я попробую. Зерно, картошка есть. Дайте мне лошадь съездить в свою деревню Лопатино.

Продали скотину, хлеб, картошку. Мешок денег. В банке подсчитали – 120 тыс. руб. А надо 121 тысячу. Не хватает тысячи рублей, продала всё что можно и внесла дополнительно. Представитель из Москвы в Крайкоме партии спросил: «Что хотите приобрести?». Я говорю:

– Самолёт!

– Будет Вам самолёт!»

Ответная телеграмма Сталина: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии товарищ Шумкова за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено». Так имя нашей землячки стало известно всей стране.

В это время в Красноярске – мощном аэроузле, центре переучивания лётчиков-фронтовиков на поступающую по Красноярской воздушной трассе ленд-лизовскую авиационную технику, с конца марта 1943 г. находился 21 гвардейский Краснознамённый истребительный авиаполк под командованием опытного лётчика, участника войны в Испании, Финской войны, кавалера пяти боевых орденов гвардии подполковника Николая Григорьевича Соболева.

Полк – в ВВС один из самых боеспособных, в 1939 г. – Халхин-Гол, затем освобождение Западной Украины и Белоруссии, в 1940 г. – Финская война, сопровождение бомбардировщиков в район Хельсинки, Або, Тампере, штурмовка войск противника. Сбито 12 самолётов противника.

В Великой Отечественной войне в составе 4 САД с 22 июня 1941 г. на прикрытии ВМБ Таллин, Тарту, сопровождении бомбардировщиков. С июля по октябрь 1941 г. полк прикрывал отход войск Северо-Западного фронта под Старой Руссой на самолётах И-16, И-153. С июня по октябрь 1941 г. полком совершено 3445 боевых вылетов, сбито 93 самолёта противника и 1 аэростат.

С декабря 1941 г. по январь 1943 г. на ЛаГГ-3, Як-1, Ла-5 – сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков в Демянском котле, уничтожение окружённой 16 немецкой армии. За этот период совершено 2346 боевых вылетов, сбит 101 самолёт противника, в т.ч. 18 транспортных. Приказом НКО № 135 от 3 мая 1942 г. 38 ИАП преобразован в 21 гвардейский ИАП, Указом ПВС СССР от 21 июля 1942 г. полк награждён орденом Красного Знамени. В феврале 1943 г. полк выведен в тыл на переформирование и переучивание.²

Вот в эту оваянную славой воинскую часть и было принято решение передать самолёты, приобретённые на средства тружеников Красноярского края. Десять новеньких самолётов – истребителей Р-39 «Аэрокобра», прибывших в Красноярск из США получили почётные наименования.

В Актах передачи самолётов от 6 мая 1943 г. было написано: «...21 Краснознаменному гвардейскому авиаполку переданы самолёты «Аэрокобра», приобретённые на средства трудящихся Красноярского края:

– № 25023, 29263, 29286 с наименованием «Красноярский рабочий»,

– № 29268, 29545, 29302, 29274 с наименованием «Красноярский колхозник»,

– № 29285, 29300, 29295 с наименованием «Красноярский комсомолец».³

На самолёте, переданном командиру полка кроме надписи «Красноярский комсомолец» была надпись «Приобретён на средства колхозницы Шумковой К.С. для гвардии подполковника Соболева Н.Г.»

Не оставили без подарков и лётчиков, принимавших именные самолёты. Документ той поры: «...По случаю передачи 21 ГИАП 10 самолётов «Аэрокобра» преподнесены лётному составу 21 ГИАП: гвардии капитанам Прошенкову, Груздеву, Чугаеву, гвардии старшему лейтенанту Леонову – ручные часы, гвардии инженер-капитану Правда – серебряный портсигар».⁴

К сожалению, во время переучивания лётчиков полка в Красноярске два подаренных самолёта были разбиты в авиакатастрофах:

– 10 июня 1943 г. При возвращении из зоны на аэродром Красноярск старший лётчик 21 ГИАП гвардии лейтенант Леонид Ефимович Иванов на самолёте Р-39 «Аэрокобра» № 29302 «Красноярский колхозник», на высоте 1200-1300 м самовольно выполнил «бочку», сорвался в штопор, из-за отсутствия высоты не успел выйти из пике и с углом врезался в землю в 2-х км юго-восточнее станции Злобино. Самолёт сгорел, лётчик погиб. Похоронен в г. Красноярске.⁵

– 12 июня 1943 г. При выполнении упражнения в зоне у самолёта Р-39 «Аэрокобра» № 25023 «Красноярский рабочий» отказал мотор, самолёт сорвался в штопор. После вывода из штопора лётчик перевёл самолёт в спираль. У самой земли лётчик не рассчитал радиус разворота, из-за боязни столкнуться с возвышенностью потерял скорость и упал на скате Красной горки у совхоза Солонцы в 8 км западнее Красноярска. Самолёт разбит, лётчик 21 ГИАП гвардии сержант Костин Николай Александрович – погиб. Расследование происшествия показало: в правом баке бензин выработан, левый бак оказался перекрыт. Отказ мотора произошёл из-за неподачи топлива.⁶

В конце июня 1943 г. восемь именных самолётов – авиаэскадрилья «Красноярский комсомолец» в составе 21 ГИАП убыла из Красноярска на фронт и началась боевая работа. С октября 1943 г. по январь 1944 г. – Полтава, Миргород: прикрытие наземных войск, сопровождение Ил-2, Пе-2, штурмовка, разведка. За 1943 г. полк произвёл 935 боевых вылетов, 53 воздушных боя, сбито 88 самолётов противника; свои потери – 2 лётчика.

В январе-феврале 1944 г. – уничтожение Корсунь-Шевченковской группировки противника, сопровождение Пе-2, прикрытие войск. Совершено 237 боевых вылетов, сбито 19 самолётов; свои потери – 2 самолёта. С марта по май 1944 г. – Уманская операция: 281 боевой вылет, сбит 41 самолёт; свои потери – 2 самолёта.

Июнь 1944 г. – Ясская операция: сопровождение бомбардировщиков 452 и 453 БАП. Совершено 197 боевых вылетов, сбито 8 самолётов противника; свои потери – 3 самолёта.

Июль 1944 г. – сопровождение бомбардировщиков 804 и 80 БАП. Совершено 496 боевых вылетов, сбито 19 самолётов противника; свои потери – 3 самолёта.

Август 1944 г. – Сандомирский плацдарм: прикрытие войск. Совершено 244 боевых вылета, сбито 9 самолётов противника; свои потери – 2 самолёта.

Август 1944 г. – июль 1945 г. – Польша, Германия. Совершено 2 398 боевых вылетов, в 65 воздушных боях сбито 24 самолёта противника; свои потери – 5 самолётов.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 14.12.1943 г. полку присвоено почётное наименование «Черкасский». Указом ПВС СССР от 26.04.1945 г. за бои при овладении г. Ратибор, Бискау полк награждён орденом Кутузова 3-й степени.

21 гвардейский Черкасский Краснознаменный ордена Кутузова 3-й степени авиационный полк закончил войну на территории Германии.⁷

По архивным документам автору удалось установить судьбу самолётов именной «Красноярской» эскадрильи:

№ 29263 «Красноярский рабочий» – сбит в воздушном бою 26.10.1943 г.

№ 29286 «Красноярский рабочий» – не вернулся с боевого задания 23.01.1944 г.

№ 25023 «Красноярский рабочий» – разбит в катастрофе при переучивании в г. Красноярске 12.06.1943 г.

№ 29268 «Красноярский колхозник» – отправлен в ремонт в сентябре 1943 г., дальнейшая судьба не известна.

№ 29545 «Красноярский колхозник» – отправлен в ремонт 17.03.1944 г.

№ 29302 «Красноярский колхозник» – разбит в катастрофе при переучивании в г. Красноярске 10.06.1943 г.

№ 29274 «Красноярский колхозник» – долетал до конца войны.

№ 29285 «Красноярский комсомолец» – разбит в аварии 12.10.1943 г.

№ 29300 «Красноярский комсомолец» – не вернулся с боевого задания 30.11.1943 г.

№ 29295 «Красноярский комсомолец» – не вернулся с боевого задания 20.10.1943 г.⁸

В конце войны гвардии полковник Соболев уже был заместителем командира 23-й гвардейской истребительной авиадивизии, на его личном счету было 27 сбитых самолётов врага (причём сам он не был сбит ни разу). После увольнения в запас кавалер девяти боевых орденов Николай Григорьевич Соболев жил в Воронеже.

Кристина Спиридоновна Шумкова (в замужестве Чанчикова) работала вторым секретарём Советского райкома ВЛКСМ, с 1952 г. жила в г. Железногорске, работала заведующей столовой, затем в объединении общественного питания, после смерти мужа вернулась в родную деревню.

Эта эскадрилья была не единственным подарком красноярцев для ВВС Красной Армии. Ещё один документ военной поры:

«...28.06.1944 г. Заведующему военным отделом Красноярского краевого комитета ВКП(б) т. Гусеву. Справка о строительстве боевых машин для РККА на средства комсомольцев и молодёжи края. Встречая 25 годовщину Ленинско-Сталинского комсомола, комсомольцы и молодёжь края собрали более 2 000 000 руб. На собранные средства построили и передали Красной Армии (авиаполку майора Худокормова) авиаэскадрилью боевых самолётов «Красноярский комсомолец» в подарок 25-летию ВЛКСМ.

Встречая 25-ю годовщину Красной Армии, комсомольцы и молодёжь края собрали 1 400 000 руб. На собранные средства построили и передали Красной Армии эшелон зенитных пушек (86 шт.), которыми вооружили один артполк (отправлены на Балтийский флот).

Секретарь крайкома ВЛКСМ по военной работе Кардаш».⁹

2011

Примечания:

¹ ГАРХ. Ф.2. О.1. Д.930. Л.91.

² ЦАМО РФ. Ф.21 ГИАП. О.518604. Д.2. Л.1-3.

³ ГАКК. Ф.26. О.13. Д.519.

⁴ ГАКК. Ф.26. О.13. Д.519.

⁵ ЦАМО РФ. Ф.160. О.13234. Д.132. Л.372.

РАЗДЕЛ V. ОБРАЗОВАНИЕ

Е.Н. Ващенко,
г. Минусинск

Психологический портрет молодежи XX-XXI вв.: на примере студентов Минусинского сельскохозяйственного колледжа

Результаты исследования выявили тенденцию расширения десоциализации, маргинализации молодёжи. За последние годы в колледже увеличивалось количество молодых людей, ведущих асоциальный, аморальный образ жизни в силу различных, как объективных, так и субъективных причин. Отрицание морали, отказ от нравственных принципов, откровенное бесстыдство, оправдание любых средств для достижения цели, демагогия, корыстолюбие, малодушие, распущенность, наглость, нравственная деградация. Увеличилось количество студентов, которые предрасположены к неврозам и психопатиям, шизоидным и истерическим отклонениям и т.д.

Студенты Минусинского сельскохозяйственного колледжа не имеют способности к продолжительному физическому напряжению. Любят ходить быстрым шагом, что возможно связано с необходимостью вовремя добираться до учебного заведения. Все их движения хорошо координированы, быстры и точны.

Мимику учащихся можно назвать несколько монотонной, но, в то же время, достаточно выразительной, всегда соответствующей переживаниям. Свойственна непринуждённая улыбка. Жестикуляция более выразительная и более оживлённая, чем мимика. Все движения очень просты и естественны. Одним из любимых жестов является жест «приветствия». Когда идёт речь о делах, часто старательно подавляют свои душевные и эмоциональные проявления. Говорят часто нечётко и неясно. Физкультурой и спортом систематически не занимаются. Любят смотреть на разные игры, но сами редко принимают в них участие. Любят компьютерные игры, игры, связанные с риском. Имеет место использование сотового телефона во время урока (смс, игры, прослушивание музыки). Студенты стремятся к общению со сверстниками, любят шумные компании. О друзьях отзываются с теплотой, при этом отмечают, что близкие друзья были у них в школе, но сейчас они не часто встречаются с ними. Повышенный сексуальный интерес. На вопрос о существовании любимого человека отвечают, что пока серьёзно не влюблялись, были только лёгкие увлечения. В одежде преобладает спортивный стиль.

У учащихся сельхозколледжа преобладают следующие черты характера, наиболее развитые в структуре личности: неприятие условностей, пассивность, конформность, узость интересов; неприятие других людей такими, какие они есть; инфантилизм, экспрессивность; приложение минимума усилий для достижения поставленных целей. В меньшей степени преобладают положительные тенденции в развитии черт характера личности студента: открытость, ответственность, надёжность, терпение, активность, уверенность в себе, самостоятельность мышления, адекватная самооценка, отсутствие боязни неудач.

Установлено, что 67% студентов имеет низкий уровень культуры. Курение характерно для 89% студентов, употребление спиртного – 7%, сквернословие – 65%, вызывающее отношение к старшим – 46% и т.д.

В списке расходов молодёжи (75%) на «духовную пищу» приоритетными являются аудио

(текст не важен) и видеозаписи (до предела наполненными сценами насилия, жестокости).

В трудовой мотивации приоритет отдаётся не содержательному труду, а труду, направленному на получение материальной выгоды. Сегодня в системе нравственных приоритетов у молодёжи колледжа доминирующее место заняли «культ успеха». Но самое прискорбное заключается в том, что в сознании у нынешнего поколения господствует психология обогащения, причём обогащения без труда, приложения усилий.

Но главное – это молодёжь, способная наследовать и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Сегодня в России идёт процесс социальной деградации общества: разрушение образования, науки, здравоохранения, культуры и духовности. Несогласованность и непроработанность правительством отдельных решений, касающихся молодёжи, принятых в последнее время, лишь усугубила негативные социальные тенденции в её среде.

Необходимо, исходя из реальных социально-психологических проблем, определять государственную молодёжную политику. Важной целью её должна стать помощь молодёжи в адаптации к современным социально-экономическим условиям, а не уничижающая политика против будущего специалиста. Анализируя отдельные черты студентов Минусинского сельскохозяйственного колледжа, можно сказать, что это продукт молодёжной политики государства.

2010

И.Г. Кудрявцева, Н.Г. Устинова,
г. Минусинск

Сибирской земли голоса...

Можно ли корить молодое поколение за беспамятство? За безразличие к вчерашнему, даже если вчера решалась судьба родной земли?

Когда закончилась Великая Отечественная война, было принято устраивать встречи её участников со школьниками, студентами, на которых звучали рассказы о войне. Тогда ещё ветераны жили фронтовыми буднями. Но обстоятельства побуждали жить новыми. В этих новых оставалось всё меньше места вчерашним, и сами они, вчерашние, теряли подлинность. Драматизм военных судеб и военных событий – вот что стало не ко двору. Со временем ветеранские рассказы о войне стали мало интересовать подрастающее поколение, но здесь виноваты не ветераны, которым из года в год становилось всё труднее в своих воспоминаниях переживать заново: окопы, ночные марши, гноящиеся раны и жизнь в постоянном ожидании смертельного осколка, пули. Вспомним искусственность самой ситуации: «Дети, сегодня перед вами выступит ветеран войны с рассказами о своих боевых подвигах».

И музеи боевой славы, и вахты памяти, и даже посты № 1 у памятников героям Великой Отечественной войны очень скоро превратились, к сожалению, в свою противоположность – они воспитывали в большинстве случаев не патриотизм и уважение к ветеранам, а наоборот – раздражение и цинизм по отношению к истории своего народа.

Неумолимое время уносит с собой ветеранов, а мы всё ищем ответа на вопрос: «Кто виноват?» Они, дети, имеют право ошибаться – есть такая привилегия у детства. Мы, взрослые, – нет.

История имеет одну странную особенность: чем дальше отодвигаются события, тем больше особенности одного времени накладываются на особенности другого. Современные дети уже с трудом различают на этом историческом горизонте и Великую Отечественную, и гражданскую, и Первую мировую. Дело вовсе не в количестве фактов, которые им необходимо запомнить из курса истории. Образовательный минимум здесь не спасёт. В этом случае педагогика становится перед нравственным выбором. Выбор у каждого учителя свой: что и как он скажет подрастаю-

щему поколению о войне. Нужно таким образом организовать работу, чтобы не только заново высветить отдельные страницы Великой Отечественной войны, но и помочь студентам заглянуть в душу человека тех тяжёлых лет, понять его чувства, переживания, надежды... Понять, что помогло людям того времени выстоять и победить на фронте и в тылу. Только так возможно откликнуться сердцем на чужое горе, пережить его как своё.

Какие шаги предприняты нами в этом направлении? Неиссякаемым источником в такой работе стала для нас родная земля, её люди, их судьбы. К 65-летию Великой победы в г. Красноярске проходил поэтический гражданско-патриотический фестиваль «Мир памяти, мир сердца, мир души...». Члены литературного кружка приняли решение участвовать в фестивале и представить на нём в творческом плане свои изыскания по поэтам Красноярья, чьё детство, молодость совпали с военным лихолетьем. Своё выступление студенты назвали «Сибирской земли голоса». Особое внимание кружковцев привлекли судьбы поэтов, чьи стихи для них оказались малоизвестными, а сопоставление их жизненного и творческого пути привело к интересным выводам: Николая Павловича Ерофеева, Игнатия Дмитриевича Рождественского, Владимира Сергеевича Торочешникова.

Поиск информации о поэтах шёл через краевые газеты, альманах «Енисей», поэтические сборники, прежде всего сборник «Солдатский долг» (Красноярское книжное издательство, 1985 г.), неоднократные личные встречи с блокадником Ленинграда – Владимиром Сергеевичем Торочешниковым.

Игнатий Дмитриевич Рождественский родился в Москве. Его дед по матери дворянин Николай Иванович Бландов был основателем первого в России молочного завода. Бабушка будущего поэта Мария Евграфовна Бландова была литератором, дружила со многими писателями своей эпохи. Отец поэта Дмитрий Рождественский был управляющим на молочных заводах Бландовых. Мать, Екатерина Николаевна, выпускница Сорбонны, знала несколько иностранных языков, любила и понимала музыку, хорошо разбиралась в живописи и литературе. Она и привила интерес к искусству, литературе своим детям. Игнатий рос в атмосфере общей любви. В доме постоянно звучала музыка, читались стихи, на праздники устраивали спектакли...

Октябрьская революция 1917 г. перевернула жизнь семьи, она покидает Москву, когда мальчику едва исполнилось 10 лет. Волею судьбы семья Рождественских оказалась в Красноярске.

В 1927 г., когда Игнатию было семнадцать лет, в газете «Красноярский рабочий» появилось его первое печатное стихотворение «Полк обороны». После окончания школы Игнатий уезжает в Новосёловский район ликвидатором безграмотности и учителем начальной школы деревни Камчатка, затем переезжает в с. Чалбышево Пировского района. Здесь он встретил молодую учительницу Евгению Злотину, ставшую его женой. Двоих сыновей и трёх дочерей воспитали они за долгую совместную жизнь. В 1934 г. молодая семья уезжает в Туруханск. Два года Рождественский учил старшеклассников Туруханска, одновременно учился и сам. Заочно с отличием окончил Иркутский педагогический институт. 1936/37 учебный год Игнатий Дмитриевич начал в Игарке. Город ещё только строился, и как учитель и поэт Рождественский отдал его становлению немало сил.

Начало Великой Отечественной Игнатий Дмитриевич встретил вполне зрелым поэтом, в 1941 г. выехал в Красноярск. По состоянию здоровья он не мог быть на фронте, но стихи его помогали в деле борьбы с врагом. Так, основная идея сборника «В боевом строю» (1942 г.): тыл и фронт едины в борьбе против захватчиков.

Он навсегда оставил в сердцах учеников любовь к литературе и великому русскому языку. Газеты края не раз писали об интересной работе учителя И. Рождественского, о прочных знаниях его учеников. Но лучшее подтверждение его педагогического дара, умение разглядеть божью искру, талант в ребятах, на которых, как говорил Виктор Астафьев, «многие учителя рукой махнули и считали несчастьем великим их учить».

Он не мог представить свою жизнь без ставшей родной Сибири. Его девизом было: «Я себя не мыслю без Сибири, без моих родных сибиряков». Неутомимый путешественник, отлично изучивший природу огромного нашего края, он горячо любил её, о чём свидетельствует большинство названий его сборников: «Северное сияние», «Костёр на льдине», «Колосок в тундре», «На просторах Сибири», «С берегов Енисея», «Тайга шумит», «Саяны», «Зарницы северного края», «Сокровища Абаканской благодати» и др. 2 июля 1969 г. поэта и учителя не стало.

О Ерофееве Н.П., к сожалению, собраны не такие большие сведения, но поиски продолжают-ся. С 1942 г. воевал в 66-й гвардейской Полтавской стрелковой дивизии командиром отделения роты связи. Когда был ранен при форсировании Днепра, остался в строю. От других солдат его отличало то, что в условиях фронтовой обстановки занимался поэтическим творчеством. Фронтовые стихи правдивы, искренне проникновенны и лиричны, печатались в армейских газетах.

Студент, читавший на фестивале стихотворение «Моё поколение» и признанный лучшим чтецом, решил не останавливаться в поисках материала об этом поэте.

Владимир Сергеевич Торочешников – минусинский поэт, ещё ребёнком в годы войны был эвакуирован из блокадного Ленинграда. Сегодня Минусинск стал для него родным. А детские впечатления до сих пор тревожат сердце и вдохновляют на творчество. Живое общение с простым и, в то же время не простым человеком, желающим поделиться своим прошлым, в котором были тяжёлые месяцы блокады, голод, долгие скитания, служба в армии, работа в геологии и на электрокомплексе, воспитывает благодарных слушателей, чья память надолго сохранит яркие эпизоды его жизни.

К каким выводам пришли студенты?

1. Великая Отечественная война вызвала творческий подъём самых разных поэтов – и признанных лириков и молодых фронтовиков, из которых сформировалось новое поколение поэтов. Среди них были и рядовые бойцы, и офицеры, и те, кто остался сражаться с врагом в тылу.

2. Тема Великой Отечественной войны получила своё продолжение и новое осмысление и в послевоенные годы, в том числе и в творчестве тех, кто ребёнком встретил войну.

3. В стихотворениях поэтов-сибиряков картины боёв соседствуют с родной природой, воспоминаниями о доме, о родных и любимых, тем самым усиливают патриотическое и лирическое начало стихотворения.

4. При знакомстве с отдельными судьбами поэтов объём исследуемого материала расширился, что позволило сформировать более глубокое представление о времени и месте человека в судьбоносную годину для страны.

5. Произведения поэтов сибирской земли формируют активное сознание защитника Отечества и истинного труженика.

У каждого поколения своя судьба, но любовь к Родине объединяет нас.

2010

Литература:

1. Гребцов. И. Звёзды над Енисеем: очерки, статьи, интервью. - Красноярск: Горница, 1997.
2. Ермолина Г., Рождественский И.Д. Литературная Сибирь: библиографический словарь писателей Восточной Сибири. Вып. 2. - Иркутск: Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1988.
3. Назаров В.И. С новым веком, родной Красноярск!: историко-краеведческий календарь на 2001 год. - Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 2001.
4. Солдатский долг. Стихи сибиряков-красноярцев: Красноярское книжное издательство, 1985.
5. Торочешников В.С. Это было... Было...: Абакан, 2007.
6. Чернышёва В. Примите моё сердце: Газета «Надежда и мы», 2006. №80

Н.Н. Гельд,
г. Минусинск

Организация научно-исследовательской деятельности в краеведении

Любому обществу нужны одарённые люди, и задача общества состоит в том, чтобы рассмотреть и развить способности его представителей, жажду открытия, стремление проникнуть в самые сокровенные тайны бытия ещё на школьной скамье. Поэтому так важно именно в школе выявить ребят, которые интересуются различными областями науки, вывести школьников на дорогу поиска в науке, в жизни, помочь наиболее полно раскрыть свои способности. Для этой цели в средней образовательной школе № 4 г. Минусинска существует научное общество учащихся. Какое значение для ученика имеет научное общество? Оно даёт ему возможность осознать свою значимость, свою принадлежность к большой науке, знакомит с методами научной и творческой работы, развивает познавательный интерес, любознательность, даёт возможность участвовать в исследованиях.

Ежегодно, в течение 5 лет, при поддержке управления образования администрации г. Минусинска в летнее время группы учащихся школы отправлялись в экспедиции по изучению малых рек и озёр нашей местности. Всегда рядом с ребятами были: Нагорных Валентина Викторовна, специалист архива, Гельд Надежда Николаевна, Соколова Любовь Ивановна, учителя географии, Сайлер Алемпиада Васильевна, учитель химии.

Цель экспедиций:

- формировать стремление к бережному отношению к малым рекам, озёрам;
- формировать чувство любви к родному краю;
- развивать необходимость, самостоятельность мышления, инициативу учащихся;
- создать эмоциональное восприятие, побуждающее к дополнительным действиям;
- формировать преобразовательные эколого-туристические умения;
- защита, уход и улучшение окружающей среды;
- приобретение туристических навыков.

Для исследовательских работ используются различные источники: документы, книги, журналы, материалы краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, фонды архива, городских библиотек, отчёты природоохранных организаций, результаты исследований, социологических опросов, интернет ресурсы, картографические источники и др.

Учащиеся школы на протяжении пяти лет являются участниками и дипломантами IX, XI, XIII, XIV, XV Международных школ-конференций студентов и молодых учёных «Экология Южной Сибири и сопредельных территорий», учредителями которой являются: Министерство образования и науки Российской Федерации, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Сибирский федеральный университет, Институт биофизики СО РАН, Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, Государственный природный заповедник «Хакасский» при поддержке Правительства и Верховного Совета Республики Хакасия.

Работы участников НОУ, учеников средней школы № 4: «Оценка экологического состояния оз. Большой Кызыкуль» (Максименко Владимир, 2004 г.); «Результаты исследования и расчётная оценка количества выбросов вредных веществ в воздух от автотранспорта на улицах г. Минусинска» (Соколов Павел, 2007 г.); «Парки и скверы Минусинска, проблемы озеленения города» (Кондрашова Ксения, 2009 г.); «Оценка некоторых компонентов биогеоценозов окрестностей оз. Большой Кызыкуль» (Мухамедзянова Азиза, 2010 г.); «Экологическая оценка некоторых компонентов биогеоценозов оз. Большой Кызыкуль» (Мухамедзянова Азиза, 2011 г.)

Ребята со своими работами по краеведению выступают на конференциях, олимпиадах муни-

ципального, регионального, федерального уровней, успешно приняли участие в викторине, посвящённой 75-летию Красноярского края.

Организация исследовательской деятельности учащихся в краеведении – сложная работа, требующая от учителя не только большого энтузиазма в творческом плане, но и преодоления определённых организационных трудностей. Однако, как показывает опыт, эти сложности окупаются повышением уровня знаний учащихся по географии; возрастающим интересом к предмету, изучению своего края. Помогает подготовить ребят к обучению после окончания школы в различных учебных заведениях, успешно решать проблемы в области воспитания.

Участники НОУ в 2001-2004 гг. провели экспедиции:

– К истокам р. Минусинки.(комплексная) – собрали растения для гербария, вели самостоятельные наблюдения: ботанические, гидрологические, экологические; в агрохимлаборатории сделали анализы воды на нитрогруппу, в лаборатории гидрогеологической партии – анализ проб воды на содержание нефтепродуктов.

– По р. Лугавке от истока до устья (комплексная): провели гидрологические наблюдения, составили описание истока реки, собрали гербарий растений, произрастающих в районе истока и устья, описали растительность.

– К Оз. Малый Кызыкуль (комплексная): провели гидрологические наблюдения, составили отчёт об исследовании, зафиксировали экологическое состояние озера, собрали гербарий.

– К Оз. Большой Кызыкуль (тематическая). Провели мониторинги: геоэкологический (наблюдения за изменениями в биогеоценозах по методике Алексева С.В. (1996), биоиндикация воздушного загрязнения по состоянию хвои сосны, влияние рекреационных нагрузок на лесные экосистемы., определение чистоты воздуха по лишайникам, биоэкологический (наблюдение за качеством водных объектов, степенью их загрязнения).

Результатом экспедиций были публикации в СМИ, выступления на краевых научно-практических конференциях.

2011

Н.П. Леонтьева,
г. Минусинск

Партнёрство музея и кабинета истории Минусинского сельскохозяйственного колледжа по созданию информационных краеведческих проектов

Партнёрство кабинета истории Минусинского сельскохозяйственного колледжа и регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова развивается по нескольким направлениям. Это проведение совместных мероприятий; использование материалов музея в учебной исследовательской деятельности; участие в Мартыановских чтениях; посещение экспозиций и выставок и создание информационных краеведческих проектов.

Первый учебный проект по теме: «Минусинский округ на рубеже XIX-XX вв.» был подготовлен ещё в 1998 г. Студенты, работая в научной библиотеке музея и знакомясь с содержанием газет Енисейской губернии, подготовили творческие работы, которые в совокупности содержали характеристику социально-экономического и культурного развития Минусинского округа и города Минусинска на рубеже веков. Работа осуществлялась под руководством научного сотрудника музея В.Г. Чернышёвой. Итоги были подведены на конференции с участием научных сотрудников и директора музея Л.Н. Ермолаевой.

Наш город – один из старейших городов юга Красноярского края, имеющий свой неповторимый облик, запечатлённый в архитектурных памятниках. Среди студентов много приезжих

ребят. Большая часть из них имеет ограниченные знания по истории города, да и те, кто родился и вырос в Минусинске, лучше знают его новую часть, чем историческую. Возникла идея создать электронный проект «Прогулка по старому Минусинску». В 2007-2008 гг. была создана первая часть проекта под названием «Первая площадь», в ней рассказывается об исторических зданиях одной из двух главных площадей города: площади III Интернационала. Немногие знают это название, чаще говорят: «Музейная площадь», а когда-то её называли Соборной. В работе над проектом студенты использовали статьи Минусинского краеведа Валерия Сергеевича Плехова, опубликованные в газете «Надежда» в период с 1998 по 2000 гг., архивные материалы и уникальные фотографии Минусинска кон. XIX – нач. XX вв. из фондов музея. Работали студенты совместно с научными сотрудниками отдела фондов: О.И. Боярченко и В.И. Ермиловой. В декабре 2009 г. студентка Оксана Вааль представила данный проект на «Мартьяновских чтениях», а в 2010 г. она выступила с ним на краевой научно-практической конференции «Историко-политический, социально-экономический и правовой аспекты развития Красноярского края».

Планируется продолжить работу в этом направлении и создать проект «Субботняя площадь. Дома и судьбы». Проходит время, меняются названия. Уходят люди, но то, что они создали, продолжает жить, составляя нашу историю. В домах, которые построило минусинское купечество, располагались магазины, учебные заведения, городские учреждения и жилые помещения. Эти дома служат нам и сегодня, но время и люди не щадят их. Символом такого разрушения стал знаменитый дом Вильнера. Очень актуальным становится вопрос о сохранении самобытного облика исторической части города. Этой проблеме мы посвятили проект «Минусинск, который мы можем не увидеть?!», созданный в 2011 г. студентом Дмитрием Ямщиковым. Мы сделали фотографии ряда домов по ул. Октябрьской, показали их состояние, примеры их удачного использования, нового строительства в старом стиле. И наоборот, плачевное состояние деревянных домов по ул. Штабной. Их жители были переселены по программе ветхого жилья, а дома, которые при надлежащем содержании могли служить ещё много лет, оказались брошенными. Окна и двери не заколочены, внутри образовались горы мусора. Кажется, что их специально хотят довести до полного разрушения, а потом на этой территории, возникнут глухие заборы, скрывающие чьи-то особняки. Практически уже сейчас в Минусинске нет мест, которые сохранили бы облик, характерный для кон. XIX в. Пожалуй, только площадь III Интернационала. Не случайно её называют визитной карточкой города.

К причинам сложившейся ситуации можно отнести отсутствие документа, чётко определяющего границы охранной зоны старой части города, документа о правах и обязанностях жителей исторической части и отсутствие финансовых средств. Согласно информации отдела культуры, в 2013 г. должен появиться план, в котором будут обозначены дома и участки города, требующие реставрации. Проект «Минусинск, который мы можем не увидеть?!» был представлен на научно-практической конференции «Катановские чтения» в 2011 г. в Абакане, где получил Диплом I степени.

Проблема патриотического воспитания молодого поколения является одной из самых важных.

В мае 2010 г. студент Дмитрий Ямщиков принял участие в региональной викторине, посвящённой 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, организованной музеем им. Н.М. Мартянова, редакцией газеты «Власть труда», районной администрацией и городским Советом ветеранов. Поиск ответов, знакомство с литературой и документальным материалом вызвали большой интерес. Родилась идея создать информационный краеведческий проект, рассказывающий о вкладе минусинцев в общую победу над врагом.

В Минусинске формировались воинские подразделения, работали эвакогоспитали, принимали детские дома. На предприятиях выпускалась продукция необходимая фронту. Жители сёл и деревень старались собрать как можно больший урожай, отдавали последние сбережения на

строительство самолётов и танков, собирали подарки и посылки для бойцов Красной Армии. Представители Минусинска и Минусинского района отважно сражались на всех фронтах.

Жизнь поколения начала 1940-х гг. может служить примером высокого патриотизма для молодого поколения XXI в.

По форме проект представляет собой историко-документальную композицию, которая сопровождается показом слайдов, содержащих иллюстративный материал и часть текста.

Содержание проекта разработано студентами на основе краеведческой литературы, изданной в последние годы при участии Минусинского музея и Совета ветеранов. Это «Энциклопедия Красноярского края. Юг», «Минусинцы и Великая Отечественная...» (I часть), «Здравствуйте! Фронтовые письма 1941-1945 гг.» и др. Из фотоматериалов фондов музея составлено 50 слайдов. В проекте используются записи песен военных лет и современных песен о войне, а также стихи фронтовиков, современных поэтов и самодельных авторов. Консультативную помощь в работе студентам оказывали научный сотрудник А.А. Канкеев и фотограф музея Л.И. Порошина.

В первой части проекта: «Они сражались за Родину!» рассказывается о том, какие воинские части формировались в Минусинске, об участии минусинцев в главных сражениях и битвах Великой Отечественной войны. «Всё для фронта, всё для победы над врагом!» – эти слова стали смыслом жизни для тех, кто работал в тылу. Им посвящается вторая часть проекта. В ней мы используем, не только вышеуказанные источники, но и материалы исследовательской работы бывшей студентки В. Блиновой о старейшем актёре и режиссёре Минусинского театра Н.К. Гудзенко.

Фронтовые письма – связующие нити между близкими людьми, которых разлучила война. Эти пожелтевшие от времени листочки бережно хранят в краеведческом музее. Мы взяли строки из писем солдата Николая Гудошникова. Двадцатилетним пареньком он ушёл на фронт. Стали приходить домой письма из Сталинграда, Курска, Украины, Румынии, Венгрии, Чехословакии.

В четвёртой части мы отдали дань памяти тем, кто не вернулся домой с полей сражений, пропал без вести или умер от ран в госпиталях. Им поставлены в Минусинске памятники и памятные знаки, фотографии которых представлены в проекте.

Все указанные проекты используются в учебно-воспитательном процессе: на классных часах, праздничных мероприятиях, на уроках и способствуют формированию у молодёжи нравственных и гражданских качеств. Создание проектов было бы не возможно без взаимного сотрудничества двух коллективов: студенчества и научных сотрудников музея.

2011

Л.М. Медведева,
г. Минусинск

Школьное краеведение как одна из форм воспитания патриотизма

В наше непростое время после того, как произошла социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей – всё, что оказало негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны, деятельность школьного музея определяется необходимостью поднять воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Школьный музей является одной из форм дополнительного образования, развивающей сотворчество, активность, самостоятельность учащихся в процессе сбора, исследования, обработки, оформления и пропаганды материалов. Воспитание любви к своей великой и малой Родине есть главная задача в работе с подростками. И осуществлять её нужно через краеведение.

Выбор этого направления музеем школы № 16 г. Минусинска обусловлен тем, что школьни-

ки заинтересовались книгой «Русь былинная» писателя Р.В. Филимонова, рождённого на нашей земле. Стали искать его родственников, нашли школу, где он учился. Ребята группы «Поиск» побывали на родине у писателя в с. Таскино Каратузского района с презентацией его книги «Русь Былинная», нашли родственников, провели встречу с ними в актовом зале школы. Мероприятие было растиражировано для 5-х, 6-х классов школы № 16.

По словам писателя Романа Васильевича Филимонова: «Без знания прошлого мы превратимся в безродных отщепенцев, подобных пылинкам, оторванным от корней, гонимым в неизвестность ветром времени. Мы станем бомжами, которым чужды интересы Родины и которые сами не нужны никому», можно судить о том, что в наше время невозможно строить нравственное общество без знания своих корней, истории своего края, интересных и знаменитых людей – своих земляков.

Начать поисковую работу нам помог случай. В личной библиотеке Закутилина Геннадия Платоновича, жителя г. Минусинска, случайно обнаруживаю книгу с дарственной надписью от Романа Филимонова – землякам. Сам хозяин вспоминает, что эту книгу некогда подарил его отцу Платону Антоновичу Закутилину друг детства, гостивший на родине писатель, приехавший из Кургана.

Открыть книгу и прочесть хоть что-нибудь захотелось сразу же. И я читаю её вместе с детьми и выполняю свою сверхзадачу – заинтересовать детей (а это пятиклассники) поиском. При школьном музее создаём группу «Поиск». Работаем с книгой. Обращаем внимание на заглавие: «Русь Былинная». Название притягивает, заинтересовывает.

Изучаем вступительную статью «Рождённый для творчества» господина Севастьянова о писателе. Выбираем нужное для нас: «Писать он начал ещё в школьные годы. Жил тогда с родителями на Енисее... в Минусинске, восхищался красотой сибирской природы и горел желанием воспеть её».

Мы вместе прочитали всю книгу Романа Васильевича Филимонова «Русь Былинная». Это книга-воспоминание. Писатель рассказывает в ней о своём детстве, которое он провёл в с. Таскино Каратузского района, рассказал о своих друзьях, соседских мальчишках.

Становится понятным, что источником его вдохновения является народ с его праздниками и ритуалами. Всем народным праздникам отдал дань уважения Роман Васильевич, описал их по-настоящему с самой что ни на есть детской непосредственностью и философствующей мудростью взрослого человека. Листая книгу, погружаешься в годовой цикл трудовых дел и праздников. Праздники церковные и светские идут один за другим и составляют единое целое – прожитый год каждого человека, и взрослого, и ребёнка. Летние тяжёлые будни в поле и на покосе сменяются осенними дарами природы и труда человека. Но все эти события происходят в отдельно взятой сибирской деревне, а герои могут быть ещё живы.

Ребята из группы «Поиск» сами предлагают найти героев этой книги или их родственников. Перед нами стояла задача – найти всё, что можно, о самом писателе и прочесть другие его книги, собрать по возможности всех людей, имеющих какое-то отношение к писателю, и устроить литературные чтения.

То, что происходит дальше, это и есть поисковая работа. Важно, чтобы она не была трудной, скучной, нудной. В работу важно внести элемент игры, разделить работу на отдельные периоды, у которых будет свой конкретный итог, дающий задел для будущей деятельности. Чем чаще подводим итоги, тем всё более возрастает интерес.

Прежде всего, отправляем письма электронной почтой в г. Курган, где писатель Филимонов закончил свой творческий и жизненный путь, и на родину писателя, в с. Каратуз, где в местном архиве могут быть сведения о рождении Романа Васильевича Филимонова. Итог нулевой: нам не ответили. Тем не менее, не дожидаясь ответа, мы делаем шаг второй в нашей поисковой работе. Это была поездка в д. Таскино.

В селе мы побывали в гостях у Леонида Платоновича Закутилина, сына Платошки, героя

книги, сделали снимки, взяли интервью (перед этим учились составлять вопросы и интервьюировать). Хозяин дома, польщённый таким вниманием, вызывается быть экскурсоводом по всей деревне, по её достопримечательным местам. Из всего увиденного и услышанного нужно было выбрать то, что имело отношение к нашей теме, т. е. друзья и родственники писателя Филимонова. Дома Филимоновых (не один, а целых три) стоят до сих пор. Дом, где семья жила последние годы, со стороны увидеть можно. Отправляемся на ту улицу верхней части деревни, где родился и жил сам Леонид Платонович и, даже родились его отец и дядя, «Платошка» и «Шурка» Закутилины, мальчишки, герои книжки их друга Романа Филимонова. Дома принадлежат новым хозяевам. Они стоят по соседству, очень похожие своей сельской архитектурой. В обоих живут совсем чужие люди. За огородами речка, а на другой стороне реки – гора, песчаная, лысая, настоящее царство сурков или иллюстрация к поэме «Бесхвостик».

Дети общаются с людьми, встречающимися нам в пути. Сельский человек вниманием не избалован, и наш интерес им приятен, они легко вступают в диалог. В этой части работы дети вольны спрашивать, что хотят. Главное, завтра по приезде домой они будут писать очерки на заданные темы (каждый волен выбрать). Из всего этого набора слов, вопросов, мыслей, подкреплённых зрительными впечатлениями, выберут для себя главное и напишут. Потом предстоит работа редакционной коллегии – редактирование очерков. Фотокорреспонденты выберут лучшие фото. Художники нарисуют. Из всего этого выйдет газета.

В результате исследований узнаём, что семья Филимоновых выехала не так уж и далеко. Юность свою будущий писатель встретил в нашем городе, в Минусинске. В Минусинске (есть сведения) проживают его двоюродные братья и сёстры, племянники. Родственников мы разыскали. Вполне возможно, далеко не всех. В дальнейшем с помощью девятиклассницы Валентины Башкирцевой сделали литературоведческое исследование. С исследовательскими работами неоднократно выступали на разных форумах. Работы также были отправлены на конкурс в Петербург и отмечены грамотой.

На презентацию книги «Русь Былинная» мы пригласили племянницу писателя Наталью Александровну Филимонову, жительницу нашего города. Ребята (в сопровождении слайдов) рассказали о поездке в Таскино, на родину писателя, поставили сценку, прочли выученные стихи. Мероприятие это было растрогано. Выступили перед учащимися всех 5-х классов.

По-настоящему заинтересовались, где же всё-таки следы друзей писателя, историей самой деревни и её жителей. Мы были изумлены и несказанно обрадованы, когда узнали, что в этой же деревне родился другой писатель – Александр Илларионович Щербаков. Его творчество изучается в курсе литературы края. С этим именем у нас открываются новые горизонты для исследовательской деятельности.

Александр Щербаков, известный прозаик, поэт и журналист. Лучшие его произведения – это произведения о его родине, селе Таскино, Каратузского района, и его людях, односельчанах, простых сельских тружениках.

Чтобы вызвать настоящий интерес у детей, использую элемент неожиданности. Пока ещё дети не знают ничего о произведениях Щербакова, устраиваю урок внеклассного чтения, где читаю вслух интереснейший для детей рассказ «Борзя и Соболь». Повествуется о собаке, которую когда-то мобилизовали на фронт, впрочем, как и многих других псов из деревни. Для ребят это неожиданное открытие. Собаки воевали! Были смертниками. Они, обвязанные гранатами, бросались под танки. Домашнее задание – сочинение-отзыв. Тема так захватила, что не сразу заметили, что всё действие происходит в с. Таскино, знакомом им по книге Филимонова.

На уроках внеклассного чтения читаю вслух стихи из сборника «Хочу домой», а также главы-рассказы из повести «Свет всю ночь». Это произведение автобиографическое по содержанию. Так как дети уже были в этом селе, ходили по его улицам в поисках сведений о героях Филимо-

новских стихов, то и воспринимают чтение с невероятной заинтересованностью. После каждого прочтения – собеседование: оказывается, Щербаков не просто писатель, он ещё и поэт, а главное – журналист, который даже по долгу службы постоянно встречается с людьми и пишет очерки, вполне достоверные, безо всякого авторского вымысла, хотя необычайно художественные, поэтому и столь притягательные (об этом мы узнаём из повести «Деревянный всадник»).

Пишем письмо в Красноярск А.И. Щербакову и получаем от него посылку с книгами и пока ещё рукописными мемуарными произведениями о с. Таскино и о семье Щербаковых. Нам есть с чем работать: в наших руках архивные материалы.

Как истинный патриот своей малой родины он посвятил отдельные рассказы и своим землякам. Нам стало интересно то, что, возможно, мы найдём сведения о мальчишках из книги Филимонова, ведь село-то небольшое, и во времена Щербакова эти мальчишки – уже взрослые люди и, наверняка, чем-нибудь знамениты. И он (Щербаков) уже человек другого поколения, ведь он учился в одном классе с Машей Закутилиной, дочь Платошки из книги Филимонова.

Теперь уже разрабатываем тему: «Люди из сибирской деревни».

По прочтении рассказов, вошедших в книгу с замечательным названием «Душа мастера», дети понимают, что, читая Щербакова, узнают о судьбах односельчан обоих писателей. Интерес вызывает то, что можно провести параллели, найти живых свидетелей событий, описанных в книгах. По рассказу А.И. Щербакова можно узнать дальнейшую судьбу Платошки Закутина, который вместе с Ромкой Филимоновым гонялся за сусликами в своём босоногом и голодном детстве.

Итак, люди, о которых он пишет, могут быть ещё живы! Или хотя бы их братья, дети, просто односельчане.

Ровно через год мы вновь, теперь уже в сентябре 2011 г. отправляемся в путь – в с. Таскино, такое богатое на талантливых и даже знаменитых людей, на поиск интересных сведений, документов, писем, воспоминаний, фотографий. Теперь нам уже интересны герои книг А.И. Щербакова.

Снова выступаем с презентацией книги «Русь Былинная». На эту встречу нашими новыми друзьями приглашена Наталья Николаевна, племянница Р.В. Филимонова. Делаем подарок школе – коллажный портрет писателя Р.В. Филимонова. В школьном музее находим экспозицию, посвящённую истории села и, конечно же, знаменитым людям. А.И. Щербаков – самый уважаемый герой, гордость односельчан. Об этом же говорят и экспозиции.

В сопровождении новых друзей мы отправляемся по адресам из книги «Душа мастера». Сначала к дому А.И. Щербакова, где он родился и прожил до своего совершеннолетия. Об этом говорит и памятная табличка.

Потом нам указывают на дом, в котором живёт единственный из одноклассников Александра Щербакова, герой его рассказа «Минькин хлеб», Михаил Ефтеевич Закутин. Хозяин вышел за ворота, принимаем приглашение – пройти в дом, беседуем, читаем стихи Щербакова об их детстве. Рассматриваем альбомы. На фотографии юноша, который вместе с Александром Щербаковым окончил среднюю школу и остался в родном селе хлеборобом. Сейчас это уже пожилой человек, 73-х лет.

Находим дом Платона Закутина, герой рассказа А. Щербакова «Ворота судьбы». Дом совсем заброшен. На воротах агитационные плакаты, в доме же холодный очаг и пыль на старенькой никому не нужной мебели. От наших добровольных экскурсоводов узнаём, что под крышей этого дома жила семья Платона Закутина, выросли четверо сыновей и дочь Маша. Справа мы едва различаем калитку и дальше – ворота. Именно они стали символом поворота в судьбе героя рассказа «Ворота судьбы» Платона Гудилина(?).

Платон был богатырского сложения, как лучшего механизатора его оставили в тылу во время войны. И не рад он был, конечно, ведь все взрослые мужчины на фронт ушли – Родину защищать. «Но что поделаешь? Такой приказ», – говорит и сам автор, рассказывая здесь же, что косились

на него после войны уже бывшие фронтовики. Были у него и награды, и похвальные листы – вот только не сохранились.

Чтобы найти доказательства причастности Платона к Великой Победе над фашистами уже небольшой группой в 5 человек едем в с. Каратуз, в районный архив. И делать это ребята станут очень ответственно, как для близкого хорошо знакомого друга. Главное, что мы узнали, каким стал Платошка, теперь уже Платон Антонович. Узнали также, что племянник Романа Васильевича Григорий Филимонов, ещё один одноклассник Александра Щербакова, герой рассказа «Говорит Москва», стал мужем Маши, дочки Платона Закутилина. Эта супружеская пара проживает в Абазе. Они наслышаны о нашей поисковой работе, и наша встреча с ними ещё впереди. Вот как всё переплелось.

Результатом поисковой работы можно считать то, что дети испытывают гордость, ощущая свою сопричастность к событиям своей малой родины.

Обратить внимание на книги, картины наших талантливых земляков должны мы, учителя, работники культуры, открывая перед детьми горизонты их деятельности, вызывая их интерес к истории своей малой родины, к её простым людям, героям книг, и людям великим, пишущим эти книги. Наша роль – роль посредников, в то же время наставников, не равнодушных к судьбе своей земли, способных зажечь в маленьком сердце огонёк интереса, возбудить жажду знаний и деятельности.

2011

Литература:

1. Филимонов Р.В. Русь Былинная. Сб.
2. Щербаков А.И. Душа мастера. Сб. стихов Хочу домой. Свет всю ночь. Повесть.

Е.В. Ткачёва,
г. Минусинск

Минусинский сельскохозяйственный колледж: рубежи и современность

Техникум механизации и электрификации сельского хозяйства был образован 24 марта 1951 г. в целях подготовки кадров для села.

В первый год обучались в техникуме 120 человек (5 групп) на отделениях механизации и электрификации. В 1952 г. 28 января было открыто заочное отделение (50 человек). Техникум располагался в школе садоводов и зоотехников.

В 1958 г. было построено новое здание в запроточной части города, на пустыре. Со временем были возведены ещё четыре корпуса, мастерские, гараж, котельная, автодром, библиотека, склады, четыре общежития, столовая, три жилых дома для преподавателей. В 1963 г. во дворе колледжа вырос лабораторный корпус, в котором была создана Ковалёвым Н.И. лаборатория ТОЭ, перенесённая впоследствии в спортзал главного корпуса. Лаборатория ТОЭ признана одним из лучших лабораторий техникумов РФ. В 2002 г. ей было присвоено имя её основателя Ковалёва Н.И.

В 1970-80 гг. в техникуме на отделении МЭЖ учились будущие электромеханики и товароведы. В 1986-е гг. был открыт первый компьютерный кабинет и лаборатория, ныне их пять.

Сформировались традиции: первокурсников посвящают в студенты, выпускников провожает «Последний звонок», проводятся смотры-конкурсы стенгазет, недели учебных дисциплин, конференции, конкурсы специалистов: «Лучший электромонтёр», «Лучший пахарь».

Ловчидис Н.И. создал струнный оркестр, была организована агитбригада, вокально-

инструментальный ансамбль. Хор преподавателей и студентов, участвовал в смотре художественной самодеятельности в г. Москве. В 1980-е гг. сандружина преподавателей была призёром городских и краевых соревнований.

В 1991-1992 гг. техникум был переименован в УПХ «Минусинский совхоз-техникум», а в 1992 г. преобразован в «Минусинский совхоз-колледж». С 1994 г. наше учебное заведение называется «Минусинский сельскохозяйственный колледж». С 1994 по 2000 гг. на базе колледжа работал Научно-методический центр ССУЗов Сибири и Дальнего Востока под руководством Гайдаренко Н.М.

В настоящее время студенты колледжа учатся на отделениях: электрификации, механизации, теплоснабжения и теплооборудования (с 1990 г.), экономическом (с 1991 г.). В колледже работает 90 преподавателей, 17 лаборантов, 4 мастера производственного обучения в 45 кабинетах, 25 лабораториях. 1020 студентов учатся на очном, а 630 – на заочном отделениях.

Преподаватели: Александрова А.П., Панова Н.И., Гуренок Т.В., Шитова П.Т., Черемисин А.А. – отличники просвещения, а за трудовые заслуги награждены Ковалёв Н.И., Орлов Ю.А., Евдокимова Н.В.

Нагрудным знаком «Почётный работник СПО РФ» награждены: Агурьянов А.Ф., Леонтьева Н.Т., Рожков Г.Ф., Родзян И.А., Поскуряков А.В., Сухачёв В.В., Поварёнкин Ю.И., Артёмова О.И., Останина А.Н., Скляров Г.Ф.

Благодаря мастерству преподавателей студенты добиваются высоких результатов в обучении. В 2007 г. колледж занял 2-е место во Всероссийском смотре-конкурсе по применению информационных технологий по специальности «Механизация сельского хозяйства».

В 2009 г. студент Потёпкин Илья стал дипломантом III степени во Всероссийском смотре-конкурсе в г. Тверь, а Гладков Станислав – участником этого конкурса.

Студент Генке Игорь занял 1 место на Всероссийской Олимпиаде профессионального мастерства по специальности «Механизация сельского хозяйства» в г. Богородицке Тульской области в 2010 г.

В апреле 2010 г. в колледже проходила региональная олимпиада профессионального мастерства по специальности «Механизация сельского хозяйства», и студент колледжа Брагин Василий занял 1 место на олимпиаде. В 2010 г. студенты колледжа Германов Николай и Шульмин Евгений на краевой олимпиаде для студентов ССУЗов по специальности «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта» стали вторыми среди студентов. На краевом фотоконкурсе «Мой любимый край» студенту колледжа Жукову Андрею вручён Диплом 1-ой степени.

В апреле 2010 г. на фестивале в г. Красноярске «Мир памяти, мир сердца, мир души», посвящённого 65-летию Победы студенты колледжа Ямщиков Дима, Ерохин Евгений, Лукьянов Алексей заняли 3 место, а в номинации «Лучший чтец» победил студент колледжа – Лукьянов Алексей.

Лауреатами региональной научно-практической студенческой конференции в ХГУ в 2010 г. на XVIII Катановских чтениях стали студенты колледжа Богомолов Владимир, Лысакова Александра. Чепя Артём, Сократова Александра, Евдокимов Аркадий удостоены Губернаторской стипендии за высокие результаты в учёбе и исследовательской работе.

В колледже организован Молодёжный центр, волонёрское движение. Волонтеры шефствуют над ветеранами труда и детским домом. Студенты колледжа неоднократно были призёрами городского конкурса «Супер-студент», КВН.

Мировую славу колледжу принесли – спортсмены: Дмитрий Вишневецкий, Сергей Космынин, Вадим Гончарук – призёры Всероссийских, международных соревнований. 70 мастеров спорта подготовлены преподавателями физической культуры Черемисиним А.А. (заслуженный работник физической культуры Красноярского края), отличником физической культуры Решетниковым А.Н.

За все годы существования колледж выпустил около 20 тыс. специалистов сельского хозяйства. Среди них – депутат Государственной Думы Сергиенко В.И., мэры г. Минусинска – Кекин А.И., Соколов О.В., руководитель передового хозяйства Минусинского района – Швайгердт В.И. и др. Преподаватели и студенты колледжа в 2011 г. отметят 60-летний юбилей нашего учебного заведения, сохраняя традиции и приумножая достижения.

2011

С.В. Чипура,
г. Красноярск

Современное состояние детского эколого-краеведческого туризма в г. Красноярске. Приоритетные направления и перспективы

Цели и задачи экологического, географического и краеведческого образования взаимосвязаны и во многом совпадают. В контексте современных взглядов на образование ставятся следующие задачи: формирование системы личностно-значимых экологических, культурно-исторических, географических знаний, отражающих природную и социально-экономическую уникальность родного края; развитие опыта познавательной, коммуникативной и практико-ориентированной деятельности школьников; формирование патриотизма и гражданской ответственности по отношению к малой родине и России; формирование опыта экологически-целесообразного поведения на локальном территориальном уровне.

В условиях модернизации образования, ориентированного на учёт федерального, регионального и национального компонентов, введение в школьную программу предметов «Природа и экология Красноярского края» и «Спортивно-познавательный туризм» позволяют учителям значительно расширять рамки географического, краеведческого, исторического направлений, расставляя акценты на практикоориентированные формы. Это мощный ресурс для формирования основ экологообразного поведения человека в постиндустриальном обществе, склонностей к поисковой, исследовательской деятельности через изучение родного края, воспитания патриотизма, гражданской ответственности, любви к своей большой и малой Родине.

В системе школьного образования г. Красноярска успешно реализуются практико-ориентированные формы эколого-краеведческого образования: экскурсии в природу; походы выходного дня; категорийные пешие и водные походы; учебно-исследовательские экспедиции.

Значимость экспедиционных форм работы в эколого-географическом, краеведческом направлениях – реализация для учащихся и педагогов актуальных запросов и ожиданий: для педагогов – профессиональное общение, педагогический рост и т.д., а для учащихся – общение, профессионализация и возможность выйти в культурное пространство самоопределения.¹

1. Экскурсии в природу. Достаточно широко применяются в практике во всех 153 образовательных учреждениях г. Красноярска. В основном они проходят на сопредельных со школами территориях для учащихся начальной школы. Не требуют специальной подготовки для учителей.

2. Походы выходного дня (однодневные). Применяют для проведения уроков по географии, «Природе и экологии Красноярского края», «Истории Красноярского края» и в рамках воспитательных мероприятий для учащихся средней школы. Для безопасного и качественного проведения подобных выходов одного дня разработаны рекомендации и предлагаются природные объекты, расположенные в зелёной зоне г. Красноярска. Большая часть культурных и исторических объектов расположена в окрестностях заповедника «Столбы», пос. Овсянка, г. Дивногорска.

3. Категорийные пешие и водные походы, учебно-исследовательские экспедиции – наиболее интересные и сложные в организации формы эколого-географического, краеведческого просве-

щения. В системе образования г. Красноярска успешно работают в этом направлении 25 общеобразовательных школ и 5 учреждений дополнительного образования, зарекомендовавших себя как общегородские площадки, т.е. в экспедициях, походах и полевых стационарах, организуемых этими учреждениями, могут принять участие школьники, обучающиеся в любом районе г. Красноярска.

В схеме развития и размещения перспективных объектов туризма в Красноярском крае на период до 2011 г. (Красноярскгражданпроект) южные районы Красноярского края оценены как наиболее благоприятные для развития познавательного экологического туризма. Здесь сосредоточен достаточный потенциал туристских ресурсов края, включая горные системы Восточного и Западного Саян, выход в акваторию Красноярского моря по р. Сисим.²

Учащиеся г. Красноярска выезжают на территорию Западных и Восточных Саян, сплавают по рекам Казыр, Кизир, Сисим, живут в полевых стационарах на Красноярском море, озёрах Маранкуль, Светлое, Радужное, Иткуль и др. Школьники проводят сбор первичных полевых материалов и исследования по гидрологии и гидробиологии энтомологии, орнитологии, геоботанике, геоморфологии, топонимике географических объектов и отдалённых поселений, этнографии и др. Результатами детских исследований становятся оформленные и представленные на конференции, конкурсы и форумы различного уровня, исследовательские работы. Примечательно, что часть подобных исследований становится основой для собственных курсовых и дипломных работ при последующем обучении в ВУЗе и действительно представляют интерес для научного сообщества г. Красноярска.

Эколого-туристические, эколого-краеведческие походы, экспедиции, полевые стационары и практики являются одними из сложных и действенных видов деятельности, которые позволяют человеку комплексно проявляться и расти, развивать все сферы личности, начиная от физических и волевых свойств и заканчивая интеллектуальными, коммуникативными, нравственными качествами.

Организованный и педагогически направленный процесс в экспедициях, походах, полевых практиках противостоит негативным влияниям девиантных группировок, даёт возможность вовлечь в него детей группы риска, способствует формированию здорового образа жизни и социально-активной гражданской позиции.

Известно, что чем активнее человек участвует в процессе обучения, тем лучше он усваивает материал. По данным американских учёных, люди удерживают в памяти около 10% того, что они слышат, 30% того, что читают, 50% того, что видят и 90% того, что делают.³ Основное преимущество выездных учебно-исследовательских форм заключается в том, что они открывают школьникам широкие возможности изучения живых объектов в их естественной среде обитания на территории Красноярского края. Здесь расширяются и углубляются и конкретизируются те теоретические знания, которые были приобретены ребятами в школьных классах и учебных лабораториях. Применение вышеуказанных форм даёт возможность развития у учащихся важнейшего инструмента оперативного освоения действительности – возможность осваивать не суммы готовых знаний, а методы освоения новых знаний.⁴

2011

Примечания:

¹ Чипура С.В. Оценка перспектив развития экологического туризма на р. Сисим /С.В. Чипура//Экономика. Сервис. Туризм. Культура. (ЭСТК-2010): материалы XII международной научно-практической конференции (г. Барнаул, 31 мая 2010 г.). -Барнаул: изд-во АлтГТУ, 2010. – С.50.

² Там же

³ Гаврилов А.В, Гаврилова Л.А. Дидактические принципы экологического образования в высшей школе./ А.В. Гаврилов, Л.А. Гаврилова.- ОНМУ Одесса, 2009. - 21с.

⁴ Соловьёв М.С. Геоэкологическое краеведение в современной школе (на примере московского столичного региона): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук./М.С. Соловьёв.- СПб, 2008. - 31с.

РАЗДЕЛ VI. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

А.В. Броднева,
г. Красноярск

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808-1839) К 180-летию «Красноярской литературной беседы»

28 сентября 2009 г. исполнилось 180 лет со дня основания первого литературного объединения «Красноярская литературная беседа». Создание «Беседы» связано с именем Владимира Игнатьевича Соколовского, сотрудника «Енисейского альманаха», чиновника особых поручений при губернаторе Степанове.

В настоящее время только знатоки помнят это имя. О нём писали достаточно много как современники, так и исследователи литературы: А.И. Герцен, Н.М. Сатин, В.А. Жуковский, Н.А. Полевой, Ф. Фортунатов, А.Н. Криницын – в XIX в.; В.А. Чивилихин, М.К. Азадовский, А.А. Богданова, А.В. Вахмистров, Н.П. Смирнов-Сокольский, А.В. Гуревич – в XX столетии.

Владимир Соколовский был воспитанником I кадетского корпуса, который окончили многие декабристы: К.Ф. Рылеев, В.А. Глинка, М.И. Пущин, А.В. Веденяпин, В.К. Тизенгаузен, А.Е. Розен. По Красноярску он был знаком с С.Г. Краснокутским, С.И. Кривцовым, с Александром Семёновичем Пестовым, родным братом вице-губернатора Енисейской губернии И.С. Пестова. С Николаем Мозгалевским Владимир дружил ещё со студенческих лет.

В Сибирь В. Соколовский попадает по личной инициативе, поступает в распоряжение своего отца, томского губернатора Игнатия Соколовского. В конце мая 1826 г. «определён к статским делам с награждением за успехи в науках чином 12 класса». Через два года «переведён в Енисейское Общее Губернское Управление экзекутором (чиновник судебного ведомства – *авт.*) 1828 мая 16. Получил чин коллежского секретаря за поездку в Сибирь в 1826 – 1828 августа 28, сверх занятий по должности имел особенное препоручение от Енисейского Гражданского губернатора составить для Его Императорского Высочества Государя Наследника статистические таблицы Енисейской губернии, что и окончил в самое короткое время и совершенною удовлетворительностью».

Летом 1829 г. Соколовский с двоюродным братом Н. Степановым ездили в Иркутск. Очевидно, они встречались там с недавним своим знакомым Владимиром Раевским, которого принимали во многих домах иркутской интеллигенции, когда он приезжал из деревни Олонки (это подгородная деревня, где декабрист находился на поселении). В портфеле «Енисейского альманаха» было обнаружено полицией стихотворение В.Ф. Раевского, что косвенно подтверждает версию знакомства с поднадзорным декабристом.

В сентябре 1829 г. был составлен и утверждён Устав «Беседы», программа которой напоминала Устав «Союза Благоденствия» – ранней декабристской организации, так называемой «Зелёной Лампы». Однако, в таком виде устав не мог быть утверждён правительством, поэтому остался в бумагах Соколовского, когда он покинул Красноярск. С отъездом главного идеолога «Беседа» прекратила своё существование.

В 1831 г. Соколовский подаёт в отставку. В этом же году А.П. Степанов был уволен «без пенсии и орденов и без права занимать государственные административные должности». Практически, закончилась карьера его подчинённых, поэтов «Енисейского альманаха»: А.К. Кузьмина,

покинувшего Красноярск, умерли И.М. Петров и И.И. Варлаков. Соколовский вынужден был искать службу в другом месте.

Напоследок Степанов аттестовал своего подчинённого Соколовского, как достойного, умного и исполнительного чиновника, выражал надежду на продолжение его карьеры в столице.

По приезде в Москву Соколовский пытался устроиться на службу, но здесь нет связей и покровителей. Здесь он входит в круг известных литераторов, публикует свои произведения: «Мироздание» (1832), «Рассказы сибиряка» (1833), роман «Одна и две, или любовь поэта» (1834).

В марте 1834 г. Соколовский отправился в Петербург, где ему удалось устроиться на должность секретаря в канцелярию военного генерал-губернатора П.К. Эссена.

Ровно через месяц в Москве произошли события, перечеркнувшие всю дальнейшую жизнь Соколовского. По доносу провокаторов московская полиция арестовала группу молодых людей, подозреваемых в пении дерзких куплетов насчёт «августейшей» фамилии и в вольнодумстве.

Были арестованы А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, Н.И. Уткин, среди них оказался Соколовский. Титулярный советник, поэт и прозаик. Соколовский, по свидетельству А.И. Герцена, стал главным обвиняемым по этому делу.

При аресте в Петербурге Соколовского 21 июля 1834 г. были изъяты: «1. Черновые изорванные сочинения Соколовского; 2. Сочинения его поэмы и стихотворения; 3. Тетради о нравах монгольского народа; 4. Катехизис на монгольском языке; 5. Переписка его с родными и знакомыми; 6. Черновой проект Соколовского о составлении истории биографического словаря; 7. Восемь листиков с подписями руки разных официальных лиц...». Среди бумаг не было обнаружено дерзкой песни, которую ему приписывали. Но полиция конфисковала списки пасквиля на «августейшую фамилию» у студентов.

Процесс не был открытым, правительство боялось огласки, поэтому главных виновников, а именно Соколовского, Уткина и других, решено было «оставить года на три в Шлиссельбурге и потом допустить к службе в отдалённых местах».

На следствии всплыло давнее событие, связанное со службой Соколовского в Красноярске, основание литературного общества «Красноярская литературная беседа». Следственная комиссия искала следы тайного общества в Сибири.

Ответы Соколовского были ироничны и весьма уклончивы. Он не скрывал, что члены кружка собирались на его квартире, но собирались поговорить о новинках литературы, обсудить свои литературные опыты, но «никак не предполагал, что и на домашние вечера нужно было испрашивать позволения». Объяснял, что «ограничивался приём людей, далёких от литературы, искусства, науки и только», всячески выгораживал своего начальника, губернатора Степанова.

Содержался Соколовский, как писал Герцен в книге воспоминаний «Былое и думы», в тёмной грязной камере московского острога. Друзья его сидели в других местах. У бедного узника не было ни денег, ни даже смены белья. Правда, нашёлся в Москве один вполне и даже слишком необыкновенный человек, принявший в нём участие, это был доктор Фёдор Петрович Гааз, главный врач всех московских тюрем, приславший Владимиру Соколовскому, зараставшему в тюремной грязи, связку белья.

При чтении приговора Соколовский сохранял спокойствие, стойко перенёс он и свой наиболее ужасный приговор – «ссылка в Шлиссельбург на бессрочное время». При этом ему не изменило природное чувство юмора. На вопрос генерал-майора Цынского: «А вы бывали прежде в Шлиссельбурге? – он ответил: в прошлом году я там выпил бутылку мадеры». (Герцен «Былое и думы» – *авт.*).

В Шлиссельбурге обострилась болезнь Соколовского. По прошению его выпускают «на поруки» родного брата Николая, который выхлопотал ему эту милость через Великого Князя Михаила Павловича. Всего в одиночке пробыл один год девять месяцев (апрель 1835-декабрь 1836).

После освобождения смертельно больной Соколовский, вопреки ожиданиям Николая I, прожил ещё несколько лет, опубликовал полностью поэму «Альма» (1837), о которой В.А. Жуковский сказал: «Вот поэт, который убьёт все наши дарования». В этот период Соколовский знакомится с Н.А. Некрасовым, И.И. Панаевым, А.В. Никитенко и др. литераторами.

Осенью 1837 г. по предписанию властей Соколовский выехал в Вологду, в ссылку, хотя формально назначался на государственную службу. Он должен был поставить в Вологде губернскую газету. Новый редактор, имени которого не указывалось, сделал газету лучшей провинциальной газетой во всей России. В ней имелся раздел древней исторической хроники, печатались диалектизмы, географические очерки, статьи по сельскому хозяйству, медицинские советы и т.д. В некоторых остроумно поданных то хозяйственных советах, то в медицинских обзорах узнаваема была рука Соколовского, которому были присущи прежние черты: остроумие, искромётное слово и неожиданный образ.

В Вологде Владимир безнадежно полюбил юную Варвару Макшееву, дочь помещика, посвящал ей свои стихи, в которых не было и тени насмешки и иронии. Стихи дышат подлинным чувством. Но может ли юная 16-летняя девушка ответить одряхлевшему душой и телом 30-летнему неудачнику? Стихи были напечатаны в «Русском инвалиде» и «Одесском альманахе» вместе со стихами Варвары Макшеевой, пробующей свои силы в поэзии.

По свидетельству Н.М. Сатина, «Соколовский писал стихи невероятно легко и невероятно много, особенно если принять в соображение кратковременность его литературной деятельности и его несчастный порок. Кроме напечатанных стихов и поэм, много осталось не напечатанным, а ещё более разбросано в его письмах к разным людям и в его экспромтах, написанных на клочках бумаги во время весёлой и шумной беседы. Письма Соколовского были испестрены гладкими и звучными стихами, пустословием и забавными историями, однако жаль, что все они погибли во время ареста в 1834 г.».

Особое место в творчестве Соколовского занимает роман «Одна и две, или любовь поэта» (1834). Именно этот роман, по свидетельству Сатина, у которого на квартире бездомный и неприкаянный поэт прожил не менее года (1832-1833), писался в деревне у родственника, дяди по материнской линии, А.П. Степанова (1834-нач. 1835). Потом некоторые современники назовут Соколовского «славным малым», но недалёкого ума и нетрезвого поведения. Оценка «поверхностности» творчества будет незаживающей раной и укором. Как это бывало всегда в России: потомки оценят и поймут после смерти, лет через двести.

По-настоящему любознательным и пытливым читателем романа «Одна и две, или любовь поэта» был писатель-историк Владимир Чивилихин. В романе-эссе «Память» (1985 г.) он рассмотрел русскую историю через призму любви к отечеству многих её героев, увидел скрытые пружины поступков и деяний декабристов, чиновников, губернаторов, поэтов. Рассказал впервые о «Красноярской литературной беседе» и Соколовском, которого считал нерядовым поэтом и прозаиком, об аресте и заключении в Шлиссельбургской крепости, о причинах столь жестокой кары и безвременной смерти.

По мнению Владимира Чивилихина, в 1830-е гг. Соколовский был единственным из русских литераторов, кто осмелился напомнить обществу об изгнанниках – декабристах, живо погребённых «во глубине сибирских руд».

Если верить некоторым злым языкам, то Соколовский в 1830-е гг. был совершенно пропащий человек (а ведь в красноярский период не было ни одного нарекания на неблагоприятное поведение), всегда был в подпитии, своим поведением шокировал публику, где уж тут «подлинное чувство», скорее «волочился» за дамами, как повеса и ловелас. Дамы, вероятно, умирали со смеху от шуток и уморительных походов сибиряка, который был знаком с монгольским божеством «Шаги-Муны, суждения которого выдавались за чистую истину»...

Вероятно, русская литература уже зафиксировала породу «лишних людей», но Соколовский не знал об этом, он хандрит. В письме к другу-издателю А.В. Никитенко пишет, что «безжизненная жизнь меня допекает, она засасывает и меняет характер, который из кипучего холеризма переходит в томный меланхолический быт», «бездействие в кипении пустом».

В Соколовском было что-то от Печорина. Он так же прожигает свою жизнь, иногда влюбляется по-настоящему, но удача покинула его, опустошено сердце, когда-то полное чувств и желаний:

*...Я сердцем жил, и бурны страсти
Торжествовали над умом.
Печали, скорби и напасти
Ко мне стекались часто в дом.
Всегда собою недовольный,
За скудный дар я жизнь считал;
Неистовый и своевольный,
Я быстро от страстей сгорал.
Мне тесен был свободы круг;
Мне в жизни, – жизни было мало;
Для чувств – мне сил не доставало, –
И я желал жить дважды вдруг.
Но кто желает – тот грешит.
Кто недоволен – тот несчастен.
И кто злу в жизни не причастен?
Прожить свой век кто не спешит?
Да, жизнь моя скудна добром;
В ней мало веры — всё безверье;
В ней мало дела — всё безделье;
Обильна лживости и злом,
Полна несбыточных желаний,
Предупреждений и забот,
Ничтожных мелочных хлопот;
Не высказуемых мечтаний...*

Возникает резонный вопрос, как этот «пропащий, опустившийся человек смог справиться с изданием газеты, напечатать поэму «Альма», которую, как уже было отмечено, высоко оценил Жуковский, пытался полюбить достойную женщину? Всё это загадки, тайны, литературные мистификации, которые оставил нам Владимир Соколовский.

Он скончался в Ставрополе 17 октября 1839 г. куда отправился на лечение от белой горячки. Ему был 31 год. «Петербургские ведомости» поместили объявление: «17 октября скончался известный русский поэт В.И. Соколовский». Могила Соколовского в Ставрополе не сохранилась.

17 октября 2009 г. исполнилось 170 лет со дня смерти В.И. Соколовского, 201 год со дня рождения, 180 лет назад была создана «Красноярская литературная беседа».

Биография и сочинения Соколовского ещё требуют пытливого исследователя.

2010

Литература:

1. Енисейский альманах. Красноярск, 1828 г. Переиздание Красноярск «Поликор», 2008.
2. Герцен А.И. Былое и думы. Изд-во «Художественная литература». М. 1969, т.1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). М. Ф.109, III отделение. 1 экспедиция. ДД.14, 239.
4. Сатин Н.М. Из литературных воспоминаний. «Русские пропилеи. 1916, т.1. – С.195-204.

5. Соколовский В. Рассказы сибиряка. М. 1833 г.
6. Соколовский В. Ни разу счастьем я не был упоён. Ставрополь. «Юрkit», 2001. (Издание подготовлено и издано на средства В.Н. Кравченко).
7. Фортунатов Ф. Несколько слов о В.И. Соколовском. «Русский архив», 1865, 1-12 том. Колонки: 1396-1399.
8. Чивилихин В.А. Роман-эссе «Память». Собр. в 4-х т.: М. «Современник», т. 3, книга 1.

Г.Д. Гусева,
г. Минусинск

Из истории семьи Ситник

Каждая семья имеет свою историю, свои легенды и предания, и потомки должны быть посвящены в них. Узнавать что-то новое о своей семье всегда интересно. Кроме того, это помогает почувствовать твёрдую жизненную опору.

Семья, в которой я родилась, имеет много корней. Семья бабушки по женской линии пришла с Дона, они – донские казаки. Мужская веточка ведёт к украинским корням. Лаврентий Иванович Ситник (год рождения примерно 1867) пришёл на просторы сибирской земли подростком. Его родители – переселенцы Полтавской губернии, прибыли в Минусинский округ в 90-х гг. XIX в. Но сначала сюда отправились ходоки, которые признали землю между деревнями Тесь и Городок по левому берегу р. Тубы вполне удобной для устройства деревни и для хлебопашества. Полтавчан поразили сибирские просторы, незаселённые огромные пространства, леса, реки, поля. После западной плотности населённых пунктов Сибирь казалась земным раем. Не испугались ходоки и сибирских морозов.

Так возникла деревня Троицкая, в 1896 г. переименованная в Ново-Троицкую. Но старожилы называют её «Бедра». Есть у бедрян такая легенда: ехали полтавчане долго, трудно, через всю страну, на телегах, запряжённых лошадьми, с детьми, со всем скарбом, как тогда говорили своим ходом или «пешками». Подъехав к этому месту, у одной женщины с телеги упало ведро, она громко вскрикнула: «Ой, ведро, ведро!», но послышалось «Ой! Бедро, бедро». Сказано это было украинским говором, вот и получилось: Бедра. На самом же деле в Тубу впадает ручей Сухая Бедра. Поэтому наравне с названием «Ново-Троицкое» бытует и «Бедра».

Тяжело пришлось поселенцам осваиваться на новом месте. Вот как описывается их жизнь в газете «Енисей» за 11.10.1896 г.: «Посёлок Ново-Троицкий Тесинской волости расположен на чистой степной местности у подножия горы. Через посёлок протекает маленькая речушка Бедра с грязной, невозможной для питья водой. Жители посёлка эту воду не употребляют, а пользуются водой из колодцев и родника. Лесу ближе на 50 вёрст нет. И даже за дровами нужно ехать 10-15 вёрст. Во всём посёлке сносных избушек не наберётся и десятка, остальное – землянки самого жалкого вида. Полтавцы принуждены были расположиться табором в балаганах, покрытых бурьяном. Наставили их слишком скученно, упустили сделать наверху отверстие для выхода воздуха, отчего в балаганах стоял нестерпимо удушливый смрад, усилившийся от начавшего гнить после дождей бурьяна. Прибавьте к этому скученность жильцов, массу грудных ребятишек, отсутствие чистоты и опрятности – и перед нами предстанет полная картина житья-бытья переселенцев».

Болезни косили жителей деревни. От сибирской язвы умер мой прапрадед, тоже пришедший с Полтавщины, Никитенко Александр Иванович: попросили соседи снять шкуру с коровы, не знал, что она заразна, во время работы порезал палец, заболел «сибиркой», умер и неизвестно где похоронен. А прабабушка Акулина Савельевна Никитенко (в девичестве Алексеенко) умерла от тифа. Но эти несчастья произошли после другой большой беды – пожара, который в 1907 г. уничтожил большую часть построек села.

Вероятно, тогда-то два моих прадеда и построили себе дома. Во время заготовки леса для будущего дома Тит Александрович Никитенко (1882-1955) не успел отскочить от падающего де-

Верхний ряд: Никитенко Тит Александрович и его жена Акулина Савельевна (рядом). Фото нач. XX в.

рева, его задело верхушкой, перебило нерв правой руки. И всё-таки, одной рабочей рукой – левой, он построил добротный пятистенок, с большой кухней и горницей. Пока строили дом, огромная семья – 9 человек: отец – Никитенко Тит Александрович, его жена Акулина Савельевна, сестра Тита – Фёкла (её все сельчане за её добрый характер звали «тётенька») и пятеро детей – Татьяна (моя бабушка), Михаил, Степан, Варвара, Дмитрий, ютилась в саманной избушке.

Почему прапрадеду дали такое имя? Отец Тита – Александр Иванович Никитенко, когда пришло время нести подать в церковь, вместо пшеницы отвесил священнику ржи. Поп затаил обиду на него: «Ну, я тебе припомню!» Когда в 1882 г. родился мальчик, священник дал ему имя Тит, хотя в святцах были и другие имена.

Трудолюбивая семья Никитенко жила натуральным хозяйством: на своих пашнях выращивали пшеницу, рожь, лён, в огромных кошарах, построенных из местного плитняка и глины, держали скот: коров,

лошадей, овец. После вступления в колхоз, когда весь скот был сдан в коллективное хозяйство, в ограду Никитенко загоняли колхозных овец, а большой амбар, тоже построенный прадедом Титом, куда ссыпалось зерно, разобрали и отвезли в колхоз.

Сибирские зимы суровые, а вокруг села – степи. Печи топили кизяками. В семье Никитенко, как и у других жителей Ново-Троицкого, были специальные формы без дна, куда накладывали смесь из размоченного коровьего, конского и овечьего помёта, хорошо утапывали, причём и взрослые, и дети, сушили на солнце, складывали под навесы, тем и топили печи.

Многое делали своими руками. Выращивали лён, мяли его, пряли, ткали холст, из холста делали полотенца, ткали половики, шили одежду, шабуры, на которых спали и укрывались. Спали дети на полатах – больших деревянных лежанках, устроенных между стеной избы и русской печью. Из овечьей шерсти катали валенки, пряли пряжу, набивали ею матрасы и одеяла. Из овчины шили шубы и полушубки. Хлеб пекли в больших глинобитных печах.

Ситец, сатин, коленкор, нитки «мулине» для вышивания, сахар и всё то, что не производилось в крестьянском хозяйстве, продавалось в лавке у моего прадеда Ситник Лаврентия Ивановича. У него была большая семья: четыре сына и две дочери. За мальчиками присматривала Домна Михайловна Широкова. Прадед считал, что девочкам грамота не нужна, поэтому Анна (1908-1999) и Елизавета (1906-1984) окончили только три класса начальной деревенской школы («девчонки – чужой товар, не хочешь, не учишь», – говорил Лаврентий Иванович), а сыновьям всем постарался дать образование. Для этого он купил в сентябре 1916 г. в Минусинске дом «на углу Скворцовской и Александра Второго» у минусинского мещанина Василия Александровича Широкова. В музее им. Н.М. Мартянова хранится купчая на дом.

После революции 1917 г. Лаврентий Иванович добровольно сдал свою лавку государству, где вскоре был организован молокозавод, а во второй половине дома осталась жить его семья. Репрессии не коснулись прадеда только потому, что у него не было наёмных рабочих, а торговал он

вместе с женой Федорой Родионовной (1877-1966), но в 1930 г. Лаврентия Ивановича по доносу посадили в тюрьму. Соседи сожгли зерно, чтобы не сдавать его в колхоз, загорелся и дом, а в газете «Власть труда» за 11 апреля 1930 г. написали: «Беднота из с. Новотроицкого встала на защиту селькора Ткаченко. Он маломощный середняк, разоблачил кулака Ситника. У Ткаченко сожгли хлеб, избili его и детей», в другом номере за 16 января 1931 г. написали: «За поджог хлеба активиста и селькора Ткаченко из Новотроицкого кулаки Ситник и Шаповалов приговорены к 10 годам лишения свободы». Прадед действительно отсидел трое суток в тюрьме, при этом шутил: «Надо отсидеть в тюрьме, ведь я давал подати (деньги) на её постройку». Ложное обвинение сняли, но тюрьма-то была настоящей.

Старший сын прадеда Лаврентия Ивановича – Иван Лаврентьевич, мой дед (1900-1932), был женат на Татьяне Титовне (в девичестве Никитенко). Он работал инструктором сельской связи, возил на лошади почту по Минусинскому району, умер от повторного тифа. Два его брата – Николай Лаврентьевич (1903-январь 1942) и Василий Лаврентьевич (1907-пропал без вести в годы войны) погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Антон Лаврентьевич (1914(15)-1996) – офицер, военный топограф служил на Дальнем Востоке, последнее место службы – город Ставрополь.

Мой отец – Ситник Дмитрий Иванович (1926-2000) всю жизнь прожил в Минусинске, работал в Совмонгтувторге, а с 1943 по 1950 гг. проходил армейскую срочную службу в Омске в лётных войсках в должности техника-механика, после армии с 1954 по 1958 гг. учился в техникуме механизации и электрификации сельского хозяйства, работал электромонтёром в Минусинских электротеплосетях.

Моя тётя – Ситник Лидия Ивановна (1924 г.р.) с 1944 г. работала в городском финотделе, в 1956 г. переведена на должность инспектора в Минусинский горсобес, где и работала до 1983 г. ,отличник социального обеспечения РСФСР (1972 г.), награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1947 г.)

Это далеко не вся история моей семьи. Важно то, что до меня дошли устные рассказы, переданные родными и старожилками Новотроицкого. Что-то сохранили старые газеты. В Минусинском государственном архиве хранятся книги записи Троицкой церкви, где зафиксированы даты венчания, крещения и отпевания жителей Тесинской волости, в т. ч. и моих предков до 1917 г. В фондах Минусинского музея имени Н.М. Мартыанова хранятся большие металлические весы для взвешивания муки, соли, шерсти, принадлежавшие Лаврентию Ивановичу Ситнику, валёк, рубель, малый и большой деревянные гребни для шерсти семьи Никитенко, лётный планшет Дмитрия Ивановича Ситника.

Для семьи Ситник Сибирь стала родным домом, где росли, выросли, становились на крыло многочисленные потомки трудолюбивых украинцев.

2010

Литература:

1. Начало // Власть труда. – 1997. – 25 января. – С. 3.
2. Чашина Л. Образование села Ново-Троицкое / Л. Чашина // Надежда. – 1996. – 25 декабря. – С. 3.
3. Устные рассказы Ситник Лидии Ивановны (1924 г.р.).

В.В. Ермилова,
г. Минусинск

Черкасов и Минусинск

«Родился на Енисее» – писал в автобиографии Алексей Тимофеевич Черкасов. В романе «Хмель» писатель говорил: «У каждого – своя река. У одного – извилистая, петлистая...; у другого – бурливая, клокочущая...» Действительно, почти вся жизнь Черкасова прошла на берегах Енисея, а г. Минусинск был центром, через которые проходили жизненные пути писателя и его литературных героев.

В 1931 г. Алексей Черкасов, студент третьего курса Красноярского агропедагогического института, добровольно вызвался ехать в деревню и был назначен уполномоченным Минусинского окружкома комсомола по вопросам коллективизации и ликвидации кулачества.

В 1932 г. его отправили в качестве агронома в недавно организованную Шалоболинскую МТС, хотя Черкасов не имел никаких представлений об агрономии.

В 1930-1934 гг. А.Т. Черкасов бывал в д. Таяты Каратузского района, где проживала его двоюродная сестра Ксения Петровна. Там Черкасов собирал материалы о жизни старообрядцев, их обрядах и быте.

Уже первые художественные произведения принесли молодому писателю известность в стране. Так, его пьеса «За жизнь», опубликованная в 1934 г., была поставлена на сцене Минусинского драмтеатра.

В 1942 г., в период работы А.Т. Черкасова в редакции газеты «Советская Хакасия», ему было предъявлено обвинение в ложной оценке сводок Совинформбюро. 5 декабря 1942 г. писатель был заключён в минусинскую тюрьму, где содержался до конца февраля 1943 г. Затем Алексей Тимофеевич был переведён в красноярскую психбольницу.

Позже в «Сказаниях о людях тайги» Черкасов описал тюрьму на Тагарском острове, куда совершили поездку его герои Юсковы и встретили колонну этапированных арестантов: «А солнце всё так же полоскало негреющими осенними лучами краснокирпичную трёхэтажную тюрьму, в некотором роде – оплот и крепость Минусинска».¹ Другой герой повествования, ссыльный доктор Иван Прохорович Грива «купил у земства участок земли рядом с тюрьмой, куда горожане вывозили нечистоты, и на этом участке заложил фруктово-ягодный сад и построил стеклянную оранжерею, где выращивал розы».²

В романе писатель рисует его облик как «маленького, суетливого, не в меру энергичного и речистого» человека с серыми глазами. Даже имя и отчество этого персонажа дано Черкасовым по конкретному историческому прототипу – ссыльному участнику крестьянского восстания Ивану Прохоровичу Бедро (1848-1943). Он отбывал ссылку в д. Быстрая с 1909 г.³

Весной 1910 г., с разрешения минусинского исправника, И.П. Бедро купил на имя жены 17 десятин земли за протокой Енисея (на Тагарском острове), где построил дом и основал цветочный и фруктово-ягодный питомник. И.П. Бедро занимался сортоиспытательными работами с плодовыми культурами и вывел в своём питомнике местные сорта яблони и вишни.⁴ В 1927 г. И.П. Бедро был сослан из Минусинска в Нарым, а его сад существовал до 1933 г., пока не зачах.

В 1943 г., после освобождения из красноярской психбольницы, А.Т. Черкасов женился на П.Д. Москвитиной и переехал жить в Минусинск.

Они поселились в бывшем доме И.П. Бедро. Супруги стали работать на опытном поле: Полина Дмитриевна была пчеловодом, а Алексей Тимофеевич – её подручным.

«Сложенный из кондовых толстых брёвен, на каменном фундаменте, он стоял как крепость в левобережье тагарской протоки Енисея» – так в романе «Конь рыжий» описывал Черкасов этот

дом, где родился их сын Алёша. В июне 1995 г., к 80-летию со дня рождения А.Т. Черкасова, на стене дома (по ул. Свердлова, 116) были установлены две мемориальные доски. Одна из них сообщает о том, что в этом доме жил И.П. Бедро, а другая – о проживании в нём А.Т. Черкасова в 1943-1946 гг.

Ныне «дом на дюнах» занимает многодетная семья И.Н. и В.М. Жвакиных. На месте же бывшего сада Бедро с 1990-х гг. строятся современные коттеджи.

Среди других памятных мест Минусинска, куда приводит А.Т. Черкасов своих литературных героев, нельзя не упомянуть старый деревянный мост и набережную протоки р. Енисей. С 1882 г. на минусинскую пристань прибывали пароходы из Красноярска «Св. Николай», «Дедушка» и «Россия», на которых путешествовали герои «Сказаний о людях тайги» Боровиковы и Юсковы: «Двухтрубный пароход, тяжело отдуваясь, как старик, и назывался «Дедушкой», медленно двигался навстречу течению возле аспидно-чёрных утёсов по правому борту. Ни звёзд, ни неба; чугунная плита. Давящая, гнетущая».⁵ «Медленно, на ощупь, с промерами дна подходила к Минусинску «Россия» – сияюще-белая в лучах полуденного солнца, трёхпалубная, с двумя толстыми трубами, усеянная пассажирами по левому борту».⁶

«В деревянном тихом Минусинске пахло блинами и шаньгами, а в трёхэтажном каменном доме Юсковых – внуков бабки Ефимии, почтенные граждане справляли Новый год. Горели лампочки на ёлке, мигали невиданные электрические лампочки...» – таким увидели знакомый нам дом Вильнера герои романа «Хмель» Боровиковы.⁷

К местам, связанным с именем А.Т. Черкасова, можно отнести городской архив и Мартьяновский музей с его уникальной библиотекой, где писатель работал и собирал материалы для будущих книг. В музее хранятся личные вещи, рукописи писателя, фотографии из семейного альбома писателя, переданные Полиной Дмитриевной Москвитиной-Черкасовой в 1995 г., которые были представлены на юбилейной выставке «Черкасов и старообрядчество». Среди уникальных предметов – фотография А.Т. Черкасова с автографом: «Мартьяновскому музею г. Минусинска от Ал. Черкасова».

И, наконец, это Минусинский драматический театр, осуществивший постановку по роману-трилогии «Хмель» в 1983 г.⁸ Спустя три года режиссёр-постановщик Валерий Пашнин, исполнительница главной роли Ефимии – актриса Галина Саломатова и художник Александр Кузнецов были удостоены Государственной Премии России.

В 2007 г. театр поставил спектакль «Чёрный тополь» (по трилогии «Хмель»), который вызвал огромный интерес зрителей.

В июне 1995 г. в Минусинске торжественно отмечались Черкасовские дни, посвящённые 80-летию со дня рождения писателя. В них приняли участие члены семьи А.Т. Черкасова – вдова П.Д. Москвитина, дочь Наталья и внучка Дарья. По программе юбилейных мероприятий состоялась также увлекательная поездка гостей и участников торжеств по Черкасовским местам Минусинска и Каратузского района.⁹

Ко многим памятным местам, где жил и творил писатель, в 2004 г. добавилось ещё одно: в соответствии с постановлением главы г. Минусинска одной из новых улиц микрорайона «Береговой» было присвоено имя А.Т. Черкасова.

Время выявляет истинное. Уже полвека «Сказания о людях тайги» дарят читателю и зрителю откровения души писателя. Имя классика литературы пришло к нам из XX в., наполненного потрясениями, в XXI в. надежд и ожиданий.

2010

Примечания:

¹ Черкасов А.Т. Хмель. Т.1. – Красноярск, Красноярское кн. изд-во, 1963. – С.527.

² Черкасов А.Т. Конь рыжий. – Москва: изд-во «ЭКСМО», 1994. – С.158.

³ Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова (АМКМ). Ф.1. О.4. Д.927. Л.9.

⁴ АМКМ. Ф.1. О.4. Д.926. Лл. 58,59.

⁵ Черкасов А.Т. Хмель. Т.1. С.432.

⁶ Там же, с. 531

⁷ Там же, с.399

⁸ Шадрин И.Е. Имён связующая нить. – Красноярск: Изд-во «Буква», 2008. – С. 209.

⁹ АМКМ. Ф.1. О.4. Д. 769.

М.В. Злобин,
г. Минусинск

Иван Петрович Чучалин — один из представителей рода Чучалиных (Село Тигрицкое, Минусинский район)

В июне 2010 г. было получено письмо из г. Томска от Ивана Петровича Чучалина – профессора кафедры промышленной и медицинской электроники Томского политехнического университета (бывший Томский политехнический институт).

Иван Петрович, ссылаясь, на рекомендацию Владимира Ивановича Шульги – профессора научно-исследовательского института ядерной физики, доктора физико-математических наук МГУ им. Ломоносова (г. Москва), просил найти в Минусинском горархиве сведения о предках Чучалиных для составления родословной. Завязалась переписка. Общими усилиями мы справились с этой задачей.

Основными источниками для составления родословной предков И.П. Чучалина послужили: церковные метрические книги Тигрицкой Митрофановской церкви с 1874 по 1919 г.; списки членов колхозов по годам Тигрицкого сельского совета: домовые книги жителей с. Тигрицкого по годам.

Село Тигрицкое – одно из шести казённых поселений, образованных на территории Минусинского округа по решению Государственного Сената. В 1833 г. все казённые поселения были готовы и приняли первых поселенцев из ссыльных.

В дальнейшем увеличение населения в казённых поселениях шло за счёт вольных поселенцев из западных губерний. В 1865 г. в с. Тигрицком проживали жители: Молины, Меркушевы, Оточины, Чучалины и др.

В 1867 г. по Тигрицкому значится государственных крестьян – всего 113 мужского пола. Из них вятских государственных крестьян – 44, вновь поступивших Вятских – 37. Ещё не прибыли из Вятской губернии – 18.

Каждый прибывший новый на поселение в Тигрицкое приписывался в прихожане в местную церковь. При первой записи в церковную книгу указывался адрес, откуда прибыл вновь прибывший. К примеру: 01.10.1874 г. (по Тигрицкой Митрофановской церкви) – родился Яков. Родители: Вятской губернии Малмышского уезда, Кильмезской волости, с. Троицкого крестьянин Фёдор Фёдорович Чучалин. Законная жена Варвара Нефёдовна.

Предположительно, что все Чучалины, прибывшие из Вятской губернии и поселившиеся в одном с. Тигрицком, были уроженцы одного уезда, волости и являлись между собой близкими и дальними родственниками. Многие из них были друг другу свидетелями при бракосочетании или восприемниками при рождении ребёнка.

По метрическим книгам за 1874-1919 гг. без повторений по мужской линии образовалось 72 семейства Чучалиных. Это самая многочисленная колония одной фамилии была в с. Тигрицком и на территории его сельского совета до 1929-30 гг.

Тигрицкое являлось зажиточным селом, и не удивительно, что в годы коллективизации было раскулачено и выслано за пределы села 115 семей. Эти репрессии коснулись семьи Петра Михай-

ловича Чучалина. Последний в 1933 г. в июне завербовался на острова «Пески» в устье Енисея в рыболовецкие бригады на сезон. Выехал Пётр Михайлович на север с женой Ксенией Давыдовой и единственным сыном в семье – Иваном. В семье прадеда Якова Ивановича и прабабушки Евдокии Алексеевны было 13 детей, из них 5 мальчиков. В семье деда Михаила Яковлевича и бабушки Матрёны Никитичны – 8 детей, из них 4 мальчика.

Прадед, дед и отец И.П. Чучалина были неграмотными крестьянами. «Оба моих деда по отцу и матери», – пишет Иван Петрович в своих воспоминаниях, – «Михаил Яковлевич Чучалин и Давид Михайлович Гольцов участвовали в русско-японской войне 1904-1905 г. Михаил Яковлевич был даже награждён царской медалью». Ксения Давыдовна Гольцова – мать Ивана Петровича тоже была неграмотной. Её отец по собственной воле со своими родителями прибыли из Курской губернии в Сибирь и были определены в с. Тигрицкое. Вместе с ними приехал с семьёй Тарас Моисеевич Гольцов. Его дочь Марина Тарасовна имела в Минусинске дом, стоявший на месте нынешнего горархива.

Иван Петрович Чучалин в своё время начинал школьные годы в Тигрицком, а продолжил в г. Артёмовске, куда переехал с родителями. Отец работал в старательской золотодобывающей артели.

Вскоре после начала войны, отца (Петра Михайловича) призвали в армию. 14 марта 1943 г. из 10-го класса был призван в армию Иван Петрович Чучалин в числе шести парней из Артёмовска в Асиновское военно-пехотное училище (АВПУ). На грузовой машине прибыли в Минусинск. На следующий день были в Абакане и далее поездом до г. Томск. Затем от ст. Томск-II, по железнодорожной ветке в 104 км, до тупиковой станции Асино, где в 1942 г. на базе Сибирского лагеря заключённых (Сиблага) было устроено АВПУ. Курсант И.П. Чучалин был определён в миномётную роту.

В первых числах августа 1943 г. курсантов, ещё не закончивших училище, погрузили в вагоны и отправили на фронт. В этом эшелоне были курсанты пяти военных училищ: Киевского ВПУ, которое располагалось в г. Ачинске Красноярского края, Томского артиллерийского (ТАУ), Белоцерковского военно-пехотного, располагавшегося в г. Томске, Асиновского ВПУ, Новосибирского ВПУ. 25 курсантов из миномётной роты АВПУ, в т. ч. и И. Чучалин, попали в миномётную роту 956-го полка, 299 стрелковой Харьковской дивизии 53 армии Степного фронта, в составе которой участвовали в Орловско-Курской битве, освобождали Харьков и другие города Украины.

В октябре 1943 г. при форсировании р. Днепра И.П. Чучалин был тяжело ранен. До января 1944 г. находился на излечении в госпитале. После выздоровления служил курсантом на пятых военных курсах по подготовке радиотелеграфистов и был командиром отделения. В сентябре 1945 г. после расформирования радиокурсов для дальнейшего прохождения военной службы направлен в 59-й отдельный Львовский полк связи, который располагался в Австрии (г. Баден) в составе центральной группы войск.

В декабре 1945 г. по август 1946 г. после демобилизации, как годный к нестроевой службе, работал в Артёмовске в сберкассе и одновременно готовился в институт.

В августе 1946 г. поступил в Томский политехнический, который закончил с отличием (физико-технический факультет) по специальности инженер-физик. Далее два года в аспирантуре. Последующее продвижение по службе он описывает в письме ко мне: «В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию. После защиты кандидатской работал в Томском политехническом институте (ТПИ) инженером, старшим научным сотрудником, заведующим научной лабораторией, задачей которой было продолжение и расширение работ по проектированию синхротрона. В свои 32 года был назначен первым директором научно-исследовательского института ядерной физики, который возглавлял с 1958 по 1968 гг.». Ещё до открытия Научно-исследовательского института в 1957 г. Постановлением Совмина СССР в целях создания базы для подготовки специалистов для атом-

ной промышленности предусматривалось строительство исследовательских ядерных реакторов в Московском МИФИ, Уральском ПТИ и Томском ПТИ. Однако, тогдашний министр Минсредмаш Е.П. Славский не спешил выполнять указанное постановление правительства.

Ректор ТПИ А.А. Воробьёв попросил первого секретаря Томского обкома КПСС В.А. Москвина поговорить с И.В. Курчатовым, чтобы тот воздействовал на Министра Славского о выполнении постановления Совмина. И.В. Курчатов был председателем научно-технического совета (НТС) Минсредмаша.

В начале 1968 г. состоялось заседание НТС. Чучалин в своих воспоминаниях сообщает: «Ректор ТПИ Воробьёв заболел и послал меня. Я был всего, как два месяца назначен директором НИИЯФ. Мне было тогда 32 года. Членами НТС были академики А.П. Александров, А.Я. Померанчук, Л.А. Арцимович и др., а также заместители министра и начальники ведущих отделов Минсредмаша.

В то время проходило празднование освобождения Харькова. Десяти воинским подразделениям, участвовавшим в освобождении города, в т. ч. и нашей 299-й дивизии было присвоено наименование «Харьковские»... Были организованы поездки по местам боевых событий. Жили мы в одном из общежитий техникума. И вот там произошло интересное событие. Вечером после ужина мы сидели на скамейках около общежития. Медсестра санбата дивизии рассказывала, как на плащ-палатке солдаты принесли в санбат молодого раненого в живот бойца, у которого вываливались из живота кишки. «Я, – говорит медсестра, – запомнила фамилию того раненого паренька – Шляпиным его называли». На той же скамейке сидела жена Евгения Афанасьевича Шляпина, Александра Дмитриевна. Услышав слова медсестры, жена Шляпина вскочила, побежала в общежитие с возгласом; «Женя! Женя!». Тот навстречу: «Что случилось, Саша?» Жена: «Там медсестра о тебе рассказывает». Шляпин подбежал к той медсестре, подхватил её на руки и расцеловал. Все мы, рядом стоящие, дружно заплакали, сдержать слёзы было невозможно. Женя Шляпин, тоже бывший курсант Асиновского военно-пехотного училища – живёт в Минусинске, мы с ним постоянно обмениваемся письмами к праздникам. Но тогда в училище мы не знали, что мы земляки».

В 1971 г. Чучалин защитил докторскую диссертацию и с 1972 по 1981 г. стал вторым ректором Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУРа).

В августе 1981 г. решением Томского обкома КПСС И.П. Чучалина вновь переводят ректором ТПИ. На этом посту он проработал до 1990 г.

Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 20 мая 1985 г. И.П. Чучалину было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

Трудовая и боевая деятельность И.П. Чучалина отмечена государством: он награждён орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалью «За боевые заслуги», одиннадцатью юбилейными медалями, двумя золотыми и бронзовой медалью выставки достижений народного хозяйства СССР, знаками: «Шахтёрская слава» I степени, «За отличные успехи в работе», почётными знаками ЦК ВЛКСМ, знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности», медалью «За заслуги перед Томским Государственным университетом системы управления и радиоэлектроники», золотой медалью I степени «За заслуги перед Томским политехническим университетом», многими почётными грамотами Минвуза Томского обкома КПСС и Томского облисполкома. В 1996 г. И.П. Чучалину за значительный личный вклад в развитие науки и образования, укрепления престижа Томского научно-образовательного комплекса присвоено звание лауреата премии Тоской области в сфере образования и науки.

С 1990 г. по настоящее время является профессором кафедры промышленной и медицинской электроники Томского политехнического университета (бывший Томский политехнический институт).

Многие годы И.П. Чучалин возглавляет Специализированный Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Ректор Национального исследовательского Томского политехнического университета П.С. Чубик, в предисловии к книге И.П. Чучалина «Первый... второй... пятнадцатый» сообщает: «В 33 года Чучалин – директор НИИ ядерной физики, электроники и автоматики. Встречи с Курчатовым, Келдышем, Александровым, строительство синхротрона «Сириус», исследовательского реактора.... Мощная волна научных исследований и новые созвездия учёных!

Иван Петрович притягивает нужные связи, людей, обстоятельства, умело выстраивает из хаотических, казалось бы, случайностей, стабильно работающую структуру. Он органично чувствует себя в любой роли администратора, строителя, дипломата, секретаря парткома. Но как в приложении к главному – к науке он всегда был и остается Учёным с большой буквы».

2010

Литература:

1. Чучалин П.И. Первый... второй... пятнадцатый. Томск: Изд-во ТПУ. 2010. – 141 с.

Ю.К. Махно,

г. Абакан

Т.М. Бондарев и Минусинский музей

О взаимоотношениях крестьянина-самородка с минусинской интеллигенцией

Минусинский региональный краеведческий музей – первый местный публичный музей в Енисейской губернии (ныне Красноярский край). Основан Николаем Михайловичем Мартьяновым (28.07.1844 – 13.12.1904, н. ст.) на средства Минусинской общественности. С 1905 г. музей носит его имя.

С Минусинским музеем сотрудничали известные учёные, писатели, путешественники (Потанин Г.Н., Радлов, Ярилов А.А., Семёнов-Тян-Шанский П.П. и др.). Свой след в истории Минусинского музея оставили политические ссыльные: Андрианов В.В. (1864-1920), Белоконский И.П. (1855-1931), Клеменц Д.А. (1848-1914), Кон Ф.Я. (1864-1941), Ватин (Быстрянский) В.А. (1886-1940). Поддерживал тесную связь с Минусинским музеем и сибирский крестьянин Минусинского уезда Т.М. Бондарев, феномен русской истории и историографии.

Тимофей Михайлович Бондарев не был обделён вниманием. О нём писали политические ссыльные Минусинского уезда, русские писатели и публицисты Л.Н. Толстой, Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский и другие; учёные с мировым именем Н.Н. Гусев, А.А. Донсков, литературоведы К.С. Шохор-Троцкий, М.В. Минокин, поэт И.Е. Ерошин, хакасский учёный-писатель Н.Г. Доможаков, краеведы Е.И. Владимиров, А.П. Косованов и др. О Т.М. Бондареве написано более трёхсот публикаций: монографии, научные статьи, журнальные и газетные материалы.¹

Однако, несмотря на обилие публикаций о Т.М. Бондареве, остаётся пока мало изученным вопрос о взаимоотношениях крестьянина-самородка с минусинской интеллигенцией кон. XIX в. Из перечисленных авторов данной темы касался советский литературовед, создатель подробной биографии о сибирском крестьянине М.В. Минокин в статье «Т.М. Бондарев».²

Бондарев Т.М. (03/16 04.1820-03/16.11.1898) – сын крепостного крестьянина Нижнечеркаского округа, обл. Войска Донского. Обучил Бондарева грамоте местный дьяк. Барин сдал его в солдаты «на 38 году жизни, по николаевским законам на 25 лет». Оставив 4-х детей на попечение жены, Бондарев прослужил на Кавказе в 26 полку Кубанского войска 10 лет. Прославился большими познаниями в области литературы, комментировал главы «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Считая, что другая религия защитит человека от произвола государства,

Бондарев отказывается от православия и переходит в иудейство. Его лишили воинского звания, медали и заключили в Усть-Лабинскую тюрьму (1865-1867). В 1867 г. военно-судебная комиссия направляет Бондарева на вечное поселение в Сибирь. Енисейский губернатор определил ссыльного в д. Иудина (ныне Бондарево, Бейского района РХ), куда поселялись отступники от православия: дырники, молокане, иудеи и прочие.³

1883 год. В г. Минусинск пришла посылка. Отправитель адресует её «В Минусинский городской музей, в дом Белова, где собраны со всего свету редкости» (стиль отправителя посылки). В посылке содержалась рукопись крестьянина из д. Иудина Т.М. Бондарева «Торжество земледельца...»

«И торжественно коснулся перстом чело своего...». Через некоторое время произошло знакомство крестьянина-отправителя с основателем музея. Об этом рассказал Н.М. Мартьянов писателю А.В. Амфитеатрову (1862-1938), который отбывал ссылку в г. Минусинске в нач. XX в.: (рассказ приведён в статье «Властители дум»): «Однажды он пришёл в Минусинский музей и долго рассматривал библиотеку.

– О чём пишут в таком множестве книг? – спросил он, наконец, хранителя музея, известного ботаника Мартьянова.

Тот постарался характеризовать ему в общих чертах главнейшие отделы библиотеки. Бондарев слушал внимательно. Потом:

– Да, – говорит, – много люди написали. Но всё это лишнее... Сколько не держите вы книгу на полках, во всех вместе нет и сотой доли того, что у меня в течение одного дня проходит вот здесь. И торжественно коснулся перстом чела своего...» Далее писатель рассказывает, как Т. Бондарев пытался отправить свою рукопись по почте. Отправление этой рукописи сделало эпоху на патриархальной минусинской почте. Бондарев принёс претолстый пакет с простым адресом: «ст. Петербург, Царю». Почта пришла в ужас и изгнала Бондарева, «яко злодея, нечестно пахающе».

Упрямый мужик исходил все минусинские присутственные места и добился всё-таки способа послать рукопись императору. Очень может быть, что его обманули, и рукопись не была послана, хотя какую-то расписку в отправлении Бондарев хранил до конца жизни своей, как обличительную святыню».⁴

«Если нужно будет отослать мне какие-то бумаги, то отправьте их в Минусинск Н.М. Мартьянову». В архиве Минусинского музея хранится письмо Т.М. Бондарева к Н.М. Мартьянову. Это письмо не получило в научной литературе должного объяснения.

«Николай Михайлович. Когда Лаврентьев уезжал от меня, Бондарева, деревни Иудиной Бейской волости, то он сказал мне так: Если нужно будет отправить мне какие-то бумаги, то отправьте их в Минусинск Николаю Михайловичу Мартьянову. Он же передаст Фёдору Николаевичу Лаврентьеву. И покорнейше прошу вас, Н.М., приложенные к этому два письма положите в почтовый ящик. Большую тетрадь подайте на почту, для чего посылаю вам деньги! 1 рубль серебром... Это в руки подателя. А остальные бумаги отправьте к Лаврентьеву. Не более как через десять дней я пришлю к вам человека за распиской. О получении же этих же бумаг напишите мне, с этим подателем. Мне, же Бондареву, ... если не лично, то хотя бы (на словах) или на бумаге передайте..., чего и я со своей стороны желаю. Многоуважающий вас, Тимофей Михайлович Бондарев». Приписки на письме: «Иркутской губернии Села Черёмухово Фёдору Николаевичу Лаврентьеву, Это адрес его. В сравнении с тем, моим сочинением, которое я Лаврентьеву дал, здесь много улучшено, исправлено и дополнено. Покорнейше прошу, покорнейше прошу вас, Н.М., подайте на почту следующие в Петербург эти бумаги».⁵

«...Страна, Сибирь, порождает философов, какие едва ли возможны в России». А.Ш. – псевдоним автора статьи «Деревенский философ», опубликованной в газете «Сибирь» 1 июля 1884 г. Это был первый отклик на рукопись Т.М. Бондарева «Торжество земледельца...». В статье не упоминалась фамилия крестьянского автора, но называлась работа «Трудолюбие и тунеядство».

Автор статьи, по-видимому, народник Александр Иванович Иванчин-Писарев, который находился в ссылке в Минусинском округе в 1884-1885 гг.

А.И. Иванчин-Писарев первым познакомил писателя Глеба Успенского с рукописью Минусинского крестьянина. Он написал Глебу Успенскому письмо и выслал копию сокращённого варианта рукописи. Успенский (1843-1902) первый опубликовал статью Т.М. Бондарева «Трудами рук своих» в журнале «Русская мысль» (1884 – №11).⁶

Белоко́нский Иван Петрович – общественный деятель, публицист, прозаик. В 1870-е годы сблизился с народниками, работая сельским учителем в Киевской губернии, вёл пропаганду. В 1879 г. был арестован и сослан в Восточную Сибирь, с 1880 по 1886 гг. отбывал ссылку в Минусинске. Находясь в ссылке, сотрудничал с Минусинским музеем, газетами «Сибирь» и «Восточное обозрение». Посетил д. Иудина в 1884 г. и имел беседу с Т.М. Бондаревым.

В пер. пол. 1880-х гг. Иван Петрович отправил в журнал «Северный вестник» свою статью «Тимофей Михайлович Бондарев и его учение». Очерк, подписанный псевдонимом «Петрович», был принят редакцией журнала и набран, но запрещён цензурой.⁷ В настоящее время он хранится в архиве г. Санкт-Петербурга (Ленинграда), копию данной статьи директор ХакНИИЯЛИ Н.Г. Доможаков передал в рукописный фонд данного научного учреждения. Очерк И.П. Белоко́нского увидел свет только в 1905 г. в книге автора «На сибирские темы».

И.П. Белоко́нский первым сделал наброски истории деревни, в которой отбывал ссылку Т.М. Бондарев. Его статья была напечатана в газете «Сибирь» за 1885 г. и называлась «Пребывание в Сибири основателя секты «Общих». Им было высказана версия об основании деревни Иудина (в сочинении Белоко́нского – «Юдина»).

Версия Белоко́нского сводилась к следующему. Во времена царствования Николая I в Сибирь «за веру» были сосланы крестьяне-субботники и крестьяне-молокане. Часть из них была поселена в с. Заледеевом Енисейской губернии. Субботники послали ходоков для поиска новой земли. Ходоки выбрали место для поселения в Минусинском округе, основали деревню и как поклонники Ветхого завета называли её Обетованной. Енисейский губернатор «не потерпел» такое название и «потому в честь Иуды-предателя повелел переименовать «Обетованную» в Иудина». Версия Белоко́нского, а в ней есть правда и вымысел, о возникновении деревни, легла в основу последующих публикаций об истории деревни (д. Обетованную в 1830 г. основали не ссыльные, а вольные крестьяне – *авт.*).

«... *Требуйте от меня это дело и вместе с ним и меня к себе*». В своих воспоминаниях⁸ И.П. Белоко́нский подробно анализирует сочинения Тимофея Бондарева (объёмный труд, который содержал «250 вопросов») и приложения к этому труду: 1. Моё решение, 2. Требования, 3. Прошение, 4. Защитники, 5. Заключение. Он даёт подробный анализ «Прощения» на имя министра внутренних дел, в котором крестьянин излагает суть своего учения, а также выражает взгляды на личность царя. Он цитирует Бондарева «... если довести его (имеется в виду сочинение «Торжество земледельца...» – *авт.*), до сведения всякого человека, то не более чем как через 4 года без понесения трудов и без напряжения сил, избавятся все они от тяжкой нищеты и от нетерпимого убожества; тогда глупый делается умным, лентяй – трудолюбивым, пьяница – трезвым, бедный – богатым, бездомник – прочным хозяином, злодей – честным человеком, и будет как на них, так и на столе их Велик День, и без всякого противления или закостенелости сольётся вся вселенная в одну веру и Бога! Бог свидетель между мною и Вами, Ваше сиятельство, что я истину это говорю, ни одного слова лжи или нерассудительности не выходит из уст моих».⁹

Он выражает веру в царя. Государя Бондарев причисляет к «своим», к «низшему сословию», объясняя это тем, что «правитель должен смотреть за порядком, притом матка должна быть одна, а не две и не три». Заканчивает он прошение словами: «Потому прошу, Ваше сиятельство, требуйте от меня это дело и вместе с ним и меня к себе, а иначе и дело не дам, и потому, как стра-

дали люди, так и будут страдать; потому требуйте меня, что там будет великое прошение между трудом и тунеядством».

«Трудно было крестьянину понять Бондарева...» Белоконский анализирует отношения жителей деревни к личности Бондарева. Они «... не понимали Бондарева и относились к нему, как к человеку, по меньшей мере, странному. Причин этому немало». И далее он указывает на эти причины. Во-первых, крестьяне деревни (субботники и молокане) были весьма трудолюбивым народом. «Само собой разумеется, что юдинцы, весьма усердно обрабатывающие землю, никак понять не могли, что требует Бондарев: «да мы и так работаем, только с землею да хлебом и возишься», – пишет Белоконский. Во-вторых, – продолжает автор статьи, «его учение сделалось его *idée fixe*, и он ни о чём больше говорить решительно не мог и, если молчал, когда его опровергали или что-либо доказывали, то это ещё не значит, что он вас слушал: как только вы переставали говорить, он, не принимая во внимание сказанного вами, начинал говорить «своё», т.е. излагать «учение», и далее, из слов его можно было понять только, что все должны заниматься исключительно земледелием, причём в разговоре он напирал более всего на то обстоятельство, что высшие классы не обрабатывали земли, виновны главным образом в лености крестьянина, т.е. что крестьянин, глядя на господ, трудится не как следует».¹⁰

«Ко всему этому, – пишет Белоконский, – надо прибавить странное с точки зрения крестьян «поведение» Бондарева: вечно задумчивый он, как известно, ходил с бумажкою и карандашом и, останавливаясь, записывал свои мысли и т.д.». Далее писатель делает вывод «Трудно было крестьянину понять Бондарева, и крестьянин сначала удивлялся, а потом махнул рукою: «пусть, мол, чудачит» – и неудивительно: оригиналы, выдающиеся личности нередко порицаются даже интеллигенцией. Этот индифферентизм, это полунасмешливое отношение юдинцев к Бондареву, непонимание его мыслей измучили Тимофея Михайловича; он чувствовал себя одиноким не только среди односельцев, но и в семье: родной сын его, сельский писарь, и тот, не понимая отца, относился к нему с насмешкою. Бондарев, благодаря вышеприведённым обстоятельствам, сделался угрюмым, сосредоточенным, углубился в самого себя, из «учения» сделал *idée fixe* и жил только надеждой, что его скоро повезут в Петербург, что скоро «учение» его делается известным всему миру, и тогда «вся вселенная взлетит на несказанное блаженство».

«...Как глубоко страдал этот непонятый в своей среде человек». А вот и описание встречи писателя с крестьянским мыслителем: «Когда мы, приехав в Юдино, разыскали его и заявили, что интересуемся его учением, Бондарев очень обрадовался. Через несколько минут он был уже в нашей квартире и проговорил до глубокой полночи, а на другой день явился на заре и ждал, куда мы встанем. Тяжело было смотреть на этого библейского старца, с воспалёнными (большими чёрными), вечно поднятыми вверх глазами, с руками, поднятыми кверху, когда он говорит; плавно и необыкновенно медленно излагая нам своё учение, он весь погружался в мысли свои, не чувствовал, кажется, присутствовавших и витал в ином мире.

Только перед отъездом нашим, Бондарев, опомнившись, спросил – кто мы и почему интересуемся его учением. Мы прямо заявили, что пишем в газетах и журналах. Это произвело на него необыкновенно приятное впечатление, и он дал нам набело переписанное «учение» своё, на что сначала не соглашался, отдавая нам черновое; вручая своё сочинение, Бондарев просил напечатать его, чтобы оно стало всем известно, и выслать ему ту книгу, где будет напечатано, при этом прибавил: «только долго не держите, а то... если правительство меня потребует, как же я поеду без «учения?». Уезжая, мы от души пожалели эту выдающуюся личность, волею судьбы поставленную в такие условия, что не может быть тем, чем быть бы мог, – а сколько сил таких гибнет, сколько пропадает недюжинных жизней под бременем нужды, тьмы и печали!.. Из писем, полученных впоследствии от Бондарева, мы ещё более убедились, как глубоко страдал этот непонятый в своей среде человек».¹¹

И.П. Белоконский один из первых интеллигентов Восточной Сибири познакомил обществен-

ность с крестьянином-философом и имел с ним беседы. Он дал интереснейшую характеристику личности крестьянина-самородка и его окружения. Из воспоминания видно, что Бондарев писал письма, по-видимому, сотрудникам Минусинского музея. Письма Бондарева не сохранились.

Сочинения Бондарева Лебедев и Жебунёв переписывали своими руками. В.С. Лебедев и Л.Н. Жебунёв, как участники движения народников, административную ссылку отбывали в г. Минусинске, работая сотрудниками Минусинского музея в 80-ые гг. XIX в. Через музей, при посредстве Н.М. Мартьянова Бондарев познакомился с политическими ссыльными, «временной интеллигенцией» Минусинского уезда. Сочинение Бондарева «Лебедев и Жебунёв переписывали своими руками и отправляли в редакции центральных газет и журналов. Рукопись сочинения «Торжество земледельцам...» они отправили в журнал «Русская мысль». Благодаря их усилиям с сочинением Бондарева могли познакомиться известные публицисты Г.И. Успенский и Н.К. Михайловский. Лев Толстой после прочтения статьи Глеба Успенского «Руками рук своих» (в статье анализировалось сочинение Бондарева) обратился с просьбой в Минусинский музей, чтобы ему выслали рукопись сочинения крестьянина. Эту рукопись ему отправили политические ссыльные. Лев Толстой заинтересовался сочинением Бондарева и направил Лебедеву письмо следующего содержания: «Вчера я получил через редакцию «Русской мысли» рукописи Бондарева, присланные вами. Моё мнение, что вся русская мысль (конечно, не журнал), с тех пор, как она выражается, не произвела со своими университетами, академиями, книгами, журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказали два мужика – Сютаев и Бондарев. Это не шутка и неинтересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа. Но и всего человечества...»¹²

Впервые письмо Толстого к Лебедеву было опубликовано в книге-сборнике красноярского краеведа Е.И. Владимирова «Т.М. Бондарев и Л.Н. Толстой»¹³ (Красноярск, 1938). Позднее оно вошло в полное собрание сочинений писателя (том 90). Исследователь творчества Бондарева М.В. Минокин рукопись письма Толстого к Лебедеву обнаружил в 1946 г., просматривая архивные материалы Минусинского музея. В 1928 г. в связи с подготовкой юбилейного собрания сочинений Толстого все письма Толстого к Бондареву, которые хранились в архиве музея, отправлены в музей Толстого г. Москвы. В дальнейшем это письмо было отправлено в Москву. О политических ссыльных М.В. Минокин в статье «Т.М. Бондарев» пишет: «Из сохранившейся переписки Бондарева нам известно о том, что Жебунёв снабжал литературой даже Иудинскую школу. Так в январе 1886 г. Бондарев писал ему: «Сколько рады, а сколько благодарны Вам были в моём училище те дети, которые могут уже свободно читать».¹⁴

Бондарев вёл переписку с политическими ссыльными, но письма корреспондентов неизвестны. «Прошу прислать мне книгу философского учения». Это письмо Бондарева к Мартьянову, в котором он просит прислать ему книги философского содержания.¹⁵ Его интересовала библиотека Минусинского музея, с книгами которой он впервые познакомился в 1883 г. По мнению М.В. Минокиной именно в данной библиотеке Бондарев прочитал полную рукопись А.С. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Читал он и произведения Н.М. Златовратского, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, Г. И. Успенского и других писателей. В подборе литературы ему помогали политические ссыльные, сотрудники Минусинского музея В.С. Лебедев и Л.Н. Жебунёв.

Минусинский музей во главе со своим основателем Н.М. Мартьяновым в кон. XIX в. был центром культурной и политической жизни уезда. Основатель музея Н.М. Мартьянов был другом Т.М. Бондарева. Он направлял работы сотрудников музея о распространении идей Бондарева. Политические ссыльные, «временная» интеллигенция приложили большие усилия, чтобы имя Бондарева стало широко известно общественности. Идеи крестьянина-самородка вызвали большой интерес значимых фигур русской культуры.

Примечания:

- ¹ Сибирский крестьянин Тимофей Бондарев и граф Лев Толстой: Библиографический указатель/ М-во культуры Респ. Хакасия, ГУК РХ «Национальная библиотека им. Н.Г. Доможакова»; сост.: Ю.К. Махно, М.А. Аева. - Абакан, 2010.
- ² Минокин М.В. Тимофей Михайлович Бондарев // Записки / Хакас. науч. исслед. ин-т яз., лит., истории. Абакан, 1951, Вып. 2. С. 17-59.
- ³ Энциклопедия Республики Хакасия: 2 т. Красноярск, 2007, т.1. – С.88-89
- ⁴ Амфитеатров А.В. Властители дум. - Л.Н. Толстой / Собр. соч. 22. – С.283.
- ⁵ Архив Минусинского регионального краеведческого музея. О .1, Д. 49, 53. Письма Мартьянова.
- ⁶ Успенский Г.И. Труды рук своих// Собрание сочинений в 9-ти томах. Т.6. – С. 166-190.
- ⁷ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Петрович (Белоконовский. Т.М. Бондарев и его учение.). Абакан 1953, Ф.204.
- ⁸ Белоконовский И.П. Тимофей Михайлович Бондарев (Из сибирских воспоминаний). // На сибирские темы: сборник Спб 1905. – С.262-292.
- ⁹ Белоконовский И.П. Указ. Сочинения.
- ¹⁰ Белоконовский И.П. Указ. Сочинения.
- ¹¹ Белоконовский И.П. Указ. Сочинения.
- ¹² Толстой Л.Н. 1885, июль. Письмо В. С Лебедеву// т.90. – С. 257; Толстой Л.Н. 1886, ноябрь-декабрь. Письмо Л.Н. Жебуневу//. Том.63. – С. 434-435.
- ¹³ Владимирова Е.И. Т.М. Бондарев и Л.Н. Толстой. Красноярск 1938.
- ¹⁴ Минокин М.В. Указ. Сочинение.
- ¹⁵ Три века, 300 лет вхождения Хакасии в состав России. Красноярск, 2007. – С.76.

В.Ф. Сёмочкина, М. Белова,
с. Шалоболоно, Курагинский район

«Идёт в шинели молодость моя...»

Об Евдокии Гавриловне Крючковой (Бурдыко)

Женщина на войне! Как-то не сочетаются понятия – война и женщина. Но Великая Отечественная война перемешала всё. Свыше 500 000 советских женщин надели серые солдатские шинели. Они были зенитчицами, разведчицами, связистами, медсёстрами.

Одной из участниц войны была Крючкова (Бурдыко) Евдокия Гавриловна, медсестра, жительница с. Шалоболоно Курагинского района. Она прошла всю войну от неопытной девочки-медсестры до врача.

Евдокия Гавриловна родилась 6 февраля 1923 г. в с. Полова Прилуцкого района (Украина). Отец, Бурдыко Гавриил Андреевич, имел крепкое хозяйство, мать Мария Ивановна, воспитывала детей и помогала ему по хозяйству. Кроме Евдокии в семье было ещё трое детей, Иван, Василий, Нина. Семья была обеспеченная. Переезжали часто, но дети всегда ходили в школу, за этим следил отец. Последнее время жили в п. Прилуки. Окончив школу, Евдокия поступила на двухгодичные курсы медсестёр. Началась война.

28 августа 1941 г. призвали на фронт всю группу, ей едва исполнилось 18 лет. Отец, провожая на фронт, плакал и наказывал: «Прошу тебя: не пей, не кури, не распускайся». *«Наверное, трудно в это поверить, но не курила, не пила, а 100 граммов «фронтовых» отдавала ребятам»,* – вспоминала Евдокия Гавриловна.

Привезли в Рамадан Полтавской области, хотели напрямую в Харьков отправить, но помешали страшные бомбежки и отступление армии. Была она хрупкая девочка, а ей дали ботинки 42 размера, большой размер одежды. Как-то перешла форму, сапоги обменяла на меньший размер. Женщина везде остаётся женщиной! Вначале были в учебном пункте. Винтовку стали изучать, пулемёт «Максим». *«Командир, обучавший нас, заставлял, непонятно зачем, много ходить строем. В гору – запевай, с горы – запевай, а уже шла война, люди гибли, армия отступала».*

Потом привезли в Харьков Здесь Евдокия получила первое боевое крещение. Загрузили раненых в вагоны и повезли в Свердловскую область. По пути разгружали раненых в Уфе, Казани и в других городах. Потом отправили на Валдай, но там их не приняли и отправили на Ленинградский фронт. Здесь тоже не приняли, даже на довольствие не ставили. Сказывалась неразбериха первых

месяцев войны. Стали служить в полевом госпитале при 27 армии, который специализировался по профилю – ранение в челюсть, тяжелораненых отправляли в тыл, но большинство оставалось у них. В конце 1941 г. госпиталь направили в Новгородскую область. Жителей выселили из прифронтной полосы, раненых разместили в домах, а медперсонал жил в блиндажах.

Евдокия Гавриловна вместе с санитарями обслуживала три дома. Было тяжело. На одну медсестру и двух санитаров приходилось 20–40 раненых. Надо было 2 раза измерить температуру, делать перевязки, раздать лекарства, накормить, умыть раненых.

С мая 1942 г. госпиталь обслуживал аэродром под Старой Руссой. Бомбили два раза в день: в 2 часа дня и в 4 часа. Тяжело приходилось: снаряды пролетали, бой самолётов над госпиталем. Бомбёжки – это самое страшное, что ей, молоденькой девчонке, пришлось пережить. За 2 раза фашисты разгромили населённый пункт. Осталось всего 6 домов от посёлка, остальное всё сгорело. После бомбёжки стали собирать раненых, а размещать их негде. *«Машины ехали за боеприпасами, мы просим, чтобы взяли раненых, а у них своя задача, не берут. Перегородили мы дорогу, стали размещать раненых»*, – рассказывала Евдокия Гавриловна. Потом наступило затишье – 18–20 дней не принимали раненых. На всю жизнь остался страх перед бомбёжкой. Даже после войны ни разу не летала самолётом, не могла. На фронте Евдокия Гавриловна перенесла брюшной тиф.

В 1943 г. армия наступала по всему фронту. Сколько было раненых! *«В августе – сентябре в Ахтырке Сумской области в госпитале лежал раненый, врач предложил ему ампутацию руки по локоть, он очень переживал. Я посмотрела руку и сказала: «Гангрены нет, не соглашайтесь на ампутацию»*, – вспоминала Евдокия Гавриловна. Приходила к нему Евдокия, делала процедуры, массаж. Руку отстояли. Два года переписывались, а в 1944 г. поженились.

Во время Корсунь-Шевченковской операции на Украине чуть не попали в плен. Уже перед границей им приказали взять перевязочный материал и идти на передовую пешком. Опытный медперсонал, прошедший войну, и – на передовую. Зачем, она не понимает до сих пор. Выдали новые сапоги, грязь была непроходимая. Границу с Европой они пересекали в телячьих вагонах. Госпиталь расположили под Будапештом. Сколько ребят там полегло за взятие только одной крепости! Потом она узнала, что в этой крепости установлен мемориал, и названа цифра 500 тыс. погибших. *«А мы только успевали перевязки делать, даже продыху не было»*, – с горечью рассказывает Евдокия Гавриловна. 7 мая знали, что немцы капитулировали, а 9 мая – выстрелы, думали, что десант. Раненые сползли с постелей, хотели убежать. Потом мы узнали, что это Победа. Обнялись с дежурным врачом и заплакали. Врач взяла со склада красное вино, и каждому налила в кружку. Все плакали и радовались», – вспоминала Евдокия Гавриловна. В сентябре 1945 г. демобилизовалась, её отправили сопровождать домой раненую подругу.

После окончания войны муж Евдокии Гавриловны – Сергей Владимирович служил на Западной Украине, потом в Германии. Затем – на границе с Ираном, где 1 октября 1962 г. он был тяжело ранен, спасти его не удалось, требовалось лекарство, которое нигде не могли достать. Написала министру обороны, лекарство пришло, но в день смерти любимого человека. *«Сколько людям жизнь спасла, а мужу не смогла помочь. Я долго не могла оправиться после такой потери. Вина себя, что я медсестра, а не спасла его»*, – вспоминает она.

Евдокия Гавриловна жила с сыновьями в п. Прилуки, после смерти мужа переехала в Шалаболино к брату. Она интереснейший собеседник, часто вспоминает войну, дорожит фотографиями, письмами тех времен. Очень ей близки эти люди, с которыми она прошла свой боевой путь.

Во имя Победы Евдокия Гавриловна прошла всю войну, как тысячи других женщин... *«Сколько пришлось пережить, не приведи Бог никому. Четыре года войны. Сколько смертей видели, сколько страха натерпелись. Всю юность война забрала. Мы были патриотами. Тяжело было, уставали, теряли друзей. Но мы верили в Победу, не допускали мысли о поражении. Мы верили искренне!..»*

2010

Литература:

1. Война. Народ. Победа. Том 2. Статьи. Очерки. Воспоминания. М. Изд-во политической литературы. 1983. – С.72.
2. Кованов В.В. Солдаты бессмертия. Медикам – героям Великой Отечественной войны 1941-1945: М. Изд-во политической литературы. 1985. – С.5-6., С.65-66.
3. Воспоминания Евдокии Гавриловны (Бурдыко) Крючковой.

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

А.В. Амфитеатров и Минусинск

В 2010 г. в московском издательстве «ОЛМА Медиа Групп» вышла книга «XX век. Загадки, версии, гипотезы» – автор Александр Бушков (родился в Минусинске). В книге он пишет: *«Именно так – «Господа Обмановы» – известный журналист Амфитеатров озаглавил свой фельетон о Романовых, за который его в 1909 г. сослали в мой родной Минусинск...»*¹ А. Бушков неверно указывает дату ссылки – Александр Валентинович Амфитеатров был сослан в Минусинск в 1902 г.

14 января 1902 г. в газете «Россия» напечатали фельетон Амфитеатрова, а 27 января автор был уже в Минусинске. Сослали его на пять лет. Но в декабре 1902 г. император Николай II перевёл Александра Валентиновича в Вологду.²

В период проживания в Минусинске Александр Валентинович ведёт переписку с М. Горьким. В письме от 24 февраля 1902 г. М. Горький подбадривает Амфитеатрова: *«...Не падайте духом, голубчик! Невозможно, чтобы Вас держали долго в этом Минусинске, уверен, что невозможно это! От недомоганий – можно оправиться, а работать кто Вам мешает? Пишите книгу о Сибири, о Минусинске, о его – говорят – удивительном музее. Смотрите поспокойнее на Вашу ссылку – право же, беда невелика!...»*³

В научном архиве Минусинского музея хранятся два документа, написанные А.В. Амфитеатовым в период своей ссылки.

Письмо, написанное 9 марта 1902 г. основателю музея Н.М. Мартьянову: *«Многоуважаемый Николай Михайлович. Простите, что беспокою Вас. Я вернулся из Ачинска совсем больной, вчера попробовал выехать – ещё простудился и, вероятно, несколько дней не буду в состоянии выйти из дома. Между тем, у меня к Вам есть дело, о котором хотелось бы очень переговорить поскорее. Если бы Вы были так добры, нашли сегодня минутку забежать ко мне, – чрезвычайно бы чем меня обязали. Я теперь близкий Ваш сосед: живу в доме Лалетина на Протоке. Дома, конечно, весь день. Ещё раз извиняюсь, что тревожу Вас в Ваших занятиях, и остаюсь всегда к услугам Вашим. А. Амфитеатров»*.⁴

Дом мещанина Д.И. Лалетина, в котором жил А.В. Амфитеатров. Фото 2011 г.

«Дом Лалетина на Протоке» – принадлежал до 1920 г. слободскому мещанину Д.И. Лалетину. Дом сохранился.

А.В. Амфитеатров и Н.М. Мартьянов встречались. В 22 томе «Властители дум» (Собрание сочинений А.В. Амфитеатрова серии «Всемирная библиотека») А.В. Амфитеатров рассказывает о том, что Н.М. Мартьянов рассказывал ему о посещении Минусинского музея Тимофеем Бондаревым.⁵

Открытое письмо с видом г. Минусинска и надписью: «С праздником! А.» было отправлено из Минусинска 26 декабря 1902 г. А.В. Амфитеатровым своей сестре Александре Валентиновне Пассек. Письмо было передано в музей Николаем Алексеевичем Раевским (учёный-биолог, писатель. Был в ссылке в Минусинске в 1957-1961 гг., работал в Минусинском музее).⁶ В свою очередь, письмо ему подарила племянница Амфитеатрова – профессор Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек, и с её ведома оно было передано в музей в 1964 г.

Сестра Амфитеатрова, Александра Валентиновна, в 1886 г. вышла замуж за Евгения Вячеславовича Пассека (1860-1912) – друга писателя. В студенческие годы Е.В. Пассек вместе с А.В. Амфитеатровым участвовали в московской переписи населения в 1882 г., а участком переписи, где работали молодые люди, руководил Л.Н. Толстой. Е.В. Пассек закончил юридический факультет Московского университета.

Дочь Евгения Вячеславовича Пассек – Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек (1893-1975) – известный учёный-филолог, доктор филологических наук, профессор, была старшим научным сотрудником Института мировой литературы АН (ИМЛИ). Она в основном занималась переводами античных греческих и римских текстов. Мария Евгеньевна была замужем за юристом-международником Владимиром Эммануиловичем Грабарём, братом которого был художник, искусствовед Игорь Грабарь.

Семья Амфитеатровых была довольно известной в России. Отец писателя – Валентин Амфитеатров происходил из священнического рода (родился в 1836 г. в Орловской губернии). Закончил Духовную семинарию в Москве и Московскую духовную академию. В 1892 г. его назначили настоятелем Кремлевского Архангельского собора. Он был выдающимся проповедником и духовником, чем и привлек в храм множество людей со всей Москвы. В 1902 г. он оставил службу из-за потери зрения, но к нему на квартиру на берегу Москвы-реки приезжали и приходили люди на исповедь. В 1908 г. Валентин Амфитеатров скончался. После смерти (в 1909 – 1910 гг.) издали его книги «Духовные беседы, произнесённые в Московском Архангельском соборе в 1896-1902 гг.» и др. Могила протоиерея Амфитеатрова в 1930-х гг. была осквернена, а восстановлена только в 1990 г.

Его сын – Александр Валентинович Амфитеатров (Калуга, 1862-1938, Италия) – прозаик, фельетонист, литературный и театральный критик был широко известен в России (псевдонимы Old Gentleman, Московский Фауст). Закончил юридический факультет Московского университета. Сотрудничал в журналах «Будильник», «Осколки», газете «Русские Ведомости». Кроме литературной деятельности, Александр Валентинович, учился пению и выступал как оперный певец (баритон), был зачислен в труппу Мариинского театра.

В 1902 г. в газете «Россия» напечатали его фельетон «Господа Обмановы», где в сатирическом виде перед читателем предстала царская семья Романовых. А.В. Амфитеатров был сослан в Минусинск. Несмотря на то, что писатель находился в ссылке, в театрах по его произведениям ставились спектакли. Так, в газете «Восточное обозрение» за 1902 г. в рубрике «Театральная хроника» читаем: «В воскресенье, 10 февраля, вечером, шла драма Александра Амфитеатрова «Отравленная совесть». Пьеса «Отверженная совесть» представляет собою переделку автором своего романа того же названия».⁷

Вернувшись из ссылки, А.В. Амфитеатров вместе с семьёй проживает в эмиграции до 1916 г. – вернулся с желанием сотрудничать с новыми властями в газете «Русская воля». У писателя нашлись высокие покровители из Государственной думы и министерства внутренних дел. Но Александр Валентинович не удержался и в 1917 г. в газете «Русская воля» написал статью против цензурных гонений и как в 1902 г., был сослан в Минусинск. До места ссылки Амфитеатров не доехал: февральская революция отменила приговор. Амфитеатровы вернулись в Петербург. Февральскую революцию Александр Валентинович назвал «обманными днями», а Октябрьская – ввергла, по его словам, в состояние «гневной истерики».⁸

Чтобы выжить, из петербургского дома было продано всё, кроме мебели из лимонного дерева, предназначенной для топки. Жизнь для Александра Валентиновича казалась «сплошным бредом».⁹

4 марта 1921 г. всю семью (Александра Валентиновича, Илларию Владимировну – его жену и Даниила Александровича – сына) арестовали за участие в контрреволюционном заговоре. Но участие Амфитеатровых в заговоре не подтвердилось, и они были отпущены в апреле 1921 г.

В августе того же года Амфитеатровы бежали из Советской России: на лодке через Финский залив. Первое время жили в Праге, затем в Италии, где в 1938 г. Александр Валентинович скончался.

Владимир Амфитеатров (Кадашев) – сын писателя от первого брака (с оперной певицей А.Н. Левицкой) – литературный критик, историк, также эмигрировал в 1920 г. Проживал в Праге до 1930 г., умер в Италии в 1942 г.

В научной библиотеке музея им. Н.М. Мартьянова в настоящее время хранится 18 книг А.В. Амфитеатрова, из них: 10 – отдельные тома «Собрание сочинений А.В. Амфитеатрова» из серии «Всемирная библиотека. Собрания сочинений известных русских и иностранных писателей» (издание после 1911 г.); 8 – «Александр Валентинович Амфитеатров. Собрание сочинений в восьми томах», издание 2010 г. («Книжный клуб. Книговек») – приобретено библиотекой в 2010 г. В шестом томе есть два рассказа: «Побег Лизы Басовой», где действие происходит в Сибири близ р. Енисей и «Острожная сказка» (записана в Минусинске от крестьянина из ссыльнопоселенцев, бывшего сахалинца).

В своё время В.А. Ковалёв, директор Минусинского музея, интересовался А.В. Амфитеатровым, собрал достаточно материала о нём.

2010

Литература:

1. Амфитеатров А.В. Собрание сочинений. Том 22. Властители дум. Л.Н. Толстой. – СПб, без года издания.
2. Арсененко А. Мефистофель из Хамовников // АиФ на Енисей. – Красноярск, 1993. - № 32. – август. – с. 2.
3. Бродская Г. «Окаянные годы» Амфитеатровых... // Культура. – М, 1995. – 18 ноября. – с.5
4. Бушков А. XX век. Загадки, версии, гипотезы. – М: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
5. Восточное обозрение. – Иркутск, 1902. - № 39.
6. Горький М. Собрание сочинений. В 30 томах. Том 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889 – 1906. – М.: гос. изд-во художественной литературы, 1954.
7. Научный архив В.А. Ковалёва директор музея им Н.М. Мартьянова 1971 – 1999).
8. Официальный сайт Московского Патриархата.
9. Плехов В. По улице Красных партизан // Надежда. – Минусинск, 2002. – 24 января.
10. Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: издательство «Буква «С», 2008.

Примечания:

- ¹ Бушков А. XX век. Загадки, версии, гипотезы. – М: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – с. 103
- ² Арсененко А. Мефистофель из Хамовников // АиФ на Енисей. – Красноярск, 1993. - № 32. – август. – с. 2.
- ³ Горький М. Собрание сочинений. В 30 томах. Том 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889 – 1906. – М.: гос. изд-во художественной литературы, 1954. – с. 234.
- ⁴ АММ, о.1, ед.хр.94, л.73.
- ⁵ Собрание сочинений А.В. Амфитеатрова. Том 22. Властители дум. Л.Н. Толстой. – СПб, без года издания. – с. 29
- ⁶ Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: издательство «Буква С», 2008. – с. 535.
- ⁷ Восточное обозрение. – Иркутск, 1902. - № 39. – 16 февраля. – с. 2.
- ⁸ Бродская Г. «Окаянные годы» Амфитеатровых... // Культура. – М., 1995. – 18 ноября. – с. 5.
- ⁹ Там же.

Н.Н. Скоробогатова,
пос. Шушенское.

Страницы биографии первого учителя с. Шушенского Д.В. Пржигодского

Биография сибирского чиновника польского происхождения Доминика Викентьевича Пржигодского интересна со многих точек зрения. Он принадлежал к тонкому слою сибирской интеллигенции, получив европейское образование. В Сибири Пржигодский прослужил 37 лет.

В Минусинском округе он дослужился до чина надворного советника, т.е. 7 классного чина по Табели о рангах. 1 июня 1890 г. за 35-летнюю беспорочную службу в классном чине в Сибири он был награждён орденом св. Владимира 4 степени.

Как отмечает исследователь истории поляков юга Сибири С.В. Леончик, Пржигодский поддерживал тесные связи с поляками-минусинцами, сотрудничал с польской диаспорой, до конца своих дней он сохранил приверженность католицизму. При этом исследователь ссылается на данные архива Г. Войцеховской, которая родилась в 1918 г. в семье ссыльного поляка Н. Войцеховского и проживала в г. Минусинске.

W archiwum Haliny Wojcechowskiej, która urodziła się w Minusiuńw 1918 r. znajduje się zestawiona w języku rosyjskim lista Polaków który na początku XX w. odgrywali duży rolę w życiu społecznym i kulturalnym okręgu: Przygodski Dominik syn Wincentego – assessor, sekretarz okręgowej administracji 1863-1903 r.¹ (перевод: «В архиве Галины Войцеховской, которая родилась в 1918 г. Минусинске, есть список поляков (составленный на русском языке), которые играли большую роль в общественной и культурной жизни города и округа, среди них значится и Пржигодский Доминик сын Винцентия – коллежский ассессор, секретарь окружной администрации в 1863-1903 гг.»)

Доминик Викентьевич Пржигодский происходит из дворян Ковенской губернии. Родового и благоприобретённого имения на родине у него не было.

Он окончил полный курс наук Шавельской гимназии в 1854 г., что давало ему возможность начать чиновничью службу в первом классном чине коллежского регистратора. По законам Российской империи принятым на службу могло быть лицо, достигшее 14 лет, но начало действительной службы считалось лишь с 16-летнего возраста. Различие вероисповедания или племени не препятствовали поступлению на государственную службу, исключением из этого правила являлось ограничение числа служащих католиков определённым процентным отношением к общему числу служащих.

Службу Доминик Викентьевич начал в Курляндской губернии, в штате палаты государственных имуществ 22 марта 1856 г. в возрасте 21 г., а 18 апреля 1857 г. он был переведён в Енисейскую губернию, где служил на разных должностях до увольнения в отставку 29 мая 1894 г.

17 декабря 1860 г., согласно прошению господина Енисейского гражданского губернатора, Доминик Викентьевич Пржигодский был определён учителем Шушенского приходского училища Министерства Народного Просвещения, в связи с тем, что находился за штатом за упразднением Минусинского окружного управления и 1 год 2 месяца, 4 дня выполнял эти должности.

Шушенское приходское училище Министерства Народного Просвещения, открылось 12 февраля 1861 г. в день святителя Алексея, митрополита Московского.

Содержалось училище на средства крестьян всей волости. «На основании п.8 ст. 51 Общего положения о крестьянстве ... ведению сельского схода, между прочим, подлежат совещания и ходатайства об обучении грамоте».³ Ревизия школьного имущества и документов также проводилась волостным правлением. По общественной раскладке родители платили за официальную школу. Ежегодно на содержание училища отпускалось 760 руб.⁴

В отчёте «О состоянии Шушенского приходского училища за 1861 г.» отмечалось, что учите-

лем его с 12 февраля 1861 г. является «коллежский регистратор Доменик Пржигодский Ковенской губернии из дворян. 27 лет. Римско-католического вероисповедания».⁵ В 1862 г. он был переведён секретарём в Минусинское общее окружное управление, а на его место был определён коллежский секретарь Гончарский.⁶ Т.к. чиновник Пржигодский Д.В. оказался за штатом, «сельские общества ему назначили содержания 300 руб. в год».⁷

Специфический характер крестьянского труда приводил к формированию особого типа организации всей жизнедеятельности крестьян: семейно-бытовой, правовой, общинной, религиозной, существовал особый ритм и уклад жизни. Сосредоточенность на своей земле, многочисленных обязанностях хозяина-земледельца, приводило к тому, что отношение к ученикам и волостным школам Министерства Народного Просвещения среди крестьян было почти враждебным. Польский политический ссыльный кон. XIX в. В. Студницкий-Гизберт, опираясь на собственные наблюдения, сделал следующий вывод о роли образования и уровне образованности местного населения: *«Тщетно в сибирской деревне вы будете искать книг. Большинство её жителей неграмотно. Количество учащихся так же незначительно. Школьные программы в сельской местности невысокого уровня, но даже курс начальной школы родители не дают детям завершить: как только ребёнок начинает читать, его забирают из школы, чтобы использовать его рабочую силу в хозяйстве. «Зачем ему школа, что разве писатели живут лучше, чем крестьяне», – часто слышал я в Восточной Сибири. Писатель Астырев оставил следующую характеристику, которая относится к печатному слову: «Книжки выдумали те, у которых нечего есть, а нам, слава Богу, на наш век хватит». Крестьянин чувствует себя сытым, а в материальном отношении равным тем, кто занимается интеллигентными профессиями».*⁸

На школу смотрели как на предмет, гнетущий крестьян, но не приносящий им никакой пользы. Сельские жители считали «если ребёнка в школу отдать – от земли оторвать» или «в школу отдать – работника потерять». О надобности школы с точки зрения крестьян, могло судить только волостное начальство, т.к. это было казённое учреждение. *«Среди русского населения Иркутской и Енисейской губерний в 1888-1892 гг. наибольший процент грамотных составляли ссыльно-поселенцы, поселенцы-новосёлы, не имеющие собственного хозяйства, а занимающиеся наёмным трудом, что было не престижно среди крестьян-старожилов, которые занимали последнее место по грамотности. Дети из менее состоятельных семей часто отвлекались для домашних и полевых работ. Большинство детей не оканчивают курса в школах».*⁹ В 1887 г. жители волости совсем не ассигновали ничего ни на Шушенское, ни на Каптыревское училище, мотивируя это тем, что *«жители ... не видят никакой пользы от названных училищ».*¹⁰

Учительство было чуждым сельскому населению. *«... народ до сих пор ещё мечтает, – писал В. Абаимов, – что можно иметь порядочного учителя за 5-6 рублей в месяц, и школу он думает поместить в любой избе, а о классной мебели и пр. необходимых учебных пособиях он уже и решительно не имеет никаких понятий».*¹¹

С горькой судьбой волостных школ была связана и судьба школьных учителей и их семейств, едва обеспеченных лишь хлебом насущным, бездомных, содержание которых ложилось тяжким бременем на тех же мужиков.

В Шушенское Доминик Викентьевич приехал с семьёй, о чём свидетельствуют документы: «Енисейская духовная консистория сим свидетельствует, что в метрической книге Градо-Минусинского Троицкого Спасского Собора за 1859 г. во второй части о бракосочетавшихся под № 22 значится: «Мая 25 дня венчается столоначальник Минусинского окружного управления дворянин Доминик Викентьевич Пржиготский римско-католического вероисповедания первым браком 23 лет, дворянская дочь, девица Елена Николаевна Мозгалевская православная 21 года.

Поручители по жениху – коллежский регистратор Феофил Сильвестрович Боташевич и лекарь Иван Михайлович Лотов, по невесте – коллежский асессор С. Эппов и дворянин Павел

Мозгалеvский. Таинство брака совершил священник Иван Серебрянников с диаконом Иваном Тыжновым и дьяконом Михаилом Ерменовым. Свидетельство сие гербовым сбором оплачено и выдано надворному советнику Доминику Викентьевичу Пржигодскому вследствие прошения его февраля 28 дня 1885 г.¹²

В семье не было детей и в 1895 г. Пржигодский подаёт прошение следующего содержания: *«Дожив до преклонных лет, и не имея собственных детей, мы пожелали усыновить находящегося у нас на воспитании сына крестьянской дочери Красноярского округа, Заледеевской волости д. Кардачной Зиновии Кузьминичны Лалетиной, а по мужу Минусинской мещанки Баховой Николая 4-х лет».*¹³ Прощение было удовлетворено, мальчик согласно определению Енисейского губернского суда был признан усыновлённым со всеми правами и обязанностями согласно статьям 156-158; 164-195 X т. ч. 1 Свода Законов Российской империи, однако, без права пользоваться, согласно 8 ст. закона от 12 марта 1891 г., фамилией усыновителей. Доминик Викентьевич при этом обязан был, как исповедующий католицизм дать подписку о том, что ребёнок будет воспитываться в православной вере, т.к. нормы Уложения о наказаниях 1845 г., остававшегося главным руководством при рассмотрении дел о смешанных браках до кон. XIX в., предусматривали непременно воспитание детей в православии. В противном случае, родителям грозило тюремное заключение сроком от одного до двух лет, а дети передавались на воспитание православным родственникам либо, за их отсутствием, назначенным правительством опекунам. Более суровая кара (лишение прав состояния, ссылка, телесные наказания) предназначалась инословному супругу, если тот «совратил» в свою веру православных членов семьи. *«1895 г. марта 15 дня я, ниже подписавшийся надворный советник Доминик Викентьевич Пржигодский, согласно статье 67 X т. I ч. и 83 ст. XVI т. Устава о пресечении преступлений даю сию подписку в том, что желая усыновить находящегося у меня на воспитании незаконнорожденного сына крестьянской дочери Красноярского округа Заледеевской волости д. Карадачной Зиновии Кузьминичны Лалетиной, а по мужу Минусинской мещанки Баховой Николая и обязуюсь его воспитывать, как и воспитывал до сего времени в православном греко-римском вероисповедании, в чём собственноручно и подписуюсь».*¹⁴

Биография Д.В. Пржигодского тесно связана с Сибирью. Получив образование в Польше, большую часть жизни он прожил в России, в частности, в Минусинском округе. Жизнь в империи сформировала его как чиновника из так называемых русских поляков. Здесь на краю земли, в далёкой сибирской окраине, национальные корни перестали оказывать определяющее влияние на его образ мыслей, а образ жизни был обусловлен местом жительства, характером образования, профессиональной средой, климатом в семье, отношением с людьми той же национальности, что и он. Польско-русская семья ускорила процесс ассимиляции и адаптации Доминика Викентьевича, а воспитание и образование позволили внести достойный вклад в развитие Сибири, сделать прекрасную карьеру и адаптироваться к новым условиям жизни.

2010

Примечания:

¹ Leończyk S. Polskie krati w historii Minusińska Abakan. перевод Леончик С. Польские страницы в истории Минусинска – Абакан, 2004-с.32-33 пер. Скоробогатовой Н.Н.

² ГАКК, Ф.595. О.1. Д.5280. Л.21.

³ Абаимов В. К вопросу о волостных школах и учителях волостных школ // Енисей. 1896. 22.01. №10.

⁴ Памятная книжка Восточно-Сибирского учебного округа, составленная на январь 1880 г.

⁵ МГГА, Ф.30. О.2. Д.51. Л.236-236об.

⁶ МГГА, Ф.30. О.1. Д.70. Л.43.

⁷ Энциклопедия Красноярского края. Юг. - Красноярск: Издательство «Буква «С», 2008. С.481.

⁸ Студницкий-Гизберт В. Современная Сибирь. С картой Сибири и транссибирской железнодорожной магистрали - Краков: издательство Гебетнера и Спулки, 1897 - с.126 Перевод Н. Скоробогатовой.

⁹ Личиков Л. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Русская мысль. 1896. Кн. Абаимова Е. Письма из Шушенского // Ленинская искра.

¹⁰ Абаимова Е. Письма из Шушенского // Ленинская искра.

¹¹ Абаимов В. К вопросу о волостных школах и учителях волостных школ // Енисей. 1896. 22.01. №10.

¹² ГАКК, Ф.141. О.1. Д.502. Л.4.

¹³ ГАКК, Ф.141. О.1. Д.502. Л.1об.

¹⁴ ГАКК, Ф.141. О.1. Д.502. Л. 9

Н.С. Малкова, А.Н. Тимофеев,
г. Красноярск

Гудков Павел Козьмич и Тимофеев Яков Фёдорович

Гудков Павел Козьмич (по некоторым документам – Косьмич¹) (1849^{2,3} – 27.10.1908, г. Томск⁴). Купец 1-й гильдии, золотопромышленник, красноярский городской голова, благотворитель и жертвователь. Из государственных крестьян Самарской губ., Бугульминского уезда, Спасской волости, д. Малой Бугульмы. На 1887 г. – томский мещанин.⁵ Православного вероисповедания. Образование домашнее,⁶ механику и опыт строительства изучал в Санкт-Петербурге. В Сибири – по приглашению золотопромышленника В.И. Асташева. Занимал должность на Прокопьевском прииске по р. Талой (1871). Через несколько лет назначен главноуправляющим всеми приисковыми делами Асташева.⁷ Работал на золотых приисках Нижнего Приангарья, руководил строительством дороги, организовал промышленную добычу золота драгами, значительно увеличив эффективность производства. Установил в Енисейской губернии более 30 драг – более половины имевшихся тогда в России.⁸

После ликвидации приисковых дел Асташева переехал в Красноярск (1896).⁹ Провёл 1-й съезд южно-енисейских золотопромышленников (1897), который, объединив капиталы участников, создал новую управленческую структуру – бюро совета. Председатель бюро совета.^{10,11} Соучредитель товарищества на вере «Драга» (1898), преобразованного в акционерное золотопромышленное общество «Драга» (1901),¹² в котором исполнял обязанности директора-распорядителя (1901-27.10.1908).¹³ Трижды избирался гласным Красноярской городской думы (1898-1901,¹⁴ 1902-1905,¹⁵ 1906-1909), Городской голова (22.1.1906¹⁶ – 7.10.1908). Председатель Красноярского вольно-пожарного общества (02.1900) и его почётный член.¹⁷ Основатель Общества взаимного от огня страхования.¹⁸ Состоял мировым судьёй Красноярского мирового суда.¹⁹ Почётный попечитель Красноярского Владимирского детского приюта учреждений Императрицы Марии (1893), член попечительского совета Красноярской женской гимназии (1896), почётный попечитель 9-го начального училища (1900).²⁰ Полномочный представитель Всероссийского совета по горнозаводским делам, участник постоянного совещания по золотой промышленности, член правления Сибирского торгового банка, член правления Красноярского общества купцов и промышленников,²¹ совладелец красноярской газеты «Голос Сибири» (1905),²² старшина и позже член общественного собрания и благотворительного общества.²³ Один из первых общественных директоров Пушкинского дома-театра.^{24,25} По делам службы бывал в Англии, Франции, Бельгии, Германии.²⁶ Скоропостижно скончался в университетской клинике г. Томска. Похоронен в юго-восточном углу ограды Красноярского Воскресенского собора в склепе.^{27,28} Для увековечивания памяти Гудкова Красноярская городская дума решила «Наименовать 9-е начальное училище именем П.К. Гудкова». ²⁹ Учредитель и пайщик золотодобывающих компаний: «Спасский и К^о» (1903), «Северо-Енисейская К^о» (1905).³⁰ Домовладения в Красноярске (1908): ул. Воскресенская № 31 (ныне ул. Мира № 35), ул. Благовещенская № 48 (ныне ул. Ленина № 68). Награды: золотая медаль за 10-летнюю службу в горном деле (28.03.1892), звание личного почётного гражданина за 20-летнюю службу (2.11.1896),³¹ звание потомственного почётного гражданина (1908).³² Родственники: жена – Леонтина Константиновна Гудкова (урожд. Козак, ок. 1854-после 1928), потомственная дворянка из ссыльных поляков; дети: Валентина (12.11.1879³³-?), Павел (1.01.1881³⁴-

24.05.1955, Голливуд, Лос-Анджелес³⁵), Борис (4.02.1882³⁶-?), Валерия (26.02.1887³⁷-?) – все крещены в приисковой походной Преображенской церкви,³⁸ племянницы и племянники.³⁹

Тимофеев Яков Фёдорович (13.10.1859, Красноярск⁴⁰-14.11.1935, Красноярск⁴¹). Русский, православный. Из мещан. Работал на Удереиских приисках (1892). Более 20 лет состоял на службе в Городском общественном управлении Красноярска: писец (1.04.1896), оценщик недвижимого имущества (1900-1909, 1913), торговый депутат (1901-1911), член санитарной комиссии (1902), член противопожарной комиссии (1911), городской комиссар (15.03.1910-4.06.1916), член сиротского суда, городской управы, комиссии по заведованию ремесленным капиталом (1913), гласный Красноярской городской думы (1898-1901⁴², 1902-1905⁴³, 31.08.1919⁴⁴-01.1920). Начальник пожарной дружины Красноярского вольно-пожарного общества (КВПО) с 1900 по 1913 гг. Разработал и осуществил широкий круг мер по предотвращению пожаров и уменьшению ущерба от огня. Проводил регулярные тренировки членов пожарной дружины и подготовил дружину (более 200 человек), члены которой прославились высоким мастерством, дисциплиной и самоотверженностью. Лично командовал дружиной при тушении большинства пожаров, возникших в городе и пригороде, в т.ч. – при ликвидации беспрецедентного пожара, возникшего на главном складе спирта винной монополии (7.07.1907).⁴⁵ Один из инициаторов строительства городского водопровода, как основного средства спасения деревянных строений от огня, и электростанции – как источника энергии для пожарных насосов. В течение многих лет безвозмездно принимал участие в организации культурного досуга горожан: создании оркестра КВПО, кружка любителей драматического искусства, кружка любителей шахмат, библиотеки, в летнее время – гуляний, в зимнее время – в устройстве катков. Коллективные награды КВПО Совета Императорского Российского Пожарного Общества за высокое мастерство и усердие: диплом I-й степени на пожарной выставке (г. Санкт-Петербург, 1912), малый золотой жетон за 1-е место в соревнованиях на Всероссийском съезде пожарных (г. Томск, 1914). Жил в г. Красноярске по ул. Песочная № 96 (после 1938 г. – ул. Урицкого № 90). Похоронен на Троицком кладбище г. Красноярска, сектор 10, семейное захоронение. Персональные награды за усердие: почётный член КВПО (14.11.1903), серебряный Знак Императорского Российского Пожарного Общества (10.04.1907), серебряная медаль (2.05.1910), звание личного почётного гражданина (22.07.1913).⁴⁶ Родственники: отец – Тимофеев Фёдор Фёдорович (1832-ок.1885), мать – Агафья Павловна Тимофеева (по первому браку – Андриюшина); братья: Александр (8.03.1853-?), Александра (25.04.1858-1858), Мария (14.02.1862-?), Дмитрий (16.09.1864-?.09.1903), Анна (17.10.1865-20.05.1867), Таисия (9.10.1867-11.06.1868), Фёдор (19.04.1869-5.06.1869), Пётр (24.06.1870-?.06.1912); жена – Агафья Ивановна Тимофеева (урожд. Михайлова, ок. 1863-10.08.1940, Красноярск); дети: Антонина (12.11.1886-6.05.1976), Зинаида (4.10.1888-?.1949), Агния (21.01.1889-23.07.1982), Наталья (13.08.1892-?), Евстолия (ок.1894-ок.1952), Вера (ок.1897-ок.1943), Яков (3.11.1899-30.01.1971), Валентина (ок.1902-ок.1979).⁴⁷

2010

Примечания:

¹ ГАКК, Ф.674. О.1. Д.5586. Л.Л. 2-5 об., 14-16.

² ГАКК, Ф. 606. О. 1.

³ ГАКК, Ф.161. О.1. Д.125. Л.Л.5-6 об.

⁴ Красноярск, № 236, 28.10.1908. С.1

⁵ ГАКК, Ф.674. О.1. Д.5586. Л.Л. 2-5 об., 14-16.

⁶ ГАКК, Ф.161. О.1. Д.125. Л.Л.5-6 об.

⁷ Красноярск, № 237, 29.10.1908. С.3.

⁸ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. – С.77-81

⁹ Красноярск, № 237, 29.10.1908. С.3

¹⁰ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. – С.77-81.

¹¹ Киселёв Леонид. Увлечённый делом. Вечерний Красноярск, 12.05.1994.

¹² ГАКК, Ф.134. О.1. Д.6.

¹³ Красноярск, № 237, 29.10.1908. –С.3.

- ¹⁴ Енисейские губернские ведомости, № 46, 22.11.1897.
¹⁵ Енисейские губернские ведомости, № 191, 20.12.1901
¹⁶ Енисейские губернские ведомости, № 6. 21.01.1906; № 15, 21.02.1906. – С.2.
¹⁷ Красноярск № 238, 30.10.1908. – С.1.
¹⁸ Пожарная охрана Красноярского края. 1853-2003 Летопись. М., 2003.
¹⁹ Красноярск, № 237, 29.10.1908. – С.3.
²⁰ ГАКК. Ф.161. О.1. Д.125. Л.Л.5-6 об.
²¹ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. – С.77-81
²² Бердников Л.П. Вся красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления 1822 -1916. Красноярское книжное изд-во. 1995. – С. 205
²³ Красноярск, № 242, 4.11.1908. – С.4.
²⁴ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. – С.77-81
²⁵ Киселёв Леонид. Увлечённый делом. Вечерний Красноярск, 12.05.1994.
²⁶ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. – С.77-81
²⁷ Красноярск, № 242, 4.11.1908. – С.4.
²⁸ Могила не сохранилась, т.к. была погребена под обломками разрушенного собора. В 1958 г. при подготовке к строительству часть останков, обнаруженных при работе экскаватора, были загружены в ящики, перевезены на Троицкое кладбище и помещены в «братскую могилу» в 9 секторе (около забора ипподрома). По воспоминаниям участника перезахоронения, принадлежность останков и надгробий не проводилась, опознавательные знаки на месте нового захоронения не установлены.
²⁹ Обзор хозяйства гор. Красноярска за октябрь – ноябрь 1908, №4. – С.495
³⁰ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции. В 4-х томах. Т.1 (А-Е), кн. 2. – Новосибирск, 1994. - С.105
³¹ ГАКК. Ф.161. О.1. Д.125. Л.Л.5-6 об.
³² Красноярск, № 237, 29.10.1908. – С.3.
³³ ГАКК. Ф.674. О.1. Д.5586. Л., 2-5, об., 14-16
³⁴ Там же.
³⁵ Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден – Сан-Франциско – Санкт-Петербург, 2005. – С.156-157.
³⁶ ГАКК, Ф.674. О.1. Д.5586. Л.Л. 2-5 об., 14 -16.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Киселев Леонид. Увлечённый делом. Вечерний Красноярск, 12.05.1994.
⁴⁰ ГАКК. Ф.559. О.1. Д.38. Л.Л. 360 об. – 361.
⁴¹ Личный архив А.Н. Тимофеева
⁴² Енисейские губернские ведомости, № 46, 22.11.1897.
⁴³ Енисейские губернские ведомости, № 191, 20.12.1901
⁴⁴ Енисейский вестник, № 225, 25.10.1919
⁴⁵ Пожарное дело, № 19, 1907. – С.298-299
⁴⁶ Енисейские губернские ведомости, № 103, 15.10.1913., – С.2.
⁴⁷ Личный архив А.Н. Тимофеева

А.Н. Тимофеев,
г. Красноярск

Гудков Павел Павлович

Гудков Павел Павлович (амер. – Goudkoff Paul Pavel, после 14.07.1927 – Goudkoff Pavel, 1.01.1881¹ – 24.05.1955, клад. Голливуд, Лос-Анджелес, США²). Петролог, основатель школы микроанализа, первооткрыватель нефтяных месторождений в США, академик.³ Родился в семье государственного крестьянина Самарской губ.,⁴ ставшего золотопромышленником. Окончил с отличием Красноярскую гимназию (1898). В 1898-1907 учился в С-Петербургском университете и С-Петербургском горном институте. Во время летних каникул работал практикантом, затем – управляющим приисками акционерного общества «Драга» в Каракалинском уезде Семипалатинской области. Горный институт окончил с отличием, получив диплом горного инженера и металлурга,⁵ защитил магистерскую диссертацию о медных месторождениях Акмолинского округа. В 1907-1913 преподавал петрографию и общую геологию в Томском технологическом институте. Проводил разведочные работы и геологическую съёмку в Ачинском и Мариинском уездах (1908), в Томском и Ачинском районах (1909), исследуя их на наличие золота.⁶ Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Залежи меди в Киргизских степях Сибири вблизи Акмолинска» (1909).⁷ Заведующий кафедрой геологии (с 1912). Преподавал геологию на Сибирских

Высших Женских Курсах (СВЖК). В 1913 г. в Томском технологическом институте защитил докторскую диссертацию профессора петрографии, геологии рудных месторождений и полевой геологии.⁸ С 1913 г. занимается исследованиями железорудных месторождений и каменного угля, руководит разведочными работами в Кузбассе и Горной Шории. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству «старший лаборант Томского технологического института Императора Николая II, горный инженер, надворный советник Гудков назначен исправляющим должность экстраординарного профессора того же института по геологии» (30.01.1914). Член Совета общества по изучению Сибири, председатель профессорского дисциплинарного суда в ТТИ 1914-1915, проректора (04.1917 – 12.1918) по студенческим делам.⁹ Министр торговли и промышленности во Временном правительстве Сибири (07.1918 – 1.09.1918). Инициатор создания и директор Сибирского геологического комитета (5.02.1919), в задачи которого входили изучение, разведка и использование полезных ископаемых Сибири, составление геологических карт и основание геологического музея.¹⁰ В 1919 г., когда под натиском Красной Армии войска Белой гвардии покинули Томск, Гудкову тоже пришлось уехать, т. к. в глазах Советского правительства он был членом контрреволюционного движения, разговор с которым был бы коротким.

Переехав с семьёй во Владивосток, П.П. Гудков возглавлял геологическое отделение Политехнического института (с 1919 по 1921 – декан горного ф-та), нашёл и изучил золотоносное месторождение на острове Аскольд, недалеко от Владивостока, а также провёл оценку и геологическую съёмку рудного месторождения Тетюхэ.¹¹ До сентября 1920 г. оставался профессором Томского технологического института, числясь в научной командировке. В 1921 г. возглавлял делегацию Владивостокской торговой палаты в командировке в Вашингтон.¹²

В 1922 г. группой американских научных обществ приглашён «прочитать курс лекций по отдельным разделам геологии», причём научные общества взяли на себя все расходы по командировке и приезду семьи. Владея англ. языком, читал лекции по геологии и полезным ископаемым Сибири. С 1922 г. – сотрудник Американского географического общества. К моменту окончания научной командировки ДВР перестала существовать и вошла в состав СССР, куда возвращаться было опасно.¹³ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15.12.1921 г.¹⁴, видимо, тоже сыграл свою роль, и Гудков предпочёл перейти на положение эмигранта. С 1923 г. работал в американских нефтяных компаниях, занимавшихся поиском нефти, по оценке нефтяных полей. Инициатор создания русского инженерного кружка (1924). В 1926 г. в Лос-Анджелесе открыл лабораторию микроскопических анализов осадочных горных пород и микропалеонтологии.¹⁵ Натурализован 18.11.1927.^{16,17}

В 1951 г. его фирма соединилась с фирмой Адена В. Хьюза под названием «Гудков и Хьюз», где Гудков работал в качестве консультанта до конца своей жизни.¹⁸ Исследованиями и практической работой приобрёл известность как выдающийся геолог-нефтяник в Калифорнии. Исследования П.П. Гудкова способствовали открытию многочисленных нефтяных месторождений и помогали избегать бурения разведочных скважин впустую.

Член шести американских профессиональных геологических обществ и Общества русских инженеров в Лос-Анджелесе. Около 20 статей Гудкова по специальности опубликованы на русском и английском языках. Занимался благотворительной деятельностью в русской колонии Лос-Анджелеса, организовывал помощь беженцам, нуждающимся и старикам. Благодаря особенностям характера снискал популярность в качестве миротворца, умело вносил согласие и успокоение везде, где возникали споры и зарождались враждебные чувства. Умер во время операции на почке, которая считалась неопасной.¹⁹ Награды: орден Св. Анны (1916).²⁰ Родственники: отец – Гудков Павел Козьмич (1849²¹-27.10.1908²²), мать Леонтина Константиновна Гудкова (урожд. Козак, ок.1854²³ – ?), брат Борис (4.02.1892 – ?), сёстры: Валентина (12.11.1879 – ?), Валерия (26.02.1887 – ?)²⁴; жена Валентина Петровна Гудкова (урожд. Рачковская, 31.01.1880 – ?), дочь Екатерина (в замужестве Katherine Vasian, 11.08.1905, Красноярск – ?).²⁵

Примечания:

¹ ГАКК, Ф.674. Оп.1. Д.5586. Л.Л. 2 об.,16.

² Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. – С.156-157.

³ Жоховская В.В., Гагарин А.В., Лозовский И.Т. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ. Известия Томского политехнического университета. Томск. - 2005.- Т. 308. № 6. – С.244-246.

⁴ ГАКК, Ф.674. Оп.1. Д.5586. Л.Л. 2 об.,16.

⁵ Жоховская В.В., Гагарин А.В., Лозовский И.Т. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ. Известия Томского политехнического университета. Томск. - 2005.- Т. 308. № 6. – С.244-246.

⁶ Винниченко П.Ю. Неизвестный Гудков // За кадры. №8 (3269), 25.04. 2008. – С. 26-27 // Электронный ресурс: <http://za-kadry.tpu.ru/article/3269/4299.htm>.

⁷ Жоховская В.В., А.В. Гагарин, И.Т. Лозовский. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ. Известия Томского политехнического университета. Томск. - 2005.- Т. 308. № 6. – С.244-246.

⁸ Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. – С.156-157.

⁹ Винниченко П.Ю. Неизвестный Гудков // За кадры. №8 (3269), 25.04. 2008. – С. 26-27 // Электронный ресурс: <http://za-kadry.tpu.ru/article/3269/4299.htm>.

¹⁰ Жоховская В.В., Гагарин А.В., Лозовский И.Т. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ. Известия Томского политехнического университета. Томск. - 2005.- Т. 308. № 6. – С.244-246.

¹¹ Там же.

¹² Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. – С.156-157.

¹³ Винниченко П.Ю. Неизвестный Гудков // За кадры. №8 (3269), 25.04. 2008. – С. 26-27 // Электронный ресурс: <http://za-kadry.tpu.ru/article/3269/4299.htm>.

¹⁴ ВЦИК и СНК РСФСР. Декрет от 15 декабря 1921 г. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей.

¹⁵ Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. – С.156-157.

¹⁶ Винниченко, П.Ю. Неизвестный Гудков // За кадры. №8 (3269), 25.04. 2008. – С. 26-27 // Электронный ресурс: <http://za-kadry.tpu.ru/article/3269/4299.htm>.

¹⁷ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ancestry.com>.

¹⁸ Жоховская В.В., Гагарин А.В., Лозовский И.Т. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ. Известия Томского политехнического университета. Томск. - 2005.- Т. 308. № 6. – С.244-246.

¹⁹ Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. – С.156-157.

²⁰ Жоховская В.В., А.В. Гагарин, И.Т. Лозовский. Павел Павлович Гудков – основатель школы микроанализа ТПУ. Известия Томского политехнического университета. Томск. - 2005.- Т. 308. № 6. – С.244-246

²¹ ГАКК, Ф.161. О. 1. Д.125. Л.Л.5-6 об.

²² Красноярск, № 236, 28.10.1908. С.1.

²³ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ancestry.com>.

²⁴ ГАКК, Ф.674. О.1. Д.5586. Л.Л. 2-5 об., 13-16.

²⁵ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ancestry.com>.

Л.П. Чащина,
г. Минусинск

«Учитель... Перед именем твоим...»

Преподаватель алгебры и геометрии Минусинской женской гимназии Михаил Константинович Бахарев, посвятивший свою жизнь «разумному, доброму, вечному» – делу обучения и воспитания молодёжи, любил цитировать:

*«Как прекрасна ученица,
Когда выйдет отвечать,
Опустивши вниз ресницы,
И не знает, что сказать.
Как тут ставить «единицу»,
Когда видишь пред собой,
Точно розочку, девушку
С длинной русою косой».*

Михаил Константинович Бахарев родился 14 октября 1873 г. в г. Юрьевце Костромской губернии в семье рабочего ткацкой фабрики.

В автобиографии он писал: *«Наша семья состояла из 7 человек. Отец работал сначала в токарной мастерской по изготовлению катушек, а затем после несчастья с ним, когда на него упала какая-то тяжесть и проломила ему голову, и раздавила плечо, его сделали сторожем на той же фабрике. Там же работала и мать в молодые годы. Отцу, получающему за службу сторожа 10 руб. в месяц, было тяжело нас воспитывать, а поэтому мой старший брат по окончании начальной школы, несмотря на отличные способности, пошёл на фабрику конторским мальчиком. Мне же судьба улыбнулась: по окончании начальной школы родители смогли меня отдать в местное городское четырёхклассное училище. По окончании училища я и один из моих товарищей, как отличные ученики, оставлены были на год при училище с целью подготовки для поступления в учительский институт, причём мне, как сыну бедных родителей, была дана городской думой стипендия в 200 рублей в год... В 1891 г. я поступил в Московский учительский институт, который и окончил успешно в 1894 г.»¹*

После института Михаил был назначен учителем математики в Ржевское городское четырёхклассное училище, в котором прослужил более 6 лет.

В 1901 г. по прошению он был переведён преподавателем в Красноярскую учительскую семинарию, работал также по совместительству учителем математики сначала в женской гимназии, а затем в мужской. В 1903 г. он женился на Марии Николаевне Синицыной – преподавательнице музыки. В Красноярске родились его дети: Владимир (1905 г.), Вера (1907 г.), Сергей (1908 г.). В 1909 г. Михаил Константинович был утверждён в должности инспектора народных училищ Минусинского уезда. Семья Бахаревых переехала в Минусинск. Помимо основной работы инспектора училищ, Михаил Константинович несколько лет исполнял обязанности председателя педагогического совета Минусинской женской гимназии и в ней же преподавал математику до 1920 г. После ликвидации гимназии, в 1920 г., работал в школах города, а в 1921 г. был назначен учителем математики в открывшемся в городе агропедтехникуме (с 1937 г. – педагогическое училище им. А.С. Пушкина).

Много лет вёл методику математики, разработал свою программу, которой обучал учителей школ на летних учительских курсах, активно выступал на учительских конференциях и съездах, особенно в 1931-1933 гг. при переходе советского образования от активно-плановых заданий к твёрдым программам. Также преподавал математику в семилетней школе № 3.

В 1925-1929 гг. Михаил Константинович два раза избирался депутатом Минусинского городского Совета. Состоял в секции народного образования, которая занималась не только вопросами деятельности школ, детсадов, детдомов, детплощадок, но и вопросами культурно-просветительной и физкультурной работы в городе (библиотеками, кинотеатрами, клубами и др.)²

По воспоминаниям учеников, это был интеллигент чистой воды, который превыше всего ставил честность, порядочность и скромность. Воспитанный в трудовой семье и на идеалах служения своему делу, он не терпел всего показушного и наносного, ценил юмор и сообразительность в учениках. Отличался снисходительностью и либерализмом к студентам, что отмечено даже в годовых отчётах педтехникума.³ Его четверо детей выросли прекрасными и образованными людьми. Дочь Вера (в замужестве Соловьёва) стала, по примеру матери, преподавателем музыки, жила в Москве. Старший сын Владимир получил специальность инженера-строителя, двое других сыновей учились в вузах в Омске и в Ленинграде (в 1936 г.).

Интеллигентность, доброжелательность, бескорыстность всегда отличали чету Бахаревых. Их скромный домик по ул. Подсинской, 41, привлекал не только друзей и родных, но и «невольных» жителей нашего провинциального городка.

Народный художник РСФСР Владимир Минаев, бывший студент Московского архитектурного института, сосланный в Минусинск в 1933 г. из Москвы, вспоминал: *«...я попал жить на квартиру изумительных, уже пожилых людей – супругов Бахаревых... Оба учителя. Она преподавала*

музыку, а он, кажется, математику... Эти люди отнесли ко мне как к родному сыну... Я к ним тоже очень привязался... Когда через год я был освобождён после больших хлопот родителей, и я уезжал из Минусинска домой, мои хозяева, Бахарева, как и я, обнимаясь, плакали перед расставанием».

Михаил Константинович оформился на пенсию в 1936 г., но работал ещё до 1939 г. в педучилище. Скончался он 12 марта 1944 г.⁴ В начале 1980-гг. на месте дома Бахаревых по Подсинской улице была построена средняя школа № 4 – своеобразный памятник Учителю с большой буквы – Михаилу Константиновичу Бахареву.

2010

Примечания:

¹ Архив г. Минусинска. Ф. Р - 312, О.2, Д.17, ЛЛ.2-4.

² Там же, Ф. Р - 33, О.1, Д.25, ЛЛ.26, 64, 106, 129.

³ Там же, Ф. Р - 312, О.1, Д.3, ЛЛ.4, 10, 18.

⁴ Там же, Ф. Р - 76, О.3, Д.235, Л.4.

А.П. Шекшеев,
г. Абакан

Василий Григорьевич Яковенко.

Неизвестные страницы жизни сибирского партизана

Ярким вождём тасеевских партизан, человеком, который благодаря революции прошёл путь от деревенского батрака до одного из первых лиц советского государства, являлся Василий Григорьевич Яковенко. Данная личность и его деятельность получили широкое освещение в очерковой, научно-справочной литературе и научной портретистике.¹ Однако в ней имеются противоречия, а некоторые факты из жизни героя вообще умалчивались. Новые документальные источники, в частности документы, полученные от тасеевца по происхождению и московского журналиста по профессии Г.Н. Петрова, позволяют восполнить эти пробелы и показать жизненный путь Яковенко более основательно.

Так, вопреки утверждениям Ю.В. Журова, В.И. Шишкина и моим собственным о том, что Яковенко родился в 1888 г., обнаруженная журналистами запись в метрической книге тасеевской Богоявленской церкви свидетельствует о рождении сына у Яковенко Григория Федосеевича и Евдокии Ивановны, наречённого Василием, 3 марта 1889 г.² Эта дата подтверждается и материалами автобиографии, написанной Яковенко 14 мая 1935 г., а также записью в его анкете, уже арестованного НКВД.³

После смерти отца, крестьянина с. Тасеево Канского уезда Енисейской губернии, Яковенко с девяти лет батрачил. Одновременно он попал под влияние политссыльных, самоучкой приобрёл грамотность. В 1910 г., а по другим данным весной 1911 г. Яковенко был призван на военную службу, которую проходил в инженерно-сапёрных войсках. Во время Первой мировой войны он был произведён в унтер-офицеры и награждён тремя Георгиевскими крестами. С июля 1917 г. Яковенко служил в 16 Сибирском запасном стрелковом полку, который находился в Канске. В том же месяце он был принят в ряды РСДРП(б). Находясь в отпуске, Яковенко по инициативе тасеевских жителей выдвигался кандидатом в гласные волостного земского собрания. Затем был избран в Объединённый Канский Совет рабочих и солдатских депутатов, а после октябрьских событий 1917 г. – председателем местной организации фронтовиков. С конца 1917 г. Яковенко, демобилизовавшись и являясь уполномоченным по продовольственным заготовкам, агитатором по выборам в Учредительное собрание и председателем Тасеевского волсовета, активно занимался воплощением в жизнь политики большевиков.

Тасеевская организация РСДРП к декабрю 1917 г. по сравнению с маем того же года увеличилась с 78 до 152 членов. 28 октября волостной сход проголосовал за список большевиков – членов Всероссийского Учредительного собрания и для борьбы с контрреволюцией создал солдатский комитет. 12 декабря общее собрание тасеевских «революционеров», несмотря на протесты интеллигенции, приняло Устав ревкома.⁴

Получив известие об антибольшевистском перевороте (июнь 1918 г.), тасеевские красногвардейцы, среди которых активную роль играл Яковенко, выступили в район ст. Клюквенная, но к боевым действиям опоздали. В то же время они совершили деяние, которое в советской историографии всячески умалчивалось. 18 июня 1918 г. вблизи с. Тасеево сторожевым постом были захвачены направлявшиеся с приисков Южно-Енисейского горного округа в Канск кооператоры и известный в этих местах революционный деятель и член Всероссийского Учредительного собрания П.М. Портянников.⁵ Доставленный в красногвардейский лагерь, он затем исчез. Прибывший 15 июля в с. Тасеево отряд из 30 канских милиционеров подверг аресту и увёз с собой 20 его жителей – сторонников советской власти, многие из которых впоследствии властями были отпущены.⁶ Но Яковенко этой участи избежал. Вскоре по Канскому уезду был распространён приказ подполковника Б.Ф. Ушакова, которым он объявлялся вне закона. Спасла Яковенко от преследования семья тасеевского зажиточного кожзаводчика А.А. Муллова, на дочери которого он в 1920 г. женился, распространявшая слухи, что он ушёл на восток.

Вместе с тем, имеющиеся в нашем распоряжении сведения говорят о том, что в этой таёжной окраине ситуация с приходом новой власти изменилась лишь временно. «Новые богатеи-большевики», накупившие на награбленные деньги скот и инвентарь, продолжали жить, как сообщала пресса, «припевающе», а некоторые «углубляли революцию». У данных лиц и решил изыскать денежные средства на создание слесарно-механических мастерских тасеевский сход членов кредитной и потребительской кооперации, состоявшийся к декабрю 1918 г. Но, когда 27 декабря сход сделал раскладку податей, то выяснилось, что крестьяне «избалованные большевиками», платить их не хотят. Находившееся на свободе большинство местных «революционеров» занималось не только агитацией. Вблизи Фаначета произошло убийство с ограблением. Среди 7 пойманных его участников находился бывший уголовный каторжанин и совдеповец, один из организаторов красногвардейского похода на Канск и «адъютант» Яковенко «знаменитый бандит» Ронов.⁷

Скрываясь в тайге, Яковенко создал группу повстанцев, которая в декабре 1918 г. захватила с. Тасеево. Собравшийся вскоре крестьянский съезд избрал Военно-революционный штаб во главе с Яковенко. Вот, что писали о тех событиях и лично о нём газеты. «Дореволюционный режим сделал Тасеево местом ссылки различных подонков». «Бразды правления вновь принял главоверх Яковенко, бывший председатель последнего совдепа, – высокий, разбойный малый, из каковых вырабатываются хорошие инструкторы в армии». До войны он был малограмотным пастухом, попался на краже овец. С фронта вернулся с большевистской закваской и складной речью, говорить научился в специальной школе большевиков.⁸

Распространившись к весне 1919 г. на территории десяти волостей, партизанское движение привело к созданию, так называемой советскими историками, Тасеевской партизанской республики, «президентом» которой был Яковенко. Власти приговорили его к расстрелу, за голову назначили денежное вознаграждение. На Первом Армейском съезде Северо-Канского фронта был образован Армейский совет во главе с Яковенко. Реорганизация повстанчества позволила ему сопротивляться наступавшим правительственным войскам, а к 1920 г. вновь контролировать часть уезда и занять его административный центр. Причина поражения белых заключалась в слабости их режима и победах Красной Армии, которые заставили крестьян перейти на сторону Советской власти.

В январе 1920 г. Яковенко назначается председателем Канского уездного ревкома, в августе избирается во главе уисполкома, а в сентябре – членом Енисейского губисполкома. Продразвёрстка, изъятию которой в Канском уезде сопротивлялись даже советские органы, заставила Яковенко обратиться к пересмотру продовольственной политики партии. Он пишет записку «О применении новых методов при проведении продовольственных развёрсток» и оглашает её на собрании губернской партийной организации. В качестве брошюры под названием «Канский уревком» она была издана тысячным тиражом в начале 1921 г. и разослана укомам, губкомам Сибири, ЦК партии, СНК, ВЦИКу, а два экземпляра направлены В.И. Ленину. Хотя против её положений выступили многие сибирские руководители, в т. ч. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов, они были одобрены на общесибирской партийной конференции. 1 апреля 1921 г. Яковенко направил главе советского государства, наркому продовольствия и губпродкомам письмо, в котором критиковал Сибпродком за сильные «развёрсточные» настроения, порождающие разброд мнений на местах и налоговый нажим на крестьянство, а также предлагал новые принципы установления налогов.⁹

Яковенко представлял трудящихся Сибири на VIII Всероссийском съезде Советов, где голосовал за принятие плана ГОЭЛРО и был избран в состав президиума ВЦИК. Он был членом Енисейского губкома РКП(б), а весной 1921 г. вторично избирался председателем уездного исполкома. Однако Яковенко всё сильнее становился «горячим сторонником НЭПа» и в этом всё больше расходился с уездными коммунистами, которые предпочитали строить свои отношения с деревней, используя чрезвычайные методы военного коммунизма. Доверяя и высоко оценивая способности Яковенко, губернское руководство в декабре 1921 г. назначило его на должности заместителя председателя и заведующего отделом управления губисполкома. Избирался он и делегатом IX Всероссийского съезда Советов.

Ещё до приезда на этот съезд сибирской делегации В.И. Ленин знал о существовании Яковенко не только как автора предложений по изменению продовольственной политики. По его просьбе указать крестьян, хорошо знающих сельское хозяйство и пользующихся авторитетом среди населения, для привлечения их к работе в Наркоземе об Яковенко, как талантливом руководителе масс, рассказал Ленину делегат X съезда РКП(б) И.М. Шер, один из ответственных партийных работников Красноярска.¹⁰ На запрос бывшего североканского партизана и одного из руководителей НКЗ И.А. Теодоровича блестящую характеристику Яковенко дал в прошлом партийно-советский руководитель Енисейской губернии А.П. Спундэ. В служебной записке он, служивший тогда председателем Вятского губисполкома, свидетельствовал, что Яковенко «был бесспорно лучшим по идейности сибирским партизаном», умеющим «сохранять постоянную прямо таки интимную связь с крестьянством». Отметив его самостоятельность, сильный характер и организаторские способности, Спундэ рекомендовал Яковенко на всероссийскую работу.¹¹

Подбирая кандидатуру нового наркома земледелия и получив письмо Теодоровича об Яковенко, Ленин в ночь на 18 декабря направил телефонограмму Л.Б. Каменеву с предложением о том, чтобы на съезде как можно больше членов ЦК РКП(б) познакомилось с Яковенко, а 22 декабря обратился с просьбой к В.М. Молотову ускорить ознакомление членов Политбюро с сообщением Теодоровича. 24 декабря он посылает руководителю сибирской делегации Е.М. Ярославскому записку с просьбой высказать мнение и собрать отзывы ответственных сибирских работников об Яковенко. 25 декабря Ленин пишет письмо Молотову с просьбой о поддержке кандидатуры Яковенко на заседании Политбюро ЦК РКП(б), а 26 декабря члены данного органа одобрили назначение его на пост наркома. На встрече, состоявшейся 31 декабря, Яковенко произвёл на Ленина хорошее впечатление. Глава государства выразил уверенность, что он справится с работой в НКЗ. 9 января 1922 г. президиум ВЦИК утвердил Яковенко наркомом земледелия РСФСР.¹²

Деятельность Яковенко на этом поприще длилась недолго – до 7 июля 1923 г. Она широко освещалась историками. Можно лишь добавить, что он ради дела не боялся использовать в ка-

честве служащих в НКЗ лиц с сомнительным политическим прошлым, а когда их арестовывали органы, то интересовался судьбой, обращаясь даже к чекистскому руководству. Так, Яковенко в августе и сентябре 1922 г. запрашивал Г.Г. Ягоду о возможности возвращения на работу бывшего управленца Позигуна или просил Ф.Э. Дзержинского об изменении распоряжения о высылке за границу бывшего министра продовольствия Временного правительства А.В. Пешехонова, как ответственного и незаменимого работника его управления, лояльного к Советской власти.¹³

Являясь делегатом XII и XIII съездов РКП(б), Яковенко в 1922 г. был введён в постоянную комиссию при ЦК для собирания и изучения опыта работы партийных и советских органов в деревне. На XIII съезде он, несмотря на незначительный партийный стаж, был избран в Центральную контрольную комиссию РКП(б), назначен членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), в качестве которого проработал с 31 мая 1924 г. и по 18 декабря 1925 г. Будучи членом парттройки, он вместе с А.А. Сольцом разбирал дела троцкистов, среди которых были и его товарищи по прошлой работе. Одновременно после избрания на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. Яковенко до января 1924 г. являлся членом президиума ЦИК, а в период с 29 декабря 1924 г. по 2 октября 1926 г. работал наркомом социального обеспечения РСФСР.¹⁴

Такая нагрузка вызвала у Яковенко тяжёлую болезнь. В Берлине невропатологи определили опухоль мозга и предложили операцию, а директор Института физических методов лечения (Севастополь) установил прогрессивно-мышечную атрофию. И, хотя врачи, как считал больной, «напутали», он вплоть до 1928 г. находился в тяжёлом нездоровом состоянии.¹⁵

Ещё до своей болезни Яковенко по предложению работников Истпарта написал свои «Записки партизана». Бывшие партизаны в Красноярске, ознакомившись с рукописью, дали на неё положительные отзывы. Этот труд получил высокую оценку Л.Б. Троцкого. 10 июня 1924 г. он писал автору: «Мне воспоминания очень понравились: написано точно, просто, строго фактически, без многословия и прочих грехов, обычных для воспоминаний. ... Стоит издать их отдельной книжкой».¹⁶ Такие же отзывы на книгу в 1925-1927 гг. регулярно печатали газеты «Правда» и «Беднота», журнал «Сибирские огни». В 1925 г. агитотдел ЦК РКП(б) разослал её в качестве агитационного пособия в губернские партийные организации. По непроверенным сведениям, книга тогда же переиздавалась и была опубликована даже в Германии.¹⁷

Значимость воспоминаний Яковенко заключалась не столько в показе героики борьбы крестьянских повстанцев с белыми, возникшей якобы в результате большевистского влияния, сколько в создании подлинного облика партизан и освещении реальных отношений, имевших место в их лагере. Для лиц, воспитанных на коммунистической идеологии, считавшей главной ударной силой революционного процесса пролетариев и крестьянскую бедноту, совершенно неожиданным и нетерпимым стало заявление Яковенко о том, что Тасеевский Военно-революционный штаб состоял из зажиточных крестьян, а партизаны по уровню своего прошлого материального достатка в основном являлись середняками.

Многие страницы своих воспоминаний Яковенко отвёл рассказу о наличии среди руководства и рядовых партизан лиц политически не оформившихся, эсеров, анархистов, паникёров и просто грабителей и пьяниц, недовольных его «диктатурой», а также о ликвидации их заговорщицкой деятельности. Согласно его воспоминаниям, группы оппозиционеров, агитировавших за демократизацию управления партизанской армией, возникали и среди большевистского руководства и активизировали свою деятельность накануне и во время проведения армейских съездов. Постепенно членами штаба и Армейского совета становились оппозиционеры, использовавшие в борьбе за власть любые способы. Все они в 1920-е гг. занимали ответственные посты в советской иерархии. Появление книги Яковенко заклеило сибирскую советскую номенклатуру как категорию ярко выраженных безыдейных карьеристов.

С 1926 г. по 1928 г. Яковенко работал членом Комитета содействия народам Севера при ВЦИК

СССР. Оторвавшись из-за болезни от активной политической жизни и под влиянием близких по совместной работе троцкистов Смирнова и Смильги, объяснял в дальнейшем он своё поведение, Яковенко в 1927 г. совершил «грубую политическую ошибку» – подписал «антипартийное» «Заявление 83-х» – и тем самым оказался в числе тех членов ВКП(б), которые поддерживали Троцкого. Один из пунктов этого документа заключал требование создания согласительной комиссии, что при осуществлении могло, по мнению Яковенко, сгладить остроту отношений внутри ВКП(б) и избежать её раскола. После беседы со старейшими и авторитетными членами партии Ф.К. Врублевским и Я.Н. Кирпичёвым, писал Яковенко затем в автобиографии, он, позвонив, объяснил Теодоровичу свой поступок и якобы порвал знакомство с оппозиционерами.¹⁸

С некоторым улучшением здоровья Яковенко в 1928 г. пошёл на службу в аппарат президиума ВЦИК. В приёмной М.И. Калинина он занимал должность председателя земельной и избирательной комиссий. В этом качестве Яковенко не раз приезжал в Канский округ, где знакомился с жизнью крестьян и настроениями бывших партизан. Данная информация и подвигла Яковенко на написание письма от 15 апреля 1928 г. «К вопросу о реконструкции и рационализации сельского хозяйства» в адрес Калинина. В нём он, заявив о том, что колхозы не охватывают всего деревенского населения и не удовлетворяют его, предложил в опытном порядке создавать на селе «поселковые кооперативы» или «Поселковые товарищества по реконструкции и рационализации сельского хозяйства», в которые бы добровольно входили все жители независимо от их имущественного положения. Организация таких хозяйств, считал Яковенко, ликвидировала бы переделы земли, обеспечила мобилизацию расплывённых натуральных сбережений, проявление инициативы и активности населения всего посёлка, сняла вопрос о классовой дифференциации деревни и способствовала поднятию её культурного уровня.

Возвращение государства в решении налогового и продовольственного вопросов к чрезвычайщине резко ухудшило положение крестьянства. Посетив Тасеевский и Рождественский районы Канского округа, Яковенко 3 октября 1928 г. был вынужден обратиться с письмом к И.В. Сталину, в котором сообщил, что крестьяне, у которых не осталось даже посевного зерна, утратили интерес к хозяйственным делам и «ходят как с перебитой спиной», те из них, оказавшиеся способными окультурить свои хозяйства и выбиться из нужды, местные власти подвели под индивидуально-«обдуральное» обложение и разорили, а самих тружеников по приказу сверху объявили «кулаками».¹⁹

Начавшаяся следом массовая коллективизация вызвала восстания сибирских крестьян и, в частности, бывших красных партизан, в инициировании которых потом и обвинялся Яковенко. Но, хотя относительно Яковенко в научно-справочных изданиях советского времени указывалось, что он в 1927 г. примыкал к троцкистско-зиновьевскому антипартийному блоку, при партийной чистке 1929 г., которую он проходил в организации ВКП(б) ЦИК СССР, упреков в его адрес не было: коммунисты оценивали его работу как партийно выдержанную.

Летом 1932 г. Яковенко перешёл на службу в Госплан СССР, где стал членом его президиума. За три неполных года работы в этом учреждении он 14 месяцев пробыл на лечении. В то же время Яковенко принимал активное участие в деятельности Сибирского землячества участников борьбы с колчаковщиной, Енисейского землячества ссылки и каторги, осуществлял творческую работу.

31 июля 1931 г. были опубликованы постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и письмо А.М. Горького к её участникам. Будучи инициатором этого проекта и руководителем Главной редакции ИГВ, Горький обратился к ним с просьбой записывать и присылать свои воспоминания. Поэтому в 1932 г. Яковенко вновь возвращается к написанию своих мемуаров. Несмотря на слабое здоровье и отсутствие большого опыта писательской работы, он, проработав над рукописью три года, в марте 1934 г. передал её экземпляр в редакцию ИГВ. По

согласованию с рецензентом Миловым автор и редакция подписали договор о публикации книги. За март-апрель того же года Яковенко провёл три читки рукописи в Сибирском землячестве, на которых в прениях высказались 30 бывших партизан.²⁰

Между тем, лица, партизанившие и ставшие при Советской власти видными управленцами, естественно не согласились с той ролью, которую в партизанском движении отводил им этот автор. На совещании, состоявшемся в редакции ИГВ (июнь 1934 г.), они обрушили на Яковенко шквал критических выступлений. Затем последовало заявление от 14 декабря того же года, подписанное 13 коммунистами, в т. ч. Ф.Я. Бабкиным, Н.М. и С.М. Будами, И.А. Вашкориним, Ф.И. Говореком, В.И. Кренцом, С.А. Сухотиным и др., на имя председателя комиссии партийного контроля Е.М. Ярославского. Подобный же донос от Бабкина, Говорека и Сухотина 21 января 1935 г. поступил и в адрес редакции, и Горькому.

В них эти лица рассказали о том, что Яковенко будто бы по возвращению с германского фронта был эсером и не сразу стал большевиком, проводил, высказываясь против Сталина и бедняцких колхозов, разлагательную работу в НКЗ, в 1926-1928 гг. находился в троцкистской оппозиции и идейно был близок к «кондратьевщине», а в начале 1930-х гг. поддерживал связи с троцкистами. При чистке 1933 г. Яковенко якобы исключался из партии, но был восстановлен. Он привлекал троцкиста Романова к созданию своих воспоминаний и после убийства С.М. Кирова и читки закрытого письма ЦК ВКП(б) скрыл свою связь с оппозицией и не покаялся в идейных ошибках. Члены парткома Госплана обвиняли его в уклонении из-за нездоровья от партийной и общественной деятельности. Зная о возможности князюковского восстания летом 1931 г., Яковенко будто бы не счёл необходимым предупредить об этом органы и находился в связи с его участниками.

Они обвиняли Яковенко в «эсеровском» изображении партизанского движения, в частности, в отрицании им руководящей роли партийной организации, пролетарского ядра и городского большевистского подполья, в преувеличении активности в революционном процессе деревенского населения и участия в борьбе с колчаковцами зажиточных слоёв. По их мнению, Яковенко, изобразив «старых коммунистов» в качестве «кулацко-анархистской» оппозиции, тем самым их оклеветал. Тут же эти лица, обвиняя сторонников Яковенко в «махновщине», а его самого в «мелкобуржуазности» и связях с «кулачеством», признались, что их «пролетарская группа» оттесняла от власти «крестьянскую группу» во главе с «неграмотным пастухом», способным лишь расстреливать «своих и чужих». «Подписанты» просили соответствующие органы привлечь Яковенко за его поведение, «контрреволюционные» взгляды, «извращение» истории партизанского движения и «клевету на руководящих товарищей» к партийной ответственности.

Ответы Яковенко и его немногих сторонников, прозвучавшие на совещании Новосибирского испарткабинета 9 января 1935 г., были убийственны своей конкретикой. Рассказав сначала о своей работе, он, остановившись на расхождениях, показал, что, к примеру, находившийся во время Канско-Иланского восстания в тех местах Сухотин в качестве его руководителя настаивал признать некоего Ткаченко. По воспоминаниям же участников, говорил Яковенко, это был случайный, легкомысленный человек, бежавший затем в Тасеевский район, где, объявив себя эсером, он брал взятки с жён арестованных кулаков, подвергся задержанию партизанами и при попытке перейти к белым оказался убитым. Его противники выступают против него потому, объяснял он присутствующим, что не хотят, чтобы в книге нашло место, например, описание событий в Шеломках, показавших Кренца как неспособного командира и малодушного бойца, или бегства из окопов на р. Бобруйке Кондаковского отряда, находившегося под командованием Бабкина и Накладова, которое открыло фронт белым и спутало планы партизанского командования бить их по частям и с тылу. Яковенко успешно протестовал против заявления Говорека о том, что по его вине среди партизан при отступлении царил хаос, и восхваления Сухотиным роли Бабкина, благодаря которому якобы и была проведена реорганизация партизанских частей. «Спасителей»

Бабкина, Рудакова, Говорека и Сухотина, заявлял он, сразу по отступлению среди партизан и не было, а резолюция «О реорганизации армии в строевом отношении и духовном её воспитании» принималась на Щекотуринском съезде 8 августа 1919 г. по докладу Яковенко.

Отвечая на стенограмму выступления С.М. Буды, тогда служившего в руководстве НКВД и заявившего о поддержке Яковенко со стороны некоей «партийной фракции» в составе лиц, умерших, отошедших от партии, настроенных прокулацки и троцкистски, Яковенко рассказал о них, как о борцах за Советскую власть, и обвинил этого чиновника в использовании служебного положения и недостаточной информированности. В ответ на обвинение Н.М. Буды, Рудакова и Кренца в том, что он выдумал оппозицию, Яковенко далее, обратившись к прошлому своих противников, охарактеризовал их как выходцев из мелкобуржуазной среды и интриганов. Завершая характеристику данных лиц, Яковенко сказал о том, что их объединяло: в трудное время они становились «дезертирами», а когда оно оказывалось пережитым, устремлялись к руководству. Он не отрицал своих связей с зажиточными крестьянами, но указал, что они обували и вооружали повстанцев, вели разведку и помогали партизанским семьям.²¹

Такие споры вокруг рукописи Яковенко не могли не сказаться на её судьбе. Вероятнее всего она затем пропала в недрах НКВД. Известно лишь, что труд, созданный Яковенко объёмом в «18-20 печатных листов», в одном экземпляре был передан военному отделу Университета народов Востока и использовался в качестве учебного пособия.

По заявлению же группы бывших партизан вопросом о дальнейшей принадлежности Яковенко к ВКП(б) занялось НКВД. Но высказаться по его делу решился пользующийся авторитетом в партии Спундэ. В своей записке на имя Ежова (дата отсутствует – *авт.*) он объяснил, что «вся эта история может быть отголоском «... давнишних споров» и « тут весьма вероятно продолжение старых счётов и споров, когда т. Яковенко твёрдо и безоговорочно поддерживал линию партии». Высоко в очередной раз, оценивая способности Яковенко, Спундэ сообщил, что встречи с ним не создавали впечатления об отходе Яковенко от партийной линии, а разговоры убеждали в его преданности партии. «...Он был твёрдым, преданным, дисциплинированным членом партии», – такой характеристикой Яковенко заключил Спундэ своё послание главе НКВД.²²

В 1935 г. Яковенко был назначен директором Научно-исследовательского института новых лубяных культур при НКЗ СССР. Очевидно, тогда же он обрёл и новую семью, женившись на молодой машинистке – Раисе Абрамовне, печатавшей рукопись его книги. Однако идеологическая борьба, состоявшаяся между бывшими партизанскими вожаками, показала их истинное лицо и приблизила неотвратимый трагический конец этих «детей революции».

Как и с оппозицией в Красной Армии, с бывшими партизанскими вождями, пережившими своё время, но склонными к конфронтации, новые сталинские кадры расправились в 1937-1938 гг.: по делу мифического Союзного контрреволюционного центра правых, якобы возглавляемого Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и В.Г. Яковенко, были репрессированы и сам он, а также его противники из лагеря бывших североканских партизан.

9 февраля 1937 г. Яковенко был подвергнут аресту и помещён во внутреннюю тюрьму Главного управления госбезопасности (ГУГБ). 1 апреля ему было объявлено, что он обвиняется по ст. 58-2, 8 и 11 УК РСФСР как активный участник контрреволюционной террористической повстанческой организации в Сибири, действующей под руководством Центра правых. Яковенко допрашивали 22 марта, 1 апреля, 29 апреля, 22 июня 1937 г. Уже 22 марта он показал, что, желая изменить деревенскую политику партии, трижды встречался с Н.И. Бухариным (в конце 1928 г., в июле 1929 г. и в середине декабря 1934 г.). После первой же встречи под его руководством образовался партизанский центр в составе Ф.Я. Бабкина, Н.М. Буды и Рудаковых. С июня 1937 г. начал давать показания Бухарин. В частности, на допросе 14 июня он сообщил следователю, что сибирское восстание 1931 г. было подготовлено Яковенко, примкнувшим к их организации

в 1929 г. На допросе 16 июня А.И. Рыков также свидетельствовал, что Яковенко по заданию их центра с целью подготовки восстания создал в Сибири мощную нелегальную организацию. Яковенко уличённый этими показаниями Яковенко 22 июня вновь признался в создании партизанского центра с филиалами в Иркутске и в Красноярске, но переложил ответственность за организацию восстания 1931 г. на др. его руководителей. К тому времени допрашиваемый в Красноярске Н.И. Малышев дал показания, уличающие Яковенко в конкретных действиях по формированию их организации.

14 июля 1937 г. Яковенко объявили об окончании следствия по его делу, а 25 июля по представлению начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД В.Е. Цесарского на список «Москва-центр», состоявший из 43 человек, предложенных к репрессии по первой категории, была Сталиным и Молотовым наложена резолюция «За». В тот же день его обвинительное заключение по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР было утверждено прокурором СССР А.Я. Вышинским. 29 июля того же года Военная Коллегия Верховного Суда (ВКВС) СССР с председательствующим Армвоенюристом В.В. Ульрихом приговорила В.Г. Яковенко, обвиняемого в активном участии в контрреволюционной террористической организации правых, в организации и руководстве «партизанским центром», возглавлявшим антисоветскую организацию в Сибири, к высшей мере уголовного наказания. Расстреляли его в тот же день, о чём свидетельствует справка за подписью начальника спецотдела НКВД СССР лейтенанта госбезопасности Шевелёва. Прах был захоронен на территории Донского монастыря г. Москвы.²³

Уже после смерти Яковенко его имя, как организатора крестьянских восстаний, упоминалось допрашиваемыми Бухариным и Рыковым на проходившем в марте 1938 г. Бухаринско-троцкистском процессе.²⁴ Определением ВКВС от 30 июня 1956 г. он был реабилитирован.

Среди партизанских вождей Яковенко был наиболее способной и цельной личностью. С самого начала своего участия в революционной борьбе он являлся правоверным большевиком, жёстко руководившим крестьянским повстанчеством. В то же время он всегда оставался простым человеком, крестьянином по натуре. Поднявшись из деревенских низов к государственной власти, Яковенко не смог оторваться от своего крестьянского прошлого. Отстаивая народные интересы, он погиб в боине, начатой сталинскими управленцами.

2010

Примечания:

¹ Журов Ю.В. В.Г. Яковенко // История СССР. – 1969. – № 3. – С. 112-121; он же. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. - Красноярск, 1972. – С. 141; он же. Предисловие // Яковенко В.Г. Записки партизана. - Красноярск, 1988. – С. 5-19; Бойцы революции. – Красноярск, 1982. С. 264-268; Борцы революции: Библиографический указатель. – Красноярск, 1990. – С. 171-172; Енисейский энциклопедический словарь (ЕЭС). – Красноярск, 1998. – С. 713; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. – Абакан, 2006. – С. 147-166; Историческая энциклопедия Сибири. – Т. 3. – Новосибирск, 2009. – С. 597.

² Красноярский рабочий. – 1988. – 5 июля.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Персональное партийное дело В.Г. Яковенко. Л. 45; Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р - 8174. Л.8.

⁴ Красноярский рабочий. - 1917. - 12 ноября, 23 декабря.

⁵ Портяников П.М. (1880-1918 гг.), из крестьянской семьи Воронежской губернии, окончил сельскую школу, служил в питейных заведениях Донской области, работал слесарем, помощником машиниста в депо, военную службу проходил на Балтийском флоте. В мае 1903 г. среди др. матросов Кронштадтской школы минёров-машинистов впервые был арестован. Отстав от воинского эшелона, следующего на Дальний Восток, в Тамбове стал членом Поволжской организации партии социалистов-революционеров. С июня 1907 г. перешёл на нелегальное положение. На Воронежском съезде ПСР избирался членом её губкома, затем делегировался на Лондонскую конференцию. Задержанный за бродяжничество, был отправлен в богучанскую ссылку. Работал машинистом драги на приисках. После февраля 1917 г. – председатель местного комитета общественной безопасности, профсоюза горных рабочих и служащих, кооператива «Горносоюз» (Красноярский рабочий. - 1917. - 22 апреля, 17 июня; Воля Сибири. - 1918. - 9 июля, 14 ноября; Красноярский рабочий. - 1990. - 8 июня).

⁶ Свободная Сибирь. – 1918. – 14 августа.

⁷ Там же. – 5 декабря; 1919. – 4 января.

⁸ Там же. – 1919. – 16 января; Канский вестник. – 1919. – 28 июня.

⁹ РГАСПИ. Ф. 5. О. 1. Д. 2944. Л. 2-3.

¹⁰ О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы. – М., 1963. – С. 592-594.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 5. О. 2. Д. 41. Л. 156-157.

¹² Там же. О. 1. Д. 613. Л. 1-2; О. 2. Д. 143. Л. 155.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 478. О. 3. Д. 1363. Л. 8-9.

¹⁴ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. – М., 1989. – С. 826-827; Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза. 1898-1991. <http://www.knowbysight.info/УаУУ/08099.asp>).

¹⁵ РГАСПИ. Персональное партийное дело В.Г. Яковенко. Л. 47.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-8174. Л.229.

¹⁷ РГАСПИ. Персональное партийное дело В.Г. Яковенко. Л. 30.

¹⁸ Там же. Л. 48.

¹⁹ Известия ЦК КПСС. - 1991. - № 7. - С.186 -190; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939. - Т. 1. – М., 1999. – С. 400.

²⁰ РГАСПИ. Персональное партийное дело В.Г. Яковенко. Л. 49.

²¹ Там же. Л. 27-33; Архив Регионального управления ФСБ по Красноярскому краю (АРУ ФСБ). Д. П. - 4946. Т. IV. Л. 168, 170 - 174; Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 42. О. 10. Д. 101. Л. 29, 35, 41, 43, 45-46, 49-52, 54, 62.

²² РГАСПИ. Персональное партийное дело В.Г. Яковенко. Л. 7-9.

²³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р - 8174. Л. 228, 237-238; Архив президента Российской Федерации (АП РФ). О.24. Д. 410. Л.73.

²⁴ Судебный отчёт // Материалы / Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР. - М., 1997. – С. 149-150, 345.

Н.И. Андрияшева,

г. Абаза, Хакасия

Тропой Мартьянова

Виленин Васильевич Андрияшев родился в 1926 г. в Донбассе. Когда ему исполнилось шесть лет, семья переехала в с. Каратуз, Красноярского края. Отец Виленина – Василий работал в МТС (машино-тракторная станция – *ред.*) вулканизаторщиком, ремонтировал проколотые резиновые камеры автомобилей. Его дядя Иван, которого вся детвора в округе сильно любила, работал здесь же механиком, по совместительству водителем грузового автомобиля.

Однажды, в летнее солнечное утро их, ребятшек, празднично одетых, собрали у дома дяди Вани. Провожать вышли все родственники. Поездка предстояла в г. Минусинск в музей.

Минусинск Виленин видел впервые. Особое впечатление произвели большие дома, большие окна в домах, множество магазинов и, конечно, музей. Широкая лестница маршем поднималась на второй этаж. Экскурсовод, женщина в шляпке, в жёлтых ботиночках, повела их по залам музея. На лестничной клетке красовался огромный плакат с текстом и рисунками, это был диплом, полученный на Всемирной выставке в Париже. Они посетили небольшой зал, где читал книги В.И. Ленин, зал, где демонстрировалась посуда из фарфора и стекла. Особенно запомнились витрины синего стекла, как позже узнал Виленин, это была продукция Знаменского завода, который находился недалеко от Минусинска. Эта поездка оставила неизгладимый след в дальнейшей жизни Виленина.

С малых лет он начал заниматься собирательством и зачитывался книгами по истории. Позже он узнал об основателе музея – Николае Михайловиче Мартьянове. Его удивило то, что Мартьянов, не имея исторического образования, увлёкся сам и увлёк других идеей создания музея.

В 1963 г. Виленин Васильевич в возрасте 34 лет переезжает с семьёй в молодой рудный г. Сорск. По профессии он плановик, но в отделе кадров, узнав о том, что он увлекается живописью, сказали так: «Плановиков у нас своих хватает, а вот художников нет. Пойдешь работать в Дом культуры художником-постановщиком, нашему народному театру он крайне необходим?» Виленин с удовольствием дал своё согласие.

С этого момента начинают воплощаться его мечты, о создании собственного музея. В 1961 г., выпросив у директора ДК небольшой зал, он на основе собранных материалов открывает экспозицию, посвящённую народному театру г. Сорска. Позже, в 1967 г., музей переместился в освобождённое от швейного цеха помещение, где тематика экспозиций была уже более обширная, посвящённая истории Сорского молибденового комбината и истории города. Виленин Васильевич

возглавил его на общественных началах и руководил им до 1985 г. Сейчас музей носит его имя.

Сорский музей – это начало музейного бума в Хакасии. Виленина Васильевича стали приглашать оформлять музеи на предприятиях, в учебных заведениях, в сельских местностях. Так возникли музеи: Абаканского мясокомбината, педагогического института, истории транспорта в г. Абакане, села Бородино и др. Всего им оформлено 11 музеев в Хакасии.

В 1985 г. по приглашению директора рудоуправления Г.И. Малмыгина, Виленин Васильевич с супругой и семьёй сына переезжает в г. Абаза. Его привлекла богатейшая история города.

Весной 1986 г. в Абазе был открыт музей. С этого же года Виленин Васильевич начинает хлопотать об освобождении старинной усадьбы, на территории которой располагалось кирпичное здание магазина. В 1988 г. благодаря активу музея, общественности города, усадьба была освобождена, объявлена памятником истории и культуры города и взята под охрану города.

Это были трудные годы перестройки, денег на ремонт и реставрацию не хватало. Тем не менее, Виленин взвалил на себя эту ношу и на общественных началах возглавил и этот музей, по крупицам восстанавливая усадьбу. На помощь приходили и руководители рудоуправления, и администрация города, по возможности выделяя денежные средства, но их было мало. В 2002 г. Министерство культуры Хакасии выделило денежные средства, которых хватило на ремонт помещения музея и отопления. Весной 2003 г. городской музей был открыт для посещения.

Многолетний труд Виленина Васильевича на Сорском молибденовом комбинате был по достоинству оценён. Он получил звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Своим огромным вкладом в дело восстановления и сохранения культурного наследия г. Абаза он по праву заслужил звание «Почётный гражданин города Абаза» в 2006 г.

Виленин Васильевич человек разностороннего склада. Им написано более ста статей по истории Хакасии, за что он получил в 2005 г. медаль им. Шолохова. Как самодеятельный художник неоднократно участвовал в областных и краевых выставках. В 1965 г. принимал участие во Всероссийской выставке в Москве. В 2005 г. персональные выставки прошли в городах Абакане и Минусинске. Он автор двух гербов города Абазы и города Сорска. В 2005 г. вышла в свет его книга – художественный роман «Золото Амыла», ещё пять ждут своей очереди. Среди них история Абазы и Сорска.

Имя Виленина Васильевича внесено в энциклопедию Хакасии и в персоналии энциклопедии «Красноярский край. Юг.». В 2011 г. он отметил 85-летний юбилей, но, несмотря на возраст, полон энтузиазма и до сих пор трудится в Абазинском историко-краеведческом музее.

Пятый год подряд в музее проводятся краеведческие чтения, на которых принимают участие не только взрослые, но и учащиеся, пополняя копилку истории города. Абазинские краеведы говорят: «Виленин Васильевич заразил нас всех историей Абазы». Об этом человеке можно по праву сказать, что он идёт тропой Мартьянова.

2011

А.Я. Березовский,
с. Шира, Хакасия

Путешествие П.С. Палласа по территории современного Ширинского района Республики Хакасия

В 2011 г. исполняется несколько круглых дат, связанных с именем одного из крупнейших исследователей Сибири Петра Симона Палласа: 270 лет со дня рождения, 200 лет со дня смерти и 240 лет, как посетил территорию современного Ширинского района Республики Хакасия. Из семидесяти лет прожитых им, 42 года посвятил изучению России, где звали его Петром Семёновичем.

Пётр Симон Паллас родился в Берлине 22 сентября 1741 г. Отец его был профессором хирур-

гии Берлинской медико-хирургической коллегии и своего сына хотел видеть врачом. Паллас получил медицинское образование в университете г. Галле, затем продолжил образование в Голландии и Англии, где большую часть времени он проводил во встречах с натуралистами и изучении богатых коллекций.

В 1766 г. Паллас получил приглашение Екатерины II для работы в Петербургской Академии наук. После долгих колебаний, он подтвердил своё согласие на место профессора естественной истории в Российской Академии наук и 30 июля 1767 г. прибыл в Петербург. А уже весной 1768 г. стал начальником шести отрядов академической экспедиции. В 1771 г. Паллас отправляется в путь по Сибири. Паллас посетил Семипалатинск, Барнаул, Томск, Красноярск.

В конце сентября 1771 г., перевалив в северной части Кузнецкий Алатау, переправившись через р. Чулым, Паллас впервые ступил на территорию современного Ширинского района. Он обследует верховья Белого Июса и Чёрного Июса, озёра: Орлово, Иткуль, Шира, Белё. Паллас отмечает залесенность вокруг озера Шира. 20 октября 1771 г. в Красноярске Паллас пишет: «Восторги, кои Гмелин расточает прекрасным, богатой флорой степями и горами по Июсу и Абакану, побудили сделать сей круг, я имею все основания быть этим довольным и подтвердить справедливость похвал...».

В августе 1772 г., после путешествий по Байкалу и Забайкалью, Паллас вновь вернулся к изучению Минусинской котловины. Он обследовал солёные озёра и рудники, отметил множество могильников и курганов, описал наиболее интересные и выполнил раскопки некоторых могильников.

Сибирское путешествие было практически завершено, план поездок выполнен и в августе 1774 г. Паллас прибыл в Петербург. Только по окончании экспедиции стало ясно, какой огромный научный материал она дала. Его изучение, освоение и исследование заняло десятилетие. Результаты экспедиции учёный обобщил в пятитомном труде «Путешествия по разным провинциям Российского государства».

Помимо ботанических, зоологических, географических и этнографических описаний, Паллас обобщил и свои геологические наблюдения. «Я хочу развить некоторые мысли, основанные на моих личных наблюдениях о прежнем состоянии нашей планеты и о катастрофах, бывших на ней».

В своём труде Паллас опровергает гипотезу Гмелина в определении природной границы между Европой и Азией. На основании сравнительного изучения ландшафта, до и после Урала, он считает, что естественной границей между Европой и Азией надо считать Уральские горы, а не Енисей, как предлагал Гмелин. В 1810 г. с женой и дочерью Паллас возвращается на родину в Берлин и через год умирает.

В 1772 г. П.С. Паллас проехал по территории, входящей в наст. время в состав Ширинского района. 19 августа П.С. Паллас выезжает из г. Красноярска, проезжает дд. Зелеево (Салеево), Ужур (Наужур), Копьево (Копьева заимка). За время путешествия он обследует долины рр. Большой Кемчуг, Чулым (Юс), окрестности современного пос. Копьево, г. Учум.

26 августа, переправившись через р. Белый Июс. Он останавливается в улусе Кокова, который располагался на правом берегу р. Белый Июс, выше впадения протоки Сарат (Сарасс). Здесь он отмечает, что по горам очень много крупного и «тернистого» шиповника, такого нигде не встречал.

П.С. Паллас рассказывает, что от улуса Кокова на запад видно гору, которая по-татарски называется Анло, на которой находится «камень особливого сложения». Этот камень очень почитаем татарами. Как мы поняли – это гора Сундук.

Во время путешествия П.С. Палласа, эту гору разрабатывал некто Дмитрий Васильев. Он был жителем г. Томска, отбывал наказание на Барнаульских заводах. Когда-то его судьба свела с татарином Семёном Аршановым, который по делам был в Монголии. Аршанов привёз оттуда легенду о том, что в своё время Алтын-хан кочевал по р. Чулым и должен был срочно удалиться из

этих мест. Алтын-хану пришлось закопать «своё богатство и сокровище около камня Анло и все щели наглухо запаять». Васильев, узнав об этой легенде, два года копал гору, проделав несколько шахт и штолен, до тех пор пока не кончились деньги, заработанные на Барнаульских заводах. Он просил П.С. Палласа, съездить на гору и «осмотреть работу сего дурака». Пётр Симон не хотел тратить время и отправил туда студента В. Зуева, будущего переводчика работ П.С. Палласа на русский язык.

Тем временем П.С. Паллас обследует оз. Тус (Тустукул). По дороге на Тус, он встречает озеро Слабительное (Качикуль) и описывает его как «иловатое горькое озеро, вокруг которого трава такая же, как и на озере Учум, на берегах плесень и вода в озере несколько солодковата».

Как пишет П.С. Паллас, озеро Тус «кривое и продолговатое, лежит в сухой впадине, окружённой песчано-каменистыми горами». В озеро впадает два ручейка, соль в нём больше походит на «селитренную», чем на поваренную. Самый ближний ручей с пресной водой находился в 4 верстах на восток от озера Тус. Он отметил, что на поверхности озера было «великое количество выкинутых насекомых». По берегам озера росли заросли ириса-пикульника, которые Паллас встречал только между Енисеем и Чулымом.

Во время посещения П.С. Палласом оз. Тус, казаки добывали поваренную соль и складывали её буртами на северном берегу. Так как дули частые ветры и переносили пыль и песок, всё это перемешивалось с солью. Поэтому казаки строили каменные соляные амбары. Кстати, места от амбаров в наше время можно определить по зарослям крапивы.

После обследования оз. Тус П.С. Паллас едет в сторону Карышского рудника. Ночь застаёт его на речке Даргажунь (Таргизул, Гарихвостка), которая течёт в оз. Белё (Былекул – брусое озеро). Озеро Белё осталось слева, а справа, в трёх верстах, осталось оз. Фыркал (Фиркалово), в которое впадают речки Тюрим (Турим) и Колоджул (Комдужул).

На следующий день по р. Туим (Туюм) П.С. Паллас проезжает мимо озёр Сухой Иткуль (Иткуль), Орлово (Урланкул) и берегом оз. Иткуль (Большой Иткуль) приехал в Карышский рудник. Он пишет, что вокруг оз. Орлово рос берёзовый лес, и русские, проживающие на берегу озера, называют его Берёзовым. Также он сообщает, что оз. Большой Иткуль через оз. Тушинино (Шаракул) «посредством небольшого канала» соединено с озером Орлово и рекой Туим, составляет некоторую сеть, но не связаную с Чулымом и Енисеем. Паллас пишет, что оз. Белё имеет сток. Здесь, он не прав, оно бессточное.

Карышский рудник назывался по р. Карыш, которая протекала в трёх верстах от рудника, другое название у него было Иткульский. На руднике разрабатывали меднорудные месторождения. В этих местах медь была открыта по старинным шурфам и шлаковым отвалам. Здесь находилась «яма с самым лучшим и богатейшим содержанием». Это самая настоящая шахта, где добывали медную руду. П.С. Паллас отмечает, что с глубиной содержание меди в руде увеличивалось. Сейчас она называется «Яма Палласа».

Шахта разрабатывалась на средства Верхотурского купца и заводчика В.И. Влачевского (у Г.Ф. Быкони – В.И. Власьевский). На руднике не было медеплавильных печей. Влачевский погрузил добытую руду на суда и отправил на плавку в Енисейск. Так как суда были перегружены, они перевернулись и утонули.

В 1759 г. за разработку месторождения берётся советник Клеопин, но он ограничился только разведкой. Добыча медной руды не производилась. Клеопин проработал только один год. Лишь в 1764 г. под руководством оберштрейгера Брауншвейга начинается разработка месторождения. П.С. Паллас пишет, что Брауншвейг добился хороших результатов по добыче медной руды.

Вот как описывает Карышский рудник П.С. Паллас. Рудник находился на середине высокой горы, покрытой редким лиственничным лесом. С северо-западной стороны выходили обнажения «красноватого гранита», который распространён большей частью по окрестностям. Также руд-

ник окружали горные породы «белого цвета и серокаменные» В породах белого цвета «гнездами» залегала руда с большим содержанием меди сверху и убывала с глубиной.

В руднике было добыто несколько тысяч пудов медной руды. В 100 пудах руды содержалось 1,5 пуда меди, 3 фунта и 6,5 золотников серебра и «весьма явственные следы золота». Переведём на современные меры веса. Сто пудов – 1638 кг, а полтора пуда – 24,57 кг. Значит, на одну тонну руды приходилось 15 кг чистой меди и 767 гр. серебра.

П.С. Паллас сообщает, что в некоторых рудах встречается железо. Вот как он описывает одну из проб. Самая худшая из глубины железистая руда из 100 пудов даёт 15 пудов «чугуна», 0,5 пудов меди и 25 золотников серебра. Т.е. на 1 т руды приходилось 151 кг «чугуна», 8,2 кг меди и 107 гр. серебра. Встречаются руды, как пишет П.С. Паллас, «чёрные, как уголь» с высоким содержанием серебра.

В 4-х верстах южнее от Карышского рудника в верхнем течении р. Карыш находилась ещё одна шахта. Называлась она Оберштейгерской. П.С. Паллас указывает, что шахта была с богатым содержанием меди, не отработанная, и во время посещения она не работала.

Юго-восточнее Оберштейгерской шахты, менее чем в 2-х верстах находился Заступовский рудник, который разрабатывался купцом Власчевым. Рудник разрабатывался открытым способом, руда бралась только с поверхности. В 100 пудах руды содержалось 50 фунтов меди и 25 золотников серебра. По современным мерам веса – на 1 т приходилось 12,5 кг меди и 107 гр. серебра.

П.С. Паллас отмечает, что в некоторых рудах вокруг Карышского рудника встречалось золото. Так же он пишет, что район Карышского рудника богат железом. На р. Тунгужуль планировалось построить железоплавильную «фабрику».

Пробыв несколько дней в Карышском руднике, собрав коллекцию горных пород и растений в окрестностях рудника и по берегу оз. Иткуль, 1 сентября П.С. Паллас отправился на р. Ерба (Юрба), где располагался Юрбинский рудник.

Он проезжает по реке Сон мимо оз. Власьево (Баттеерекуль). По р. Сон произрастали «осины и разные хорошие кустарники».

Часто природу на территории современного Ширинского района П.С. Паллас сравнивает с природой Даурии в Забайкалье.

2011

Литература:

1. Березовский А.Я., Владимиров В.В., Дмитриев В.Е. и др. Природа Ширинского района Республики Хакасия. Научно-популярное издание. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2011. – 232 с.
2. Минусинский край. Вестник Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартянова № 1-2 (47-48), январь-февраль 2011 г.
3. Минусинский край. Вестник Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартянова № 3-4 (49-50), март-апрель 2011 г.
4. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. IV. Часть 3. Пол. 1. Перевёл Василий Зуев. Санкт-Петербург. Императорская Академия наук. 1788 г.

А.С. Вдовин, г. Красноярск,

С.В. Кузьминых, г. Москва

В.А. Городцов в Минусинске (1924 г.)

Имя крупнейшего отечественного археолога Василия Алексеевича Городцова (1860-1945) многими нитями связано с археологией Сибири. Жизнедеятельности учёного посвящена обширная литература, прежде всего биографического характера.¹ Обширная и многогранная научная,

музейная, педагогическая и административная² деятельность Городцова ещё требует исследования, в т. ч. его «сибирский след». Эта тема не получила должного освящения в литературе. Цель данной публикации – раскрыть одну из малоизвестных страниц в биографии учёного, связанную с его научными контактами с сибирскими археологами.

Для Городцова, который, по замечанию Г.С. Лебедева, «дал практически первую в русской научной литературе развернутую «археологическую версию» мирового культурно-исторического процесса, в котором вполне определённое место нашли основные археологические культуры, к тому времени выделенные на территории Российского государства и получившие обобщённые, но принципиально в основном верные характеристики»,³ в этой связи не было регионов в России, которые бы его не интересовали. Пристальное внимание учёного привлекали и сибирские, в особенности енисейские древности – прежде всего памятники каменного, бронзового и раннего железного веков, а также наскальное искусство.⁴

До революции исследователю не удалось совершить поездку в Сибирь, чтобы на месте познакомиться с археологическими памятниками и музейными собраниями. Однако фотографии коллекций Красноярского музея ему высылал А.П. Ермолаев. Кроме того, сибиряки знакомили Василия Алексеевича с результатами своих полевых исследований. Так, С.М. Сергеев неоднократно встречался в Москве с Городцовым и познакомил его с полевой документацией своих раскопок в Минусинском уезде (дд. Сухая Ерба и Биря) и в окрестностях Красноярска (Переселенческий пункт и Афонтова гора).⁵ В 1917 г. Сергей Михайлович поступил в Петербургский археологический институт, где учился без отрыва от своей основной работы. В 1919 г. он перевёлся в Московский археологический институт,⁶ который вскоре был преобразован в археологическое отделение 1 МГУ. В годы учёбы Сергеев проходил археологическую практику, участвуя в подмосковных раскопках своего профессора.

Василий Алексеевич, заведовавший с 1919 г. археологическим подотделом Наркомпроса РСФСР, в 20-е годы много ездил по стране, стремясь с присущей ему энергией и настойчивостью довести до музейщиков в российской провинции свои теоретические воззрения на реформирование музейной и научной деятельности в новой России. Его практическая деятельность по продвижению и пропаганде типологического метода и классификации археологических музеев и экспозиций среди молодого поколения археологов принесла большие плоды, нежели сами теоретические разработки.⁷

Летом 1924 г. Городцов по направлению Главнауки НКП РСФСР отправляется для обследования музеев в Иркутске, Красноярске, Минусинске и для знакомства с археологическими памятниками и исследованиями сибирских коллег.⁸ 6 августа 1924 г. Василий Алексеевич выехал из Москвы в Иркутск.

Прибыв в Иркутск 12 августа, Городцов в сопровождении П.П. Хороших в течение пяти дней изучал коллекции Иркутского музея. Кроме того, они посетили ряд стоянок в окрестностях Иркутска – в урочищах «Звёздочка», «Царь-Девница», Горохово, «на 6-й версте железнодорожной линии из Иркутска на Байкал».⁹

17 августа, выехав из Иркутска, Василий Алексеевич вечером следующего дня прибыл в Красноярск. Утром 19 августа он посетил представителей городской власти: Отдел народного образования, Политпросвет, Губисполком и Госпароходство.¹⁰ А весь следующий день Городцов провёл на раскопках Афонтовой палеолитической стоянки.

21 августа Городцов выехал на пароходе «Спартак» в Минусинск. Во время поездки он не терял зря времени, «решив по пути, насколько можно, заняться изучением геологического строения берегов р. Енисей».¹¹ 25 августа Василий Алексеевич прибыл в Минусинск и в течение двух дней осматривал коллекции местного музея. Работа в Минусинском музее оставила у него двойственное чувство. С одной стороны, коллекция музея восхитила его как профессионала – археолога и

музейщика. Ходил даже анекдот о Городцове, что, войдя в музей, он воскликнул: «Вот это бронза...». Большое внимание учёного к бронзе было связано с поиском связей сибирских памятников с сейминской культурой. «Приступая к изучению музея, я задался целью расклассифицировать для себя материал, выделяя культуру, имеющую сношение с сейменской культурой, а затем соответственно с этой культурой установить новые культуры, предшествующие и последующие за установленной культурой».¹²

«Итак, ...нам удалось, как мне кажется, весьма важное открытие, осветившее доселе неизвестную культуру, памятники которой, будучи рассеянными по музеям, висели как бы в воздухе. Теперь же они связаны в один комплекс и поставлены в довольно точную хронологическую рамку. Эта культура находилась в связи с культурами Европы, испытывала их влияние и сама оказывала влияние на них» (XV в. до н.э. – «минусинская культура», по В.А. Городцову – *авт.*) .

Второе обстоятельство, которое отметил Василий Алексеевич, было связано с отношением к археологическим коллекциям заведующего музеем В.Д. Кожанчикова. «В заключении нам всё же удалось расклассифицировать богатые коллекции музея, находящиеся в совершенно хаотическом состоянии. Я осторожно дал мысль заведующему музеем о возможности перестановки коллекций в открытом зале, на что этот совершенно невежественный в археологии человек заметил, что он вообще не придаёт никакого научного значения археологическим памятникам и поэтому не может придать значение и их расстановкам».¹⁴ Справедливости ради, следует отметить, что ещё в 1923 г. В.Д. Кожанчиков обращался в Московский отдел Центрального бюро краеведения с просьбой увеличить штат Минусинского музея, «при условии, что Центр найдёт возможным командировать археолога в город Минусинск с тем, что он примет на себя либо заведование музеем, либо, в крайнем случае, обязанности помощника заведующего».¹⁵

Отношения с руководством музея у столичного учёного не сложились. В отчёте за 1924 г. В.Д. Кожанчиков язвительно отметил: «В отчётном году в музее (но не для музея) работали: проф. С.А. Теплоухов около месяца, проф. Городцов – три дня...».¹⁶

В дневнике Городцов приводит такой эпизод: «...археологический отдел не имеет даже каталога, по крайней мере, мне такой не показан, под предлогом, что его, вероятнее всего, по нечаянности увёз с собой в Красноярск проф. Теплоухов. Встретив последнего в Красноярске, я спросил его, не увёз ли он по нечаянности каталог из Минусинского музея! – Теплоухов ответил: можно ли такое дело сделать? – Так объяснили в Минусинском музее, не найдя каталог, – ответил я. – Ну, значит в Минусинском музее все рехнулись, – ответил собеседник».¹⁷

Почтовой открыткой 25 августа Городцов информировал Ауэрбаха: «Дорогой Николай Константинович, я выеду из Минусинска в пятницу, 29 августа, в 4 часа дня, на пароходе «Владелец», бывший «Россия». Надеюсь приехать вовремя, так как пароход хвалят как самый исправный. Уважающий Вас В.А. Городцов».¹⁸ После возвращения из Минусинска Василий Алексеевич два дня изучал археологические коллекции Красноярского музея, которые назвал «гордостью города». Впоследствии Городцов активно помогал найти средства для достройки здания музея.

31 августа состоялось объединённое заседание Красноярского отдела Русского географического общества и коллегии музея Приенисейского края, на котором Городцов выступил с докладом «О результатах изучения археологических отделов в музеях Иркутска, Красноярска и Минусинска».¹⁹

По возвращении в Москву Городцов выступил по итогам сибирской поездки в Отделе по делам музеев при Главнауке НКП РСФСР с сообщением «О результатах командировки в Иркутск, Красноярск и Минусинск».²⁰

В рукописном архиве учёного среди «сибирских» бумаг сохранились зарисовки археологических материалов и комментарии как к ним, так и к поездке в целом, которые, безусловно, требуют специального изучения. Среди них – «Альбом рисунков сибирских, преимущественно минусин-

ских древностей, выполненных в 1922 г. по фотографиям собрания Иннокентия Петровича Кузнецова [Красноярского], хранящихся у С.М. Сергеева (30 июля-3 августа 1922 г.)»²¹, «К отчёту о Минусинском музее. 1924 г.»²², «Сибирь. Археологические исследования. 1924 г. Альбом»²³ и др.

Для Минусинского музея и его археологического отдела приезд В.А. Городцова сыграл положительную роль. В планах музея на 1924/25 год предполагалось начать перестройку археологического отдела, но только в том случае, если она будет осуществляться под руководством и наблюдением специалиста-археолога. Содействие и руководство обещал С.А. Теплоухов.²⁴

В.П. Левашёва рассказывала, что «после распоряжения В.А. Городцова Цыганков завёл инвентарную книгу по разделам: камень, бронза, железо, Ф.П. Кравченко сфотографировал предметы. Для того времени это была прекрасная система хранения».²⁵

Н.К. Ауэрбах пытался с помощью В.А. Городцова решить судьбу архива И.Т. Савенкова. 23 марта 1925 г. он написал Василию Алексеевичу: «[Т.И.] Савенков²⁶ сообщил мне, что после смерти отца он оставил в Минусин[ском] музее на хранение несколько ящиков рукописей, писем и различных материалов И.Т. [Савенкова], также его библиотеку, главным образом по двум вопросам: археологии и шахматам. Monstrum horrendum²⁷ – Кожанчиков в 1920 или 21 году вскрыл все ящики, забрал все книги в библиотеку, а рукописи в Музей, никаких актов, конечно, не составил и даже отказал Т.И. [Савенкову] выдать личную его переписку, личные книги. Всё это лежит сейчас в Музее в Минусинске, лежит, конечно, без толку. Т.И. [Савенков] просит все савенковские материалы передать Красноярскому музею. «У Вас, – говорит он, – жизнь кипит ключом, в Минусинске всё это истлеет, никто не использует».

Я лично считаю поступок Кожанчикова возмутительным. Кто толкал его на захват библиотеки и архива? Хороша благодарность государства семье крупнейшего исследователя Сибири. Замечу, что сам Т.И. [Савенков] пять лет сидел в каторжной тюрьме в дореволюционное время за принадлежность к партии.

Справедливым мне кажется вернуть семье Савенкова всё содержимое неправомерно захваченных ящиков. Археологические книги библиотеки [И.Т.] Савенкова, конечно, оказались дубликатами в Минус[инском] Музее, так как Кожанчиков захватил и, кажется таким же образом, библиотеку [И.П.] Кузнецова [Красноярского]; кроме того, ещё во время Мартьянова археолог[ический] отдел книжного собрания Минус[инского] Музея был огромен.

К Вам просьба, Василий Алексеевич, сообщите, можно ли что-либо сделать для восстановления справедливости, в крайнем случае можно ли выполнить волю семьи покойного – передать материалы И.Т. [Савенкова] в Музей Приенисейского края?».²⁸

Городцов незамедлительно (5.04.1925 г.) ответил Ауэрбаху: «Относительно архива И.Т. Савенкова едва ли что можно сделать в настоящее время. Во всяком случае, частные ходатайства совершенно бессильны. Вернее было бы, если бы сын И.Т. [Савенкова] вошёл в Отдел по делам музеев с официальным ходатайством; тогда бы, по крайней мере, дело могло бы обратить на себя внимание. Что касается совершенно некорректного поступка Кожанчикова, то об этом говорить не стоит, ибо, что можно требовать от человека, совершенно одичавшего в своём медвежьем углу. Передача архива Савенкова в Красноярск, мне кажется, могла бы состояться и по одному распоряжению красноярской власти, так как Минусинск находится в зависимости от неё».²⁹

После командировки 1924 г. Городцов пришёл к выводу о необходимости усиления сибирских музеев квалифицированными археологами. Для этого в разное время в Сибирь отправляются его ученики – В.П. Левашёва (в Омск и позже в Минусинск), В.Г. Карцов, Н.Ф. Катков (в Красноярск), С.М. Сергеев (обосновавшийся на Алтае), планировал поехать Д.А. Крайнов. Первые самостоятельные исследования проводит на Урале и в Зауралье П.А. Дмитриев. На Енисей выбирается аспирант Городцова С.В. Киселёв, который в 1928 г. начал свои первые раскопки (совместно с сотрудником Минусинского музея А.Ф. Леонидовым) в Минусинской котловине. Уже через год

результаты данных исследований были оперативно опубликованы в «Ежегоднике государственного музея им Н.М. Мартянова».³⁰

В планах В.А. Городцова было открытие Сибирского археологического института или археологической секции при одном из сибирских университетов.³¹ Эти усилия Василия Алексеевича (равно как и его коллег С.И. Руденко, С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, С.В. Киселёва и др.), безусловно, способствовали тому, что в 1920–30-е гг. археология Сибири стала неотъемлемой частью российской археологической науки.

2011

Примечания:

¹ См. основную литературу о жизни и трудах В.А. Городцова (Зарецкая и др., 1991).

² Имеется в виду работа В.А. Городцова в Народном комиссариате просвещения РСФСР в 1920-е гг.

³ Лебедев, 1992. – С. 254-255.

⁴ Городцов, 1908; 1910; 1923.

⁵ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431, Д. 396, ЛЛ. 49-57, 91

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 433.

⁷ Кузьминых. Белозёрова, 2012.

⁸ Вдовин, 2008.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 255, Л. 105, 118.

¹⁰ Там же. Л. 127 об.

¹¹ Там же. Л. 145.

¹² Там же. Л. 152.

¹³ Там же. Л. 154.

¹⁴ Там же. Л. 158 об.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54, Д. 1047, Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 431, Д. 255, Л. 151 об.

¹⁸ Архив Института археологии и этнографии СО РАН (АИАиЭ СО РАН). Ф. Н.К. Ауэрбаха, б/н.

¹⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.1380, О.2, Д.4, Л.161.

²⁰ Вдовин, 2008.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 254. ЛЛ. 138-155.

²² Там же. Л. 106-112.

²³ Там же. Л. 35-104.

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1047. Л. 16.

²⁵ Цит. по: Китова, Дэвлет, 2010. – С. 55.

²⁶ Речь идёт о сыне Ивана Тимофеевича Савенкова (1846-1914).

²⁷ Чудище *обло, озорно, огромно, стозёвно и лаяй* — эпитафия к книге Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», впервые опубликованной в 1790 г. Фраза означает: «Чудовище тучное, гнусное (либо грубое), огромное, со ста пастями и лающее. Впоследствии, когда книга Радищева была вновь опубликована, фраза стала крылатой и обозначала крайне негативное отношение автора к тому или иному общественному явлению (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/701470#sel=6:1,6:1>).

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 45-46.

²⁹ АИАиЭ СО РАН. Ф. Н.К. Ауэрбаха, б/н.

³⁰ Киселёв, 1929.

³¹ Вдовин, Макаров, Гуляева, 2005.

Литература:

1. Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. – С. 472–510.
2. Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Судьба учёного: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011. № 1. – С. 154-165.
3. Вдовин А.С. Поездка В.А. Городцова в Сибирь (1924 г.) // Труды II Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН, 2008. – С. 197-199.
4. Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. В.А. Городцов и формирование сибирской школы археологии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сборник докладов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Владимировича Киселёва. Красноярск, 2005. – С.235-237.
5. Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923.
6. Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Изд-е МАИ, 1910.

7. Городцов В.А. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Издание МАИ, 1908.
8. Жук А.В. Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: ОмГУ, 2005; Василий Алексеевич Городцов и Государственный Исторический музей. М., 2003.
9. Зарецкая И.М., Серова Г.Т., Чайникова Е.И. (сост.). Хронологический указатель трудов В.А. Городцова. Литература о жизни и трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука, 1991. – С. 3-11.
10. Киселёв С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинском крае в 1928 году // Ежегодник государственного музея им Н.М. Мартянова. Т. VI. Вып. 2. – Минусинск, 1929. – С. 1-162.
11. Китова Л.Ю., Дэвлет М.А. Воспоминания В.П. Левашёвой о работе в Минусинском музее // Мартяновские краеведческие чтения (2008-2009 гг.). Вып. VI. Минусинск, 2010. – С. 54-58.
12. Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. В.А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников // Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. М., 2012. – С. 22–34.
13. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1992.
14. Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В.А. Городцова. Рязань, 20–22 апреля 2010 г. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010.

Т.С. Комарова,
г. Красноярск

Переписка Н.М. Ядринцева с детьми

Биография Ядринцева Николая Михайловича – это биография всей Сибири 1860-90-х гг. Судьба выдающегося сибирского деятеля, путешественника и писателя Н.М. Ядринцева сейчас на слуху только у историков и филологов. Почти 20 лет, с 1870 по 1890-е гг., Николай Михайлович являлся одним из идеологов и руководителей сибирского специфического движения, вошедшего в историю под названием областничества. Суть последнего сводилась к следующему: Сибирь – колония Европейской России, однако, она имеет свои, особые интересы и задачи, решить которые может местное общество в условиях свободной деятельности. До сих пор областнические идеи не имеют однозначной оценки.

Участие в сибирских кружках и землячествах, в студенческом движении, печатание фельетонов в одном из лучших российских сатирических журналов «Искра», публичные выступления в нескольких городах, стали причиной ареста в мае 1865 г. по делу о так называемом «сибирском сепаратизме». После ареста Ядринцев находился в омском остроге, в 1868 г. был отправлен в ссылку в Шенкурск Архангельской губернии. Итогом поселенческих лет стала книга «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб.,: 1872), посвящённая страшному миру каторги.

В истории русской литературы вклад Н.М. Ядринцева неоценим: превосходный сатирик-фельетонист, рассказчик, автор статей о судьбах литературы и литераторов Сибири, истории крестьянской общины, русской колонизации Сибири, положении крестьянства и русского рабочего класса. Автор фундаментального исследования «Сибирь как колония» (1882), название которого говорило о необходимости сибирской общественной самостоятельности. С 1882 г. Николай Михайлович издавал сибирскую газету «Восточное обозрение» и с 1885 г. приложение к ней – журнал «Сибирский сборник».

В 1888-1889, 1891 гг. Н.М. Ядринцев предпринял ряд археологических экспедиций в Минусинском крае.

синский округ, на Ангару, Байкал. Главным научным достижением Николая Михайловича стало открытие в 1889 г. в Монголии, на берегу реки Орхон, древнего города Каракорум – столицы Чингисидов XIII в. и города уйгуров Хара-Балгасун. В 1891 г. известный академик В.В. Радлов снарядил в эти места экспедицию, получившую название Орхонской (в её состав вошёл и Ядринцев). Экспедиция обнаружила нахождение памятника на китайском и древнетюркском языках, что позволило произвести расшифровку древних рунических текстов.

В 1874 г. Николай Михайлович женился на Барковой Аделаиде Фёдоровне, которая на протяжении 14 лет была верной помощницей во всех его трудах. В личной жизни он был счастлив непродолжительное время. В 1888 г. его жена ушла из жизни, оставив трёх малолетних сирот. Детей воспитывала её мать Александра Ивановна Баркова, которая любила зятя как сына. Через несколько лет после её ухода, опекушкой дочери и двух сыновей Николая Михайловича стала Ржевская Надежда Фёдоровна – родственница со стороны Барковых, проживавшая в небольшом имении Большое Село Рязанской губернии Пронского уезда.

Многолетние нечеловеческие нагрузки, неустроенные судьбы детей, многочисленные запущенные болезни, тяжёлое положение газеты «Восточное обозрение», личное одиночество, обострённое отказом вступить в брак со стороны А.С. Боголюбской, врача, которую давно любил, привели Николая Михайловича к душевной драме. В 1893 г. Ядринцев отправился в Барнаул для руководства статистическими работами, где 7 июня 1894 г. принял большую дозу опия, который принимал как болеутоляющее средство, ему было 52 года.

В 1904 г. в столице вышел биографический очерк «Николай Михайлович Ядринцев», составленный Михаилом Лемке. Сибиряки начали сбор средств на памятник на могилу, который был поставлен в Барнауле только к 10-летию со дня смерти Ядринцева.

Сразу же после известия о кончине Николая Михайловича, друзья озаботились судьбой троих его детей. Душеприказчиками были назначены Г.Н. Потанин, вместе с Ядринцевым стоявший у истоков сибирского областничества, и известный геолог Я.А. Макеров. Газета «Восточное обозрение» была продана, сиротам должны были выплатить единовременную сумму – 1000 руб. и в течение шести лет посылать ежегодно по 720 руб.

Судьба некоторых детей Н.М. Ядринцева оказалась не менее трагичной, чем судьба отца.

Больше всего известно о Ядринцевой Лидии (в первом браке Злобина, во втором Доброва (1885-1942), единственной любимой дочери Николая Михайловича. Оставшись после смерти матери трёхлетним ребёнком, она воспитывалась бабушкой и Н.Ф. Ржевской. В 1901 г. окончила Рязанскую гимназию, в том же году поступила слушательницей на Высшие женские курсы преподавателя всеобщей истории в Московском университете В.И. Герье. Своему опекуну Г.Н. Потанину девушка писала 14 сентября 1902 г., что дела идут отлично и настроение великолепное. В Москве Лида, помимо учёбы, занималась «свободным» искусством, делала успехи. Познакомилась с Еленой Суриковой, дочерью художника, которая училась на тех же курсах, а затем и с самим В.И. Суриковым. В 1902 г. она позировала художнику, который писал с неё портрет, а затем, как писала Потанину, Василий Иванович будет рисовать её в костюме боярыни: «Все в восторге и от портрета и от модели» (портрет Лиды Ядринцевой искусствоведам неизвестен – *авт.*).

По словам Н.Ф. Ржевской, Лида стала яркой поклонницей марксизма и творчества М. Горького. 21 января 1902 г. она вышла замуж за студента медицинского факультета Московского университета, потомственного дворянина Павла Владимировича Злобина (род. 1882), который родом был тоже из Рязанской губернии и знал Лиду с гимназических лет. Одновременно с женитьбой, Павел стал членом эсеровской партии (ПСР). За участие в студенческих забастовках, проходивших в 1902 г. по всем крупным городам России, он был арестован через несколько дней после свадьбы и посажен в одиночную камеру. В ночь на 10 февраля была арестована и Лида, но через несколько дней освобождена за неимением улик. После суда над мужем и приговора Л. Ядринцева-

Злобина отправилась за ним в ссылку. В 1906 г. П.В. Злобин был выслан в Енисейскую губернию, некоторое время находился в Красноярске, где местом поселения ему назначили с. Богучаны Енисейского уезда. Лидия Николаевна, имевшая к этому времени на руках малолетних детей, добивалась разрешения остаться в Красноярске, но безуспешно, несмотря на хлопоты известного историка В.И. Семевского и красноярского врача В.М. Крутовского.

15 апреля 1908 г. Лидия Злобина писала из Богучан Г.Н. Потанину: «Мой отец отдал всю жизнь любимой Сибири... Я хотела бы использовать своё случайное невольное пребывание в Сибири на пользу родины дорогого отца». Она просила Григория Николаевича похлопотать об оказании какой-либо материальной помощи, так как намеревалась открыть в селе ясли для детей до 10 лет, чтобы освободить деревенских женщин на время основных хозяйственных работ. Чем закончилось дело, неизвестно.

В годы Первой мировой войны П.В. Злобин работал в Земсоюзе. С 1918 г. семья жила в Москве. Павел Владимирович в 1919 г. восстановился на втором курсе медицинского факультета Московского университета, состоял секретарём в редакции журнала «Высшая школа», работал в сельской секции Центросоюза. Как член Московского бюро ПСР четыре раза арестовывался в 1919-1920 гг., в 1921 г. находился в Бутырской тюрьме, в том же году был «временно» освобождён. В феврале 1924 г. вновь был арестован и приговорён к двум годам заключения со строгой изоляцией, но из-за расстроенного здоровья выслан в Уфу на два года. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Лидия Николаевна, во втором браке Доброва, пошла по стопам отца, став этнографом и известным журналистом. Помимо сотрудничества в нескольких сибирских периодических изданиях, она выпустила в Новосибирске в 1925 г. книгу «Туземцы Туруханского края».

Сыновья Н.М. Ядринцева отнеслись к смерти отца спокойно. 11 июля 1894 г. В.И. Семидалов писал Г.Н. Потанину: «Вы ведь знаете, что и Лёва, и Коля – плохо учащиеся мальчики, оба взяты были из гимназии за плохие успехи... У них ни развилось ни любви к чтению, ни к занятиям. Коле 13 лет, но он совершенный ребенок со всеми атрибутами малоразвитого мальчика. Мальчики бросались из столицы в Рязань, были вне контроля родителей и бабушки, не мудрено, что из них вышли распушенные дети. Меня всегда беспокоила их судьба...».

Судьба сыновей Н.М. Ядринцева беспокоила и опекунов. Лев учился в гимназиях Петербурга, Рязани. После смерти отца его забрал и увёз в Полтаву статист и учитель Дмитрий Зверев. Льву Ядринцеву удалось выдержать экзамен на сельского учителя. В конце 1890-х гг. он служил в Рязанской казённой палате. Хорошо играл в любительских спектаклях, чем обратил на себя внимание Владимира Немировича-Данченко, предложившего юноше поступить в художественную школу. В 1903 г. друзья отца помогли Льву перебраться в Иркутск, где он дебютировал в «Сибирской газете», как журналист. В это же время подбирал документы об отце для М. Лемке, автора книги о Н.М. Ядринцеве. А в рязанской печати появились его стихи.

В 1918 г. Л.Н. Ядринцев – корреспондент газеты «Правда». На одном из заседаний Совнаркома, В.И. Ленин поинтересовался, не сын ли он Николая Михайловича. Услышав подтверждение, сказал, что высоко ценит деятельность его покойного отца. Мария Ильинична Ульянова однажды обратила внимание, что в жарко натопленной комнате, Лев не снимает верхнюю одежду. Оказалось, что его костюм пребывал в весьма ветхом состоянии. По записке Ленина в Моссовет, у Л. Ядринцева появилось пальто, костюм, новая рубашка и котелок. Очевидно, на складе не оказалось другого головного убора. В 1925 г. Лев писал репортажи для газеты, этим годом сведения о нём обрываются.

Трагически сложилась жизнь второго сына Н.М. Ядринцева – Николая (род 1881?). Мальчика готовили к поступлению в реальное училище, но он не выдержал испытания. Устроили учиться в землемерную школу, но из-за плохих оценок не допустили до экзаменов. Не закончив ни одного

учебного заведения, Николай Ядринцев служил вольноопределяющимся в 30-м пехотном Белостокском полку в Севастополе. Будучи ещё молодым, спился.

Ниже приводится подборка из четырёх писем Н.М. Ядринцева к детям и детей к нему. В них Николай Михайлович пытается сблизить детей друг с другом, кратко ставит в известность о своих занятиях, приводит какие-то милые подробности, которые могли быть интересны подросткам. Письма детей свидетельствуют о доверии и взаимной любви к отцу, о стремлении не огорчать его и желании чаще видеть.

«Большое Село. Нач. 1890-х

Мой милый папа. Крепко, крепко тебя целую, благодарю очень за письмо и за картинки: мне больше всего понравились киски, потому что, я их люблю, а в этот же вечер мою куклу обижали другие куклы; я ей подарила эти оба письма, она перешла жить к другому товарищу своему. Поставила картинку – мальчика – на шкаф, а «кисок» постелила вроде скатерти на столе, конечно, стол был вытерт и не пыльный, ты не думай, что «киски» запачатся.

Братьев за меня поцелуй, скажи, чтоб скорее приезжали, и ты также недолго живи в Рязани, приезжай к нам, мы тебя ждём. Прощай, милый папа. Всем поклонись от меня или вели Коле, чтоб поклонился. Твоя Лида.»

«28 мая (около 1888 г.)

Милый сыночек Колюшка, получил я в письме твои каракули и вижу, что у меня всё такой же мальчик маленький. Мама пишет, что ты умный и не капризничаешь. За это я тебя, когда приеду, крепко поцелую.

Лиду без меня береги. Поцелуй её крепко за папу. Я видел маленькую белочку у Егоровой, которую вы и видели с Лилей. Такая славная, а голос громче, чем у Лиды нашей.

Лилия теперь на даче с Раисой Павловной, а Паня¹ во вторник придет на три дня и будет обедать у меня, а потом поедет на дачу. Я всё смотрю, как мальчики играют в саду и думаю о тебе и Лёве. Приеду к Вам поиграть. Будь здоров. Поцелуй бабушку старую, маму и Лиду. Твой папа.»

«6 марта 1888 г., Иркутск

Милый мой сынок Лёвушка! Я получил твоё большое письмо с описанием, как ты провёл праздники. Думаю, что твой кашель давно уже прошёл, и ты ходишь в гимназию. Читал твоё письмо и папе крёстному Гр. Ник. Потанину. Он спрашивает о твоих успехах, как ты учишься. Будет рад видеть тебя умным и прилежным мальчиком.

Ты спрашиваешь, как я провёл праздник. Ты знаешь, что папа проехал 6000 вёрст до Иркутска,² переехал чрез реку Ангару, которая в декабре ещё не замерзала, так она быстра. Наконец, очутился в гостях у Потаниных³ и с удовольствием пил чай среди знакомых. На второй или третий день я был на ёлке в училище, где были все иркутские дети. Вообще на праздниках много было ёлок в училищах. Также я был в театре, где были собраны дети со всех училищ. Это был театр утром только для детей. После Нового года папа стал работать без устали над газетой, в новом месте много работы. Мы занимаемся вместе с Вологодским⁴ и живём на одной квартире. У Потаниных и Писаревых⁵ бываем в гостях. К нам ходят Макиров Яков Антонович⁶ и другие.

Пишу тебе на масленицу в последний день. Здесь снег уже начал таять и поэтому катанье плохое. Ждём весны. 15 или 20 марта тронется река. Если летом папа будет на озере Байкале, он опишет тебе его.

Орехов пошлю тебе. Янчуковский⁷ принёс папе в подарок чудесный коврик из мехов оленьих, привезён из Камчатки. Будь здоров, учись хорошенько. Твой папа Николай Ядринцев.»

«г. Москва, 1894 г.

Милый мой папа! В день твоего отъезда из Москвы, я занёс Семидалову⁸ твою карточку. Теперь он уже на новом месте.

Когда ты уезжал, то просил не огорчать тебя, то есть постараться выдержать экзамен, я не хочу тебя огорчать и никогда не хотел, но, к сожалению, приходится. Я был уже уверен, что выдержу экзамен и старался на последней неделе исправить сомнительные баллы, но судьба решила другое: инспектор Никитин захворал на целую неделю и я остался не причём. Всё зависело от счастья, но оно мне не улыбнулось, и меня теперь не допустят до экзаменов, хотя я, наверное, бы, выдержал. Ну, да делать нечего!...

Я долго боролся с собой после твоего отъезда с тем, чтобы засесть, как следует, за книгу. Не ходил даже в отпуск, чтобы не терять дорогое время, положительно, как говорится, зубрил – и что же!... достиг в заключение того, что меня не допустили до экзаменов.

Это меня ужасно убило и разочаровало, так что я хожу как сумасшедший и дожидаясь отпуска в Б.Село. Если бы я держал экзамен и провалился, то мне бы не было так обидно, как в настоящее время. Кроме того, что я потерял целый год, я принёс тебе много неприятностей, которые я вполне сознаю. Лето я хотя бы проведу в Большом Селе, но эти каникулы опять для меня не будут отрадными и весёлыми, т.к. бабушка⁹ будет стараться, по всей вероятности, почаще напоминать мне об том, что я остался в том же классе и т.п. Я сам вполне понимаю своё положение и то, что много неприятностей и затруднений приношу близким своими неуспехами.

Пока прощай! Прошу извинения, что не исполнил своего обещания перейти в следующий класс. Пока не пишу много, т.к. сильно взволнован, но по приезде в Б.Село я тебе напишу. Целую тебя крепко и желаю тебе успехов в трудах и здоровья. Остаюсь, любящий тебя, Н. Ядринцев.»

2011

Литература:

1. Государственный архив Красноярского края. Ф.217. О.2 Д.10 Л.1-5 об, 10-13 об.
2. Красноярский краевой краеведческий музей. О/Ф 7928/1315-974, 7928/1315-953, 7928/1315-971, 7928/1315-1319, 7928/1316-1322, 1323, 7928/1315-2318.
3. Литературное наследство Сибири./ Т.4-5. – Новосибирск: 1979, 1980.

Примечания:

¹ Вероятно, знакомые Ядринцевых по Рязани.

² В начале 1888 года Н.М. Ядринцев выехал в Иркутск, куда переводил свою газету «Восточное обозрение».

³ Потанин Г.Н. и его жена Александра Викторовна, известная путешественница.

⁴ Вологодский Петр Васильевич (род. 1863), адвокат. Родом из Канского округа. Служил по судебному делу в Иркутске. Сотрудничал в ряде сибирских изданий, был близок к областникам.

⁵ Семья Писарева Михаила Яковлевича (1846-1891), одного из создателей газеты «Сибирь», друга Н. М. Ядринцева.

⁶ Макеров Яков Антонович (1860-1940), геолог. Проводил разведки месторождений золота в Забайкалье и Амурской области, на Алтае. Автор 13 работ по геологии Сибири.

⁷ Янчуковский Анатолий Викторович (ок. 1850-1903), горный инженер. Несколько лет прослужил на Амуре. Печатался в «Восточном обозрении» и «Сибирском сборнике».

⁸ Семидалов Вениамин Иванович (1865-1917), врач, журналист. Родом из Енисейска. Работал в больницах Красноярска, Москвы. Член Московского землячества сибиряков.

⁹ Ржевская Н.Ф.

Е.И. Кочкина,

г. Красноярск

К биографии Вениамина Степановича Боровца — исследователя гражданской войны в Сибири

Память о гражданской войне не всегда правильно и бережно удаётся сохранить. «А если народ забывает свою историю, она трагически повторяется! Необходимо осознание того, что гражданская война – это трагедия, которая и сегодня занозой сидит в нашем обществе». Данной

проблемой пронизано всё творчество красноярского историка, литератора и краеведа Вениамина Степановича Боровца, который всю свою жизнь посвятил изучению и осмыслению истории гражданской войны на территории Сибири.

Вениамин Степанович Боровец родился в 1939 г. в Красноярске. Его отец работал в Красноярском НКВД, с первых дней войны был призван в армию. Мать умерла, когда мальчику было два года. Детство провёл у дедушки и бабушки в деревеньке Денисово Дзержинского района Красноярского края.

После демобилизации отец привёз Вениамина с сестрой на Кубань. В 1956 г. Вениамин Степанович окончил Тульскую среднюю школу № 1. Затем переехал в г. Канск, работал грузчиком, токарем на заводе. Потом служил в советской армии, где был водителем и командиром отделения. После армии работал в Красноярске, окончил исторический факультет педагогического института. С увлечением историей начал писать на разные исторические темы. Публиковал статьи, посвящённые гражданской войне на территории Сибири, в научных изданиях и периодической печати.

В 1976 г. опубликовал повесть «Огненные вёрсты» – о партизанах Сибири. В 1991 г. вышла его повесть о гражданской войне в Сибири – «Бурям навстречу». В 1995-1998 гг. принимал участие в составлении «Енисейского энциклопедического словаря», будучи членом редакционной коллегии. В те же годы публикует главы из повести «Таёжный пал» – о восстании в Сибири в 1931 г.

В 2001 г. выходит в свет его книга «Зазубринские костры», в которой автор повествует о талантливом писателе-большевике Владимире Яковлевиче Зазубрине (автор первого советского романа о гражданской войне в России – «Два мира»). Изучая жизнь и творчество В.Я. Зазубрина (Зубцова) обнаружил, что «партизанский период писателя-бойца – это белые страницы в его биографии, потому и решил их заполнить».

«В юности мечтал, что напишу такую «вещь», которую до меня не создал ни один писатель! Жизнь бросала меня в такие бури и вихри, что порой, было не до литературы... Когда чуть-чуть стихали грозы – вновь брался за перо. Было о чем рассказать людям!» – писал В.С. Боровец. Литератора очень волновала наша трагическая история – гражданская война. Изучил десятки тысяч архивных документов красных и белых, много беседовал с очевидцами тех событий, участниками партизанского движения, собирал их воспоминания о партизанах, карателях, интервентах. Результатом его исследований стали книги, одна из которых – «Вечный крест», вышедшая в свет в 2006 г. Книга состоит из романа-эссе «Вечный крест» и повести «Тасеевцы», посвящённой «вожакам Тасеевской партизанской республики, её бойцам и командирам; славным рыцарям революции – канским чекистам». Презентация романа состоялась в 2008 г. в Литературном музее им. В.П. Астафьева, там же полковник А.В. Машарский наградил Вениамина Степановича медалью «За мужество и гуманизм».

С 2002 г. В.С. Боровец принимает участие в реализации проекта летней образовательной программы «Тасеевская партизанская республика: взгляд из XXI века», где молодое поколение воспитывается на героических страницах истории, ведь «любовь к родной земле, к родному краю начинается с познания глубинных корней жизни своего народа». В.С. Боровец провёл участников дорогами гражданской войны – по памятным партизанским местам, поведал о военных событиях. Они, проходя партизанскими тропами, исследуют окопы, блиндажи, устанавливают памятные знаки на местах партизанских сражений, посещают памятники времён гражданской войны в Тасеевском районе. В небольшой д. Шеломки жителями при участии Вениамина Степановича был реставрирован «Колодец на крестах» – памятное историческое место, где в 1919 г. колчаковцы и чехи топили и вешали красных партизан. А в соседней д. Денисово участниками летней программы был установлен памятный знак «Судная изба», где в 1919 г. находилась «резиденция» старосты деревни, в которой белогвардейцы расправлялись с семьями партизан. В с. Троицкое, на берегу Усолки водружен памятный знак неподалеку от безымянного памятника. В этом месте

по приказу колчаковского штабс-капитана Шошина были расстреляны из пулемётов и брошены в реку более 100 человек – жителей Троицкого. Многие исторические места посетил и описал В.С. Боровец, в т. ч. места партизанских боёв в Тасеевском районе: Кондратьево, Макарово, Шеломки, Дзержинское (Рождественское), Улюколь, Тарай, Большая Степь, Кандарей, Тасеево, Кайтым.

Известный в крае литератор проживает в г. Красноярске. Основной темой его творчества и исследовательской деятельности является история партизанского движения в Сибири. Изучением данной темы он занимается более 40 лет. Много работает с издательством «Красноярский писатель». Тираж книг Вениамина Степановича небольшой (до 400 экз.), поэтому публикует главы в красноярских газетах для обширного круга читателей. Рукописи своих работ передал на хранение в Государственный архив Красноярского края, в Красноярский краевой краеведческий музей. В Канске хранится рукопись «Зазубринские костры», ведь в этом городе В.Я. Зазубрин написал свой роман. Несколько своих трудов и документов подарил районным и сельским библиотекам, образовательным учреждениям.

В связи с тем, что «красные» в России победили, на территории Сибири находится большое количество памятных мест, посвящённых данному движению и революционному прошлому, и все они требуют бережного отношения, часто реставрации. Сегодня Вениамин Степанович активно воплощает идею сохранения и популяризации истории гражданской войны в Сибири. Он пишет: «В пожаре Гражданской войны сторали не красные и белые, – а просто русские люди. Этот страшный огонь не щадил никого. Брат поднял руку на брата! Сын на отца! Отец на сына! Русский на русского...» Им был собран большой ценный материал, свидетельства того времени, например, это личные вещи партизанского вожака Е.К. Рудакова и бойца В.Г. Яковенко, их он передал в музей В.И. Ленина в Красноярске, в Канский краеведческий музей и Тасеевский исторический музей. В.С. Боровец тридцать лет добивался увековечивания имён партизанских командиров: Ефрема Константиновича Рудакова, Ивана Леонтьевича Шадрина, Петра Яковлевича Быстрова. Он добился, но считает, что этого мало, ведь слишком много забытых имён и событий, заброшено, вычеркнуто из памяти. Утеряны многие могилы, цепи памятников, а памятники «белым» практически отсутствуют.

«Гражданская война – это страшная человеческая драма и незаживающая кровоточащая рана на теле России... Почти век прошёл с этого грозного лихолетья, а народ всё помнит. Нас особенно волнуют события той далёкой грозовой поры в Сибири», – пишет В.С. Боровец.

2011

Литература:

1. Боровец В.С. Зазубринские костры: повесть. – Красноярск: Книжное издательство, 2001. – 205 с.
2. Боровец В.С. Огненными тропами: очерк. – Сельский труженик: общественно-политическая газета Тасеевского района. – 2004. - № 157/159.
3. Боровец В.С. 110 лет со дня рождения писателя В.Я. Зазубрина (Зубцова). – Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2005 г./ Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. Края. – Красноярск: ГУНБ, 2004. – С 58-60.
4. Боровец В.С. Вечный крест. Тасеевцы: роман-эссе; повесть. – Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2006. – 540 с.
5. Боровец В.С. Огненными вёрстами. – Красноярская газета. – 2007. – 20 ноября, № 80. – С. 3.
6. Боровец В.С. Пламя в ладонях. – Красноярская газета. – 2008. – 20 октября, № 54.
7. Боровец В.С. Об исторической правде. – Красноярская газета. – 2010. – 14 сентября, № 57. – С. 2.
8. Карпунин К. Ничто не забыто: (интервью с писателем В. С. Боровец). – Енисейские встречи: альманах/ Лит. музей им В. П. Астафьева. – Красноярск: ЛИТЕРА – принт, 2008. – Вып. 1. – С. 147-152.
9. Козырев А. Тасеевскому району – 85 лет. – Дзержинец. – 2000. -7-23 сентября, № 107-115.

10. Наумов С. О той единственной, гражданской. – Красноярская газета. – 2008. – 29 февраля, № 14/15. – С. 5.
11. Романов М. Жил, судьбы не выбирая. – Маяк. – 2006. – 21 февраля, № 13. – 3 с.
12. Семёнов Д. Тасеевский тракт: вехи истории. – Красноярская газета. – 2008. – 29 февраля, № 14/15. – С. 5.
13. Шанин В.Я. Имя собственное: литературные портреты. – Красноярск: «Буква С», 2010. – 189 с.

Л.А. Кривченко,
г. Хабаровск

Из истории жизни эмигрантской поэтессы Лариссы Николаевны Андерсен

Исполняя генеалогические и биографические запросы граждан, очень часто приходится обращаться к архивному фонду «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (БРЭМ), документы которого очень популярны и известны во всем мире. Сотни людей нашли информацию о своих родственниках-эмигрантах благодаря этому уникальному кладезю человеческих судеб. Просматривая эти документы, невольно представляешь, чем жили люди нач. XX в., о чём мечтали, что волновало и тревожило их души. Очень часто возникает желание узнать – живы ли они и как сложилась их жизнь после эмиграции.

Имея под руками уникальные эмигрантские документы, невозможно было подавить искушение познакомиться с жизнью бывшей хабаровчанки, а позже известной эмигрантской поэтессы Лариссы Андерсен. Было любопытно проследить судьбу человека только по документам, хранящимся в Государственном архиве Хабаровского края. Например, по архивному фонду документов культовых учреждений Дальнего Востока можно было бы найти её рождение, зафиксированное в одной из метрических книг г. Хабаровска, но выявление этого факта в добром десятке объёмных дел за 1911-1914 гг. не дало положительного результата. Во время поиска учитывались разные варианты фамилии, однако упоминаний о семье Андерсен не оказалось и в «Адрес-календаре и торгово-промышленном указателе Дальнего Востока и спутнике по Сибири, Маньчжурии, Амuru, Уссурийскому краю» И.С. Кларка за 1910, 1911 и 1913 годы.

В личном деле Лариссы Андерсен,¹ хранящемся в архивном фонде БРЭМ, всего семнадцать листов: документы о ней и её муже Якубовиче Михаиле Петровиче с анкетами и биографическими сведениями, фотографиями. Привлекло внимание карандашное исправление букв в справочных документах об отце Лариссы, так была установлена её настоящая фамилия – Адерсон и там же, в БРЭМе, было найдено личное дело её отца Адерсона Николая Михайловича,² в котором сохранилось фото главы семьи, анкетные и очень подробные биографические сведения.

Из биографической анкеты Николая Михайловича стало известно, что он – потомственный дворянин Херсонской губернии, родом из г. Бар Подольской губернии. Его отец, Михаил Адерсон, дослужился в императорской армии до генерала. Сыну так же предначертана была судьба военного, поэтому Николай Михайлович окончил кадетский корпус в Полтаве и Одесское военное училище. В 1901 г. Адерсон прибыл на Дальний Восток, где начал службу в Первом Уссурийском железнодорожном батальоне на Уссурийской железной дороге, исполняя обязанности помощника и начальника станций Гродеково, Хабаровск, Вяземская. В 1903 г. Николай Михайлович был переведён в 23 Сибирский стрелковый полк, участвовал в русско-японской войне адъютантом Второго Сибирского запасного батальона по отражению японского десанта в Де-Кастри. Н.М. Адерсон был очень энергичным человеком, за время службы с 1904 по 1913 гг. был и на строевых и на хозяйственных должностях, состоял защитником при военно-окружном суде и даже заведовал полковым лазаретом в течение четырёх лет.

В 1914 г. Адерсон убыл в составе 23 Сибирского стрелкового полка 6 Сибирской дивизии на войну, где во время сражения с немцами, Николай Михайлович был контужен под Лодзью и пле-

нён. Только спустя четыре года Адерсону удалось добраться до Хабаровска, где он поступил в распоряжение штаба Приамурского военного округа, и с 1918 по 1920 г. работал так же в газете «Приамурье» в г. Хабаровске сотрудником, бухгалтером и заведующим типографией. В 1920 г. был арестован большевиками, затем освобождён японскими войсками от казни.

В 1920 г. семья Адерсон выехала во Владивосток, где Николай Михайлович устроился преподавателем английского языка переехавшего на Русский остров Хабаровского кадетского корпуса. Спустя два года, после взятия власти в г. Владивостоке большевиками, семья эмигрировала в Маньчжурию и обосновалась в г. Харбине. Военный чин отца Лариссы – полковник. За участие в боевых операциях имел высшие награды: ордена Святого Станислава II и III степеней, Святой Анны III степени и Анны II степени с мечами. Однако, чтоб его семья ни в чём не нуждалась, он не избегал никакой работы: преподавал в гимназиях английский язык, подрабатывал частными уроками, работал счетоводом, бухгалтером, ревизором на КВЖД, секретарём в Епархиальном Совете, некоторое время даже служил в мастерской игрушек, получая за это 120 гоби в месяц. Семья жила очень скромно из-за отсутствия материального достатка, а Николай Михайлович, как мог, обеспечивал своих родных. В его личном деле есть прошение и составленный им «список работ, которые он может исполнять: технические переводы, библиотечное, архивное дело, преподавание английского языка, бухгалтерские, счётные, типографские, электро-слесарные и монтажные работы, включая зуботехническое дело. На прошении стоит резолюция генерала А.П. Бакшеева, одного из руководителей Бюро по делам русской эмиграции: «Был бы полезен» и дата – 12 декабря 1935 г. О порядочности Николая Михайловича Адерсона свидетельствуют так же многочисленные отзывы людей, с которыми его сталкивала судьба:

«Знаю его как человека твёрдых правых убеждений, политически и морально благонадёжного, хорошего работника, который может проявить инициативу в деле. По своему характеру – он человек общительный, спокойный и в высшей степени честный. А.Г Рыбаков».

«...Человек в высшей степени интеллигентный и культурный. Старый офицер...со всеми старается жить в мире. Е.Н.Сумароков».

С удовольствием занимался Н.М. Адерсон и общественной работой: служил секретарём и членом правления Русского общественного комитета, в Харбине с 1931 г. был членом и учредителем Русского национального Союза, секретарём по избранию Российских военных ветеранов, секретарём Всеславянской Лиги. Сам Николай Михайлович писал председателю Бюро по делам российской эмиграции:

«...Что касается моей работы, Вам лично уже известна моя энергия и работоспособность».

К сожалению, о супруге Н.М. Адерсона, матери Лариссы Андерсен, информации нашлось совсем немного: Евгения Иосифовна занималась домашним хозяйством, умерла в кон. 1930-х гг. из-за затяжной болезни.

Из личного дела Лариссы Андерсен³ известно, что её семья обосновалась в Харбине, где Ларисса с 1923 по 1929 г. училась в гимназии Оксаковской и занималась балетом. После окончания гимназии подрабатывала частными уроками. В одном из документов её личного дела значится:

«По профессии – танцовщица. Также занимается литературным трудом, сотрудничает в газетах и журналах. Принимала участие в работе литературного кружка «Чураевка» при Христианском Союзе молодых людей. Там же придумала себе литературный, а впоследствии и сценический псевдоним – «Ларисс Андерсен».

Итак, выяснилось, что настоящая фамилия Лариссы Андерсен – Адерсон. Что же касается имени, то в метрических книгах церковей нач. XX в. в правописании имени Лариса значится действительно двойная «с». Будучи творческой натурой Ларисса Николаевна взяла себе красивый по звучанию псевдоним, прибавив согласную букву «н» и заменив гласную букву «о» на «е» в действительной фамилии.

В 1933 г. её пригласили в Шанхай, где она работала в редакции журнала «Прожектор», затем – в кабаре и ресторанах – танцовщицей. В мае 1935 г. она вышла замуж за инженера-строителя Якубовича Михаила Петровича.

В анкете Якубовича М.П.⁴ из единого с Лариссой личного архивного дела, в графе «семейное положение» имеется запись: «Женат церковным браком в г. Шанхае 24 мая 1935 г. Жена – Ларисса Николаевна Адерсон, родилась 24 ноября 1911 года в г. Хабаровске». Много позже о том, что Ларисса убавила себе несколько лет, писал и Валерий Юрьевич Янковский, российский писатель и друг юности. Известной поэтессе исполнится в 2011 г. 100 лет!

В 1936 г. Ларисса с мужем возвратились в Харбин, где Михаил Петрович оканчивал своё образование, а она занималась танцами и в 1938 г. ездила с балетной труппой в артистическое турне в Японию. Брак Лариссы с Якубовичем был недолгим: постоянные гастроли Лариссы как танцовщицы и командировки мужа не способствовали его укреплению. В мае 1939 г. брак был расторгнут.

В личном деле Лариссы Андерсен⁵ есть её фотография, с которой смотрит красивая молодая особа с глазами человека, много повидавшего, в жизни которого события сменялись как декорации. В дополнение к анкете Лариссы Андерсен с биографическими сведениями, заполненной 29 декабря 1939 г., в её деле имеются личные впечатления опрашиваемого от общения с ней: «Развитая, вдумчивая, спокойная. Держит себя скромно, даёт исчерпывающие ответы. Одета очень скромно, но чисто и аккуратно. Выше среднего роста, тёмная шатенка, гладкая причёска, косметика отсутствует».

В журналах «Рубеж» за 1940 г.⁶ напечатаны не только стихи Лариссы Андерсен, но и её откровения. Писала эта вдумчивая, тонкая и очень скупая на слова поэтесса только тогда, когда не писать не могла. Работать подолгу над стихами она не согласна: «Мне даже как-то обидно пассивно сидеть с карандашом, ведь когда-то мечтала быть джигитом или пожарником», – признавалась она.

Жизнь Лариссы сложилась подвижная, непоседливая: «Вечно куда-то бежали, – говорила поэтесса. – Так и живу: то убегаю от чего-то, то за чем-то гоняюсь». И «в счастье» она не верила. «У поэтов не бывает счастья, потому что они – ротоzeи и чудаки, потому что...

*За всё терновою наградой
Нам не рай обещан голубой,
А тоской пронизанная радость
И охваченная счастьем боль».*

Ларисса уверена, что «поэзия – это хроническая болезнь». От этого «недуга» поэтессу спасали танцы. «Танцы – это уже другое. Это живёт в теле, и это приятно вытанцевать. Необходимо почувствовать ритм руками, ногами и лицом. Девочкой я выплясывала, забираясь в рошу. Распускала волосы. На сцене – это хуже. Но ведь деревья не покупают билетов!..»

Перед Лариссой мысленно пролетала вся её жизнь, и она представляла: «Когда я буду старая и слабая, я буду сидеть в кресле и покачиваться в такт затихающей музыке в моём теле. А писать много буду только тогда, когда меня посадят в тюрьму или отрежут ноги».

К 1940 г. в арсенале поэтессы была сотня стихотворений и два-три рассказа, наконец-то вышел сборник из её стихов «По земным лугам» – это не много. Соратники по перу писали тогда, что «на всём, что пишет эта поэтесса, лежит печать большого дара наблюдения, запоминания и умения выражать мысли по-своему, ярко, смело и ново».

А Ларисса Андерсен всего лишь навсегда жила как умела и в стихах выражала именно то, что её в тот или иной период жизни волновало:

*«...Каждодневные задачи
Не враждебны, не пусты,*

Потому что мир твой значит

*То, что значишь в мире ты».*⁷

В личном деле Лариссы Андерсен нет сведений о её дальнейшей жизни. А её отец Николай Михайлович Адерсон оставался до 1944 г. в Маньчжурии, какое-то время жил в имении «Новина» Юрия Михайловича Янковского в Корее, затем уехал в Шанхай. Из книги Т.Н. Калиберовой «Одна на мосту» известно,⁸ что Ларисса устроила фиктивный брак отца с Валентиной Эллерс, вдовой расстрелянного белогвардейского офицера. Они благополучно переехали в Канаду.

Лариссу долгое время не выпускали из Китая без объяснения причин. Судьба словно испытывала эту хрупкую женщину на прочность, принесла ей тяжёлую болезнь, заставив вновь бороться за жизнь. И всё же она заслужила счастье – провидение подарило ей встречу с Морисом Шезом, представителем французской судоходной компании. Скрепив брачные узы в трёх канцеляриях – китайской, советской и французской, новобрачные покинули Шанхай.

Ныне Лариса Андерсен живет в местечке Иссанжо во Франции, любясь гигантскими елями и пасторальными пейзажами. Черода прожитых непростых лет почти не изменила её облик. На фотографиях из книги Т.Н. Калиберовой она всё такая же красивая и изящная, так же светел её лик, так же притягивает её взгляд. И очень хочется, чтобы Ларисса Николаевна обязательно встретила свой 100-летний юбилей, а её земляки читали бы её стихи, отдавая дань уважения этой замечательной и самобытной поэтессе.

2011

Примечания:

¹ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.1126. Л.10-17.

² ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.454. Л.1-39.

³ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.1123. Л. 10-17.

⁴ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.1123. Л.1-3.

⁵ ГАХК. Ф. Р-830. О.3. Д.1123. Л.10-17.

⁶ Харбинские писатели и поэты.// Рубеж.-1940.-№24(645).– С.123-124.

⁷ Рубеж. - 1940.- № 31(652).– С.138.

⁸ Калиберова Т.Н. Одна на мосту.- Москва.- Русский путь.– 2006.- С.33-34, 417-418.

Е.П. Мамышева,

г. Абакан

Г.П. Бытозов (1902-1938 гг.)

Общественно-политическая деятельность представителей национальной интеллигенции Хакасии, их вклад в происходящие в стране и в регионе модернизационные процессы 1920-1930-х гг. длительное время замалчивались и не получили должного освещения в рамках советской историографии. Одним из видных участников советского строительства был Георгий Павлович Бытозов.

Впервые к личности Бытозова обратился известный хакасский исследователь К.М. Патачаков.¹ В статье, вошедшей в сборник, выполненный на хакасском языке, он впервые отметил, что в 1920-1930-е гг. в среде известных работников культуры и народного образования особым авторитетом пользовался Г.П. Бытозов.² Его имя также упоминает алтайская исследовательница Н.М. Киндикова в работе, посвящённой проблеме создания школьных учебников в автономных областях Сибири в 1920-1930-е гг. В частности она отмечает, что судьба многих составителей учебников остаётся неисследованной, «но в документах ФСБ числятся фамилии алтайца Н.А. Каланакова, хакаса Г.П. Бытозова, телеута Г.М. Токмашёва (Дело № 17702)».³

Бытозов Г.П. родился в 1902 г. в с. Аскиз. После окончания школы в с. Аскиз он учился в Минусинской гимназии, после чего получил право преподавать в школах. Свой первый учительский опыт Георгий Павлович получил в 1921-1922 гг. в Усть-Киндирлинской школе. В 1923 г. молодой

учитель был приглашён на советскую работу, его избрали членом Усть-Есинского волостного совета, а после объединения в 1924 г. Аскизской и Усть-Есинской волостей в Аскизский район – членом исполкома Аскизского райсовета.⁴ Участие в советском строительстве требовало определения партийной принадлежности, поэтому в том же 1924 г. Бытогов вступил в ряды РЛКСМ. началось его продвижение по комсомольской линии.⁵

Вместе с другими представителями хакасской молодёжи (в их числе были Иван Владимирович Тогдин, Сергей Петрович Мамышев и др.) по решению окружного комитета ВКП(б) он был направлен на учёбу в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока, который являлся кузницей кадров проводников идей коммунизма. Как отмечают исследователи, у зарубежных авторов складывалось такое впечатление о данном учебном заведении: «Позади большого монастыря..., стоит неприглядное двухэтажное здание, в котором фабрикуются люди-бомбы. Сотни юных восточников – якуты, монголы, тувинцы, узбеки, корейцы, афганцы, персы воспитываются там в продолжение трёх лет для того, чтобы у себя на родине взорвать всё старое».⁶

В ноябре 1925 г. Бытогов обратился в бюро ячейки РКП(б) КУТВ с заявлением о готовности вступить в ряды партии коммунистов.⁷ В его характеристике, данной общим собранием парткружка II курса КУТВ, отмечалось: «Выдержанный комсомолец. Партийными вопросами интересуется, ведёт политкружок I ступени. Товарищеские отношения хорошие».⁸ Фракция РКП(б) землячества пролетарского студенчества Ойратской области поддержала Бытогова и рекомендовала его для вступления в РКП(б) как активного и политически грамотного члена землячества.⁹

В период летних каникул Бытогов успевал принимать участие в советском строительстве у себя на родине. Об этом факте свидетельствует сохранившееся в архиве удостоверение, выданное в августе 1925 г. Аскизским районным исполнительным комитетом в том, что «студент КУТВ товарищ Бытогов П. в период летних каникул работал в качестве уполномоченного по налоговой компании в Аскизском районе, а также производил обследование сельских советов».¹⁰ При этом ответственные работники отмечали, что студент к проводимой работе относился добросовестно и выполнял её успешно.

После возвращения в 1927 г. из Москвы выпускник КУТВ активно включился в советское строительство, возглавив отдел народного образования Хакасского округа. В том же 1927 г. он принял участие в подготовке и публикации юбилейного сборника «10 лет Советской власти» на хакасском языке. В следующем 1928 г. Бытогов был избран председателем правления краеведческого общества, которое объединило любителей истории в количестве 55 человек.

В 1928 г. решением бюро Хакасского окружкома партии Бытогова включили в состав окружкома нового тюркского алфавита (НТА), который был призван провести в Хакасском округе кампанию по переводу хакасского кириллического алфавита на латинскую основу.¹¹

В начале 1930 г. по решению Хакасского окрисполкома Георгий Павловича направили руководителем курсов по подготовке советских кадров. Вскоре названные курсы были переданы в введение советско-партийной школы, а Бытогова направили в Хакасское книжное издательство, где вплоть до 1934 г. он принимал участие в издании учебников на хакасском языке совместно с Самриным К.К., Тодышевым К.С., Казанаквым А.Т.

Г.П. Бытогов был талантливым человеком, что позволило ему совместить работу в книжном издательстве с преподаванием хакасского языка в Абаканском педагогическом училище.

В пер. пол. 1930-х гг. по Южной Сибири прокатилась волна репрессий против «национал-уклонизма». В нач. 1930-х гг. органы ОГПУ рассматривали дело по деятельности контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрков».

В обобщающей сводке на январь 1934 г. в числе членов организации было названо свыше 130 человек. С января по апрель 1934 г. в Южной Сибири было арестовано 37 человек, среди которых значились хакасы К.А. Майтаков, Н.А. Аёшин, К.И. Коков, А.Г. Шулбаев, А.М. Топанов, И.Т.

Боргояков, В.И. Сунчугашев, алтайцы Г.И. Гуркин, В.К. Манеев, Л.М. Эдоков, Г.М. Токмашёв, А.С. Тельгерек, И.И. Зяблицкий, шорцы Я.И. Тельгерек, Ф.Т. Кусургашев.

Аресты создавали на местах обстановку настроенности и недоверия. В Хакасии были проведены многочисленные проверки отдельных сотрудников и целых отделов на предмет политической выдержанности. Отделом культуры и пропаганды ленинизма Хакасского обкома ВКП(б) была проведена проверка качества и идейно-политической выдержанности издаваемой и переводной литературы на хакасском языке. Заведующий отделом культуры и пропаганды И. Киштеев возлагал на себя и членов своего отдела всю ответственность «за проникновение националистических элементов в издательское дело». В докладной записке выражалось явное сожаление о том, что было установлено сотрудничество с названными людьми, что было допущено «ослабление классовой бдительности, неудовлетворительное выполнение указаний обкома в области проверки качества изданий и переводов национальной литературы».¹²

В докладной записке, составленной по результатам проверки, было отмечено, что среди арестованных «по делу контрреволюционной националистической группировки имеется 16 человек работников культурного фронта, из них 6 человек наиболее активных авторов и переводчиков хакасской национальной литературы».¹³ В последнем списке значился и Бытогов. В нач. 1934 г. он был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрок». 31 августа 1934 г. спецколлегия Западно-Сибирского суда приговорила Бытогова Г.П. к двум годам ИТЛ.¹⁴ В тот же период Бытогова рекомендовали на руководящую работу в Аскизское районо, однако, Георгий Павлович предпочёл ей работу учителя в Усть-Чульской семилетней школе.¹⁵ Шлейф «врага народа», тянувшийся за ним, не позволил ему учительствовать. По доносу «доброжелателей» Бытогова вновь заподозрили в антисоветизме, вследствие чего ему запретили заниматься педагогической деятельностью. Тогда он поступил работать счетоводом в Аскизскую сберкассу, где ему практически работать не пришлось. В октябре 1937 г. Бытогов был вновь арестован начальником Аскизского РО НКВД Потаповым по обвинению в том, что продолжает активную деятельность в контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрок», которая планирует путём вооружённого восстания отделить Хакасию от СССР и создать буржуазно-националистическое государство под протекторатом Японии.¹⁶ Постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР 13 июля 1938 г. был приговорён к высшей мере наказания, которая была приведена в исполнение в тот же день.

Г.П. Бытогов был реабилитирован посмертно в 1959 г. постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР за отсутствием в его действиях состава преступления.

Трагичная судьба Г.П. Бытогова была типична для многих представителей национальной интеллигенции того времени. На примере одного человека – участника советского строительства, выросшего при поддержке коммунистического режима – прослеживается комплекс репрессивных механизмов и методов воздействия власти на представителей региональной политической элиты, в деятельности которой она увидела возможную оппозицию.

2011

Примечание:

¹ Патачаков К.М. Люди земли хакасской. Краеведческое пособие для учащихся. (на хак. языке). Абакан, 1990. С. 78-80.

² Патачаков К.М. Указ.соч. С. 78.

³ Киндикова Н.М. Алтайцы в контексте истории (этнокультурологический аспект)// Филология и человек. Барнаул, 2008. № 1. С. 99.

⁴ Государственное казённое учреждение Республики Хакасия (далее ГКУ) «Национальный архив». Отдел документов новейшей истории (далее ОДНИ). Ф.1. О.2А. Д.19. Л. 1А.

⁵ Там же.

⁶ Харунов Р.Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.). Абакан, 2009. – С.67.

⁷ ГКУ «Национальный архив», ОДНИ. Ф.1. О.2А. Д.19. Л. 5.

⁸ ГКУ «Национальный архив», ОДНИ. Ф.1. О.2А. Д.19. Л. 6.

⁹ ГКУ «Национальный архив», ОДНИ. Ф.1. О.2А. Д.19. Л. 7.

¹⁰ ГКУ «Национальный архив», ОДНИ. Ф.1. О.2А. Д.19. Л. 9.

¹¹ ГКУ «Национальный архив», ОДНИ. Ф. 1. О.1. Д.222. Л. 63.

¹² ГКУ «Национальный архив», ОДНИ. Ф. 2. О.1. Д.299. Л. 50.

¹³ Мамышева Е.П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917-1941 гг.: история, опыт, проблемы. Абакан: Изд-во «Бригантина», 2011. – С. 185.

¹⁴ Абдин Н.С., Абдин В.Н. Политические репрессии в Аскизском районе Хакасии (1920-1950). - Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. – С. 66, 67, 75.

¹⁵ Патчаков К.М. Указ.соч. – С. 80.

¹⁶ Там же.

Ю.К. Махно,

г. Абакан

Письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому: текст и комментарии

О взаимоотношениях художника-мыслителя, гения русской литературы Л.Н. Толстого и философа-правдолюбца, автора знаменитого памфлета «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство» сибирского крестьянина написана многочисленная литература.³ Высказаны разные точки зрения на их характер.⁴ Однако, один из сюжетов их взаимоотношений «Письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому» остаётся малоизученным. Опубликовано 11 писем писателя к крестьянину-самородку, а несколько его писем до сих пор неизвестны.

Всего известно 23 письма Бондарева к Толстому, которые хранятся в Государственном музее А.Н. Толстого в Москве, 7 из них опубликованы в журнале «Русская литература»,⁵ фрагменты некоторых писем Бондарева опубликованы в Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого.⁶

Письма, написанные малограмотным крестьянином, не имеющим представления о нормативной лексике, тонкостях грамматики. Письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому не подлежат редактированию с позиции современного русского языка, т.к. они являются историческим источником, освещающим жизнь и деятельность крестьянского философа.

В начале июля 1885 г. Л.Н. Толстой получил от политических ссыльных, сотрудников Минусинского музея Л.Н. Жебунёва и В.С. Лебедева, рукопись Бондарева. Прочитав её, Лев Николаевич написал В.С. Лебедеву следующее письмо: «Вчера я получил через редакцию «Русской мысли» рукописи Бондарева, присланные вами. Моё мнение, что вся русская мысль (конечно, не журнал), с тех пор, как она выражается, не произвела со своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказывали два мужика – Сютяев и Бондарев. Это не шутка и не интересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества... Очень, очень вам благодарен за сообщение мне этой рукописи; она произвела на меня, большое влияние и будет иметь на мои работы большое влияние. Пожалуйста, сообщите мне ещё подробности о Бондареве: 1. его звание, семейное положение, его религиозные убеждения».⁷

Вся переписка Бондарева и Толстого пронизана взаимным чувством любви и уважения друг к другу («В целом мире и во всем свете один только искренний друг мой Лев Николаевич» – 1 декабря 1885 г.; «Единственный в целом мире друг души и сердцу моему Лев Николаевич» – 9 сентября 1891 г.; «...душа души моей Лев Николаевич» – 31 августа 1891 г.; «Уважаемый друг и брат Тимофей Михайлович» – 1-20 (?) марта 1886 г.; «Дорогой друг Тимофей Михайлович» – 19-26 августа 1895 г.; «Братски целую тебя, Лев Толстой» – 12 ноября 1896 г.).

В основе их переписки лежит обсуждение сочинения Бондарева, а также возможности его публикации, наряду с этим затрагивается широкий круг жгучих социальных проблем и религиозных вопросов. В письмах обсуждаются следующие темы:

– Проблемы хлебного земледельческого труда и проблема тунеядства. Способы претворения в жизнь заповеди «в поте лица твоего снеси хлеб...».

– Толстой и Бондарев делятся своими мыслями о земельных отношениях, а также способах решения земельного вопроса.

– Они обсуждают религиозные вопросы (о личностях Каина, Иисуса Христа, о будущей жизни и т.д.), о преследовании сектантов в России и за рубежом.

В юбилейном 2010 г. в периодической печати появились ряд статей и книг, в которых раскрывается тема «Письма Бондарева к Толстому».⁸ В данной публикации воспроизводится текст первого и последнего опубликованного письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому, опубликованных в журнале «Русская литература» (1997 г № 1). Текст письма от 1 октября 1893 г. приводится в сокращённом варианте. Выделенные слова курсивом (наклонный шрифт) помогают лучше понять основное содержание писем.

Первое письмо. Т. М. Бондарев – Л. Н. Толстому

«1 октября 1885 г. Многоуважаемый Лев Николаевич,

С чувством великой благодарности купно же и радости получил я Ваше письмо 8 сентября, поданное Вами в половине августа сего 1885 г. Откуда и как начать, где и как кончить отдавать Вам благодарность за принятие в столько великое уважение *моей проповеди*, я по своему тесно ограниченному разуму выразить как не знаю. А только покуда глаза мои закроются вечным мраком, буду умолять правосудие неба дабы оно ниспослало Вам как временных, так и вечных благ восприятие.

Теперь прошу и умоляю Вас, Л. Н., если Вы будете отсылать в редакцию *мою проповедь* для отпечатания, то означьте там моё имя-отчество, прозвание и место жительства в полном слого и пришлите мне из того два экземпляра, мне нужно будет один отослать в Рассею на родину, а что они будут стоить, то я Вам деньги вышлю. И ещё – пишите мои статьи без всякого приложения и отнятия, а если будет Вам угодно что-нибудь добавить, то пишите выше или ниже моего с указанием на мои статьи.

Вы, Л. Н., имеете у себя сокращение с моей рукописи. Я знаю, что там только 15-я и даже меньшая доля со всех моих доказательств и притом ни начала, ни конца там нету. Началась эта *моя беседа* с падения Адамова, но не прошёл я молчанием и преступление Евы, и сделал я там законные доказательства, что от Адама и Евы до преступления их в раю, прежде Каина родилось много людей, с которого потомства Каин и жену себе взял и с этими людьми выстроил Каин первый город на земле. И это все законно и справедливо доказано, никто не имеет права противоречить тому. Много и много есть у меня таковых, вечно никем не слыханных, доказательств того же *первородного закона*. 250 статей в течение шести годов я написал, где и домик мой получил значительный толчок, не без расчёту же я трудился. И все эти доказательства я брал только с допотопного времени, а ниже по закону я не спускался. А у Вас там в сокращении ничего того нету.

Отослать ли Вам всю полную *мою рукопись* – этого сделать нельзя, я останусь ни с чем, написать ли мне для Вас новую – и этого сделать сил у меня на то не достанет, затем что у меня семейство состоит только из четырёх человек работников, т. е. я с женою и нам 65 годов – какие мы теперь работники, и сын с женою да у них трое детей маленьких. А мне, *тихому писателю*, плотно сидеть над ней нужно два месяца, да притом ещё у нас по всей Сибири скот заразился: где заберётся эта зараза, то начистую с сотни останется 5 или 6 штук не более, потому я со скотом живу в горах и в лесах вёрст за 15 от своей деревни.

У Вас в Туле, я думаю, много есть последователей за Вами, т. е. так же, как и Вы, от всей души уважающих *первородный закон Божий*. Соберитесь Вы, прошу и умоляю Вас, и присоветуйте мне, что делать в таком тесном случае, как доставить Вам всё это для отпечатания и для обнаружения.

Не в силах ли Бог был в начале разыскать другой путь к производству в свет хлеба, тут без малейшего сомнения видно то, что как эта вещь, т. е. хлеб, неизбежная для всякого и даже для самого Государя, он и наложил в ней епитимию за все грехи наши, т. е. как будто неволею влечёт нас к покаянию или, верней сказать, к своим объятиям. Великие же люди ещё от начала века взяли да и *покрыли этот закон* от очей всего мира, как ленивый Евангельский раб талант свой в землю, о которой потере мы, земледельцы, столько тысяч годов и не хватились, а теперь вот конец этой потере разыскали и на след напали, а что сделать, к кому обратиться за помощью? До Бога высоко, а до Царя далеко.

В 1883 году 18 июня, за № 1933 чрез Минусинскую почтовую Контору Енисейской Губер, подавал я об этом *прошение Г. Министру внутренних дел*, по прошествии же 10 месяцев не получивши на то никакого ответа, в 1884 году 30 марта за № 938 повторил это же прошение, на которое и по сие время, т. е. по октябрь месяц ответа нету. Оставил ли Г. Министр это без последствий? Этого думать нельзя, а они погибли где-то в другом месте.

Нужно же при этом знать, что эта *первородная заповедь не белоручкам*, а одним нам, земледельцам, самым Богом дана, великоименитые же люди или нагло у нас её отняли, или тайно украли, или коварно присвоили, т. е. ни в каких писаниях и помину об ней не сделали. Как Вы думаете, Л. Н., представивши я всё это пред умные души своей очи, не проходит ли обоюду вострой нож сквозь сердце моё да не убивает ли он печалью нестерпимую мою душу. И так, опять повторяю просьбу свою Вам, Л. Н., подайте Вы мне совет, как поступить в таком тесном случае, т. е. как доставить Вам *полное моё сочинение* для распространения да притом и скоро, потому что мне 65 год. И я одной только ногой стою на земле, а другой уже во гробе, а без меня что тогда будет, как была эта *заповедь живая* в гроб положена от начала века, так и оставаться ей там и до скончания века. И как страдали бедные люди в тяжкой нищете, так и страдать им навсегда и навсегда.

Итак, Л. Н., когда делать, так делать — нечего вожжаться с одним сокращением. У меня много написано, а лучшие меня писатели с этого ещё в 10 разов более умножат и выйдет *из того громадная книга под названием трудолюбие, или радость земледельца*. Тогда эти книги многие тысячи людей наперерыв расхватят, чем вознаграятся все Ваши труды и издержки десятирицею. А от Бога какая Вам за то будет награда, оценить её выше нашего разума.

Тут как в зеркале ясно видно, что правосудное небо Вам, Л. Н., поручило вывести *первородный закон* из тьмы неведения на свет познания. И потому, Л. Н., напрягай все возможные силы привести всё это в Богу угодный и людям полезный порядок.

Ваше письмо послужило для меня громовым ударом. Все знатные люди у нас как в Минусинске, так и в деревнях, как разъярившийся пёс брошенный на него камень грызёт зубами, так они эту мою проповедь ненавидят и гнушаются ею. А почему? По незнатности и по бедности моей. Я думал, что и везде будет, а теперь с Вашего письма увидал всё противное тому. В С[вященном] Писании] сказано, что пророк не бывает без чести — только в своём отечестве и в своём доме нету ему чести, а одно бесчестие.

Самая главнейшая язва в нашем земледельческом классе, неволею влекущая в нищету и убожество, это разделение братьев на разные семейства и на одиночество. Можно ли выразить этот вред на коротких словах? Нельзя. А всему тому причиною одно и то же.

Если бы *этот закон был разъяснён людям*, тогда бы они жили посту душ вместе, не считали бы они тогда один пред другим лишним шагов, а наперерыв один другого упреждали бы, да и не гордился бы тот, кто повелевает, да и не стеснялся бы тот, кто повинуется.

Умер ли из среды их муж или жена и у них осталось до десятка маленьких детей, в такой единой и единосердечной артели этот удар не очень значителен, у этих сирот там много отцов и матерей, много братьев и сестёр, много покровителей и спасителей. А женщины, они вообще

все милосердны, она своим детям не сделает столько блага, сколько сиротам, а как разделились, тогда и сотой доли не останется того желания к ним.

Если же в разделении останутся столько сирот с отцом или с матерью, тогда что?

Да если описывать весь вред, происходящий от разделения, и весь интерес, проистекающий от совокупности, то и на 10 листах поместить нельзя. Словом, *этот закон все добродетели в себя забрал и все пороки отринул*. Да не все же сказано: и виде Бог яко добро есть. А вы взяли да это добро и скрыли от очей всего мира.

Эх! Ах!.. Да на что же вы занимаете высшие места, да достойны ли вы того?

О, глупейший я человек! Да на что я сею доброе семя на каменистую и бесплодную землю, где трудов немало и убытков много, а вместо пользы получаю один вред. А ещё диктую сам о себе, что я хороший земледелец, а разобрав, где хорошая земля, а где негодная, этого толку у меня нету. Это я говорю о поданом мною прошении Министру внутренних дел.

Когда Вы отпечатаете моё сокращение, *не будет ли у Вас возможности довести это до сведения великого Министерства или Государя*, добиваюсь ли я этим себе похвалы — нет, на что она мне при самом конце жизни. Выстройте Вы себе памятник, который перейдёт и в загробную Вашу жизнь. Он дороже всех драгоценностей света сего, потому что *первородный*.

Я намерен в Декабре месяце подать об этом же прошении Государю, но только с иной, с Томской Губернии, а с своей Енисейской хотя 100 подавай, все погибнут.

Т. М. Бондарев»

«1 октября 1893 г., д. Иудино

Лев Николаевич. Как мне уже 74 год, да и Вам, кажется, близ этого же, из этого видно, что мы одной только ногой стоим на земле, а другой во гробе. Потому я в продолжение настоящего письма буду говорить Вам светлую истину. Вы, Л. Н., со всего мира и со всего света единственный друг мне. Не было, нету да и быть не может подобного Вам друга для меня, Бог свидетель между мною и Вами, что я истину говорю Вам. А почему друг? Потому что потребили Вы с своей стороны все возможные меры *обнародовать мою известную Вам проповедь*, а если вселенная вся не приняла, а с омерзением назад за себя бросила, то Вы тому не причиною.

Я, Л. Н., чувствую в себе какое-то душевное расстройство, да притом и нешутейное, о котором или стыжусь, или боюсь объяснить Вам. В чём же состоит это моё расстройство? Вот оно.

Я веры иудействующей, именуемый субботник, утверждён на одном Ветхом завете (но талмудических преданий отнюдь не принимаю и даже крепко гнушаюсь ими), то есть иду по стопам жития Христова. Как по стопам его? Вот так!

Христос признавал *единого Бога*, а сделанных руками человеческими богов не имел и не поклонялся им, *и я так же*. Христос был *обрезан, соблюдал субботу*, ел законом уставленную пашу, *и я так же*, и так далее и далее. Христос говорит: «Да не мните яко приидох разорити закон, не разорить, но исполнить дондеже прейдут небо и земля, йота едина и черта едина из закона мимо не пройдут». И я исполняю, насколько могу исполнить, законное.

У нас 130 дворов *субботников* и во всех них есть *ненависть ко Христу*, а спроси у него, за что ты Христа ненавидишь? Он отвечает: «Не знаю. Ничего я за ним не нахожу, а ненависть есть». Жиды же, у них сверхъестественная и выше всякой меры ненависть к нему...

Спрашивал я, Л. Н., спрашивал я сам у себя так: *если бы евреи приняли Христа во объятие* и не сделали бы с ним то, чего сделали, что бы тогда было? Все пророчества о Нём должны остаться во лжи, потому что Он тогда не пострадал и не умер, не воскрес и не вознёсся, *и никакого нынешнего православия не было бы*, и осталась бы мало не вся вселенная во тьме древнего своего суеверия. Так спрашивал я сам у себя и никакого удовлетворительного ответа дать не мог, только сделал этому своему вопросу по силе своего разума решение такое, вот оно.

Как для Бога нету времени ни прошедшего, ни будущего, а всё настоящее, то есть для нас

прошли тысячи годов, а для Него они есть, для нас не пришли будущие тысячи годов, а для Него они есть. Потому неисповедимое и Ангельскому уму неведомое определение Его прежде всех веков и вечностей постановило: в какое время и на каком месте, от кого и как пострадать и умереть Ему, Христу.

Да если бы и мы были в то время и на том месте и было бы определено, от нас Ему пострадать и умереть, в силах ли бы мы были обойти и миновать предел Его? Это невозможно. А если всё сказанное положено Богом, то и нынешняя еврейская ненависть к Нему также неизбежна для них. А если всё то Богом положено, поэтому тут никакой еврейской вины нету, потому что их поджигает к ненависти на Него то, о чём я выше говорил.

По всему сказанному прошу и умоляю Вас, Л. Н., соберите Вы рассеянные свои мысли по светским суетам и посоветуйте с ними и мне напишите, чем и как залечить сказанную язву души нашей, ненависть ко Христу. Можно ли обратить нас в православие? Нет, это немыслимо. Тут 1-я и 2-я из десяти заповедей, заповеди стоят на пути, ведущем нас в православие, непроходимую преградою. Один ли я болею сердцем об этом? Нет, многие у нас. Они-то и принудили меня обратиться к Вам, Л. Н., за лекарством от этой страшной душевной болезни.

Т. Бондарев.

У Вас, Л. Н., есть *книга на французском языке, печатано моё сочин(ение)*. Пришлите мне её, у нас есть кому прочитать и на русский язык перевести.

Или умней всех я или глупей всех, а только ни одного советника у нас мне нету, и великою скукою томлюсь я. Чрез месяц будет Вам от меня же письмо с неприкосновенным к этому содержанием. 1 Октября 1893 года. д. Иудино»

Последнее письмо.

«15 августа 1898 г.

Лев Николаевич, много интересное письмо писал я тебе в начале Июля 97 года, на которое ответа не было и нету, а почему нету? Этот вопрос остаётся без ответа.

Ту *книгу моего сочинения*, которую прислал ты мне *печатанную на французском языке*, теперь перевели её на русский язык пером, и что же я там увидел? О, сколько много там не наилучшие, а наихудшие измены и какая темнота да запутанность. Я думал пользу принести как нынешнему всему миру, также и всем будущим родам, а оно вышло всё противное тому и наоборот.

Именем Бога правды прошу и умоляю тебя, Л. Н., подай ты с своей стороны возможную для тебя помощь мне, в этой бездне зол утопающему. Какую же помощь? Вот она.

У меня *есть эта же рукопись* в сравнении с *той, которая у тебя была, вдвое сокращена и многими лучшими сказаниями добавленная*. У меня есть великое желание отослать её к тебе, чтобы ты представил её в ту редакцию, то есть за границу, где эта книга печатана. Вот в чём всё моление и прошение моё состоит к тебе.

Я и сам отослал бы её туда, но причина состоит в том, 1) что я адреса не знаю, а второе более то, что как твоё доброе имя, Л. Н., пролетело оно по всему шару земному, с этого как в зеркале ясно видно, что прогремело оно и по всему кругу небесному, поэтому они, это за границу, беспрекословно сделают всё то, чего ты им напишешь, это верно и верно.

Итак, Л. Н., сегодня получил ты это письмо, а завтра пиши ответ мне, то есть отошлешь мою рукопись за границу или нет. Я в половине октября с несомненной надеждой буду ждать от тебя ответа. Много есть на примете кое-чего интересного сказать тебе, Л. Н., но в столько великом расстройстве духа, перо валится с руки.

Остаюсь здоров, чего и тебе, Л. Н., от всей души желаю. Т. Бондар(ев).

Ещё раз повторяю вышесказанное: сегодня получил это письмо, а завтра пиши на это ответ».

Комментарии к письму от 1 октября 1885 г.

В августе 1885 г., после прочтения рукописи, Толстой пишет Бондареву первое письмо, «... доставили мне на днях вашу рукопись – сокращённое изложение вашего учения, – писал Л. Толстой. – Я прежде читал из неё извлечения, и меня они очень поразили тем, что всё это правда и хорошо высказано. То, что говорится, это святая истина. И то, что вы сказали, не пропадёт даром. Оно обличит неправду людей. Я буду стараться разъяснять тоже самое. Дело людей, познавших истину, говорить её и исполнять... Дело это делается не скоро – веками, но не скоро и деревья растимы, сажаем их и уберём, и не мы, так другие дождутся плода...» (т. 63. С.276-277). Ответ крестьянина на письмо Толстого. Дадим небольшие пояснения.

Прежде всего, обращает внимание тон письма Бондарева к Толстому. Он очень благодарен Льву Николаевичу, что великий писатель откликнулся на его сочинение. Это письмо для Т.М. Бондарева послужило громовым ударом. Крестьянин так и пишет: «Ваше письмо послужило для меня громовым ударом. Бондарев рассказывает о своём сочинении.

Своё сочинение Бондарев расположил в виде «вопросов» – так он называл небольшие разделы, в которых излагал свои размышления. Всего основное сочинение Бондарева содержало 250 «вопросов».

Не позднее лета 1884 г. рукопись была закончена. Она содержала около 200 листов. Впоследствии рукопись несколько раз переписывалась, исправлялась и дополнялась. По подсчёту Бондарева, сделанному им незадолго до смерти, всего во всех работах им было исписано «среди забот и попечений житейских тихим почерком» около 3500 листов.

В основу своих взглядов крестьянский философ кладёт «первородный закон божий», выраженный в Библии словами: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондежи возвратившийся в землю, от неё же взят». Изречение изложено на церковно-славянском языке, а в переводе на русский язык звучит так: «В поте лица твоего будешь есть хлеб», т.е. будешь заниматься земледельческим трудом, «пока не возвратишься в землю, из которой ты взят», т.е. пока не умрёшь. «Ибо прах ты и в прах возвратишься».

Первородную заповедь «В поте лица твоего будешь есть хлеб» он понимает буквально. Каждый должен заниматься «хлебным» (земледельческим) трудом, т.е. все здоровые люди, кроме больных и маленьких детей. В году 365-366 дней, на земледельческий труд отводится 30-40 дней в году, поэтому каждый человек в состоянии обработать одну десятину земли для себя. Хлеб не должен покупаться, например, человек занимается литературным трудом, а на заработанные деньги покупает хлеб, но так нельзя жить. Земледельческий «хлебный» труд должен быть основой любого труда, при разных видах труда. Бондарев не против разделения труда, но при условии, что все люди «трудами рук своих» будут добывать хлеб. Он считает, что *первородная заповедь* (заповедь-изречение, содержащее религиозно-нравственное предписание) *была скрыта от народа*, потому её нужно довести до сознания всех людей, прежде всего, правительства (отсюда его письма, обращения к правящим и просвещённым кругам). Если эту заповедь люди будут выполнять, то человечество будет спасено от нищеты и голода. Таково краткое содержание философии Бондарева.

Он пишет о своих попытках довести содержание его открытия до властей, а также отмечает, что данную проповедь он будет отсылать царю. Из письма мы узнаём о некоторых фактах биографии Бондарева. Ему 65 лет, его семейство состоит из четырёх работников: он и его жена, и сын с женою, а у них трое маленьких детей. Он повествует о тех бедах, которые постигли крестьянство Минусинского уезда.

Комментарии к письму от 1 октября 1893 г.

Из биографии Бондарева известно, что в период военной службы, ещё до своей ссылки в Сибирь во втор. пол. 60-х гг. Бондарев вступил в секту. Над ним был совершён еврейский обряд об-

резания, и он принял имя Давида Абрамовича. Но его иудейская вера непоследовательна, так как он не соблюдает еврейских обрядов. Он идёт по стопам жития Христова, но он считает, что Христос не богочеловек, а просто человек. Он спрашивает Толстого: «Как он относится к Христу?».

Ответ Толстого опубликован в т. 66 (с. 437-439). Толстой здесь излагает своё мнение об отношении евреев и сектантов субботников к Христу: «Христос, по моему понятию, не бог и никогда не выдавал себя за бога, а был великий и последний пророк еврейский, учивший не только евреев, но и всех людей тому, как надо служить единому истинному богу, сознавая себя так же, как и всех людей, сыном его. И потому евреи и субботники не только не должны ненавидеть Христа, а должны почитать его и следовать тому Божественному закону, который он открыл нам».

Анализируя религиозные взгляды Бондарева (письмо от 28 сентября 1896 г.), его вопросы к Толстому в отношении веры («Если бы евреи приняли Христа, тогда все пророчества о нём остались бы во лжи, потому что он не пострадал и не умер, не воскрес и не вознесся и никакого православия бы не было на свете; Если Бог на всяком месте, а дьявол где? Где его место жительства?» и т.д.), можно сделать следующие выводы. Бондарев как религиозный мыслитель не был убеждённым субботником, но он скептически относился и к православию. Он, как и Толстой, искал свой путь в религию.

Из содержания письма видно, что Бондарев просит Толстого выслать ему его книгу на французском языке. Перевод рукописи «Трудолюбие и тунеядство» на французский язык был сделан по инициативе Л.Н. Толстого. В предисловии французский автор *Амидей Пажес* даёт характеристику сочинениям Бондарева. Он отмечает, что между учением крестьянина Бондарева и учением большого господина Льва Толстого есть много общего. Далее он пишет, что *Бондарев является вдохновителем социальных идей Толстого*. Книга состоит из двух частей. Первая часть содержит статью Л.Н. Толстого «Труд и теория Бондарева». Вторая часть имеет название «Труд, который написал мужик Бондарев». Данную книгу Толстой выслал Бондареву. Через несколько лет (1894-1896) был сделан перевод этой книги *минусинским поэтом В. Кузьминым* (псевдоним Савойский). Рукопись перевода в настоящее время хранится в архиве Минусинского регионального краеведческого музея (О.2. Д.13. Бондарев Т.М. труд – без даты).

Комментарии к письму от 15 августа 1898 г.

Бондарев озабочен, что Лев Николаевич не написал ему ответ на его письмо от начала июля 1897 г., в котором он сообщал, что получил книгу своего сочинения, которую прислал ему Толстой. Ознакомившись с ней в обратном переводе с французского на русский, Бондарев нашёл перевод несовершенным и просил Л.Толстого отправить усовершенствованный текст за границу. Известно, что Тимофей Михайлович постоянно совершенствовал текст своего сочинения, последний вариант был сделан в 1898 г. Последний вариант сочинения Бондарева в 1938 г. был опубликован красноярским краеведом Е.И. Владимировым в книге «Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой» (предисловие и редакция Н.Н. Гусева).

Именно *этот усовершенствованный вариант рукописи он и просит Толстого отправить за границу*. Толстой не читал последнего варианта рукописи. Он пытался утешить озабоченного крестьянина.

Ввиду краткости, данное письмо приводим в полном объеме. «Тимофей Михайлович, напрасно ты думаешь, что книга твоя переводом испорчена. Вероятно, тебе дурно её перевели. В ней переведено всё самое существенное, и если что пропущено, то только то, что могло не привлечь, а оттолкнуть читателя. Переведена же она на Французский язык прекрасно и читается очень хорошо. Вновь печатать и добавлять и не станут, да и незачем. В том виде, в каком она есть, книга делает и сделает своё дело, т. е. распространит между людьми сознание их греха и укажет им средства его искупить.

От души желаю тебе душевного спокойствия и в жизни, и в встрече близко уже предстоящей

нам смерти, т. е. уничтожения нашего тела и перехода нашего духа в другое состояние. Любящий тебя брат Лев Толстой. 11 сентября 1898 г. (т. 71, стр. 438).

Бондарев умер 3(9) ноября 1898 г. Ответ Толстому написал сын Бондарева *Даниил* в декабре 1898 г. В декабре этого года в письме к сыну Т.М. Бондарева Даниилу Тимофеевичу Л.Н. Толстой благодарит за «сообщение очень... печальное о смерти его отца... человека очень замечательного и оставившего после себя значительное сочинение» (т. 71, стр. 402).

Мы дали комментарии к некоторым письмам Бондарева, раскрывающих внутренний мир крестьянина-самородка, борца за правду, социальную справедливость. Письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому – это плод религиозного мышления. Это исповедь верующего человека, который потерял одну веру и хочет приобрести другую. Судьба Тимофея Бондарева вписана в судьбу России, которая освободилась от крепостничества, но не пришла к новому обществу. Письма написаны малограмотным человеком, крестьянином-самородком, который искренне любит Россию и Л.Н. Толстого и ненавидит всё то, что мешает её развитию. В письмах к Толстому Бондарев предстаёт колоритнейшей фигурой, этот русский крестьянин непоколебим в своих убеждениях, но чужд своей среде в силу пронизательности его острого аналитического ума и логики суждения.

2011

Примечания:

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 91 т. Репр. Воспроизведение изд. 1928-1958 гг. М., 1992 Т. 71. – С. 519

² Толстой Л.Н. Т. 23. – С. 1-59 «Исповедь»

³ Владимирова Е.И. Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой / Е.И. Владимирова; предисл. и ред. Н.Н. Гусева. – Красноярск: Кн. изд-во, 1938; Гусев, Н.Н. Толстой и крестьянин Т.М. Бондарев (1885-1898) // Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 гг. / Н.Н. Гусев. – М., 1970. – Гл. 6. – С. 428-450; Косованов А. Тимофей Бондарев и Лев Толстой / А. Косованов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. – 34 с.; Петров, И. По родному краю: очерки / И. Петров. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. Отд-ние, 1980. – 224 с.; Пруцков, Н.И. Сибирская утопия Т.М. Бондарева «Торжество земледельца...» // Пруцков Н.И. Классическое наследие и современность / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); отв. ред. Ю.К. Бегунов. – Л., 1988; Шохор-Троцкий, К.С. Сютяев и Бондарев / К.С. Шохор-Троцкий // Толстовский ежегодник 1913 года. – СПб. – 1914. – С.3-52.

⁴ Махно Ю.К. Граф Лев Толстой и сибирский крестьянин Тимофей Бондарев: история взаимоотношений / Ю.К. Махно // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 85-летию старейшего историка и краеведа Хакасии А.Н. Гладышевского, 18-19 декабря 2008 г., Абакан. - Абакан, 2009. – С. 155-169.

⁵ См.: Письма Бондарева к Толстому: Бондарев Т.М. 1885 г. Октября ? [Б. м.] // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 167-169; Ответ на первое письмо Л.Н. Толстого от 15-20 июля 1885 г.; Бондарев Т.М. 1886 г. Апрель ? [Б. м.] // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 169-172; Бондарев Т.М. 1889 г. Ноябрь 20. [Б. м.] // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 172-173; Бондарев Т.М. 1891 г. Май 9. Иудино // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 173-175; Бондарев Т.М. 1893 г. Октября 1. Иудино // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 175-177; Бондарев Т.М. 1894 г. Апрель 30. [Б. м.] // Полн. собр. соч.: в 91 т. – М., 1992. – Т. 67. – С. 160 (Фрагмент письма к Л.Н. Толстому); Бондарев Т.М. 1896 г. Декабрь 28. Иудино // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 177-179; Бондарев Т.М. 1898 г. Августа 15. Иудино // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 180.

⁶ Донсков А.А. Письма Т.М. Бондарева к Л.Н. Толстому / А.А. Донсков // Русская литература. – 1997. - № 1. – С. 163-181.

⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. – Т. 19. – С. 257.

⁸ Махно Ю.К. Сибирский крестьянин Тимофей Бондарев и граф Лев Толстой: библиографический указатель / М-во культуры Респ. Хакасия, ГУК РХ «Национальная библиотека им. Н.Г. Доможакова»; сост.: Ю.К. Махно, М.А. Аева. – Абакан, 2010. – 79 с.; Махно Ю.К. Указ. соч.

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Вклад Г.П. Сафьянова в изучение Приенисейского края

(по периодическим печатным изданиям научной библиотеки Минусинского музея)

«Со смертью Георгия Павловича Сафьянова с минусинского горизонта сошла самая крупная фигура; Минусинск потерял в нём последнего из своих могикиан» – так написал в некрологе известный исследователь, общественный деятель А.В. Адрианов.¹

Далее он отмечает: «Без Г.П. Сафьянова не обходилось никакое русское начинание на верхнем Енисее..., никакая научная экскурсия или учёная экспедиция.² Обладая мягким характером, владеющий языком сойотов, энергичный и умный человек – Г.П. Сафьянов «...был желательным и необходимым советником и сотрудником».³

Георгий Павлович Сафьянов (1848, Минусинск – 6/19.01.1913, Минусинск) – купец, золотопромышленник, городской голова Минусинска (1887-1891). Член Восточно-Сибирского отдела РГО, член общества попечения о начальном образовании, председатель комитета Минусинского музея.⁴

Г.П. Сафьянов основал русское поселение в Урянхайском крае – Туран и учредил торговую факторию. Он сумел построить отношения с местным населением, к нему приходили за советом в решении спорных вопросов, не раз Георгия Павловича называли «урянхайским губернатором».⁵

Несмотря на то, что основным занятием Г.П. Сафьянова была торговля с Урянхайским краем, он постоянно собирал материалы по археологии, этнографии, записывал сказки, легенды, описывал шаманские обряды народа, проживающего в этом крае – сойотов (тувинцев). Как отмечается в Отчёте по Мартьяновскому музею за 1913 г., Г.П. Сафьянов «...был вообще единственным человеком, оказавшим исследователям Урянхайского края в высшей степени ценное содействие и материальную поддержку во время их путешествий по этому краю».⁶

С открытием в Минусинске музея Г.П. Сафьянов стал «...первым и самым искренним другом...» Н.М. Мартьянова.⁷ Он не только передавал предметы, коллекции, но и привлекал других для сотрудничества с музеем.

О деятельности Г.П. Сафьянова писали газеты и журналы, такие как «Восточное обозрение» (некоторое время печаталась в Санкт-Петербурге), «Сибирская газета», «Сибирь», «Северный вестник».

В 1883 г. «Восточное обозрение» в двух номерах печатает дневник г. Сафьянова [Георгия] под названием «Эпизод из странствий по Монголии». Это дневник участника не научной экспедиции, а «первопроходца» в «...указании самого удобного и кратчайшего скотопрогонного пути из Минусинского округа через Амьльские промысла на р. Систикем, а оттуда чрез хребет Ергик-Иргак-Тайга в Иркутскую губернию».⁸

Это путешествие «...в 1872 году...мне предложил один казачий офицер из села Каратузского, Иван Алексеевич Терсков...» – пишет Сафьянов.⁹ Описание дороги даётся с 3 августа по 18 сентября: со знанием дела Г. Сафьянов описывает природу, название улусов, в которые они заезжали, описывает юрты, обстановку в них.

В дневнике он замечает, что долину р. Систикем «...как мне известно, уже посетили некоторые учёные путешественники, между прочим и г. астроном Шварц...».¹⁰

«Сибирская газета» в № 46 за 1884 г. печатает информацию о заседании Императорского Географического общества (Восточно-Сибирский отдел): «...прочитаны письма г. Клеменца о ходе его экспедиции, предпринятой минувшим летом в верховья р. Абакана. Из этих писем видно, что начало экспедиции (май, июнь, из Минусинска) было вполне успешно, как в отношении материальных средств (кроме 200 руб., посланных из отдела...., минусинский купец Г.П. Сафьянов, член Восточно-Сибирского отдела, дал в распоряжение экспедиции 2 лошади с сёдлами и вьюками...), так и в отношении личного состава...»¹¹

В 1886 г. газета «Восточное обозрение» печатает статью «Финляндская экспедиция в Сибири»: «С весны 1885 года до половины ноября месяца в Минусинском округе, по поручению Гельсингфорского университета работали два молодых энтомолога Эмберг и Гаммерштрем. Поручение... заключалось...в собирании материалов для изучения фауны беспозвоночных в Минусинском округе...»

Путешественники вместе с членом восточно-сибирского отдела Географического Общества

господином Сафьяновым, совершили поездку за границу, в долину Кемчика, прошли её до устья Кемчика и спустились до Означенного по Енисею...».¹²

У Г.П. Сафьянова были и личные коллекции, которые он представлял на выставках, в частности, в 1887 г. на Сибирско-Уральской промышленной выставке (г. Екатеринбург): «...минусинский городской голова Г.П. Сафьянов...отправил этнографическую коллекцию сойотов: юрту в натуральную величину со всеми принадлежностями домашней обстановки этого народа».¹³ Коллекция настолько была интересной, что она была удостоена награды золотой медали Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.¹⁴

Затем эту этнографическую коллекцию Георгий Павлович представил в музее сибирского университета (Томский университет). «Сибирская газета» в 1888 г. в рубрике «Городские новости» писала: «Коллекция эта из редких по своей полноте и обстоятельности и могла быть составлена только лицом, близко знакомым с жизнью сойот».¹⁵

Г.П. Сафьянов был настолько известен, что его фамилия послужила для названия грибов. В газете «Сибирь» за 1886 г. в № 22 в рубрике «Корреспонденции – Минусинск» читаем: «Разверните учёнейшую *mycotheca universalis*, и сколько грибов там названо в честь неведомого миру ботаника Сафьянова. Что это за личность? – Минусинский купец».¹⁶

В журнале «Северный вестник» за 1886 г. в № 7 эта тема имеет продолжение: «Газета «Сибирь» сообщает сведения о крайне любопытном учреждении, имеющем своею задачей изучение во всех отношениях Сибири. В России, вероятно, только очень немногие знают о существовании этого учреждения, хотя оно пользуется известностью в европейских учёных сферах. Учреждение это – минусинский музей. Есть в Вене учёный, специально посвятивший себя изучению грибов и в этой области занимающий первое место – барон Тюмень. Он пользуется услугами учёных учреждений всего мира, но между русскими учёными учреждениями в его трудах всего чаще упоминается минусинский музей. В его учёнейшей «*mycotheca universalis*» масса грибов названа в честь Сафьянова, минусинского купца, одного из радетелей музея...».¹⁷

Умер Г.П. Сафьянов в 1913 г. Комитет Минусинского музея, после смерти Г.П. Сафьянова, взял на себя обязанность «...почтить ... памятькой самого дорого и неизменного друга учреждения, ставшего теперь светочем для населения города и всего Минусинского края».¹⁸

2011

Примечания:

¹ Адрианов. Г.П. Сафьянов // Сибирская жизнь. – Томск, 1913. - № 8. – с. 1

² Там же.

³ Там же.

⁴ Энциклопедия Красноярского края. Юг. – Красноярск: Буква «С», 2008. – с. 536.

⁵ Нагорных В.В. Урянхайский губернатор / В. Нагорных // Мир праху. Честь имени. – Минусинск, 2009. – с. 32.

⁶ Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому Музею, состоящему под покровительством Императорской Академии Наук и по Общественной библиотеке за 1913 год. – Минусинск: типография А.Ф. Метёлкина, 1914. - [2].

⁷ Адрианов. Г.П. Сафьянов // Сибирская жизнь. – Томск, 1913. – № 8. – с. 2.

⁸ Эпизод из странствий по Монголии (Дневник г. Сафьянова) // Восточное обозрение. – СПб, 1883. - № 7. – с. 8-9.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сибирская газета. – Томск, 1884. – № 46. – с. 1137.

¹² Финляндская экспедиция в Сибири // Восточное обозрение. – Иркутск, 1886. - № 1. – с. 8-9.

¹³ Восточное обозрение. – Иркутск, 1887. – № 28. – с. 4.

¹⁴ Восточное обозрение. – Иркутск, 1887. – № 32. – с. 10.

¹⁵ Сибирская газета. – Томск, 1888. – № 35. – с. 5-6.

¹⁶ Сибирь. – Иркутск, 1886. – № 22. – с. 5-6.

¹⁷ Северный вестник. – СПб, 1886. – № 7. – с. 108.

¹⁸ Отчёт по Минусинскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии Наук и Общественной библиотеке за 1913 г. – Минусинск: типография А.Ф. Метёлкина, 1914 г. – с. 2.

Е.Ю. Сидорина,
г. Минусинск

Джордж Кеннан и его книги в собрании научной библиотеки Минусинского музея

В собрании научной библиотеки Минусинского музея хранятся книги (на английском и русском языках) американского журналиста, путешественника Джорджа Кеннана:

1. Кеннан Дж. Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии. – СПб: типография М. Хана, 1871.
2. Kennan G. Siberia and the Exile System. Volume one. – New York: The Century Co., 1891.
3. Kennan G. Siberia and the Exile System. Volume two. – New York: The Century Co., 1891.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Том первый. Полный перевод с англ. З.Н. Журавской, с примечаниями В.Л. Бурцева. – СПб: издание С.Н. Салтыкова, 1906.
5. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. – Москва: книгоиздательство «ЛОГОС», 1906.
6. Кеннан Дж. Сибирь! Том 1. Перевод с немецкого без всяких сокращений. – СПб: издание М.В. Пирожкова, 1906.
7. Кеннан Дж. Сибирь! Том 2. Перевод с немецкого без всяких сокращений. – СПб: издание М.В. Пирожкова, 1906.
8. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Перевод с англ. – СПб: издание В. Врублевского, 1906.
9. Кеннан Дж. Тюрьмы в России: очерки. Пер. с немецкого А.Д. Стопневича – СПб: типография М.И. Акинфиева, 1906.

Из девяти книг, восемь – издания книги Kennan G. Siberia and the Exile System. Volume one. – New York: The Century Co., 1891, и её русские переводы.

Нахождение книг в библиотеке не случайно, в 1886 г. Дж. Кеннан побывал в Минусинске, встретился с основателем музея Н.М. Мартьяновым.

Джордж Кеннан (16.2.1845, Норуолк, Огайо, США,—10.5.1924), служба в телеграфном агентстве «Ассошиэтед Пресс», был участником русско-американской экспедиции на Северо-Восток России. Экспедицию организовали в 1864 г. для проведения телеграфной линии из Америки в Европу через Берингов пролив. По окончании экспедиции он возвращается на родину через Азию и Европу, посетив Якутск, Иркутск, Томск, Москву и Петербург.

В 1870 г. в Нью-Йорке вышла первая книга Дж. Кеннана «Кочевая жизнь в Сибири». В русском переводе «Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии» книга напечатана в 1871 г. в Санкт-Петербурге. Автор ярко описывает жизнь коренных народов и делится своими впечатлениями: «Я с удивлением замечал, сколько доказательств цивилизации находилось в этом отдалённом уголке мира, где я думал найти только самую грубую жизнь без всяких удобств» (о Петропавловске),¹ «...я восхищался красотами природ...».² Книга выдержала в США более двадцати изданий, на русский язык была переведена трижды.

В 1870 г. Дж. Кеннан путешествует в одиночестве четыре месяца на юге России – по Волге, в Дагестане. После посещения России Дж. Кеннан в Американском географическом обществе читает лекции.

Редакция нью-йорского журнала «The Century Illustrated Monthly Magazine» («Ежемесячный иллюстрированный журнал века» или «Сенчури») в 1885 г. организует экспедицию в Россию с целью ознакомиться с жизнью и содержанием заключённых в российских тюрьмах. По договору с журналом Кеннан обязуется предоставить в редакцию 12 статей. Он отправляется в путешествие с художником из Бостона Джорджем Фростом.

Второго мая 1885 г. Дж. Кеннан со спутником покинули Нью-Йорк и через три недели прибы-

ли в Санкт-Петербург. Они проехали многие тысячи километров по маршруту: Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Пермь – Екатеринбург – Тюмень – Ишим – Омск – Семипалатинск – Усть-Каменогорск – Алтайск – Барнаул – Томск – Ачинск – Красноярск – Иркутск – Селенгинск – Чита – Нерчинск – Кара – Минусинск – Красноярск (далее до Санкт-Петербурга).

Во время путешествия Дж. Кеннан посещает тюрьмы, знакомится с большим количеством политических ссыльных, собирает уникальный материал по ним, ведёт дневниковые записи. Художник Дж. Фрост фотографирует и делает зарисовки.

В начале 1886 г., возвращаясь с конечного пункта путешествия – Кары, Кеннан и Фрост посещают Минусинск. Они поселились в доме Солдатова по ул. Большой (в настоящее время ул. Комсомольская, 25), занимали угловую комнату на втором этаже.

В Минусинске путешественники пробыли две недели: посетили музей и познакомились с Н.М. Мартьяновым. В Отчёте о деятельности музея и библиотеке за 1886 г. отмечено: «Такие редкие в Сибири гости, как американские путешественники и представители прессы – мистер Джордж Кеннан, сотрудник журнала «Сенчури», и мистер Джордж Фрост, художник, посетившие... город Минусинск...» уделили «... значительную часть своего времени осмотру нашего Музея».³ Основатель музея Н.М. Мартьянов и коллекции музея произвели впечатление на путешественников.

Во время пребывания в городе знакомятся с известными жителями города: «Доктор Малинин, интеллектуальный врач, жил в довольно роскошном доме, заполненном красивыми цветами...», «...и богатый молодой торговец Сафьянов, который ведёт торговлю через границу с Сойотией (Урянхай, Тува), и который должен сопроводить нас в нашем визите к хакасским татарам».⁴

Во время посещения Минусинска Дж. Фрост делает зарисовки, которые представлены в книге: Спасский Собор (вид из окна комнаты, где жили путешественники), портреты хакасов, их жилища – юрты.

Н.М. Мартьянов знакомит Дж. Кеннана с Дмитрием Клеменцем. Через Д. Клеменца Кеннан знакомится и с другими политическими ссыльными: И.П. Белокопским, Л.Н. Жебунёвым, А.И. Иванчиным-Писаревым.

И.П. Белокопский в своих воспоминаниях пишет: «Как говорил Кеннан, он направился из Америки в Россию под сильным влиянием американского общественного мнения...», «Кеннан ... ехал в Сибирь, убеждённый, что увидит полудиких, косматых и грязных субъектов, специально занимающихся убийствами всех тех, кто... заботился о благе народа», но «...уже первые знакомства американцев с ссыльными.. убедили их в полной превратности взгляда американцев, и русского правительства; и чем дальше ехали заморские гости, чем больше приобретали знакомых, тем всё больше и больше убеждались в полном несоответствии официальных данных с действительностью».⁵ После того, как американцы выпили «с нами «на брудершафт», как отмечает И. Белокопский, они запели песню «Янки-Дудль» и «С этого момента мы сделались с заморскими гостями самыми близкими приятелями, что привело в ужас полицию...»⁶ В своих воспоминаниях И. Белокопский неправильно указывает год посещения американцами Минусинска – 1885, правильно 1886 г.

Из Минусинска Кеннан, по совету Н.М. Мартьянова и Д.А. Клеменца, по почте пересылает на адрес знакомого в Петербург, собранные материалы во время путешествия по Сибири (дневники, записные книжки, рисунки, фотографии и письма политических ссыльных).

В начале февраля Дж. Кеннан и Дж. Фрост покидают Минусинск. Путешествие американцев заканчивается в августе 1886 г.

О сибирской Одиссее американцев сообщала иркутская газета «Восточное обозрение», редактором которой был Н. Ядринцев. В небольшой заметке «Знакомство Америки с Сибирью» читаем: «На этой неделе из Петербурга в Сибирь отправился известный путешественник американец Кенан, ранее уже посетивший берега Восточной Сибири. Ныне он хочет познакомиться с жизнью

страны в наиболее населённых местностях. Мы надеемся, что наши земляки окажут дружеский приём нашему соседу и он вынесет впечатление, что страна эта населена не дикарями, но в ней есть уже задатки гражданской жизни».⁷

«В виду... неприглядности и скуки жизни, посещение Минусинска известными американскими путешественниками Кенаном и Фростом было для нас освежением. Как приятно было побеседовать с культурными, образованными, любознательными и наблюдательными людьми нового света!» – писала в 1886 г. газета «Восточное обозрение».⁸

В рубрике «Хроника»: «Американские путешественники... прибыли в Петербург. Мы имели удовольствие видеть у них богатые альбомы рисунков и видов Сибири... Мистер Кенан вынес одно общее впечатление: какая роскошная природа, сколько даров и богатств заключается в Сибири, и как мало ещё для этого многообещающего края сделано!».⁹

В течение года Дж. Кеннан приводит в порядок материалы: раскладывает по папкам и конвертам, составляет предметный указатель, готовит отдельное издание книги о своём путешествии в Сибирь. Первые публикации появились в журнале «Сенчури»: авторское предисловие и глава «Через русскую границу». Журнальный вариант книги составил 23 статьи.¹⁰

В 1891 г. выходит первое отдельное издание в Нью-Йорке: в двух томах, свыше двухсот иллюстраций, со списком литературы.

Книга о сибирской ссылке была переведена на основные европейские языки: огромным успехом пользовалась в Австрийской Польше, в Германии, в Болгарии. В Россию Дж. Кеннан пересылал свои статьи о ссылке через письма: «...они (полиция)... сумеют изъять все письма, написанные моей рукой. Тогда я просто попрошу кого-либо другого подписать и отправить мою корреспонденцию в Россию... они будут изымать все заграничные письма, адресованные сильным и неблагонадёжным... Тогда я отправлю их издателям и профессорам университетов, ... которые обещали доставлять такие письма в места назначения. До сих пор не перехвачено ни одно из моих заказных писем».¹¹ Статьи переводили, переписывали и распространяли.

В 1889 г. в нескольких номерах сибирской газеты «Восточное обозрение» печатаются статьи о Дж. Кеннана. В статье «Очерки Кеннана о Сибири» автор рассуждает о том, что во многих странах, особенно в Америке, появляются очерки о русской жизни, авторы которых в виде анекдота представляют эту жизнь. «Нельзя поэтому пройти молчанием те очерки о России, которые являются продуктом изучения страны и отличаются правдивостью и беспристрастием. Таким редким исключением являются статьи Кеннана... Главный интерес очерков заключается в их правдивости и в том, что они затрагивают такие стороны жизни Сибири, которые до сих пор были вполне неизвестны. ... во всём описании нет ни особенно мрачных красок, ни преувеличений, – простой правдивый рассказ всего того, что путешественник видел и слышал во время пути – в этом главная заслуга Кеннана и благодаря этой простоте и беспристрастности, очерки эти производят такое сильное и симпатичное впечатление».¹²

В России книга была запрещена, соответственно русского перевода не было. Несмотря на это, ещё в 1888 г. в Санкт-Петербургском иллюстрированном двухнедельном вестнике современной жизни, литературы, науки и прикладных знаний «Новь» (издатель А.М. Вольф) были напечатаны отрывки – три очерка, как «впечатления и наблюдения английского путешественника».¹³

Перевод книги «Сибирь и ссылка» на русский впервые был осуществлён в 1890 г. парижским социально-революционным литературным фондом. Но он был не полный, так как переводили со статей, опубликованных в «Сенчури». В 1891 г. вышло Берлинское издание на русском языке под названием «Сибирь».

После 17 октября 1905 г. царское правительство сделало некоторые уступки в плане гражданской свободы и свободы печати. «За 14 месяцев свободы – с 17 октября 1905 по 1 января 1907 гг. – в России было издано 9 различных... переводов» книги Дж. Кеннана.¹⁴

Рецензент «А.Б.» в журнале «Былое» за 1906 г. пишет о русских переводах: «...издание скомпоновано из надёрганных сенсационных выдержек. Опечаток множество; собственные имени перевертаны..., но и даже названия географические...».¹⁵ «Все эти издания при сравнении с подлинником поражают своими неточностями, ошибками, промахами...».¹⁶ Кроме этого, книги стоили дорого.

Глава 12 «Наши последние дни в Сибири» (о посещении Минусинска) из оригинала не вошла в переводные русские издания.

Историк, общественный деятель Вадим Александрович Ватин (Быстрянский), отбывавший ссылку в Минусинске, написал статью «Кеннан в Минусинске», которая была напечатана в 1916 г. в «Сибирских записках». Для статьи автор пользуется оригиналом книги Дж. Кеннана. В журнале «Сибирский архив» в номере 7-9 за 1915 г. в рубрике «Заметки» В. Ватин так же печатает «Новые материалы для истории города Минусинска», где упоминает американских путешественников.

Владимир Алексеевич Ковалёв – директор Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова (1971-1999) в своё время заинтересовался личностью Кеннана и именно тем периодом, когда он посетил Минусинск. Итогом его научных изысканий стала совместная статья с Л.Н. Ермолаевой о Дж. Кеннана «В Сибирь за правдой», которая была напечатана в журнале «Енисей»¹⁷ (1986 г.) и в сборнике «Красноярский библиофил»¹⁸ (1987 г.). В статье опубликован (частично) перевод главы «Наши последние дни в Сибири».

С 1920 г. материалы сибирской экспедиции Дж. Кеннана хранятся в Славянском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки. «Коллекция содержит более 700 рукописей, 500 фотоснимков, 650 книг и брошюр, а также значительное количество русских периодических изданий, собранных Кеннаном во время поездки по Сибири...».¹⁹

2011

Примечания:

¹ Кеннан Дж. Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии. – СПб: типография М.Хана, 1871. – С. 27.

² Там же. С. 42.

³ МКМ. О. 1. Д. 25. Отчёты о деятельности музея и библиотеки. 1886 год. – С. 13.

⁴ Kennan G. Siberia and the exile system. Volume two. – New York: The Century Co., 1891. – С. 397.

⁵ Белокопский И. Отрывки из воспоминаний. В местах отдалённых. Ч. III. Жизнь в Минусинске / И. Белокопский // Голос минувшего. – М, 1914. - № 7. – С. 151.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Восточное обозрение. – Иркутск, 1885. - № 21. – С. 4.

⁸ Восточное обозрение. – Иркутск, 1886. - № 14. – С. 7.

⁹ Восточное обозрение. – Иркутск, 1886. - № 13. – С. 6.

¹⁰ Меламед Е. Джордж Кеннан против царизма. – Москва: Книга, 1981. – С. 46.

¹¹ Там же С. 60.

¹² Восточное обозрение. – Иркутск, 1889. - № 6. – С. 9-10.

¹³ Меламед Е. Джордж Кеннан против царизма. – Москва: Книга, 1981. – С. 62.

¹⁴ Там же. – С. 89.

¹⁵ Историческая библиография // Былое. – Петербург, 1906. - № 9. – С. 285.

¹⁶ Там же. С.286.

¹⁷ Ковалёв В. В Сибирь за правдой / В. Ковалёв, Л. Ермолаева // Енисей. – Красноярск, 1986. - № 3. – С. 71-78.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Баскаков Э.Г. Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США // История СССР. – Москва, 1959. - № 2. – С. 226-227.

К.И. Султанбаева,

г. Абакан

Сотрудничество сибирских просветителей Н.Ф. Катанова и Н.М. Мартьянова

Накануне 150-летнего юбилея со дня рождения выдающегося российского учёного-востоковеда Н.Ф. Катанова (1862-1922) и 135-летия со дня основания Н.М. Мартьяновым (1844-1904) Минусинского краеведческого музея (1877) представляется значимым осмысление плодотворного

сотрудничества людей, повлиявших на просветительство и образование в нашем регионе в кон. XIX – нач. XX вв.

Знакомство Николая Фёдоровича Катанова с Николаем Михайловичем Мартьяновым произошло, по мнению историка А.Н. Гладышевского, благодаря И.И. Каратанову, человеку, на самом деле ставшему истинным наставником будущего востоковеда Н.Ф. Катанова, приобщившего его в ученические годы к историко-этнографической литературе и наукам.¹ Очевидно, что Николай Катанов познакомился с Минусинским музеем и полюбил его ещё в школьные годы. Предположительно, любовь к музейному делу родилась у него под впечатлением активной музейно-просветительской деятельности энергичной личности Н.М. Мартьянова и его многочисленных соратников: А.В. Малинина, Т.Н. Сайлотова, Ф.И. Третьякова и др.

Систематическая переписка сибирских просветителей Катанова и Мартьянова начинается с 1883 г., судя по архивным данным. В это время Николай Катанов учился в Красноярской гимназии, проявлял уже сознательный интерес к изучению истории, этнографии и языка своего народа. Известно, что Н.М. Мартьянов создал музей в глухом сибирском городке, привлекая к этой деятельности всех просветителей, включая политических ссыльных, проживавших в Минусинске. Обладая большим организаторским талантом, он сумел сплотить вокруг идей музея самых разных людей, вольно или невольно принявших самое активное участие в развитии просветительства и культурной жизни местных жителей. Как указывали исследователи музееведческой просветительской деятельности Н.М. Мартьянова, ему удалось привлечь на свою сторону многих людей, являвшихся наиболее образованной частью минусинцев: политических ссыльных, обладавших передовыми для своего времени научными знаниями и занимавших активную социальную позицию, несмотря на гласный надзор местных властей.²

Такая позиция основателя музея способствовала распространению просвещения в Минусинском округе, придавая музейной деятельности поистине всенародный характер: всеобщий интерес к музею, несомненно, поддерживался не только Н.М. Мартьяновым, но и его бескорыстными соратниками: А.А. Кропоткиным, Д.А. Клеменцем, П.А. Аргуновым, Е.К. Яковлевым, И.П. Белоконским, А.А. Макаренко, Ф.Я. Коном, В.А. Ватиным-Быстряным и др. Создание Н.М. Мартьяновым музея в г. Минусинске отвечало объективно сложившимся географическим и этнокультурным условиям: во-первых, относительно благоприятный климат позволял экспериментировать с новыми растительными культурами в сельском хозяйстве и в садоводстве; во-вторых, обилие разного рода древних курганов и могильников на юге Енисейской губернии вызывало научный интерес отечественных и зарубежных археологов, историков; наконец, многонациональный состав региона в XIX в. привлекал внимание этнографов-учёных, лингвистов, путешественников. Поэтому всякий просвещённый человек понимал неопределимую роль Минусинского музея в жизни жителей сибирской глубинки.

В письмах Н.Ф. Катанова Мартьянову присутствует почтительное обращение и предупредительность в отношении предполагаемых расходов, связанных с просьбой студента Катанова прислать ему каталог музея и вообще всех изданий, связанных с Минусинским музеем. В частности, он благодарил Мартьянова за присланные книги «Минусинский публичный музей. Каталог и краткое описание», «Древности Минусинского музея» Д.А. Клеменца. Из воспоминаний И. Барашкова-Эпчелея о Катанове известно, что он высоко ценил деятельность Д. Клеменца как исследователя, музееведа, просветителя и общественного деятеля, оставившего свой неповторимый след в истории Сибири, развитии её просвещения и науки. «Катанов особо подчеркнул, что Клеменц под руководством Радлова В.В. (выдающегося российского востоковеда-тюрколога, наставника Катанова) участвовал в орхонской экспедиции совместно с Ядринцевым Н.М. в 1891 г.»³ Николай Фёдорович, сам путешественник-исследователь тюркских народов в труднодоступных восточных окраинах России, Монголии и Китая (1889-1992), восхищался Д.А. Клеменцем, про-

являвшим поистине необыкновенную изобретательность в организации успеха путешествий и в проведении сложных экспедиций. Н.М. Мартьянову удавалось привлечь к музейному делу таких энтузиастов-исследователей, независимо от их политических взглядов. На первое место он ставил интересы Минусинского музея, как он понимал, источника научного просветительства в глухом Сибирском уголке, где среди «инородцев» грамотных людей было чрезвычайно мало.

Одним из первых хакасских учёных, обративших внимание на роль Н.Ф. Катанова в развитии Минусинского музея посредством сотрудничества с его основателем Н.М. Мартьяновым, был профессор истории Я.И. Сунчугашев (1926-1996). Он показал неопределимый вклад Николая Фёдоровича в развитие первого музея на своей исторической родине, его неутомимые хлопоты по обогащению научной библиотеки музея редкими необходимыми научными изданиями, также его помощь в издании научных трудов музея практически на ничтожные средства, отпускаемые казной. Я.И. Сунчугашев показал, как развивались творческие отношения Н.Ф. Катанова с Мартьяновым на основе изучения его писем. Так, в одном из писем Мартьянову от 16 октября 1887 г. Николай Фёдорович благодарил за присланные каталог, атлас и описание музея и писал: «В знак памяти посылаю две статьи музею, касающиеся языка инородцев дорогого мне края». ⁴ Речь шла, вероятно, о книге Н.М. Мартьянова «Минусинский публичный музей. Каталог и краткое описание» и книге Ф.Я. Кона «Древности Минусинского музея». ⁵ Мартьянов в свою очередь интересовался учёбой Катанова в С-Петербургском университете, с пониманием относясь к его делам и проявив живой интерес к первым учёным публикациям Катанова. В свою очередь, Николай Фёдорович писал: «Я встретился недавно с бароном Тизенгаузеном, членом Археологической комиссии, и имел с ним продолжительную беседу о провинциальных музеях. В разговорах коснулся ваших изданий, он, как глубокий знаток археологии, расхвалил их. Но он говорит, что было бы лучше, если все предметы древности сосредоточивались в С-Петербурге, а провинциальные музеи могут довольствоваться снимками и слепками. Против этого возразил Г. Потанин. Он отстаивал своё мнение, что незачем обижать провинциальные музеи, что ведь Археологическая комиссия может довольствоваться снимками и слепками. После этих слов Тизенгаузен страшно осерчал и сказал: «В таком случае незачем просить у казны средств на издание своих каталогов, казна ведь не дойная корова». ⁶

Во время своей научной экспедиции в Сибири и на Востоке в 1889-1892 гг. Катанов не оставляет без своего внимания интересы Минусинского музея: он специально присылает найденный «диоритовый камень с отпечатками растений», предварительно полностью описав место и условия его нахождения. Для Катанова – исследователя характерна точность описания этнографических, музейных и лингвистических источников: место, люди, условия, что сегодня служит своеобразным путеводителем в историко-культурное прошлое народов. Периодически посещая Минусинск во время своего пребывания в сибирской экспедиции, Н.Ф. Катанов, вероятно, неоднократно встречался с Н.М. Мартьяновым, судя по теплоте и личному характеру писем. В частности, он держит Мартьянова в курсе своего исследовательского маршрута и выражает свою благодарность «за весьма вкусные блины, которыми Вы угощали меня зимой...». ⁷ Дружеские и тёплые взаимоотношения между этими творческими интеллигентными людьми сохранялись до конца.

В письме от 24 июня 1892 г. Н.Ф. Катанов писал из Китая основателю музея: «Прилагаю при сём 39 китайских монет красной меди (1/2 копейки в Китайском Туркестане) и желтой меди (1/6 копейки в п. Баркуль Хами, Сайдуне и Кульдже 1/5 копейки), 4 облигации в 2 р., два образца бумажек, наклеиваемых на подарки друзьям и 1 номер китайского Правовестника. Всего 45 вещей. Прошу принять и от меня их как пожертвование Минусинскому музею. Посылаемые вещи собраны мною в 1891 и 92 годах во время путешествия по округам Чали и Торбагатай и провинции Ганьсу-Сиань-Цзань». ⁸ Следует отметить, что после такого насыщенного путешествия на Восток Николай Фёдорович стал одним из лучших нумизматов России, обладавший большой коллекцией

древних китайских монет, умеющий расшифровать самые трудные надписи на них, и не только на монетах. Позднее по просьбе Н.М. Мартьянова он расшифровал надпись на древнем бронзовом зеркале с арабской надписью, посвятив ему специальную статью «Описание металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному музею г. Минусинска Енисейской губ., и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими» (Казань, 1900). Наряду с пополнением музея редкими вещами и предметами, Катанов принимал самое активное участие в комплектовании библиотеки музея, в особенности, когда он стал секретарём (1896), затем председателем (1898) Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета: он присылал печатные издания редких статей и книг, имеющих отношение к «минусинским инородцам» (хакасам) и вообще к Сибири. Регулярно присылая «Известия ОАИЭ» Н.М. Мартьянову, Катанов часто давал свои незначительные, но точные комментарии, что придавало деловой характер его письмам. В частности, из письма от 15 марта 1898 г. читаем: «...Пришлите мне отчёт за 1896 и 1897. Затем список Известий общества археологии, истории и этнографии, которых у Вас нет. Я нашёл часть книг непроданными. Так как интересы Минусинского музея столь же дороги, сколь и всякому сибиряку, любящему свою родину, то и мне хотелось пополнить Вашу библиотеку».⁹ Он просил далее прислать ему готовящийся Е.К. Яковлевым к изданию библиографический указатель по этнографии для того, чтобы внести корректуру (он нашёл его неполным и неточным). В следующем письме от 17 мая 1898 г. Катанов опять предлагает научные труды Казанского общества естествоиспытателей лично для Н.М. Мартьянова, зная о его увлечении народной медициной и природой местного края. Мы выделяем из этого письма: «...означенные книги я из любви к Сибири пошлю за собственный счёт».¹⁰

Далее, в письме от 17 октября 1898 г. Н.М. Мартьянову Катанов писал из Казани: «...спешу уведомить, что я всегда готов услужить музею моей дорогой Родины и библиотеке его, чем могу. Прежде в качестве секретаря, а теперь в качестве председателя, я всегда отстаивал при нашем Обществе археологии, истории и этнографии интересы сибирских музеев, библиотек и редакций».¹¹ Отметим, что за пристрастие к Сибири и тюркским племенам (по сути, своему народу) многие ортодоксальные профессора в Казани его недолюбливали, говорили, что он «слишком нянчится с инородцами».

В письме от 19 декабря 1901 г. Н.М. Мартьянову читаем: «В музей посылаю из Казанской учительской семинарии книги, в том числе на шорском языке, «Шорский букварь» и «Священную историю на русском языке», «Школьную программу для крещённых инородцев».¹² Озабоченность Катанова вопросами народного образования сибиряков была неслучайной: он не понаслышке знал о бедственном положении местных школ и учителей, кроме того, отсутствие учебников и методических программ для национальных школ являлось серьёзным препятствием во всенародном образовании коренного населения.

В письмах Николаю Михайловичу Катанов периодически даёт консультативные советы, как лучше составить библиографию или уточнённые названия хакасских названий предметов. Выявить общее число книг и статей востоковеда в дар музейной библиотеке – это самостоятельная исследовательская задача, решение которой покажет вклад выдающихся просветителей в формирование культурно-этнографического пространства в Сибири. В 1900 г. Минусинский музей принимал участие во Всемирной выставке в Париже и за уникальные экспонаты получил диплом и серебряную медаль. Летом того же года Н.Ф. Катанов вместе с супругой был в научной командировке в Германии, Италии, Франции для знакомства с редкими восточными рукописями и книгами, что входило в предмет его научных интересов и профессиональной деятельности. Он посетил Сибирский отдел Парижской выставки, получив удовлетворение от Минусинской коллекции. Он писал: «...с удовольствием осмотрел Ваши экспонаты: шамана наших инородцев и пр. Всё вышло чудесно, жаль только, что при них нет ярлыков с названиями».¹³

Николай Фёдорович, сам страстный музеевед и основатель нескольких музеев в Казани, по достоинству оценил музееведческую деятельность своего коллеги и друга: «Высоко ценя научные заслуги основателя музея многоуважаемого Н.М. Мартьянова и незабвенные услуги, оказанные и оказываемые им и его музеем русским учёным и иностранным (например, финским, шведским, немецким, австрийским, итальянским и др.), интересовавшимся южной Сибирью и сопредельными странами в отношениях археологическом, историческом, этнографическом и др. Для себя считаю приятным долгом принести дорогому для всех учёных людей и по богатству и устройству, составляющему истинную гордость Сибири Минусинскому музею горячее приветствие в день ¼ векового существования и от души пожелать ему многие-многие годы, а основателю его крепкого здоровья и долгой счастливой жизни во славу Отечества и на радость почитателей его, к числу коих относит себя и нижеподписавшийся Председатель Общества Н. Катанов».¹⁴

Бескорыстно служа интересам Минусинского музея, Н.Ф. Катанов, так же как и его основатель, тратил много сил и времени на издание книги Ф.Я. Кона в Казани, взяв на себя хлопоты с корректурой, рецензированием и типографскими расходами. Книга «Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет» Ф.Я. Кона вышла в свет в 1902 г., имела огромное значение для пропаганды просвещения и музейной культуры среди российской интеллигенции и сибирских народов.

В письме Катанова Мартьянову от 24 мая 1902 г. есть фраза: «...дай Бог Вам здоровья крепкого за то, что Вы бескорыстный создатель своего музея и держите его единственно своей любовью к науке».¹⁵ Далее, в следующем письме: «Вечная слава Вам, создавшему почётный музей собственной энергией и любовью. На своём веку я видел до 30 музеев, но людей, которые любили музей ради науки, как любите музей Вы, я нигде не встречал».¹⁶ Как видно из этих писем Н.Ф. Катанова, человека достаточно сдержанного, деликатного и скупого на эмоциональные выражения, присутствует явно восторженное признание в любви к человеку, преданного любимому делу, полезного во всех отношениях для настоящего и будущего. Минусинский музей – это живой памятник выдающемуся просветителю, исследователю Н.М. Мартьянову. Сегодня музей продолжает оставаться хранителем нашего историко-культурного наследия, исторической памяти, источником краеведческих знаний и центром патриотического воспитания подрастающих поколений.

2011

Примечания:

¹ Николай Фёдорович Катанов. Письма / Сост. А.Н. Гладышевский. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. - 44 с. С.26.

² Ковалёв В.А., Ермолаева Л.Н., Шадрин И.Е. Минусинск.- Красноярск: Кн. изд-во, 1986.- С.31-39., с.35-36.

³ Барашков – Эпчелей И. Катанов Н.Ф.// Николай Фёдорович Катанов. Материалы и сообщения. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958. - С. 152-154., с.153.

⁴ Сунчугашев Я.И. Об участии профессора Н.Ф. Катанова в деятельности Минусинского музея // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIII. – Абакан, 1969. - С. 161-167., с. 162.

⁵ Николай Фёдорович Катанов. Письма / Сост. А.Н. Гладышевский. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. - 44 с., с.28.

⁶ Там же. с. 29.

⁷ Там же. с. 30

⁸ Там же.

⁹ Там же. с. 32

¹⁰ Там же. с.33

¹¹ Там же.

¹² Там же. с. 37.

¹³ Там же. с.35.

¹⁴ Там же. с.38.

¹⁵ Там же. с. 39.

¹⁶ Там же. с. 40.

В.И. Терентьева,
пос. Шушенское

Портрет на фоне эпохи

К 140-летию со дня рождения Анатолия Ванеева (1872-1899)

Десятки тысяч экскурсантов со всех уголков бывшего Советского Союза ехали в Ермаковское, чтобы увидеть дом на краю села, где у постели умирающего от туберкулёза Ванеева В.И. Ульянов (Ленин) с товарищами по революционной борьбе и ссылке приняли «Протест российских социал-демократов». Заканчивалась экскурсия у могилы Ванеева на Ермаковском кладбище. В сентябре 1970 г. на могиле установлен гранитный памятник работы ныне здравствующего красноярского скульптора А.Х. Абдрахимова. Не однажды я видела слёзы на глазах наших гостей – так трогал их рассказ о печальной судьбе молодого революционера.

И мы, сотрудники филиала, любили «своего Ванеева», старались искать, не просто по долгу службы, всё новые сведения о нём. Биография и судьба Анатолия Ванеева заинтересовали меня не случайно – ведь первым местом работы в 1973 г. стал Ермаковский филиал Шушенского музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина». Мне довелось побывать почти во всех местах, так или иначе связанных с его биографией: Горький (Н. Новгород), Ленинград (Санкт-Петербург), Москва, Красноярск, Енисейск. Работала в музеях, архивах; встречалась с учёными, которые занимались ленинской темой. Установились связи с родственниками Ванеева, экипажем теплохода «Анатолий Ванеев».

Потом была «перестройка»... В пылу политических страстей и исторического нигилизма стали забываться имена прежних кумиров, поток туристов резко упал. Совещание 17-ти ссылных, подписавших «Протест российских социал-демократов», перестало быть главным событием полуторавековой истории Ермаковского. Да и «Кредо» «экономистов», приведённое в «Протесте...» для сравнения, стало казаться более симпатичным и бескровным вариантом дальнейшего развития рабочего движения в России. Вскоре встал вопрос и о закрытии филиала.

Прошли годы... Разбирая бумаги и рукописи «ермаковского» периода работы, «на всякий случай» задвинутые в самый дальний угол книжного шкафа, я натолкнулась на биографический очерк о Ванееве, так и не увидевший света. Интересно читать свои рукописи, «отлежавшиеся» более 20 лет! За эти годы белое успело стать чёрным, но и чёрное вдруг начало светлеть... И подумалось: ведь все мы (или почти все) принимали искренне идеологию, созданную для нашего поколения. И Ванеев так же искренне верил в теорию Маркса, которую одновременно с Лениным, а потом под его руководством внедрял в сознание рабочих – искренне, беззаветно, жертвенно! Так почему же не рассказать об этом человеке на фоне его эпохи, чтобы понять, что двигало им, чем он жил, что любил, во имя чего страдал? Рассказать, как сложилась судьба его сына, родившегося в Ермаковском через 20 дней после смерти отца и названного в его честь Анатолием, и внука – тоже Анатолия; поискать правнуков. В этой семье были священники, царские чиновники, революционеры, советские учёные, педагоги, участники Великой Отечественной войны, и, как позднее выяснилось, репрессированный религиозный философ...

Анатолий Александрович Ванеев родился 26 февраля 1872 г. в семье помощника делопроизводителя архангельского губернского правления, не имеющего чина, Александра Степановича Ванеева. Дед Анатолия был архангельским священником. Когда мальчику исполнилось 6 лет, семья переехала в Нижний Новгород, где отец занял чиновничью должность. Здесь Анатолий окончил уездное училище, дополнительный класс реального училища и впервые познакомился с марксистами. Вскоре он уехал в Петербург, который в 90-х гг. XIX в. стал центром марксистской мысли и собирания социал-демократических сил России.

В Технологическом институте, где юноша начал учиться в 1893 г., он вступил в революционный кружок, в котором глубоко изучалась теория К. Маркса. В этом же году из Самары в столицу приехал и Владимир Ульянов. Встреча с ним во многом определила дальнейший жизненный путь Ванеева. В марксистском кружке началась их дружба, продолжавшаяся до последних дней жизни Анатолия Александровича.

Два года активной антиправительственной пропаганды и агитации закончились массовыми арестами и 14-месячным тюремным заключением в одиночных камерах Дома предварительного заключения. Эти месяцы были заполнены чтением, изучением языков, перепиской. Я помню, с каким удивлением и восхищением держала в руках (спустя почти 100 лет!) хранившуюся в Центральном партийном архиве записную книжку Ванеева, заполненную мелким, красивым, ровным почерком, – более 250 страниц конспектов книг по истории, политэкономии, философии, литературе! Опубликованные письма Ванеева из тюрьмы прекрасно дорисовывают портрет этого человека – мыслящего, восторженного, целеустремлённого.

Оставшиеся на свободе товарищи по организации, стараясь облегчить участь заключённых, подбирали для них девушек из революционной среды, которые под видом невест навещали узников, приносили продукты, книги, писали письма. Партийная невеста Ванеева Доминика Васильевна Труховская вскоре стала настоящей невестой и последовала за ним в сибирскую ссылку.

Перед высылкой в Сибирь члены руководящей группы петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (такое название позднее получила разгромленная организация) оставили для истории знаменитый снимок, без которого не обходился ни один учебник по истории коммунистической партии.

Местом ссылки Ванееву назначили Туруханск, но по дороге туда, в Енисейске, его догнало распоряжение о медицинском освидетельствовании, по результатам которого, ввиду слабости здоровья, его и оставили в этом городе. В Енисейск к Анатолию Александровичу приехала Доминика Труховская, здесь они обвенчались в Успенской церкви.

В недолгой жизни Анатолия Ванеева почти двухлетний енисейский период занимает заметное место. Несмотря на все трудности ссылки, он не отчаивался, много работал над собой, вёл обширную переписку, публиковался в сибирских газетах, протестовал против притеснений властями политических ссыльных. И не случайно в жандармском отчёте за 1897 г. по Енисейскому округу ему была дана такая характеристика: «...Самая вредная личность из числа всех гласно-поднадзорных по своему влиянию на людей, приходящих в соприкосновение с ним».

Только весной 1899 г., когда уже очевидны были признаки чахотки, Ванеева перевели в с. Ермаковское с более благоприятным климатом. По дороге к новому месту ссылки супруги заехали на Сафьяновскую заимку под Минусинском, где встретились с товарищами по ссылке – супругами Г.М. и З.П. Кржижановскими, В.В. и А.М. Старковыми.

В Ермаковском Ванеевых встретил их старый друг – ссыльный нижегородец М.А. Сильвин. Он уступил им удобную квартиру на краю села, которую снял в ожидании своей невесты. Отбывавший ссылку в этом селе В.К. Курнатовский в конце июня писал о Ванееве друзьям в Киев: «Из всех ермаковских товарищей он нравится мне больше всех – человек замечательно простой, деликатный. Конечно, теперь он не занимается и почти не следит за литературой, но по уровню его знаний и ума я ставлю его не ниже Глеба (Кржижановского – *авт.*). В нём пропадает редкий души человек и дельный работник».

Тяжёлое состояние здоровья Анатолия Александровича стало одной из причин того, что именно в Ермаковском состоялось совещание ссыльных товарищей по обсуждению и принятию написанного В.И. Ульяновым «Протеста российских социал-демократов» (В.И. Ленин. ПСС, т. 4). Кроме того, в Ермаковском летом 1899 г. сложилась самая многочисленная колония политических ссыльных.

Для Анатолия Александровича эта встреча с товарищами стала последней. Болезнь быстро прогрессировала. «Анатолию всё хуже и хуже», – написал из Шушенского своим родным В.И. Ульянов 1 сентября 1899 г. Спустя неделю, 8 сентября, А.А. Ванеев умер.

На Абаканском железодобывающем заводе товарищи Ванеева заказали чугунную плиту на его могилу с надписью: «Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 г. 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ». Насколько дальновидно поступили товарищи, заказав для могилы своего соратника эту чугунную плиту, благодаря которой сохранилось место, где он остался навсегда!

28 сентября у Доминики Васильевны родился сын. Об этом сообщили в Нижний Новгород родителям Анатолия Александровича. Его мать Анастасия Ивановна 10 октября приехала в Ермаковское. Эта немолодая женщина, редко отлучавшаяся далеко от дома, решила на трудную, долгую, утомительную поездку, чтобы побывать на могиле старшего сына, поддержать его вдову, увидеть внука.

Доминика была из купеческой семьи, её родители не одобряли брак с «политическим». Поэтому из Ермаковского она с сыном уехала в Нижний Новгород и поселилась в семье свёкра.

Младший сын Ванеевых – Василий, знавший Доминику ещё по подпольной работе в Петербурге, предложил ей стать его женой и вместе воспитывать маленького Анатолия. Согласившись на это предложение, Доминика Васильевна навсегда связала свою жизнь с Нижним Новгородом и семьёй Ванеевых. После революции она ездила в Москву, встречалась с Н.К. Крупской. По её совету занялась дошкольным воспитанием, возглавила один из первых детских садов в г. Бор Нижегородской губернии. Но проработала недолго: 3 марта 1920 г. умерла от свирепствовавшего тогда тифа.

В этом же году сын Анатолия Александровича и Доминики Васильевны поступил в Нижегородский университет на электромеханический факультет. Из-за тяжёлых материальных условий вынужден был подрабатывать. Ему посчастливилось стать практикантом у М.А. Бонч-Бруевича – одного из пионеров советской радиомеханики. В этой области знаний Ванеев-младший достиг больших успехов. В предвоенные годы он возглавлял самый крупный научный отдел головного института – отдел радиокерамики, читал курс лекций по электрическим колебаниям в Ленинградском электротехническом институте, а затем – в Ленинградском университете.

В начале Великой Отечественной войны Анатолий Анатольевич по запросу военкомата был направлен в качестве консультанта по средствам связи в распоряжение командования Ленинградского фронта. Когда необходимость в этом отпала, учёный мог вернуться в институт, но он добровольно остался в рядах защитников Ленинграда и погиб в ноябре 1941 г.

О сыне Анатолия Анатольевича, по семейной традиции тоже названном Анатолием, было известно, что он родился 7 марта 1922 г. в Нижнем Новгороде. В 1924 г. вместе с родителями переехал в Ленинград. После окончания средней школы поступил на химический факультет Ленинградского университета. В 1940 г. был призван в армию, в сентябре 1941-го ранен и в 1943 г. демобилизован, работал преподавателем физики в школе № 33 в Ленинграде. С 1968 г. был заведующим кабинетом физики в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей. Под его редакцией написаны учебники физики для средней школы. Умер 5 ноября 1985 г.

Когда я вернулась к рукописи, прежние источники информации были уже утрачены, и вероятность узнать о судьбе потомков оставшегося на сибирской земле революционера была минимальной. Тогда пришло решение написать на передачу «Жди меня». Через несколько месяцев раздался долгожданный звонок. Владимир Иванович Шаронов – в то время заместитель генерального директора ВГТРК «Россия» – сказал, что увидел моё письмо на сайте «Жди меня» и решил помочь. Обменялись электронными адресами, и началась интересная переписка. Оказалось, что В.И. Шаронов лично знал Анатолия Анатольевича Ванеева. Их сближало то, что оба они – последователи философского учения Льва Карсавина.

Владимир Иванович подсказал, где и как искать интересующие меня сведения. Благодаря В.И. Шаронову стали известны и печальные страницы истории этой семьи, которые ранее скрывались.

Внук Анатолия Александровича Ванеева после демобилизации по ранению в 1943 г. посещал Студию начинающего автора при Ленинградском отделении Союза писателей. В марте 1945 г. он был арестован и приговорён Военным трибуналом войск НКВД к 10-ти годам лишения свободы (ст. 58-10 и 58-11). Сначала был в лагере в Архангельской области, потом – в нескольких населённых пунктах Коми АССР. После пересмотра дела в 1955 г. реабилитирован и восстановлен на прежней работе.

В первом браке у Анатолия Анатольевича был сын Александр. Сведений о нём у нас не было. Во втором браке у Анатолия Анатольевича родился сын, которого называли Львом (возможно, в честь известного русского философа Льва Платоновича Карсавина, с которым А.А. Ванеев был вместе в лагере, где и стал последователем его религиозно-философского учения – *авт.*). Карсавин умер в лагере от туберкулёза в 1952 г. 70-ти лет от роду. Последние дни рядом с ним был А.А. Ванеев. В 1979 г. он написал «Очерк жизни и идей Л.П. Карсавина», в котором представил его как русского религиозного мыслителя. В 1990 г. в сборнике «Наше наследие» (№ 3-4) вышла книга А.А. Ванеева «Два года в Абези», которую он сам назвал «памятником Карсавину».

Сведения, полученные от Владимира Ивановича Шаронова, помогли дополнить родословную Ванеевых, узнать, что представитель пятого поколения семьи Ванеевых Лев Анатольевич в настоящее время живёт в Америке. Это единственное, что было известно об этой семье.

17 января текущего года, когда статья уже была отправлена в газету, на мой электронный адрес пришло письмо от Льва Анатольевича Ванеева! «...Недавно у меня родился сын, и я хотел бы, чтобы он вырос со знанием семейной истории», – написал правнук революционера. Обратиться в Шушенское ему посоветовал В.И. Шаронов. В ходе переписки были уточнены некоторые сведения. Старший брат Льва Анатольевича – Александр, 1957 г. рождения, стал архитектором, погиб в катастрофе 2 года назад, у него осталась дочь.

Лев Анатольевич закончил философский факультет Санкт-Петербургского университета и переехал в Америку вместе с матерью Еленой Ивановной. Е.И. Ванеева – специалист по древнерусской литературе, кандидат наук, 17 лет была референтом академика Д.С. Лихачёва.

Непростая история семьи Ванеевых, прослеженная (теперь уже – в шести поколениях) – отражение сложной, противоречивой истории нашей страны.

2011

В.И. Терентьева,
пос. Шушенское

Памяти художника Анатолия Ивановича Чехлова

Анатолий Иванович Чехлов родился в Красноярске 6 сентября 1939 г. в рядовой советской семье. Вернувшийся с войны отец играл на гармошке, научился и сын. Однажды он с другом пошёл в ДК железнодорожников записываться в музыкальный кружок, но там уже прошёл набор. Мальчишки забрели в класс, где все рисовали, и туда их взяли – был недобор. Наверное, это была судьба...

В 1958 г. Анатолий поступил в художественное училище им. В.И. Сурикова в родном городе, а на пятом курсе его призвали в армию. Попал в армейскую газету, где писал статьи и сам их иллюстрировал. Его литературные способности были замечены, молодого человека приглашали на работу в серьёзные газеты. Уже в армии он был принят в Союз журналистов СССР. Закончив в 1966 г. художественное училище, поступил на факультет журналистики Иркутского университета, но проучился недолго – всего два года.

В 1967 г. Анатолия Ивановича пригласили работать директором Шушенской детской художественной школы. И окончательный, как оказалось, на всю жизнь, выбор был сделан. Шушенская «художка» стала для него делом всей жизни. Здесь А.И. Чехлов стал учителем, оставаясь художником и журналистом. Школа была одной из первых, открытых в российской глубинке, она стала «опорной» для южных районов Красноярского края, а это ко многому обязывало директора.

В 1990 г. Анатолию Ивановичу был вручен знак Министерства культуры СССР «За отличную работу», а в 1996 г. он удостоился звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В эти годы художник активно участвует в выставках, организуются и его персональные выставки. Не оставляет он и журналистику – активно печатается в газетах, а в 1987 г. тиражом 100 тыс. экз. была издана его книга «Шушенскими тропами», в 1991 – повесть «Тайна каменного сейфа».

В 1999 г., юбилейном для Анатолия Ивановича, его персональная выставка «В Шуше, у подножия Саян» работала в шушенском музее-заповеднике, потом совершила путешествие по южным районам края. В апреле 2001 г. в Городском выставочном зале Красноярска открылась персональная выставка А.И. Чехлова, на которой были представлены 83 работы. Присутствующий на открытии выставки известный в крае писатель Эдуард Русаков подарил художнику свою книгу с таким автографом: «Анатолию Чехлову – писателю – педагогу – Человеку в день открытия замечательной выставки».

К этой выставке районным отделом культуры (автор проекта – В.И. Терентьева) совместно со спонсором – депутатом Госдумы С.В. Генераловым – был подготовлен цветной каталог, который назывался «Анатолий Чехлов. Краски Шушенской земли». В нём представлены основные события жизни и творчества художника, отмечены более 80-ти живописных и графических работ, воспроизведены – 12. Составитель каталога-буклета искусствовед, член Союза художников России Любовь Ивановна Шаповалова сделала профессиональный анализ творчества А.И. Чехлова. А поскольку это единственный известный пока нам анализ, стоит его привести с небольшими сокращениями: «У него редчайший дар выразить себя сполна, любым средством – цветом, словом, звуком. Он занимался музыкой, но она не стала главной в его творчестве... Чехлов имеет в мастерской четыре печатные машинки, на продолжительный отдых обязательно берёт одну из них и этюдник. Он автор маленьких новелл, литературных миниатюр и многочисленных пейзажей. Кого в нём больше – живописца или писателя, сказать трудно. ... Его новеллы очень живописны, а пейзажи – поэтичны. В колорите многих его картин – настоящая музыка цвета. Увлечение в своё время музыкой сделало его по-особому восприимчивым к ритму и цветовой гармонии, что заметно во многих его картинах, и среди них «Луна над Шушью», которую можно считать виртуозным цветовым ноктюрном.

Утончённая тональная проработка лёгкой россыпью красочного мазка присуща его полотнам «Лето», «Светлый май», «Ивановский пруд», перламутровые оттенки бирюзово-зелёных тонов последнего дышат прохладой. Прекрасны его осенние мотивы «Корниловский пруд», «Начало сентября», «Тёплое озеро», «Ранний снег на реке Оя» с золотом листвы – то звонким и упругим, то разомлевшим от зноя, то пожухшим и озябшим...

В своих картинах он продолжает традицию реалистического изображения окружающего мира, присущую русской пейзажной живописи и сибирской школе, основоположником которой в Красноярске был Д.И. Каратанов».

Предметом особой гордости Чехлова были успехи его учеников. Уже первый выпуск Шушенской «художки» дал известного в настоящее время мастера – члена Союза художников России, профессора Красноярского художественного института Владимира Ивановича Переятенца. Все ныне работающие педагоги школы – его ученики. В одном интервью газете «Красноярский рабочий» (16.03.2001) Анатолий Иванович говорил, что все, кто учился в художественной школе, состоялись как полноценные граждане своей страны, нашли своё место в жизни.

Анатолий Иванович почему-то не любил осень, хотя родился ранней осенью, а умер – поздней... (30.10.2010). Его осенние пейзажи пронзительно грустны. Он всегда был с людьми, детьми, имел друзей, но последние годы жизни прошли в одиночестве... Был творчески плодовит, работы разлетелись далеко за пределы Шушенского, но нет полного списка его картин, а юбилейный каталог оказался единственным в его творческой биографии...

После смерти художника его единственная дочь Марина Анатольевна Гущина (Чехлова) передала музею более 60-ти живописных и графических работ. Вместе с уже имеющимися в музее работами мастера получилась солидная коллекция – более 100 работ. Теперь в фондах музея будут храниться и подлинные вещи Анатолия Ивановича: его мольберт с незаконченной работой, палитра, ваза с кисточками, пишущая машинка, настенные часы, книги, фотографии и знаменитый берет художника.

Поскольку теперь это одна из самых многочисленных именных коллекций нашего музейного художественного фонда, предстоит большая работа по изучению творческого наследия художника и сохранению памяти о нём. В наших планах подготовить по возможности полный каталог работ Анатолия Ивановича, в т. ч., находящихся в частных коллекциях.

2011

Литература:

1. Горшкова Л. В мастерской художника – «Ленинская искра», декабрь 2005.
2. Несяев В. С душою ссориться нельзя (о Чехлове) – «Красноярский рабочий», 16.03.2001. – С. 8.
3. Новосад К. Художник цвета и слова – «Ленинская искра», 28.11.2001.
4. Нюдилова Н. И лес в весёлом зареве... – «Красноярский рабочий», 04.01.1991. – С.3.
5. Петров Н. Человек в Сибири. – «Партнёр» (информационно-аналитический журнал ТППРФ), Москва, №3 (20), июль 2008. С.63.
6. Поминов А. А я люблю товарищей своих – «Ленинская искра», 14.06.2002. – С.2.
7. Терентьева В. Краски земли Шушенской – «Ленинская искра», 11.05.2001. – С.2.
8. Чехлов Анатолий. Краски Шушенской земли. Л. Шаповалова – Красноярск, 2001.
9. Чехлов Анатолий. Шушенскими тропами – Красноярское книжное издательство, 1987. 42 с.

А.Н. Тимофеев,
г. Красноярск

Календарь Мартьянова (реконструкция биографии)

Мартьянов Николай Николаевич [Mikulaj/Mikulias Martianov¹ – чешск.; Nicolaus Martianoff – нем.; Nikolai Martianoff – шведск.; Nicholas Nicholas Martianoff² – амер.] (31.08.1893,³ г. Минусинск, Енисейской губ. – ? 02.1984, Нью-Йорк⁴) – участник первой мировой войны, Георгиевский кавалер, журналист, редактор, издатель, директор и владелец русского книжного магазина в Нью-Йорке.

Православного вероисповедания.⁵ Из семьи провизора, основателя Минусинского публичного естественноисторического музея Н.М. Мартьянова. В 1906 г. «после домашнего приготовления» поступил в IV класс Красноярской губ. гимназии, которую окончил в 1913 г.^{6,7} С 02.08.1913 г. – студент историко-филологического факультета Московского университета.⁸ Желая принять активное участие в начавшейся войне, обучался на курсах братьев милосердия,⁹ проходил практику в хирургической лечебнице Руднева.¹⁰ 12.11.1914 г. записался в 1-й Сибирский врачебно-питательный отряд,¹¹ в составе которого выехал на фронт. По прибытии в г. Опочно Радомской губ. (28.11.1914 г.) определён в состав летучки¹² «Б».¹³ На 26.01.1915 г. – старший студент-санитар Сибирского передового врачебно-питательного отряда.¹⁴ В качестве санитаря принимал участие в боях,¹⁵ за отличие награждён Георгиевской медалью 4 ст. В начале мая 1915 г. заболел маля-

рией и отправлен в отпуск на лечение. На конец мая 1915 г. – в Красноярске, проездом в г. Минусинск. На фронт вернулся в конце июня – начале июля в свою летучку, которая находилась в районе Люблина.¹⁶ На 22.07.1915 г. – в д. Бжостувке. Исполнял обязанности заведующего обозом раненых.¹⁷ 20 сентября 1915 г. в качестве парламентария принимал участие в переговорах, в результате которых стало возможным подобрать раненых, более трёх суток пролежавших без перевязки и воды вблизи немецких позиций.^{18,19} В начале ноября 1915 г. подал прошение о поступлении в Александровское военное училище (Москва), но был уволен от военной службы по болезни сердца. Поступил на работу доверенным в Главный Комитет по снабжению армии Всероссийского Земского и Городского Союзов. Командирован в порт Александровск для отправки грузов «Земгора», полученных из Америки.²⁰ Около 1,5 мес. находился в Архангельске. 28.03.1916 г.²¹ отправился на ледоколе «Бельявенгур» в порт Александровск, куда прибыл 14.04.1916 г.²² Работал в порту, обратно отплыл в конце апреля 1916 г. С мая 1916 г. – на передовой (под Барановичами) в команде пеших разведчиков 266-го Пореченского полка, куда поступил добровольцем из состава братьев милосердия 1-го Сибирского санитарно-питательного отряда.^{23,24,25} В бою 20 июня был ранен в грудь и в руку, но, несмотря на это, вёл роту в атаку, пока не потерял сознание. Награждён Георгиевским крестом 4 ст.²⁶ На излечении находился в Минске, в английском госпитале. На 5 ноября 1916 г. – в Ялте, в солдатском санатории Общества повсеместной помощи,²⁷ где закончил воспоминания о своём друге Сергее Шлихтере, умершем от ран.²⁸ 10.05.1917 г. комиссией врачей в Минусинске при местной команде признан «не годным к военной службе по 18 ст. л.а. парез»²⁹ левой руки». ³⁰ 8.07.1917 г. подал прошение ректору Московского университета с просьбой зачислить в качестве действительного студента на юридический факультет, освободив «от платы за слушание лекций, как Георгиевского кавалера, уволенного от военной службы вследствие ранения». ³¹ Сведения о роде занятий после Октябрьского переворота 1917 г. противоречивы. По данным Александрова, участвовал в заговоре эсеров против Ленина. Заговор не удался, и Мартьянов бежал на юг России, где вступил в Белую армию.³² По другим сведениям, был участником покушения на В.И. Ленина,³³ младшим лейтенантом Чехословацкой армии,³⁴ в составе которой отплыл в Европу. В эмиграции в Чехословакии. Поступил в Карлов университет в Праге и, в качестве вольнослушателя на факультете философии и искусств (преподавание на чешском языке),³⁵ посещал занятия в течение трёх семестров: зимний 1919/20, летний 1920, зимний 1920/21 гг.³⁶ Член Административного Центра по особым поручениям, служащий ревизионной комиссии (1920 г.). Член инициативной группы (Париж, 1921 г.), сотрудник газеты «Воля России» (12.1921 г.).³⁷ При консульстве окончил курсы для дипломатических работников.³⁸ Участник (?) совещаний бывших членов Всероссийского Учредительного собрания в Париже (январь. 1921 и январь. 1922 гг.)³⁹. С марта (?) 1922 г. – в Германии на условиях временного проживания.⁴⁰ С 14 апреля до конца 1922 г. – главный редактор ежедневной газеты «Голос России», выходившей в Берлине на русском языке.⁴¹ Редактор журнала «Революционная Россия» № 19 от мая 1922 г. (Берлин).⁴² Эмигрировал в США, прибыл в Нью-Йорк 03.10.1923 г. из Гетеборга (Швеция) на корабле «Kungsholm». ⁴³ На 18.04.1925 г. – хозяин придорожного кафе в шт. Коннектикут.⁴⁴ С 1927 г. – в Школе Бизнеса при Колумбийском университете, которую окончил в июне 1929 г., получив степень Master of Science.⁴⁵ 01.01.1933 г. подал петицию о предоставлении гражданства США.⁴⁶ Натурализован 14.11.1938 г.⁴⁷ Работал в редакции газеты «Новое русское слово» (Russian Daily Newspaper, 413 E, 14 St., New York). Основал и успешно вёл на протяжении нескольких десятилетий собственное издательское дело, занимаясь торговлей книгами на русском языке. Подготовил и издал несколько справочников, рассчитанных на эмигрантов из России. Особый успех принесло издание большими тиражами отрывных и настольных календарей на русском языке, которые выходили с 1941 г. и продолжают выходить под именем Мартьянова после его кончины. Календари содержат сведения о законодательстве, истории США, о русскоязычных периодиче-

ских изданиях, о православных приходах в Америке, объявления и другие сведения, по которым можно судить об интересах русских эмигрантов в Нью-Йорке.⁴⁸ Своей работой на издательском поприще помог выходцам из России адаптироваться в американском обществе, сохранив национальную идентичность.

Родственники: отец – Мартьянов Николай Михайлович (15.07.1844, Виленская губ. – 30.11.1904, г. Минусинск, Енисейская губ.), мать – Мартьянова Аполлинария Александровна (урожд. Аргунова, 1861, г. Енисейск – 01.10.1895, г. Минусинск, Енисейская губ.), мачеха, воспитывавшая с 11-летнего возраста, – Мартьянова (в девичестве – Баженова, по первому браку – Малинина) Елена Константиновна (25.02.1852, Красноярск – 05.09.1917, г. Минусинск, Енисейская губ.); братья: Виктор (18.08.1886 – 01.01.1887), Евгений (13.11.1888, г. Минусинск, Енисейская губ. – 17.12.1964, г. Минусинск, Красноярского края),⁴⁹ Александр (09.04.1890 – после 1935, Москва, расстрел⁵⁰); сёстры: Мария (20.04.1884 – 31.07.1884), Анна (24.04.1885 – 12.09.1885), Нина (19.05.1891 – после 1920)⁵¹; жена – Джейн (урожд. Хьюстон/Jane Houston, 07.02.1907, Цинциннати, шт. Огайо – ?), дети: Нина [амер. – Nina] (р. 5.11.1931, Нью-Йорк), Николай [амер. – Nicholas] (р.12.04.1934, Нью-Йорк).

Сочинения: Мартьянов Н.Н. Воспоминания о Сергее Шлихтере // На пороге жизни: (из писем и дневника студента-санитара) / С.А. Шлихтер. Красноярск. Енисейская губерн. эл. типография, 1917; Мартьянов Н.Н. Русский в Америке. Полный русско-американский справочник. Нью-Йорк. 1939; Мартьянов Н.Н. Список русских профессоров, преподающих в американских университетах; Русско-английский разговорник: A conversation guide for russians in the United States / сост. Н.Н. Мартьяновой; под ред. Н.Н. Мартьянова. – Нью-Йорк: [б. и.]. – 127 с.; RUSSIAN-AMERICAN CALENDAR-GUIDE, 1950 = Русский настольный календарь-справочник на 1950 год / под ред. Н.Н. Мартьянова. New-York. Изд-во Н.Н. Мартьянова, 1950. – 144 с.⁵²

Автор благодарит Александра Викторовича Ульверта, указавшему редкую книгу, содержащую важные биографические сведения, Нину Степановну Малкову – за сведения о роде занятий Н.Н. Мартьянова в 1922 и 1925 гг., Надежду Алексеевну Егорову за предоставление библиографической информации о календарях Мартьянова в фонде Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына и Валентину Викторовну Нагорных – за уточнение дат жизни ближайших родственников.

2011

Примечания:

¹ Student catalogue of the Faculty of Arts of the Charles University in Prague, Winter Semester 1919/20, fund Charles University in Prague 1881 – 1950, Archive of the CU Prague.

² Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ancestry.com>

³ Архив г. Минусинска, Ф.59. О.2. Д.5. Л.38.

⁴ Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биограф. слов. Хэмден, Коннектикут; Сан-Франциско; СПб.: [б. и.], 2005. С. 331–332.

⁵ Городской архив г. Минусинска. Ф.59. О.2. Д.5. Л.38.

⁶ ГАКК. Ф.348. О.1. Д.384. Л.182.

⁷ ЦИАМ. Ф.418. О.327. Д.1426. Лл.6-6 об.

⁸ ЦИАМ. Ф.418. О.327. Д.1426. Л.1., также письмо ЦИАМ от 11.1.2011 № 48349/Т-180 (архив автора).

⁹ Шлихтер С.А. На пороге жизни: (из писем и дневника студента-санитара). Красноярск: Енисейская губерн. эл. типография, 1917. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же. С. 1.

¹² Там же. С. 12. Летучка – перевязочный пункт отряда, имеющий специальный штат медицинского персонала и работающий в непосредственной близости к передовым позициям.

¹³ Шлихтер С.А. На пороге жизни: (из писем и дневника студента-санитара). Красноярск: Енисейская губерн. эл. типография, 1917. С. 22

¹⁴ ЦИАМ. Ф.418. О.327. Д.1426. Л.17.

¹⁵ Шлихтер С.А. На пороге жизни: (из писем и дневника студента-санитара). Красноярск: Енисейская губерн. эл. типография, 1917. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 24.

- ²⁰ Там же. С. 35.
²¹ Там же. С. 207.
²² Там же. С. 239.
²³ Там же. С. 33.
²⁴ Там же. С. 42.
²⁵ Минусинский вестник. №21, 14 августа и № 26, 21 августа 1916 г.
²⁶ Южная Сибирь. 1916. 2 июля, 19 июля; Надежда. 1999. № 117 (1250). 11 окт. С. 3 // МГА. Ф.1090. О.3. Д.22. Л.35.
²⁷ ЦИАМ. Ф.418. О.327. Д.1426. Л.16.
²⁸ Шлихтер С.А. На пороге жизни: (из писем и дневника студента-санитара). Красноярск: Енисейская губерн. эл. типография, 1917. – С. 41.
²⁹ Парез – частичный паралич конечности. Источник: Неврология: пер. с англ. / под ред. М. Самуэльса. М.: ПРАКТИКА, 1997. – С. 471. (У других авторов – «обессиливание двигательной функции из-за поражения нервной системы; состояние слабости тех или иных групп мышц, связанное с отключением мышц от нервной системы» – Прим. авт.)
³⁰ Бессрочная паспортная книжка Николая Николаевича Мартьянова, выданная Управлением Минусинской народной милиции 26.08.1917. С.4. Фотокопия. Личный архив автора.
³¹ ЦИАМ. Ф.418. О.327. Д.1426. Л.12.
³² Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биограф. слов. Хэмден, Коннектикут ; Сан-Франциско ; СПб.: [б. и.], 2005. – С. 331–332.
³³ Александр Генис, упоминает об эсере Мартьянове, известном тем, «что он промахнулся, стреляя в Ленина», см. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=1481&page=17>
³⁴ Eva Drasarova. Частное сообщение от 12.10.2011. Личный архив автора.
³⁵ Milada Sekyrková. Частное сообщение от 28.10.2011. Личный архив автора.
³⁶ Student catalogue of the Faculty of Arts of the Charles University in Prague, Semester 1919/20, 1920, 1920/21, fund Charles University in Prague 1881-1950, Archive of the CU Prague.
³⁷ ГАРФ, Картотека. Ящик «МАР 2/8/121».
³⁸ Eva Drasarova. Частное сообщение от 12.10.2011. Личный архив автора.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Ежеднев. орган независимой рус. полит. дем. мысли [затем Орган рус. дем. мысли] / Ред. С.Я. Шклявер; с 12 марта 1921 под ред. В.П. Крымова; с 5 авг. 1921 при ближайшем участии П.Н. Милукова, под ред. С.Л. Полякова-Литовцева и Л.М. Неманова; с нач. 1922 при ближайшем участии В.М. Зензинова, С.П. Постникова, В.М. Чернова, Н.С. Русанова, М.Л. Слонима, В.В. Сухомлина, В.И. Лебедева и др; с 14 апр. 1922 под ред. Н.Н. Мартьянова. Б., 1919, февр. — 1922, 15 окт. № 1–1085. Далее газ. “Дни” (Источник: Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press ; М.: Русский путь, 1996. С.409.). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://aleho.narod.ru/book/gazety.htm>
⁴² Электронный ресурс. Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/books/html/ukazatel.html>
⁴³ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ancestry.com>
⁴⁴ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://grebensh.narod.ru/churaev.htm>
⁴⁵ Jocelyn Wilk. Частное сообщение от 1.12.2011. Личный архив автора.
⁴⁶ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ancestry.com>
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Александров Е.А. Русские в Северной Америке : биограф. слов. Хэмден, Коннектикут ; Сан-Франциско; СПб.: [б. и.], 2005. – С. 331–332.
⁴⁹ Искра Ильича. № 199, 18.12.1964; см. также Мир праху. Честь имени: минусинский некрополь. Минусинск : Надежда и Мы, 2009. Кн. 1. С. 167.
⁵⁰ Электронный ресурс. Режим доступа www.memorial.krsk.ru
⁵¹ Чашина Л.П. Документы семьи Мартьяновых в фондах Минусинского госархива // Мартьяновские краеведческие чтения (1989–1999 гг.): сб. докладов и ст. Минусинск, 1999. –С.17–23.
⁵² Издавался ежегодно, начиная с 1941 года. Отрывные календари и табель-календари, в названии которых сохранена фамилия Мартьянова (Martianoff Calendars), издаются до настоящего времени. – Прим. авт.

Л.П. Чашина,
г. Минусинск

Федот Самков — строитель первого каменного здания с. Минусинского

Многие минусинцы, бывая в Спасском соборе, мало обращают внимания на угловое одноэтажное здание, расположенное справа от ворот, считая его подсобным помещением. На вид оно ничем не примечательно. Здесь размещаются кухня и столовая собора.

Немногие знают, что это самое первое каменное здание с. Минусинского, которому уже более двухсот лет.

В городском архиве в фонде Минусинского волостного правления в деле по устройству в с. Минусинском богадельни имеется приговор волостного схода, который гласит: «1809 года октября 27 дня в Минусинском волостном правлении... собравшиеся разных селений выборные и крестьяне по выслушании ордера его высокопревосходительства Томского гражданского губернатора и кавалера»

лера Франца Абрамовича... о заведении в сёлах при церквях для нищих, престарелых, дряхлых, увечных и не имеющих сил стяжать собственным своим трудом пропитание, села Минусинского крестьянин Федот Самков объявил, что он, приходя в сожаление таковым неимущим, из вечного своего человеколюбия и исполнения воли его императорского величества обязуется пожертвованием своим для помещения таковых мужска и женска пола людей выстроить в селе Минусинском на собственные свои капиталы каменную богадельню длиною на 6 сажений, шириной на 3 сажени нижеследующим образом: чтоб во оной было 2 горницы: одна мужская, а другая женская, в середине – сени. В каждой горнице по одной печи, покрыта тесом... И что к обустройству оной будет нужно, кроме содержания, пропитания и одеяния нищих, употребить собственное своё, которую выстроить будущего 1810 года летом безо всяких ... отговорок...».¹

Богадельня была построена к 1811 г. В ведомостях по Спасской церкви указывается год постройки и 1809, и 1811. Первоначально в богадельню было помещено 5 человек со всей волости: 2 поселенца, 2 вдовы и отставной солдат из с. Шушенского Захар Черных. Здание использовалось под богадельню до 1892 г. С ростом населения уже не села, а города была построена новая богадельня напротив Спасского собора (ныне здание воскресной школы). Старая богадельня служила хранилищем для церковных метрических книг и других документов. В 90-е гг. XX в. здесь размещалась воскресная школа, открытая при Спасском соборе.

Федот Кузьмич Самков был в с. Минусинском общественно значимым, уважаемым лицом, делателем, но явно не дипломатом. В 1802 г. его выбрали на должность волостного старосты на будущий 1803 г. Однако, через несколько месяцев Самков был смещён с должности за грубость с заседателем Красноярского земского суда Людвигом Врублевским. Он посмел отказать высокому начальнику в лошадях для поездки по волости, за что был бит Врублевским. Заседатель подал жалобу на Самкова за грубость, а тот слёг в постель и демонстрировал синяки от побоев крестьянам. Чтобы не раздражать начальство избрали нового старосту Герасима Быкова. Сей инцидент только добавил авторитета Самкову, поэтому в 1805 г. его избирают волостным головой и на 1806 г. Но руководящие должности не по его кипучему и честному характеру, Федот Кузьмич уходит в строители. И делает это так хорошо, что ему поручают возводить все общественно значимые здания.

В 1808 г. он подрядяется построить запасной магазин для хранения зерна в с. Минусинском «8-ми угловой с крыльцом, крышей и всеми принадлежащими вещами», имеются ввиду сусеки, запоры, замок. Железо было в дефиците, но Самкову помогал родной брат Семён Кузьмич – кузнец, жил он в Теси.² В 1809-10 гг. он строит богадельню. В 1810 г. подрядяется строить в 1811 г. новое здание для волостного правления, поскольку старое здание пришло в ветхость «и по неудобности состоящего близ церкви и к окнам выстраивающейся богадельни».³

В 1813 г. было разрешено правлению заниматься продажей соли. Самков нанимается строить соляной «анбар» для хранения и продажи соли.⁴ Таковы известные строительные дела Федота Самкова.

Возвращаясь к его человеколюбию, следует сказать, что жертвовал он на разные нужды, в т. ч. и в 1807 г. на ополчение в войне с французами.⁵

О семье Самкова известно, что в 1829 г. ему было 60 лет, жене его Дарье Степановне 52 года, сыну Дмитрию 32 года, его жене Анисье – 34 года. Были также сыновья Ипполит, Иван, дочь Евдокия.⁶

2011

Примечания:

¹ МКУ « Архив города Минусинска». Ф.34. О.1. Д.258. Л.17(об.)

² Ф.34. О.1. Д.194. Л.8

³ Там же. Л.10.

⁴ Там же. Л.27

⁵ Ф.34. О. 1.Д. 186. Л.59

⁶ Ф.17. О. 1.Д. 11. Л.8(об.)

Аббревиатуры, встречающиеся в тексте

АМКМ – архив Минусинского краеведческого музея;
АН СССР – Академия наук СССР;
АССР – Автономная Советская Социалистическая республика;
ВАШППО – Военная авиационная школа пилотов первоначального обучения;
ВАШСБ – военная авиационная школа стрелков-бомбардировщиков;
ВВП – валовый внутренний продукт;
ВВС – воздушные вооружённые силы;
ВНИРО – Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанологии;
ВТО – Всемирная торговая организация;
ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет;
ГАРХ – Государственный архив Республики Хакасия;
ГКО СССР – Государственный комитет обороны Союза Советских Социалистических республик;
ГНИЦПМ МЗ России – Государственный научно-исследовательский центр профилактической медицины Министерства здравоохранения России;
ГОСТ – государственный стандарт;
ГУЛАГ – Государственное управление лагерями;
ДЗОТ – деревоземляная огневая точка;
ИАП – истребительный авиационный полк;
ИРГО, РГО – Императорское Русское географическое общество, Русское географическое общество;
КВЖД – Китайская восточная железная дорога;
КГКУ «ГАКК», ГАКК – краевое государственное казённое учреждение «Государственный архив Красноярского края»;
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока;
ЛЗУ – лесозаготовительное управление;
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР;
МГГА – Минусинский городской государственный архив;
МГУ – Московский государственный университет;
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации;
МКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова;
МНП – Министерство народного просвещения;
МОБУ – муниципальное образовательное бюджетное учреждение;
МОУ – муниципальное образовательное учреждение;
МТС – машинотракторная станция;
НИИ – научно-исследовательский институт;
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел;
НКО – народный комиссариат обороны;
НОУ – научное общество учащихся;
ОГПУ – отдел главного политического управления;
ОФ – основной фонд;
ПВО – противовоздушная оборона;
РАН – Российская Академия наук;
РПУ – районное производственное управление;
РПЦ – Русская Православная Церковь;
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия;
РСУ – ремонтно-строительное управление;

РФ – Российская Федерация;
СибВО – Сибирский военный округ;
СМИ – средства массовой информации;
СНК – Совет народных комиссариатов;
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук;
СОШ – средняя образовательная школа;
ССУЗ – среднее специальное учебное заведение;
ТИГИ – Тувинский институт гуманитарных исследований;
ТНР – Тувинская народная республика;
УК – Уголовный кодекс;
УПХ – учебно-производственное хозяйство;
ФЗО – фабрично-заводское обучение;
ФСБ – Федеральная служба безопасности;
ХГУ – Хакасский государственный университет;
ЦАМО РФ – Центральный Архив Министерства обороны Российской Федерации;
ЦБС – Центральная библиотечная система;
ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Тыва;
ЦИК – Центральный исполнительный комитет;
ЦК ВЛКСМ – Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи;
ЦС ОСОАВИХИМ – Центральный совет Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству;
ШМАС – школа младших авиационных специалистов;

СПИСОК АВТОРОВ

Аланд Елена Юрьевна, научный сотрудник, Таштыпский краеведческий музей, с. Таштып, Республика Хакасия;

Андрияшева Нина Ивановна, директор музея, Абазинский историко-краеведческий музей, г. Абаза, Республика Хакасия;

Артамонова Надежда Яковлевна, д.и.н., профессор, ХГУ им. Н.Ф.Катанова, г. Абакан;

Базыр Лидия Канн-ооловна, музейный педагог, Национальный музей им. Алдан – Маадыр, г. Кызыл, Республика Тыва;

Баранцева Наталья Анатольевна, к.и.н., ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Баяндин Леонид Николаевич, директор музея, краеведческий музей Алтайского района, с. Белый яр, Республика Хакасия;

Белова Мария, с. Шалаболино, Курагинский р-он;

Белошапкина Галина Михайловна, руководитель школьного музея, Гимназия №1, г. Минусинск;

Березовский Александр Яковлевич, краевед, с. Шира, Республика Хакасия;

Бернятцкая Тамара Милендьевна, директор музея, Краснотуранский историко-этнографический музей, с. Краснотуранское;

Болотников Алексей Константинович, краевед, с. Тесь, Минусинский район;

Боярченко Ольга Ивановна, главный хранитель, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.Мартьянова, г. Минусинск;

Броднева Адель Владимировна, директор музея, Литературный музей им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Булгакова Виолетта Владимировна, заведующая центром «БиблиоВита», ЦБС, г. Кемерово;

Бурнаков Венарий Алексеевич, к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск;

Ващенко Елена Николаевна, психолог, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск;

Вдовин Александр Сергеевич, к.и.н., КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Верещагина Татьяна Евгеньевна, директор музея, Туранский музей им. Сафьяновых, г. Туран, Республика Тува;

Воеводин Трофим Викторович, ст. научный сотрудник, Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», г. Кемерово;

Волкова Татьяна Викторовна, студентка, 3 курс, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Гельд Надежда Николаевна, учитель географии, МОБУ «СОШ №4», г. Минусинск;

Герман Александр, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Голованенко Наталья Александровна, заместитель директора, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск;

Горячева Алина Александровна, студентка, 4 курс, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Гусева Галина Дмитриевна, директор, ЦБС, г. Минусинск;

Дмитриенко Ирина Николаевна, педагог, МКОУ Большееничкинская СОШ №5, с. Большая Ничка, Минусинский район;

Дыртык-оол Майя Оюновна, главный специалист отдела истории, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл;

Ермилова Валентина Васильевна, научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск;

Ермолаева Людмила Николаевна, директор музея, Засл. работник культуры РФ, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск;

Жужгина Елена Георгиевна, ст. научный сотрудник, краеведческий музей, г. Саяногорск;

Заика Александр Леонидович, к.и.н., КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Зарубенко Александра Васильевна, краевед, клуб «Краевед», г. Минусинск;

Злобин Михаил Васильевич, краевед, клуб «Краевед», г. Минусинск;

Калюга Антонина Евгеньевна, начальник архивного отдела Курагинского района, с. Курагино, Курагинский район;

Канкеева Галина Георгиевна, журналист, общественно-политическая газета «Власть труда», г. Минусинск;

Кискидосова Татьяна Александровна, к.и.н., ХакНИИЯЛи, г. Абакан;

Комарова Тамара Семёновна, научный сотрудник, КККМ, г. Красноярск;

Кононова Наталья Владимировна, ст. научный сотрудник, ГИЭМЗ «Шушенское», пос. Шушенское, Шушенский район;

Кочкина Елена Игоревна, студентка, 2 курс, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;

Кривченко Любовь Анатольевна, гл. специалист, Государственный архив Хабаровского края, г. Хабаровск;

Кудрявцева Ирина Григорьевна, преподаватель, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск;

Кузьминых Сергей Владимирович, к.и.н., институт археологии РАН, г. Москва;

Леонтьев Евгений Викторович, ст. научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, г. Минусинск;

Леонтьева Наталья Петровна, преподаватель истории, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск;

Леончик Сергей Владимирович, д.и.н., Председатель правления культурно-национальной общественной организации «Полония», г. Абакан, Республика Хакасия;

Лушников Виктор Климентьевич, аспирант, 2 курс, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Маерков Павел Олегович, Дом детского творчества, г. Боготол;

Малашин Геннадий Викторович, руководитель инф.-аналитического и издательского отдела Красноярской епархии, г. Красноярск;

Малкова Н.С., краевед, г. Красноярск;

Мамышева Елена Петровна, доцент, ХГУ им. Н.Ф.Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия;

Махина Светлана Васильевна, ведущий библиотекарь, научная библиотеки филиала КГТЭИ, г. Минусинск;

Махно Юрий Карпович, доцент, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Медведева Лариса Михайловна, учитель русского языка, МОБУ «СОШ №16», г. Минусинск;

Мельникова Валентина Михайловна, ст. научный сотрудник, ГИЭМЗ «Шушенское», пос. Шушенское, Шушенский рай-он;

Меркина Татьяна Александровна, руководитель музея, школьный историко-краеведческий музей, МОУ Новосыдинская СОШ, с. Новая Сыда, Краснотуранский район;

Монгуш Шолбана Хонук-ооловна, научный сотрудник, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл;

Монгуш Кара-кыс Шугдур-ооловна, зав. отделом природы, Национальный музей им. Алдан – Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл;

Москвина Елена Альбертовна, ст. научный сотрудник, Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница», г. Кемерово;

Мохова Анна Владимировна, аспирантка, 4 курс, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакасия;

Муковозчикова Елена Николаевна, Дом детского творчества, г. Боготол;

Наумов Владимир Александрович, учитель истории, СОШ № 6, г. Боготол;

Негодина Ирина Ивановна, зав. филиалом №2, Минусинский музей им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск;

Оплаканская Рената Валерьевна, доцент, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Перезовова Валентина Александровна, к.х.н., филиал КГТЭИ, г. Минусинск;

Пилипенко Владимир Семёнович, ст. научный сотрудник, литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк;

Погребняк Александр Иванович, к.и.н., доцент, филиал КГТЭИ, г. Минусинск;

Порошина Людмила Ивановна, ст. научный сотрудник, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск;

Потылицын Егор Михайлович, сотрудник Миссионерского отдела, Спасский Собор, г. Минусинск;

Прозорович Ольга Вячеславовна, ст. научный сотрудник, Музей г. Северска, г. Северск;

Романченко Мария Васильевна, учитель истории, СОШ № 9, с. Алексеевка, Курагинский район;

Рябчевская Татьяна Ивановна, гл. хранитель, Ачинский краеведческий музей им. Д.С. Каргаполова», г. Ачинск;

Светачёва Ульяна, студентка, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Сёмочкина Валентина Фёдоровна, руководитель научно-краеведческого объединения «Моя Малая Родина», Централизованный Шалоболинский сельский Дом культуры, с. Шалаболино, Курагинский район;

Сидорина Елена Юрьевна, заведующая научной библиотекой Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова, г. Минусинск;

Скоробогатова Наталья Николаевна, ст. научный сотрудник, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», пос. Шушенское, Шушенский район;

Султанбаева Клавдия Ивановна, к.п.н., доцент, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;

Терентьева Валентина Ивановна, зам. директора, Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», пос. Шушенское, Шушенский район;

Тимофеев Александр Николаевич, краевед, г. Красноярск;

Титова Виктория Сергеевна, с. Курагино;

- Ткачѐва Елена Викторовна**, руководитель музея, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск;
- Троякова Юлия Константиновна**, к.и.н., ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;
- Трухан Елена Дмитриевна**, директор музея, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк;
- Угдыжеков Эдуард Валерианович**, к.и.н., с.н.с. РГНИУ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан;
- Устинова Наталья Григорьевна**, преподаватель, Минусинский сельскохозяйственный колледж, г. Минусинск;
- Филиппов Вячеслав Викторович**, директор, ООО «Реставрационные музейные мастерские», г. Красноярск;
- Хоменко Денис Юрьевич**, КГПУ им. В.П. Астафьева, г. Красноярск;
- Чащина Людмила Павловна**, зав. сектором НСА, Архив г. Минусинска, г. Минусинск;
- Чернышёва Вера Геннадьевна**, заведующая издательским отделом, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова, г. Минусинск;
- Чебодаева Валерия Павловна**, студентка, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан;
- Чипура Светлана Вячеславовна**, председатель городского координационного совета по экологическому образованию и воспитанию, г. Красноярск;
- Шадрин Афанасий Артемьевич**, краевед, почётный член клуба «Краевед», г. Минусинск;
- Шекшеев Александр Петрович**, к.и.н., г. Абакан, Республика Хакасия;
- Шрам Дарья Владимировна**, студентка, 4 курс, ХГУ им.Н.Ф. Катанова, г. Абакан;
- Янгулова Ирина Александровна**, зав. отделом библиографии, Национальная библиотека им. Н.Г. Доможакова, г. Абакан;

Мартьяновские краеведческие чтения (2010-2011)
(Сборник докладов и сообщений). Выпуск 7

Подписано в печать
Печать офсетная

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных оригинал-макетов в
ООО «Кооператив «Журналист», г. Абакан,